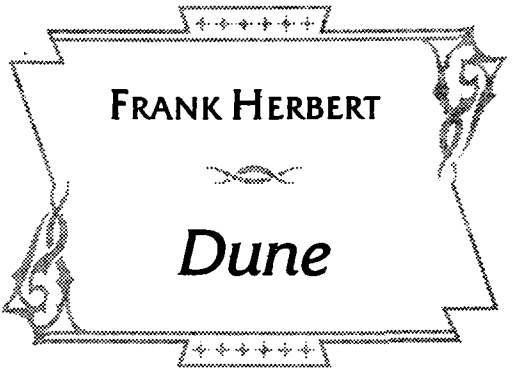
ДЮНА

Фрэнк Герберт

ДЮНА

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

Фрэнк Герберт


FRANK HERBERT
Dune

Фрэнк Герберт

Дюна

издательство
МОСКВА

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
Г37

Frank Herbert
DUNE

Перевод с английского П. Вязникова

Печатается с разрешения Herbert Limited Partnership
и литературных агентств William Morris Agency Inc.
и Andrew Nurnberg.

Герберт, Ф.
Г37 Дюна : [роман] / Фрэнк Герберт; пер. с англ. П. Вязникова. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. — 732, [4] с.

ISBN 978-5-17-010356-0 (ООО «Издательство АСТ») (С.: ЗБФ)
ISBN 978-5-9713-3987-8 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)
Серийное оформление А.А. Кудрявцева
Компьютерный дизайн А.С. Сергеева

ISBN 978-5-17-042134-3 (ООО «Издательство АСТ») (С.: ЗБФ-2)
ISBN 978-5-9713-4547-3 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)
Художник М.Н. Калинкин
Компьютерный дизайн С.В. Шумилина

В «Дюне» Фрэнку Герберту удалось совершить невозможное — создать своеобразную «хронику далекого будущего». И не было за всю историю мировой фантастики картины грядущего более яркой, более зримой, более мощной и оригинальной.

Цикл «Дюна» был и остается уникальным явлением — самым грандиозным, самым дерзким, самым масштабным творением за всю историю мировой фантастики.

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Frank Herbert, 1965
© Перевод. П. Вязников, 1999
© ООО Издательство «АСТ МОСКВА», 2008

КНИГА I
ДЮНА

Начало есть время, когда следует позаботиться о том, чтобы все было отмерено и уравновешено. Это знает каждая сестра Бе́не Гессери́т. Итак, приступая к изучению жизни Муад'Диба, прежде всего правильно представьте время его: рожден в пятьдесят седьмой год правления Падишах-Императора Шаддама IV. И с особым вниманием отнеситесь к его месту в пространстве: планете Арракис. Пусть не смутит вас то, что родился он на Каладане и первые пятнадцать лет своей жизни провел на этой планете: Арракис, часто называемой также Дюной, — вот место Муад'Диба, вовеки.

(Из учебника «Жизнь Муад'Диба» принцессы Ирулан)

За неделю до отлета на Арракис, когда суета приготовлений и сборов достигла апогея, превратившись в настоящее безумие, какая-то сморщенная старуха пришла к матери Пауля.

Над замком Каладан стояла теплая ночь, но из древних каменных стен, двадцать шесть поколений служивших роду Атрейдесов, как всегда перед сменой погоды, выступил тонкий, прохладный налет влаги.

Старуху впустили через боковую дверь, провели сводчатым коридором мимо комнаты Пауля, и она, заглянув в нее, увидела лежащего в постели юного наследника.

В тусклом свете плавающей лампы, притушенной и висящей в силовом поле у самого пола, проснувшийся мальчик увидел в дверях грузную женщину — та стояла на шаг впереди его матери. Старуха походила на ведьму: свалявшаяся паутина волос, подобно капюшону, затеняла лицо, на котором ярко сверкали глаза.

— Не маловат ли он для своих лет, Джессика? — спросила старуха. У нее была одышка, а резкий, дребезжащий голос звучал как расстроенный балисет.

Мать Пауля ответила своим мягким контральто:

— Все Атрейдесы взрослеют поздно, Преподобная.

— Слыхала, — проскрипела старуха. — Но ему уже пятнадцать.

— Да, Преподобная.

— Ага, он проснулся и слушает! — Старуха всмотрелась в лицо мальчика. — Притворяется, маленький хитрец! Ну, да для правителя хитрость не порок... А если он и впрямь Квиса́тц Хаде́рах — тогда... впрочем, посмотрим.

Пауль, укрывшись в тени своего ложа, смотрел на нее сквозь прикрытые веки. Ему казалось, что два сверкающих овала — глаза старухи — увеличились и засияли внутренним светом, встретившись с его взглядом.

— Спи, спи пока спокойно, притворщик, — проговорила старуха. — Выспись как следует: завтра тебе понадобятся все силы, какие у тебя есть... чтобы встретить мой гом джаббар...

С этим она и удалилась, вытеснив мать Пауля в коридор, и захлопнула дверь.

Пауль лежал и думал. Что такое гом джаббар?

Старуха была самым странным из всего, что он видел за эти дни перемен и суеты сборов.

Преподобная...

Эта «Преподобная» называла его мать просто «Джессика», словно простую служанку. А ведь его мать — Бе́не Гессери́т, леди, наложница герцога Лето Атрейдиса, родившая ему наследника!

Но гом джаббар... что это? Нечто связанное с Арракисом? Что-то, что он должен узнать до того, как отправиться туда?

Он беззвучно повторил эти странные слова: «гом джаббар», «Квисатц Хадерах»...

Предстояло узнать столько нового! Арракис так отличался от Каладана, что голова Пауля шла кругом от обилия новых сведений.

Арракис — Дюна — Планета Пустыни.

Суфир Хават, старший мастер-асассин при дворе его отца, объяснял ему, что Харконнены, смертельные враги дома Атрейдес, восемьдесят лет властвовали над Арракисом — он был их квазиленным владением по контракту на добычу легендарного гериатрического снадобья, Пряности Пряности, меланжи — контракту, заключенному с Харконненами компанией КООАМ. Теперь Харконнены уходили, а на их место, но уже с полным леном, приходили Атрейдесы — и бесспорность победы герцога Лето Атрейдеса была очевидна. Хотя... Хават еще говорил, что в такой очевидности таится смертельная угроза, ибо герцог Лето слишком популярен в Ландсрааде Великих Правящих Домов. «А чужая слава — основа зависти владык», — сказал тогда Хават.

Арракис — Дюна — Планета Пустыни...

Пауль спал. Ему снилась какая-то пещера на Арракисе, молчаливые люди, скользящие в неясном свете плавающих в воздухе ламп. И тишина — торжественная тишина храма, нарушаемая только отчетливо отдающимися под сводами звуками часто падающих капель: кап-кап-кап... Пауль даже в забытьи чувствовал, что не забудет это видение — пробуждаясь, он всегда помнил сны, содержащие предсказание...

Видение становилось все более зыбким и наконец растаяло.

Пауль лежал в полудреме и думал. Замок Каладан, в котором он не знал игр со сверстниками, пожалуй, вовсе не заслуживал грусти при расставании. Доктор Юйэ, его учитель, намекнул, что на Арракисе классовые рамки кодекса Фафрелах не соблюдаются так строго, как здесь. Люди там живут в пустыне, где нет каидов и башаров Императора, чтобы командовать ими. Люди, подчиняющиеся лишь Воле Пустыни, фримены, «Свободные» — не внесенные в имперские переписи...

Арракис — Дюна — Планета Пустыни...

Пауль почувствовал охватившее его напряжение и применил один из приемов подчинения духа и тела, которым научила его мать. Три быстрых коротких вдоха — и привычная реакция: он словно поплыл, концентрируя при этом свое внутреннее «я»: *...аорта расширяется... созна-*

ние сфокусировано... сознание контролируется полностью: я могу управлять сознанием, включать и выключать по собственному желанию... моя кровь насыщается кислородом и омывает им перегруженные участки... невозможно получить пищу, безопасность и свободу, пользуясь одним лишь инстинктом... разуму животного не дано выйти за пределы момента или осознать, что оно само может уничтожить свою добычу... животное разрушает, а не создает... удовольствия животного остаются на уровне чувственного восприятия, не возвышаясь до осознания... человек нуждается в системе координат для восприятия мира... концентрируя сознание, я создаю такую систему... единство тела следует за работой нервной и кровеносной систем — согласно нуждам самих клеток... все сущее, все предметы, все живое — все непостоянно... необходимо стремиться к постоянству изменчивости внутри себя...

Снова и снова повторялся этот урок в плывущем сознании Пауля.

Когда же сквозь шторы проник желтый свет утра, Пауль почувствовал его сквозь сомкнутые веки, открыл глаза и услышал, что в замке возобновилась суета. Увидел над собой знакомую резьбу потолочных балок...

Отворилась дверь, и в спальню заглянула мать: волосы цвета темной бронзы перевиты черной лентой, черты лица неподвижны и зеленые глаза торжественно-строги.

— Проснулся? — спросила она. — Хорошо выспался?

— Да.

Пауль пристально смотрел на нее, пока мать выбирала одежду, примечая непривычную суровость, напряженные плечи... Никто другой не разглядел бы этого, но Джессика сама обучала его тайнам Бене Гессерит, заставляла обращать внимание на мельчайшие детали.

Она повернулась, держа в руках полуофициальную куртку с красным соколом — гербом дома Атрейдес — на нагрудном кармане.

— Одевайся быстрее. Преподобная Мать ждет тебя.

— Когда-то, давно, она приснилась мне... Кто она такая?

— Моя бывшая наставница в школе Бене Гессерит. Сейчас она — личная Правдовидица Императора. И, Па-

уль... — мать на мгновение умолкла, — Пауль, ты должен рассказать ей о своих снах.

— Хорошо. Мы получили Арракис благодаря ей?

— Мы еще не получили его. Он не наш... — Джессика стряхнула пылинки с одежды и повесила брюки вместе с курткой на стойку у постели. — Не заставляй Преподобную дожидаться тебя...

Пауль сел, обхватил колени.

— А что такое гом джаббар?

И снова материнская наука позволила Паулю заметить ту неуловимую, чуть заметную дрожь, которую он мог истолковать только как страх.

Джессика подошла к окну, раздвинула шторы и посмотрела туда, где за приречными садами возвышалась гора Сиуби.

— Ты узнаешь, что такое... гом джаббар... очень скоро.

В ее голосе он отчетливо услышал нотки страха и изумился вновь.

Не оборачиваясь, Джессика произнесла:

— Преподобная Мать ждет тебя в моей утренней приемной. Поторопись.

Преподобная Мать Гайя-Елена Мохийам сидела в обитом гобеленовой тканью кресле, разглядывая подходивших к ней женщину и ее сына. Из окон по обе стороны кресла открывался великолепный вид на южную излучину реки и зеленые поля владений Атрейдесов, но Преподобная не обращала на эту красоту никакого внимания. Утром она особенно сильно чувствовала свой возраст и оттого была раздражительна. В дурном самочувствии она винила космический перелет и общение с проклятой Гильдией Космогации. Ох уж эта Гильдия с ее тайными интригами!.. Но здесь ее ждало дело, требующее личного внимания Бене Гессерит с Проникающим взором. Даже личная Правдовидица Падишах-Императора не может отказаться исполнить свой долг.

«Проклятие этой Джессике! — думала Преподобная Мать. — Если бы только она родила нам не сына, а дочь, как мы приказывали ей!..»

Джессика остановилась в трех шагах от кресла и присела в легком реверансе — левая рука изящно скользнула вдоль юбки. Пауль коротко поклонился: по этикету — «приветствие того, в чьем статусе не уверен».

Преподобная Мать не преминула отметить это.

— А он осторожен, Джессика, — промолвила она.

Ладонь Джессики, лежавшая на плече сына, сжалась. На мгновение, за которое сердце сделало один удар, он почувствовал, как тонкие пальцы ее дрогнули — от страха. Затем она вновь овладела собой.

— Так его учили, Преподобная.

«Чего она боится?» — в который раз подумал Пауль.

Короткое мгновение глаза старухи изучали его: овал лица — как у Джессики, но мальчик пошире в кости... волосы отцовские, черные как вороново крыло, но их линия надо лбом напоминает о деде по матери, имя которого нельзя называть... а этот тонкий надменный нос, разрез прямо смотрящих зеленых глаз — наследство Старого Герцога, деда по отцовской линии. *Этот* дед уже умер.

«Да, вот был человек, который даже в смерти знал цену и силу храбрости!» — подумала Преподобная.

— Одно дело учение, — сказала она, — совсем иное — основа... Посмотрим.

Старуха метнула на Джессику короткий взгляд.

— Оставь нас. Налагаю на тебя урок. Ступай, совершенствуйся в умиротворяющей медитации, укрепляй спокойствие духа.

Джессика сняла руку с плеча Пауля.

— Преподобная, я...

— Ты знаешь, Джессика, что *это* необходимо.

Пауль озадаченно посмотрел на мать.

Та выпрямилась.

— Да... конечно...

Мальчик снова обернулся к Преподобной. Покорность и очевидный страх, которые его мать испытывала перед старухой, призывали к осторожности. Но он чувствовал также исходящие от матери гнев и опасение.

— Пауль, — Джессика глубоко вздохнула, — испытание, которое тебе предстоит... Оно очень много значит для меня.

— Испытание?

— Помни, что ты — сын герцога, — сказала Джессика, резко повернулась и вышла из залы, прошелестев тканью юбок. Дверь плотно затворилась.

Пауль, сдерживая гнев, спросил:

— Можно ли отсылать леди Джессику как простую служанку?

Улыбка тронула уголки сморщенных губ.

— А леди Джессика и была моей служанкой, мальчик, все четырнадцать лет в нашей школе. — Старуха покивала. — И кстати, неплохой служанкой. Теперь подойди ко мне!

Приказ прозвучал как удар бича, и Пауль повиновался прежде, чем понял, что делает.

«Она использует Голос», — подумал он и остановился по жесту старухи у самых ее ног.

— Ты видишь это? — сказала она, извлекая откуда-то из складок облачения куб из зеленоватого металла, со стороной сантиметров в пятнадцать. Она повернула куб, и Пауль увидел, что одна из граней открыта — внутри была странно пугающая темнота, казалось, полностью поглощавшая свет.

— Вложи сюда руку, — приказала старуха.

Почувствовав внезапный укол страха, Пауль отшатнулся, но старуха остановила его:

— Так-то ты слушаешься свою мать?

Он взглянул в ее блестящие, как у птицы, глаза. Медленно, ощущая давление чужой воли, но не в силах противостоять ей, вложил руку в ящичек. Темнота поглотила ее, и Пауль почувствовал холодок, затем гладкий металл под пальцами и какое-то покалывание, будто ладонь затекла и теперь отходила.

На лице старухи появилось хищное выражение. Она подняла правую руку с коробки и положила на его плечо, рядом с шеей. Пауль заметил уголком глаза блеск металла и начал было поворачивать голову...

— Стой! — каркнула она.

Снова она использует Голос!.. Взгляд Пауля вернулся к лицу старухи.

— У твоей шеи я держу гом джаббар, — отчетливо произнесла она. — Гом джаббар, враг высокомерия. Это

игла с каплей яда на острие. А! Не отдергивай руку, не то испытаешь его на себе.

Пауль попытался сглотнуть, но горло пересохло, и он не мог оторвать взгляд от изборожденного морщинами лица — сверкающие глаза, бледные десны и серебристые металлические зубы, поблескивающие, когда она говорила...

— Сын герцога должен кое-что знать о ядах, — сказала старуха. — В такие уж времена мы живем, верно? Мускú в кубке, áумас на блюде... Быстрые, медленные, и те, что посредине. Этот яд — новый для тебя, гом джаббар: он убивает только животных.

Гордость оказалась сильнее страха.

— Ты смеешь предполагать, что сын герцога — животное?! — гневно спросил Пауль.

— Скажем так: я допускаю, что ты можешь оказаться человеком, — усмехнулась она. — Спокойно! Не пытайся уклониться. Я, конечно, стара, но моя рука всадит эту иглу в твою шею раньше, чем ты успеешь отпрянуть...

— Кто ты? — прошептал Пауль. — Какой хитростью сумела вынудить мать оставить меня наедине с тобой? Ты служишь Харкóнненам?

— Харконненам?! Еще чего не хватало! Ну довольно, молчи. — Сухой палец прикоснулся к его шее, но мальчик сумел сдержать невольное желание отпрянуть.

— Недурно, — сказала она. — Первое испытание ты, будем считать, выдержал. А вот что будет теперь: если только ты выдернешь руку из ящика, ты умрешь. Это единственное правило. Держишь руку внутри — живешь. Выдергиваешь — умираешь.

Пауль глубоко вдохнул, усмиряя дрожь.

— Если я закричу, через несколько секунд тут будут слуги. И тогда умрешь ты.

— Слугам не войти сюда: твоя мать стоит на страже у дверей. Поверь мне. Когда-то твоя мать выдержала это испытание; теперь твоя очередь. Ты можешь гордиться: нечасто мы допускаем к этому испытанию мальчиков...

Любопытство было слишком сильно, оно помогло преодолеть страх, довести его до терпимого уровня. Старуха говорила правду, сомневаться не приходилось: Пауль су-

дил по ее интонации. Если мать действительно сторожит дверь... если это действительно лишь испытание... Как бы то ни было, он попался, и старческая рука крепко держит его. Гом джаббар. Он мысленно произнес формулу-заклинание против страха из ритуала Бене Гессерит, которому научила его мать.

Я не боюсь, я не должен бояться. Ибо страх убивает разум. Страх есть малая смерть, влекущая за собой полное уничтожение. Я встречу свой страх и приму его. Я позволю ему пройти надо мной и сквозь меня. И когда он пройдет через меня, я обращу свой внутренний взор на его путь; и там, где был страх, не останется ничего. Останусь лишь я, я сам.

Пауль почувствовал, как вместе со знакомыми словами спокойствие вернулось к нему.

— Начинай, старуха, — надменно сказал он.

— Старуха! — каркнула она. — А ты храбрец, в этом тебе не откажешь. Н-ну что ж, посмотрим... — Она наклонилась ближе и понизила голос до шепота: — Сейчас твоей руке станет больно. Очень больно. Но помни! Чуть только ты отдернешь ее — я коснусь твоей шеи гом джаббаром. Смерть будет быстрой, как топор палача. Вынешь руку — и тотчас гом джаббар убьет тебя. Ты хорошо понял?

— Что в этом ящике?

— Боль.

Он почувствовал, что покалывание в ладони усилилось, и сжал губы. *Что можно испытать таким образом?* Покалывание переросло в сильный зуд.

Старуха заговорила:

— Ты слыхал, как животные отгрызают себе лапу, зажатую капканом? Это типичная реакция животного. Человек же на их месте остался бы в капкане, преодолев боль, и, прикинувшись мертвым, дождался бы того, кто поставил капкан, чтобы убить его и этим отвести угрозу от своих собратьев!

Зуд превратился в слабое жжение.

— Зачем ты делаешь это? — спросил Пауль.

— Чтобы определить, человек ли ты. Молчи.

Пауль сжал левую руку в кулак: жжение в правой усиливалось все больше, все росло... жар внутри куба нарастал... нарастал... Он попробовал сжать пальцы правой руки, но не мог пошевелить ими.

— Жжет, — прошептал он.

— Молчи.

Боль пульсировала в его ладони. На лбу выступил пот. Все тело кричало, приказывая немедленно выдернуть руку из этой жаровни... но... гом джаббар. Не поворачивая головы, Пауль скосил глаза, пытаясь увидеть страшную иглу возле своей шеи. Он вдруг обнаружил, что дышит, судорожно хватая ртом воздух, попытался успокоить дыхание — и не смог.

Какая боль!

Из его вселенной исчезло все, осталась лишь погруженная в боль рука и древнее лицо совсем рядом... изучающий взгляд...

Губы так высохли, что он едва смог разлепить их.

Какая боль!

Казалось, он видел, как кожа на его истязуемой руке чернеет и трескается, плоть обугливается и отпадает с обгоревших костей...

И тут все кончилось.

Боль исчезла, словно повернули выключатель (так оно и было).

Пауль ощутил, что его правая рука дрожит, а все тело мокро от пота.

— Довольно, — пробормотала старуха. — Ку́л вахáд! Ни одна из девочек никогда не выдерживала такого. Я, наверно, хотела, чтобы не выдержал и ты... — Она откинулась в кресле, убрала иглу с ядом от шеи мальчика. — Ну что же, вынь руку, *человек*... и посмотри на нее.

Борясь с болезненной дрожью, Пауль вгляделся в черный провал, где его рука, казалось, оставалась по собственной воле, независимо от него. Рассудок упрямо твердил, что, вытащив ладонь, он увидит обугленную культю...

— Ну же! — прикрикнула старуха.

Пауль рывком выдернул руку и изумленно посмотрел на нее. Никаких следов! Он пошевелил пальцами.

— Боль вызывается невроиндукцией, — объяснила старуха. — Нельзя же в самом деле калечить тех, кто может оказаться Человеком. Да, некоторые дорого заплатили бы за секрет этой штучки... — Она убрала коробочку обратно в складки мантии.

— Но боль... — начал Пауль.

— Боль! — фыркнула Преподобная. — Человек способен управлять любым нервом своего тела!

Пауль почувствовал боль в левой руке, с трудом разжал сведенный кулак, посмотрел на четыре кровавые отметины там, где в ладонь вонзились ногти. Уронил руку и перевел взгляд на старуху.

— Ты и с моей матерью это проделывала?

— Видел, как просеивают песок сквозь сито? — спросила она в ответ.

Тон вопроса подхлестнул его внимание. *Песок сквозь сито...* Он кивнул.

— А мы, Бене Гессерит, просеиваем людей, отделяя их от животных.

Он снова поднял руку, воскрешая воспоминание о боли.

— И все, что вам для этого надо, — боль? Это единственный критерий?

— Нет. Я наблюдала не за болью — за тобой в боли. Боль, мальчик, — это лишь ось всего испытания. Твоя мать рассказывала тебе о наших методах наблюдения, не так ли? Я вижу в тебе признаки учения. А наше испытание — это кризис и наблюдение.

Ее голос подтвердил, что она не лжет. Пауль кивнул:

— Ты говоришь правду.

Она уставилась на мальчика. Он чувствует правду! Неужели это... Неужели... Она подавила волнение, напомнив себе: «Надежда мешает вниманию».

— Ты видишь, когда люди верят в то, что говорят!

— Вижу.

В его голосе она слышала способности, неоднократно проверенные на практике. И, слыша их, произнесла:

— Возможно... возможно, ты и в самом деле Квисатц Хадерах... Сядь возле моих ног, маленький брат.

— Предпочитаю стоять.

— А твоя мать сидела когда-то у моих ног...

— Я — не она.

— Хм, похоже, особой любви я тебе не внушила, а? — Старуха посмотрела на закрытую дверь, позвала: — Джессика!

Дверь распахнулась. На пороге стояла Джессика; в ее глазах было неимоверное напряжение. Увидев Пауля, она чуть-чуть успокоилась. Ей даже удалось слабо улыбнуться.

— Джессика, ответь, ты по-прежнему ненавидишь меня? — спросила старуха.

— Я люблю и ненавижу одновременно, — откликнулась Джессика. — Ненависть — это причиненные тобой страдания. А любовь...

— А любовь — суть, только и всего, — сказала старуха, но голос ее смягчился, став почти ласковым. — Ты можешь войти, но молчи, не говори ничего. Закрой дверь и следи, чтобы нам не помешали...

Джессика закрыла дверь и устало прислонилась к ней. «*Мой сын жив*, — думала она. — Мой сын жив — и он... человек. Я знала, что он человек, но он... жив. Значит, и я могу жить...» Дверь за спиной была такой твердой и — реальной... Все в комнате просто-таки давило на нее.

Мой сын жив.

Пауль посмотрел на мать. «Старуха не соврала», — решил он. Хотелось уйти и побыть одному, обдумать случившееся, но он знал, что не сможет уйти без позволения. У старухи была над ним власть... Они обе говорили правду. Мать тоже прошла через это испытание, у которого должна быть очень важная цель... такая сильная боль и... страх... Пауль чувствовал за всем этим какую-то огромную и пугающую цель. Они действовали вопреки вероятности. И сами устанавливали свою цель, сами решали, что необходимо... Мальчик чувствовал, что и он заразился той же пугающей необходимостью и отныне движется к той же огромной и страшной цели. Но что это за цель, он еще не знал.

— Может быть, настанет день, — произнесла старуха, — и тебе, мальчик, точно так же придется стоять за дверью и ждать, как сегодня твоей матери. Это нелегко...

Пауль снова всмотрелся в свою правую руку, а затем поднял взгляд на Преподобную. Ее голос отличался от любого слышанного им ранее. Слова, казалось, были очерчены яркими, сияющими линиями, каждое из них имело острое лезвие... Пауль чувствовал, что любой заданный им вопрос может повлечь за собой ответ, который поднимет его над этим зримосуществующим и увлечет куда-то выше...

— Но зачем вы испытываете людей?

— Чтобы освободить их.

— Освободить?

— Когда-то человечество изобретало машины — в надежде, что они сделают людей свободными. Но это лишь позволило одним людям закабалить других с помощью этих самых машин...

— «Да не построишь машины, наделенной подобием разума людского», — процитировал Пауль.

— Верно, так заповедовано со времен Великого Джихада. Так записана эта заповедь в Экуменической Библии. Но только не так бы надо записать ее, а по-иному: «Да не построишь машины, наделенной подобием разума *человеческого*». Ты изучал ментата, который служит вашему Дому?

— Я *учился* вместе с Суфиром Хаватом.

— Великий Джихад лишил человечество костылей, — промолвила она. — Это заставило людей развивать свой мозг. И тогда появились школы, развивающие способности человека — именно человеческие способности.

— Ты говоришь о школах Бе́не Ге́ссерит?

Она кивнула.

— От школ того времени сохранились две: Бе́не Ге́ссерит и Гильдия Космогации. Гильдия, по нашим сведениям, занимается в основном чистой математикой. Бе́не Ге́ссерит интересует нечто другое...

— Политика, — утвердительно сказал Пауль.

— *Кул вахад*! — воскликнула изумленная старуха, бросив жесткий взгляд на Джессику.

— Я не говорила ему этого, Преподобная!

Преподобная Мать снова повернулась к Паулю.

— Ты сумел понять это по очень немногим косвенным данным... — проворчала она. — Действительно, можно сказать и так. Изначально учение Бене Гессерит было заложено теми, кто видел необходимость преемственности в жизни человечества. Они понимали также, что такая преемственность невозможна без разделения людей и животных — для наших евгенических программ.

...Внезапно слова старухи потеряли для Пауля свою сверкающую остроту. Он почувствовал: здесь нарушено то, что мать называла его «инстинктивным ощущением правды». Нет, Преподобная Мать не лгала ему. Совершенно очевидно, что она верит в сказанное. Тут было что-то, спрятанное гораздо глубже... нечто, связанное с той пугающей целью...

Он негромко заметил:

— Но моя мать говорила, что многие из Бене Гессерит не знают, от кого они происходят...

— Однако их генетические линии занесены в наши книги, — ответила старуха. — Твоей матери известно, что она либо происходит от Бене Гессерит, либо ее генетический код нас удовлетворил.

— Почему же тогда ей нельзя знать, кто ее родители?

— Некоторые из нас знают своих родителей, другие — многие! — нет. Допустим, мы можем планировать рождение ею ребенка от кого-то из близких родственников, чтобы закрепить доминанту в генетической линии. Могут быть и другие причины, множество причин...

И снова Пауль почувствовал нарушение истинности, снова сработало его «чувство правды».

— Много же вы на себя берете, — проговорил он.

Преподобная Мать пристально посмотрела на подростка. В его голосе прозвучала критика — она не ослышалась?

— У нас тяжелая ноша, — ответила она.

Пауль чувствовал, что совсем оправился от шока испытания гом джаббаром. Он испытующе взглянул на Преподобную:

— Ты говоришь, что я, возможно... Квисатц Хадерах. Что это такое? Человек — гом джаббар?

— Пауль, — остерегла его Джессика, — ты не должен разговаривать таким тоном с...

— Я сама разберусь, Джессика, — оборвала ее старуха. — Теперь следующее, молодой человек: что ты знаешь о Снадобье Правдовидиц?

— Его принимают для усиления способности распознавать обман, — отвечал Пауль. — Мать рассказывала мне о нем.

— А Транс Правды ты видел?

Он потряс головой:

— Никогда.

— Снадобье — опасный наркотик, но он дает проницательность, и... Когда Правдовидица принимает его, она может заглянуть одновременно во множество разных мест, скрытых в памяти ее тела. Мы видим множество путей прошлого... но лишь прошлого женщин. — В ее голосе прозвучала печаль. — И есть одно место, в которое не способна заглянуть ни одна из Бене Гессерит. Оно пугает и отталкивает нас. Было предсказание, что однажды появится мужчина, который, приняв дар Снадобья, сумеет открыть свое внутреннее око. И увидит то, что нам недоступно, сумеет заглянуть в прошлое и по мужской, и по женской линии своей генетической памяти...

— Это и будет тот, кого вы называете Квисатц Хадерах?

— Да — тот, кто может быть одновременно во множестве мест, Сокращающий путь, — Квисатц Хадерах. Немало мужчин рискнули попробовать Снадобье... да, немало. Но ни одна попытка не увенчалась успехом.

— Неужели все мужчины, принимавшие Снадобье, оказались не способны к правдовидению?

— Нет. Все мужчины, принявшие его, умерли.

Пытаться понять Муад'Диба без того, чтобы понять его смертельных врагов — Харконненов, — это то же самое, что пытаться понять Истину, не поняв, что такое Ложь. Это — попытка познать Свет, не познав Тьмы. Это — невозможно.

(Принцесса Ирулан, «Жизнь Муад'Диба»)

Наполовину скрытый тенью рельефный глобус, раскрученный пухлой, унизанной перстнями рукой, вращался на причудливой формы подставке у стены кабинета.

Окон в помещении не было, и три другие стены походили на пестрое лоскутное одеяло — они были сплошь заставлены разноцветными свитками, книгофильмами, лентами и роликами. По комнате разливали свет плавающие в подвижном силовом поле золотистые шары.

Центр кабинета занимал овальный стол с узорчатой — розовое с зеленым — крышкой из окаменевшего элаккового дерева. Его окружали кресла на силовой подвеске, приспосабливающиеся к форме тела сидящего, два кресла были заняты: в одном сидел круглолицый темноволосый юноша лет шестнадцати с угрюмыми глазами, а второе занимал изящный, хрупкий невысокий мужчина с женоподобным лицом.

Оба они внимательно смотрели на глобус и того, кто вращал его, стоя в тени.

Оттуда, из сумрака, донесся смешок, и густой бас прогудел:

— Полюбуйся, Питер: вот самая большая ловушка из всех, какие ставились на человека за всю историю. И наш герцог направляется прямо в нее. Поистине я, барон Владимир Харконнен, творю вещи изумительные!

— Вне всякого сомнения, мой барон, — ответил старший из двоих. У него оказался приятный, музыкально звучащий тенор; может быть, чуть слишком сладкий.

Жирная ладонь опустилась на глобус и остановила его. Теперь было хорошо видно, что это очень дорогая вещица: из тех, что изготовлялись для богатых коллекционеров и назначенных Империей правителей планет. На нем лежала неповторимая печать ручной работы мастеров метрополии: параллели и меридианы были обозначены тончайшей платиновой проволокой, полярные шапки инкрустированы отборными молочно-белыми бриллиантами.

Жирная рука поползла по шару, отмечая детали рельефа.

— Прошу сосредоточиться, — пророкотал бас. — И ты, Питер, и ты, мой милый Фейд-Раута, смотрите! От шестидесятой параллели на севере и до семидесятой на юге — все заполняет эта изысканная волнистая рябь, этот чудесный узор. Не правда ли, цвет напоминает о лакомой

карамели?.. И нигде его нежность не нарушается голубизной рек, озер или морей. А эти сверкающие полярные шапочки, такие крохотные и изящные!.. Можно ли спутать с чем-либо подобный мир? Это — Арракис, и ничто иное... Он воистину уникален. Прекрасная декорация для не менее прекрасной победы.

По губам Питера скользнула улыбка.

— И подумать только, мой барон: Падишах-Император полагает, что *он* отдал герцогу вашу планету, планету Пряности. Забавно, не правда ли?

— Не говори ерунду, — пробурчал барон. — Ты же напоминаешь об этом нарочно, чтобы смутить и запутать Фейд-Рауту, но смущать моего племянника сейчас вовсе не обязательно.

Угрюмый юноша зашевелился в кресле, разглаживая невидимые складки своих черных, в обтяжку, брюк, и лениво выпрямился, услышав осторожный стук в находившуюся за его спиной дверь.

Питер выскользнул из кресла, прошел к двери и приоткрыл ровно настолько, чтобы можно было просунуть почтовую капсулу. Взял ее, защелкнул замок и развернул послание. Хмыкнул. Вчитавшись, хмыкнул опять.

— Ну, что там? — нетерпеливо окликнул барон.

— Глупец ответил нам, мой барон!

— А когда это Атрейдесы упускали возможность сделать красивый жест?.. — сказал барон. — Ну и что же он пишет?

— Он в высшей степени нелюбезен, мой барон. Обращается к вам просто «Харконнен» — ни «Сир и дражайший кузэн», ни титула — ничего!

— Харконнен — достаточно хорошее имя, — проворчал барон. В его голосе слышалось нетерпение. — Что же изволит сообщить дорогой Лето?

— Он пишет: «Ваше предложение о встрече отклоняется. Я уже много раз сталкивался с вашим известным всем вероломством».

— Это все?

— «Старинное искусство канли́ имеет еще поклонников в Империи». Подписано: «Лето, герцог Арракиса». —

Питер засмеялся. — Подумать только: герцог Арракиса! Это уже, пожалуй, чересчур!

— Замолчи, Питер, — спокойно сказал барон, и смех оборвался, словно от поворота выключателя. — Так, значит, канли? Вендетта? И ведь использовал старое доброе слово, напоминающее о древних традициях, — специально, чтобы я понял, насколько он серьезен. Хм...

— Вы сделали попытку к примирению, — заметил Питер, — таким образом, приличия соблюдены.

— Ты излишне болтлив для ментата, Питер, — одернул барон, подумав: «Скоро придется избавиться от него. Пожалуй, он почти пережил свою полезность».

Взгляд барона пересек комнату, задержавшись на той черте своего ментата-асассина, которую сразу же замечали все, впервые встречающиеся с Питером: глаза — темные щели синего на синем, без единого мазка белого цвета.

Ухмылка прорезала лицо Питера — под этими похожими на пустые отверстия глазами она напоминала театральную маску.

— Простите, мой барон, я не мог сдержаться. Свет не видел еще столь великолепной мести. Какое изящнейшее предательство, какая изысканнейшая интрига — заставить Лето сменить Каладан на Дюну, не оставив ему никакого выбора; ведь это — приказ самого Императора! Какая великолепная шутка!

— У тебя словесное недержание, Питер, — холодно сказал барон.

— Я просто доволен сделанным, мой барон, очень доволен. А вот вы — вы ревнуете.

— Питер! — рявкнул барон.

— Аxx-ах, барон! Какая жалость, что это не вы разработали столь изящную схему, не правда ли?

— В один прекрасный день я велю тебя удавить.

— Разумеется, мой барон, разумеется. Enfin!* Так сказать, ни одно доброе дело без награды не останется!

— Чего ты наглотался, Питер, верите или семуты?

— Барон удивлен, когда правду говорят без страха. — Лицо Питера изобразило карикатурно-хмурую маску. — Ах-ха... Но видите ли, мой барон, я — ментат и заранее

* В конце концов! *(фр.)*

почувствую, когда вы наконец соберетесь прислать ко мне палача. И пока я вам нужен, вы будете сдерживаться. Преждевременная расправа была бы расточительностью, ибо я вам все еще весьма полезен. Я-то хорошо знаю тот главный урок, который вы усвоили на благословенной Дюне: не расточай!

Барон молча смотрел на Питера.

Фейд-Раута поудобней устроился в кресле. Спорщики и глупцы! Дядюшка не может общаться со своим ментатом без споров. Они что, считают — мне больше нечего делать, кроме как выслушивать их пререкания?

— Фейд, — внезапно окликнул барон, — я велел тебе слушать и мотать на ус. Извлек ты какую-нибудь пользу из нашей беседы?

— Конечно, дядя. — Фейд-Раута постарался изобразить в голосе подобострастие.

— Питер иногда поражает меня, — заметил барон. — Временами мне приходится причинять страдания — по необходимости, но он... могу поклясться, что он наслаждается чужой болью. Сам я, признаться, даже жалею бедного герцога Лето. Доктор Юйэ нанесет свой удар, и это будет концом Дома Атрейдес. Но Лето обязательно узнает, чья рука направляла послушного доктора... и это знание будет для него ужасным.

— Но почему бы вам тогда не приказать доктору попросту всадить герцогу кинжал под ребро? — поинтересовался Питер. — Тихо, просто и эффективно. Вы рассуждаете о жалости, а...

— Ну нет! Герцог должен *увидеть*, как я стану воплощением его судьбы! — воскликнул барон. — И остальные Великие Дома должны получить урок. Это приведет их в замешательство, и у меня будет бóльшая свобода маневра. Необходимость моих действий очевидна — но это вовсе не значит, что я получаю от них удовольствие...

— Свободу маневра? — насмешливо переспросил Питер. — Император и так излишне пристально следит за вами, мой барон. Вы действуете чересчур смело. В один прекрасный день Император пришлет сюда, на Джеди Прим, парочку легионов своих сардаукаров — и это будет концом барона Владимира Харконнена.

— Тебе бы это понравилось, а, Питер? — усмехнулся барон. — Ты был бы счастлив видеть, как Корпус сардаукаров разоряет мои города и грабит мой замок. Да, ты бы радовался...

— Стоит ли об этом спрашивать, мой барон?.. — прошептал Питер.

— Тебе бы быть башаром в Корпусе, — процедил барон. — Тебе слишком нравятся кровь и боль. Пожалуй, я поторопился с обещаниями насчет трофеев с Арракиса...

Питер сделал пять странно семенящих шагов и остановился за спиной Фейд-Рауты. В воздухе повисло напряжение... Юноша, настороженно нахмурившись, обернулся на ментата.

— Не надо шутить с Питером, барон, — негромко сказал Питер. — Вы обещали мне леди Джессику. Вы мне ее *обещали!*

— А зачем она тебе, Питер? — пробасил барон. — Упиться ее страданиями?

Питер пристально глядел на него. Молчание затягивалось.

Фейд-Раута развернул качнувшееся на силовой подвеске кресло.

— Дядя, наверное, мне можно уйти? Ты говорил, что...

— Мой дорогой Фейд-Раута начинает терять терпение, — отметил барон, и его фигура пошевелилась в окутывающих ее тенях. — Потерпи еще немного, Фейд.

Барон вновь обратился к ментату:

— А как насчет герцогова отпрыска, дружок? Юного Пауля?

— Наша ловушка добудет для вас и мальчишку, мой барон, — пробормотал Питер.

— Я о другом, — нахмурился барон. — Или ты забыл, что предсказал когда-то: эта ведьма из Бене Гессерит родит герцогу дочь? Итак, мой ментат ошибся?

— Я ошибаюсь нечасто, мой барон, — ответил Питер, и впервые в его голосе проскользнул страх. — Этого по крайней мере вы отрицать не можете — я ошибаюсь очень нечасто. Да вы и сами знаете, что Бене Гессерит рожают чаще всего именно девочек. Даже супруга Императора не принесла ему ни единого мальчика.

— Дядя, — вмешался Фейд-Раута, — ты говорил, что здесь будет сказано нечто важное для меня...

— А, вы только поглядите на моего драгоценного племянничка, — поднял брови барон. — Мечтает править моим баронством, а сам до сих пор не научился управлять даже собой.

Барон повернулся — темная тень среди теней.

— Н-ну что же, Фейд-Раута Харконнен. Я пригласил тебя в надежде, что ты почерпнешь сегодня немного мудрости. Наблюдал ли ты сейчас за нашим добрым ментатом? Ты мог бы кое-что усвоить из моей беседы с ним.

— Но, дядя...

— Ага! Вот именно: «но»! Но он потребляет слишком много Пряности. Ест ее точно конфеты. Ты посмотри только на его глаза! Его можно принять за рабочего из арракинских котловин. Он эффективен, да, — но слишком эмоционален и подвержен порывам страстей. Эффективен, но — все же способен ошибаться.

Питер тихо, угрюмо спросил:

— Мой барон, вы пригласили меня сюда, чтобы критикой подорвать мою эффективность?

— Подорвать твою эффективность? Ну что ты, Питер, ты же знаешь меня... Я всего лишь хочу показать своему племяннику, что ментаты тоже не вполне совершенны и у них есть свои ограничения.

— Вы уже подыскали мне замену? — поинтересовался Питер.

— Замену — тебе? Право, Питер, где же я найду другого ментата, обладающего твоими хитростью, коварством и злобностью?

— Там же, где вы нашли меня, мой барон!

— Хм, возможно, мне стоит подумать об этом, — спокойно сказал барон. — В последнее время ты стал терять равновесие. А то количество Пряности, которое ты потребляешь!..

— Надо ли понимать это так, что мои маленькие удовольствия обходятся вам слишком дорого? Вы возражаете против них?

— Напротив, Питер! Именно эти твои удовольствия так тесно привязывают тебя ко мне. Зачем же я буду воз-

ражать? Я только хочу, чтобы мой племянник обратил внимание и на это обстоятельство...

— Что же, вот он я, выставлен на ваше обозрение, любуйтесь! — воскликнул Питер. — Может, мне станцевать? Или продемонстрировать прочие мои способности уважаемому Фейд-Рау...

— Вот именно, — кивнул барон. — Именно на наше обозрение. А теперь помолчи.

Он перевел взгляд на Фейд-Рауту, скользнув глазами по пухлым губам — родовой черте Харконненов; сейчас эти губы кривились в легкой усмешке. Юноша наконец счел представление забавным.

— Итак, Фейд, перед нами ментат. Он... вернее даже сказать, «оно» — устройство, подготовленное и обученное для исполнения определенных функций. Но нельзя забывать тот факт, что данное устройство заключено в человеческое тело. А это — весьма существенный недостаток. Право, я иногда думаю, что Древние набрели на недурную мысль с этими их думающими машинами...

— Их машины по сравнению со мной были не более чем простыми игрушками! — огрызнулся Питер. — Даже вы, барон, могли бы обставить *те* машины...

— Возможно, — махнул рукой барон. — Ну хорошо. А теперь... — Он сделал глубокий вдох и рыгнул. — А теперь, Питер, обрисуй в общих чертах моему племяннику план нашей кампании против Дома Атрейдес. Вот, кстати, тебе возможность продемонстрировать функции и способности ментата.

— Но, мой барон, я уже предупреждал вас: не следует доверять эту информацию столь молодому человеку. По моим наблюдениям...

— Предоставь решать это мне, — оборвал барон. — Я приказываю, ментат, — а ты подчиняйся и доказывай нам свое умение.

— Как будет угодно, — пожал плечами Питер. Он выпрямился, приняв странно-напыщенную позу, словно это была еще одна маска, но на этот раз надетая на все тело. — Итак: через несколько стандартных дней герцог Лето со всей семьей и двором взойдет на борт лайнера Гильдии Космогации, направляющегося на Арракис. Гильдия высадит их,

вероятнее всего, в Арракине, а не в нашей столице Карфаг. Ментат герцога, Суфир Хават, вне всякого сомнения, заключил, и совершенно справедливо, что оборонять Арракин несравнимо проще.

— Слушай внимательно, Фейд, — поднял палец барон. — Отметь себе, как внутри одних планов помещаются другие, а в тех — третьи.

Фейд-Раута кивнул, думая при этом: «Вот это мне больше нравится. Старое чудовище наконец-то допускает меня к одному из своих секретов. Кажется, он все-таки всерьез намерен сделать меня наследником».

— Имеются, однако, и иные возможности, — продолжал Питер. — Я сказал, Дом Атрейдес отправится на Арракис. Но было бы неразумно не учитывать и вероятность того, что герцог мог договориться с Гильдией, чтобы она переправила его в безопасное место за пределами Системы. Известно: некоторые Дома в подобных обстоятельствах нередко забирали фамильные ядерные арсеналы, силовые щиты и скрывались за пределы Империи, становясь Отступническими Домами...

— Герцог слишком горд для этого, — возразил барон.

— Но тем не менее такая вероятность существует, — ответил Питер. — Впрочем, в конечном счете результат для вас был бы тот же: Дом Атрейдес исчезнет.

— Нет! — проревел барон. — Я должен быть уверен в том, что герцог мертв и род Атрейдесов погиб!

— Вероятность этого весьма высока, — кивнул Питер. — Если Правящий Дом намеревается изменить, об этом можно догадаться по некоторым признакам. Герцог же не совершил ничего из того, что можно счесть этими признаками.

— Ну хорошо, — вздохнул барон. — Продолжай, Питер, да не тяни.

— В Арракине, — отчеканил Питер, — герцог и его двор займут Резиденцию — прежде там проживали граф и леди Фенринг.

— Посол Е.И.В. к контрабандистам, — хохотнул барон.

— К кому? — удивился Фейд-Раута.

— Ваш дядя шутит, — объяснил Питер. — Он называет графа Фенринга послом к контрабандистам, намекая

на заинтересованность Падишах-Императора в контрабандных операциях на Арракисе.

Фейд-Раута озадаченно уставился на барона:

— Но почему?

— Не будь глупее, чем ты есть, Фейд, — нетерпеливо сказал барон. — Пока Гильдия вне контроля Императора, по-другому быть и не может. Как иначе можно перевозить шпионов, асассинов и прочих?

Рот Фейд-Рауты округлился в беззвучное «о-о-о...».

— В Резиденции, — продолжал Питер, — нами запланирован отвлекающий маневр. В частности, будет совершено покушение на жизнь наследника герцога Атрейдеса — кстати, оно может оказаться и успешным.

— Питер! — взорвался барон. — Ты утверждал...

— Я всегда утверждал, что в любом деле возможны случайности, — ответил Питер. — Покушение должно выглядеть правдоподобным и хорошо подготовленным.

— Ах-ха... но у этого мальчика такое прекрасное юное тело... — пробормотал барон. — Разумеется, потенциально он даже опаснее отца... с этой своей матерью-ведьмой, которая его учит. Проклятая баба! Ах-ха... Впрочем, продолжай, Питер.

— Разумеется, Хават поймет, что при дворе действует наш агент, — сказал Питер. — Очевидно, что прежде всего подозрение пало бы на доктора Юйэ — и он действительно наш агент. Пало бы — но Хават уже провел расследование и достоверно установил, что наш доктор — выпускник Суккской Школы, прошедший имперское кондиционирование, то есть ему по определению без опаски можно доверить жизнь самого Императора... Все слишком верят в имперское кондиционирование, так как предполагается, что предельное кондиционирование нельзя снять, не убив человека. Тем не менее еще в древности некто заметил, что, имея точку опоры, можно сдвинуть планету. И мы нашли такую точку и у доктора!

— Как? — жадно спросил Фейд-Раута. Это и впрямь было удивительно, ибо каждый знал, что обойти имперское кондиционирование невозможно.

— Об этом как-нибудь в другой раз, — оборвал барон. — Продолжай, Питер.

— Итак, Юйэ отпадает, а вместо него мы подставим Хавату другой, весьма интересный объект. Самая дерзость этого объекта — и дерзость такого предположения, — несомненно, обратит на нее внимание Хавата.

— На нее? — переспросил Фейд-Раута.

— Речь идет о самой леди Джессике, — усмехнулся барон.

— Ну разве не ловко, не изысканно? — спросил Питер. — Хават будет разбираться с этой возможностью, и это повлияет на его деятельность в качестве придворного ментата. Возможно, он даже попытается убить ее. — Питер нахмурился и добавил: — Но не думаю, что ему это удастся.

— Тебе бы очень не хотелось, чтобы он ее убил, а? — осведомился барон.

— Не сбивайте меня, — сказал Питер. — Пока Хават будет заниматься своей госпожой, мы еще более отвлечем его внимание: организуем, например, беспорядки в нескольких гарнизонах и прочее в том же духе. Их, разумеется, подавят: герцог должен верить, что держит ситуацию под контролем. И, наконец, когда настанет время, мы подадим сигнал Юйэ и высадимся на Арракисе с нашими основными силами... э-э...

— Ничего, ты можешь рассказать ему все, — кивнул барон.

— И мы будем усилены двумя легионами сардаукаров в мундирах Дома Харконнен!

— Сардаукары?! — выдохнул Фейд-Раута. Он вспомнил все, что знал о наводящих ужас императорских солдатах, беспощадных убийцах, воинах-фанатиках Падишах-Императора...

— Вот видишь, Фейд, как я тебе доверяю, — сказал барон. — Разумеется, другие Великие Дома не должны даже краем уа прослышать об этом. В противном случае Ландсраад может объединиться против Императорского Дома — и начнется хаос.

— Главное тут вот что, — пояснил Питер, — поскольку Император использует Дом Харконнен для грязной работы, мы получаем кое-какие преимущества. Преимущества небезопасные, бесспорно. Но если мы будем ис-

пользовать их осторожно, Дом Харконнен станет богаче любого другого Дома Империи.

— Ты просто не представляешь, Фейд, о каком богатстве идет речь, — проговорил барон. — Самой твоей безудержной фантазии не хватит, чтобы вообразить такое. Только для начала — постоянные права на директорство в КООАМ.

Фейд-Раута кивнул. Богатство! КООАМ действительно была ключом к богатству. Правящие Дома наживали фантастические состояния, пока их представители входили в Директорат КООАМ. Директорское кресло было очевидным свидетельством политического могущества, и оно переходило от Дома к Дому по мере изменения сил в Ландсрааде. Сам же Ландсраад постоянно находился в борьбе с влиянием Императора и его сторонников.

— Герцог Лето, — сказал Питер, — может попытаться скрыться в окраинных районах Пустыни, среди фрименского отродья. Или попытаться спрятать там свою семью, надеясь, что у фрименов она будет в безопасности. Но этот путь заблокирован одним из агентов Его Величества, Экологом Планеты. Возможно, вы его помните. Его имя Кинес.

— Фейд его помнит, — нетерпеливо сказал барон. — Дальше.

— Вы не очень-то любезны, мой барон, — заметил Питер.

— Я сказал — дальше! — проревел барон.

Питер пожал плечами.

— Если все пойдет так, как мы запланировали, — сказал он, — через один стандартный год или даже раньше Дом Харконнен получит сублен на Арракис. Распоряжаться им будет ваш дядя. А на Арракисе будет править его личный представитель.

— И прибыли возрастут, — кивнул Фейд-Раута.

— Разумеется, — сказал барон и подумал: «Это будет только справедливо. Это мы укротили Арракис. Мы были первыми... не считая фрименских ублюдков, копошащихся на окраинах Пустыни... и прирученных контрабандистов, привязанных к планете почти так же прочно, как и местные рабочие из поселков...»

— И все Великие Дома узнают, что это барон уничтожил Дом Атрейдес, — сказал Питер. — Они узнают.

— Они узнают, — тихо повторил барон.

— И восхитительнее всего, что это узнает и герцог, — сказал Питер. — Он уже знает. Он чувствует западню.

— Это так, он знает, — проговорил барон, и в его голосе прозвучала печальная нотка. — Он не может не знать... и мне жаль его.

Барон вышел из-за глобуса Арракиса. Теперь, когда он покинул тень, было видно, как он огромен и чудовищно жирен. Небольшие выпуклости под складками темных одежд выдавали, что тучное тело барона поддерживали портативные генераторы силового поля на специальной портупее, так что, хотя барон должен был весить не меньше двухсот килограммов, его мышцам приходилось нести всего пятьдесят.

— Я проголодался, — пророкотал барон, отер пухлые губы унизанной перстнями рукой и повернул к Фейд-Рауте заплывшие жиром глаза. — Распорядись, чтобы подавали, Фейд. Поедим на сон грядущий.

Так сказано святой Алией, Девой Ножа: «Преподобная Мать должна сочетать в себе соблазнительность куртизанки с величественной недоступностью девственной богини, поддерживая обе стороны в напряжении, пока она сохраняет силы своей молодости. Ибо когда молодость и красота уйдут, она увидит, что место между названными дарами, которое ранее было занято напряжением, стало ныне источником хитрости и находчивости».

(Принцесса Ирулан, «Муад'Диб. Семейные комментарии»)

— Ну, Джессика, что ты можешь сказать в свое оправдание? — спросила Преподобная Мать.

Солнце клонилось к горизонту. Прошло уже несколько часов после испытания Пауля. Женщины остались вдвоем в утренней приемной Джессики, а Пауль ожидал в соседней комнате — звуконепроницаемом Зале Медитаций.

Джессика стояла лицом к выходившим на юг окнам, смотрела на приглушенные вечерние краски реки и луга, но не замечала их. Она слышала вопрос Преподобной Матери — и не слышала его.

Джессика вспомнила другое испытание — так много лет назад. Худая девочка с бронзовыми волосами и телом, терзаемым взрослением, пришла тогда к Преподобной Матери Гайе-Елене Мохийам, Старшему Проктору школы Бене Гессерит на Валлахе IX. Джессика взглянула на свою правую руку, согнула пальцы, вспоминая боль, страх и гнев...

— Бедный Пауль, — прошептала она.

— Я задала тебе вопрос, Джессика! — Голос старухи звучал требовательно-раздраженно.

— Что?.. О... — Джессика оторвалась от своих воспоминаний и вернулась к Преподобной Матери, сидевшей в простенке меж двух западных окон. — О чем ты спрашиваешь?

— О чем я тебя спрашиваю?! О чем я спрашиваю! — раздраженно передразнила старуха.

— Да, я родила сына. Так что же? — вспыхнула Джессика и тут только поняла, что старуха нарочно хочет вызвать ее гнев.

— Разве не приказали тебе рожать герцогу Атрейдесу дочерей — и только дочерей?

— Но для него так важно было иметь сына. — Джессика опять пыталась оправдаться.

— И ты в своей гордыне решила, будто можешь произвести на свет Квисатц Хадераха!..

Джессика вскинула голову.

— Я чувствовала, что это возможно!

— Ты думала только о том, что твой герцог хочет сына! — резко возразила старуха. — А его желания здесь ни при чем. Дочь герцога Атрейдеса можно было бы выдать за наследника барона Харконнена и тем завершить нашу работу. А ты все безнадежно запутала! Теперь мы можем потерять обе генетические линии.

— Вы все тоже не так уж непогрешимы и можете ошибаться, — сказала Джессика и смело встретила жесткий взгляд Преподобной Матери.

Через несколько мгновений та проворчала:

— А... Что сделано, то сделано.

— Я поклялась никогда не сожалеть о своем решении, — твердо сказала Джессика.

— Ах, как это благородно! — глумливо проскрипела Преподобная. — Она не сожалеет! Что ж, посмотрим, что ты запоешь, когда будешь убегать и скрываться, когда за твою голову назначат награду и всякий готов будет убить и тебя, и твоего сына!

Джессика побледнела.

— Неужели другого пути нет?

— И об этом спрашивает сестра Бене Гессерит?

— Я спрашиваю лишь о том, что ты видишь в будущем — ведь твои способности больше моих.

— В будущем я вижу то же, что видела в прошлом. Тебе известно, что, зачем и почему мы делаем. Род людской знает, что смертен, и боится вырождения. Поэтому инстинктивное стремление смешивать — безо всякого плана — свои гены у человечества в крови. Империя, КООАМ, все Великие Дома — все они лишь щепки в потоке.

— КООАМ, — пробормотала Джессика. — Полагаю, они уже переделили доходы и трофеи с Арракиса...

— КООАМ! Что такое КООАМ? Флюгер! — ответила старуха. — Император и его приспешники сейчас контролируют пятьдесят девять целых и шестьдесят пять сотых процента голосов в Директорате КООАМ. Разумеется, они видят, какое задумано прибыльное дельце, а когда и другие увидят это, у Императора прибавится голосов. Вот как делается история, девочка.

— Лекции о механизмах истории мне только и не хватало, — горько усмехнулась Джессика.

— Напрасно шутишь! Ты не хуже меня понимаешь, какие силы вовлечены в события. Наша цивилизация покоится на трех китах, трех силах: императорская семья противостоит Объединенным Великим Домам Ландсраада, а между ними стоит Гильдия с ее проклятой монополией на межзвездные перевозки. В политике, в отличие от механики, треножник — самая неустойчивая конструкция. Она достаточно плоха даже сама по

себе, без феодально-торговой структуры, отвергающе почти всю науку...

Джессика с тоской произнесла:

— Щепки в потоке! Вот одна из них — герцог Лето, вот другая — его сын, и вот...

— Ах, замолчи, девочка! Ты вступила в игру, прекрас но зная, по какой опасной дороге придется идти.

— *«Я — Бене Гессерит. Я живу лишь для служения»*, — процитировала Джессика.

— Именно, — сказала старуха. — И все, на что мы теперь можем надеяться, — это попытка избежать боль шой войны... и спасти, что удастся, из выпестованны нами ключевых генетических линий.

Джессика опустила веки, чувствуя, как в глазах зака пают слезы. Она справилась с внутренней и внешней дро жью, успокоила дыхание, пульс, заставила ладони н потеть. Наконец, проговорила:

— Я заплачу за свою ошибку.

— Но вместе с тобой заплатит твой сын.

— Я буду защищать его всеми силами.

— Защищать! — воскликнула старуха. — Ты сама зна ешь опасность защиты: если ты станешь защищать ег слишком усердно, он не вырастет достаточно сильным. У него не хватит сил для исполнения своего предназначе ния — каким бы оно ни было...

Джессика отвернулась, посмотрела в сгущающиеся з окном сумерки.

— Эта планета — Арракис — в самом деле так ужасна

— Там достаточно скверно, но нельзя сказать, что у совсем безнадежно. Миссионария Протектива неплохо н ней поработала и смягчила нравы ее обитателей... в ка кой-то степени. — Преподобная Мать тяжело поднялась расправила складку облачения. — Позови сюда мальчик Я скоро должна уходить.

— Должна? Уже?

Голос старой женщины стал мягче:

— Джессика, девочка... как бы я хотела поменяться тобой и принять все твои испытания на себя! Но у каж дой из нас — свой путь.

— Я знаю.

— Ты дорога мне, как любая из моих дочерей... но долг есть долг.

— Я понимаю... долг. Необходимость...

— Мы обе знаем, что и почему ты сделала. Но я хочу тебе сказать — я желаю тебе добра, Джессика! — что у твоего сына мало шансов стать Тем, кого ждет Бене Гессерит. Не обольщай себя чрезмерной надеждой...

Джессика сердито смахнула слезинку.

— Снова ты делаешь из меня маленькую девочку — заставляешь повторять мой первый урок: «Человек не должен покоряться животному», — выдавила Джессика и вздрогнула от рыдания без слез... — Я была так одинока...

— Надо бы сделать это одним из наших тестов, — сказала старуха. — Настоящие люди почти всегда одиноки. А теперь позови сына. Ему сегодня выпал тяжелый и страшный день. Но у него было время подумать и вспомнить, а я должна спросить его про эти сны...

Джессика кивнула, подошла к дверям Зала Медитаций:

— Пауль, зайди.

Пауль не спеша вошел в комнату с упрямым выражением на лице, взглянул на мать как на совершенно незнакомого человека. На Преподобную он посмотрел с некоторой опаской, но на этот раз кивнул ей уже как равной. Мать закрыла за ним дверь.

— Ну, молодой человек, — проговорила старуха, — вернемся к твоим снам.

— Что ты хочешь знать?

— Ты видишь сны каждую ночь?

— Не каждую — если говорить о снах, которые стоят того, чтобы их запомнить. Я могу запомнить любой сон, но некоторые стоят этого, а другие — нет.

— А откуда ты знаешь, какой сон ты видел — пустой или достойный запоминания?

— Просто — знаю.

Старуха быстро взглянула на Джессику, потом опять обратилась к Паулю:

— А какой сон ты видел этой ночью? Его стоило запомнить?

— Да. — Пауль прикрыл глаза. — Мне снились пещера... и вода... и девочка, очень худая, с огромными глазами.

Глаза — такие... сплошь синие, совсем без белизны. Я говорю с ней о тебе... рассказываю ей, как встречался с Преподобной Матерью на Каладане... — Пауль открыл глаза.

— То, что ты рассказывал этой девушке обо мне... сегодня это сбылось?

Пауль подумал.

— Да. Я сказал ей, что ты отметила меня печатью необычности.

— Печатью необычности, — беззвучно прошептала старуха и вновь бросила короткий взгляд на Джессику. — Ответь мне правду, Пауль: часто ли сбываются твои сны в точности так, как ты их видел?

— Да. И эта девочка мне уже снилась раньше.

— Вот как? Ты ее знаешь?

— Узнаю. Когда-нибудь мы встретимся.

— Расскажи мне о ней.

Пауль снова закрыл глаза.

— Мы в каком-то маленьком укрытии в скалах. Уже почти ночь, но очень жарко, и через просветы в скалах виден песок. Мы... чего-то ждем... я должен куда-то пойти, с кем-то встретиться... Она боится, но пытается не показывать мне свой страх, а я волнуюсь. Она говорит: «Расскажи мне о водах твоей родной планеты, Усул». — Пауль открыл глаза. — Правда, странно? Моя родная планета — Каладан, про планету Усул я даже не слыхал никогда.

— Это все? Или ты видел еще что-нибудь?

— Видел. Но... может быть, это она меня называла — Усул? — проговорил Пауль. — Мне это только сейчас пришло в голову.

Он снова опустил веки.

— Девочка просит меня рассказать ей о водах — о морях... Я беру ее за руку и говорю, что прочитаю ей стихи. И я читаю ей стихи, только мне приходится объяснять ей некоторые слова — «берег», «прибой», «морская трава», «чайки»...

— Что это за стихи? — спросила Преподобная Мать.

Пауль открыл глаза.

— Просто одно из сочинений Гурни Халлека. Тональный стих, «Песня настроения для грустного времени».

Джессика, стоя за спиной Пауля, начала негромко декламировать:

Я помню дым соленый костра на берегу,
И тени — под соснами тени —
Недвижные, чистые, ясные.
И чайки сели на краю воды —
Белые на зеленом.
И ветер прилетел сквозь сосны к нам,
Чтоб тени раскачать под ними;
И чайки крылья распахнули,
Взлетают
И наполняют криком воздух.
И слышу ветер я,
Летающий над пляжем,
И шум прибоя,
И вижу я, что наш костер
Спалил траву морскую.

— Это самое, — подтвердил Пауль.

Старуха некоторое время молча смотрела на Пауля, потом сказала:

— Я, как Проктор Бене Гессерит, ищу Квисатц Хадераха — мужчину, который мог бы стать одним из нас. Твоя мать полагает, что ты можешь оказаться им; но она смотрит глазами матери. Такую возможность, впрочем, вижу и я; возможность — но не более.

Она замолчала. Пауль понял, что она ждет, чтобы он что-то сказал, но тоже молчал — хотел, чтобы она продолжила. Наконец старуха произнесла:

— Как хочешь... Что ж, что-то в тебе есть наверняка.

— Можно мне теперь уйти? — спросил он.

— Разве ты не хочешь послушать, что Преподобная Мать может рассказать тебе о Квисатц Хадерахе? — спросила Джессика.

— Она уже сказала, что все, кто пытался стать им, погибли.

— Но я могла бы помочь тебе кое-какими намеками относительно того, почему их постигла неудача, — сказала Преподобная Мать.

«Она говорит — намеки, — подумал Пауль. — На самом деле она ничего толком не знает об этом».

— Я слушаю, — сказал он. — Намекни.

— И быть проклятой? — Она криво усмехнулась — маска из морщин... — Хорошо же... Итак: «Кто умеет подчинить-ся — тот правит».

Пауль изумился: она говорила о таких элементарных вещах, как «напряжение внутри значения»... Она что, думает, что мать его вообще ничему не учила?

— Это и есть твой намек? — спросил он.

— Мы здесь не затем, чтобы играть словами и их значениями, — сказала старуха. — Ива покоряется ветру и растет, растет до тех пор, пока не вырастает вокруг нее целая роща ив — стена на пути ветра. Это — предназначение ивы и ее цель.

Пауль взглянул в лицо Преподобной. Она сказала «*предназначение*» — и это слово словно ударило его, напомнив о таинственном и пугающем предназначении... Неожиданно он рассердился: глупая старая ведьма, важно изрекающая банальности!..

— Ты думаешь, что я могу быть этим вашим Квисатц Хадерахом, — проговорил он. — Ты говоришь обо мне, но ни слова не сказала о том, как помочь моему отцу. Я слышал, как ты говорила с матерью — словно он уже мертв. Но он жив!

— Если бы можно было что-то для него сделать, мы бы это сделали, — огрызнулась старуха. — Может, нам удастся спасти *тебя*. Сомнительно, но — возможно. Но твоего отца не спасет ничто. Когда ты сможешь принять это как факт — ты усвоишь подлинный урок Бене Гессерит.

Пауль увидел, как эти слова потрясли его мать. Он гневно посмотрел на старуху. Как смела она сказать такое о его отце?! Почему так в этом уверена? Он кипел от негодования.

Преподобная Мать взглянула на Джессику.

— Ты учила его Пути — это видно. На твоем месте я сделала бы то же самое — и пусть бы черт побрал этот Устав!

Джессика кивнула.

— Но я должна предупредить тебя: следует изменить обычный порядок обучения. Для своей безопасности он должен уметь пользоваться Голосом. Кое-что у него уже есть, и он неплохо начал. Но мы-то знаем, сколько он еще должен узнать и изучить — и следует поторопиться! — Она приблизилась к Паулю и пристально вгляделась в него: — Прощай, юный человек. Надеюсь, ты сумеешь... Но если и нет — мы еще добьемся своего.

Снова она посмотрела на Джессику. Между ними мелькнуло понимание. Потом старуха развернулась и, не оглядываясь, вышла из зала, шурша одеяниями. Зал и те, кто в нем оставался, словно бы уже покинули ее мысли.

Но Джессика успела увидеть слезы на лице Преподобной Матери, когда та отворачивалась. И эти слезы встревожили ее больше, чем любые слова и знаки, прошедшие между ними в тот день...

Вы прочли уже, что на Каладане у Муад'Диба не было товарищей-сверстников. Слишком много опасностей окружало его. Но друзья у Муад'Диба были — замечательные друзья-наставники. Например, трубадур и воин Гурни Халлек. В этой книге вы найдете несколько песен Гурни и сможете спеть их. Был среди его друзей и старый ментат Суфир Хават, мастер-асассин, внушавший страх самому Падишах-Императору. Был Дункан Айдахо, учитель фехтования из Дома Гинац; доктор Веллингтон Юйэ — это имя человека больших знаний и мудрости, но и имя, запятнанное изменой; леди Джессика, которая вела своего сына по Пути Бене Гессерит, и — разумеется — сам герцог Лето; к сожалению, раньше мало кто задумывался над тем, что герцог был и прекрасным отцом.

(Принцесса Ирулан, «История Муад'Диба для детей»)

Суфир Хават скользнул в зал для занятий замка Каладан, мягко прикрыв дверь. Постоял неподвижно, ощутив вдруг себя старым, усталым и потрепанным бесчисленными бурями. Болела левая нога, некогда рассеченная еще на службе Старому Герцогу, отцу нынешнего.

«Я служу уже третьему их поколению», — подумал он.

Он взглянул через зал, ярко освещенный полуденным солнечным светом, льющимся через стеклянные панели в потолке, и увидел, что мальчик сидит спиной к дверям, углубившись в разложенные на Г-образном столе карты и бумаги.

«Сколько раз мне ему повторять, чтобы он никогда не садился спиной к дверям!» — Хават кашлянул.

Пауль не пошевелился.

Облако прошло над световыми люками — комнату пересекла тень. Хават кашлянул еще раз.

Пауль выпрямился и, не оборачиваясь, сказал:

— Я знаю. Я сел спиной к двери.

Хават подавил улыбку, подошел к воспитаннику.

Пауль поднял глаза на немолодого седого человека, остановившегося у стола, взглянул в умные внимательные глаза на изрезанном морщинами лице.

— Я слышал твои шаги в коридоре, — сказал Пауль. — И слышал, как ты открыл дверь. Я тебя узнал.

— Эти звуки можно и скопировать.

— Я бы заметил разницу.

«Очень даже может быть, — подумал Хават. — Эта его колдунья-мать кое-чему научила мальчика. Интересно, что думает ее драгоценная Школа Бене Гессерит по этому поводу. Может, они затем и засылали сюда старуху прокторшу — призвать леди Джессику к порядку...»

Хават подвинул кресло, сел напротив Пауля — подчеркнуто лицом к двери, — откинулся на спинку. Внезапно зал показался ему чужим и незнакомым — почти все оборудование уже было отправлено на Арракис. Тренировочный стенд остался, осталось фехтовальное зеркало с неподвижно замершими призмами, рядом с ним — латаный-перелатаный спарринг-манекен, похожий на израненного и покалеченного в боях древнего пехотинца.

«Совсем как я», — подумал Хават.

— Суфир, о чем ты думаешь? — спросил Пауль.

Хават посмотрел на подростка.

— Я думал о том, что скоро мы все уедем отсюда и вряд ли снова увидим это место.

— Это тебя печалит?

— Печалит? Чепуха! Грустно расставаться с друзьями, а место — это всего лишь место. — Он тронул разложенные на столе карты. — И Арракис — это просто другое место, и только.

— Отец прислал тебя проэкзаменовать меня?

Хават покосился на мальчика — даже чересчур наблюдателен! Он кивнул:

— Конечно, ты предпочел бы, чтобы он пришел сам, но ты же знаешь, как он занят. Он придет позже.

— Я сейчас читал о бурях на Арракисе.

— Бури. Да...

— Похоже, эти бури — довольно-таки скверная штука.

— Скверная — не то слово. Мягко сказано! Фронт этих ураганов не менее шести-семи тысяч километров, они питаются всем, что может добавить им мощи: кориолисовыми силами, другими бурями — всем, в чем есть хоть капля энергии. Они набирают скорость до семисот километров в час, прихватывая с собой все, что подвернется, — пыль, песок и прочее. Они срывают мясо с костей и расщепляют сами кости...

— Почему там нет службы погодного контроля?

— Тут у Арракиса свои специфические проблемы: стоимость контроля выше, а к ней добавляются высокие эксплуатационные расходы и прочее. Гильдия заломила безумную цену за систему контрольных спутников, ну а Дом твоего отца — не из самых богатых, ты и сам знаешь.

— Суфир, а тебе приходилось видеть фременов?

«Мальчику есть о чем подумать сегодня», — решил Хават.

— Очень может быть, что я их и видел, но дело в том, что на вид их трудно отличить от населения впадин и грабенов. Они все носят эти их длинные хламиды, и все невыносимо воняют, особенно если находятся в закрытом помещении. Это из-за дистикомбов, которые они носят не снимая. Дистикомб — «дистилляторный комбинезон», костюм — перегонный куб, который собирает и утилизует выделяемую телом влагу.

Пауль сглотнул, внезапно ощутил влагу во рту и вспомнил сон о жажде. Мысль, что люди могут так страдать от нехватки воды, что им приходится собирать влагу соб-

ственных выделений, поразила его. Пауль вдруг ощутил горькое чувство одиночества и пустоты.

— Вода там — драгоценность, — вслух подумал он.

Хават кивнул: «Возможно, мне понемногу удается внушить ему, что Арракис — его враг. Там необходимо все время быть настороже, и нельзя отправляться туда, не будучи к этому готовым».

Пауль взглянул вверх, на световые люки, и увидел, что начался дождь. По сероватому метастеклу струилась вода.

— Вода... — сказал он.

— Ты еще научишься ценить воду, — пообещал Хават. — Конечно, у тебя недостатка в ней не будет, ты — сын герцога, но повсюду тебя будет окружать жажда...

Пауль провел языком по пересохшим вдруг губам, вспомнив, как неделю назад, в день испытания, Преподобная Мать тоже говорила что-то о водяном голоде...

— Ты узнаешь о Мертвых равнинах, — сказала тогда она, — дикой пустыне, где нет ничего живого — лишь Пряность и песчаные черви. Тебе придется окрасить глаза, чтобы смягчить беспощадный свет солнца. Слово «убежище» будет означать для тебя просто любое место, укрытое от ветра и чужого взгляда. Ты научишься ходить на своих двоих — без орнитоптера, без мобиля и даже не в седле.

И ее тон — она говорила нараспев особым вибрирующим голосом — сказал ему больше, чем слова.

— На Арракисе, — говорила она, — *кхала́!* — земля пустынна, луны — твои друзья, а солнце — враг.

В тот момент Пауль почувствовал за спиной мать — она подошла, оставив свой пост у дверей.

— Так ты не видишь никакой надежды, Преподобная? — спросила она.

— Для его отца — нет. — Старая женщина жестом приказала Джессике молчать. Взглянула на Пауля. — Запомни, мальчик: мир держится на четырех столпах... — Она подняла четыре узловатых пальца. — Это — познания мудрых, справедливость сильных, молитвы праведных и доблесть храбрых. Но все четыре — ничто... — она сжала пальцы в кулак, — ...без правителя, владеющего искусством уп-

равления. И пусть это будет навечно высечено в твоей памяти!..

С того дня прошла уже неделя. И только сейчас он начал полностью сознавать значение ее слов. Сейчас, сидя в тренировочном зале рядом с Суфиром Хаватом, Пауль ощутил внезапный и едкий укол страха. Он взглянул на озадаченно-хмурое лицо ментата.

— Где ты сейчас витал? — спросил Хават.

— Ты видел Преподобную Мать?

— Императорскую ведьму-Правдовидицу? — В глазах Хавата зажегся интерес. — Видел.

— Она... — Пауль запнулся, обнаружив, что не может рассказать Хавату об испытании. Запрет проник глубоко.

— Что она?

Пауль сделал два глубоких вдоха.

— Она сказала одну вещь... — Он закрыл глаза, вызывая в памяти точные ее слова, и когда заговорил, его голос невольно приобрел что-то от голоса Преподобной Матери. — «Ты, Пауль Атрейдес, — потомок королей, сын герцога, ты должен научиться править. Это то, чему, увы, не научился ни один из твоих предков». — Пауль открыл глаза. — Это меня возмутило. Я сказал, что мой отец правит целой планетой. А она сказала: «Он ее теряет». А я сказал, что отец получает гораздо более богатую планету. А она сказала: «Он потеряет и ее». И я хотел бежать, предупредить отца, но она сказала, что его уже предупреждали, и не раз — ты, мать и многие другие...

— В общем, все верно, — пробормотал Хават.

— Тогда зачем мы летим туда? — сердито спросил Пауль.

— Потому что так приказал Император. И потому, что надежда все-таки есть, что бы ни говорила эта ведьма-шпионка. Ну а что еще изверг сей фонтан мудрости?

Пауль опустил взгляд на свою руку, сжатую в кулак под столом. С трудом, но все же он заставил мускулы расслабиться. *Она наложила на меня некий запрет. Но как?*

— Она спросила меня, что, по-моему, значит править, — ответил он. — И я сказал, что это значит командовать. А она на это сказала, что мне надо кое-чему разучиться.

«А старуха-то, в общем, дело сказала», — подумал Хават и кивком сделал Паулю знак продолжать.

— Она сказала, что правитель должен научиться убеждать, а не принуждать. И что тот, кто хочет собрать лучших людей, должен сложить лучший очаг и готовить лучший кофе.

— Интересно, а как, она думала, сумел твой отец привлечь к себе таких людей, как Дункан и Гурни? — спросил Хават.

Пауль пожал плечами.

— Еще она говорила, что хороший правитель должен овладеть языком своего мира, ведь на каждой планете — свой язык. Я решил, что она имеет в виду то, что на Арракисе не говорят на галакте, но она сказала, что речь совсем не об этом. Она сказала, что говорит о языке скал, растений и животных, языке, который невозможно услышать одними только ушами. И я сказал: это, наверное, то, что доктор Юйэ называет Таинством Жизни.

Хават засмеялся:

— И как ей это понравилось?

— Мне показалось, она просто взъярилась. Сказала, что таинство жизни — это не проблема, подлежащая решению, а только испытываемая реальность. Тогда я процитировал ей Первый Закон ментата: «Процесс нельзя понять посредством его прекращения. Понимание должно двигаться вместе с процессом, слиться с его потоком и течь вместе с ним». Это, похоже, ее удовлетворило — более или менее.

«Кажется, он с этим справится, — думал Хават, — но старая ведьма его напугала. Зачем она это сделала?»

— Суфир, — спросил Пауль, — на Арракисе в самом деле будет так плохо, как она сказала?

— Так плохо не будет, пожалуй, — ответил Хават, вымучивая улыбку. — Взять, к примеру, этих фрименов, непокорный народ Пустыни; поверь, их куда больше, чем могут предположить в Империи, это я тебе могу сказать на основе даже самого грубого, в первом приближении, анализа. Там живут люди, мальчик, великое множество людей! И... — Хават приложил жилистый палец к уголку глаза, — и они ненавидят Харконненов лютой ненавис-

тью. Но учти, ни слова об этом, мой мальчик. Я рассказал тебе это лишь потому, что считаю тебя помощником и опорой твоего отца...

— Отец мне рассказывал о Салусе Секундус, — проговорил Пауль. — Знаешь, Суфир... она, по-моему, похожа на Арракис... может, Салуса не так ужасна, но в целом — в целом звучит похоже.

— Положим, о Салусе Секундус в наши дни никто и ничего толком не знает, — возразил Хават. — Только то, что было давным-давно... больше почти ничего. Но в отношении того, что все-таки известно, ты попал прямо в точку.

— Как ты думаешь, фримены нам помогут?

— Возможно. — Хават поднялся. — Сегодня я отбываю на Арракис. А ты, пожалуйста, будь осторожнее... ради старика, который тебя любит, а? Для начала будь умницей — сядь по другую сторону стола, лицом к двери. Не то чтобы я подозревал, что в замке небезопасно: я просто хочу, чтобы у тебя формировались правильные привычки.

Пауль тоже встал, обошел стол.

— Ты летишь сегодня?

— Я — сегодня, ты — завтра. В следующий раз мы встретимся уже на земле твоего нового мира. — Он сжал правую руку Пауля выше локтя. — Держи правую руку свободной — чтобы успеть выхватить нож, и не забывай подзаряжать щит. — Он отпустил руку, потрепал Пауля по плечу, повернулся и быстрыми шагами пошел к двери.

— Суфир! — окликнул его Пауль.

Хават оглянулся.

— Не садись спиной к дверям, — сказал Пауль.

Изрезанное морщинами лицо расплылось в улыбке.

— Не сяду, мальчик. Можешь на меня положиться.

И он вышел, мягко закрыв за собой дверь.

Пауль сел туда, где только что сидел его наставник, и поправил свои бумаги.

«Еще только один день здесь, — подумал он, обводя взглядом зал. — Уезжаем. Мы уезжаем». Мысль об отъезде вдруг встала перед ним так реально, как никогда раньше.

Он вспомнил еще одну вещь, которую сказала старуха: мир — это сумма многих вещей: людей, почвы, растений и животных, лун, приливов, солнц; и эта неизвестная сумма называлась природой — неопределенная, лишенная чувства «теперь», чувства настоящего момента совокупность. А что такое — «теперь»? — спросил он себя.

Дверь напротив Пауля с шумом распахнулась, и в комнату ввалился уродливый, глыбоподобный человек с целой охапкой оружия в руках.

— А, Гурни Халлек! Ты что, новый учитель фехтования? — спросил Пауль.

Халлек пинком захлопнул дверь.

— Ты бы, конечно, предпочел, чтобы я пришел с тобой в игры играть, ясное дело, — сказал он, окидывая зал взглядом и убеждаясь, что люди Хавата уже осмотрели его и убедились, что тут нет ничего представляющего опасность для наследника герцога: всюду остались едва заметные кодовые знаки «проверено».

Пауль смотрел, как уродливый человек прокатился к тренировочному столу со своей грудой оружия, увидел на плече Гурни девятиструнный балисет с мультиплектром, вставленным между струн у головки грифа.

Халлек сбросил оружие на стол и разложил его по порядку — рапиры, стилеты, кинжалы, станнеры с низкой начальной скоростью выстрела, поясные щиты. Шрам от чернильной лозы, пересекавший подбородок Халлека, знакомо искривился, когда, обернувшись, тот улыбнулся мальчику.

— Итак, чертенок, у тебя не нашлось для меня даже «доброго утра»! — воскликнул он. — Кстати, а каким шилом ты Хавата ткнул? Он промчался мимо меня так, словно спешил на похороны любимого врага!

Пауль ухмыльнулся. Из всех людей своего отца он больше всех любил Гурни Халлека, ему нравились его выходки, причуды и остроты, и он считал воина-трубадура скорее другом, чем слугой-наемником.

Халлек сдернул с плеча балисет и принялся настраивать его.

— Не хочешь говорить со мной — и не надо, — заявил он.

Пауль встал, пересек зал и, подходя к Халлеку, указал на его инструмент:

— Что, Гурни, решил вместо боевых искусств побренчать немного?

— Это, кажется, теперь называется уважением к старшим, — скорбно отозвался тот. Потом взял для пробы аккорд на своем инструменте и удовлетворенно кивнул.

— А где Дункан Айдахо? — спросил Пауль. — Он разве больше не будет учить меня боевым искусствам?

— Дункан повел вторую волну наших переселенцев на Арракис, — объяснил Халлек. — Так что все, что у тебя осталось, — это бедняга Гурни, никудышный вояка и портач в музыке... — Он снова ударил по струнам, прислушался к звуку и улыбнулся. — Короче, на совете решили: раз уж тебе не дается искусство боя, лучше поучить тебя музыке. Чтобы ты не потратил свою жизнь совсем уж напрасно.

— Тогда, может, споешь мне балладу? — предложил Пауль. — Я хочу иметь хороший образец того, как этого не надо делать.

— Ах-ха-ха! — рассмеялся Гурни и тут же затянул «Девочек Галактики», с такой быстротой перебирая струны мультиплектром, что за ним было трудно уследить:

Ах, девочки Галактики
Дадут за жемчуга тебе,
А арракинку за́ воду возьмешь!
Но если хочешь жаркую,
Как пламя, страстно-яркую,
То лучше каладанки не найдешь!

— Не так уж плохо для такого жалкого бренчалы, — сказал Пауль, — но если бы мать услышала, что за похабщину ты тут, в замке, распеваешь, она бы велела прибить твои уши на внешней стене в качестве украшения.

Гурни дернул себя за левое ухо.

— Украшение из них вышло бы тоже довольно убогое — они слишком повреждены подслушиванием у замочной скважины за довольно-таки странными песенками, которые частенько наигрывает на своем балисете один мой знакомый мальчик.

— Забыл, значит, как приятно спать в постели, хорошенько посыпанной песком, — сказал Пауль, сдергивая со стола щит-пояс и защелкивая его на талии. — Тогда сразимся!

Глаза Халлека широко раскрылись в притворном удивлении:

— Так, стало быть, вот чья преступная рука это учинила? Ну ладно же! Защищайся, юный корифей, защищайся как следует!

Он схватил рапиру и рассек ею воздух:

— Месть моя будет страшна!

Пауль выбрал парную рапиру, согнул ее в руках и встал в позицию, вынеся одну ногу вперед. Он придал своим движениям комическую напыщенность, утрируя манеры доктора Юйэ.

— Какого болвана отец прислал мне для занятий фехтованием, — нараспев произнес Пауль. — Недотепа Гурни Халлек позабыл первую заповедь боя с силовыми щитами. — Пауль щелкнул кнопкой на поясе и ощутил легкое покалывание на коже и характерное изменение внешних звуков, приглушенных силовым полем. — «В бою с использованием силовых щитов надо быть быстрым в обороне, но медленным в нападении, — продекламировал Пауль. — Атака имеет единственную цель — заставить противника сделать неверное движение, заставить открыться. Щит отвращает быстрый удар клинка, но пропустит неспешный взмах кинжала!» — Пауль перехватил рапиру, сделал быстрый выпад и мгновенно вернул клинок для способного пройти сквозь бездумную завесу силового щита замедленного удара.

Халлек спокойно проследил за его приемом и увернулся в последний момент, пропустив притупленный клинок мимо своей груди.

— Со скоростью удара все в порядке, — отметил он. — Но ты полностью открылся для удара слиптипом снизу.

Пауль с досадой отступил.

— Мне бы надо высечь тебя за такую небрежность, — продолжал Халлек. Он поднял со стола обнаженный кинжал. — Вот эта штука в руках врага уже убила бы тебя! Ты способный ученик, лучше некуда, но я тебе говорил, и

не раз, что, даже забавляясь, ты не должен никого пропускать сквозь защиту, ибо небрежность здесь может стоить жизни.

— Просто я сегодня не в настроении, — буркнул Пауль.

— Не в настроении?! — Даже сквозь силовое поле щитов голос Халлека выдал его возмущение. — А при чем тут твое настроение? Сражаются тогда, когда это необходимо, невзирая на настроение! Настроение — это для животных сойдет, или в любви, или в игре на балисете. Но не в сражении!

— Извини, Гурни. Я не прав.

— Что-то я не вижу должного раскаяния!

Халлек активировал свой щит, полуприсел с выставленным в левой руке кинжалом и рапирой в правой. Рапиру он держал чуть приподнятой вверх.

— А теперь — защищайся по-настоящему!

Он высоко подпрыгнул вбок, потом вперед, яростно атакуя.

Пауль парировал и отступил. Он услышал, как затрещали, соприкоснувшись, силовые поля, ощутил легкие электрические уколы на своей коже. «Что это нашло на Гурни? — удивился он. — Он всерьез атакует!» Пауль тряхнул левой рукой — из наручных ножен в его ладонь скользнул небольшой кинжал.

— Что, одной рапирой не управиться? — хмыкнул Гурни. — То-то!

«Неужели предательство?! — спросил себя Пауль. — Нет, только не Гурни — он на это не способен!»

Они кружили по залу — выпад и парирование, выпад и контрвыпад. Воздух внутри окружавших их силовых полей стал спертым — воздухообмен на границе поля был слишком замедлен. Однако с каждым новым столкновением щитов и с каждым отраженным полем ударом клинка усиливался запах озона.

Пауль продолжал отступать, но, отступая, он постепенно вел Гурни к тренировочному столу.

«Если я сумею заманить его к столу, я покажу ему один фокус, — подумал Пауль. — Ну, Гурни, еще один шаг...»

Халлек сделал этот шаг.

Пауль отбил удар Гурни книзу, резко повернулся и увидел, что рапира соперника, как и было задумано, задела край стола. Пауль прыгнул вбок, сделал рапирой выпад вверх и одновременно ввел в защитное поле кинжал, целя в шею. Острие замерло в дюйме от яремной вены Халлека.

— Ты этого хотел? — прошептал он.

— Посмотри вниз, мальчик, — проговорил сквозь одышку Халлек.

Пауль опустил глаза и увидел, что кинжал Халлека прошел под углом стола — он почти касался паха Пауля.

— Мы, так сказать, слились бы в смерти, — сказал Халлек. — Но надо признать, ты можешь драться немного лучше, если тебя прижать. Полагаю, мне удалось привести тебя в настроение. — И он осклабился по-волчьи, отчего свекольный шрам на его лице искривился.

— Ты так набросился на меня... — Пауль взглянул Халлеку в глаза. — Ты в самом деле хотел пустить мне кровь?

Халлек убрал кинжал и выпрямился.

— Дерись ты хоть немного хуже того, на что способен, я бы оставил на тебе хар-рошую отметину — шрам, который ты бы долго помнил. Потому что мне бы не хотелось, чтобы моего любимого ученика заколол первый встречный харконненский бродяга.

Пауль отключил щит и оперся на стол, восстанавливая дыхание.

— Я это заслужил, Гурни. Вот только боюсь, отцу бы не очень понравилось, если бы ты меня ранил. А я бы не хотел, чтобы тебя наказывали за мои неудачи.

— Ну, что до этого, — возразил Халлек, — то это была бы и моя неудача. А потом, нечего волноваться из-за одного-двух шрамов, полученных на тренировке. Тебе еще повезло, что у тебя их так мало... А что касается твоего отца — герцог накажет меня только в том случае, если я не сумею сделать из тебя первоклассного бойца. И я бы не сумел, если бы не разъяснил тебе вовремя твои заблуждения относительно «настроения». Ишь чего придумал!

Пауль выпрямился и вернул кинжал в ножны на запястье.

— То, чем мы здесь занимаемся, это совсем не игра, — добавил Халлек.

Пауль кивнул. Он был удивлен необычной для Халлека серьезностью и какой-то особой собранностью. Взглянув на лиловый шрам на лице своего взрослого друга, Пауль вспомнил, что его нанес Зверь Раббан в рабских копях на Джеди Прим. И внезапно ощутил стыд оттого, что хотя бы на мгновение усомнился в Халлеке. И тут же ему пришло в голову, что Халлеку, наверно, было больно тогда, — может, так же больно, как самому Паулю во время испытания, которому подвергла его Преподобная Мать. Но он прогнал эту мысль: она делала мир слишком неуютным...

— Наверно, я и в самом деле настроился на игру, — признал Пауль. — А то в последнее время все слишком серьезны.

Халлек отвернулся, чтобы скрыть свои чувства. Он ощущал жжение в глазах. Внутри него жила боль, словно какой-то нарыв, — все, что осталось в нем от некоего утраченного Вчера, которое Время безжалостно отсекло от него.

Как скоро этому ребенку придется стать мужчиной, подумал Халлек. Как скоро придется ему составить мысленно этот контракт, призывающий к жесточайшей осторожности, и внести в этот лист строку: «Кто ваш ближайший родственник?»*

Не оборачиваясь, Халлек сказал:

— Я чувствовал, что тебе хочется поиграть, и ничего мне так не хотелось, как поиграть с тобой. Но игры кончились. Завтра мы летим на Арракис. Арракис — это не игра, это реальность. Харконнены — тоже реальность.

Пауль, подняв вверх рапиру, коснулся клинком лба.

Халлек обернулся, увидел салют и ответил кивком. Показал на спарринг-манекен.

— А теперь займемся твоей координацией. Покажи, как ты справляешься с этой зловредной штукой. Я буду управлять ею отсюда — здесь мне будет лучше видно. И

* Вопрос формулируется так в документах, связанных с наследованием.

предупреждаю — сегодня я применю новые контрудары. Враг тебя об этом предупреждать не станет.

Пауль приподнялся на носках, чтобы расслабить мускулы. Он вдруг со всей серьезностью понял, что его жизнь начала резко меняться. Он подошел к тренажеру, ткнул острием рапиры выключатель на груди куклы и почувствовал, как силовое поле оттолкнуло клинок.

— Ан гард!* — скомандовал Халлек, и манекен начал атаку.

Пауль включил щит, парировал и контратаковал.

Халлек, управляя куклой, внимательно следил за ним. Его сознание словно разделилось: одна часть напряженно контролировала ход поединка, а другая блуждала где-то вдалеке.

«Я — словно хорошо сформированное садовником плодовое дерево. Дерево, полное хорошо развитых способностей и чувств, и все они привиты на меня — все они вызревали для кого-то другого...»

Почему-то он вспомнил свою младшую сестру — ее миниатюрное, напоминающее о сказочных эльфах лицо ясно встало перед его глазами. Но сестра давно была мертва — умерла в солдатском борделе у Харконненов. Она любила анютины глазки... или маргаритки? Он уже не помнил. И то, что он не мог вспомнить этого, огорчило его.

Пауль отбил медленный рубящий удар куклы и с левой руки провел антре-тиссе**.

«Вот ловкий чертенок! — подумал Халлек, теперь полностью поглощенный ловкими движениями Пауля. — Он тренировался самостоятельно. Это не похоже на стиль Дункана, и уж определенно не то, чему учил его я!»

Эта мысль только усилила печаль Халлека.

Это его «настроение» заразило и меня, подумал он и спросил себя, приходилось ли этому мальчику по ночам в страхе вжиматься в подушку, слушая отдающийся в ней собственный пульс?..

— «Если бы желания были рыбами, мы бы все забрасывали сети...» — пробормотал он.

* Внимание! *(фр., фехт.)*

** Букв.: «вплетение» *(фр., фехт.)*.

Эту пословицу часто повторяла его мать, и он вспоминал ее всякий раз, когда мрак будущего окутывал его мысли.

Потом он подумал, как странно с такой поговоркой отправляться на планету, которая никогда не знала ни морей, ни рыб.

ЮЙЭ (произносится как «ю-э́»), Веллингтон (Станд. 10082 — 10191). Доктор медицины, выпускник Суккской школы (оконч. в Станд. 10112). Жена: Уанна Маркус, Б.Г. (Станд. 10092 — 10186?). В осн. изв. как предатель герцога Лето Атрейдеса (см.: Библиография, Приложение VII [Кондиционирование Имперское] и: Предательство, Великое (Предательство Юйэ).

(Энциклопедический словарь по Муад'Дибу, сост. принцесса Ирулан)

Хотя Пауль услышал, как в зал вошел доктор Юйэ, и обратил внимание на то, что его шаги как-то напряженно-медлительны и осторожны, он продолжал лежать лицом вниз на столе, куда его уложил ушедший уже массажист. Приятно было расслабиться после выматывающей тренировки с Гурни Халлеком.

— Вы удобно устроились, — сказал Юйэ своим спокойным высоким голосом.

Пауль поднял голову и окинул взглядом длинную худую фигуру в нескольких шагах от стола: помятая черная одежда, массивная голова с квадратным лицом, украшенным длинными свисающими усами, пурпурными губами и вытатуированным на лбу черным ромбом Имперского кондиционирования; длинные черные волосы схвачены над левым плечом серебряным кольцом Школы Сукк.

— Я вас порадую: сегодня у нас нет времени для обычного урока, — сказал Юйэ. — Скоро должен прийти ваш отец.

Пауль сел.

— Однако я распорядился приготовить для вас книгофильмы с записью нескольких уроков и книгоскоп —

во время перелета на Арракис у вас будет время для занятий.

— О...

Пауль начал одеваться. Мысль о скорой встрече с отцом взволновала его: они очень мало виделись с тех пор, как пришел приказ Императора принять власть на Арракисе.

Юйэ прошел к Г-образному столу, размышляя: как были наполнены эти его последние месяцы. Какая потеря! Какая ужасная потеря!..

И он напомнил себе: «Я не должен колебаться. То, что я делаю, — я делаю для того, чтобы эти звери — Харконнены — не мучили больше мою Уанну».

Пауль, застегивая куртку, тоже сел за стол.

— Что я буду изучать по пути на Арракис?

— Ах-х-хх... наземные формы жизни Арракиса. Планета, так сказать, раскрыла свои объятия некоторым земным животным. Непонятно, каким образом. По прибытии мне непременно надо будет разыскать Эколога планеты — некоего доктора Кинеса — и предложить ему свою помощь в исследованиях.

И Юйэ подумал: «Что я говорю? Я лицемерю даже перед самим собой».

— Там будет что-нибудь о фременах? — спросил Пауль.

О фременах? Юйэ побарабанил пальцами по столу, заметил, что Пауль удивленно смотрит на этот нервозный жест, убрал руку.

— Тогда, может, у вас есть что-нибудь о населении Арракиса в целом? — спросил Пауль.

— А? Да, разумеется, — ответил Юйэ. — Оно делится на две основные группы — на фременов и население грабенов, впадин и котловин — там они называются чашами. Мне рассказывали, однако, что бывают смешанные браки. Женщины низинных деревень и поселков предпочитают фременских мужей, а их мужчины охотнее женятся на фременках. У них есть поговорка: «Из города — лоск, из Пустыни — мудрость».

— У вас есть снимки фременов?

— Я посмотрю, что удастся найти. Но, безусловно, самая интересная их черта — глаза. Совершенно синие, без капли белизны.

— Мутация?

— Нет. Это связано с перенасыщением крови меланжей.

— Чтобы жить на краю Пустыни, фримены должны быть храбрыми людьми.

— Да, это общепризнано, — согласился Юйэ. — Они слагают баллады о своих ножах. Их женщины так же свирепы, как и мужчины. Даже дети фременов суровы, жестоки и опасны. Вам, как я полагаю, не позволят общаться с ними...

Пауль смотрел на Юйэ; за несколькими скупыми словами о фременах скрывалась огромная сила этих людей, и мысль о ней захватила его: «Вот бы суметь сделать таких людей союзниками!»

— А черви? — спросил Пауль.

— Что?..

— Я хочу больше узнать о песчаных червях.

— Ах-х-хх, разумеется. У меня есть книгофильм, где заснят один из них — небольшой экземпляр, всего сто десять метров в длину и двадцать два в диаметре. Съемки производились в северных широтах. По сведениям, полученным от заслуживающих доверия очевидцев, наблюдались черви, достигавшие в длину более четырехсот метров, и есть все основания предполагать, что существуют и более крупные.

Пауль взглянул на разложенную на столе карту северных широт Арракиса, сделанную в конической проекции:

— Пустынный пояс и южные приполярные районы обозначены тут как необитаемые и непригодные для жизни. Это из-за червей?

— И из-за ураганов.

— Но любое место можно сделать пригодным для жизни.

— Если это осуществимо экономически, — поправил Юйэ. — На Арракисе много опасностей, устранение которых обошлось бы чересчур дорого... — Юйэ пригладил свои вислые усы. — Н-ну, ваш отец скоро должен быть здесь. Однако прежде чем уйти, хочу кое-что подарить вам. Я нашел это, когда паковал свои вещи. — Он поло-

жил на стол небольшой предмет — черный, продолговатый, не больше фаланги большого пальца Пауля.

Пауль посмотрел на предмет. Юйэ отметил, что мальчик не взял его в руки, и подумал: «Как он осторожен!»

— Это очень старая, по-настоящему древняя Экуменическая Библия, специально для космических путешествий. Это не книгофильм, а настоящая книга, напечатанная на волоконной ткани. Она снабжена лупой и электростатическим замком-листателем. — Он поднял книгу, продемонстрировав их. — Заряд удерживает книгу в закрытом положении, противодействуя пружинке в обложке. Если нажать на корешок — вот так, — выбранные страницы отталкивают друг друга одноименным зарядом, и книга открывается.

— Она такая маленькая...

— Но в ней тысяча восемьсот страниц. Снова нажимаем корешок — вот так, — и... заряд переворачивает страницы одну за другой, по мере того как вы читаете. Только никогда не прикасайтесь к самим страницам пальцами. Ткань слишком тонкая. — Он закрыл книжечку, протянул ее Паулю: — Попробуйте.

Глядя, как Пауль изучает книгу, Юйэ подумал: «Я пытаюсь успокоить свою совесть: дарю ему прибежище в религии перед тем, как предать. Так я могу сказать себе, что он ушел туда, куда мне путь закрыт».

— Ее, наверное, сделали еще до появления книгофильмов, — сказал Пауль.

— Да, она очень старая. Пусть она будет нашим секретом, хорошо? Ваши родители могут счесть, что вам еще рано получать такие ценные вещи.

И Юйэ подумал: «И вне всякого сомнения, его мать заинтересовалась бы моими мотивами».

— Но... — Пауль закрыл книгу, подержал ее в руке. — Если она такая ценная...

— Доставьте удовольствие старику, — сказал Юйэ. — Мне ее подарили, когда я был совсем юным. — И он подумал: «Я должен завладеть его воображением — и пробудить в нем страсти». — Откройте книгу на четыреста шестьдесят седьмой Калиме, где говорится: «Из вод по-

ложено начало всякой жизни». На обложке есть небольшая бороздка от ногтя — она отмечает это место.

Пауль ощупал корешок, нашел две отметки, одна из которых была меньше. Он нажал меньшую, книга развернулась в его ладони, и лупа скользнула на свое место.

— Прочтите вслух, — попросил Юйэ.

Пауль облизнул губы и начал:

— «Глухой не может слышать — задумайтесь над этим. Не так ли и все мы, возможно, в чем-то глухи? Каких чувств недостает нам, чтобы увидеть и услышать окружающий нас иной мир? Что из того, что окружает нас, мы не можем...»

— Прекратите! — крикнул вдруг Юйэ.

Пауль оборвал чтение, удивленно взглянув на него.

Юйэ закрыл глаза, пытаясь сдержать внутреннюю дрожь. «Какой каприз провидения заставил книгу открыться на любимом отрывке моей Уанны?» — Он поднял веки и встретил пристальный взгляд Пауля.

— Извините, — сказал Юйэ. — Это было... любимое место... моей... покойной жены. Я хотел, чтобы вы прочли другой отрывок, а этот... Он приносит мучительные воспоминания.

— Тут две бороздки, — сказал Пауль.

Ну конечно же, Уанна отметила свой отрывок. Его пальцы чувствительнее моих, вот он и нашел ее метку. Случайность, не более.

— Вас, полагаю, должна заинтересовать эта книга, — сказал Юйэ. — В ней содержится много достоверных исторических сведений и вместе с тем — хорошая этическая философия.

Пауль взглянул на крохотную книгу в своей ладони. Такая маленькая! Но в ней есть какая-то тайна... что-то произошло, когда он читал. Он почувствовал, как нечто затронуло его... ужасное предназначение.

— Ваш отец будет здесь с минуты на минуту, — сказал Юйэ. — Спрячьте книгу и почитайте на досуге.

Пауль тронул корешок, как показывал Юйэ. Книга захлопнулась, и он опустил ее в карман. В то мгновение, когда Юйэ крикнул на него, Пауль испугался, что тот может потребовать вернуть книгу.

— Я благодарю вас за подарок, доктор Юйэ, — проговорил Пауль официальным тоном. — Это будет наш секрет. Если же вы хотели бы получить какой-нибудь подарок от меня — прошу вас, не стесняйтесь, скажите.

— Мне... ничего не нужно, — сказал Юйэ.

«Зачем я стою здесь, терзая себя? И терзаю этого бедного мальчика... хотя он этого еще не знает. О-о-о! Проклятие этим харконненским чудовищам! Почему, ну почему они избрали для своих мерзостей именно меня?!»

Как подойти нам к изучению отца Муад'Диба? Человеком исключительной теплоты и поразительной холодности был герцог Лето Атрейдес. Но все же многое открывает пути к пониманию его — верная любовь к леди Джессике; надежды, которые возлагал он на своего сына; преданность, с какой служили ему его люди. Представив себе все это, вы увидите его — человека, пойманного Судьбой в ловушку, одинокую фигуру, человека, чей свет померк в лучах славы его сына. Однако должно спросить: что есть сын, как не продолжение отца?

(Принцесса Ирулан, «Муад'Диб. Семейные комментарии»)

Пауль смотрел, как отец входит в тренировочный зал, как охранники занимают посты снаружи; один из них закрыл дверь. Как всегда при встречах с отцом, Пауль ощутил исходящее от него чувство присутствия — это был человек, который весь здесь и сейчас.

Герцог был высок и смугл. Суровые черты его лица смягчались только теплой глубиной серых глаз. На нем был черный повседневный мундир с красным геральдическим ястребом на груди. Посеребренный поясной щит со следами долгого и частого пользования перехватывал его тонкую талию.

— Усердно занимаешься, сын? — спросил герцог.

Он подошел к столу, бросил взгляд на разложенные бумаги, скользнул глазами по залу. Он чувствовал себя очень усталым и ощущал настоящую боль от необходимости скрывать свою слабость. «Надо будет использовать

всякую возможность для отдыха во время полета к Арракису, — подумал он. — На Арракисе отдыхать уже не придется».

— Не слишком усердно, — признался Пауль. — Все это верно... — Он пожал плечами.

— Да, понимаю. Но так или иначе, а завтра мы улетаем. Я полагаю, приятно будет наконец устроиться на новом месте, в новом доме, оставить всю эту суету позади...

Пауль кивнул. Внезапно он вспомнил слова Преподобной Матери: «...твоего отца не спасет ничто».

— Отец, — спросил Пауль, — Арракис в самом деле так опасен, как все говорят?

Герцог заставил себя небрежно махнуть рукой, присел на угол стола, улыбнулся. В его сознании выстроился весь разговор — так случалось ему говорить со своими людьми перед боем, когда он желал рассеять их сомнения и подбодрить. Но разговор этот умер, не успев воплотиться в слова, изгнанный одной-единственной мыслью: «Это — мой сын».

— Да, там будет опасно, — признал он.

— Хават сказал, что у нас есть определенные виды на фременов, — сказал Пауль и спросил себя: «Почему я не рассказываю ему о том, что говорила старуха? Какую печать наложила она на мой язык?»

Герцог заметил угнетенное состояние сына и сказал:

— Хават, как обычно, выделяет главную возможность. Но она далеко не единственная. Я, скажем, думаю о КООАМ — «Комбайн Оннет Обер Адвансер Меркантайлс» — Картеле негоциантов. Отдав нам Арракис, Его Величество вынужден тем самым отдать нам и голос в Директорате КООАМ... а это уже кое-что. Хотя и не так много...

— КООАМ контролирует Пряность, — сказал Пауль.

— И Арракис — источник Пряности — это наша дорога в КООАМ, — кивнул герцог. — Однако КООАМ — это не только меланжа.

— Предупреждала ли тебя Преподобная Мать? — выпалил вдруг Пауль. Он стиснул кулаки, почувствовав, как сильно вспотели у него ладони. Слишком большого усилия потребовал у него этот вопрос.

— Хават мне уже сказал, что она пыталась запугать тебя поджидающими на Арракисе опасностями, — ска-

зал герцог. — Не позволяй женским страхам затуманивать твой разум. Никакая женщина не хочет, чтобы ее близкие подвергались опасности. За всеми этими предостережениями видна рука твоей матери. Так что принимай их как знак ее любви к нам.

— А она знает о фрименах?

— Да. И о многом другом.

— О чем?

И герцог подумал: «Правда может оказаться куда хуже, чем он опасается. Конечно, и опасная, суровая правда полезна для того, кто умеет ею воспользоваться. И вот этому — умению обращаться с опасными фактами — мой сын не обучен. Этот пробел необходимо как можно скорее заполнить — хотя мальчик еще так юн...»

— А вот о чем. Мало что из товаров не связано так или иначе с КООАМ, — сказал герцог. — Дерево и лесоматериалы, ослы, лошади, коровы, навоз, акулы, китовые шкуры — самые прозаические и самые экзотические предметы... даже наш бедный рис пунди с Каладана. Все, что может перевезти Гильдия: произведения искусства с Эказа, машины с Ричезы и Икса. Но все это — ничто рядом с меланжей. За щепоть Пряности можно купить дом на Тупайле. Пряность нельзя синтезировать — ее можно только добыть на Арракисе. Она поистине уникальна и обладает мощнейшими гериатрическими свойствами.

— Теперь мы ее контролируем?

— Ну, в какой-то степени... Но важно помнить о всех тех Домах, которые зависят от прибылей КООАМ. И о том, что огромная часть этих прибылей зависит от одного-единственного товара — от Пряности. Представь, что случится, если по какой-то причине добыча Пряности уменьшится?

— В такой ситуации тот, кому удалось создать запасы меланжи, получит сверхприбыль, — отозвался Пауль, — а все прочие останутся в дураках.

Герцог позволил себе секунду мрачного удовлетворения: глядя на сына, он думал, каким проницательным было это замечание, какой великолепный интеллект подсказал его... Он кивнул:

— Да. А Харконнены накапливали запасы многие годы.

— Значит, они хотят подорвать добычу Пряности и обвинить в этом тебя.

— Они хотят подорвать влияние Дома Атрейдес, — сказал герцог. — Вспомни о Домах Ландсраада, которые смотрят на меня в какой-то степени как на лидера и неофициального выразителя их интересов. А теперь представь, что будет, если их доходы вдруг резко упадут и виноват в этом окажусь я? В конце концов, своя рубашка ближе к телу! Как говорится, к черту Великую Конвенцию — нельзя же позволять разорять себя! — Жесткая улыбка искривила губы герцога. — Что бы со мной ни сделали тогда, они предпочтут этого не заметить...

— Даже если бы против нас применили атомное оружие?

— Что ты, к чему такие ужасы? Никакого открытого нарушения Конвенции не будет. Но почти все остальное, кроме этого, возможно... даже распыление радиоактивных веществ или, скажем, отравление почвы.

— Тогда зачем мы идем на это?

— Пауль! — Герцог неодобрительно посмотрел на сына. — Знать, где ловушка, — это первый шаг к тому, чтобы избежать ее. Это похоже на поединок, на дуэль, только масштабы другие. Выпад внутри выпада, а тот — внутри третьего, один финт в другом... и так, кажется, до бесконечности. Нам надо распутать этот проклятый клубок. Итак, зная, что Харконнены запасают меланжу, зададим следующий вопрос: кто еще это делает? Ответив на него, получим список наших врагов.

— И кто же это?

— Некоторые Великие Дома, известные своим недружественным к нам отношением, а также некоторые из тех, кого мы считали друзьями или по крайней мере союзниками. Впрочем, сейчас это не важно, потому что у нас есть еще один, и гораздо более могущественный, враг: наш любимый Падишах-Император!

Пауль попытался сглотнуть вмиг пересохшим горлом:

— А ты не мог бы созвать сессию Ландсраада и разоблачить...

— Показать врагу, что мы знаем, чья рука занесла нож? Нет, Пауль. Сейчас мы по крайней мере видим нож. Кто

знает, откуда нам ждать удара тогда? Если мы выложим все перед Ландсраадом сейчас, это лишь внесет смятение. Император будет все отрицать, и кто посмеет ему противоречить? Все, что мы могли бы выиграть, — это небольшая отсрочка, а в случае неудачи нас ждет всеобщий хаос. И откуда пришел бы следующий удар?

— Все Дома могли бы запасать Пряность.

— У врагов слишком большая фора.

— Император... — протянул Пауль. — Это значит — сардаукары.

— И, без всякого сомнения, переодетые в форму Харконненов, — кивнул герцог. — Но все равно это будут те же солдаты-фанатики.

— Но как смогут фримены помочь нам против сардаукаров?

— Хават рассказывал тебе о Салусе Секундус?

— Императорской планете-каторге? Нет.

— Что, если это нечто большее, нежели просто тюремная планета? Есть один вопрос о корпусах сардаукаров, который при тебе ни разу не задавали. А именно: откуда они вообще берутся?

— С планеты-каторги?

— Почему бы и нет?

— Но Император регулярно, в виде особой подати, проводит рекрутские наборы...

— Вот в это-то нас и заставляют поверить: что сардаукары — просто набранные Императором рекруты, которых великолепно готовят с юного возраста. Иногда поговаривают о неких инструкторах, доводящих новобранцев до нужного уровня, но баланс сил в нашей цивилизации остается тем же: с одной стороны — войска Великих Домов Ландсраада, с другой — сардаукары и рекруты-новобранцы. Новобранцы, Пауль. А сардаукары остаются сардаукарами.

— Но, по слухам, Салуса Секундус не планета, а настоящий ад!

— Несомненно. Но скажи: если бы ты хотел воспитать стойких, сильных, свирепых солдат, в какую среду ты бы их поместил?

— Но как добиться верности от таких людей?

— Для этого есть проверенные способы: игра на их чувстве собственного превосходства, мистика тайного братства, дух разделенного страдания... Все это не так уж трудно сделать. И так делалось на многих мирах, в разные эпохи.

Пауль кивнул, не сводя глаз с отца. Он чувствовал, что сейчас услышит нечто очень важное.

— Взгляни на Арракис, — негромко сказал герцог. — За пределами городов и гарнизонных поселков он не менее ужасен, чем Салуса Секундус.

Глаза Пауля широко раскрылись.

— Фримены!

— Великолепный потенциал для создания столь же сильного и смертоносного войска, как и Корпус Сардаукаров. Понадобится немыслимое терпение, чтобы втайне привлечь и подготовить их, и немыслимые средства, чтобы должным образом вооружить. Но фримены — там... и там — Пряность. Понимаешь теперь, почему мы идем на Арракис — даже зная, что там — ловушка?

— А Харконнены разве не знают о фременах?

— Харконнены издевались над ними, охотились на них для развлечения, ни разу не пробовали хотя бы сосчитать их. Политика Харконненов — тратить на население лишь столько, сколько нужно, чтобы оно не вымерло.

Вышитый металлом герб на груди герцога сверкнул от резкого движения.

— Теперь ты понимаешь?

— Мы уже ведем переговоры с фременами, — утвердительно сказал Пауль.

— Да. Я направил к ним миссию во главе с Дунканом Айдахо, — ответил герцог. — Дункан — человек гордый и, пожалуй, жестокий, зато он любит правду. Я надеюсь, фримены будут от него в восторге. Если нам повезет, они будут судить и о нас по нему. По Дункану Достойному. А порядочности ему не занимать...

— Дункан Достойный, — проговорил Пауль, — и Гурни Доблестный.

— Ты их хорошо назвал, — кивнул герцог.

И Пауль подумал: Гурни — один из тех, кого имела в виду Преподобная, когда говорила о столпах, поддерживающих мир: «...и доблесть храбрых».

— Гурни сказал, что сегодня ты хорошо сражался, — сказал герцог.

— Да? А мне он говорил совсем другое.

Герцог громко рассмеялся:

— Могу себе представить, как... скупо хвалил тебя Гурни в лицо. Но он говорит, что ты уже по-настоящему чувствуешь разницу между лезвием клинка и его острием.

— Гурни говорит: чтобы убить острием, особого мастерства не нужно, а вот убить лезвием — подлинное искусство.

— Гурни — романтик, — проворчал герцог. Слова об убийствах из уст сына расстроили его. — Что до меня, то мне хотелось бы, чтобы тебе вообще не пришлось убивать... но уж если возникнет необходимость, делай это, как сумеешь, не важно, острием клинка или его лезвием. — Он скользнул глазами по потолочному окну, по которому барабанил дождь.

Проследив за взглядом отца, Пауль подумал, что, наверное, на Арракисе ему уже никогда не увидеть воды с неба, — и эта мысль о небе заставила его вспомнить и о пространстве за его пределами.

— Правда ли, что корабли Гильдии — самое большое из всего, построенного людьми? — поинтересовался Пауль.

Герцог перевел взгляд на сына.

— В самом деле, это же твой первый межпланетный перелет. Да, больше этих кораблей нет ничего. Мы пойдем на хайлайнере, потому что путешествие предстоит долгое. Хайлайнер — самый огромный из кораблей. Все наши фрегаты и транспортники свободно уместятся в одном уголке его трюма — мы будем лишь небольшой частью груза.

— А нам нельзя будет покидать наши корабли на хайлайнере?

— Это — часть той цены, которую мы платим за гарантируемую Гильдией безопасность. Рядом с нашими там могли бы стоять корабли Харконненов, и нам нечего было бы опасаться. Харконнены не станут рисковать своими транспортно-грузовыми привилегиями.

— Тогда я попробую увидеть какого-нибудь гильдиера хотя бы через наши видеоэкраны.

— Не увидишь. Даже агенты Гильдии никогда не видали ни одного настоящего гильдиера. Гильдия бережет свою таинственность так же строго, как и свою монополию. Пауль, не стоит делать ничего, что могло бы хоть в малой степени повредить нашим транспортным привилегиям.

— А ты не думаешь, что они, возможно, прячутся потому, что мутировали и теперь не похожи... на человека?

— Кто знает? — пожал плечами герцог. — Нам, во всяком случае, вряд ли удастся разгадать эту тайну. Да и у нас есть более неотложные проблемы. В частности — ты.

— Я?

— Твоя мать хотела, чтобы именно я сказал тебе... Видишь ли, сын, возможно, у тебя имеются способности ментата.

Пауль смотрел на отца, какое-то время не в состоянии открыть рот. Наконец он выговорил:

— Способности ментата?.. У меня?.. Но я же...

— Хават тоже так считает. Это правда.

— Н-но... я думал, что подготовка ментата должна начинаться с раннего детства, причем ему самому нельзя говорить об этом, так как это могло бы помешать раннему... — Он замолчал на полуслове; внезапно многие обстоятельства его жизни сложились в единую картину. — Понятно, — сказал он.

— Приходит день, — вздохнул герцог, — когда потенциальный ментат должен узнать, что с ним делают. И с этого момента «с ним» делать больше ничего нельзя. Он должен сам решить, продолжать ли обучение или отказаться от него. Некоторые могут продолжать, другие же — нет, поскольку не способны. И только сам потенциальный ментат может точно знать о себе это.

Пауль потер подбородок. Все его специальные занятия с Хаватом и матерью — мнемоника, концентрирование сознания, мышечный контроль и развитие остроты чувств, изучение языков и оттенков голоса — все это он увидел по-новому.

— Когда-нибудь ты станешь герцогом, сын, — сказал отец. — А герцог-ментат действительно был бы грозой врагов. Итак, можешь ли ты решить сейчас... или тебе нужно подумать?

Пауль не колебался:

— Я буду продолжать занятия.

— Настоящей грозой... — пробормотал герцог, и Пауль увидел на лице отца улыбку гордости. Эта улыбка поразила Пауля: узкое лицо герцога вдруг показалось ему черепом. Пауль опустил веки, чувствуя, как ужасное предназначение вновь пробуждается в глубине его сознания: может быть, ужасное предназначение и состоит в том, чтобы стать ментатом...

Но когда он сосредоточился на этой мысли, его новое зрение отвергло ее.

Именно применительно к леди Джессике и планете Арракис система насаждения легенд, распространяемых Бене Гессерит с помощью Миссионарии Протектива, раскрыла все свои возможности и достигла наибольшего успеха. Разумность политики внедрения в обитаемой вселенной системы пророчеств, служащих к охране Бене Гессерит, признавалась давно. Однако же никогда ранее не сочетались столь ut extremis личность и предшествующая миссионерская подготовка. Пророческие легенды укоренились на Арракисе, став неотъемлемой частью местных верований и ритуалов (включая представление о Преподобной Матери, ритуалы Канто и Респонду и большую часть Паноплиа Профетикус, относящихся к Шари-а). И теперь общепризнано, что скрытые способности леди Джессики долгое время очень сильно недооценивались.*

(Принцесса Ирулан, «Арракинский кризис: анализ». Только для внутреннего пользования — средняя степень секретности. Номер досье по каталогам Б.Г.: АР-81088587)

Леди Джессика стояла посреди заполнивших почти весь парадный зал Арракинского дворца ящиков, коробок, чемоданов и контейнеров, частью уже распакованных. Они были сложены в углах, высились громадными грудами в центре зала, и Джессика слышала, как карго-офицеры и грузчики Гильдии складывают у парадного входа очередную партию багажа Атрейдесов.

* до предела, полностью *(лат.)*.

Джессика стояла в центре зала. Медленно подняв взгляд к потолку и снова обратив внимание на стены, она разглядывала полускрытые тенями резные потрескавшиеся панели, глубокие оконные ниши. Анахронизм стиля живо напомнил ей Залу Сестер в школе Бене Гессерит. Но в школе этот анахронизм создавал ощущение теплоты и уюта. Здесь же все было словно холодный камень...

Архитектор, подумала она, извлек все это из далекого прошлого: стены с мощными контрфорсами, тяжелые темные драпировки... Высокий сводчатый потолок двусветного зала поддерживали огромные балки — Джессика была уверена, что их доставили на Арракис издалека и наверняка за чудовищную цену. Ни на одной планете системы Канопуса не было деревьев, из которых можно было бы сделать такие балки, разве только это была имитация дерева.

Впрочем, дерево определенно казалось настоящим.

Это был типичный правительственный дворец времен Старой Империи. Тогда стоимость строительства роли не играла. Его построили задолго до прихода Харконненов и задолго до возведения их столицы, мегаполиса Карфаг, безвкусного и бесстыдного города километрах в двухстах к северо-востоку, по ту сторону Холмов. Лето, безусловно, поступил мудро, избрав своей столицей Арракин. Само название города производило благоприятное впечатление, от него веяло богатыми традициями. Кроме того, Арракин меньше, его легче очистить от харконненских агентов и легче защищать...

Снова послышался грохот разгружаемых ящиков, и Джессика вздохнула.

Справа, совсем рядом с ней, стоял прислоненный к коробке портрет старого герцога — отца Лето. Свисающая с рамы бечевка казалась оборванным аксельбантом. Возле портрета лежала голова черного быка, укрепленная на полированной доске. Голова казалась темным островом в море мятой бумаги. Доску не поставили, а положили на пол, и блестящий бычий нос тянулся к потолку, словно под гулкими сводами зала вот-вот прозвучит рев могучего зверя, вызывающий противника на бой.

Интересно, подумалось Джессике, что заставило ее распаковать в первую очередь именно эти две вещи — голову и картину. В какой-то степени в этом был некий символ. С того самого дня, как люди герцога взяли ее из школы, она не чувствовала себя такой испуганной и неуверенной в себе.

Голова и картина.

Они усилили ее смятение — по спине пробежала внезапная дрожь... Джессика взглянула на узкие окна-амбразуры под потолком. Солнце только недавно перевалило за полдень, но небо в этих широтах казалось темным и холодным — намного темнее теплого голубого неба Каладана. На Джессику вдруг нахлынула тоска по дому. *Ты так далеко отсюда, Каладан!..*

— Вот и приехали! — Это был голос герцога Лето.

Джессика увидела, как он входит в зал из сводчатого коридора, ведущего в Обеденный зал. Его черный повседневный мундир с красным гербовым ястребом на груди запылился.

— Я боялся, что ты заблудишься в этом кошмарном месте, — улыбнулся он.

— Да, это очень неприветливый дом, — ответила Джессика. Его высокая фигура, его смуглое лицо вызывали в ней мысли об оливковых рощах и о золотом солнце, играющем в голубой воде. Серые глаза были мягкого оттенка древесного дыма, но острые, ломаные черты придавали лицу нечто хищное.

Она внезапно испугалась его, и страх этот сдавил ей грудь. С тех пор, как он решился исполнить приказ Императора, он стал таким резким, неистовым, диким!..

— И весь город такой неприветливый, — сказала она.

— Да, грязный, пыльный гарнизонный городишко, — согласился герцог. — Но мы тут все изменим.

Он оглядел зал.

— Впрочем, это все — официальные помещения. Я только что осмотрел семейные апартаменты в южном крыле — они куда приятнее. — Он шагнул к ней, коснулся ее руки, любуясь ее величавым видом.

И в который раз спросил себя: кем были ее неизвестные предки? Может быть, они принадлежали к одному

из Отступнических Домов? К опальной ветви императорского рода? Она выглядела более царственно, чем женщины императорской крови.

Под его взглядом она полуотвернулась, и теперь ее лицо было в профиль к нему. И он понял, что в Джессике не было какой-то определенной черты, делавшей ее прекрасной. Лицо — овал под шлемом бронзовых волос; широко поставленные глаза — зеленые и ясные, как утреннее небо Каладана. Нос маленький, а рот — крупный и благородный. Фигура ее была хорошей, но не яркой: высокая, со сглаженными худобой формами.

Он припомнил, что воспитанницы Школы называли ее «кожа да кости» — во всяком случае, так сообщили его агенты, посланные купить женщину своему герцогу. Но это определение оказалось слишком примитивным. Джессика вернула роду Атрейдесов королевскую красоту. Он был рад, что Пауль похож на нее.

— А где Пауль? — спросил он.

— Где-то здесь, в доме. У него урок с Юйэ.

— Ну, тогда это в южном крыле, — кивнул герцог. — Я, кажется, слышал голос Юйэ, но мне было недосуг. — Он взглянул на нее и, поколебавшись, добавил: — Собственно, я зашел сюда, только чтобы повесить в Обеденном зале ключ от замка Каладан.

Она затаила дыхание и едва сумела подавить желание взять его за руку. Повесить ключ — значило придать их вселению сюда окончательный характер. Было не время и не место расслабляться...

— Когда мы входили, я видела над домом наш флаг.

Герцог взглянул на портрет:

— Где ты собираешься его повесить?

— Здесь, наверное.

— Нет. — Это слово прозвучало категорично и окончательно, и Джессика поняла, что если она и добьется своего, то лишь хитростью. Споры же были бесполезны. Но попытаться следовало — даже если такая попытка лишь напомнила ей, что его она обманывать не может.

— Милорд, — сказала она, — если только...

— Все равно — нет. Я позорно потакаю тебе почти во всем — но не в этом. Я только что был в Обеденном зале, где...

— Милорд, я прошу...

— Приходится выбирать между твоим пищеварением и моим родовым достоинством, дорогая. Портрет будет висеть в Обеденном зале.

Она вздохнула:

— Да, милорд.

— Впрочем, ты можешь обедать в своих комнатах, как когда-то. Но на официальных приемах, пожалуйста, занимай свое место в Обеденном зале.

— Благодарю, милорд.

— И будь любезна, не держись так холодно и официально со мной! Скажи спасибо, что я на тебе не женился. Тогда сидеть со мной за одним столом было бы твоей обязанностью. Несколько раз в день.

Она кивнула, стараясь, чтобы по ее лицу нельзя было ничего прочесть.

— Хават уже смонтировал и наладил большой ядоискатель над обеденным столом, — заметил он. — Переносной установили в твоих покоях.

— Вы предвидели эти... разногласия, — утвердительно сказала она.

— Я думал и о том, чтобы тебе было удобно, дорогая. Да, еще я нанял слуг. Они местные, но Хават их проверил — все как один фримены. До тех пор, пока не освободятся наши люди, сойдет.

— Может ли хоть кто-нибудь на этой планете считаться действительно надежным и неопасным?

— Всякий, кто ненавидит Харконненов. Возможно, ты даже захочешь впоследствии оставить на службе главную домоправительницу, Шэдаут Мэйпс.

— Шэдаут, — повторила Джессика. — Это фрименский титул?

— Мне сказали, это значит «Черпающий из кладезя» — этот термин имеет здесь какие-то важные нюансы. Она может показаться тебе непохожей на прислугу, но Хават высоко ее оценил, основываясь на рапорте Дункана. Они убеждены, что она хочет служить — причем служить *тебе*.

— Мне?

— Фримены прознали, что ты из Бене Гессерит, — объяснил он. — Здесь о вас, о Б.Г., ходят кое-какие легенды.

«Миссионария Протектива, — подумала Джессика. — Поистине нет планеты, ускользнувшей от них».

— Означает ли это, что миссия Дункана увенчалась успехом? — спросила она. — Фримены будут нашими союзниками?

— Пока ничего определенного. Дункан считает, что они хотят сперва понаблюдать за нами. Правда, они обещали прекратить набеги на наши окраинные поселения на время перемирия. Это гораздо больший успех, чем может показаться на первый взгляд. По словам Хавата, фримены всегда были головной болью Харконненов, а размеры наносимого ими ущерба тщательнейшим образом скрывались. Харконнену меньше всего хотелось сообщать Императору, что вся его армия не в состоянии справиться с местными бродягами.

— Фременка-домоправительница, — задумчиво проговорила Джессика. — У нее, конечно, совершенно синие глаза...

— Пусть тебя не обманывает их внешность, — сказал герцог. — В них много внутренней силы и здоровой жизненности. Я думаю, они именно то, что нам нужно.

— Это опасная игра.

— Давай не будем к этому возвращаться.

Джессика заставила себя улыбнуться.

— В любом случае мы уже вовлечены в эту игру — в этом-то по крайней мере сомнений нет.

Она быстро проделала приемы восстановления спокойствия — два глубоких вдоха, произнесенная формула — и сказала:

— Я буду распределять комнаты. У вас есть какие-нибудь особые пожелания?

— Ты должна научить меня когда-нибудь, как это делается, — заметил он. — Как ты отбрасываешь тревоги и возвращаешься к повседневным делам. Надо полагать, Бене-Гессеритские хитрости?

— Женские, — ответила она.

Он улыбнулся.

— Так вот, что касается комнат: во-первых, мне нужен большой кабинет рядом со спальней. Бумажной работы здесь будет гораздо больше, чем на Каладане. Разумеется, помещение для охраны рядом. И это, пожалуй, все. О безопасности дома не беспокойся. Суфировы парни проверили каждую щель.

— В этом я не сомневаюсь.

Он глянул на наручный хронометр.

— И проследи, чтобы все наши часы установили по арракинскому времени. Я уже велел технику заняться этим...

Он отвел прядь волос у нее со лба.

— А теперь мне надо вернуться на посадочное поле. Второй челнок, с отрядами резерва, сядет с минуты на минуту.

— Разве Хават не может их встретить, милорд? У вас такой усталый вид...

— Бедняга Суфир занят еще больше меня. Ты же знаешь, планета просто кишит харконненскими интригами. Кроме того, я должен попытаться уговорить нескольких опытных искателей Пряности не покидать Арракис. Ты знаешь — при смене правителя планеты у них есть право выбора, а этого планетолога, которого Император и Ландсраад назначили Арбитром Смены, невозможно подкупить. И он разрешил им выбирать. Около восьмисот квалифицированных меланж-машинистов и рабочих собираются вылететь на челноке с грузом Пряности, а на орбите висит корабль Гильдии...

— Милорд... — Она запнулась, не решаясь продолжать.

— Да?

«Его не отговорить от попытки сделать эту планету безопасной для нас, — думала Джессика. — И я не могу применить к нему приемы Бене Гессерит!»

— В какое время вы желаете обедать? — спросила она.

«Она не это хотела сказать, — понял он. — Ах, Джессика моя! Если б можно было оказаться подальше от этого ужасного места — вдвоем, без необходимости думать о безопасности, без всех этих забот и тревог!..»

— Поем в офицерской столовой на космодроме. — Он махнул рукой. — Вернусь поздно. И... да, я пришлю за Паулем машину с охраной. Я хочу, чтобы он присутствовал на совещании по вопросам нашей стратегии.

Он кашлянул, словно собираясь сказать что-то еще, потом, не произнеся ни слова, круто развернулся и уверенными шагами вышел в вестибюль, откуда все еще доносились звуки разгрузки. Слышно было, как он говорит в обычной надменно-командной манере (он всегда так обращался к слугам, когда спешил):

— Леди Джессика в Большом зале. Иди к ней, немедленно.

Хлопнула наружная дверь.

Джессика повернулась к портрету отца Лето. Тот был написан знаменитым Альбе в зрелые годы Старого Герцога и изображал его в костюме матадора с ярко-красным плащом на левой руке. Его лицо казалось довольно молодым — едва ли старше, чем Лето сейчас, и те же были у него ястребиные черты, те же серые пристальные глаза. Глядя на картину, она сжала кулаки.

— Будь ты проклят! Проклят! Проклят! — прошептала она.

— Что прикажете, высокородная госпожа? — Голос был женский, высокий и тягучий.

Джессика резко повернулась. Перед ней стояла угловатая седая женщина в свободном бесформенном платье уныло-бурого цвета. Она была такой же морщинистой и высохшей, как и все в толпе, встречавшей их утром на космодроме. Все жители планеты, кого я видела, подумала Джессика, были на вид какие-то иссохшие и истощенные. Лето, правда, сказал, что они очень сильные и жизнестойкие. И, конечно, у всех были эти необычные глаза — темно-синие глубокие провалы без капли белизны. Загадочные, таинственные глаза. Джессика заставила себя отвести взгляд.

Женщина неуклюже поклонилась — такой кивок могло бы отвесить боевое копье:

— Меня зовут Шэдаут Мэйпс, высокородная. Я жду ваших распоряжений.

— Можете называть меня «миледи», — сказала Джессика. — Я не высокородная. Я состою в конкубинате с герцогом Лето — я его официальная наложница.

Снова последовал тот же странный кивок, и женщина с какой-то двусмысленностью спросила:

— Значит, есть еще и жена?

— Нет и никогда не было. Я — единственная... спутница герцога и мать его наследника.

Говоря это, Джессика внутренне усмехнулась над гордыней, прозвучавшей в ее словах. Как там у блаженного Августина?.. «Разум приказывает телу, и тело подчиняется. Разум приказывает себе — и встречает сопротивление...» Да — и в последнее время это сопротивление растет. Придется мне потихоньку отступать...

С улицы донесся странный протяжный крик. И снова: «Су-су-суук! Су-су-суук! Икккут-эй!..» — и вновь: «Су-су-суук!..»

— Что это такое? — спросила Джессика. — Я уже слышала такой крик несколько раз, когда мы ехали по городу...

— Это всего лишь водонос, миледи. Торговец водой. Но вам не придется самой иметь дело с ними. Дворцовый резервуар рассчитан на пятьдесят тысяч литров и всегда полон... — Женщина взглянула на свое платье. — Видите, миледи, я даже могу не носить здесь дистикомб! — Она хихикнула. — И все еще жива! Живой человек без дистикомба!..

Джессика промолчала. Она колебалась, не зная, о чем можно спросить эту фрименку. Ей нужна какая-то информация, чтобы управлять женщиной... но еще важнее было навести порядок в новом доме. И ей было не по себе от мысли, что главным мерилом богатства здесь была вода.

— Мой муж говорил мне о вашем титуле — Шэдаут, — сказала Джессика. — Я знаю это слово. Оно очень древнее...

— Значит, вы знаете древние языки? — спросила Мэйпс и странно напряглась в ожидании ответа.

— Языки — первое, чему учат в школах Бене Гессерит, — ответила Джессика. — Я знаю бхотани джиб, чакобса, все охотничьи языки...

Мэйпс кивнула:

— Точно так, как сказано в легенде.

«Почему я участвую в этом мошенничестве? — спросила себя Джессика. — Но пути Бене Гессерит извилисты и запутанны, и кто восстанет против их силы?..»

— Мне ведомы Темные Знания и стезя Великой Матери, — промолвила Джессика. В поведении и внешности Мэйпс она прочла много сказавшие ей знаки, уже более очевидные. — Мисецес прейя, — провозгласила Джессика на чакобса. — Андрал т'ре перал Трада цик бускакри мисецес перакри...

Мэйпс на шаг отступила от нее, словно готовая бежать.

— Мне многое ведомо, — продолжала Джессика. — Так, я знаю, что у тебя были дети, что ты потеряла тех, кого любила, что ты вынуждена была скрываться и бежать в страхе, что, наконец, ты совершала насилие — и готова совершать его вновь, и совершишь еще; я многое знаю!

— Я не хотела обидеть вас, миледи, — тихо сказала Мэйпс.

— Ты говоришь о легендах — и жаждешь ответов, — сказала Джессика, — но берегись этих ответов! Так, знаю я, что ты пришла сюда, приготовясь к насилию, с оружием на груди. Так?

— Госпожа моя, я...

— Возможно, тебе и удалось бы забрать кровь жизни моей, — тем же тоном сказала Джессика, — хотя шансы на это и невелики. Но, сотворив сие, ты разрушила бы больше, чем способна представить в самых страшных своих кошмарах. Есть нечто худшее, чем смерть, — ты знаешь это, — даже и для целого народа.

— Госпожа! — взмолилась Мэйпс. Казалось, она упадет сейчас перед Джессикой на колени. — Госпожа, это оружие было послано вам в дар — если будет свидетельство, что вы — это Она, Та, кого мы ждем...

— Или же как орудие убийства — если окажется, что это не так, — утвердительно сказала Джессика. Она сидела в той обманчивой внешней расслабленности, которая делала обученных Бене Гессерит столь опасными противниками в бою.

Сейчас станет ясно, что она решила.

Мэйпс медленно сунула руку за ворот своего платья и извлекла оттуда темные ножны, из которых торчала черная рукоять с глубокими вырезами для пальцев. Она взяла ножны одной рукой, рукоять — другой, обнажила молочно-белый клинок и повернула его острием вверх. Казалось, клинок светится внутренним светом. Он был слегка изогнутым, обоюдоострым, как кинжал, сантиметров двадцати длиной.

— Знаете ли вы, что это такое, миледи? — спросила Мэйпс.

Джессика поняла, что это может быть лишь одна вещь — легендарный арракийский крис, который никогда не покидал планету и был известен лишь по самым фантастическим слухам и россказням.

— Это крис, — сказала она.

— Не говорите об этом так просто, — сказала Мэйпс. — Известно ли вам его значение?

Похоже, вопрос с двойным дном, пронеслось в голове Джессики. Вот зачем гордая фременка пошла ко мне в услужение: чтобы задать его. Мой ответ вызовет нападение или... что? Она хочет, чтобы я сказала о значении ножа. Она назвалась Шэдаут — на чакобса. Нож на чакобса будет «податель смерти»... *Она теряет терпение, я должна отвечать. Задержка так же опасна, как и неправильный ответ...*

— Это — Податель...

— Эйи-и-ии! — воскликнула Мэйпс. Крик одновременно горя, восторга и преклонения. Она так дрожала, что лезвие ножа бросало по комнате белые блики.

Джессика ждала, призвав на помощь все свое самообладание. Она хотела сказать, что нож — это «податель смерти», и добавить затем древнее слово на чакобса, но теперь все чувства, все ее сверхразвитое внимание к мельчайшим движениям тела — все останавливало ее.

Ключевым было слово... Податель.

Податель? Податель...

Но Мейпс все еще держала нож так, словно готова была пустить его в ход.

— Ты полагала, — промолвила Джессика, — что я, посвященная в тайны Великой Матери, не узнаю Подателя?

Мейпс опустила нож.

— Миледи... госпожа моя, когда так долго живешь с пророчеством, момент его исполнения становится потрясением.

Джессика подумала об этом пророчестве. Даже кости сестер Бене Гессерит, принадлежавших к Миссионарии Протектива, которые занесли сюда семена Шари-а и Паноплиа Профетикус, давно истлели, но цель их достигнута: необходимые легенды пустили корни в сознании этих людей в предвидении дня, когда они смогут послужить Бене Гессерит.

И вот этот день настал.

Мэйпс вернула крис в ножны и тихо сказала:

— Госпожа, это нефиксированный клинок. Храни его всегда возле себя. Неделя вдали от тела — и он начнет разлагаться. Он твой, этот зуб Шаи-Хулуда, твой... до твоей смерти.

Джессика протянула руку и рискнула пойти ва-банк:

— Мэйпс, ты убрала в ножны клинок, не вкусивший крови!

Вздрогнув, Мэйпс уронила клинок в руку Джессики и, рывком распахнув на груди свое бурое одеяние, воскликнула:

— Возьми воду моей жизни!

Джессика вытянула клинок из ножен. Как он сверкает!.. Она повернула его острием к Мэйпс и увидела, что той овладел страх больший, чем страх смерти.

«Острие отравлено?» — подумала Джессика. Она подняла нож, провела им над левой грудью Мэйпс небольшую царапинку. Порез сразу и обильно набух кровью, но красная струйка остановилась почти сразу.

«Сверхбыстрая коагуляция, — отметила Джессика. — Видимо, влагосберегающая мутация...»

Она вложила клинок в ножны, приказала:

— Застегнись, Мэйпс.

Мэйпс подчинилась, дрожа. Ее лишенные белого цвета — сплошь синева — глаза не мигая смотрели на Джессику.

— Ты — наша, — бормотала она, — ты — Она...

Со стороны вестибюля снова донесся грохот разгружаемых ящиков. Мэйпс быстро подхватила вложенный в ножны крис и спрятала его в одеянии Джессики.

— Кто увидит этот нож, тот должен быть очищен или убит! — прошептала она. — Ты знаешь это, госпожа!

Теперь знаю, — подумала Джессика.

Грузчики и их начальники ушли, не заглянув в большой зал.

Мэйпс овладела наконец собой и сказала:

— Тот, кто увидел крис и не был очищен, не должен живым покинуть Арракис. Никогда не забывай этого, госпожа. — Мэйпс глубоко вздохнула. — Теперь же дело должно идти своим путем. Ускорить события невозможно... — Она взглянула на штабеля ящиков и груды вещей вокруг. — Пока у нас найдется довольно работы и здесь.

Джессика колебалась. Дело должно идти своим путем? Но это же специфическое выражение из ритуальных формул Миссионарии Протектива, и означает оно «Приход Преподобной Матери, которая освободит вас».

«Но я же не Преподобная Мать! — Но тут Джессику поразило то, что вытекало из фразы Мэйпс. — Преподобная Мать! Они привили здесь эту легенду! Значит, Арракис — в самом деле страшное место!..»

А Мэйпс как ни в чем не бывало спросила:

— С чего прикажете начать, миледи?

Джессика инстинктивно поняла, что должна ответить так же спокойно, словно между ними не произошло ничего:

— Вот этот портрет Старого Герцога надо повесить в Обеденном зале. А голова быка должна быть повешена на противоположной от него стене.

Мэйпс подошла к бычьей голове.

— Какой же, должно быть, это был большой зверь — при такой-то голове, — сказала она и наклонилась поближе. — Только, наверное, сначала мне придется почистить ее, миледи.

— Не надо.

— Но тут на рогах грязь, прямо комками.

— Это не грязь, Мэйпс. Это кровь отца нашего герцога. Рога покрыты прозрачным фиксатором через несколько часов после того, как этот зверь убил Старого Герцога.

Мэйпс выпрямилась.

— Ах, вот как...

— Это просто кровь, — пояснила Джессика. — Да еще и старая кровь. Возьми кого-нибудь себе в помощь: эти ужасные вещи довольно тяжелы.

— Вы полагаете, кровь может меня обеспокоить? — еле заметно усмехнулась Мэйпс. — Я из Пустыни, и крови видела предостаточно.

— Да... могу поверить, — пробормотала Джессика.

— Притом часть этой крови была моей собственной, — продолжила Мэйпс. — И ее было куда больше, чем выпустили вы из этой маленькой царапинки!

— Ты бы хотела, чтобы я резанула поглубже?

— Ах, нет! К чему расточать зря воду тела? Всё вы сделали правильно.

И Джессика, уловив ее интонацию, отметила глубокое значение слов «вода тела». Снова огромное значение воды на Арракисе вызвало в ней чувство подавленности.

— На какие именно стены повесить каждое из этих украшений, миледи? — спросила Мэйпс.

Какая она педантичная, эта Мэйпс, подумала Джессика и махнула рукой:

— На твое усмотрение, Мэйпс. Особого значение это не имеет.

— Как скажете, миледи. — Мэйпс нагнулась и принялась снимать с бычьей головы остатки обертки и бечевку. — Убил, значит, старого-то герцога, малыш? — почти пропела она, обращаясь к голове.

— Позвать тебе на помощь грузчика? — спросила Джессика.

— Я справлюсь сама, миледи.

Да, она справится. Этого у нее не отнимешь: *стремление справиться с чем угодно...*

Крис в ножнах холодил кожу на груди, и Джессика представила себе длинную цепь планов Бене Гессерит, выковавшей здесь еще одно звено. Благодаря этим планам ей удалось пережить сейчас смертельный кризис. «Ускорить события нельзя», — сказала Мэйпс. Но уже сама поспешность, с какой они устремились в это место, наполняла Джессику дурными предчувствиями. И ни подго-

товка Миссионарии Протектива, ни дотошная проверка, которой Хават подверг это логово, не могли рассеять эти предчувствия.

— Когда повесишь их, начинай распаковывать ящики, — сказала Джессика. — У одного из грузчиков в вестибюле есть все ключи, и он знает, куда что нести. Возьми у него ключи и опись вещей. Если будут какие-нибудь вопросы — я в южном крыле.

— Слушаюсь, миледи.

Джессика повернулась к выходу, но тревога не покидала ее: хотя Хават счел дом безопасным, что-то здесь было не так, она чувствовала это.

Вдруг она поняла, что ей необходимо увидеть сына — прямо сейчас. Она направилась к арочному проему коридора, соединявшего Большой зал с Обеденным и с жилыми покоями. Она шла все быстрее и быстрее и наконец — почти побежала.

За ее спиной Мэйпс, оторвавшись от очистки бычьей головы от клочков упаковки, взглянула хозяйке вслед и пробормотала:

— Она действительно Та. Бедняжка.

«Юйэ! Юйэ! Юйэ! — звучит рефрен. — Миллиона смертей мало для Юйэ!»

(Принцесса Ирулан, «История Муад'Диба для детей»)

Дверь была приоткрыта, и Джессика вошла в комнату с желтыми стенами. Слева стоял небольшой диван черной кожи и два пустых книжных шкафа, висела пыльная фляга с водой. Справа, по обе стороны второй двери, — еще два пустых шкафа и привезенный с Каладана стол с тремя креслами. А напротив, у окна, спиной к ней стоял доктор Юйэ и не отрываясь смотрел на что-то снаружи.

Джессика тихо сделала еще один шаг.

Она заметила, что одежда Юйэ измята, на локте — меловое пятно, словно он где-то прислонился к штукатурке. Со спины он выглядел бестелесной тонкой фигуркой в карикатурно больших черных одеждах. Казалось, это — составленная из палочек марионетка, которую в

любой момент может потянуть за ниточки невидимый кукловод. Живой выглядела лишь массивная квадратная голова с длинными черными волосами, схваченными над самым плечом серебряным кольцом Суккской Школы, — голова еле заметно поворачивалась, следуя за каким-то движением на улице.

Она снова оглядела комнату. Никаких следов присутствия сына, но дверь справа вела в маленькую спальню, облюбованную Паулем.

— Добрый день, доктор Юйэ, — кивнула ему Джессика. — А где Пауль?

Он качнул головой так, словно обращался к кому-то за окном, и, не оборачиваясь, отсутствующе произнес:

— Ваш сын устал, Джессика. Я отослал его в ту комнату, чтобы он отдохнул...

Вдруг он замер и резко обернулся — длинные усы при этом шлепнули его по губам.

— Простите, миледи! Мысли мои были далеко... я... как я мог позволить себе фамильярность!..

Она улыбнулась, успокаивающе протянув к нему правую руку, причем на мгновение испугалась, что доктор упадет перед ней на колени.

— Веллингтон, прошу вас...

— Но обращаться к вам подобным образом... я...

— Мы знаем друг друга уже больше шести лет, — сказала Джессика. — Достаточно долгий срок, чтобы отбросить чрезмерные формальности между нами — по крайней мере в неофициальной обстановке.

Юйэ отважился на слабую улыбку.

«Кажется, это сработало, — подумал он. — Теперь она отнесет все замеченные ею странности в моем поведении на счет смущения. И, зная ответ, не станет доискиваться иных причин».

— Боюсь, я слишком рассеян, — сказал он. — Всякий раз, когда я ощущаю сочувствие к вам, я думаю о вас, простите... как просто о... Джессике.

— Сочувствие ко мне? Почему?

Юйэ пожал плечами. Он уже давно понял, что Джессика не наделена даром Правдовидения в той же мере, как его Уанна. Тем не менее он всегда, когда это было

возможно, старался говорить ей правду. Так было безопаснее всего.

— Вы уже видели это место, ми... Джессика. — Он споткнулся на имени, но затем продолжил: — Такое пустынное, голое после Каладана. А люди здесь! Эти горожанки, мимо которых мы проезжали, — как они кричали под своими покрывалами! Как смотрели на нас!..

Она сложила руки на груди, обхватила себя за плечи и ощутила крис — клинок, выточенный, если верить рассказам, из зуба песчаного червя.

— Просто мы кажемся им странными — иные люди, иные обычаи. Они же знали только Харконненов. — Джессика взглянула поверх его плеча в окно. — На что вы смотрели?

Он повернулся к окну:

— На людей.

Джессика встала рядом, посмотрела туда, куда глядел Юйэ, на участок перед домом. Там росли в ряд два десятка пальм. Земля между ними была голая, чисто выметенная. Силовое поле отгораживало их от улицы, по которой двигались люди в широких одеждах. Джессика заметила в воздухе между нею и этими людьми слабое мерцание поля, окружавшего дом, и все вглядывалась в толпу, пытаясь понять, что же в ней могло так захватить внимание Юйэ.

Наконец она заметила — и прижала ладонь к щеке. Как эти люди смотрели на пальмы! Она увидела зависть, какую-то ненависть... и даже надежду. Все они смотрели на пальмы с одним и тем же выражением лица.

— Знаете, о чем они думают? — спросил Юйэ.

— А вы умеете читать мысли?

— *Эти* мысли... Их не надо читать. Они глядят на пальмы и думают: «Это сто человек». Вот что они думают.

Джессика недоумевающе подняла брови:

— Почему?

— Это финиковые пальмы, — объяснил он. — Одной финиковой пальме требуется сорок литров воды в день. Человеку — *здесь* — достаточно восьми. Таким образом, каждая пальма соответствует жизням пяти людей. Здесь двадцать пальм — то есть сотня людей.

— Но кое-кто из них смотрит на пальмы с надеждой.

— Они надеются всего лишь на то, что упадет несколько фиников. Только теперь не сезон.

— Мы слишком несправедливы к этой планете, — сказала Джессика. — Здесь, конечно, есть опасность, но есть и надежда. Пряность в самом деле может обогатить нас. А имея достаточно богатую казну, мы сможем превратить этот мир во что пожелаем...

И она мысленно засмеялась над собой: «Кого я пытаюсь убедить?» Смех вырвался наружу и прозвучал ломко, безрадостно.

— Но безопасность не купишь, — добавила она.

Юйэ отвернулся, чтобы она не видела его лицо. «Если бы я только смог ненавидеть, а не любить этих людей!» — подумал он. Джессика во многом напоминала его Уанну. Но сама эта мысль несла с собой суровое напоминание, укрепляя его на тяжком пути к цели. Кто может знать все пути харконненской жестокости? Уанна могла быть еще жива. Он должен удостовериться сам.

— Не тревожьтесь за нас, Веллингтон, — мягко сказала Джессика. — Это наша проблема, не ваша.

«Она думает, что я тревожусь о ней! — Он смигнул слезу. — И она, конечно, права. Но я должен предстать перед этим черным бароном, исполнив порученное мне дело, и использовать единственный мой шанс, чтобы нанести удар тогда, когда он будет менее всего готов к этому, когда он будет слабее всего, — в момент его торжества!»

Юйэ вздохнул.

— Я не побеспокою Пауля, если взгляну на него? — спросила Джессика.

— Нисколько. Я дал ему успокаивающее.

— Хорошо ли он переносит перемены?

— Да, если не считать небольшого переутомления. Он возбужден, но кто в его возрасте не был бы возбужден в подобных обстоятельствах?.. — Юйэ подошел к двери, открыл ее. — Он здесь.

Джессика последовала за ним, вгляделась в полутьму. Пауль лежал на узкой кровати, держа одну руку под легким покрывалом, а другую закинув за голову. Жалюзи

на окне рядом с кроватью сплели узор теней на лице и покрывале.

Джессика всматривалась в лицо сына, овал которого так походил на ее собственный. Но волосы были отцовские — жесткие, черные, взъерошенные. Длинные ресницы скрывали светло-серые глаза. Джессика улыбнулась, чувствуя, как отступают страхи. Ее почему-то не отпускала мысль о наследственных признаках в чертах сына — ее глаза и абрис, но сквозь них, словно вырастающая из детства зрелость, проступали резкие черты отца.

Она подумала, что облик мальчика — изысканный дистиллят множества случайных сочетаний, бесконечной череды наугад тасуемых образов, соединенных в единую цепь. Ей захотелось встать на колени возле кровати и обнять сына, но сдерживало присутствие Юйэ. Она отступила назад и тихо закрыла дверь.

Юйэ отошел к окну, не в силах смотреть, как Джессика любуется сыном. «Почему Уанна не подарила мне детей? — в который раз с тоской спросил он себя. — Я как врач знаю, что физических препятствий к тому не было. Связано ли это с Бене Гессерит? Возможно, ей велели хранить себя для какой-то иной цели? Но какой? Она, несомненно, любила меня...»

Впервые ему пришло в голову, что он сам мог быть частью замысла, куда более сложного и запутанного, чем он мог бы представить.

Джессика встала подле него, задумчиво сказала:

— Какая восхитительная безмятежность у сна ребенка...

Он механически ответил:

— Если бы только взрослые умели так расслабляться.

— Да.

— Где потеряли мы это?.. — пробормотал он.

Она взглянула на него, уловив что-то странное в его интонации, но мысли ее по-прежнему были прикованы к Паулю: она думала о новой суровости, которая должна прибавиться здесь к его обучению, о том, как изменится теперь его жизнь — и как сильно будет отличаться от той жизни, которую они планировали для него...

— Да, мы действительно потеряли что-то, — проговорила она.

Она взглянула направо, на склон, поросший дрожащими на ветру серо-зелеными кустами с пыльными листьями и ветвями, похожими на когтистые лапы. Мрачно-темное небо нависало над самым склоном, как огромная клякса. Молочно-белый свет арракийского солнца придавал пейзажу серебристый оттенок — свет этот напоминал блеск криса, спрятанного сейчас у нее на груди.

— Какое темное небо, — сказала она.

— Отчасти это объясняется очень низкой влажностью, — пояснил Юйэ.

— Вода! — раздраженно сказала Джессика. — Куда ни посмотри, все здесь напоминает о недостатке воды!

— Это и есть тайна Арракиса, — отозвался он.

— То, почему тут так мало воды?.. Почвы сложены из вулканических пород. Можно назвать дюжину различных причин. Есть лед в полярных шапках. В Пустыне, насколько мне известно, бурить нельзя — бури и песчаные приливы уничтожат оборудование прежде, чем оно будет установлено и запущено, если, конечно, черви не доберутся до него еще раньше. И ни разу им не попадались признаки воды... Но тайна — настоящая тайна, Веллингтон! — это колодцы, пробуренные во впадинах и чашах. Вы читали о них?

— Да. Сначала — тоненькая струйка, потом — ничего, — ответил он.

— Но, Веллингтон, в этом-то и есть тайна! Вода была там! Потом она иссякала, и больше ее никогда не было. Но затем рядом бурят новую скважину, и происходит то же самое: сначала — струйка, потом — ничего. Неужели никто не заинтересовался этим?

— В самом деле, странно, — согласился Юйэ. — Вы подозреваете участие биологического фактора? Но разве он не проявился бы в пробах грунта?

— Проявился бы? Как? Инородное растительное... или животное вещество? Кто распознал бы его? — Она снова повернулась к обрыву. — Вода не останавливается — *что-то* останавливает ее. Так мне кажется...

— Возможно, — кивнул Юйэ. — Харконнены закрыли множество источников информации об Арракисе. Быть может, у них были на то причины.

— Какие? — спросила она. — И вот еще что: атмосферная влага. Да, ее немного, но она есть. Она дает бóльшую часть добываемой воды, которую собирают ветровыми ловушками и осадителями. Откуда эта влага в атмосфере?

— Полярные шапки, возможно?..

— Холодный воздух не примет много влаги. За харконненской завесой здесь скрыто многое, требующее тщательного расследования, и не все из этого напрямую связано с Пряностью.

— Мы действительно опутаны харконненской завесой, — проговорил Юйэ. — Возможно, мы даже... — Он оборвал себя, заметив напряжение, возникшее в ее взгляде, обращенном на него. — Что-нибудь не так?

— То, как вы сказали «харконненской»... — ответила она. — Даже герцог не произносит это имя с такой ненавистью. Я не знала, что у вас есть личные причины так ненавидеть их, Веллингтон.

«Великая Мать! — пронеслось у него в сознании. — Я таки вызвал ее подозрения! Теперь мне пригодятся все уловки, каким меня учила моя Уанна. Остается единственный путь — сказать ей правду, насколько это возможно...»

— Вы не знаете, что моя жена, моя Уанна... — Он свел плечи, не в силах продолжать из-за комка в горле. Наконец сумел выдавить: — Они... — Нет, он не мог говорить. Его охватила паника, он зажмурил глаза, испытывая боль в груди и почти ничего больше не чувствуя и не видя, пока его плеча не коснулась рука.

— Простите меня, — сказала Джессика. — Я не хотела тревожить старую рану...

«Эти скоты! — подумала она. — Его жена была Бене Гессерит, по нему это отчетливо видно. И очевидно, что Харконнены убили ее. Вот еще одна несчастная жертва, привязанная к Атрейдесам в шереме ненависти...»

— Простите, — сказал Юйэ, — я не могу говорить об этом. — Он открыл глаза, разрешая печали охватить себя. Печаль по крайней мере была подлинной.

— Веллингтон, мне, право, жаль — простите, что мы привезли вас в это ужасное место, — сказала она.

— Я приехал сюда по доброй воле, — отозвался он. И это тоже была правда.

— Но вся эта планета — харконненская ловушка. Вы же должны это понимать.

— Нужно нечто большее, чем простая ловушка, чтобы поймать герцога Лето. — И это тоже было правдой...

— Наверное, мне следовало бы быть более уверенной в нем, — вздохнула Джессика. — Он прекрасный тактик.

— Мы вырваны с корнем из нашей почвы, — проговорил он. — Вот почему нам так тяжело.

— А как легко убить вырванное с корнем растение, — сказала Джессика. — Особенно когда оно пересажено на враждебную почву.

— Вы уверены, что почва враждебна нам?

— Когда здесь узнали, сколько людей добавляет герцог к местному населению, вспыхнули водяные бунты, — сказала она. — И они прекратились, только когда люди узнали, что мы устанавливаем новые ветровые ловушки и конденсаторы, чтобы покрыть расход воды на содержание наших людей.

— Но здесь воды достаточно для поддержания жизни лишь определенного количества людей, — возразил он. — И люди знают, что, когда на планете с ее ограниченными запасами воды появляются лишние рты, цены на воду растут и самые бедные вымирают. Но герцог решил эту проблему. Поэтому из водяных бунтов отнюдь не следует, что люди все время будут настроены к нему враждебно.

— А охрана, — сказала она, — повсюду охрана. И силовые поля. Куда ни взглянешь, повсюду мерцают силовые щиты. На Каладане мы жили не так...

— Погодите немного — дайте этой планете шанс, — сказал он.

Джессика продолжала смотреть в окно.

— Я чувствую здесь запах смерти, — наконец проговорила она. — Хават прислал сюда батальон своих агентов задолго до квартирьеров. Стражники снаружи — его люди. Грузчики — его люди. Из казны безо всяких объяснений изымаются громадные суммы. Их размеры могут означать только одно: взятки на самом высшем уровне. — Она пока-

чала головой. — Куда бы ни пришел Суфир Хават, следом появляются обман и смерть...

— Вы возводите напраслину на беднягу.

— Напраслину? Я же его хвалю. Смерть и обман — это все, на что мы еще можем надеяться. Просто я не заблуждаюсь относительно методов Суфира.

— Вам стоило бы... отвлечься каким-нибудь делом, — покачал головой Юйэ. — Не оставляйте себе времени для таких тягостных...

— Дело! А я что делаю почти все время, Веллингтон? Я — секретарь герцога, и это такое дело, что каждый день я узнаю о все новых опасностях... даже он сам не подозревает, что я знаю о них. — Она сжала губы и, помолчав, добавила: — Иногда я спрашиваю себя, какую роль в том, что он выбрал меня, сыграла моя подготовка как Бене Гессерит.

— Что вы имеете в виду? — Он поразился ее циничному тону, горечи, которую она никогда не выказывала раньше.

— Не думаете ли вы, Веллингтон, — промолвила Джессика, — что куда безопаснее иметь секретаршу, привязанную любовью к своему патрону?..

— Вряд ли это достойная мысль, Джессика.

Упрек вырвался у него сам собой и потому прозвучал очень естественно. Невозможно было усомниться в том, как относится герцог к своей наложнице. Достаточно увидеть, как он взглядом следует за ней...

Она вздохнула:

— Вы правы. Это в самом деле недостойно.

Она стояла, обхватив себя за плечи и прижав к телу крис в ножнах, думая о том незавершенном деле, символом которого он был.

— Скоро здесь прольется кровь. Много крови, — сказала она. — Харконнены не успокоятся, пока не погибнут сами или не уничтожат герцога. Барон не может забыть, что Лето — кузэн Императора, пусть и отдаленный, — а титул Харконненов куплен на миллиарды КООАМ. Но главное — это яд, отравляющий глубины его сознания: память о том, что когда-то, после Корринской битвы, Атрейдес изгнал Харконнена за трусость.

— Старинная вражда, — пробормотал Юйэ. На мгновение он ощутил разъедающее прикосновение ненависти. Старинная вражда поймала его в свои сети, убила его Уанну или — что еще хуже — оставила ее в руках харконненских мучителей, и пытки будут продолжаться, пока ее муж не заплатит запрошенную палачами цену. Старинная вражда поймала его, и эти люди — часть этого отвратительного дела. Какая злая ирония в том, что такая смертоносная мерзость расцвела именно здесь, на Арракисе, единственном во Вселенной источнике меланжи, продлевающей жизнь и дарующей здоровье!..

— О чем вы думаете? — спросила она.

— Я думаю о том, что сейчас декаграмм Пряности стоит шестьсот двадцать тысяч соляриев — и это не на черном рынке, а вполне официально. На такие деньги можно купить многое.

— Жадность коснулась даже вас, Веллингтон?

— Это не жадность.

— А что?

Он пожал плечами:

— Тщетность.

Взглянув на Джессику, он после небольшой паузы спросил:

— Вы помните, какой был вкус у Пряности, когда вы попробовали ее в первый раз?

— Она напоминала корицу.

— Но вкус ни разу не повторялся, — заметил Юйэ. — Она как жизнь — каждый раз предстает в новом обличье. Некоторые полагают, что меланжа вызывает так называемую реакцию ассоциированного вкуса. Иначе говоря, организм воспринимает ее как полезное вещество и, соответственно, интерпретирует ее вкус как приятный, — это эйфорическое восприятие. И, подобно жизни, Пряность никогда не удастся синтезировать, создать ее точный искусственный аналог...

— Я думаю, что нам, возможно, было бы мудрее стать отступниками, уйдя за пределы досягаемости Империи, — сказала Джессика.

Он понял, что она его не слушала, и подумал: в самом деле, почему она не склонила герцога к этому? Она могла бы заставить его сделать практически все, что угодно...

Он быстро проговорил — быстро, потому что менял предмет разговора и проблем с правдой не должно было возникнуть:

— Не сочтите за дерзость... Джессика. Можно задать вам личный вопрос?

Она оперлась о подоконник, почувствовав необъяснимый укол беспокойства.

— Ну разумеется. Вы же... мой друг.

— Почему вы не заставили герцога жениться на вас?

Она резко обернулась, вскинула голову, пристально взглянула ему в глаза.

— Не заставила его жениться на мне? Но...

— Мне не следовало задавать этот вопрос, — сказал он.

— Нет, почему же? — Она пожала плечами. — На то есть достаточно веская политическая причина — до тех пор, пока мой герцог остается неженатым, у некоторых Великих Домов сохраняется надежда на породнение с ним. И... — она вздохнула, — и, кроме того, принуждение людей, подчинение их своей воле приводит к циничному отношению к человечеству в целом. А такое отношение разлагает все, чего касается. Если бы я склонила его к этому... это было бы не его поступком.

— Эти слова могла бы сказать и моя Уанна, — пробормотал он. И это тоже было правдой. Он приложил руку ко рту, судорожно сглотнул. Никогда он не был так близок к признанию, к разоблачению своей тайной роли.

Джессика заговорила снова, разрушив мгновение, когда признание готово было сорваться:

— И кроме того, Веллингтон, в герцоге словно бы два человека. Одного из них я очень люблю. Он обаятельный, остроумный, заботливый... нежный — словом, в нем есть все, чего только может пожелать женщина. Но другой человек... холодный, черствый, требовательный и эгоистичный — суровый и жесткий, даже жестокий, как зимний ветер. Это — человек, сформированный его отцом. — Ее лицо исказилось. — Если бы только этот старик умер, когда родился Лето!..

В наступившем молчании слышно было, как шевелит занавески струя воздуха от вентилятора.

Наконец она глубоко вздохнула и сказала:

— Лето прав — здесь комнаты уютнее, чем в других частях дома. — Она повернулась, окидывая комнату взглядом. — А теперь извините меня, Веллингтон. Я хотела бы еще раз обойти это крыло перед тем, как распределять помещения.

Он кивнул:

— Разумеется.

И подумал: «Если бы был хоть какой-нибудь способ избежать того, что я должен сделать!»

Джессика опустила руки, пересекла комнату и на мгновение остановилась в нерешительности на пороге, — а потом все-таки вышла, ничего не спросив.

«В течение всего разговора он что-то скрывал, что-то утаивал, — думала она. — Несомненно, он боится расстроить меня. Он славный человек. — И снова заколебалась, почти уже повернула обратно, чтобы вызнать, что же скрывает Юйэ. — Но это только пристыдило и испугало бы его — да, он испугался бы, что я так легко читаю в его душе. Мне следует больше доверять своим друзьям».

Многие отмечали быстроту, с которой Муад'Диб усвоил уроки Арракиса и познал его неизбежности. Мы, Бене Гессерит, разумеется, знаем, в чем основы этой быстроты. Другим же можем сказать, что Муад'Диб быстро учился потому, что прежде всего его научили тому, как надо учиться. Но самым первым уроком стало усвоение веры в то, что он может учиться, и это — основа всего. Просто поразительно, как много людей не верят в то, что могут учиться и научиться, и насколько больше людей считают, что учиться очень трудно. Муад'Диб же знал, что каждый опыт несет свой урок.

(Принцесса Ирулан, «Человечность Муад'Диба»)

Пауль лежал в постели и притворялся спящим. Спрятать в руке таблетку доктора Юйэ, сделав вид, что глотаешь ее, было проще простого. Пауль подавил смешок: даже мать поверила, что он спит! Он хотел было вскочить и попросить у нее разрешения осмотреть дом, но понял,

что она этого не одобрила бы. Слишком все сумбурно, слишком еще неулаженно. Нет. Лучше притвориться...

«Если я тихонько уйду без спроса, то о непослушании речи нет: ведь и запрета не было. Кроме того, я же никуда не выйду из дома, а в доме безопасно».

Он слышал, как мать в соседней комнате беседует с Юйэ. Слова доносились невнятно — что-то о Пряности... о Харконненах... Голоса раздавались то громче, то тише и наконец смолкли.

Пауль принялся разглядывать резное изголовье кровати — на самом деле это был замаскированный пульт управления оборудованием комнаты. Резьба изображала рыбу, застывшую в прыжке над крутыми завитками волн. Он уже знал, что если нажать на ее глаз — единственный видимый глаз рыбы, — то загорятся плавающие лампы. Одну из волн можно было поворачивать, регулируя вентиляцию. Другая управляла температурой.

Пауль беззвучно сел в постели. Слева от кровати у стены стоял высокий книжный шкаф. Его можно было отодвинуть от стены, открыть потайной кабинетец с боковыми ящиками. Ручка двери в холл была выполнена в виде штурвала орнитоптера.

Комната выглядела так, словно была специально предназначена соблазнить и завлечь его.

Комната и вся планета.

Он подумал о книгофильме, который показал ему Юйэ: «Арракис. Его Императорского Величества Ботаническая Испытательная станция». Старый книгофильм, сделанный еще до открытия Пряности. Названия проносились в сознании Пауля, каждое — с изображением, запечатленным в памяти мнемонической пульсацией: сагуаро*, ослиный куст, финиковая пальма, песчаная вербена, вечерняя примула, бочоночный кактус, фимиамовый куст, дымное дерево, креозотовый кустарник... лисица-фенек, пустынный ястреб, кенгуровая мышь или арракийский тушканчик...

Названия и изображения, многие из которых пришли из далекого земного прошлого человечества, но и мно-

* саговый драконий корень (*исп., вымышл.*).

жество таких, каких не найти во всей Вселенной, только здесь, на планете Арракис.

Так много нового, о чем надо узнать поподробнее! Например, Пряность.

И песчаные черви.

В соседней комнате закрылась дверь. Это ушла мать — Пауль слышал ее легкие шаги через холл. Доктор Юйэ, конечно, найдет себе что-нибудь почитать и останется в комнате.

Самое время отправляться на разведку.

Пауль соскользнул с кровати и направился к хитроумному книжному шкафу с тайником. Услышав за спиной какой-то звук, он обернулся. Резное изголовье отошло вниз точно у того места, где он только что лежал. Пауль замер, и неподвижность спасла ему жизнь.

Из-за отошедшей панели выскользнул крохотный охотник-искатель, машинка не более пяти сантиметров длиной. Пауль сразу узнал ее — распространенное оружие асассинов, с раннего детства хорошо знакомое любому ребенку из Правящих Домов. Металлическая игла управлялась скрывавшимся где-то поблизости убийцей. Она отыскивала живое движущееся тело, вонзалась в него и, прорезая себе путь вдоль нервных путей, добиралась до ближайшего жизненно важного органа...

Искатель приподнялся и, зависнув в воздухе, хищно поворачивался вправо-влево, словно вынюхивая добычу.

В памяти Пауля всплыли характеристики охотника-искателя, в том числе и недостатки этого устройства: сжатое силовое поле подвески сильно искажало изображение в миниатюрном телеглазе искателя. Значит, в полутьме спальни оператор не сможет разглядеть свою жертву и будет вынужден ориентироваться на движение — на любое движение, надеясь, что цель выдаст себя. Щит-пояс лежит на кровати... Луч лазера мог бы сбить такую машинку, но лучеметы были слишком дороги и чудовищно капризны; кроме того, лазерный луч, соприкоснувшись с силовым полем, мог вызвать взрыв. Поэтому Атрейдесы предпочитали полагаться на личные щиты и свои ум и ловкость.

Сейчас Пауль заставил себя замереть в почти мертвой неподвижности — он понимал, что может полагаться только на себя. На ум и ловкость.

Охотник-искатель поднялся еще на полметра и, словно струясь в полосках слабого света, пробивавшегося сквозь жалюзи, поисковым зигзагом пошел от стены к стене через комнату, деля ее на уменьшающиеся квадраты.

«Надо попытаться схватить эту штуку, — решил Пауль. — Из-за поля подвески она снизу как будто скользкая — так что надо хватать ее покрепче».

Машинка опустилась полуметром ниже, повернула влево, покружила над кроватью. Слышно было ее слабое гудение.

Интересно, кто им управляет? Он ведь должен быть совсем рядом. Можно было бы позвать доктора Юйэ, но эта штука убьет его, едва он откроет дверь...

Дверь в холл за спиной Пауля скрипнула, кто-то постучал и открыл ее.

Охотник-искатель метнулся мимо Пауля — на движение.

Правая рука юноши взметнулась и схватила смертоносную игрушку. Та гудела, дергалась и изгибалась, но он изо всех сил сжимал кулак. Затем Пауль с размаху ударил штуковину клювом о металлическую дверную панель. Носовой телеглаз с хрустом разбился, и искатель бессильно замер в его руке.

Но Пауль не выпускал его — на всякий случай.

Пауль поднял взгляд и встретился с широко открытыми, сплошь синими глазами Шэдаут Мэйпс.

— Ваш отец послал за вами, — сказала она. — В холле вас ждет охрана.

Пауль кивнул, удивленно разглядывая незнакомую женщину в мешковатом буром платье. Та же смотрела теперь на предмет в его руке.

— Я слышала о таких штуках, — сказала она. — Она бы меня убила, да?

Ему пришлось глотнуть, прежде чем он смог говорить:

— Ее... целью был я.

— Но она летела в меня.

— Потому что вы двигались. *(Любопытно, кто она такая?)*

— Значит, вы спасли мне жизнь.

— Я спас нас обоих.

— Вы могли бы спастись и если бы позволили ей убить меня.

— Кто вы? — спросил он.

— Шэдаут Мэйпс, домоправительница.

— Как вы узнали, где меня искать?

— Ваша мать мне сказала. Я встретила ее на лестнице, ведущей в колдовскую комнату, — это тут рядом по коридору. — Она махнула рукой куда-то направо. — Там ждут люди вашего отца.

«Люди Хавата, — подумал Пауль. — Надо найти оператора этой штуки».

— Пойдите к ним, — распорядился он. — Скажите им, что я поймал в доме охотник-искатель и что они должны обыскать дом и найти оператора. Пусть немедленно блокируют все выходы из дома и ближайшие подходы. Они знают, что делать. Оператор наверняка не из наших людей.

И тут же подумал: «Может быть, это она?»

Но он знал, что нет. Когда женщина вошла, искателем кто-то еще управлял.

— Прежде чем выполнить вашу просьбу... человечек, — проговорила она, — я хочу, чтобы между мною и... тобой все было ясно. Вы возложили на меня Долг воды, хотя я и не уверена, что хотела бы нести такое бремя. Но мы, фримены, платим свои долги — и белые, и черные долги. И нам известно, что среди ваших людей есть предатель. Кто он, мы не знаем, но в том, что предатель есть, — уверены. Может быть, это его рука направляла этот летающий нож...

Пауль воспринял все это в молчании. Предатель. И прежде чем он успел сказать что-нибудь, странная женщина повернулась и почти выбежала из комнаты.

Он хотел было вернуть ее, но понял, что она оскорбилась бы — было в ее манерах что-то такое... Она сказала ему все, что знала, и пошла выполнять его просьбу. Сейчас дом наводнят люди Хавата.

Мысль его переключилась на другие странности этой странной беседы. *Колдовская комната.* Он посмотрел туда,

куда показывала Мэйпс. *Мы, фримены...* Значит, это была фременка. Он на мгновение отвлекся от размышлений, чтобы с помощью мнемонического приема запомнить лицо: сморщенное, как чернослив, темно-коричневое обветренное лицо; глаза — синее на синем. К этому образу он прикрепил бирку: Шэдаут Мэйпс.

Все еще сжимая в руке разбитый охотник-искатель, Пауль вернулся в свою комнату, левой рукой поднял с кровати щит, надел его и выбежал в коридор, налево, на бегу застегивая пряжку.

Она сказала, что мать где-то здесь... тут должна быть лестница в колдовскую комнату.

Что поддерживало леди Джессику во времена испытаний? Задумайтесь над притчей Бене Гессерит, и тогда вы, возможно, поймете: «Любая дорога, пройденная до конца, приводит в никуда. Чтобы убедиться, что гора — это гора, незачем взбираться высоко. Хватит и небольшого подъема, ибо с вершины гора не видна».

(Принцесса Ирулан, «Муад'Диб. Семейные комментарии»)

В конце южного крыла Джессика обнаружила металлическую винтовую лестницу, поднимающуюся к овальной двери. Оглянувшись на коридор, она опять повернулась к двери. Странно: овал — необычная форма для двери в доме.

В окнах под лестницей Джессика видела огромное белое солнце Арракиса, катящееся к вечеру. Длинные тени пронзили коридор. Она внимательно оглядела лестницу: в ярком боковом свете были отчетливо видны комочки высохшей земли, приставшие к металлическим ступеням.

Джессика положила руку на перила и двинулась вверх. Перила холодили ладонь. Поднявшись, она увидела, что у двери нет ручки — на ее месте было только небольшое углубление.

Вряд ли это дакти-замок, подумала она, ведь дакти-замок делается под форму ладони и папиллярные линии одного только владельца. Тем не менее углубление похо-

дило на дакти-замок. А как ее учили в школе Б.Г., любой дакти-замок можно открыть.

Джессика оглянулась, удостоверилась, что за ней никто не следит, приложила ладонь к углублению в двери, обернулась и увидела скользящую к лестнице Мэйпс.

— В большой зал пришли какие-то люди и говорят, что герцог прислал их за молодым господином, Паулем, — сообщила Мэйпс. — Они показали герцогскую печать, и охрана их узнала.

Она взглянула на дверь и снова на Джессику.

А она осторожна, эта Мэйпс. Хороший знак.

— Пауль в пятой комнате отсюда по коридору, в маленькой спальне, — показала Джессика. — Если тебе не удастся разбудить его сразу, позови доктора Юйэ — он в соседней комнате. Возможно, придется сделать стимулирующую инъекцию.

Мэйпс снова бросила странный взгляд на овальную дверь, и Джессике показалось, что на лице домоправительницы промелькнуло отвращение. Однако прежде чем Джессика успела спросить, что скрывается за этой дверью, Мэйпс уже удалялась по коридору.

Хават проверил это место. Так что здесь не может быть чего-либо особенно опасного.

Она толкнула дверь. Та подалась внутрь, открыв ее взору крохотное помещение с такой же овальной дверью в противоположной стене — только со штурвальной кремальерой вместо ручки.

Воздушный шлюз! — удивилась Джессика. Она заметила валяющуюся на полу шлюзовой камеры подпорку для двери. На подпорке красовался личный значок Хавата.

Дверь оставили открытой. Подперли, а потом кто-то, скорее всего случайно, выбил подпорку, не сообразив, что дверь закроется на дакти-замок.

Джессика шагнула через высокий порог.

Зачем бы в доме шлюз? — спросила она себя. Ей внезапно пришла в голову мысль о каких-то экзотических существах, нуждающихся в особом микроклимате.

Особый микроклимат! На Арракисе, где в орошении нуждались даже самые засухоустойчивые инопланетные растения, это могло иметь особый смысл.

Дверь за ее спиной начала закрываться, но Джессика удержала ее и надежно подперла. Затем вернулась к внутренней двери и увидела над штурвалом вытравленную на металле почти незаметную надпись. Надпись была сделана на галакте:

«О Человек! Здесь находится прекрасная часть Творения Божия; так смотри и учись любить совершенство Твоего Всевышнего Друга».

Джессика нажала на колесо — штурвал повернулся влево, и дверь открылась. Легкий ветерок коснулся ее щеки, пошевелил волосы. Воздух был явно другой — какой-то более густой, ароматный. Она распахнула дверь и увидела густую зелень, пронзенную золотым солнечным светом.

«Желтое солнце? — удивилась она. Потом поняла: — Ну да, конечно, цветное стекло-фильтр!»

Когда она перешагнула порог, дверь за ее спиной затворилась.

— Оранжерея влаголюбивых растений, уголок влажной планеты, — прошептала она.

Повсюду стояли растения в кадках и коротко подстриженные деревья. Она узнала мимозу, цветущую айву, сондаги, зеленоцветную пленисценту, бело-зеленые полосатые акарсо... розы...

Даже розы!

Она склонилась над огромным розовым цветком, вдохнула его аромат. И только тут осознала, что с того момента, как дверь открылась, она слышит какой-то ритмический шум.

Джессика раздвинула густую листву и увидела центральную часть оранжереи. Там из металлической чаши бил небольшой фонтан, образуя как бы прозрачный купол. Привлекший ее звук был дробным стуком воды о чашу.

Джессика быстро проделала короткий ритуал очищения чувств и начала методично обследовать комнату, обходя ее по периметру. Комната была размером метров десять на десять. По расположению ее над концом коридора и по некоторым небольшим отличиям в ее конст-

рукции Джессика догадалась, что комнату пристроили над крышей этого крыла здания спустя очень много времени после завершения самого дворца.

Она остановилась на южном конце комнаты перед широким окном желтого стекла и оглянулась. Практически все пространство комнаты занимали экзотические влаголюбивые растения. Среди растений что-то зашелестело; Джессика настороженно застыла, но это был всего лишь примитивный сервок с часовым механизмом, оснащенный поливочным шлангом. Рука-рычаг со шлангом поднялась, из раструба вырвалась россыпь мелких брызг — она ощутила влагу на лице. Шланг убрался, и Джессика увидела, что́ поливала машинка: папоротниковое дерево.

В этой комнате всюду была вода — и это на планете, где вода была драгоценнейшим соком жизни. Воду в этой оранжерее расходовали так демонстративно, что это уязвило Джессику до глубины души.

Она взглянула на солнце — желтое через окно-фильтр. Солнце низко висело над иззубренным горизонтом, над скалами, образовывавшими длинную горную цепь, которую здесь называли Барьерной Стеной.

Светофильтры. Чтобы превратить белое солнце в более мягкое, знакомое. Кто мог устроить здесь такое место? Лето? Вполне в его духе преподнести мне такой сюрприз, но у него не было времени. И он слишком занят своими делами...

Она припомнила один доклад, в котором, помимо прочего, упоминалось, что многие арракинские дома имели герметически закрывающиеся окна и двери — чтобы сохранить, собрать и использовать вторично влагу внутреннего воздуха. Лето говорил, что во дворце такие меры не принимались умышленно — чтобы продемонстрировать богатство и могущество, окна и двери предохраняли лишь от проникновения внутрь пыли.

Но эта комната выражала то же самое куда сильнее, чем простое отсутствие герметичных внешних дверей. Она прикинула, что эта комната отдыха расходовала столько воды, сколько хватило бы для поддержания жизни тысячи жителей Арракиса, — а может, и больше.

Джессика прошлась вдоль всего панорамного окна, по-прежнему рассматривая комнату, и только тогда заметила металлическую пластину, укрепленную рядом с фонтаном примерно на высоте обычного стола. На ней лежали белый блокнот и стило, полускрытые нависающим веерообразным листом. Она подошла, отметив, что на металле стоит сегодняшняя печать Хавата, и прочла записку на верхнем листе:

Леди Джессике.

Пусть эта комната доставит вам такое же удовольствие, какое она доставляла мне. Позвольте ей напомнить вам урок, который преподали нам наши общие учителя: близость желаемого вводит в искушение и склоняет к излишествам. На этом пути лежит опасность. С наилучшими пожеланиями.

Марго, леди Фенринг.

Джессика кивнула, вспомнив, что Лето называл бывшего полномочного представителя Императора на Арракисе графом Фенрингом. Однако скрытое в записке сообщение требовало немедленного внимания, особенно учитывая, что писавшая записку явно тоже принадлежала к Бене Гессерит.

Мимоходом кольнула горькая мысль: «Граф женился на своей леди — она ему жена, не наложница...»

Эта мысль промелькнула у Джессики, когда она уже склонилась над столом, пытаясь найти спрятанное послание. Оно наверняка где-то здесь: в записке была кодовая фраза, с которой всякая сестра Бене Гессерит, не связанная особым приказом своей Школы, должна была обратиться к другой, чтобы предупредить о какой-то угрозе: «На этом пути лежит опасность».

Джессика ощупала блокнот сзади, пытаясь найти выдавленные точки кода. Ничего. Ее ищущие пальцы пробежали по краю блокнота. Ничего. Она положила блокнот на прежнее место. Ее не покидало чувство, что послание необходимо отыскать безотлагательно.

Возможно, что-нибудь в том, как положен блокнот?

Но Хават, осматривавший комнату, несомненно, передвигал блокнот. Джессика взглянула на нависающий над блокнотом лист. Лист! Она провела пальцем по нижней поверхности листа. Так и есть! Пальцы нащупали еле заметные кодовые точки. Джессика без труда, всего раз проведя по точкам, прочла и расшифровала послание:

«Ваш сын и герцог Лето находятся в опасности. Одна из спален рассчитана на то, чтобы завлечь вашего сына. Х. спрятали в ней смертоносные ловушки, но так, чтобы все они могли быть сравнительно легко обнаружены — кроме одной, которая может ускользнуть от вашего внимания».

Джессика подавила побуждение немедленно броситься в спальню сына: сначала следовало дочитать послание. Ее пальцы заспешили по точкам.

«Точная природа угрозы мне неизвестна, но это что-то связанное с кроватью. Угроза же вашему герцогу исходит от изменника из доверенных лиц или приближенных. Х. обещал отдать Вас своему фавориту в качестве награды. Насколько мне известно, эта оранжерея безопасна. Простите, что не могу сообщить больше. Мои источники информации скромны, потому что мой граф не служит Х. Писала в спешке. *М.Ф.*»

Джессика оттолкнула лист и уже собиралась помчаться к Паулю, но тут дверь шлюза распахнулась. В оранжерею ворвался Пауль, сжимающий что-то в правой руке. Он захлопнул за собой дверь, огляделся, увидел мать, подошел, отбрасывая с пути листву, увидел фонтан и сунул кулак с зажатым в нем предметом под падающую воду.

— Пауль! — Она схватила его за плечи, тревожно глядя на его руку. — Что это такое?

Он ответил — небрежно, но она уловила в его голосе напряжение:

— Охотник-искатель. Поймал его в комнате и разбил ему нос, но хочу быть уверенным. От воды его наверняка закоротит.

— Окуни его! — скомандовала она.

Вскоре она сказала:

— Руку можешь вынуть, а эту штуку оставь в воде.

Пауль вытащил руку, стряхнул капли воды, не отрывая взгляда от металлической штуковины в чаше фонтана.

Джессика отломила черенок пальмового листа, ткнула им в смертоносное жало.

Охотник был мертв.

Она уронила черенок в воду, посмотрела на сына. Его глаза обегали комнату с тем особым вниманием, которое было так хорошо знакомо Джессике — Путь Бене Гессерит.

— Это место, по-моему, что-то скрывает, — сказал он.

— У меня есть основания считать его безопасным, — возразила Джессика.

— Мою комнату тоже считали безопасной. Хават говорил...

— Это же был охотник-искатель, — напомнила она. — Значит, кто-то управлял им — кто-то в доме. У дистанционного управления этим оружием ограниченный радиус действия. И его могли спрятать здесь уже после осмотра Хавата...

Но, сказав это, она подумала о послании на листе: «*...от изменника из доверенных лиц или приближенных*».

Но это не Хават. О, конечно, не Хават.

— Люди Хавата сейчас прочесывают дом, — сообщил Пауль. — Этот искатель чуть не убил старуху, которая пришла меня разбудить.

— Ее зовут Шэдаут Мэйпс, — сказала Джессика. — Твой отец вызвал тебя, чтобы...

— Это подождет, — отмахнулся Пауль. — Так почему ты считаешь эту комнату безопасной?

Джессика указала на записку и пересказала ее содержание. Пауль немного расслабился.

Но сама Джессика оставалась внутренне напряженной. Милостивая Матъ! Охотник-искатель!.. Ей пришлось привлечь всю свою подготовку, чтобы не поддаться приступу истерической дрожи.

Пауль сказал как бы между прочим, констатируя факт:

— Конечно, это Харконнены. Нам придется их уничтожить.

В этот момент в дверь постучали — условный стук кого-то из людей Хавата.

— Войдите, — разрешил Пауль.

Дверь распахнулась, и в помещение, склонившись, вошел высокий офицер в мундире Атрейдесов и с эмблемой службы Хавата на фуражке.

— Вы здесь, господин, — с облегчением сказал он. — Домоправительница так и сказала, что вы, наверное, здесь...

Он огляделся и продолжил:

— В подвале мы нашли глухой закуток и поймали прятавшегося там человека. У него был пульт управления искателем.

— Я желаю принять участие в его допросе, — заявила Джессика.

— Простите, миледи. Взять его не удалось, он мертв. Наша ошибка...

— И ничего, по чему его можно было бы опознать? — спросила она.

— Пока мы не нашли ничего, миледи.

— Он арракиец? — спросил Пауль.

Джессика одобрительно кивнула: правильный вопрос.

— Похож на арракийца, во всяком случае, — ответил охранник. — Судя по всему, его запрятали там больше месяца назад и оставили дожидаться нашего прибытия. Вчера мы проверяли подвал, но камень и раствор там, где он проник в подвал, были не тронуты. Готов ручаться своей репутацией.

— Никто не сомневается, что вы проверяли дом тщательно, — успокоила его Джессика.

— Я сомневаюсь, миледи. Надо было проверить все там акустическим зондом.

— Надо полагать, сейчас вы именно это и делаете, — сказал Пауль.

— Да, господин.

— Сообщите отцу, что мы задерживаемся.

— Будет исполнено немедленно, господин. — Он взглянул на Джессику. — Согласно приказу Хавата в подобных ситуациях молодого господина следует препроводить в безопасное место и надежно охранять. — Его глаза снова обежали оранжерею. — Тут достаточно безопасно?

— У меня есть основания считать это место безопасным, — ответила Джессика. — И Хават, и я ее проверили.

— Тогда я выставлю охрану рядом с этим помещением — пока мы не проверим еще раз весь дом.

Он поклонился Джессике, отдал честь Паулю, вышел и закрыл за собой дверь.

Пауль прервал внезапно нависшее молчание:

— Может, стоит позже нам самим проверить дом? Ты можешь заметить то, что другим никогда не увидеть.

— Я не проверила еще только это крыло, — отозвалась она. — Оставила его напоследок, потому что...

— Потому что Хават лично его осматривал, — докончил Пауль.

Джессика метнула в него вопросительный взгляд:

— Ты подозреваешь Хавата?

— Нет, но он уже немолод... и он переутомился. Можно было бы снять с него часть нагрузки.

— Это только обидело бы его и повредило его работе, — возразила Джессика. — К тому же теперь, когда Хават узнал о случившемся, в это крыло и муха не пролетит. Он будет чувствовать себя виноватым, и...

— Но мы должны принять и свои собственные меры, — сказал Пауль.

— Хават верой и правдой служил трем поколениям Атрейдесов, — ответила Джессика. — Он достоин всего уважения и доверия, которыми мы можем заплатить ему... и еще много большего.

— Когда отец недоволен каким-нибудь твоим поступком, — хмыкнул Пауль, — он говорит «Бене Гессерит!» таким тоном, словно это ругательство.

— И что же во мне не нравится твоему отцу?

— Ну, в частности, ему не нравится, когда ты с ним споришь.

— Ты — не твой отец, Пауль.

И Пауль подумал: «Это сильно обеспокоит ее, но я должен рассказать ей, что говорила эта Мэйпс относительно предателя среди нас».

— Что ты скрываешь, Пауль? — спросила Джессика. — Это совсем на тебя не похоже.

Он пожал плечами и подробно пересказал свой разговор с Мэйпс.

А Джессика подумала о послании на листе и, неожиданно решившись, показала лист Паулю и прочитала зашифрованное сообщение.

— Надо немедленно сообщить отцу, — сказал Пауль. — Я пошлю ему шифрограмму.

— Нет, — возразила Джессика. — Придется подождать, пока ты не останешься с ним наедине. Чем меньше людей будет об этом знать, тем лучше.

— Ты хочешь сказать, что мы никому не можем доверять?

— Дело не совсем в этом, — объяснила она. — Возможно, так и было задумано, чтобы послание попало к нам. Те, кто оставил его для нас, могли верить, что все это правда; но что, если единственной целью всего этого было получение нами этого сообщения?..

Лицо Пауля оставалось таким же мрачным.

— Чтобы ослабить нас, посеяв в наших рядах недоверие и подозрение...

— Поэтому ты должен наедине и с величайшей осторожностью рассказать отцу об этой возможности, — кивнула Джессика.

— Понимаю.

Она повернулась к высокому окну-светофильтру и смотрела теперь туда, где на юго-западе садилось солнце Арракиса — желтый из-за стекла шар над изломанной линией скал.

Пауль повернулся вместе с матерью.

— Я тоже не думаю, что это Хават. Может, Юйэ?

— Он не из особо приближенных или особо доверенных лиц, — возразила Джессика. — Кроме того, я могу поручиться, что он ненавидит Харконненов не меньше, чем мы. Если не больше.

Пауль глядел на скалы, думая: «И это никак не может быть Гурни... или Дункан. Кто-то рангом ниже?.. Нет, невозможно. Они все происходят из семей, которые были нам верны в течение поколений — и по веским основаниям».

Джессика потерла лоб, ощутив навалившуюся усталость. Сколько же тут опасностей!.. Она рассматривала ландшафт, желтый от цветного стекла. За герцогской землей раскинулись складские территории — позади высокой ограды виднелись бункеры, где хранилась меланжа, вокруг — сторожевые вышки-треножники, похожие на испуганных

пауков. Отсюда можно было увидеть по меньшей мере двадцать таких складских дворов, протянувшихся до самых скал Барьерной Стены.

Окрашенное светофильтром солнце медленно утонуло за горизонтом. Сразу же высыпали звезды. Одна яркая звезда висела так низко над горизонтом, что ее свет как бы дрожал — она мерцала в четком, размеренном ритме: тик-тик-тик — тик-тик-тик — тик...

Она почувствовала, как Пауль пошевелился в темноте рядом с ней.

Но Джессика сосредоточилась на этой яркой одинокой звезде, осознав вдруг, что та висит слишком низко — что свет ее исходит из точки, расположенной ниже кромки скал.

Кто-то подавал сигналы!

Она попыталась прочесть сообщение, но код был совершенно незнакомым.

На равнине под скалами зажигались новые огни — желтые точки на темно-синем, почти черном фоне. И один огонек — левее и чуть в стороне от скопления — вдруг стал ярче и замигал в ответ первому: тик-тик — тик — тик-тик-тик-тик... очень быстро.

И погас.

Тотчас погасла и фальшивая звезда в скалах.

Это были сигналы... и они наполнили ее дурными предчувствиями.

Зачем потребовались огни? — спросила она себя. Почему они не могли воспользоваться обычными коммуникаторами?

Ответ был очевиден: коммуникационная сеть наверняка прослушивалась сейчас агентами герцога Лето. Следовательно, использование световых сигналов могло означать только то, что сигналили его враги — харконненские агенты.

Раздался стук в дверь, и они услышали голос человека Хавата:

— Все в порядке, господин... миледи. Мы готовы немедленно проводить молодого господина к его отцу.

Говорят, что герцог Лето, закрыв глаза на опасности Арракиса, безрассудно вошел прямо в западню. Не будет ли

более основательным предположение, что, долго живя в условиях крайней опасности, он недооценил изменение ее интенсивности? Или, быть может, он намеренно пожертвовал собой, чтобы сын его мог найти лучшую жизнь? Все данные ясно свидетельствуют, что герцог был человеком, которого нелегко обмануть.

(Принцесса Ирулан, «Муад'Диб. Семейные комментарии»)

Герцог Лето стоял, опираясь о парапет диспетчерско-контрольной башни космодрома, расположенного на окраине Арракина. Над южным горизонтом сплюснутой в овал серебряной монетой висела Первая луна. Под ней, сияя словно глазурь, сквозь пыльную дымку проступали зубчатые скалы Барьерной Стены. Слева от герцога во мгле светились огни Арракина — желтые... белые... синие.

Он думал об уведомлениях, разосланных за его подписью во все населенные пункты планеты: «Наш великий Падишах-Император поручил мне вступить во владение этой планетой и положить конец всем спорам».

Ритуалистическая формальность этой процедуры вызвала у него прилив чувства одиночества. *Кого обманула эта глупая видимость законности? Уж конечно, не фрименов. И не Младшие Дома, контролирующие внутреннюю торговлю Арракиса... почти все до одного остающиеся харконненскими тварями.*

Они пытались убить моего сына!

Он с трудом справился с нахлынувшей яростью.

Герцог увидел огни машины, ползущей из Арракина к посадочному полю. Он надеялся, что это — транспортер охраны, везущий Пауля. Задержка раздражала, хоть он и понимал, что она объяснялась мерами предосторожности, принятыми службой Хавата.

Они пытались убить моего сына!

Он потряс головой, отгоняя гнев, и оглянулся на посадочное поле, где по периметру монолитными часовыми стояли пять его фрегатов. Словно древний кромлех.

Лучше задержка из осторожности, чем...

Лейтенант, которого Хават послал за Паулем, был хорошим офицером, напомнил он себе. Полностью предан, заслуживает повышения.

Наш Великий Падишах-Император...

Если бы только жители этого прогнившего гарнизонного городка могли прочесть, что написал Император в приватной записке своему «благородному герцогу» — например, вот это презрительное упоминание мужчин и женщин в дистикомбах: «...но чего еще можно ждать от варваров, мечтающих лишь о том, чтобы жить вне упорядоченной надежности системы Фафрелах?»

В этот момент герцог чувствовал, что его собственная заветная мечта заключается в том, чтобы покончить со всеми сословными различиями и никогда больше не вспоминать об отвратительном порядке. Он взглянул вверх — сквозь пыль — на немигающие звезды и подумал: *Вокруг одной из них кружит Каладан... но я никогда больше не увижу свой дом.* Тоска по Каладану внезапно сдавила грудь. Ему показалось, что она пришла не из глубин его души, а протянула к нему руку с Каладаном. Пока он не мог заставить себя называть эту выжженную пустыню, Арракис, своим домом — и думал, что вряд ли когда-нибудь сможет.

Я должен скрывать свои чувства. Ради мальчика. Если ему суждено иметь дом, то им может стать только Арракис. Я могут думать о нем как об аде, в который попал уже при жизни, но он должен найти здесь то, что будет его воодушевлять. Что-то же здесь должно быть!

Волна жалости к себе — сразу же с презрением отброшенная — нахлынула на него, и почему-то вспомнились две строки из стихотворения, которое любил и часто читал Гурни Халлек:

Легкие мои вдыхают ветер Времени,
Пролетевший сквозь падающий песок...

Да, уж чего-чего, а песка здесь Гурни найдет даже больше, чем надо... Земли за теми блестящими под луной скалами были сплошной пустыней — бесплодный камень, дюны, вихрящаяся пыль — не нанесенная по-настоящему на карты Дикая Пустыня, сухая и мертвая, с разбросанными вдоль ее края (а может быть, встречающимися и внутри) поселениями фременов. И если у рода Атрейдесов и есть сейчас хоть какая-то надежда — то она во фременах...

Если только Харконнены не сумели опутать даже фрименов своими ядовитыми интригами.

Они пытались убить моего сына!

Металлический скрежет сотряс башню, завибрировал парапет, на который опирался герцог. Загородив обзор, упала броневая заслонка.

Садится челнок, подумал герцог. *Пора идти вниз и приниматься за работу.*

Он повернулся к лестнице у себя за спиной и направился в зал ожидания, стараясь сохранить спокойствие и подготовить нужное выражение лица к встрече прибывающих.

Они пытались убить моего сына!

Когда перед ним оказался зал с желтым куполообразным потолком, люди уже входили, вливаясь довольно энергичным потоком. На плечах они несли свои сумки и перебрасывались громкими шутками, словно студенты, возвращающиеся с каникул.

— Эй! Чуешь, что у тебя под копытами? Гравитация, парень!

— Сколько здесь «же»? Что-то вроде тяжеловато.

— По справочнику — девять десятых «же».

Большую комнату наполнил шум веселой перебранки.

— Ты вниз-то посмотрел, когда мы приземлялись? Вот ведь дыра! И где же обещанные сокровища?

— Харконнены все с собой забрали!

— А мне бы сейчас только горячий душ и мягкую постель!

— Ну, выдал! Душ! А не хочешь поскрести задницу песочком?

— Эй! Заткнитесь! Герцог!

Герцог шагнул с лестницы в разом затихшую комнату.

Чуть в стороне от толпы прохаживался Гурни Халлек. Через плечо у него была перекинута сумка, а другой рукой он сжимал шейку девятиструнного балисета. У него были очень длинные пальцы, способные к тончайшим движениям, и эти пальцы частенько извлекали из балисета такую изящную музыку...

Герцог смотрел на Халлека, любуясь этой уродливой человеческой глыбой с глазами, похожими на осколки

стекла, в которых светилось инстинктивное, почти первобытное понимание. Вот человек, который жил вне системы Фафрелах, но выполнял все ее предписания. Как там Пауль назвал его?.. «Гурни Доблестный».

Тонкие светлые волосы Халлека были уложены так, чтобы прикрыть растущую лысину. Лиловый шрам на его подбородке, нанесенный ударом хлыста из чернильной лозы, шевелился слегка, словно сам по себе. Весь вид Халлека говорил о больших, непринужденно проявляемых возможностях. Он подошел к герцогу, поклонился.

— Добро пожаловать, Гурни, — сказал Лето.

— Приветствую вас, милорд. — Гурни махнул балисетом в сторону собравшихся офицеров. — Это последние. Я предпочел бы прибыть сюда с первой волной, но...

— Не волнуйся, на твою долю еще осталось некоторое количество Харконненов, — усмехнулся герцог. — Отойдем, Гурни, — нам надо побеседовать.

— К вашим услугам, милорд.

Они прошли к нише, где стоял автомат, отпускающий за монету порцию воды, а люди в большой комнате беспокойно зашевелились, но больше не шумели. Халлек бросил сумку в угол, но балисет из рук не выпускал.

— Сколько людей ты можешь выделить Хавату? — спросил герцог.

— У Суфира затруднения, сир?

— Он потерял только двоих, но его передовые агенты отлично провели разведку харконненских сил на планете. Если мы будем действовать быстро, достигнем некоторого уровня безопасности, получим необходимую нам передышку и свободу маневра. Ему нужно столько солдат, сколько ты можешь выделить без ущерба для дела — тех, кто не прочь немного поработать ножом.

— Я могу дать ему три сотни отборных людей, — сказал Халлек. — Куда их направить?

— К главным воротам. Агент Хавата ждет их там.

— Я должен заняться этим немедленно, сир?

— Подожди. Есть еще одно дело. Комендант космодрома под каким-нибудь предлогом задержит здесь челнок до рассвета. Хайлайнер Гильдии, доставивший нас, ско-

ро отбывает, и этот челнок прицепят к грузовому кораблю, который доставит на лайнер груз Пряности.

— Нашей Пряности, милорд?

— Нашей. Но челнок должен забрать с собой и часть дюнмастеров — искателей Пряности, работавших при прежнем режиме. У них есть право уволиться при смене лена, и Арбитр Смены им это разрешил. Это ценные люди, Гурни, их около восьмисот. До того как челнок уйдет, ты должен убедить хотя бы некоторых поступить на службу к нам.

— Сколь сильным должно быть убеждение, сир?

— Мне нужно их добровольное сотрудничество, Гурни. У этих людей есть столь необходимые нам опыт и мастерство. То, что они хотят уехать, свидетельствует лишь, что они — не часть харконненской машины. Хават считает, что среди них могут быть внедренные агенты, но он в каждой тени видит асассинов.

— В свое время Суфир обнаружил некоторые весьма деятельные тени, милорд.

— А некоторые — не обнаружил. Но мне кажется, что для заблаговременного внедрения «ждущих агентов» в эту уезжающую толпу Харконненам потребовалось бы проявить слишком большое для них воображение.

— Возможно, сир. Где эти люди?

— В зале ожидания нижнего яруса. Полагаю, тебе стоит сыграть им мелодию-другую — чтобы размягчить их, а потом можешь включать давление. Можешь предложить квалифицированным высокие посты. Предложи двадцатипроцентное повышение зарплаты.

— И не больше, сир? Я знаю, что Харконнены платят в соответствии с общепринятыми тарифами. И людям с набитыми карманами и с желанием прокатиться... как хотите, сир, но двадцать процентов едва ли покажутся достаточно заманчивыми, чтобы остаться.

Лето нетерпеливо отмахнулся:

— Значит, в особых случаях действуй по собственному усмотрению. Только помни, что казна не бездонна. Держись за двадцать процентов, пока сможешь. Нам особенно нужны меланж-машинисты, меланжеры, предсказатели

погоды и все, у кого есть опыт работы в открытой пустыне, — люди дюн.

— Понятно, сир. «С насилием придут они: лицом своим будут они пить, как восточный ветер; и возьмут пленников в песках...»

— Очень трогательная цитата, — сказал герцог. — Передай пока командование над своей шайкой какому-нибудь лейтенанту. Скажи ему, чтобы он дал им краткое наставление по водной дисциплине, а потом уложил спать в казармах, примыкающих к посадочному полю. Персонал космодрома покажет им, куда идти. И не забудь отправить людей к Хавату.

— Три сотни, сир. — Халлек поднял свою сумку. — Куда вам доложить, когда я со всем закончу?

— Найдешь меня в зале совещаний на заседании штаба. Я хочу согласовать новый порядок рассредоточения по планете: первыми выходят части, оснащенные бронетехникой.

Халлек, уже поворачиваясь уходить, остановился и взглянул в глаза Лето:

— Вы ждете *настолько* серьезных неприятностей, сир? Я думал, здесь есть Арбитр Смены.

— Будут и открытые сражения, и тайные интриги, — сказал герцог. — Крови прольется достаточно, прежде чем мы разберемся со всем этим.

— «И вода, которую возьмешь ты из реки, превратится в кровь на сухой земле», — процитировал Халлек.

Герцог вздохнул:

— Поторопись, Гурни.

— Слушаюсь, милорд. — Шрам искривился от усмешки. — «Вот, как дикий осел в пустыне, иду я к своей работе».

Гурни развернулся, вышел на середину зала, отдал распоряжения и заторопился сквозь толпу.

Лето негромко хмыкнул ему вслед. Халлек не уставал изумлять его — голова, набитая песнями, цитатами, цветистыми фразами... и сердце асассина, когда дело касалось Харконненов.

Потом Лето неторопливо направился к лифту, возвращая салюты небрежным взмахом руки. Среди толпы он

узнал человека из Корпуса Пропаганды, остановился, чтобы распорядиться довести до людей, которые привезли на планету своих женщин, что женщины благополучно прибыли и находятся в безопасности и их можно найти там-то и там-то. Остальным же будет интересно узнать, что среди местного населения женщин, кажется, больше, чем мужчин.

Герцог похлопал пропагандиста по руке выше локтя — это служило сигналом, что это сообщение срочное, первоочередное и должно быть передано немедленно. Потом он двинулся дальше, кивая людям, улыбаясь; обменялся шутками с младшим офицером.

Командующий всегда должен выглядеть уверенно, подумал он. *Вера всех подчиненных возложена на твои плечи, и даже если ты в критическом положении, все равно никогда нельзя показывать этого.*

Он облегченно вздохнул, когда лифт проглотил его и он смог повернуться, и перед ним были лишь безразличные ко всему двери.

Они пытались убить моего сына!

На камне, венчающем арку над выходом с арракинского космодрома, имеется грубо высеченная надпись, словно сделанная каким-то допотопным инструментом, — Муад'Диб, должно быть, повторял ее много раз. Он увидел ее в ту первую ночь на Арракисе, когда его доставили на герцогский командный пункт — на первое совещание штаба в полном составе, созванное его отцом. Эта надпись была мольбой к тем, кто покидает Арракис, но смысл ее с мрачной силой запал в душу мальчика, только что избежавшего близких объятий смерти. Надпись гласила: «О вы, те, кто знает, как страдаем мы здесь, не забудьте нас в ваших молитвах».

(Из учебника «Жизнь Муад'Диба» принцессы Ирулан)

— Вся теория ведения войны — это рассчитанный риск, — сказал герцог, — но когда приходится рисковать своей собственной семьей, элемент расчета растворяется в... других вещах.

Он понимал, что недостаточно сдерживает свой гнев, и, чтобы успокоиться, повернулся, широкими шагами прошелся вдоль всего длинного стола, туда и обратно.

Герцог и Пауль остались одни в комнате совещаний космопорта. В этой большой гулкой комнате не было ничего, кроме длинного стола, старомодных трехногих стульев, стенда для карт и проектора. Пауль сидел за столом рядом со стендом. Он рассказал отцу о происшествии с охотником-искателем и о том, что возможно предательство.

Герцог остановился напротив Пауля, ударил кулаком по столу:

— Хават утверждал, что дом безопасен!!!

Пауль нерешительно сказал:

— Я тоже сначала рассердился. И считал Хавата виновным. Но нападение было совершено из-за пределов дома. Оно было простым, ловким и прямым. И достигло бы успеха, если бы не тренинг, полученный мной от тебя и от многих других — и от Хавата в том числе.

— Ты его оправдываешь? — требовательно спросил герцог.

— Да.

— Он постарел. Вот в чем дело. Ему пора...

— У него огромный опыт, — возразил Пауль. — Скажи, сколько ошибок Хавата ты можешь припомнить?

— Это я должен был бы защищать его, — сказал герцог. — А не ты.

Пауль улыбнулся.

Лето сел во главе стола и накрыл своей рукой руку сына:

— За последнее время ты стал... взрослым, сын. — Герцог убрал руку. — И это меня радует. — Герцог скопировал улыбку сына. — Хават будет казниться. Он будет гневаться на себя намного сильнее, чем могли бы мы с тобой вместе!

Пауль смотрел на потемневшие окна, частично загороженные стендом, вглядывался в ночную тьму. Огни комнаты отражались в ограждении балкона. Он заметил движение и разглядел фигуру охранника в мундире Атрейдесов. Потом Пауль посмотрел на белую стену за спиной отца, по-

том вниз — на блестящую поверхность стола — и заметил, что его собственные руки сжаты в кулаки.

Дверь в дальнем конце комнаты, лицом к которой сидел герцог, с шумом распахнулась. Вошел Хават, выглядевший старше и суровее, чем когда-либо прежде. Он прошел мимо всего стола и встал «смирно» напротив Лето.

— Милорд, — произнес он, глядя в какую-то точку поверх головы герцога, — я только что узнал о своем провале. Поэтому я прошу вас об отста...

— Садись и прекрати эти глупости, — отмахнулся герцог и указал на стул напротив Пауля. — Твоя ошибка была в том, что ты переоценил Харконненов. Их простые головы додумались до простого трюка. А мы на простые трюки не рассчитывали. И мой сын приложил большие старания, доказывая мне, что справился с этой опасностью лишь благодаря твоей подготовке. И тут о твоем провале речи быть не может! — Герцог хлопнул рукой по спинке пустого стула. — Садись, говорю тебе!

Хават опустился на сиденье:

— Но...

— Об этом я больше ничего не желаю слышать, — опять прервал его герцог. — Этот инцидент — уже прошлое. У нас имеются более насущные дела. Где все остальные?

— Я попросил их подождать снаружи, пока я...

— Позови их.

Хават взглянул Лето в глаза:

— Сир, я...

— Я знаю, кто мои настоящие друзья, Суфир, — сказал герцог. — Позови людей.

Хават проглотил комок в горле:

— Сейчас, милорд. — Он повернулся на стуле и крикнул в открытую дверь: — Гурни, пригласи их!

Первыми вошли мрачно-серьезные офицеры штаба, за ними следовали более молодые адъютанты и специалисты, у которых на лицах прямо-таки светилась готовность к действию.

По комнате пронесся шум отодвигаемых стульев. Все расселись, над столом повеяло слабым запахом рашага.

— Для желающих имеется кофе, — сказал герцог.

Он оглядел своих людей: это хорошая команда. В такой войне, учитывая обстоятельства, дела могли бы идти куда хуже.

Лето подождал, пока из соседней комнаты принесут кофе, отметил усталость на некоторых лицах.

Наконец он надел на себя маску спокойной деловитости, встал и призвал людей к вниманию, несильно стукнув костяшками пальцев по столу.

— Видите, господа, — сказал он, — наша цивилизация столь глубоко усвоила привычку постоянных посягательств, захватов и нападений, что даже простой приказ Императора мы не можем выполнить без того, чтобы вдруг не обнаружились старые штучки.

Вокруг стола прошелестели сухие смешки, и Пауль понял, что отец сказал именно то, что нужно, и именно таким тоном, как нужно было, чтобы поднять настроение за столом. Даже оттенок усталости в его голосе был единственно верным.

— Для начала, полагаю, неплохо было бы послушать, что Суфир может добавить к своему докладу о фрименах, — сказал герцог. — Итак, Суфир?..

Хават поднял голову:

— Я мог бы добавить к общему докладу кое-какие экономические данные, сир, но сейчас хочу сказать, что фримены все больше и больше представляются мне нашими потенциальными союзниками. Именно такими союзниками, в каких мы нуждаемся. Сейчас они выжидают — хотят посмотреть, можно ли нам доверять, но ведут себя при этом, по-моему, честно. Они прислали нам дары — дистикомбы их собственного производства... карты нескольких областей пустыни, окружающих бывшие опорные пункты Харконненов... — Хават опустил голову. — Доклады их разведки оказались абсолютно достоверными и значительно помогли нам в переговорах с Арбитром Смены. Они также прислали различные мелкие подарки: украшения для леди Джессики, Пряность, питье, так называемый пряный ликер, сласти, лекарства. Мои люди сейчас проверяют их. Подвохов там, кажется, нет.

— Вам нравятся эти люди, Суфир? — спросил один из офицеров.

Хават чуть помедлил:

— Дункан Айдахо говорит, что ими можно восхищаться.

Пауль взглянул на отца, потом на Хавата и отважился на вопрос:

— Есть ли у нас новые данные об общем количестве фрименов?

Хават посмотрел на Пауля:

— По потреблению пищи и другим признакам Айдахо оценивает численность населения того пещерного комплекса, который он посетил, примерно в десять тысяч человек. Их вождь сказал, что правит сиетчем в две тысячи очагов, или семей. У нас есть основания считать, что таких общин на планете великое множество. Причем, судя по всему, все они преданы какому-то Лиету.

— Это что-то новенькое, — сказал герцог.

— Возможно, я ошибаюсь, сир. Кое-что наводит на мысль, что Лиет — это местное божество.

Еще один из присутствующих откашлялся и спросил:

— Действительно ли они имеют дело с контрабандистами?

— Когда Айдахо был в этом сиетче, оттуда как раз вышел караван контрабандистов с большим грузом Пряности. Они использовали вьючных животных и говорили, что им предстоит восемнадцатидневное путешествие.

— Операции контрабандистов вообще, похоже, интенсифицировались в этот беспокойный период, — сказал герцог. — Это заслуживает тщательного осмысления. Нам не стоит особо беспокоиться относительно фрегатов, промышляющих на нашей планете без лицензии, — такое всегда существовало. Но нельзя оставлять их без нашего наблюдения.

— У вас есть план, сир? — спросил Хават.

Герцог взглянул на Халлека:

— Гурни, я хочу направить тебя главой делегации — если хочешь, посольства — к этим романтическим бизнесменам. Скажи им, что я буду закрывать глаза на их операции до тех пор, пока они будут платить мне герцогскую десятину. Хават подсчитал, что это в четыре раза меньше, чем требовалось им до сих пор на взятки и на содержание вооруженной охраны.

— А что, если это дойдет до Императора? — спросил Халлек. — Он очень ревниво относится к своей доле доходов КООАМ, милорд.

Лето улыбнулся.

— Всю десятину мы будем честно перечислять в банк на имя Шаддама IV — так, чтобы об этом было известно, — и в соответствии с законом не будем включать ее в облагаемый налогом доход. Пусть-ка Харконнены попробуют это оспорить! Этим мы малость порастрясем жирок с тех, кто разбогател при харконненской системе. Взяток больше не будет!

Усмешка искривила лицо Халлека.

— Ах, милорд, прекрасный удар ниже пояса. Хотел бы я видеть барона в тот момент, когда он об этом узнает.

Герцог повернулся к Хавату:

— Суфир, удалось купить те бухгалтерские книги, о которых ты говорил?

— Да, милорд. Как раз сейчас они тщательно изучаются. Правда, я их бегло просмотрел и могу сделать резюме — в первом приближении.

— Прошу.

— Харконнены выкачивали отсюда по десять миллиардов соляриев за каждые триста тридцать стандартных дней!

Вздох изумления пронесся над столом. Даже слегка заскучавшие было молодые адъютанты сели прямее и обменялись удивленными взглядами.

Халлек пробормотал:

— «И поглотят они обилие морей и сокровища, спрятанные в песке».

— Вот видите, друзья, — усмехнулся Лето. — Есть ли тут кто-нибудь настолько наивный, чтобы верить, будто Харконнены тихо упаковались и убрались отсюда — бросив такие богатства! — только из-за того, что так приказал Император?

По тому, как собравшиеся покачивали головами и негромко переговаривались или просто бормотали себе под нос, герцог увидел, что его поняли и согласились с ним.

— Нам следует быть готовыми к их происка м, — сказал Лето и обратился к Хавату: — Сейчас самое время

послушать об оборудовании. Сколько они оставили нам комбайнов-подборщиков и вспомогательного оборудования?

— Полный комплект — в соответствии с имперской описью, проверенной Арбитром Смены, милорд, — сказал Хават и сделал знак адъютанту. Тот подал ему папку. Хават раскрыл ее перед собой на столе. — Они только не сочли нужным упомянуть, что работоспособны менее половины краулеров, что только для трети машин есть грузолеты, переносящие их к пескам Пряности, что все, оставленное нам Харконненами, того и гляди развалится. Нам повезет, если будет работать половина оборудования, и еще больше повезет, если половина этой половины не выйдет из строя через полгода.

— Чего-то в этом роде мы и ожидали, — сказал Лето. — Каковы оценочные цифры по основным видам техники?

Хават заглянул в папку:

— Около девятисот тридцати комбайнов можно отправить в пески в ближайшие несколько дней. Примерно шесть тысяч двести пятьдесят орнитоптеров для аэросъемки, разведки и наблюдения за погодой... чуть менее тысячи грузолетов.

— А не дешевле возобновить переговоры с Гильдией о разрешении вывести на орбиту фрегат в качестве метеоспутника? — спросил Халлек.

Герцог взглянул на Хавата:

— Как, Суфир, нет ничего нового по этому поводу?

— Придется искать другие средства, — сказал Хават. — Агент Гильдии не стал вести никаких официальных переговоров. Он просто дал мне понять — как ментат ментату, — что цена находится за пределами наших возможностей и такой и останется, сколь бы эти возможности ни выросли. Прежде чем снова встретиться с ним, нам необходимо выявить причину такой позиции.

Один из адъютантов Халлека повернулся на стуле и воскликнул:

— Это несправедливо!

— Несправедливо? — Герцог взглянул на покрасневшего юношу. — О какой справедливости может идти речь? Мы творим нашу собственную справедливость. Мы будем

устанавливать ее здесь, на Арракисе, пока не победим или пока не умрем. Вы жалеете, что связали свою судьбу с нашей?

Офицер посмотрел на герцога, нерешительно сказал:

— Нет, сир. Вы не могли отказаться от величайшего во Вселенной источника доходов... а я не мог не последовать за вами. Простите за сорвавшиеся слова, но... — Он пожал плечами. — Но временами нам всем бывает горько.

— Горечь я понимаю, — сказал герцог. — Но давайте не будем рассуждать о справедливости, пока у нас есть руки и свобода, чтобы их использовать. Может быть, кто-то еще из вас испытывает какую-то горечь? Если так, выговоритесь. Здесь совещание друзей, и каждый может высказать все, что думает.

Халлек пошевелился и сказал:

— Я вот думаю, сир, как обидно, что у нас нет волонтеров из других Великих Домов. Они называют вас «Лето Справедливым» и обещают вечную дружбу — но только до тех пор, пока это ничего им не стоит.

— Просто пока они не знают, кто победит в этом столкновении, — сказал герцог. — Большинство Домов разжирело от слишком спокойной жизни. Они отвыкли рисковать! Их даже нельзя за это ругать, их можно лишь презирать. — Он взглянул на Хавата. — Однако вернемся к оборудованию. Нельзя ли показать сейчас несколько образцов, чтобы ближе познакомить присутствующих с этими машинами?

Хават кивнул и дал знак адъютанту включить проектор.

Над столом, ближе к тому месту, где сидел герцог, возникла трехмерная солидопроекция. Некоторым у дальнего конца стола пришлось встать, чтобы получше ее рассмотреть.

Пауль, вглядываясь в машину, наклонился вперед.

Сравнив с крошечными человеческими фигурками, окружавшими машину, можно было оценить ее размеры: не меньше ста двадцати метров в длину и примерно сорок метров в ширину. Она напоминала продолговатого жука и передвигалась на независимых друг от друга парах широких гусениц.

* * *

— Это комбайн-подборщик, — сказал Хават. — Для этой съемки мы подобрали машину в хорошем состоянии, только что из ремонта. А вот есть один драглайновый агрегат, доставленный сюда первой командой имперских экологов, который все еще работает... хотя я и не понимаю, как это возможно.

— Если это тот, который они называют «Старой Мэри», то это просто музейный экспонат, — сказал один из адъютантов. — Я думаю, Харконнены использовали его для наказания рабочих. Веди себя хорошо, не то отправят на «Старую Мэри».

Вдоль стола прокатились смешки.

Пауль удержался от веселья — ему все больше не давал покоя один вопрос. Указав на проекцию, он спросил:

— Суфир, а бывают ли песчаные черви, способные поглотить его целиком?

Над столом повисла тишина. Герцог про себя чертыхнулся, но потом подумал: нет, они должны смотреть в лицо реалиям здешней жизни.

— В глубине Пустыни есть черви, способные одним глотком справиться со всем этим комбайном, — помедлив, подтвердил Хават. — А ближе к Барьерной Стене, где добывается большая часть Пряности, встречается изрядное количество таких, которые могут сломать его, а потом на досуге сожрать по частям.

— Почему комбайны не оборудованы силовыми щитами? — спросил Пауль.

— Согласно информации Айдахо, — сказал Хават, — силовые щиты в пустыне опасны. Щит на одного человека привлекает всех червей за сотни метров вокруг. По каким-то причинам силовые поля приводят их в дикое бешенство. Нам об этом сообщили фримены, и нет оснований в этом сомневаться. Айдахо не заметил в сиетче даже намеков на необходимое для силовых щитов оборудование.

— Вообще никаких?

— Довольно трудно утаить такие вещи среди нескольких тысяч человек, — отозвался Хават. — У Айдахо был свободный доступ к любому уголку сиетча. Он не видел

ни силовых экранов, ни каких-либо признаков их использования.

— Странно, — сказал герцог.

— Харконнены, разумеется, использовали здесь много экранов, — заметил Хават. — У них были ремонтные мастерские во всех гарнизонных городках, и счета их показывают огромные расходы на запчасти для экранного оборудования.

— Могут ли фримены обладать способом нейтрализации экранов? — спросил Пауль.

— Маловероятно, — сказал Хават. — Теоретически это, конечно, возможно — статический заряд с противоположным знаком и размером с добрый округ способен это сделать, но никто здесь не проводил подобных испытаний. Мы бы услышали об этом раньше: контрабандисты имеют тесные контакты с фрименами и достали бы такое устройство, если бы оно у фрименов было. И уж ничто не удержало бы их от того, чтобы вывезти его с планеты.

— Мне не нравится оставлять непроясненным такой важный момент, — сказал Лето. — Суфир, я хочу, чтобы ты уделил первоочередное внимание решению этой проблемы.

— Мы уже работаем над ней, милорд. — Хават откашлялся. — Да, Айдахо заметил одну вещь: он сказал, что не может быть сомнений в отношении фрименов к силовым щитам. Он сказал, что они их главным образом попросту забавляют.

Герцог нахмурился:

— Вернемся к вопросу об оборудовании.

Хават сделал знак адъютанту, занятому с проектором, и солидо-изображение комбайна сменилось проекцией крылатого устройства, окруженного карликовыми фигурками людей.

— Это грузолет, — продолжал объяснять Хават. — По существу, просто большой орнитоптер, чья единственная функция в том, чтобы доставлять машины к богатым Пряностью пескам, а потом спасать их при появлении червей. Появляются-то они всегда. Сбор Пряности состоит в том, чтобы сгребать и хватать столько, сколько сможешь, и уносить ноги.

— Что превосходно согласуется с харконненскими принципами, — сказал герцог.

И реплика его отозвалась за столом резким и слишком громким смехом.

Грузолет сменило изображение орнитоптера.

— Это более обычные орнитоптеры, — сообщил Хават. — Правда, они серьезно модифицированы, что позволило значительно увеличить дальность полета. Особое внимание уделено защите от песка и пыли наиболее важных узлов. При этом только один из тридцати орнитоптеров имеет генераторы силовых экранов — возможно, они сняты для уменьшения веса и увеличения дальности полета.

— Не нравится мне это наплевательское отношение к щитам, — пробормотал герцог и подумал: «Но, может, в этом и состоит секрет Харконненов? Не означает ли это, что мы даже не сможем ускользнуть на экранированных фрегатах, если все обернется против нас?»

Он резко тряхнул головой, отгоняя эти мысли, и сказал:

— Давайте сделаем рабочую оценку. На какой доход мы может рассчитывать?

Хават перелистнул две страницы в записной книжке.

— Оценив стоимость ремонта и количество действующего оборудования, мы произвели первичную оценку эксплуатационных расходов. Она основана, разумеется, на заниженном значении, с поправкой на износ, принятом для того, чтобы иметь определенный запас. — Он закрыл глаза, входя в ментат-полутранс. — При Харконненах расходы на ремонт и оплату рабочей силы составляли четырнадцать процентов. Нам повезет, если мы сумеем удержать их на первых порах в пределах тридцати процентов. С учетом реинвестиций и затрат на развитие, включая отчисления КООАМ и военные расходы, наша доля сведется к шести-семи процентам, пока мы не заменим изношенное оборудование. Когда же заменим, то, пожалуй, сумеем поднять ее до двенадцати—пятнадцати процентов... — Хават открыл глаза. — Если только милорд не желает перенять харконненские методы.

— Наша цель — устойчивое положение на планете и превращение ее в нашу надежную базу, — сказал герцог. —

И мы должны делать значительные отчисления на улучшение жизни населения — особенно фременов.

— В первую очередь фременов, — согласился Хават.

— Наша власть на Каладане, — продолжил герцог, — зависела от мощи морских и воздушных сил. Здесь же мы должны заняться тем, что я могу назвать мощью Пустыни, и сделать ставку на нее. Сюда может быть включен и контроль воздушного пространства — но это не обязательно так; позволю себе обратить ваше внимание на отсутствие силовых экранов у орнитоптеров. — Он покачал головой. — Харконнены полагались на постоянный приток квалифицированного персонала извне. Мы же никак не можем положиться на такие кадры, ибо в каждой группе могут быть их агенты.

— Значит, нам придется смириться с намного меньшей прибылью и снижением сбора Пряности, — сказал Хават. — Наш валовой сбор за первые два сезона составит никак не более двух третей от среднего при Харконненах.

— Как раз этого мы и ожидали, — кивнул герцог. — Нам нужно быстро развивать отношения с фременами. Хотелось бы еще до первой ревизии КООАМ иметь пять полностью укомплектованных фременских батальонов.

— До ревизии осталось мало времени, сир, — сказал Хават.

— А у нас вообще мало времени, как вам всем хорошо известно. При первой же возможности они появятся здесь с сардаукарами, переодетыми в харконненскую форму. Как ты считаешь, Суфир, сколько они сумеют привезти?

— Судя по всему, четыре-пять батальонов, не более — цены Гильдии на перевозку войск вам известны.

— Значит, пяти батальонов фременов вместе с нашими собственными силами может оказаться достаточно. Если удастся захватить хотя бы нескольких сардаукаров и выставить их перед Советом Ландсраада — тогда все сильно переменится и вопрос будет стоять уже не о прибылях от Арракиса...

— Мы сделаем все от нас зависящее, сир.

Пауль взглянул на отца, потом на Хавата и внезапно остро почувствовал возраст Хавата, вспомнив, что старик служит уже третьему поколению Атрейдесов. Да, он — уже

старик... Это проявлялось в болезненном блеске карих глаз, в потрескавшейся и обожженной коже лица, опаленного ветрами многих миров, в сутулости плеч и в тонких губах с пятнами клюквенного цвета, вызванными потреблением сока сафо.

«Так много зависит от одного-единственного постаревшего человека...» — подумал Пауль.

— Сейчас мы втянуты в войну асассинов, — сказал герцог, — но полного размаха она еще не достигла. Суфир, в каком состоянии здесь харконненская сеть?

— Мы ликвидировали двести пятьдесят девять их ключевых агентов, милорд. Осталось не более трех харконненских гнезд — вероятно, в совокупности около сотни человек.

— А эти уничтоженные нами харконненские твари были богаты? — спросил герцог.

— Большинство из них были неплохо обеспечены — в основном это местные предприниматели.

— Изготовьте — подделайте! — убедительные сертификаты вассальной преданности за подписью каждого из них, — сказал герцог. — Копии отправьте Арбитру Смены. Мы будем стоять на том, что они фактически были изменниками — нарушителями присяги вассалов. Конфискуйте их собственность, заберите все, выселите их семьи, раздев донага. И проследите, чтобы Император получил свои десять процентов. Все должно быть абсолютно законным.

Суфир улыбнулся, обнажив испятнанные красным зубы:

— Ход, достойный вашего деда, милорд. Позор моим сединам, что я сам до него не додумался.

Халлек удивленно сдвинул брови: на лице Пауля читалась неприязнь к происходящему. Остальные улыбались и кивали.

«Так нельзя, — думал Пауль. — Это только заставит всех остальных сражаться упорнее. Потому что от капитуляции не будет никакого толку».

Он знал, что в канли запрещенных приемов практически нет, но этот прием был из тех, что могут уничтожить применившего, даже дав ему победу.

— «И стал я чужаком в чужой земле», — процитировал Халлек.

Пауль пристально посмотрел на него, узнав цитату из Экуменической Библии, и спросил себя: возможно ли, что и Гурни хотел бы покончить со всякими коварными интригами?..

Герцог бросил взгляд в темноту за окнами, потом посмотрел на Халлека:

— Гурни, скольких меланжеров удалось убедить остаться с нами?

— Всего двести восемьдесят шесть человек, сир. Думаю, мы должны взять всех, и, по-моему, нам еще повезло. У всех полезные профессии.

— Так мало? — Герцог поджал губы. — Ну ладно, перейдем к...

Шум у двери прервал его. Дункан Айдахо миновал стоявшую там охрану, быстро прошел через весь зал к герцогу и склонился к его уху.

Лето знаком отстранил его и сказал:

— Говори вслух, Дункан. Ты же видишь — это заседание штаба.

Пауль рассматривал Айдахо, отмечая его кошачьи движения и быструю реакцию, благодаря которым так трудно было соперничать с ним в фехтовании.

Темное лицо Айдахо повернулось к Паулю; выражение глубоко посаженных глаз не выдавало эмоций, но Пауль узнал эту маску безмятежности, скрывающую возбуждение.

Айдахо оглядел сидящих за столом, потом сказал:

— Мы разбили отряд харконненских наемников, переодетых фрименами. Сами фримены прислали к нам гонца, чтобы предупредить об этой банде. Напав на нее, мы, однако, обнаружили, что Харконнены подстерегли фрименского курьера на обратном пути и тяжело его ранили. Мы хотели доставить его сюда, к нашим врачам, но в дороге он умер. Я видел, как он был плох, и остановился, чтобы хоть немного помочь. А он вдруг попытался что-то выбросить. — Айдахо взглянул на Лето. — Это был нож, милорд, нож, подобного которому вы никогда не видели.

— Крис? — спросил один из офицеров.

— Несомненно, — сказал Айдахо. — Молочно-белый и словно светящийся внутренним светом.

Он потянулся и извлек из-под мундира ножны с торчащей из них черной ребристой рукояткой.

— Не вынимайте клинок из ножен!

Этот почти крик раздался от открытой двери в дальнем конце комнаты — и голос был таким звучным, пронзительным и взволнованным, что заставил всех обратить взоры на его обладателя.

В дверях стоял высокий человек в просторных одеждах. Путь ему преградили скрещенные мечи охранников. Светло-коричневый балахон полностью скрывал его фигуру, если не считать отверстия для лица в капюшоне. В прорезях черного лицевого покрывала-маски светилась пара абсолютно синих глаз, глаз без единого белого пятнышка.

— Пусть он войдет, — прошептал Айдахо.

— Пропустите его, — велел герцог.

После некоторого колебания охранники опустили мечи.

Человек стремительно вошел в комнату, остановившись напротив герцога.

— Это Стилгар, глава сиетча, в котором я гостил, вождь тех людей, которые предупредили нас о харконненской банде, — сказал Айдахо.

— Добро пожаловать, — сказал Лето. — И почему же нам нельзя вынимать из ножен этот клинок?

Стилгар взглянул на Айдахо и сказал:

— Ты соблюдал среди нас обычаи чистоты и чести. Тебе я мог бы разрешить взглянуть на клинок человека, которому вы помогали... — Стилгар обежал взглядом остальных присутствующих в помещении. — Но их я не знаю. Не осквернят ли они благородное оружие?

— Я — герцог Лето, — сказал герцог. — Можете ли вы позволить мне увидеть этот клинок?

— Я позволю вам заслужить право извлечь его из ножен, — отчеканил Стилгар и, когда над столом пронесся ропот недовольства, поднял худую, в темных прожилках руку. — Напоминаю, это клинок того, кто помог вам.

В наступившей тишине Пауль изучал этого человека, ощущая исходящую от него ауру власти. Он был вождем — фрименским вождем.

Офицер, сидевший на противоположной от Пауля стороне стола, пробормотал:

— Кто он такой, чтобы учить нас, какими правами мы обладаем на Арракисе?

— Говорят, что герцог Лето Атрейдес правит с общего согласия подданных, — сказал Стилгар. — Так что я должен рассказать вам, в чем тут дело: на тех, кто видел крис, ложится определенная ответственность. — Он бросил мрачный взгляд на Айдахо. — Они становятся нашими. И не смогут покинуть Арракис без нашего согласия.

Халлек и еще несколько человек с гневом на лицах вскочили.

— Один лишь герцог Лето определяет... — начал Халлек.

— Одну минуту, — сказал Лето, и мягкость, прозвучавшая в его голосе, остановила их. Этот момент нельзя упустить, подумал он и обратился к вождю фрименов: — Сэр, я чту и уважаю личное достоинство каждого, кто уважает мое достоинство. Я действительно у вас в долгу. И я всегда плачу свои долги. Если по вашему обычаю этот нож должен остаться здесь в ножнах, значит, так и будет — по моему приказу. И если существует еще какой-нибудь способ почтить человека, погибшего, помогая нам, вам остается только указать его.

Фримен пристально посмотрел на герцога, потом медленно отвел в сторону лицевое покрывало, открыв тонкий нос и полногубый рот, обрамленный черной блестящей бородой, медленно склонился над столом и плюнул на его полированную поверхность.

Сидевшие за столом вскочили было на ноги, но тут прогремел голос Айдахо:

— Стойте!

В наступившей напряженной тишине Айдахо сказал:

— Мы благодарим тебя, Стилгар, за дар влаги твоего тела. Мы принимаем его с тем же чувством, с каким он был принесен. — И Айдахо тоже плюнул на стол.

Специально для герцога он прошептал:

— Вспомните, сколь драгоценна здесь вода, сир. Это был знак уважения.

Лето откинулся на спинку стула, поймал взгляд Пауля, заметил печальную улыбку на лице сына и почувствовал, как медленно спадает напряжение за столом, по мере того как к людям приходит понимание.

Стилгар посмотрел на Айдахо:

— Ты неплохо вписался в мой сиетч, Дункан Айдахо. Есть ли у тебя долг преданности твоему герцогу?

— Он хочет меня завербовать, сир, — пояснил Айдахо.

— Согласится ли он, если ты будешь служить и ему, и мне? — спросил Лето.

— Вы хотите, чтобы я пошел с ним, сир?

— Я хочу, чтобы ты сам принял решение, — сказал Лето и не сумел спрятать волнение в голосе.

Айдахо посмотрел прямо в глаза Стилгара:

— Берешь меня на этих условиях, Стилгар? Учти, тогда мне в случае необходимости придется возвращаться на службу к моему герцогу.

— Ты хорошо сражаешься и сделал все, что сумел, для нашего друга, — проговорил Стилгар и перевел взгляд на Лето. — Пусть будет так: человек Айдахо оставляет у себя этот крис как знак его верности нам. Он, разумеется, должен быть очищен и пройти ритуалы, но это можно сделать. Он будет фрименом и солдатом Атрейдесов. Тому уже есть прецедент: так и Лиет служит двум господам.

— Дункан? — спросил Лето.

— Я понимаю, сир, — кивнул Айдахо.

— Значит, решено, — заключил Лето.

— Твоя вода — наша, Дункан Айдахо, — сказал Стилгар. — Тело нашего друга остается у вашего герцога. Его вода — вода Атрейдесов. Теперь между нами — связь, связь воды.

Лето вздохнул, встретившись взглядом с Хаватом. Старый ментат с довольным выражением лица кивнул.

— Я буду ждать внизу, — сказал Стилгар, — пока Айдахо простится со своими друзьями. Имя нашего погибшего друга было Турóк. Помните об этом, когда придет время освободить его дух. Вы — друзья Турока.

Стилгар повернулся уходить.

— Может быть, вы задержитесь, хотя бы ненадолго? — спросил Лето.

Фримен снова повернулся к нему, небрежным жестом возвращая покрывало на место и что-то под ним поправляя. Перед тем как покрывало опустилось, Пауль успел заметить что-то вроде тонкой трубки.

— А разве есть причина для задержки? — спросил Стилгар.

— Хотя бы почета ради, — пожал плечами герцог. — Честь...

— Честь велит мне как можно быстрее оказаться в другом месте, — сказал Стилгар, метнул еще один взгляд на Айдахо, круто развернулся и, широко шагая, вышел.

— Если другие фримены похожи на него, мы с ними неплохо сработаемся, — сказал Лето. — Мы можем быть очень полезны друг другу.

Айдахо проговорил сухим тоном:

— Он прекрасный образчик, сир.

— Ты понимаешь, что должен делать, Дункан?

— Я — ваш посол к фрименам, сир.

— От тебя зависит очень многое, Дункан. Мы должны набрать по меньшей мере пять батальонов этих людей — до того как на нас обрушатся сардаукары.

— Эта цель потребует некоторых усилий, сир. Фримены — весьма независимый народ. — Айдахо поколебался, потом сказал: — И еще одно, сир. Один из наемников, которых мы побили, пытался завладеть этим клинком нашего погибшего фрименского друга. Этот наемник говорит, что Харконнены обещают миллион соляриев всякому, кто доставит им хотя бы один-единственный крис.

Подбородок Лето вздернулся: герцог был удивлен.

— Почему же им так сильно хочется заполучить эти клинки?

— Нож изготавливают из зуба песчаного червя; это знак фримена, сир, и никто другой не может иметь его. С ним синеглазый человек может войти в любой сиетч в этой земле. Они потребовали бы у меня предъявить его, если бы меня не знали. Я на фримена не похож. Но...

— Питер де Врийе, — сказал герцог.

— Человек дьявольского коварства, милорд, — кивнул Хават.

Айдахо спрятал крис под мундир.

— Береги этот нож, — сказал герцог.

— Я понимаю, милорд. — Он похлопал по рации на своей портупее. — Я доложу обо всем при первой возможности. У Суфира есть код моего вызова. Используйте боевой язык.

Дункан отсалютовал, четко повернулся кругом.

Они слышали, как его шаги удаляются по коридору.

Лето и Хават обменялись понимающими взглядами.

— Нам многое предстоит сделать, сир, — сказал Халлек.

— А я не даю тебе приняться за работу, — усмехнулся Лето.

— У меня приготовлено сообщение о передовых базах, — сказал Хават. — Может, в другой раз, сир?

— Оно длинное?

— Я подготовил краткое изложение, так что не очень. Среди фрименов говорят, что в период действия Имперской Пустынной ботанической станции здесь, на Арракисе, было построено свыше двухсот таких баз. Предполагается, что все они были покинуты, но есть показания, что перед тем, как бросить, их законсервировали.

— Там сохранилось действующее оборудование? — спросил герцог.

— Согласно сообщениям, полученным от Дункана, да.

— Где расположены станции? — вмешался Халлек.

— Ответ на этот вопрос, — сказал Хават, — неизменно один и тот же: «Лиет знает».

— Бог знает, — пробормотал Лето.

— Возможно, все не так безнадежно, сир, — сказал Хават. — Вы ведь слышали, как этот Стилгар употребил его имя. Не может ли оно относиться к реальному лицу?

— «Служит двум господам», — вспомнил Халлек. — Звучит как религиозная цитата, пожалуй...

— Тебе виднее. Странно, что ты не знаешь наверняка, — буркнул герцог.

Халлек улыбнулся.

— Ну а Арбитр Смены, — сказал Лето, — Имперский Эколог — Кинес... Не может ли он знать, где находятся эти базы?

— Сир, — предостерег Хават, — Кинес служит Императору.

— И очень далеко от Императора, — сказал Лето. — Мне нужны эти базы. Они, наверное, битком набиты материалами, которые вполне можно было бы использовать для ремонта нашего оборудования.

— Сир! — воскликнул Хават. — Эти базы по закону все еще относятся к феоду Его Величества.

— Климат здесь достаточно свирепый, чтобы уничтожить все, что угодно, — задумчиво сказал герцог. — Мы всегда сможем свалить все на бури... Разыщите этого Кинеса и хотя бы узнайте, существуют ли базы на самом деле.

— Реквизировать их все-таки опасно, — покачал головой Хават. — Дункан уверен, что эти базы или некая связанная с ними идея имеют для фрименов некое глубокое значение. Мы можем оттолкнуть их от себя, если разорим эти базы.

Пауль видел, с каким напряжением офицеры следят за каждым произнесенным словом. Казалось, намерения отца их глубоко расстраивают.

— Послушайся его, отец, — тихо сказал Пауль. — Он прав.

— Сир, — сказал Хават, — на этих базах действительно может содержаться столько материалов, что хватило бы на ремонт всего оставленного нам оборудования, и все-таки они могут оказаться за пределами досягаемости по стратегическим причинам. Опрометчиво было бы предпринимать какие-либо шаги без дополнительных сведений. Империя наделила Кинеса полномочиями Арбитра. Мы не должны этого забывать. И фримены считаются с его мнением.

— Значит, проделайте все мягко, — сказал герцог. — Я всего лишь хочу знать, существуют ли базы, и только.

— Как прикажете, сир. — Хават сел, опустив глаза.

— Тогда все в порядке, — сказал герцог. — Мы знаем, что нам предстоит — работа. Мы к ней готовились. И у нас есть в ней кое-какой опыт. Мы знаем, каким будет вознаграждение. Альтернативы тоже достаточно ясны. У каждого есть свое задание... — Герцог посмот-

рел на Халлека. — Гурни, в первую очередь займись контрабандистами.

— «Вот, иду к бунтарям, обитающим в безводной земле», — нараспев произнес Халлек.

— Когда-нибудь я поймаю этого парня на отсутствии подходящей цитаты, и он будет похож на голого, — бросил герцог.

Фраза его отозвалась за столом смешками, но Пауль услышал в них нотки неестественности.

Герцог обратился к Хавату:

— Суфир, разверни на этом этаже еще один командный пункт — для разведки и связи. Когда сделаешь, приходи: ты мне понадобишься.

Хават встал и окинул комнату взглядом, словно ища поддержки. Потом направился к выходу, следом потянулись остальные. Офицеры двигались торопливо, скребя пол отодвигаемыми стульями, сталкиваясь, обнаруживая явные признаки смущения.

Дело закончилось всеобщим замешательством, подумал Пауль, глядя в спины. Раньше Совет всегда заканчивался в приподнятой атмосфере. А это собрание словно вытекало медленной струйкой, утомленное собственной неэффективностью, да и завершилось оно спором...

Впервые Пауль позволил себе подумать о реальной возможности неудачи — и вовсе не из страха перед ней и не из-за предостережений, подобных тем, что исходили от старой Преподобной Матери, — его собственная оценка ситуации заставила взглянуть этой возможности в лицо.

«Отец в отчаянии, — подумал он. — Дела складываются для нас очень неудачно».

И Хават... Пауль припомнил, как вел себя на совещании старый ментат — едва уловимые колебания, признаки беспокойства...

Да, Хават чем-то глубоко встревожен.

— Тебе, наверное, лучше всего остаться на ночь здесь, сын, — сказал герцог. — Все равно скоро рассветет. Я сообщу твоей матери. — Он тяжело поднялся. — Почему бы тебе не сдвинуть вместе несколько кресел и не прилечь отдохнуть?

— Я не устал, отец.

— Ну, как хочешь.

Герцог заложил руки за спину и принялся вышагивать взад-вперед вдоль стола.

Как зверь в клетке.

— Ты собираешься обсудить с Хаватом возможность того, что среди наших людей есть предатель? — спросил Пауль.

Герцог остановился напротив сына и сказал, глядя в темноту за окнами:

— Эту возможность мы обсуждали много раз.

— Старуха казалась такой уверенной в этом, — сказал Пауль. — И то послание для матери...

— Меры предосторожности приняты, — сказал герцог. Он оглядел комнату, и в его глазах сверкнула ярость загнанного зверя. — Оставайся здесь. Мне надо обсудить с Суфиром кое-что насчет командных пунктов. — Герцог повернулся и быстро вышел, коротко кивнув у двери охранникам.

Пауль смотрел на то место, где стоял отец. Оно опустело даже раньше, чем герцог вышел из комнаты. И Пауль вспомнил слова старухи: «...твоего отца не спасет ничто».

В тот первый день, когда Муад'Диб с ближними его ехал по улицам Арракина, некоторые из людей, стоявших у дороги, вспомнили легенды и пророчества и отважились прокричать: «Махди!» Но этот их крик был более вопросом, нежели утверждением, ибо тогда существовала лишь надежда, что был он Лисáн аль-Гáибом, Гласом из Внешнего Мира, предсказанным много веков назад. Взгляды их были прикованы также и к его матери, ибо все слышали, что была она Бене Гессерит, и потому сочли ее чем-то вроде второго Лисан аль-Гаиба.

(Из учебника «Жизнь Муад'Диба» принцессы Ирулан)

Герцог нашел Суфира Хавата — тот сидел один в угловой комнате. За стеной работали — устанавливали и налаживали аппаратуру связи, но здесь было довольно тихо. Герцог успел окинуть взглядом все помещение, пока Хават поднимался из-за стола, заваленного бумагами. В

этом закутке с зелеными стенами, помимо стола, было еще три кресла на силовой подвеске, со спинок которых поспешно стерли букву «Х», — там виднелись пятна, немного отличные по цвету от всей обивки.

— Эти кресла достались нам в наследство от прежних хозяев, но они вполне безопасны, — сказал Хават. — А где Пауль, сир?

— Я оставил его в комнате совещаний. Я решил, что ему стоит отдохнуть, и избавил от своего присутствия.

Хават кивнул, прошел к двери в соседнюю комнату и прикрыл ее. Шум помех и треск разрядов, доносившиеся оттуда, стихли.

— Суфир, — вздохнул Лето, — я вот думаю об имперских и харконненских запасах Пряности.

— Что вы имеете в виду, милорд?

Герцог поджал губы:

— Склады могут быть разрушены...

Увидев, что Хават собирается возразить, герцог поднял руку:

— Я говорю сейчас не о запасах Императора. Но неприятностям Харконненов он бы втайне порадовался. И как барону протестовать против уничтожения того, что он не может открыто признать своим?

Хават покачал головой:

— У нас мало людей, сир.

— Возьми часть людей Айдахо. И, может быть, кто-то из фременов захочет отлучиться с планеты. Рейд на Джеди Прим мог бы дать нам тактическое преимущество, Суфир.

— Как прикажете, милорд. — Хават повернулся уходить, и герцог заметил, что старик нервничает. *Возможно, он боится, что я ему не доверяю. Наверняка он знает, что я получил частные сообщения о предательстве. Ну и — лучше всего немедленно успокоить его страхи.*

— Суфир, — сказал он, — ты один из немногих, кому я полностью могу доверять: поэтому я хочу обсудить с тобой еще один вопрос. Оба мы знаем, какого неусыпного внимания требует опасность проникновения предателей в наши ряды... но у меня есть два новых сообщения.

Хават обернулся, и герцог пересказал ему все, что узнал от Пауля.

Но вместо сосредоточения, возникающего у ментатов во время работы, эти сообщения лишь усилили беспокойство Хавата.

Лето всмотрелся в лицо старика, потом сказал:

— Ты что-то скрываешь, дружище. Мне следовало догадаться еще на совещании штаба, ведь ты там так нервничал. Что это за опасность, о которой нельзя говорить перед всеми?

Испятнанные сафо губы Хавата вытянулись в прямую линию с разбежавшимися от уголков мелкими морщинами. И так, с почти неподвижными губами, он наконец сказал:

— Милорд, я даже не знаю, как к этому подступиться.

— Мы же приняли друг за друга немало шрамов, Суфир, — напомнил герцог. — И уж кто-кто, а ты можешь сказать мне все, что угодно, — и ты это знаешь.

Хават, по-прежнему глядя на герцога, подумал: «Таким я люблю его больше всего. Человеком чести, заслуживающим всей моей преданности и службы. Почему мне приходится причинять ему боль?»

— Итак? — потребовал Лето.

Хават пожал плечами:

— Дело в обрывке сообщения, который мы отобрали у харконненского тайного курьера. Сообщение предназначалось для агента по имени Парди. У нас есть основание полагать, что этот Парди был главой всей здешней харконненской подпольной сети. Это сообщение... это такая вещь, которая может повлечь огромные последствия — или никаких. Дело в том, что его можно истолковать по-разному.

— И что же это за сообщение?

— Обрывок сообщения, милорд. Обрывок микрофильма, снабженного, как обычно, капсулой самоуничтожения. Мы сумели нейтрализовать воздействие кислоты незадолго до полного уничтожения информации — остался лишь фрагмент. Но фрагмент очень существенный.

— Да?

Хават потер губу:

— Он гласит: «...его никогда не заподозрит, и когда удар обрушится на него, довольно будет и того, что нанесет его рука любимого человека». Кассета была опечатана личной печатью барона, и я удостоверился в ее подлинности.

— Твое подозрение очевидно, — сказал герцог, и голос его стал ледяным.

— Я бы лучше отрубил себе руки, чем так расстраивать вас, — сказал Хават. — Милорд, а что, если...

— Леди Джессика, — сказал Лето и почувствовал, как быстро разгорается гнев. — А вы что, не сумели выбить факты из этого Парди?

— К сожалению, когда мы перехватили курьера, Парди уже не было в живых. А курьер, я уверен, просто не знал, что несет.

— Понятно.

Лето покачал головой: «Какая гнусность. Конечно, тут все подстроено — я-то знаю свою женщину».

— Милорд, если...

— Нет! — рявкнул герцог. — Здесь ошибка.

— Мы не можем этого игнорировать, милорд.

— Она со мной шестнадцать лет! Бессчетные возможности были для... Ты сам проверял и школу, и ее самое!

Хават горько проговорил:

— Кое-что ведь от меня уже ускользнуло...

— Это невозможно, я тебе говорю! Харконнены хотят уничтожить род Артрейдесов — имея в виду и Пауля. Один раз они уже попытались. Может ли женщина строить заговоры против собственного сына?

— Возможно, против сына она заговоров не строит. И вчерашняя попытка могла быть ловким обманом.

— Нет, не могла!

— Сир, предполагается, что она не знает, кто ее родители, но что, если знает? Что, если, допустим, она сирота и виновны в этом Атрейдесы?

— Она бы ударила давным-давно. Яд, подсыпанный в мой бокал... удар стилета ночью. У кого было больше возможностей?

— Харконнены хотят уничтожить вас, милорд. Им недостаточно просто убить. В канли имеется ряд тонких разли-

чий. Представьте, что это не просто вендетта, а вендетта-шедевр, своего рода произведение искусства?..

Плечи герцога тяжело опустились. Он закрыл глаза, разом почувствовав себя постаревшим и безмерно усталым. «Этого просто не может быть. Она открыла мне свое сердце».

— Есть ли лучший способ уничтожить меня, чем посеять во мне подозрения к женщине, которую я люблю?

— Такую вероятность я рассматривал, — сказал Хават. — Но...

Герцог открыл глаза и посмотрел на Хавата.

«Пусть подозревает. Подозрение — его профессия. Может быть, притворившись, что верю в это, я сделаю врага менее осторожным...»

— Что ты предлагаешь? — прошептал герцог.

— Сейчас — непрерывное наблюдение, милорд. За ней нужно следить постоянно. Я постараюсь, чтобы это было сделано ненавязчиво. Для такой работы лучше всего подошел бы Айдахо. Мы могли бы, наверное, в течение недели вернуть его. Мы готовили одного молодого человека из отряда Айдахо — он идеально подходит, чтобы направить его к фрименам на замену Айдахо. Прирожденный дипломат.

— Только чтобы это не вредило нашим отношениям с фрименами.

— Разумеется, сир.

— А что насчет Пауля?

— Можно предупредить доктора Юйэ — пусть присмотрит...

Лето уже повернулся к Хавату спиной.

— Оставляю это на твое усмотрение.

— Я буду осторожен, милорд.

«Хоть на это можно рассчитывать», — подумал Лето и сказал:

— Пойду прогуляюсь. Если я тебе понадоблюсь — я не собираюсь выходить за территорию дворца. Охрану можешь...

— Милорд, прежде чем вы уйдете, — у меня есть ролик, который мог бы вас заинтересовать. Это анализ фри-

менской религии в первом приближении. Помните, вы просили меня доложить об этом.

Герцог остановился и, не оборачиваясь, досадливо спросил:

— А подождать это не может?

— Разумеется, милорд. Вы спрашивали, что они выкрикивали. Это было слово «Махдй!» И обращено оно было к молодому господину. Когда они...

— К Паулю?

— Да, милорд. У них тут есть легенда, пророчество, что к ним придет вождь, сын женщины из Бене Гессерит, который поведет их к подлинной свободе. Легенда следует обычному мессианскому образцу.

— Они думают, что Пауль и есть этот... этот...

— Они только надеются, милорд. — Хават протянул ему капсулу.

Герцог взял ее и засунул в карман:

— Я просмотрю это позже.

— Разумеется, милорд.

— А сейчас мне нужно... подумать.

— Да, милорд.

Герцог глубоко вздохнул и быстро вышел. Он повернул направо по коридору, замедлил шаг и, заложив руки за спину, двинулся вперед, почти не обращая внимания на окружающее. Сменялись коридоры, лестницы, балконы, залы... Встречные салютовали ему и уступали дорогу.

Он вернулся в комнату совещаний: там было темно, и Пауль спал на столе, укрывшись плащом охранника и положив под голову ранец. Герцог тихо пересек комнату и вышел на балкон, с которого открывался вид на посадочное поле. Охранник, дежуривший на балконе, узнал герцога в тусклом отсвете посадочных огней и встал «смирно».

— Все в порядке, — сказал ему герцог и оперся о холодный металл балюстрады.

На пустыню сошла предрассветная тишина. Он взглянул вверх. Прямо над головой звезды сверкали, точно золотые монеты на иссиня-черном бархате. С юга, зависнув над горизонтом, сквозь легкую пыльную дымку на

него глядела Вторая луна — глядела недоверчиво и цинично.

Пока герцог смотрел, луна медленно опустилась за край Барьерной Стены, облив гребни скал стеклистым блеском, и во внезапно спустившейся темноте герцогу стало немного зябко. Он вздрогнул.

И почти в то же мгновение его пронзила вспышка гнева.

«Все последнее время Харконнены вредят мне, травят, охотятся за мной. Эти кучи дерьма с палаческими мозгами! Но я отсюда не уйду! — И заключил с оттенком печали: — Я должен править, пуская в ход глаза и когти — как ястреб среди малых птиц».

Он бессознательно провел рукой по эмблеме ястреба на своем мундире.

На востоке в ночном небе проступил призрачный жемчужно-серый веер, расцвел опаловой морской раковиной, затмившей звезды. Началось долгое, звонкое движение зари, поджегшей небо над изломанным горизонтом.

Это была картина такой красоты, которая поглотила его целиком.

Поистине есть вещи, ни с чем не сравнимые.

Он никогда не мог представить себе, что здесь может существовать нечто столь прекрасное, как этот алый горизонт, пурпурные и охряные скалы. За посадочным полем, там, где слабая ночная роса коснулась жизни в торопливых семенах Арракиса, загорелись огромные пятна красных цветов. Через них бежала цепочка фиолетового... точно следы неведомого великана.

— Прекрасное утро, сир, — тихо произнес охранник.

Герцог кивнул.

«Возможно, эту планету можно полюбить. Может быть, она даже станет хорошим домом моему сыну...»

Затем он увидел людей, движущихся среди цветов и словно обметающих их странными инструментами, напоминающими серпы. Это были сборщики росы. Вода здесь столь драгоценна, что необходимо собирать даже росу.

«...Но она может оказаться и ужасным местом», — подумал герцог.

* * *

Нет, наверное, более ужасного мгновения в познании мира — ужаснее, нежели миг, когда открываешь, что отец твой — живой человек из плоти и крови.

(Принцесса Ирулан. «Избранные изречения Муад'Диба»)

— Пауль, то, что я делаю сейчас, — тяжело и отвратительно, но я должен сделать это...

Он стоял рядом с портативным ядоискателем, который доставили в комнату совещаний, чтобы они могли позавтракать там. Сенсорные щупы искателя безвольно повисли над столом, напомнив Паулю какое-то только что издохшее огромное насекомое.

Герцог смотрел в окно на посадочное поле и клубы пыли на фоне утреннего неба.

Перед Паулем был фильмоскоп с роликом о религии фременов. Ролик составлял один из экспертов Хавата, и Пауль почувствовал, что смущен ссылками на себя.

«Махди́!»

«Лиса́н аль-Га́иб!»

Он закрыл глаза и снова услышал эти крики взволнованных толп. «Так вот на что они надеются, — подумал он. И вспомнил, что говорила Преподобная Мать, — «Квисатц Хадерах». Воспоминания вновь разбудили в нем чувство ужасного предназначения, вызвали ощущение, что ему знаком этот странный мир, ощущение, которого он не мог объяснить.

— Да, отвратительно, — повторил герцог.

— Что ты имеешь в виду?

Лето повернулся, взглянул на сына:

— Дело в том, что Харконнены решили обмануть меня — чтобы я заподозрил твою мать. Они не знают, что я скорее усомнился бы в самом себе.

— Я тебя не понимаю, отец.

Лето опять посмотрел в окно. Белое солнце вошло в свой утренний квадрант. Молочный свет пронизал бурление пыльных облаков, расплескавшихся в слепых ущельях Барьерной Стены.

Медленно, понизив голос, стараясь сдерживать гнев, герцог рассказал Паулю о таинственной записке.

— С тем же основанием ты мог бы заподозрить и меня, — сказал Пауль.

— Надо, чтобы они думали, будто добились своего, — сказал герцог. — Чтобы считали меня таким дураком. Все должно выглядеть достоверно. Даже твоя мать должна быть уверена, что все это — всерьез и по-настоящему.

— Но почему?

— Нельзя, чтобы реакция твоей матери была игрой, притворством. О, она способна на великолепную игру... но слишком многое поставлено на карту. Я надеюсь разоблачить предателя. Должно казаться, что я полностью обманут. Придется причинить ей эту боль, чтобы она не испытала худших страданий.

— Тогда почему ты рассказываешь это мне, отец? А вдруг я что-то нечаянно выдам?

— Они не станут следить в этом деле за тобой, — сказал герцог. — Ты сохранишь секрет. Ты должен. — Герцог отошел к окну и продолжал не оборачиваясь: — Я рассказываю это тебе для того, чтобы — если со мной что-нибудь случится — ты мог рассказать ей правду: что я никогда, ни на одно мгновение не сомневался в ней. Мне хотелось бы, чтобы она это узнала.

В словах отца он почувствовал мысли о смерти и быстро проговорил:

— С тобой ничего не случится, отец. Ты...

— Не надо, сын.

Пауль всматривался в отца, замечая утомление, сквозившее в наклоне головы, в линии плеч, в медлительности движений.

— Ты просто устал, отец.

— Я устал, — согласился герцог. — Я устал душой. Наверное, вырождение Великих Домов в конце концов поразило и меня. А ведь когда-то мы были такими сильными людьми!

Пауль, внезапно испугавшись, горячо возразил:

— Наш Дом не вырождается.

— Не вырождается?

Герцог повернулся лицом к сыну, показав темные круги под жесткими глазами, циничный изгиб губ.

— Мне следовало жениться на твоей матери, сделать ее герцогиней. Но... то, что официально я не женат, дает надежду на союз со мной некоторым Домам, у которых есть незамужние дочери. — Он пожал плечами. — И я...

— Мать мне это объясняла.

— Ничто не дает вождю большей преданности, чем атмосфера бравады, смелости, куража, — сказал герцог. — Вот я ее и культивирую.

— Ты руководишь хорошо, — запротестовал Пауль. — Ты хорошо правишь. Люди следуют за тобой добровольно и с любовью.

— Мой корпус пропаганды — один из лучших, — горько усмехнулся герцог, отворачиваясь к пустыне. — Здесь, на Арракисе, у нас больше возможностей, чем Империя могла бы себе представить. Но иногда я думаю, что стоило бы предпочесть бегство, стать отступниками. Иногда я хочу, чтобы мы безымянно и бесследно растворились среди людей, став менее уязвимыми перед...

— Отец!

— Да, я устал, — повторил герцог. — Ты знаешь, что мы используем осадок, получающийся при очистке Пряности, в качестве сырья и уже запустили собственную фабрику по производству фильмолент?

— ?..

— Мы не можем допустить дефицита пленки, — объяснил герцог. — Как иначе мы можем наводнить своей информацией деревню и город? Люди должны знать, сколь хорошо я ими правлю. А как они смогут узнать это, если мы им не расскажем?

— Тебе надо все-таки немного отдохнуть, — сказал Пауль.

Герцог стоял совершенно неподвижно — четкий силуэт на фоне солнца.

— У Арракиса есть еще одно преимущество, о котором я чуть не забыл упомянуть. Пряность тут во всем. Мы вдыхаем ее и съедаем вместе с любой пищей. И я полагаю, это дает определенный иммунитет к некоторым из самых распространенных ядов из «Справочника асассина». И необходимость следить за каждой каплей воды ставит все производство пищи — выращивание дрожжей, гидропонику, производство

химовита, — короче, все — под самый строгий надзор. Мы не можем, к примеру, избавиться от большой части нашего населения с помощью яда — поэтому и на нас не могут напасть таким способом. Арракис делает нас моральными и нравственными.

Пауль хотел ответить, но герцог жестом прервал его:

— Мне нужен кто-то, кому я мог бы говорить подобные вещи, сын.

Он вздохнул и опять взглянул на иссушенный ландшафт, откуда теперь исчезли даже цветы — растоптанные сборщиками росы, увядшие под утренним солнцем.

— На Каладане мы правили, используя силу моря и воздуха, — сказал герцог. — Здесь мы должны ухватиться за силу Пустыни. Это твое будущее владение, Пауль. Что с тобой станет, если со мной что-то случится? Наш Дом станет не отступническим, а, так сказать, партизанским Домом — преследуемым, бегущим...

Пауль пытался что-то ответить, но так и не нашел что. Никогда еще он не видел отца таким.

— Чтобы сохранить Арракис, — продолжал герцог, — встаешь перед неизбежностью решений, которые могут стоить тебе самоуважения. — Он указал взглядом на зелено-черное знамя Атрейдесов, безвольно повисшее на флагштоке на краю посадочного поля. — Это благородное знамя может стать символом зла.

Пауль сглотнул пересохшим горлом. Слова отца несли печать обреченности. Мальчик почувствовал пустоту в груди.

Герцог извлек из кармана таблетку стимулятора и проглотил, не запивая.

— Сила и страх, — сказал он. — Вот инструменты государственной власти... Я вынужден еще раз подчеркнуть, как важно, чтобы ты полностью овладел методами партизанской войны. Этот ролик... они называют тебя «Махди», «Лисан аль-Гаибом» — в крайнем случае попробуй поставить на это. Это — твой последний шанс.

Пауль смотрел на отца и видел, как распрямляются его плечи — подействовала таблетка, — но слова страха и сомнения не забывались.

— Почему нет эколога? — пробормотал герцог. — Я же сказал Хавату, чтобы он доставил его сюда пораньше.

Однажды мой отец, Падишах-Император, взял меня за руку, и с помощью методов, которым научила меня моя мать, я почувствовала, что он расстроен. Он привел меня в Зал Портретов и подвел к эго-образу герцога Лето Атрейдеса. Я заметила сильное сходство между ними — моим отцом и этим человеком на портрете, — у обоих худощавые, тонкие лица с резкими чертами и холодные яркие глаза. «Принцесса-дочь, — сказал тогда мой отец, — хотел бы я, чтобы ты была постарше, когда этот человек выбирал себе жену...» В то время отцу был семьдесят один год, хотя выглядел он не старше, чем человек на портрете, а мне было всего четырнадцать; однако я помню, как решила тогда, что отец мой втайне желает породниться с герцогом и проклинал политическую неизбежность, сделавшую их врагами.

(Принцесса Ирулан, «В доме моего отца»)

Первая встреча с людьми, которых ему приказали предать, потрясла Кинеса. Он гордился собой, считая себя ученым, для которого легенды — не более чем занятные ключи к истокам культуры. Но мальчик так точно соответствовал древнему пророчеству! У него были «вопрошающий взор» и аура «сдержанной искренности».

Конечно, пророчество оставляло некоторый простор толкованиям — должна ли Богиня-Мать привезти Мессию с собой или же дать Ему жизнь уже здесь? Но все-таки тут было, было это странное соответствие между предсказанием и реальными людьми.

Они встретились утром возле административной башни арракинского космодрома. Неподалеку стоял наготове и тихо жужжал, словно большое сонное насекомое, орнитоптер без опознавательных знаков. Рядом дежурил охранник Атрейдесов с обнаженным мечом и включенным щитом — это было заметно по слабому дрожанию воздуха.

Увидев это дрожание, Кинес позволил себе саркастически улыбнуться: тут Арракис преподнесет им сюрприз!

Планетолог поднял руку, отсылая свою фрименскую охрану. Потом направился ко входу в здание — темной дыре в облицованном пластиком камне. Это громоздкое сооружение показалось ему таким незащищенным, таким ненадежным в сравнении с пещерой...

Внутри проема возникло какое-то движение. Тогда он остановился, поправляя плащ и дистикомб.

Двери широко распахнулись, открыв путь тяжеловооруженным охранникам — у всех были станнеры с «медленными» стрéлками, мечи и силовые щиты. Вслед за ними появился высокий смуглый черноволосый человек, чьи черты напоминали хищную птицу. На нем был плащ-джубба́ с гербом Атрейдесов на груди, и то, как он носил плащ, выдавало его незнакомство с этой одеждой — джубба обвивалась вокруг его ног, словно липла к дистикомбу, а не развевалась свободно в ритме шагов, как до́лжно.

Рядом с человеком в плаще шел мальчик — такой же темноволосый, но с более круглым овалом лица. Он выглядел моложе своих лет: как вспомнил Кинес, ему было пятнадцать. Однако, несмотря на юный вид, от него веяло повелительной, спокойной уверенностью, словно он видел и знал в окружающем мире нечто такое, чего не могли увидеть другие. И одет он был в плащ того же фасона, что и его отец, но носил его с небрежной легкостью, заставлявшей думать, будто этот мальчик всегда носил такую одежду.

«Махди будет замечать вещи, которые не могут увидеть другие», — гласило пророчество.

Кинес потряс головой, сказав себе: «Эти двое — лишь люди».

Вместе с герцогом и его сыном появился одетый, подобно им, для пустыни, человек, которого Кинес узнал, — Гурни Халлек. Кинес глубоко вздохнул, стараясь унять свое раздражение против Халлека, осмелившегося поучать его, как надо вести себя с герцогом и герцогским наследником.

«Можете обращаться к герцогу «милорд» или «сир». Слово «высокородный» тоже допустимо, хотя это — обращение для более официальных случаев. Сына его можете называть «молодым господином» или «милордом».

Герцог — очень снисходительный человек, но не выносит фамильярности».

И, глядя на приближающуюся группу, Кинес подумал: «Они достаточно скоро узнают, кто на Арракисе господин и хозяин. Надо же, приказали этому ментату расспрашивать меня среди ночи! Ждут, чтобы я помог им в проверке разработок Пряности!»

Смысл вопросов Хавата не ускользнул от Кинеса. Им нужны имперские базы. И ясно, что о базах они узнали от Айдахо.

Я велю Стилгару послать этому герцогу голову Айдахо.

Отряд герцога был теперь всего лишь в нескольких шагах от него, и песок скрипел под их пустынными сапогами.

Кинес поклонился:

— Милорд герцог, приветствую вас.

Пока Лето шел к орнитоптеру, он хорошо рассмотрел стоявшего рядом с машиной человека: Кинес был высок, худощав, одет для пустыни — в свободную накидку, дистикомб и низкие сапоги. Капюшон был небрежно отброшен, лицевой клапан отстегнут и висел сбоку, открывая взору песочного цвета волосы и редкую бороду. Глаза под густыми бровями были бездонно синими, их обвели круги въевшейся пыли.

— Вы эколог, — утвердительно сказал герцог.

— Мы здесь предпочитаем старый титул, милорд, — уточнил Кинес. — Планетолог.

— Что же, как вам угодно, — пожал плечами герцог и повернулся к Паулю: — Сын, это Арбитр Смены, судья в спорах, человек, назначенный проследить, чтобы в нашем вступлении во владение этим леном были соблюдены необходимые формальности... — Герцог взглянул на Кинеса. — А это мой сын.

— Приветствую вас, — поклонился Кинес Паулю.

— Вы фримен? — спросил Пауль.

Кинес улыбнулся:

— Меня принимают и в сиетче, и в деревне, молодой господин, но я состою на службе Его Величества, я — Имперский Планетолог.

Пауль кивнул, удивленный аурой силы, исходящей от этого человека. Халлек показал Кинеса Паулю из верхнего окна административной башни: «Вон тот человек, окруженный фрименским эскортом, — тот, что сейчас направляется к орнитоптеру».

Пауль быстро осмотрел Кинеса в бинокль, отметив горделиво сжатые тонкие губы, высокий лоб. Халлек шепнул Паулю:

— Странный тип. Разговаривает очень четко — никаких неопределенностей, каждая фраза словно бритвой отрезана.

И герцог, стоя позади, добавил:

— Типичный ученый.

Теперь же, находясь в нескольких футах от этого человека, Пауль ощутил силу его личности, такую, словно Кинес был рожден повелевать.

— Как я понимаю, за дистикомбы и эти плащи мы должны благодарить вас, — проговорил герцог.

— Надеюсь, они вам впору, милорд, — сказал Кинес. — Они фрименского производства и подобраны максимально близко к размерам, которые сообщил мне вот этот ваш человек — Халлек.

— Меня обеспокоили ваши слова о том, что без этих одежд вы не ручаетесь за нашу безопасность в пустыне, — сказал герцог. — Мы ведь можем взять с собой сколько угодно воды. К тому же мы не собираемся далеко отходить от орнитоптера, и у нас есть прикрытие с воздуха — вот эти машины, которые сейчас прямо над нами. Не может быть, чтобы нам что-то угрожало!

Кинес внимательно посмотрел на него, отметив насыщенную влагой кожу, и холодно заметил:

— Никогда не говорите, что может быть на Арракисе и чего не может. Здесь говорят только о вероятности.

Халлек подобрался:

— К герцогу следует обращаться «милорд» или «сир»!

Лето условным жестом приказал Халлеку умолкнуть и сказал:

— Наши порядки внове здесь, Гурни. Будь снисходительнее.

— Как прикажете, сир.

— Мы перед вами в долгу, доктор Кинес, — промолвил Лето. — И запомним эти костюмы и вашу заботу о нас.

По какому-то внезапному побуждению Пауль вспомнил цитату из Экуменической Библии и тихо произнес:

— «Дар есть благословение дающего».

И слова его неожиданно звучно разнеслись в тишине неподвижного воздуха. Фрименские охранники Кинеса, сидевшие на корточках в тени административной башни, повскакивали, что-то бормоча в явном возбуждении. Один из них воскликнул: «Лисан аль-Гаиб!»

Кинес быстро повернулся и раздраженно махнул охранникам рукой. Те, негромко, но возбужденно переговариваясь, неохотно отошли за угол здания.

— Любопытно, — пробормотал Лето.

Кинес твердо взглянул на герцога и Пауля:

— Большинство жителей Пустыни крайне суеверны. Не стоит обращать на них внимания. Они не имели в виду ничего дурного.

Но он не мог не вспомнить слова из легенды: «Они будут приветствовать вас Святыми Словами, и дары ваши будут благословенны».

Впечатление о Кинесе — частично основанное на кратком устном сообщении Хавата (осторожном и полном подозрений) — внезапно выкристаллизовалось для Лето: Кинес был фрименом. Кинес прибыл с фрименским эскортом, что могло, конечно, означать всего лишь, что фримены проверяют свое новообретенное право свободно перемещаться в черте города, — но эскорт этот выглядел скорее как почетная охрана. И по манерам Кинес был гордым человеком, привычным к свободе, и речь его и поведение сдерживались лишь его собственными подозрениями. Вопрос Пауля был прямо по существу.

Лето стал воспринимать Кинеса как местного жителя.

— Не пора ли нам отправляться? — спросил Халлек.

Герцог кивнул:

— Я полечу на своем топтере. Кинес может сесть в него рядом со мной — чтобы показывать дорогу. Вы с Паулем сядете сзади.

— Одну минуту, — сказал Кинес. — С вашего позволения, сир, я должен проверить ваши дистикомбы.

Герцог хотел было возразить, но Кинес опередил его:

— Я здесь не меньше забочусь о себе, чем о вас... милорд. Я слишком хорошо знаю, чье горло будет перерезано, случись что-нибудь с вами и вашим сыном, пока вы на моем попечении.

Герцог нахмурился, взвешивая возможности. Вот так ситуация! Отказавшись, я могу его оскорбить. А ценность этого человека для меня, возможно, неизмерима. Но... позволить ему пройти внутрь *моей защиты, коснуться меня, когда я так мало о нем знаю?*

Эти мысли пронеслись, перейдя в твердое решение.

— Мы в ваших руках, — спокойно сказал он и шагнул вперед, раскрывая свой плащ и заметив, что Халлек приподнимается на носках, напрягшись как натянутая струна.

— И если вы окажете любезность, — добавил герцог, — я был бы весьма благодарен за разъяснения об этом костюме — вы так хорошо знакомы с ним.

— Разумеется, — отозвался Кинес, нащупывая на плече под плащом герцога герметичные застежки. Проверяя их, он начал: — Костюм многослойный — высокоэффективный фильтр и теплообменная система. — Он поправил застежки. — Слой, примыкающий к коже, пористый. Пот проходит сквозь него, охлаждая тело... идет почти нормальный процесс испарения. Следующие два слоя... — Кинес подтянул подгоночный ремешок на груди, — ...содержат волоконные телообменники и осадители солей. Соли также используются вновь.

Герцог развел руками:

— В самом деле, очень интересно.

— Вдохните поглубже, — сказал Кинес.

Планетолог рассмотрел застежки возле подмышек, подтянул одну из них.

— Движения тела, в особенности дыхание, — сказал он, — а также осмотические процессы обеспечивают нагнетающую силу... — Он слегка ослабил ремешок на груди. — Утилизируемая вода переходит в накопительные карманы, из которых ее и извлекают через эту вот трубку, закрепленную в зажиме под шеей.

Герцог опустил голову, чтобы увидеть конец трубки.

— Эффективно и удобно, — хмыкнул он. — Хорошее изобретение.

Кинес опустился на колени, проверяя, как подогнан комбинезон на ногах.

— Моча и экскременты обрабатываются в буртиках на бедрах, — сказал он и поднялся на ноги, проверил воротник и поднял прикрепленный к нему клапан. — В открытой пустыне этим фильтром закрывают лицо, а трубку с этими пробками, обеспечивающими плотную подгонку, вставляют в ноздри. Вдыхают через ротовой фильтр, выдыхают через носовую трубку. С таким фрименским костюмом, конечно, если он в хорошем рабочем состоянии, вы потеряете не более глотка влаги в сутки — даже если окажетесь в Великом Эрге.

— Глоток в сутки! — повторил герцог.

Кинес надавил пальцем на лобную подушечку костюма и добавил:

— Она может немного натирать лоб. Если она вызовет раздражение кожи, пожалуйста, скажите мне. Я мог бы подогнать ее чуть плотнее.

— Благодарю, — сказал герцог. Когда Кинес на шаг отступил, герцог повел плечами в костюме, ощутив, что теперь костюм сидит лучше — плотнее и меньше раздражает.

Кинес повернулся к Паулю:

— Теперь займемся мальчиком...

«Он хороший человек, но ему следует научиться обращаться к нам должным образом», — подумал герцог.

Пока Кинес проверял его костюм, Пауль стоял неподвижно. Он вспомнил ощущения при примерке дистикомба: странно-гладкая, скользящая ткань в мелких морщинах... Разумеется, он прекрасно знал, что никогда раньше не надевал дистикомб. Но каждое движение собственных пальцев, подгоняющих застежки-липучки под неумелым руководством Гурни, казалось естественным, инстинктивным. Когда он затягивал костюм на груди, чтобы добиться максимальной нагнетающей силы от дыхания, он знал, что делает и почему. Когда стягивал ткань на шее и плотнее прилаживал лобную подушку, он знал, что, если этого не сделать, кожу сотрет до волдырей.

Кинес выпрямился и озадаченно отступил.

— Вы уже носили раньше дистикомб? — спросил он.

— Сегодня я надел его в первый раз.

— Значит, кто-то помог вам его подогнать?

— Нет.

— Голенища ваших пустынных сапог приспущены и закреплены у щиколотки. Кто вас этому научил?

— Мне казалось, что так будет правильно.

— И будьте уверены — это действительно правильно.

Кинес потер щеку, вспоминая слова легенды: «И будет он знать ваши пути, словно он рожден для них».

— Мы теряем время, — сказал герцог и, указав рукой на ожидающий топтер, двинулся к нему. Охранник отдал честь, герцог кивнул в ответ. Поднявшись в топтер, он закрепил свои ремни безопасности, пробежал пальцами по панели управления. Амортизаторы машины поскрипывали, когда его спутники садились.

Кинес тоже закрепил ремни и огляделся. Салон орнитоптера был непривычно комфортабельным, даже слишком роскошным — мягкая серо-зеленая обивка, мерцающие приборы, чистый увлажненный воздух, наполнивший его грудь, как только дверцы захлопнулись и мягко загудел кондиционер.

«Как удобно», — подумал он.

— Все в порядке, сир, — доложил Халлек.

Лето включил питание крыльев, ощутил их взмахи — раз, другой. Машина оторвалась от земли на десять метров, крылья напряглись, застыли, и кормовые реактивные двигатели, засвистев, толкнули топтер круто вверх.

— Держите к юго-востоку над Барьерной Стеной, — посоветовал Кинес. — Я сказал вашему дюнмастеру, чтобы он направил оборудование туда.

— Хорошо.

Герцог заложил вираж, машины сопровождения повторили маневр, заняли свои места, и группа повернула на юго-восток.

— Конструкция и налаженное производство этих дистикомбов говорят о высоком уровне технологии, — заметил герцог.

— Когда-нибудь, если пожелаете, я покажу вам фабрику в одном из сиетчей, — отозвался Кинес.

— Было бы интересно посмотреть, — кивнул герцог. — Я заметил, что дистикомбы производятся и в некоторых гарнизонных городках.

— Скверная имитация, — ответил Кинес. — Если обитатель Дюны заботится о своей шкуре, он носит фрименский комбинезон.

— И такой костюм позволяет свести расход воды до глотка в день?

— Когда правильно надет — с плотно пригнанной лобной подушкой и хорошей герметизацией, — тогда главный расход воды идет через ладони, — объяснил Кинес. — Если не требуется выполнять руками тонкую работу, можно надеть перчатки костюма, но большинство фрименов в открытой Пустыне предпочитают натирать руки соком листьев креозотового кустарника. Он подавляет потение.

Герцог бросил взгляд вниз, на изломанный ландшафт Барьерной Стены — истерзанные скалы, желто-бурые пятна, прорезанные черными линиями разломов. Будто какой-то исполин сбросил все это с орбиты и оставил так, как упало...

Они пролетели над мелким бассейном, на котором четко выделялись полосы серого песка, пересекавшие бассейн от горловины до противоположной стороны, где пальцы песчаной дельты тянулись вверх по темной скале.

Кинес откинулся в кресле, думая о пропитанных водой телах, одетых в дистикомбы. Поверх плаща у каждого был щит-пояс, а на поясе — кобура станнера с медленными стрелками; маленькие, с монетку, аварийные передатчики-медальоны на шее. И у герцога, и у его сына были ножи на запястьях, и ножны их выглядели изрядно потертыми. Люди эти поразили Кинеса странным сочетанием мягкости и силы. В них чувствовалась какая-то уравновешенность — как были они в этом отличны от Харконненов!

— Когда вы будете докладывать Императору о смене правления, сообщите ли вы, что мы соблюдаем правила? — спросил Лето, на миг переведя взгляд с приборной панели на Кинеса.

— Харконнены ушли, вы пришли, — ответил Кинес.

— И всё как полагается? — спросил Лето.

У Кинеса напряглось лицо.

— Как планетолог и Арбитр Смены, я непосредственно подчиняюсь Империи... милорд.

Герцог жестко улыбнулся:

— Но нам обоим известно реальное положение дел.

— Позволю себе напомнить, что Его Величество покровительствует моей работе.

— Да? И в чем же она состоит?

В наступившей тишине Пауль подумал: «Отец слишком жестко давит на этого Кинеса».

Пауль покосился на Халлека, но воин-менестрель старательно вглядывался в унылый ландшафт за колпаком кабины.

Кинес натянуто проговорил:

— Вы, разумеется, имеете в виду мои обязанности как планетолога.

— Разумеется.

— Главным образом это биология и ботаника пустыни... кроме того, немного геологии — бурение и взятие образцов. Возможности целой планеты никогда нельзя исчерпать.

— Пряность вы тоже исследуете?

Кинес чуть вздрогнул, и Пауль отметил каменную линию его скулы.

— Странный вопрос, милорд.

— Не забывайте, Кинес, что теперь это мой лен, а мои методы отличаются от харконненских. Меня не будут заботить ваши исследования Пряности до тех пор, пока вы будете посвящать меня в свои открытия. — Герцог в упор взглянул на планетолога. — Харконнены не поощряли исследований Пряности, не так ли?

Кинес не ответил.

— Здесь вы можете говорить откровенно, не опасаясь за свою жизнь, — сказал герцог.

— Императорский двор действительно далеко, — пробормотал Кинес и подумал: «Чего ждет от меня этот налитый водой пришелец? Неужели он считает меня настолько глупым, что надеется привлечь на свою сторону?»

Герцог рассмеялся, глядя на приборы:

— Как-то вы кисло отвечаете. Я вас понимаю: мы заявились сюда с целой армией дрессированных убийц и

ждем, что вы немедленно поймете, насколько мы отличаемся от Харконненов, так?

— Я читал ваши пропагандистские материалы, которыми вы наводнили и сиетчи, и деревни, — сказал Кинес. — «Любите доброго герцога». Ваш пропагандистский корпус...

— Хватит! — рявкнул Халлек. Он подался вперед — его больше не интересовали пейзажи внизу.

Пауль положил ладонь на плечо Халлека.

— Гурни! — укоризненно сказал герцог и оглянулся. — Этот человек долго жил при Харконненах.

Халлек, помедлив мгновение, расслабился:

— Извините, сир.

— Ваш Хават — тонкий человек, — сказал Кинес. — Но цель его достаточно ясна.

— Значит, вы расскажете нам об этих базах? — спросил герцог.

Кинес резко ответил:

— Они принадлежат Его Величеству.

— Но они не используются.

— Их *можно* использовать.

— И Его Величество тоже так считает?

Кинес твердо взглянул на герцога:

— Арракис мог бы стать подлинным раем, если бы его правители поменьше думали о выкачивании Пряности.

«Он не ответил на мой вопрос», — подумал герцог и сказал:

— Как планета может стать раем без денег?

— Что такое деньги, если на них нельзя купить того, что вам нужно? — вопросом на вопрос ответил Кинес.

«Ах вот как!» — подумал герцог, а вслух сказал:

— Мы обсудим это в другой раз. А сейчас, кажется, мы приближаемся к внешнему краю Барьерной Стены. Мне держать тот же курс?

— Тот же, — пробормотал Кинес.

Пауль посмотрел в свое окно. Внизу под ними гористый ландшафт постепенно перешел в унылое плоскогорье, потом в кинжальные выступы шельфа. За шельфом к горизонту тянулись серповидные холмики дюн, изредка перемежаемые более темными пятнами песка. Может быть,

скальные обнажения. Яснее увидеть мешал раскаленный, дрожащий воздух у поверхности.

— Есть ли здесь какие-нибудь растения? — спросил Пауль.

— Есть, — ответил Кинес. — В этих широтах в основном водятся мелкие водокрады, как мы их зовем, — буквально охотятся друг на друга ради воды, собирают даже слабые следы росы. Некоторые участки Пустыни прямотаки кишат жизнью. И вся она приспособилась к этим условиям. Если вы окажетесь в песках, вам придется подражать этой жизни — иначе погибнете.

— Вы имеете в виду — придется красть воду друг у друга? У людей? — спросил Пауль. Идея возмутила его, и голос это выдал.

— Бывает и так, — признал Кинес. — Но я имел в виду другое. Видите ли, климат моей планеты волей-неволей приучает к особому отношению к воде — *требует* такого отношения. Вы все время помните о воде — и не можете позволить себе потерять ничего, в чем есть хоть капля влаги.

И герцог повторил про себя: «...климат моей планеты!..»

— Возьмите на два градуса южнее, милорд, — обратился к нему планетолог. — С запада идет ветер.

Герцог кивнул. Он уже увидел, как с запада накатывается кипящая волна рыжей пыли. Он развернул орнитоптер — сопровождающие машины повторили вираж, их крылья сверкнули оранжевым, отраженным от дюн блеском.

— Думаю, мы обойдем фронт бури, — спокойно сказал Кинес.

— Опасно, должно быть, попасть в такую бурю, — заметил Пауль. — Это правда, что песок, который она несет, режет даже самые прочные металлы?

— На этих высотах речь идет скорее о пыли, а не о песке, — ответил Кинес. — Поэтому по-настоящему опасны потеря видимости, турбулентные потоки, забитые воздухозаборники.

— А мы сегодня увидим, как добывают Пряность? — спросил Пауль.

— Возможно, — отозвался Кинес.

Пауль откинулся на спинку кресла. Вопросы были нужны ему, чтобы, используя способности к сверхвосприятию, «отметить» нового знакомого, как учила мать. Теперь он запомнил его — голос, мельчайшие детали лица и жестов. Неестественная складка на рукаве, почти незаметная, выдавала нож в пристегнутых к предплечью ножнах. Кроме того, он заметил странные выпуклости на поясе Кинеса. Пауль слышал, что люди Пустыни подпоясывались кушаком, в котором носили всякие мелкие предметы. Видимо, Кинес тоже носил такой кушак — силовым щитом это быть никак не могло. Ворот одеяния скрепляла бронзовая фибула с выгравированным на ней зверьком — кажется, зайцем. Вторая брошь, поменьше, с тем же изображением, была прикреплена к откинутому на спину капюшону.

Халлек изогнулся в своем кресле (он сидел бок о бок с Паулем) и извлек из заднего отсека балисет. Когда он начал настраивать его, Кинес бросил взгляд назад.

— Что мне сыграть, молодой господин?

— Что хочешь, Гурни. Выбери сам, — ответил Пауль.

Халлек склонился к деке, взял аккорд и негромко запел:

Отцы наши ели манну,
манну в пустыне —
В пылающих землях,
на землях жестоких смерчей.
О Боже, спаси нас,
спаси, пусть гибель нас минет,
Спаси, о, спаси нас
Из этой земли раскаленной,
палящей,
О, выведи, Боже, своих
из этой пустыни детей!..

Кинес искоса посмотрел на герцога:

— Вы действительно берете с собой весьма небольшую охрану, милорд. Но неужели каждый из них столь разносторонне одарен?

— Гурни? — усмехнулся герцог. — Гурни в своем роде уникален. Я предпочитаю, чтобы он всегда был подле меня — у Гурни удивительно зоркий глаз. Мало что ускользает от его внимания.

Планетолог слегка нахмурился.

Халлек, не прерывая мелодию, вставил:

Ибо я подобен сове,
пустынной сове — о!
Айя! да, подобен пустынной сове!

Герцог протянул руку, поднял из гнезда на панели микрофон и щелкнул кнопкой:

— Ведущий — Гемме. Летящий объект на девять часов*, сектор Б. Опознать объект.

— Это всего лишь птица, — произнес Кинес и добавил: — У вас прекрасное зрение.

Динамик на пульте затрещал, затем послышался ответ:

— Гемма — Ведущему. Объект рассмотрен при максимальном увеличении и опознан как птица. Это большая птица.

Пауль взглянул в названный отцом участок неба. Действительно, там мелькала крохотная точка. Отец возбужден, подумал он. Все его чувства настороже.

— Вот не думал, что так глубоко в Пустыне встречаются такие большие птицы, — заметил герцог.

— Орел, наверное, — сказал Кинес. — Живые существа могут адаптироваться к любым условиям.

Орнитоптер прошел над голой каменистой равниной. Пауль, глядя вниз с двухкилометровой высоты, ясно разглядел на камне смятую неровностями почвы тень их машины и рядом — тени орнитоптеров сопровождения. Земля казалась совершенно плоской, но скользящие тени разрушали эту иллюзию.

— Удавалось кому-либо выйти из Пустыни? — поинтересовался герцог.

Музыка Халлека смолкла — Гурни прервался в ожидании ответа.

— Не из глубокой, — ответил Кинес. — Было несколько случаев, когда люди выходили из второй зоны Пустыни. Они выжили, потому что шли по районам, где есть скальные отложения — туда черви заходят редко.

* то есть на 90° влево.

Что-то в тембре голоса Кинеса насторожило Пауля. Его внимание и чувства сразу же обострились — годы тренировок не прошли зря.

— А-а, черви... — задумчиво сказал герцог. — Надо будет когда-нибудь обязательно посмотреть на червя.

— Возможно, уже сегодня вам представится такая возможность, — отозвался Кинес. — Где Пряность, там и черви.

— Всегда? — переспросил Халлек.

— Всегда.

— Надо ли это понимать так, что между червями и Пряностью существует какая-то связь? — небрежно спросил герцог.

Кинес повернулся, и Пауль заметил, как сжаты его губы.

— Черви охраняют пески, где есть Пряность, — разъяснил планетолог. — У каждого червя есть своя... территория. Что касается Пряности... кто знает? Те образцы песчаных червей, которые мы исследовали, указывают на возможность весьма сложных химических процессов, протекающих в их организме. Так, в некоторых капиллярах и протоках желез отмечены следы соляной кислоты, а в других частях их тела — и гораздо более сложные кислоты. Я вам дам мою монографию об этом предмете.

— Щиты не спасают? — спросил герцог.

— Щиты! — презрительно бросил Кинес. — Только включите силовой щит там, где водятся черви, и ваша судьба решена. В таких случаях черви не обращают внимания даже на границы своих угодий и стекаются со всех концов, чтобы наброситься на источник силового поля. Никто из пользовавшихся щитом в Пустыне не пережил такую атаку.

— Тогда как же их ловят?

— Приходится бить их током высокого напряжения — причем каждый сегмент их тела в отдельности, — объяснил Кинес. — Это единственный способ. Их можно усыпить станнером, можно слегка оглушить взрывом, даже порвать — но каждый сегмент тела будет жить отдельно. Причем я не знаю, какое взрывчатое вещество — исклю-

чая лишь ядерное оружие — может уничтожить червя целиком. Они необычайно живучи.

— Почему вы не попытались истребить всех червей? — поинтересовался Пауль.

— Слишком дорого, — ответил Кинес. — И слишком большая территория...

Пауль снова откинулся на спинку сиденья. Его «чувство правды», восприимчивость к оттенкам голоса говорили, что Кинес в чем-то лжет, что его слова — полуправда. И он сказал себе: «*Если связь между червями и Пряностью все же есть, уничтожить червей — значит уничтожить Пряность*!»

— Скоро отпадет всякая вероятность того, что кому-то придется выбираться из Пустыни самому, — заявил герцог. — Стоит включить вот такой радиомаячок (он тронул медальон у себя на шее), и спасательная группа вылетит немедленно. В ближайшее время все наши работники получат такие же аварийные передатчики. Мы создаем специальную спасательную службу.

— Похвальное намерение, — отметил Кинес.

— Судя по вашему тону, вы не согласны с идеей спасательной службы, — нахмурился герцог.

— Не согласен? Отчего же, я согласен. Вот только пользы от вашей службы будет немного. Создаваемые бурями помехи глушат почти все сигналы. Передатчики просто коротит. Здесь уже пробовали внедрить нечто подобное, знаете ли. Но Арракис круто обращается с техникой. Кроме того, если на вас охотится червь, то вы просто не дождетесь спасателей: чаще всего у вас есть пятнадцать, самое большее двадцать минут.

— Тогда что бы вы посоветовали? — спросил герцог.

— Вы спрашиваете у меня совета?

— Да — как у планетолога.

— И вы ему последуете?

— Коль скоро сочту его разумным.

— Прекрасно, милорд. В таком случае вот мой совет: никогда не путешествуйте в одиночку.

Герцог даже оторвался от панели управления.

— И это все?

— Это все. Никогда не путешествуйте в одиночку, на одной машине.

— А если, допустим, мащины разбросало бурей и приходится — в одиночку — идти на вынужденную посадку? — спросил Халлек. — Можно что-то предпринять в этом случае?

— «Что-то» — очень широкое понятие, — пожал плечами Кинес.

— А что бы сделали вы? — спросил Пауль.

Кинес бросил жесткий взгляд на подростка, снова повернулся к герцогу.

— Я, прежде всего, заботился бы о целости своего дистикомба. Если бы я оказался вне ареала обитания песчаных червей или на скалах, я остался бы вблизи орнитоптера. В противном же случае постарался бы возможно быстрее уйти от него на максимальное расстояние. Тысячи метров обычно достаточно. Затем я бы укрылся под плащом. Червь уничтожит топтер, но, возможно, не заметит меня.

— И что потом? — спросил Халлек.

Кинес пожал плечами:

— Потом? Остаётся ждать, когда червь уйдет.

— Это все? — спросил Пауль.

— Когда червь уйдет, можно попытаться выбраться из пустыни, — ответил Кинес. — И если идти тихо, обходить барабанные пески и приливные провалы — пыльные ямы, можно выйти на ближайший скальный участок. Таких участков довольно много, так что какие-то шансы будут.

— Что такое барабанные пески? — встрял Халлек.

— Участки уплотненного песка, — ответил Кинес. — Самый легкий шаг заставляет их греметь, как барабан. А черви всегда приходят на этот звук, — добавил он.

— А приливный провал? — спросил герцог.

— Углубления в почве пустыни, за столетия заполнившиеся пылью. Иногда они так велики, что в них есть течения и приливы. И любой из этих провалов поглотит всякого, кто неосторожно ступит на его поверхность...

Халлек устроился в кресле поудобнее и снова взялся за балисет. Проиграв вступление, он запел:

Здесь в пустыне охотятся дикие звери,
Поджидая беспечных в смертельных песках.

О, не надо гневить, искушать здесь богов,
властелинов пустыни,
Коль не ищешь ты гибели в этих страшных краях.
О, опасности...

Внезапно он оборвал песню, подался вперед:

— Сир, пыльное облако прямо по курсу.

— Вижу, Гурни.

— Вот туда нам и надо, — кивнул Кинес.

Пауль приподнялся, вглядываясь. Впереди, километрах в тридцати, по поверхности пустыни катилось пыльное облако.

— Это один из ваших меланжевых комбайнов-подборщиков, — пояснил Кинес. — Он спущен на поверхность — а это значит, что он находится на меланжевой россыпи. Облако — это выбрасываемый комбайном отработанный песок, из которого на гридексе и центрифуге выбрана Пряность. Это облако ни с чем не спутаешь.

— Вижу летательный аппарат над облаком, — объявил герцог.

— Я вижу два... три... четыре топтера-наводчика, — ответил Кинес. — Наблюдают за пустыней — высматривают знак червя.

— Знак червя? — переспросил герцог.

— Он выглядит как песчаная волна, движущаяся к краулеру. Конечно, приходится расставлять и сейсмодатчики на поверхности: червь зачастую идет так глубоко, что волна не образуется. — Кинес обвел взглядом небо. — Странно, что не видно грузолета: он должен бы быть где-то поблизости.

— Так черви, по-вашему, появляются всегда? — спросил Халлек.

— Всегда.

Пауль тронул Кинеса за плечо:

— Какую территорию занимает каждый червь?

Кинес свел брови. Этот ребенок продолжал задавать взрослые вопросы.

— Это зависит от размеров червя.

— Ну а все-таки? — спросил герцог.

— Большие контролируют триста—четыреста квадратных километров. Маленькие... — Он замолк: герцог резко включил реактивные тормоза.

Машина дернулась, словно взбрыкнувший скакун. Кормовые двигатели со свистом отключились: короткие крылья раскрылись, вытянулись во всю длину, захватили воздух широким взмахом. Аппарат стал теперь полностью орнитоптером и летел, плавно взмахивая крыльями. Правая рука герцога лежала на рычаге, левой он показывал на восток, за комбайн.

— Это — знак червя?

Кинес перегнулся через его плечо, в смотрелся вдаль.

Пауль и Халлек оказались прижаты друг к другу. Пауль заметил, что сопровождающие орнитоптеры, не сумев повторить неожиданный маневр герцога, залетели вперед и теперь разворачивались. Комбайн был все еще впереди, километрах в трех.

Там, куда показывал герцог, среди тянущейся к горизонту теневой ряби дюнных полумесяцев по прямой линии двигалась песчаная волна — продолговатый песчаный холм. Пауль вспомнил, как тревожит водную гладь плывущая под поверхностью рыба.

— Да, червь, — сказал Кинес, — и большой.

Он повернулся, взял с панели микрофон, переключил частоту. Бросив взгляд на карту, закрепленную над головой на роликах для перемотки, планетолог произнес в микрофон:

— Вызываю краулер на Дельта Аякс Девять. След червя. Внимание, краулер на Дельта Аякс Девять — след червя. Подтвердите прием.

Динамик затрещал помехами, затем послышался ответ:

— Кто вызывает Дельта Аякс Девять? Прием.

— Они что-то слишком спокойны, — заметил Гурни.

Кинес сказал в микрофон:

— Вызывает орнитоптер, совершающий неплановый полет, находимся в трех километрах к северо-востоку от вас. Червь идет пересекающим курсом, предположительно перехватит вас через двадцать пять минут.

Теперь из динамика раздался новый голос:

— Говорит командир звена наводчиков-наблюдателей. Подтверждаю сообщение: след червя. Рассчитываю время сближения.

Короткая пауза, затем:

— Максимальное время — двадцать шесть минут. Неплановый, прекрасная оценка времени. Кто у вас на борту? Прием.

Халлек отстегнул привязные ремни и вклинился между Кинесом и герцогом.

— Кинес, это обычная рабочая частота?

— Да. А что?

— Кто нас услышит?

— Только рабочие команды в этом районе. Так рассчитано, чтобы они не мешали друг другу и не устраивали кашу в эфире.

Динамик снова затрещал:

— Здесь Дельта Аякс Девять. Кто получит премию за предупреждение? Прием.

Халлек взглянул на герцога.

Кинес объяснил:

— Тот, кто первый заметит знак червя и оповестит о нем, получает премию — процент от добычи. Поэтому они хотят знать...

— Ну так передайте им, кто первым обнаружил червя, — сказал Халлек.

Кинес поколебался, поднял микрофон:

— Премию получает герцог Лето Атрейдес. Герцог Лето Атрейдес. Прием.

Голос в динамике был спокоен, но искажен особенно сильным треском помех:

— Вас поняли. Благодарим.

— А теперь, — распорядился Халлек, — скажите им, пусть разделят премию между собой. Скажите, что так желает герцог.

Кинес сделал глубокий вздох и заговорил:

— Герцог желает, чтобы вы поделили его премию между собой. Как поняли? Прием.

— Поняли хорошо и благодарим, — ответил динамик.

Герцог сказал, обращаясь к планетологу:

— Да, я забыл упомянуть, что Гурни также талантливый специалист по связям с общественностью.

Кинес бросил на Халлека озадаченный взгляд.

— Таким образом люди увидят, что их герцог заботится об их безопасности, — пояснил Халлек. — И об этом случае будут говорить. А поскольку обмен шел на зональной рабочей частоте, не думаю, что харконненские агенты слышали нас. — Он мельком глянул на сопровождающий топтер. — К тому же мы неплохо защищены. Так что риск был оправдан.

Герцог направил машину к песчаному облаку, извергаемому комбайном.

— Что они предпримут?

— Где-нибудь неподалеку должен находиться грузолет, — ответил Кинес. — Он прилетит и заберет краулер.

— Что, если грузолет попадет в аварию? — спросил Халлек.

— Вы же знаете — часть оборудования гибнет, — ответил Кинес. — Милорд, советую подлететь поближе и посмотреть сверху. Вам это должно показаться любопытным.

Герцог свел брови и, быстро работая управлением, удерживал орнитоптер в равновесии в завихрениях воздуха над комбайном.

Пауль посмотрел вниз. Песок все еще летел из пластико-металлического монстра под ними. Комбайн походил на огромного, желто-бурого с голубым жука, раскорячившегося на длинных лапах со множеством широких гусениц. Впереди у жука был хоботок в виде огромной перевернутой воронки, засунутой в песок.

— Богатая россыпь, судя по цвету, — отметил Кинес. — Они будут работать до последней минуты.

Герцог добавил мощности на крылья, увеличил их жесткость, опустился ниже и вошел в планирующий полет по кругу над краулером. Оглядевшись, он увидел, что сопровождающие топтеры заняли позицию выше и также кружат над ними.

Пауль разглядывал вырывающееся из отводных труб облако песка, перевел взгляд на пустыню, откуда неумолимо приближался червь.

— Почему мы не слышали, чтобы они вызвали грузолет? — спросил Халлек.

— Обычно связь с грузолетом идет на другой частоте, — ответил Кинес.

— Следовало бы держать наготове по два грузолета на каждый комбайн, — заметил герцог. — Там, внизу, на этой машине, двадцать шесть человек, не говоря уже о стоимости оборудования.

— У вас для этого недостаточно... — начал Кинес, но тут его прервал голос по радио:

— Эй, на наводчиках! Кто-нибудь из вас видит крыло? Оно не отвечает.

Раздался разноголосый хор — все наблюдатели заговорили вперебой. Их голоса перекрыл гудок. Наблюдатели смолкли, снова заговорил первый голос:

— Отвечайте по порядку номеров! Прием.

— Говорит командир звена наводчиков. В последний раз я видел, как крыло кружит довольно высоко на северо-востоке. Сейчас его не вижу. Прием.

— Наводчик Первый: крыло не вижу. Конец.

— Наводчик Второй: крыло не вижу. Конец.

— Наводчик Третий: крыло не вижу. Конец.

Молчание.

Герцог взглянул вниз:

— У них только четыре топтера-наводчика, да?

— Правильно, — ответил Кинес.

— У нас пять, — продолжил герцог. — И наши машины больше. Каждый из наших топтеров может взять дополнительно по три человека. Их наводчики — по два, полагаю.

Пауль быстро подсчитал:

— Остаются еще трое.

— Так почему у них нет второго грузолета?! — разъяренно спросил герцог.

— У вас для этого недостаточно машин, — ответил Кинес.

— Тем более надо беречь то, что есть!

— Куда мог подеваться грузолет? — сердито спросил Халлек.

— Возможно, они совершили вынужденную посадку за пределами видимости, — ответил Кинес.

Герцог выхватил микрофон, задержал палец над кнопкой:

— Но как они могли выпустить грузолет из виду?

— Они наблюдают прежде всего за землей — высматривают знак червя, — объяснил Кинес.

Герцог щелкнул кнопкой:

— Здесь ваш герцог. Спускаемся, чтобы эвакуировать команду с Дельта Аякс Девять. Наводчикам следовать моим приказам. Наводчики садятся к востоку от краулера, мы — на западной стороне. Конец.

Он переключил передатчик на частоту своей группы, повторил приказ охране и передал микрофон обратно Кинесу. Тот вернулся на рабочую частоту, и динамик закричал:

— ...бункер почти полон! Повторяю, у нас почти полный бункер меланжи! Мы не можем бросить все это вонючему червю! Прием.

— К дьяволу меланжу! — рявкнул герцог. Он снова схватил микрофон и тоном приказа заговорил: — Прянность мы всегда можем собрать заново! Слушайте: места на топтерах хватит всем, кроме троих. Бросайте жребий или решайте как знаете — но мы вас забираем, и это приказ!

Он сунул микрофон Кинесу и пробормотал: «Прошу прощения», — Кинес потряс рукой, герцог ушиб ему палец.

— Сколько осталось времени? — спросил Пауль.

— Девять минут, — ответил Кинес.

— Этот орнитоптер, — сказал герцог, — мощнее остальных. Если взлетать на турбине с крыльями, выпущенными на три четверти, сможем взять еще одного человека.

— Песок тут мягкий, — заметил Кинес.

— Сир, с четырьмя лишними людьми на борту да при старте на реактивной тяге мы рискуем сломать крылья, — сказал Халлек.

— Только не на этой машине, — возразил герцог. Топтер спланировал и сел возле краулера. Крылья изогнулись, и машина, скользнув по песку, встала в двадцати метрах от борта комбайна.

Сейчас комбайн молчал, и отработанный песок больше не летел из отвальных труб. От краулера доносилось лишь негромкое гудение — когда герцог распахнул дверцу, оно стало слышнее.

Тотчас на них обрушился тяжелый, острый, густой запах корицы.

Рядом, по другую сторону краулера, с громким хлопаньем крыльев сел один из наводчиков. Герцогский эскорт — машина за машиной — опускался и выстраивался в линию вслед за орнитоптером сеньора.

Пауль, глядя из кабины на комбайн, поразился, какими маленькими кажутся рядом с ним орнитоптеры — комары рядом с огромным жуком-носорогом.

— Гурни, Пауль, выбросьте заднее сиденье, — скомандовал герцог. Он сложил крылья, оставив их выпущенными на три четверти, установил их на правильный угол, проверил управление реактивными двигателями.

— Какого черта они не выходят?

— Надеются, что грузолет все же прилетит, — ответил Кинес. — Несколько минут у них еще есть.

Он смотрел на восток.

Все повернулись туда же. След червя им не был виден, но тем не менее в воздухе висело тяжелое напряжение.

Герцог взял микрофон, включил командную частоту своей группы, распорядился:

— Двоим выкинуть из машин экранные генераторы. Все, сколько есть! Тогда в каждую машину можно взять еще одного... Чтобы никого этой твари не оставить!

Он снова перешел на рабочую частоту, гаркнул:

— Эй, на Дельта Аякс Девять! Все наружу, немедленно! Это приказывает ваш герцог! Быстро — или я сейчас разнесу краулер лучеметом.

В передней части краулера откинулся люк, еще один у кормы, третий — наверху. Оттуда посыпались люди — они соскальзывали по обшивке, карабкались... Последним спустился высокий человек в залатанном рабочем комбинезоне. Он сперва спрыгнул на гусеницу, затем на песок.

Герцог вернул микрофон на пульт, соскочил на ступеньку над крылом, закричал:

— По два человека — в ваши наводчики!

Человек в комбинезоне с заплатами выдернул из толпы своих людей несколько пар, подтолкнул их к орнитоптерам, севшим по противоположную сторону комбайна.

— Еще четверо — сюда! — кричал герцог. — Четверо — в тот топтер! — Он ткнул пальцем в ближайший орнитоптер сопровождения. Солдаты как раз натужно выволакивали из него громоздкий силовой генератор. — И четверо — туда! — Герцог показал на другую машину, которая только что освободилась от своего генератора. — По три человека в каждую из оставшихся машин! Бегом, волки Пустыни!

Высокий человек закончил пересчитывать своих людей и с тремя оставшимися тяжело побежал по песку.

— Я слышу червя. Но не вижу, — сообщил Кинес.

Теперь услышали и остальные — шелестящий, шуршащий, наждачный звук, звук трения песка, далекий — но постепенно усиливающийся, приближающийся.

— Р-работнички... — пробормотал герцог. — Что за разгильдяйство!..

Вокруг послышалось хлопанье крыльев взлетающих орнитоптеров. Оно напомнило герцогу джунгли родной планеты — выходишь на поляну, раздвигая ветви, и огромные птицы-трупоеды поднимаются с мертвого быка.

Меланжеры добежали до их орнитоптера, полезли в кабину за спиной герцога. Халлек помогал — заталкивал их назад.

— Живей, ребята, полезайте! — погонял он. — Живее!

Пауль, затиснутый в угол потными и пыльными рабочими, чувствовал запах испарины страха, запах испуга. Он заметил, что у двоих меланжеров плохо подогнаны шейные уплотнители дистикомбов — и запомнил эту деталь на будущее. Надо, чтобы отец приказал усилить дисциплину в части внимания к дистикомбам. Стоит ослабить внимание к подобным вещам, и люди начинают разбалтываться.

Последний меланжер, задыхаясь, влез в кабину и выговорил:

— Червь! Он уже почти здесь! Взлетайте!

Герцог уселся в свое кресло, нахмурился:

— У нас еще почти три минуты, если исходить из первоначальной оценки времени. Разве не так, Кинес? — Он захлопнул дверцу и проверил, как та закрыта.

— Так, милорд, — почти три минуты, — отозвался Кинес и подумал: «А он хладнокровный, этот герцог!»

— Все в порядке, сир, — доложил Халлек.

Герцог кивнул, проследил, как стартовал последний из орнитоптеров охраны, включил зажигание, еще раз пробежался взглядом по крыльям, приборам. Включил реактивную тягу.

Стартовое ускорение вжало герцога и Кинеса в спинки кресла, навалилось на тех, кто сбился в задней части кабины. Кинес наблюдал, как герцог управляет орнитоптером. А тот вел машину мягко и уверенно. Вот аппарат оторвался от земли, и герцог снова проверил приборную панель, оглянулся налево-направо — на крылья.

— Машина перегружена, сир, — заметил Халлек.

— Но в пределах допустимого, — возразил герцог. — Или ты думаешь, что я стану рисковать ее грузом, Гурни?

Халлек ухмыльнулся:

— Что вы, сир.

Герцог широким поворотом повел машину вверх.

Пауль был притиснут возле окна и видел огромную брошенную машину внизу. Метрах в четырехстах от комбайна след червя исчез, и теперь песок вокруг машины словно бы слегка шевелился.

— Червь сейчас под краулером, — проговорил Кинес. — Сейчас вы увидите то, что видели очень и очень немногие.

Вокруг краулера над песком поднялись легкие облачка пыли. Огромный механизм накренился на правый борт, осел... Чуть правее краулера начала образовываться чудовищная воронка, словно водоворот в песчаном море. Песок в воронке двигался все быстрее. Теперь пыль и песок клубились над участком в несколько сот метров диаметром.

И они увидели *это!*

В песке открылась — нет, из него вынырнула! — огромная дыра. На усеивавших ее изнутри молочно-белых остриях сверкало солнце. Диаметр этого провала, прикинул Пауль, по меньшей мере вдвое превосходил длину комбайна. Машина на его глазах соскользнула в глубину страшной дыры посреди целой лавины песка и пыли. Дыра закрылась — и исчезла.

— Боги, что за чудовище!.. — пробормотал кто-то над ухом Пауля.

— Слопал всю нашу Пряность! — добавил другой меланжер.

— Кому-то придется за это дорого заплатить, — пообещал герцог. — Можете быть уверены.

По ровному звучанию его голоса Пауль почувствовал, как сильно разгневан отец. И он разделял этот гнев. Это было настоящее преступление — столько выброшено на ветер!

В наступившей тишине послышался голос Кинеса.

— Благословен будь Податель и вода Его, — негромко говорил он. — Благословенно явление и прохождение Его. Да будет очищен мир Его деянием. Да хранит он мир сей для людей своих...

— Что это? — спросил герцог.

Но Кинес внезапно замолчал.

Пауль взглянул на сбившихся вокруг меланжеров. Все они испуганно глядели в затылок Кинеса. Кто-то прошептал: «Лиет».

Кинес хмуро обернулся и бросил грозный взгляд на произнесшего это слово. Тот в замешательстве отпрянул.

Другой меланжер вдруг сухо, резко закашлялся. Наконец он сумел выговорить:

— Будь проклято это чертово пекло!..

Высокий арракиец, который последним покинул краулер, сказал успокаивающе:

— Тише, Косс, тише. Ты только сильнее будешь кашлять. — Он протиснулся немного вперед так, что оказался позади герцога. — Вы, конечно, и есть герцог Лето? — спросил он. — Мы вам обязаны жизнью. Признаться, мы уже думали, что нам крышка, — если бы не вы...

— Тихо, приятель, не мешай: герцог ведет машину, — сказал Халлек.

Пауль взглянул на Халлека. Гурни тоже заметил напряженные складки в углах губ отца. Когда герцог бывал в гневе, все старались не привлекать его внимания и ходили на цыпочках.

Лето вывел было топтер из широкого круга, который он описывал над местом гибели комбайна, как вдруг его привлекло новое движение внизу. Червь скрылся в глубине, и теперь неподалеку от исчезнувшего краулера показались две

человеческие фигуры. Они словно скользили над поверхностью, и их шаги совершенно не поднимали пыль.

— Это еще кто — там, внизу? — грозно спросил герцог.

— Это?.. Да так... два парня, которые попросили нас подвезти их, — пробормотал высокий меланжер.

— Почему про них не сообщили?

— Н-ну, они решили рискнуть, — объяснил высокий.

— Милорд, — заметил Кинес, — всем этим людям хорошо известно, что пытаться помочь оказавшимся во владениях червей практических бесполезно.

— Тем не менее с базы мы вышлем за ними топтер, — решил герцог.

— Они были прямо там, где вышел червь, — задумчиво проговорил Пауль. — Как же они уцелели?

— Края отверстия проседают, — объяснил Кинес, — и поэтому трудно точно определить расстояния рядом с ним.

— Сир, мы напрасно расходуем топливо, — осмелился заметить Халлек.

— Что?.. Ах да, ты прав, Гурни.

Герцог развернул орнитоптер в сторону Барьерной Стены. Остальные машины тоже переставали кружить над сценой катастрофы, пристраиваясь к их орнитоптеру сверху и по сторонам.

Пауль думал о сказанном Кинесом и высоким меланжером. Он чувствовал, что тут была и полуправда, и прямая ложь. Люди там, внизу, шли по песку слишком уверенно — и их шаг явно был рассчитан на то, чтобы он не приманил вновь червя из его песчаных глубин.

«Фримены! — подумал Пауль. — Кто еще может так уверенно чувствовать себя на песке? Кого еще могли оставить вот так — и не беспокоиться за их жизнь, поскольку их жизни ничто не угрожает? Они знают, как выжить и жить здесь! Они могут перехитрить червя!..»

— Что делали фримены на краулере? — напрямик спросил он.

Кинес вздрогнул и обернулся.

Высокий арракиец посмотрел на Пауля широко открытыми глазами — сплошная глубокая синева.

— Кто этот парень? — резко спросил он.

Халлек передвинулся так, чтобы оказаться между Паулем и меланжером, и ответил:

— Это — Пауль Атрейдес, наследник герцога.

— С чего он взял, что на нашей тарахтелке были фримены? — настороженно спросил высокий.

— Они подходят под описание, — объяснил Пауль.

Кинес фыркнул.

— Да разве можно отличить фримена только на вид! — Он посмотрел на меланжера. — Эй, ты! Кто эти двое?

— Да так, дружки одного из наших, — неохотно ответил тот. — Из деревни. Попросились — покажи им да покажи меланжевые пески!

— Как же, фримены... — проворчал Кинес, отворачиваясь. — Какие тут фримены!

Но он слишком хорошо помнил легенду: «...и Лисан аль-Гаиб будет видеть сквозь всякие покровы, и уловки не обманут его».

— Все равно они, наверное, уже покойники, молодой сэр, — сказал арракиец. — Не нужно говорить о них худо.

Но Пауль слышал фальшь в их голосах и уловил угрозу, заставившую Халлека инстинктивно занять позицию для охраны своего юного хозяина. Он сухо бросил:

— Ужасно умереть в таком месте.

Не поворачиваясь, Кинес ответил, словно цитируя:

— Когда Бог желает, чтобы тварь его встретила свою смерть в некоем месте, то так направляет он желания сей твари, что они ведут ее в назначенное место.

Лето тяжело посмотрел на Кинеса.

И Кинес, встретив этот взгляд и так же твердо глядя герцогу в глаза, подумал: «Этот герцог больше беспокоился о людях, нежели о Пряности. Он рисковал своей жизнью — и жизнью своего сына! — чтобы спасти людей. Он спокойно принял гибель краулера, а угроза жизни людей привела его в бешенство. Такому вождю можно быть преданным до фанатизма. Победить его нелегко...»

И против собственной воли, против своих первоначальных выводов, Кинес признался себе: «Мне нравится этот герцог».

Чувство величия преходяще. Оно непостоянно и непоследовательно. Отчасти оно зависит от мифотворческого во-

ображения человечества. Человек, испытывающий величие, должен чувствовать миф, в который вплетена его жизнь. Он должен отражать то, что этот миф проецирует на него. И он должен быть прежде всего ироничным — ибо именно ирония удержит его от веры в собственное величие, она — единственное, что даст ему подвижность внутри себя. Без этого качества даже и случайное величие уничтожит человека.

(Принцесса Ирулан, «Избранные изречения Муад'Диба»)

Плавающие светильники изгнали ранние сумерки из обеденного зала Арракинского дворца. Их желтый свет озарял снизу огромную голову черного быка с окровавленными рогами и темно поблескивающий, писанный маслом портрет Старого Герцога.

Под этими реликвиями на белоснежных скатертях сияло начищенное до неправдоподобного блеска фамильное серебро Атрейдесов. Безукоризненно расставленное, оно образовывало геометрически совершенные островки напротив каждого из тяжелых деревянных кресел; сверкал хрусталь кубков и бокалов. Центральная люстра в классическом стиле пока не горела. Ее цепь тянулась вверх — туда, где скрывался в тенях ядоискатель.

Остановившись в дверях, чтобы оглядеть зал и проверить, как все приготовлено к приему, герцог подумал о том, что значил ядоискатель в их жизни.

«В этом все мы, — думал он. — О нас можно судить по нашему языку — точные и изысканные названия для разных видов предательского убийства. Сегодня, например, кто-то может попытаться применить чаумурки — яд в питье. Или, скажем, чаумас — яд в пище...»

Он покачал головой.

На длинном столе подле каждого прибора стояла плоская хрустальная фляга с водой. Тут столько воды, что бедной арракинской семье хватило бы на год, подумал герцог.

По обе стороны от дверей на уровне пояса были поставлены огромные рукомойники — лотки из желтого фаянса с зеленым узором. Возле каждого рукомойника стоял стол со стопками полотенец. Обычай требовал, объяснил мажордом, чтобы каждый гость при входе це-

ремонно погружал руки в рукомойник, плескал на пол воду — несколько горстей, а затем, вытерев руки полотенцем, бросал бы это полотенце в растущую у входа лужу. А после приема воду выжимали и подавали собравшимся у входа нищим.

«Как это по-харконненски, — подумал герцог, — поистине они не упустили ничего, в чем можно проявить низость деградировавшей души!» Он сделал тяжелый, медленный вдох, чувствуя, как его душит гнев.

— С этой традицией покончено, — пробормотал он.

Тут герцог увидал служанку — одну из тех узловатых, сварливых на вид старух, которых рекомендовал мажордом. Та явно болталась без дела возле дверей, ведущих на кухню. Герцог жестом подозвал ее, она вышла из тени, суетливо побежала к нему вокруг стола. Герцог обратил внимание на темное, словно продубленное, лицо, на ярко-синие глаза без белков.

— Что прикажет господин? — она стояла, потупив глаза и опустив голову.

— Пусть уберут эти рукомойники и полотенца. — Герцог махнул рукой.

— Но... Высокородный... — Теперь старуха подняла голову и изумленно приоткрыла рот.

— Я знаю обычай! — отрезал он. — Пусть рукомойники поставят у входа снаружи. И покуда мы за столом — до конца приема! — всякий нищий может получить стакан воды. Все ясно?

На темном лице отразились досада и даже злость.

Лето вдруг сообразил, что она конечно же собиралась продать воду, выжатую из истоптанных полотенец, заработать несколько медяков на несчастных, которые приходят выпрашивать воду. Может, и это было в обычае?..

Лето нахмурился.

— Я выставлю там охранника, который проследит, чтобы мои приказы исполнялись в точности, — пригрозил он.

Резко повернувшись, герцог быстрыми шагами пошел к Большому залу. Воспоминания гудели в его голове подобно беззубому бормотанию старух. Он вспомнил открытую воду, волны, траву вместо песка под ногами —

чудесные годы, промелькнувшие мимо, точно уносимые бурей листья.

Все прошло.

«Старею, — подумал он. — Я ощутил ледяное прикосновение собственной смертности. И в чем?! В жадности какой-то старухи?..»

В Большом зале пестрая толпа собралась у камина, возле леди Джессики. Трещал настоящий открытый огонь, бросая оранжевые отблески на драгоценности, кружева и дорогие ткани. Герцог узнал среди собравшихся фабриканта дистикомбов из Карфага, импортера электронного оборудования, водоторговца, выстроившего свое летнее имение близ полярной шапки, представителя Гильд-Банка (он был чрезмерно худ и держался замкнуто), поставщика запасных частей для меланжедобывающей техники, тонкую, с жестким лицом женщину (говаривали, ее фирма по сопровождению и обслуживанию инопланетных гостей была лишь прикрытием для контрабандных операций, шпионажа и вымогательства). Большинство женщин здесь принадлежали к тому особенному типу, который странно сочетает недоступность и чувственность.

«*Джессика царила бы над толпой, даже если бы не была хозяйкой дома*», — подумалось герцогу. На ней не было драгоценных украшений, она подобрала себе одежду теплых цветов — длинное платье почти того же цвета, что и янтарное пламя в камине, коричневая, охряного оттенка лента, подхватившая бронзовые волосы.

Герцог понял, что она оделась так, чтобы поддразнить его, упрекнуть за недавнюю холодность. Ей было прекрасно известно, что она больше всего нравилась ему именно в этих цветах — он воспринимал ее как игру теплых красок.

Чуть в стороне от гостей стоял Дункан Айдахо. Его парадная форма сияла, плоское лицо непроницаемо, черные вьющиеся кудри тщательно причесаны. Его отозвали от фрименов, и Хават дал ему секретное поручение: под видом охраны леди Джессики тщательно за нею следить.

Герцог оглядел зал.

В углу, окруженный группой молодых льстецов, пытающихся подладиться к нему — арракинской золотой молодежью, — стоял Пауль. Неподалеку от них — три офицера

войск Дома Атрейдес. Герцога беспокоили девушки — наследник был бы для них желанной добычей. Однако Пауль со всеми держался одинаково — замкнуто и подчеркнуто-аристократически.

«Он будет достойно носить титул», — подумал герцог, и неприятный холодок коснулся его, когда он внезапно понял, что это — еще одна мысль о смерти.

Пауль заметил в дверях отца и отвел глаза. Взглянул на группки гостей, руки в перстнях, держащие бокалы (и по возможности незаметные проверки этих бокалов крохотными карманными ядоискателями дистанционного действия). Внезапно Пауль почувствовал неприязнь к этим пустым разговорам, к этим лицам — дешевым маскам, прикрывающим нарывающие, сочащиеся гноем мысли, к голосам, пытающимся спрятать за болтовней оглушительное молчание пустых душ.

«Просто я захандрил отчего-то, — подумал он. — Интересно, что сказал бы об этом Гурни?»

Он знал причину этой хандры. Ему не хотелось присутствовать на этом приеме, но отец был непреклонен: «У тебя есть долг. В частности, ты должен соответствовать своему положению. Ты для этого достаточно взрослый. Ты уже почти мужчина».

Пауль смотрел, как отец вышел из дверей, оглядел зал и направился к окружавшей Джессику группе.

Подойдя, он услышал, как водоторговец спрашивает:

— А правда, что герцог намерен установить контроль за погодой?

Герцог ответил из-за его спины:

— Пока мы не заходили так далеко в своих планах.

Торговец живо обернулся. У него было почти дочерна загоревшее лицо с вкрадчивым выражением.

— О, герцог! — воскликнул он. — Мы вас заждались!

Лето взглянул на Джессику:

— Пришлось кое-что сделать.

Он вновь перевел взгляд на торговца и рассказал, что было сделано по его приказу с умывальниками.

— Насколько это зависит от меня, с этим старым обычаем будет покончено.

— Следует ли понимать это как ваш приказ, милорд? — осведомился водоторговец.

— Оставляю это на ваше... э-э... на вашу совесть, — ответил герцог и повернулся к подходящему к ним Кинесу.

— Как это благородно, как щедро с вашей стороны — отдать воду этим... — защебетала какая-то дама, но на нее шикнули.

Герцог смотрел на Кинеса. Планетолог, отметил он, одет в темно-коричневый мундир старого образца с эполетами Гражданской Службы и золотой капелькой — эмблемой его ранга в петлице.

— Герцог критикует наши обычаи? — раздраженно спросил водоторговец.

— Обычай уже изменился, — бросил герцог. Он кивнул Кинесу, заметил морщинку между бровей Джессики, подумал: «Ей не идет нахмуренное лицо. Но это увеличит слухи о наших трениях...»

— С позволения герцога, — снова обратился к нему торговец, — нельзя ли подробнее узнать об изменениях в обычаях?

Лето уловил внезапно появившиеся в его голосе масленые нотки, заметил напряженное молчание, установившееся вокруг, то, как по всему залу лица стали поворачиваться к ним.

— Не пора ли к столу? — попыталась сменить тему Джессика.

— Но у нашего гостя остались вопросы, — любезно сказал Лето. Он внимательно смотрел на торговца: круглолицый, толстогубый человек с большими глазами. Припомнил доклад Хавата: «...а за этим водоторговцем надо следить. Запомните это имя — Лингар Беут. Харконнены пользовались его услугами, но не могли контролировать его».

— В связанных с водой обычаях так много любопытного, — улыбаясь, сказал Беут. — К примеру, хотелось бы знать, каковы ваши планы относительно устроенной при этом доме влажной оранжереи. Собираетесь ли вы впредь похваляться ею перед людьми... милорд?

Лето взглянул торговцу в глаза, сдерживая гнев. Но тут было о чем подумать. Бросать ему вызов — в его соб-

ственном дворце! — особенно учитывая, что этот Беут подписал контракт о вассалитете, — это требовало смелости. И — чувства своей власти. Да, вода в этом мире — это власть. Предположим, системы водоснабжения здесь заминированы и могут быть в любой момент уничтожены... Вполне возможно, что именно с помощью такого дамоклова меча Беут сдерживал в узде Харконненов.

— У моего господина герцога и у меня особые планы относительно оранжереи, — вмешалась Джессика, улыбаясь Лето. — Мы, разумеется, сохраним ее — но сохраним для народа Арракиса, как опекуны. Ибо мы мечтаем о том, что когда-нибудь климат Арракиса изменится так, что станет возможным повсеместно выращивать такие растения просто под открытым небом.

«Умница! — подумал Лето. — Пусть-ка наш водоторговец поразмыслит над этим!»

— Я хорошо понимаю, насколько вы заинтересованы во всем, что связано с водой и погодным контролем, — сказал он, — но я бы порекомендовал вам более разнообразно размещать свои капиталы. Рано или поздно вода здесь перестанет быть самым дорогим товаром...

И он подумал: «Хавату следует удвоить усилия по внедрению в организацию этого Беута. И мы должны немедля заняться системами водоснабжения. Меня никто в узде держать не посмеет!..»

Беут кивнул, все еще улыбаясь.

— Достойная мечта, милорд. — Он отступил на несколько шагов.

Лето вдруг увидел глаза Кинеса. Тот не отрываясь глядел в лицо Джессике. Словно преображенный — словно влюбленный... словно верующий в священном трансе...

...А мысли Кинеса были заняты словами пророчества — наконец оно полностью овладело им. Пророчество гласило также: «*...И они разделят сокровеннейшую вашу мечту*». Кинес, не отводя глаз, прямо спросил Джессику:

— Вы несете нам сокращение пути?

— А, доктор Кинес! — воскликнул водоторговец. — Вы оставили ради нас бродяжничество с шайками ваших фрименов? Как мило с вашей стороны, что вы присоединились к нам!

Кинес окинул Беута странным взглядом, проговорил:

— В Пустыне говорят, что обладание слишком большим количеством воды делает человека опасно неосторожным.

— Мало ли о чем говорят в Пустыне — у них много странных поговорок, — ответил Беут. Но его голос выдал беспокойство.

Джессика подошла к Лето, взяла его под руку — просто чтобы протянуть несколько секунд и успокоиться. Кинес сказал «сокращение пути». На старом языке это выражение прозвучало бы как «Квисатц Хадерах». Окружающие как будто не обратили внимание на странный вопрос планетолога, а сам он уже склонился над чьей-то женой и выслушивал ее кокетливую болтовню.

Квисатц Хадерах, подумала Джессика. Неужели Миссионария Протектива принесла сюда и *эту* легенду? В этой мысли скрывалась надежда для Пауля. Он мог бы... мог бы быть этим Квисатц Хадерахом...

Представитель Гильд-Банка меж тем заговорил о чем-то с водоторговцем. Голос Беута перекрыл гудение возобновившихся разговоров:

— Немало людей хотело изменить Арракис!..

Герцог заметил, как Кинес, услышав это, вздрогнул, распрямился и даже отшатнулся от флиртующей дамы.

В неожиданно наступившей тишине охранник, переодетый в ливрею лакея, кашлянул за спиной Лето и объявил:

— Обед подан, милорд.

Герцог вопросительно взглянул на Джессику.

— Согласно здешнему обычаю, хозяева идут к столу позади гостей, — сказала она. — Или мы изменяем и этот обычай, милорд?

— Это, по-моему, неплохой обычай, — холодно ответил герцог. — Пока мы его оставим.

«Необходимо поддерживать иллюзию того, что я ей не доверяю и подозреваю в предательстве, — подумал герцог. Он посмотрел на чинно шествовавших мимо гостей. — Кто из вас поверил в эту ложь, дорогие гости?..»

Джессика чувствовала холодность и отстраненность герцога и думала о ней — не в первый раз за неделю. «Он выглядит как человек, борющийся с самим собой, — дума-

ла она. — В чем дело? Может, я просто поспешила с этим приемом? Но он же знает, как нам важно, чтобы наши офицеры, служащие и рядовые влились в местное общество. Мы для них — как родители, а ничто так не подчеркивает это, как подобного рода социальное единение...»

Лето, глядя на проходящих гостей, вспомнил, как отреагировал Суфир Хават, узнав о предстоящем приеме: «Сир! Я запрещаю вам это!..»

Герцог криво усмехнулся. На эту сцену стоило посмотреть. А когда герцог все же непреклонно решил присутствовать на обеде, Хават печально покачал головой. «Не нравится мне это, милорд, — заявил он. — У меня дурные предчувствия. Слишком уж быстро развиваются тут события. И это не похоже на Харконненов. Нет, совсем не похоже...»

Мимо прошел Пауль. Он вел под руку девушку на полголовы выше его самого. Проходя мимо, он бросил короткий взгляд на отца, затем кивнул в ответ на какое-то замечание спутницы.

— Ее отец выпускает дистикомбы, — сказала Джессика. — Мне говорили, что только безнадежный глупец позволит себе оказаться в Пустыне в одном из этих дистикомбов...

— А кто этот человек впереди Пауля? — спросил герцог. — Со шрамом на лице? Я его не узнаю.

— Его включили в список гостей в последний момент, — шепотом объяснила она. — Гурни послал ему приглашение. Это контрабандист.

— Гурни? Зачем он его позвал?

— По моей просьбе. Все согласовано с Хаватом, хотя сначала Хават и упирался. Контрабандиста зовут Туéк, Эсмар Туек. Среди своих он обладает большим влиянием. Здесь его все знают, он часто бывает на приемах в разных домах.

— Зачем он здесь?

— Именно затем, чтобы каждый из присутствующих задал себе этот вопрос. Само присутствие Туека вызовет сомнения, подозрения и колебания. Кроме того, его приглашение будет для многих свидетельством нашей готовности выполнить указы о борьбе с коррупцией и взяточничеством, в том числе и подключая к этому контрабандистов. Кстати, именно этот момент Халлек одобрил.

— Не уверен, что я одобряю все это. — Он поклонился проходившей мимо паре и увидел, что почти все гости уже прошли в Обеденный зал. — Но почему ты не пригласила кого-то из фременов?

— Кинес же здесь.

— Да, Кинес здесь, — согласился герцог. — Между прочим, у тебя есть для меня еще какие-нибудь сюрпризы? — Он повел Джессику вслед за последней парой гостей.

— Все прочее абсолютно обыкновенно, — заверила Джессика.

И подумала: «Дорогой, разве ты не понимаешь — у контрабандиста под контролем скоростные корабли и его можно купить? У нас должна быть возможность бежать с Арракиса, если все обернется против нас!..»

Они вошли в зал. Джессика убрала свою руку с руки герцога, он усадил ее и пошел на свой конец стола, к отодвинутому лакеем креслу. Все уселись в свистящем шуршании дорогих тканей и поскрипывании кресел — но герцог продолжал стоять. Он подал знак рукой, и окружавшие стол охранники в лакейских ливреях отступили к стенам и застыли, как статуи.

Повисла напряженная тишина.

Джессика взглянула через стол, заметила, как чуть подрагивают уголки губ Лето, как потемнели от гнева его скулы. «Что так рассердило его? — спросила она себя. — Не может быть, чтобы это из-за того, что я пригласила контрабандиста...»

— Кое-кто из присутствующих не одобрил то, как я изменил обычай относительно рукомойников, — произнес герцог. — Но этим я хотел дать вам понять, что здесь многое переменится!

Стояло неловкое молчание.

Они, похоже, решили, что герцог пьян, подумала Джессика.

Герцог поднял свою флягу с водой, держа ее высоко — так, что та засверкала в лучах плавающих светильников.

— Как Рыцарь Империи, — объявил он, — я поднимаю тост!

Гости поспешно подняли свои фляги, не сводя глаз с герцога. На какой-то миг все замерли, лишь один из све-

тильников медленно плыл в воздухе, подхваченный слабым сквозняком из кухонных дверей. Тени играли на ястребином лице герцога.

— Я здесь, и я не отступлю! — выкрикнул герцог свой девиз.

Гости поднесли было фляги к губам, но остановились: герцог продолжал держать свою флягу поднятой.

— Тост же мой — это одна из тех сентенций, которая так близка всем нам: «Бизнес делает прогресс! Удача ведет повсюду!»

Он пригубил воды. Гости последовали его примеру, но при этом обменивались вопросительными взглядами.

— Гурни! — позвал герцог.

Халлек отозвался из алькова неподалеку от герцогского края стола:

— Слушаю, милорд.

— Сыграй нам, Гурни.

Из алькова выплыл глубокий минорный аккорд балисета. Слуги по знаку герцога принялись разносить блюда — жареного песчаного зайца под соусом кепеда, апломаж по-сириански, чукку в глазури, кофе с меланжей (над столом потек густой коричный запах), настоящий гусиный паштет в горшочке — пот-а-оэ, поданный с игристым каладанским.

Однако сам герцог продолжал стоять.

Гости ждали: их внимание разрывалось между стоящим герцогом и появившимися перед ними аппетитными блюдами. Наконец Лето произнес:

— В старые времена хозяин сам был обязан развлекать гостей своими талантами. — Костяшки его пальцев побелели — он стиснул свою флягу. — Петь я не умею, но прочитаю вам слова песни Гурни. И пусть они будут еще одним тостом — тостом за всех тех, кто отдал жизнь, дабы мы достигли нынешнего своего положения.

Неловкий шумок пронесся над столом.

Джессика опустила глаза, взглянула на соседей. Ближе всего сидели круглолицый водоторговец с супругой, бледный, с аскетическим лицом представитель Гильд-Банка (все время казалось, будто он собирается свистнуть; вообще же он походил на пугало и не отводил глаз от Лето);

сильный, хмурый, в морщинах и шрамах Туек, опустивший свои синие от меланжи глаза.

— Примите, друзья, парад давно ушедших солдат, — речитативом начал герцог. — Равно готовых принять тяжесть ран и наград. На ду́хах этих солдат нашего Дома цвета́. Примите, друзья, парад давно ушедших солдат: ведь вероломство в них не поднялось ни на миг. С ними уходит прочь военное счастье в ночь. Примите, друзья, парад давно ушедших солдат. Когда наше время с тобой уйдет с улыбкой скупой, соблазн военных побед покинет мир ему вслед...

На последней фразе голос герцога постепенно затих. Он отпил большой глоток и резко поставил флягу. Вода от толчка плеснула на скатерть.

В смущенном молчании гости тоже выпили воды и опустили фляги.

И снова герцог поднял свою уже полупустую флягу и в этот раз вылил остатки воды на пол, зная, что все должны последовать его примеру.

Первой вылила на пол свою флягу Джессика. Но все остальные застыли на миг и не сразу проделали то же самое. Джессика заметила, как сидящий рядом с отцом Пауль изучает реакции окружающих. Ей и самой любопытно было наблюдать за ними — особенно за женщинами. Ведь это была превосходная, чистая питьевая вода, а не выжимки из мокрых полотенец. Было видно, насколько неохотно они выливают воду — видно по дрожащим рука́м и замедленным движениям, нервному смеху... и явно вынужденному по́дчинению необходимости. Какая-то дама уронила флягу и отвернулась, когда муж поднял ее.

Но больше всего ее заинтересовал Кинес. Планетолог после небольшого колебания опустошил свою флягу в контейнер, спрятанный под полой его длинного одеяния. Заметив, что Джессика смотрит на него, Кинес улыбнулся, поднял свою флягу в молчаливом тосте в ее честь. Похоже, он совершенно не смущался тем, что сделал.

Музыка Халлека все еще звучала в зале, только теперь не так минорно. Теперь это была ритмичная, веселая мелодия — словно Гурни пытался поднять настроение собравшихся.

— Обед начинается, — объявил герцог и сел.

Он разгневан и неуверен, поняла Джессика. Потеря комбайна ударила по нему сильнее, чем должна была бы. Тут что-то большее, чем просто погибшая машина и груз Пряности. Он выглядит как отчаявшийся человек. Она подняла вилку, пытаясь в движении скрыть переполнявшую ее горечь. Но что тут удивительного? Он действительно отчаялся.

Сначала вяло, а затем со все большим оживлением обед постепенно входил в свое русло. Фабрикант дистикомбов сделал Джессике комплимент относительно качества вина и мастерства шеф-повара.

— И вино, и повара мы привезли с собой с Каладана, — ответила Джессика.

— Превосходно! — кивнул собеседник, отведывая чукку. — Просто превосходно! И ни малейшего привкуса меланжи. Право, когда Пряность добавлена во всякое блюдо, это приедается.

Представитель Гильд-Банка обратился через стол к Кинесу:

— Как я слышал, доктор Кинес, еще один комбайн уничтожен песчаным червем.

— Новости, я вижу, разносятся быстро, — заметил герцог.

— Следовательно, это правда? — спросил водоторговец, переключая внимание на Лето.

— Разумеется, правда! — отрезал герцог. — Проклятый грузолет исчез куда-то, как не был. Но куда и как может исчезнуть такая огромная машина?!

— Когда появился червь, оказалось, что вывезти оборудование не на чем, — подтвердил Кинес.

— Такое не должно было стать возможным! — повторил герцог.

— Неужели никто не видел, как улетел грузолет? — удивился банкир.

— Наводчики-наблюдатели смотрят большей частью за песком, — объяснил Кинес. — Их интересует прежде всего знак червя. Экипаж грузолета состоит из четырех человек — двух пилотов и двух приданных рядовых-спе-

циалистов. Если один из членов экипажа — а возможно, и двое — были наемниками врагов герцога...

— Мм-м, понимаю, — кивнул банкир. — Ну а вы — как Арбитр Смены — примете какие-то меры?

— Я должен серьезно обдумать свою позицию, — ответил Кинес. — И во всяком случае я бы не хотел обсуждать это за столом.

Говоря это, Кинес подумал: «А ведь этот ходячий скелет *знает*, что происшествия подобного рода мне приказано оставлять без внимания!..»

Банкир улыбнулся и вернулся к еде.

Джессика, глядя на все это, вспомнила одну из лекций в школе Бене Гессерит из курса «Шпионаж и контршпионаж». Лекцию читает полная, с добродушным и смешливым лицом Преподобная Мать, и ее веселый голос странно контрастирует с темой:

«Следует отметить, что учеников любой школы шпионажа и/или контршпионажа объединяет общий тип основных реакций. Всякое закрытое учение оставляет свою печать, свой структурный рисунок — и этот отпечаток можно как уловить, так и использовать для предсказания реакций противника.

Далее, мотивационные поведенческие схемы у всех агентов-шпионов схожи. Иначе говоря, есть некоторые типы мотивации, общие для всех, несмотря на разные школы и противоположные цели.

Вы будете изучать прежде всего, как вычленить для анализа этот общий элемент. Вначале вы увидите, как по общей схеме допроса вычислить внутреннюю ориентацию допрашивающего; далее мы займемся мысленно-речевой ориентацией объекта анализа. Вы увидите, что определить базовый язык объекта достаточно просто, пользуясь оттенками голоса и структурой речи...»

И сейчас, сидя за столом вместе со своим сыном и герцогом, со всеми гостями и слушая представителя Гильд-Банка, Джессика вдруг почувствовала холодок: она ясно поняла, что перед нею — харконненский агент. Построение речи было характерно для Джеди Прим. Оно было слегка замаскировано, но для ее тренированного восприятия звучало так ясно, как если бы он открыто заявил о своей роли.

Значит ли это, что сама Гильдия выступает против Дома Атрейдес? — спросила она себя. Эта мысль потрясла ее, и она постаралась скрыть эмоции, приказав переменить блюдо... а сама продолжала слышать, как выдает себя банкир. Теперь он переведет разговор на что-нибудь внешне безобидное, но со зловещим подтекстом, решила она. Это укладывается в характерную для него схему.

Банкир прожевал кусок, проглотил, запил вином, улыбнулся в ответ на какие-то слова своей соседки справа. Затем он как будто прислушался к одному из гостей, рассказывавшему герцогу, что у собственно арракийских растений не бывает шипов.

— Я люблю наблюдать за полетом птиц на Арракисе, — заметил банкир, обращаясь к Джессике. — Разумеется, все наши птицы — трупоеды, и многие из них могут обходиться без воды — они научились пить кровь...

Дочь фабриканта дистикомбов, сидевшая напротив между Паулем и его отцом, нахмурила свое прелестное личико:

— Ой, Су-Су, вечно вы говорите всякие гадости!

Банкир улыбнулся.

— Меня прозвали Су-Су, потому что я — советник по финансам Союза Водоносов.

Поскольку Джессика все так же молча глядела на него, он добавил:

— Это потому, что разносчики воды так кричат — «Су-Су Суук!» — Он сымитировал крик водоноса с такой точностью, что многие из сидевших за столом засмеялись.

Джессика отметила хвастливые нотки в голосе, но главное, на что она обратила внимание, — это что девушка говорит по заранее заданной роли и именно в определенный момент. Она сказала это, чтобы дать банкиру возможность сказать то, что он сказал: Джессика покосилась на Лингара Беута. Водяной магнат, насупившись, поглощал пищу, целиком отдавшись этому занятию.

Джессика прекрасно поняла сказанное банкиром: «Я тоже контролирую воду — основу и источник всякой власти на Арракисе».

Пауль заметил и фальшь в голосе банкира, и то, что мать внимательно следит за разговором, явно пользуясь

приемами Бене Гессерит. Повинуясь импульсу, Пауль решил принять вызов и обратился к банкиру:

— Вы хотите сказать, что эти птицы — каннибалы?

— Странный вопрос, молодой господин, — поднял брови банкир. — Я сказал лишь, что птицы пьют кровь. Это совсем не значит, что это должна быть кровь их сородичей, не так ли?

— Это был отнюдь не странный вопрос, — возразил Пауль, и Джессика услышала в его голосе тонкий звон ответного выпада рапиры — она сама обучала его. — Большинство образованных людей знает, что наиболее жестокая конкуренция — это конкуренция внутри вида. — Пауль демонстративно наколол на вилку кусочек с тарелки собеседника и съел его. — Ибо они, фигурально выражаясь, едят с одной тарелки. У них одинаковые потребности.

Банкир замер и, нахмурившись, взглянул на герцога.

— Было бы ошибкой считать моего сына ребенком, — улыбнулся ему герцог.

Джессика оглядела стол, заметила, как прояснилось лицо Беута, как ухмыляются Кинес и контрабандист Туек.

— Да, таков закон экологии, — подтвердил Кинес, — и молодой господин, судя по всему, прекрасно его понимает. Борьба за существование внутри системы — это борьба за овладение свободной энергией системы. Кровь же — весьма эффективный источник энергии.

Банкир положил вилку и раздраженно сказал:

— Я слышал, что фрименский сброд пьет кровь своих мертвецов...

Кинес покачал головой, наставительно сказал — будто читал лекцию:

— Не кровь, сэр. Отнюдь. Но вся вода человека — вся — принадлежит его народу, его племени. Когда живешь возле Великой Равнины, это становится необходимостью. Вода здесь бесценна, а ведь человеческое тело на семьдесят процентов состоит из воды. И, разумеется, покойник в своей воде уже не нуждается.

Банкир положил руки на край стола возле тарелки — Джессике показалось, что сейчас он в ярости встанет и уйдет.

Кинес взглянул на Джессику.

— Простите, миледи, что я позволил себе обсуждать за столом столь неаппетитный предмет, но вам солгали, и я обязан был внести ясность.

— Вы так долго якшались с фрименским отребьем, что позабыли всяческие приличия, — буркнул банкир.

Кинес изучающе обвел спокойным взглядом побелевшее, подергивающееся лицо.

— Следует ли понимать это как вызов? — осведомился он.

Банкир замер. Он сглотнул, помедлил и наконец выговорил:

— Конечно, нет... Я не нанес бы такого оскорбления нашим любезным хозяевам!

Джессика услышала в его голосе страх. Этот страх был и в лице, дыхании, биении жилки на виске. Банкир боялся, панически боялся Кинеса!..

— Наши любезные хозяева сами вполне способны решать, оскорблены они или нет, — сказал Кинес. — Они храбрые и достойные люди, понимающие, что такое защита своей чести. Все мы можем убедиться в их мужестве хотя бы по тому, что они здесь... сейчас... на Арракисе.

Джессика видела, что Лето в восторге от этого разговора. Однако остальные гости — почти все — похоже, не разделяли этот восторг. Гости сидели так, словно были готовы сорваться с места — они опустили руки со стола, напряглись... Исключение составляли Беут, явно наслаждавшийся замешательством банкира, и Туек, который, казалось, ждал, как поведет себя Кинес. Пауль взирал на Кинеса в восхищении.

— Итак?.. — спросил Кинес.

— Я-а... не хотел никого оскорбить. Если вы, однако, чувствуете себя оскорбленным, я прошу принять мои извинения...

— Искренне и свободно принесенное извинение так же искренне принимается, — кивнул Кинес. Улыбнувшись Джессике, он вернулся к еде, словно ничего не произошло.

Контрабандист, отметила Джессика, тоже расслабился. Он выглядел как верный соратник, готовый бросить-

ся на помощь Кинесу. Между Кинесом и Туеком явно была некая связь.

Лето поиграл вилкой, с любопытством посмотрел на Кинеса. Поведение эколога говорило об изменении его отношения к Дому Атрейдес. Во время полета в Пустыню он был гораздо холоднее.

Джессика подала знак переменить блюда и напитки. Слуги появились с langues de lapins de garenne под грибным и дрожжевым соусом.

Мало-помалу разговор за столом возобновился. Но теперь Джессика слышала в голосах возбужденные нотки. Банкир же ел в угрюмом молчании. Кинес убил бы его не моргнув глазом, решила она. И поняла, что поведение Кинеса выдавало весьма легкое отношение к убийству. Он был способен убивать — запросто. Это, догадалась она, видимо, общее для всех фременов качество.

Джессика повернулась налево, к производителю дистикомбов:

— Я не перестаю изумляться значению воды на Арракисе.

— Да, большое значение, — согласился он. — Между прочим, что это за блюдо? На вкус бесподобно.

— Языки диких кроликов в особом соусе, — ответила она. — Это старинный рецепт.

— Я обязательно должен получить его.

— Я прослежу, чтобы его для вас записали, — кивнула Джессика.

Кинес, взглянув на Джессику, произнес:

— Новички на Арракисе часто недооценивают значение воды здесь. Видите ли, нам приходится иметь дело с так называемым Законом Минимума.

В его голосе она услышала особые нотки — словно он как-то испытывал ее. Она ответила:

— Рост ограничивается тем из необходимых условий, которое находится в минимуме. Проще говоря, наименее благоприятное условие определяет скорость роста.

— Нечасто доводится встречать среди представителей Великих Домов людей, сведущих в планетологии, — улыбнулся Кинес. — Так вот, нехватка воды на Арракисе и является этим наименее благоприятным условием для жизни.

Кстати, не следует забывать, что и *рост* сам по себе тоже может создавать неблагоприятные условия — если к нему не относятся с максимальной осторожностью.

Джессика почувствовала в словах Кинеса какое-то замаскированное сообщение, но какое — не поняла.

— Рост... — задумчиво сказала она. — Вы хотите сказать, что Арракис может иметь такой регулярный водообменный цикл, который был бы способен обеспечить и лучшие условия для существования здесь?

— Невозможно! — воскликнул водоторговец.

Джессика повернулась к нему:

— Невозможно?

— Невозможно на Арракисе, — поправился Беут. — Не слушайте этого мечтателя. В конце концов, все лабораторные исследования свидетельствуют против него!

Кинес посмотрел на Беута, и Джессика увидела, как разговоры за столом затихают и внимание гостей обращается к новому разгорающемуся спору.

— Лабораторные исследования закрывают нам глаза на одни очень простой факт, — произнес Кинес. — И факт этот следующий: мы сталкиваемся здесь с веществами и явлениями, возникшими и существующими под открытым небом планеты — где растения и животные ведут нормальный образ жизни.

— Нормальный! — фыркнул Беут. — На Арракисе ничто не может быть нормальным!

— Отнюдь, — возразил Кинес. — Вполне возможно установить определенные гармонические экосистемы на основе самоподдерживающегося баланса. Следует лишь правильно оценить пределы возможностей планеты и пределы нагрузки на нее.

— Никто и никогда не сделает всего этого, — отмахнулся Беут.

Внезапно герцог понял, когда именно изменилось отношение Кинеса: в тот самый момент, когда Джессика сказала, что они собираются в качестве опекунов сохранить влаголюбивые растения для Арракиса.

— А что необходимо для установления такой самоподдерживающейся системы, доктор Кинес? — спросил Лето.

— Если удастся заставить три процента зеленых растений на Арракисе вырабатывать углеводы, могущие слу-

жить пищей, — циклическая система установлена, — ответил Кинес.

— Следовательно, единственная проблема — это вода? — спросил герцог. Он чувствовал возбуждение Кинеса и сам был захвачен им.

— Вода — это основная проблема, затеняющая все остальные. Вот, например: атмосфера планеты богата кислородом — при том, что отсутствуют обычные сопутствующие явления, как-то: широко распространенная растительность и такие крупные источники углекислого газа, как, например, вулканы. Наконец, на весьма обширных участках территории планеты наблюдаются необычные химические реакции.

— Проводятся ли какие-либо экспериментальные работы? — спросил герцог.

— У нас было достаточно времени, чтобы исследовать эффект Тансли. Небольшие эксперименты на любительской основе, которые дают теперь рабочие данные для моей науки, — сказал Кинес.

— Но воды здесь недостаточно, — настаивал Беут. — Здесь просто недостаточно воды.

— О да, ведь господин Беут — специалист по всему, что связано с водой, — тонко улыбнулся Кинес и вернулся к еде.

Герцог резко махнул рукой:

— Нет! Мне нужен ответ. Доктор Кинес, здесь достаточно воды?

Кинес глядел в свою тарелку.

Джессика следила за эмоциями на его лица. Он хорошо скрывает свои чувства, подумала она. Но теперь, когда она *определила* Кинеса, ей было ясно, что он жалеет о сказанном.

— Так достаточно ли здесь воды? — настаивал герцог.

— М-мм... возможно, — неуверенно сказал Кинес.

«Он *изображает* неуверенность!» — подумала Джессика.

У Пауля чувство правды было более развито. Ему пришлось прибегнуть к помощи всей своей подготовки, чтобы скрыть возбуждение. Здесь действительно достаточно воды, но Кинес не хочет, чтобы это стало известным!

— У нашего любезного планетолога есть немало любопытных идей. О чем он только не мечтает; и по большей части мечтает вместе с фрименами — о пророчествах и мессиях, — уронил Беут.

В разных концах стола раздались смешки. Джессика автоматически отметила, что засмеялись контрабандист, дочка фабриканта дистикомбов, Дункан Айдахо, владелица странной службы сопровождения туристов...

«Странно распределяются сегодня напряжения, — подумала она. — Я слишком многого не знаю! Вокруг что-то происходит — много чего! — а что, я не знаю. Мне необходимо найти для себя источники информации».

Герцог перевел взгляд с Кинеса на Беута, затем — на Джессику. Он чувствовал себя странно подавленным — словно упустил что-то жизненно важное.

— Возможно... — пробормотал он. — Возможно, это и так...

Кинес быстро сказал:

— Может быть, лучше обсудить все это в другой раз, милорд? Слишком многое...

Планетолог замолчал: в дверь для прислуги вбежал человек в униформе войск Дома Атрейдес, миновал стражника и, быстро подойдя к герцогу, склонился и прошептал что-то ему на ухо.

Джессика узнала кокарду Хаватова корпуса безопасности и с большим трудом сумела подавить беспокойство. Обернувшись к спутнице производителя дистикомбов — миниатюрной темноволосой женщине с кукольным личиком и слегка раскосыми глазами, она любезно осведомилась:

— Вы почти ничего не ели, дорогая. Хотите, я велю принести для вас что-нибудь?

Прежде чем ответить, женщина взглянула на фабриканта:

— Благодарю, я не голодна.

В этот момент герцог резко поднялся и тоном команды объявил:

— Прошу всех оставаться на местах, господа. Надеюсь, вы извините меня — дела требуют моего личного

внимания. — Он вышел из-за стола. — Пауль, останься, пожалуйста, за хозяина.

Пауль тоже встал. Он хотел спросить, чем вызван уход отца, но приходилось играть свою роль. Он пересел в отцовское кресло.

Герцог обернулся к алькову, в котором сидел Халлек:

— Гурни, займи место Пауля, пожалуйста. Нехорошо, если за столом останется нечетное число людей. После обеда, возможно, вам с Паулем придется подъехать на полевой командный пункт. Я свяжусь с вами.

Халлек был в парадной форме. Грузный, уродливый, словно слепленный из неровных глыб, он выглядел как-то неуместно среди этой сверкающей изысканной роскоши. Он поставил свой балисет к стене, подошел к креслу, которое раньше занимал Пауль, уселся.

— Господа, тревожиться не о чем, — сказал герцог. — Однако прошу никого не уходить, пока охрана не объявит, что это безопасно. Здесь вы все в абсолютной безопасности, а мы очень скоро разберемся со случившимся досадным происшествием.

Пауль распознал ключевые слова во фразе отца: «охрана», «безопасно», «безопасность», «скоро». Случившееся было связано с вопросами безопасности — не с нападением. Он увидел, что и мать поняла это скрытое сообщение. Оба расслабились.

Герцог коротко поклонился и покинул зал через служебные двери, сопровождаемый охранником.

Пауль обратился к гостям:

— Господа, прошу вас, продолжим ужин. Если я не ошибаюсь, доктор Кинес, вы говорили о воде?

— Я бы хотел обсудить этот вопрос как-нибудь в другое время, если позволите, — покачал головой Кинес.

— Как вам угодно, — согласился Пауль.

И Джессика с гордостью отметила, с каким достоинством и зрелой уверенностью держится ее сын.

Банкир поднял свою флягу с водой, показал ею в сторону Беута:

— Право, никто из присутствующих здесь не сможет превзойти господина Лингара Беута в цветистости фраз. Можно подумать, что он стремится войти в число Вели-

ких Домов!.. Господин Беут, прошу вас — скажите тост! Возможно, у вас найдется крупица мудрости для мальчика, к которому надо относиться как к мужчине.

Джессика стиснула под столом руку в кулак. Она видела, как Халлек подал знак Дункану Айдахо, и стража вдоль стен пошевелилась, приняв стойку повышенной готовности.

Беут злобно покосился на банкира.

Пауль взглянул на Халлека, на изготовившихся стражников, перевел глаза на банкира — и смотрел, пока тот не опустил глаза. Наконец он заговорил:

— Однажды на Каладане мне пришлось увидеть вытащенное на берег тело утонувшего рыбака. Он...

— Утонувшего? — удивленно перебила его дочь фабриканта дистикомбов.

— Да. Человек погружается в воду, пока, захлебнувшись, не умирает. Это называется — «утонуть».

— Какая удивительная смерть! — пробормотала она.

Улыбка Пауля стала колючей. Он снова посмотрел банкиру в лицо.

— Но вот что интересно. На теле этого утонувшего человека были необычные раны на плечах — раны, нанесенные шипастыми сапогами другого рыбака. Дело в том, что утонувший был не один в лодке — это такое средство для передвижения по воде, которая затонула... ушла под воду. Так вот, один из тех рыбаков, которые помогали достать тело из воды, сказал, что уже не в первый раз видит подобные раны — и они означают, что тонущий человек карабкался на плечи своего несчастного товарища, пытаясь дотянуться до поверхности. До воздуха.

— И что же в этом интересного? — буркнул банкир.

— Главным образом интересно замечание, которое сделал по этому поводу мой отец герцог. Он сказал, что можно понять, когда тонущий человек карабкается на твои плечи — кроме тех только случаев, когда это происходит в обществе, на приеме. — Пауль помедлил, чтобы дать банкиру сообразить, что последует дальше, и закончил: — В особенности же, хотел бы я добавить, тогда, когда это происходит за столом на званом обеде.

В зале наступила внезапная тишина.

«Это было опрометчиво, — подумала Джессика. — Пожалуй, положение этого банкира позволяет ему даже бросить вызов моему сыну!» Она видела, что Айдахо напрягся, готовый ринуться в бой. Охранники Дома тоже встали на изготовку. Гурни Халлек не сводил глаз со своего визави.

— Хо-хо-хо-хооо!..

Это расхохотался контрабандист Туек, откинув назад голову, расхохотался от всей души.

На лицах некоторых гостей появились неуверенные, нервные улыбки. Беут открыто ухмылялся.

Банкир отодвинулся со стулом от стола и яростно смотрел на Пауля.

— Кто задевает Атрейдеса — тот делает это на свой страх и риск, — заметил Кинес.

Прежде чем Пауль смог ответить, Джессика наклонилась вперед, к банкиру:

— Сэр!

«Надо разгадать игру этого харконненского ставленника. Он что, должен был испытать Пауля? Проверить, насколько далеко можно зайти?.. И кто здесь поддерживает его?..»

— Сэр, сын мой показал нам, так сказать, одеяние вообще, а вам кажется, что оно сшито по вашей мерке. Поистине сие удивительно. — Она опустила руку и как бы невзначай скользнула ею вдоль ноги — туда, где в пристегнутых под коленом ножнах был спрятан крис.

Банкир перевел злой взгляд на Джессику. Многие из гостей тоже переместили внимание с сына на мать, а Джессика увидела, что Пауль слегка отодвинулся от стола, освобождая себе пространство для действия. Он принял скрытый в реплике матери сигнал: Джессика сказала «одеяние» — то есть, на кодовом языке, «приготовься к бою».

Кинес, прикидывая что-то, посмотрел на Джессику и подал Туеку едва заметный знак рукой.

Контрабандист не спеша поднялся, встал, слегка покачиваясь, поднял свою флягу.

— Я хочу поднять тост, — объявил он, — за юного Пауля Атрейдеса — еще мальчика на вид, но уже зрелого мужа по поступкам.

«Почему они вмешиваются?» — удивилась Джессика.

Банкир смотрел теперь на Кинеса, и Джессика опять увидела страх в его глазах.

За столом уже поднимали фляги.

«Да, Кинес ведет — и за ним идут, — думала Джессика. — А он показал, что принимает сторону Пауля. Но в чем секрет его влияния? Не в том же, что он — Арбитр Смены. Ведь это — должность временная. И уж конечно, не в том, что он — имперский чиновник!..»

Она сняла пальцы с рукояти криса, подняла свою флягу в сторону Кинеса, тот ответил тем же.

Лишь Пауль и банкир (Су-Су! Надо же было придумать такое дурацкое прозвище!) сидели неподвижно и не поднимали тост. Банкир не отводил глаз от Кинеса; Пауль глядел в тарелку.

«Я неплохо справлялся с ситуацией, — думал он. — Так почему же они вмешались?» Исподтишка он бросил взгляд через стол. Сказал:

— В таком обществе, как наше, человек не должен слишком поспешно оскорбляться. Это часто бывает равносильно самоубийству. — Он посмотрел на дочку фабриканта дистикомбов. — Вы согласны?

— О да. Да. Разумеется, я согласна, — ответила та. — Вокруг столько насилия и жестокости! И так часто желания оскорбить нет, а люди погибают. Так бессмысленно!..

— В самом деле бессмысленно, — согласился Халлек.

Джессика, оценив совершенную игру девушки, поняла: эта пустоголовенькая девочка — вовсе не пустоголовенькая девочка. Джессика заметила угрозу и поняла, что и Халлек ее заметил. Они решили окрутить Пауля, соблазнить его при помощи обыкновенного секса! Джессика немного расслабилась. Пауль скорее всего заметил все первым — в его подготовку, конечно, входило изучение и подобных простеньких трюков.

— Вам не кажется, что следует извиниться? — спросил Кинес банкира.

Тот кисло улыбнулся Джессике:

— Простите, миледи. Боюсь, я чересчур увлекся вашими винами. У вас подают довольно крепкие напитки, и я к таким не привык.

Джессика услышала скрытый в его голосе яд и чрезвычайно любезным голосом ответила:

— Когда встречаются незнакомцы, следует делать скидки на разницу в обычаях и воспитании.

— Благодарю вас, миледи, — выдавил банкир.

Темноволосая спутница фабриканта дистикомбов склонилась к Джессике:

— Герцог сказал, что мы здесь в безопасности. Надеюсь, речь не идет о войне?..

Ей велели перевести разговор в это русло, поняла Джессика.

— Скорее всего это окажется какими-нибудь пустяками, — улыбнулась она. — Сейчас столько дел, которые требуют личного присутствия герцога! Покуда между Харконненами и Атрейдесами существует вражда, быть излишне осторожным нельзя. Герцог объявил канли и в том поклялся. И, разумеется, он не оставит в живых ни одного харконненского агента на планете. — Она взглянула на агента Гильд-Банка: — Как вы понимаете, Конвенция на его стороне. — Она повернулась к Кинесу: — Я права, доктор Кинес?

— Без всякого сомнения, — кивнул планетолог.

Фабрикант дистикомбов слегка потянул назад спутницу. Та взглянула на своего патрона, сказала:

— Я, пожалуй, съела бы чего-нибудь сейчас. Мне очень понравилось то блюдо из птицы...

Джессика махнула слуге, повернулась к банкиру:

— Помнится, вы говорили тут о птицах и их повадках. Здесь, на Арракисе, столько нового и интересного для меня. К примеру, не расскажете ли вы мне, где добывается Пряность? Меланжеры-разведчики далеко заходят в Пустыню?

— О нет, миледи, — ответил тот. — Глубокая Пустыня неважно изучена, мы знаем о ней очень мало. Что же касается южной части Пустыни, то о ней у нас практически никаких сведений.

— Есть легенды, — сказал Кинес, — что где-то на дальнем Юге находится великая Материнская Жила, мать всех месторождений Пряности. Впрочем, я склонен полагать, что это — выдумка, рожденная исключительно

как поэтический образ. Некоторые особенно дерзкие меланжеры-разведчики доходили даже до окраинных районов Центрального пояса, но это чрезвычайно опасно — ориентирование затруднено, а бури часты. Чем дальше от Барьерной Стены, тем выше уровень смертности. Считается, что заходить далеко на юг невыгодно, такие экспедиции не оправдаются. Может быть, если бы у нас были метеоспутники, — хотя бы один...

Беут поднял глаза, заметив с полным ртом:

— Говорят, что фримены заходят туда. Они путешествует где хотят и сумели найти там влажники и соломенцы.

— Влажники и соломенцы?

Кинес поспешно ответил:

— Пустые слухи, миледи. На этой планете такие объекты не встречаются. Вообще же влажник — это место, где грунтовые воды поднимаются на поверхность или достаточно близко к поверхности, так что воду можно обнаружить по определенным признакам и затем добыть, выкопав углубление. Соломенец — это тот же влажник, но такой, где воду можно добыть, просто потянув через соломинку... во всяком случае, так было сказано.

«Он нас обманывает», — чувствовала Джессика.

«Почему он лжет?» — задумался Пауль.

— Очень, очень интересно, — улыбнулась Джессика, думая: «Так было сказано... Как тут витиевато говорят, однако! Знали бы они, как много можно узнать по такой речи о том, как они зависят от предрассудков!»

— Я слышал, у вас есть поговорка, — сказал Пауль, — «Из города — лоск, из Пустыни — мудрость»...

— На Арракисе есть множество поговорок, — отозвался Кинес.

Раньше чем Джессика успела задать еще один вопрос, возле нее склонился слуга и подал записку. Она развернула листок, узнала почерк и кодовые значки герцога, прочла.

— Господа, — произнесла она, — вам будет приятно узнать, что герцог посылает нам утешительные известия. Дело, которое оторвало его от нас, благополучно разрешено. Найден пропавший грузолет. Харконненский агент,

пробравшийся в экипаж, перебил его и повел грузолет на базу контрабандистов, предполагая продать машину им. Однако сейчас и преступник, и грузолет возвращены нам.

Джессика слегка поклонилась Туеку.

Контрабандист в ответ тоже склонил голову.

Джессика спрятала записку в рукав.

— Я весьма рад, что дело не дошло до открытого столкновения, — заметил банкир. — Ведь народ надеется, что с Атрейдесами сюда пришли мир и процветание.

— В особенности процветание, — согласился Беут.

— Может быть, перейдем к десерту? — предложила Джессика. — Я велела повару приготовить наши каладанские сладости: рис пунди под соусом дольса.

— Звучит заманчиво, — хмыкнул фабрикант дистикомбов. — Я смогу получить рецепт?

— Любой рецепт, какой вам понравится, — ответила Джессика, *отмечая* фабриканта. Надо сказать про него Хавату. Фабрикант, судя по всему, был трусливым мелким карьеристом, а таких всегда легко купить.

Вокруг возобновились разговоры: «...а какая прекрасная ткань!..», «...и он решил заказать оправу, достойную этого камня...», «...в следующем квартале мы можем попытаться поднять производительность...».

Джессика смотрела в свою тарелку, напряженно думая о закодированной части послания герцога: «Харконнены попытались тайно переправить сюда большую партию лучеметов. Мы перехватили ее. Но это может означать, что другие партии оружия мы пропустили. И это безусловно означает, что они не думают о силовых щитах. Необходимо срочно принять соответствующие меры предосторожности».

Джессика подумала о лучеметах. Белые огненные лучи прожигали любые известные материалы, если те не были защищены силовым полем. Однако Харконненов явно не беспокоило, что реакция с обратной связью между лазерным лучом и силовым полем вызывает взрыв, способный уничтожить как щит, так и сам лазер. Почему? Почему их это не тревожит? Ведь сила такого взрыва сильно и опасно варьируется в зависимости от различных условий и может даже сравняться с мощью ядерного взрыва — даже превзойти ее, а может уничтожить лишь самого стрелка и его экранированную цель...

Неизвестность наполняла ее неуверенностью.

Пауль сказал:

— Я не сомневался, что мы найдем грузолет. Если отец берется за проблему — он ее решает. Похоже, сейчас это начинают понимать и Харконнены.

Он хвастает, подумала Джессика. Напрасно. Тот, кому предстоит сегодня ночевать глубоко под землей, чтобы обезопасить себя от лучеметов, не имеет права на подобную похвальбу.

Выхода нет: мы платим за грехи отцов, за совершенное ими насилие. Избежать этого невозможно.

(Принцесса Ирулан, «Избранные изречения Муад'Диба»)

Джессика услышала какой-то шум в Большом зале, включила светильник у изголовья. Часы еще не перевели на местное время, и ей пришлось вычесть двадцать одну минуту. Получилось что-то около двух часов утра.

Шум был довольно громкий, совершенно неуместный и какой-то бессвязный.

Что это? Нападение Харконненов?

Выскользнув из постели, она включила мониторы — проверила, где сын и герцог. Пауль спокойно спал в подвальной комнате, наспех переоборудованной под спальню. Очевидно, туда шум не проникал. Комната герцога была пуста, постель не смята. Он что, все еще на полевом командном пункте?

В передней части дома, однако, мониторов не было.

Джессика стояла посреди комнаты и прислушивалась.

Один голос кричал что-то непонятное. Кто-то еще крикнул, чтобы привели доктора Юйэ. Джессика нашла халат, накинула на плечи, сунула ноги в домашние туфли, пристегнула к ноге крис в ножнах.

Снова кто-то позвал Юйэ.

Джессика перехватила халат поясом, выскользнула из комнаты в коридор. Внезапно ее поразила мысль: что, если что-то случилось с Лето?

Коридор, казалось, никогда не кончится. Она пробежала сквозь арку, пролетела мимо Обеденного зала, по друго-

му коридору к Большому залу. Зал был ярко освещен, стенные светильники включены на полную мощность.

Справа от входа двое охранников держали Дункана Айдахо. Голова у того бессильно склонялась вперед; висела неприятная, резкая тишина, слышалось лишь прерывистое дыхание.

Один из охранников осуждающе сказал Дункану:

— Вот видишь, что ты наделал! Разбудил леди Джессику.

За спиной у них ветер раздувал портьеры — дверь не закрыли. Не было ни герцога, ни Юйэ. Мэйпс стояла в стороне, холодно глядя на Айдахо. На ней было длинное свободное платье с узором из змей по краю, незашнурованные пустынные сапоги.

— А, значит, й-я разбудил леди Джессику, — пробормотал Айдахо. Он поднял лицо к потолку, выкрикнул: — Меч мой вп'рвые был к... кровью обагрен на Груммане!..

«Великая Мать! — поняла Джессика. — Он же пьян!»

Темное круглое лицо Айдахо исказила хмурая гримаса. Брови сведены, волосы, вьющиеся как шерсть черной овцы, залеплены грязью. Большая рваная прореха на френче открывала парадную рубашку, в которой вчера он был на обеде.

Когда Джессика подошла, один из охранников коротко поклонился ей, не отпуская Айдахо.

— Мы не знаем, что с ним делать, миледи. Он шумел перед парадным входом и не хотел идти внутрь. Мы опасались, что местные могут увидеть его в таком виде. Это было бы плохо: повредило бы нашей репутации.

— Где он был? — спросила Джессика.

— Провожал домой одну молодую даму, миледи. Приказ Хавата.

— Какую даму?

— Да, так... собственно, девку из чьей-то свиты. Понимаете, миледи? — Охранник взглянул в сторону Мэйпс и понизил голос: — Когда надо вызнать что-нибудь у дамы или приглядеть за ней, всегда посылают Айдахо.

«Это так, — подумала Джессика. — Но с чего он вдруг напился?»

Она свела брови, повернулась к Мэйпс:

— Мэйпс, принеси стимулятор. Кофеин, пожалуй. Может быть, осталось немного кофе с Пряностью?

Мэйпс пожала плечами, пошла на кухню. Незашнурованные пустынные сапоги громко шлепали по каменному полу.

Айдахо постарался повернуть голову так, чтобы через плечо увидеть Джессику, но голова только вяло покачнулась.

— Прикончил за тр-ри... ссотни л'дей — для герцыга! — пробормотал он. — А что мм-не тут дел'ть? Не м'гу я жить под землей! И не м'гу жить тут на з'мле! Что эт' за... м-и'сто такое, а?

Джессика услышала какой-то звук из соседней залы, повернулась. Это оказался Юйэ; в левой руке он держал свой медицинский чемоданчик. Юйэ был полностью одет и выглядел бледным и измученным. Вытатуированный ромб ярко выделялся на побледневшем лбу.

— А, добрый наш докт'р! — взревел Айдахо. — Наш мастер п-пластырей и пил-люль! — Он повернулся к Джессике. — Дураком м'ня выс-ставить х'тите, да?..

Джессика молча стояла, нахмурясь. Почему же Айдахо напился? Или его опоили какой-нибудь дрянью?

— Слишк'м мно-а пива с Пряностью, — сообщил Айдахо, пытаясь встать прямо.

Мэйпс вернулась, неся дымящуюся чашку, остановилась в нерешительности позади Юйэ, взглянула на Джессику. Та отрицательно покачала головой.

Юйэ опустил чемоданчик на пол, поклонился Джессике.

— Так, значит, пряное пиво, э-э? — спросил он.

— Лучшео пойла ник'да не пил, — заверил Айдахо. Он хотел встать «смирно», но из этого ничего не вышло. — М-меч мой впервые был кровью об'грен на Груммане! — заявил он. — Заколол Хра... Харкен... для герцыга его убил.

Юйэ повернулся, увидел чашку в руках у Мэйпс:

— Это что?

— Кофеин, — ответила Джессика.

Юйэ принял чашку, протянул ее Дункану.

— Ну-ка выпей это, приятель, — велел он.

— Н-не х'чу больше пить, — мотнул головой Айдахо.

— Я сказал, пей!

Голова Айдахо качнулась в сторону Юйэ, он, волоча охранников, сделал неверный шаг в сторону доктора.

— М-мне... мне надоело угождать Империи, док. Пускай в эт'т раз бу'т по-моему.

— Хорошо, только сначала выпей это, — ответил Юйэ. — Пей, это всего лишь кофеин.

— Дрянь, как у... как все здесь. Чертово с'нце слишк'м йяркое. Цвет у всего тут н-неправильный. Все тут не так. Или...

— Ну, будет, ведь ночь на дворе. — Юйэ старался говорить убедительно. — Будь паинькой, выпей это. Тебе сразу станет лучше.

— А й-я не хочу, чтобы мне стало л-лучше! — упрямо возразил Айдахо.

— Мы не можем препираться здесь всю ночь, — сказала Джессика и подумала: «Тут нужен небольшой шок!»

— Вам незачем здесь оставаться, миледи, — заметил Юйэ. — Я все сделаю.

Джессика покачала головой, шагнула к Айдахо, наотмашь ударила его по щеке.

Айдахо отшатнулся, увлекая за собой охранников. Он бешеными глазами смотрел на нее.

— Никто не смеет так вести себя в доме своего герцога, — холодно сказала она, вырвала у Юйэ чашку, расплескав почти треть, и сунула ее Дункану. — А теперь пей! Это приказ.

Айдахо резко вскинулся и, мрачно и зло глядя на Джессику с высоты своего роста, медленно произнес, тщательно выговаривая слова:

— Я не подчиняюсь приказам проклятых харконненских шпионов.

Юйэ застыл на мгновение и резко обернулся к Джессике.

Она побледнела, но кивнула. Теперь ей, во всяком случае, все было ясно — отдельные детали сложились, все те странные слова и поступки, которые она замечала в последние дни, — теперь она могла все это как бы истолковать. Ее охватил гнев — такой сильный, что она едва могла сдержать его. Потребовалась вся ее Бене-Гессеритская подготовка, чтобы успокоить пульс и дыхание. Но даже тогда она чувствовала, как обжигает ее этот гнев.

Когда надо вызнать что-нибудь у дамы или приглядеть за ней, всегда посылают Айдахо!..

Она метнула в Юйэ пылающий взгляд. Тот потупился.

— Вы это знали?! — требовательно спросила она.

— Я... слышал разговоры, миледи. Сплетни. Но я не хотел отягощать вашу ношу лишним грузом...

— Хават! — резко сказала она. — Я желаю немедленно видеть Суфира Хавата!

— Но, миледи...

— Немедленно.

«Конечно это Хават, — думала она. — Если бы такое подозрение высказал кто-то другой, оно было бы отвергнуто тотчас».

Айдахо потряс головой, пробормотал: «К ч-черту всю йэту мерзось...»

Джессика взглянула на чашку у себя в руках и внезапно выплеснула ее содержимое в лицо Айдахо.

— Заприте его в одной из гостевых комнат восточного крыла, — скомандовала Джессика. — Пусть проспится.

Стражники были явно расстроены.

— Может быть, отвести его в какое-нибудь другое место, миледи? — уныло спросил один. — Например...

— Ему надо быть здесь! — отрезала Джессика. — У него тут задание. — В ее голосе звучала горечь. — Он у нас мастер по слежке за женщинами.

Стражник сглотнул.

— Тебе известно, где сейчас герцог? — спросила она.

— Он на командном пункте, миледи.

— Хават с ним?

— Хават в городе, миледи.

— Немедленно найди его и приведи ко мне, — велела Джессика. — Я буду в своем кабинете.

— Но, миледи...

— Если понадобится, я вызову герцога, — холодно проговорила она, — но я надеюсь, мне не придется этого делать. Не хотелось бы беспокоить его этим.

— Слушаюсь, миледи.

Джессика сунула Мэйпс опустевшую чашку, встретилась взглядом с ее вопрошающими — синее на синем — глазами.

— Можешь идти спать, Мэйпс.

— Вы уверены, что я вам не понадоблюсь?

Джессика мрачно усмехнулась:

— Уверена.

— Не может ли все это подождать до утра? — спросил Юйэ. — Я сейчас дал бы вам транквилизатор, и...

— Идите к себе. Я сама разберусь, — сказала Джессика и, чтобы смягчить резкость приказа, потрепала Юйэ по руке. — Это все, что вы можете сделать.

Высоко подняв голову, она резко повернулась и пошла в свои апартаменты. Холодные стены... коридоры... знакомая дверь... Джессика распахнула ее, вбежала и захлопнула дверь за собой. Долго стояла, невидящими глазами уставясь на подернутые дымкой силового поля окна. Хават! Неужели это его удалось купить Харконненам? Ну что ж, посмотрим...

Джессика подошла к глубокому старомодному креслу, покрытому вышитым чехлом из выделанной кожи шлага, подвинула кресло, чтобы видеть дверь. Внезапно она очень отчетливо ощутила крис, пристегнутый к ноге. Отстегнула и надела на руку, попробовала, легко ли выскальзывает клинок в ладонь. Снова оглядела комнату, запоминая расположение всех вещей в ней — на случай всяких неожиданностей: в углу полукресло, стулья с прямыми спинками вдоль стены, два низких стола, у двери в спальню — цитра на подставке.

Плавающие светильники лили бледный розовый свет. Она притушила их, села в кресло, погладила шитый чехол. Царственная массивность кресла — это именно то, что ей сейчас нужно.

«Теперь пусть приходит, — думала она. — Посмотрим...»

Она приготовилась к ожиданию, как учит этому Бене Гессерит: набираться терпения и копить силы.

Стук в дверь раздался раньше, чем она рассчитывала. Она сказала «Входите», и вошел Хават.

Джессика следила за ним, не вставая с кресла, видя переполняющую его энергию, — явно вызванную наркотиками. А сквозь эту энергию проглядывала огромная усталость. Слезящиеся глаза блестели. Обветренное лицо казалось желтоватым в розовых лучах светильников. На правом рукаве темнело большое мокрое пятно.

Джессика поняла, что сегодня у него не обошлось без крови.

Указав на один из стульев с прямой спинкой, Джессика велела:

— Возьми тот стул и садись напротив меня.

Хават поклонился и сделал так, как было сказано. «Вот пьяный идиот, Айдахо чертов!..» — думал он. Он изучал лицо Джессики, пытаясь придумать, как поправить дело.

— Нам давно пора выяснить отношения, — начала Джессика.

— Что взволновало вас, миледи? — Хават сел, упер ладони в колени.

— Хватит изображать невинность! — резко сказала она. — Если Юйэ еще не объяснил тебе, почему тебя вызвали, то кто-нибудь из твоих шпионов в моем окружении донес наверняка. Настолько-то мы можем быть откровенны друг с другом!

— Как вам угодно, миледи.

— Прежде всего ответь мне на один вопрос, — сказала Джессика. — Итак: ты сейчас — харконненский агент?

Хават подскочил, его лицо потемнело от гнева.

— Вы смеете *так* оскорблять меня?!

— Сядь, — спокойно сказала она. — *Ты* оскорбил меня так.

Хават медленно опустился в кресло.

Джессика, читая знаки на так хорошо знакомом ей лице, слегка расслабилась и глубоко вздохнула. *Нет, это не Хават.*

— Теперь я знаю, что ты верен моему герцогу, — произнесла она. — И я готова простить нанесенное тобой оскорбление.

— А разве есть что прощать?

Джессика нахмурилась: «Следует ли мне сейчас использовать мой козырь?.. Рассказать ли ему о том, что эти несколько недель я носила в моем лоне дочь герцога? Нет... даже сам Лето не знает об этом. Это только осложнило бы его жизнь и отвлекло бы — как раз тогда, когда он должен сосредоточить все силы на спасении собственной жизни. А это — это я еще успею использовать».

— Правдовидица, конечно, узнала бы истину, — сказала она. — Но у нас нет Правдовидицы, признанной Верховной Коллегией.

— Точно так. Правдовидицы у нас нет.

— Есть ли среди нас предатель? — спросила она. — Я тщательно изучала всех наших людей. Кто это может быть? Не Гурни. Уж конечно, не Дункан. Их заместителей не следует даже принимать во внимание — они занимают недостаточно стратегически важные посты. И это не ты, Суфир. Это не может быть Пауль. *Я знаю*, что это не я. Итак, кто остается? Доктор Юйэ. Так что, вызвать его сюда и допросить?

— Вы же знаете, что это ерунда, — отмахнулся Хават. — Он прошел кондиционирование в высшем колледже. *Это* я знаю наверняка.

— Не говоря уже о том, что его жена, из Бене Гессерит, была убита Харконненами, — добавила Джессика.

— Так вот что с ней сталось, — пробормотал Хават.

— Или ты не слышал, какая ненависть звучит в его голосе всякий раз, когда он поминает Харконненов?

— Вы же знаете, что у меня нет слуха на эти штуки.

— Ну а на меня почему пало подозрение? — спросила Джессика.

Хават нахмурился:

— Миледи угодно ставить своего слугу в весьма сложное положение... Ведь прежде всего моя верность принадлежит герцогу.

— И я многое готова простить за эту верность, — отозвалась Джессика.

— И вновь мне приходится спрашивать: а есть ли что прощать?

— Итак, пат? — спросила она. — Тупик?

Он пожал плечами.

— Тогда изменим тему на некоторое время, — предложила она. — Вот Дункан Айдахо, удивительный боец, превосходный телохранитель и разведчик. Сегодня он напился пьян каким-то пряным пивом. Мне доложили, что и другие наши люди одурманены этим напитком. Это так?

— Вам же доложили, миледи.

— Так. Скажи, Суфир, тебе не кажется, что их пьянство — это симптом?

— Миледи изволит говорить загадками.

— Ты же ментат, так пользуйся своими способностями! — резко сказала она. — Ты не понимаешь, что случилось с Дунканом и прочими? Так я объясню тебе это в четырех словах! У них нет дома.

Хават ткнул пальцем в пол:

— Их дом — Арракис.

— Арракис для них — это Неведомое и Незнакомое. Их домом был Каладан, но мы вырвали их оттуда. Теперь у них нет дома. И они боятся, что их герцог потерпит поражение. Подведет их.

Он закаменел.

— Любого из наших людей за такие слова...

— Перестань, Хават. Когда врач ставит диагноз опасной болезни — разве это пораженчество или измена? Все, чего я хочу, — это вылечить болезнь.

— Такого рода дела входят в *мои* обязанности.

— Но, надо полагать, ты понимаешь, что и мне небезразлично течение этой болезни. И я надеюсь, ты не откажешь мне в том, что я тоже кое-что могу в этой области.

«Может, встряхнуть его хорошенько? — подумала она. — Он явно нуждается во встряске, которая вырвала бы его из шаблонных представлений».

— Ваш интерес к этим делам можно объяснить по-разному, — пожал плечами Хават.

— Так ты уже приговорил меня?

— Конечно, нет, миледи. Но в данной ситуации я не имею права рисковать. Упускать нельзя ничего.

— Прошлой ночью — прямо здесь, в доме! — ты проглядел покушение на моего сына, — указала она. — Чье это упущение?

Он помрачнел:

— Я подал герцогу прошение об отставке, но он его отклонил.

— А почему ты не подал его мне? Или Паулю?

Теперь он был разозлен по-настоящему. Это ясно читалось в участившемся дыхании, раздувшихся ноздрях, тяжелом взгляде. На виске билась жилка.

— Я служу герцогу, — отрезал Хават.

— Предателя нет, — сказала она. — Угроза исходит откуда-то еще. Возможно, она связана с лучеметами. Например, замаскированные лучеметы с часовым механизмом, нацеленным на домашние силовые поля. Возможно, они...

— Да, но как после взрыва доказать, что тут не применялось ядерное оружие? — возразил он. — Нет, миледи, на такое нарушение законов они не пойдут. Радиация — это свидетельство, которое практически невозможно скрыть. Нет. Они соблюдут почти все правила. Так что мы наверняка имеем дело с предателем.

— Ты служишь герцогу, — усмехнулась она. — И, пытаясь спасти его, ты его уничтожишь. Ты этого хочешь?

Он глубоко вздохнул. Помедлил.

— Если вы невиновны, я приношу глубочайшие извинения.

— Рассуди сам, Суфир, — сказала она. — Люди лучше всего чувствуют себя тогда, когда у каждого есть свое место и каждый знает о своем положении в мире, в событиях, происходящих вокруг него. Уничтожь место человека в мире, и ты уничтожишь самого человека. Ты и я — вот два человека в окружении герцога, обладающие почти идеальной возможностью уничтожить место другого. Разве не могла я ночью нашептать герцогу про тебя что-то, что вызвало бы его подозрение к тебе? Когда он легче всего поддался бы таким наговорам, Суфир? Надо ли мне объяснять это подробнее?..

— Вы угрожаете мне? — почти прорычал он.

— Ну разумеется, нет! Я лишь хочу показать тебе, как кто-то атакует нас через самое устройство нашей жизни, воздействуя на ее обстоятельства. Это умно — дьявольски умно! И отразить такое нападение мы можем лишь одним-единственным способом: мы должны так изменить нашу жизнь, чтобы не осталось ни малейшей щели для их стрел.

— Так вы и обвиняете меня в нашептывании беспочвенных подозрений?

— Да. Беспочвенных.

— И вы бы противодействовали им собственными нашептываниями?

— Нашептывания, тайны и прочее — это твоя сфера, Хават. Не моя.

— Значит, вы сомневаетесь в моих способностях?

Она вздохнула.

— Суфир, я хочу, чтобы ты сам оценил, насколько и как ты эмоционально вовлечен во все это. *Естественный человек* — это животное, лишенное логики. Поэтому твое восприятие всех событий и человеческих отношений с точки зрения логики — неестественно. Но тут ничего не поделаешь: ты обречен проецировать логику на них, поскольку это оказывается полезным в большинстве случаев. Сам ты суть воплощение логики — ментат. Но твои подходы к проблемам и попытки их решения — это в самом буквальном смысле внешние проекции твоего сознания. Их надо изучать всесторонне.

— Вы учите меня моей работе? — спросил он, даже не пытаясь скрыть возмущение... и нотки презрения.

— Ты видишь все вокруг себя и применяешь к замеченному свою логику, — объяснила она. — Но особенность человеческого сознания такова, что логикой всего труднее исследовать проблемы, связанные с глубоко личными мотивами. И тогда мы бродим вокруг в темноте и возлагаем вину за свои проблемы на все, кроме той единственной причины, которая в действительности мучает нас.

— Вы намеренно хотите подорвать мою веру в свои возможности как ментата, — отрывисто сказал он. — Если бы я узнал, что любой из наших людей пытается подобным образом саботировать любое другое оружие из нашего арсенала, я без колебаний обвинил его и уничтожил бы.

— Хорошие ментаты не пренебрегают фактором возможной ошибки в своих расчетах. Уважение к этому фактору — это здоровая черта.

— Я с этим никогда и не спорил!

— Тогда попробуй приложить свои способности к симптомам, которые мы оба видим: случаи пьянства, ссоры... Среди наших людей ходят самые нелепые слухи об Арракисе. Они запустили даже свои простейшие...

— Это все от праздности, и ничего больше, — возразил Хават. — И не пытайтесь запутать меня, напуская таинственность на самые простые вещи.

Джессика пристально разглядывала его — и представляла себе, как солдаты и охрана в казармах говорят между собой о своих бедах, о тоске и тревоге — и как от этого повисает в воздухе тяжкое напряжение, почти физически ощутимое — как запах горелой изоляции. «Они становятся похожи на героев древней, еще догильдийской легенды, — думала она. — Как команда потерянного звездолета «Амполирос». Терзаемые болезнью, сидели они у корабельных орудий — всегда ищущие, всегда наготове и всегда не готовые...»

— Почему ты никогда не использовал до конца мои возможности в своей службе герцогу? — спросила она. — Или ты боялся соперника в моем лице?

Он сверкнул на нее глазами.

— Я кое-что знаю о том, чему учат Бене Гессерит... — Он угрюмо оглядел ее и замолк.

— Что же ты? Продолжай, — усмехнулась она. — Ты хотел сказать «Бене-Гессеритских ведьм».

— Я действительно кое-что знаю о той *настоящей* подготовке, которую дают в Бене Гессерит, — хмуро сказал он. — Я же видел, как все это проявляется у Пауля. И меня не обманет этот ваш лозунг на публику — мол, «мы существуем лишь для служения».

«Да, шок должен быть по-настоящему сильным, — решила Джессика. — И он почти готов к нему».

— Ты почтительно выслушиваешь меня на Совете, — сказала она, — но почти никогда не принимаешь мои советы. Почему?

— Я не верю советам, рожденным Бене-Гессеритскими мотивами, — отрезал он. — Вы можете думать, что видите человека насквозь, что можете заставить его поступать так, как вам...

— Суфир! — взорвалась она. — Глупец, несчастный глупец — вот ты кто!

Хават нахмурился, заставил себя снова сесть.

— Какие бы слухи о наших школах ни доходили до тебя, — промолвила она, — правда куда больше этих слухов. Если бы я хотела уничтожить герцога... или тебя, или кого угодно из тех, кто находится в пределах моей досягаемости, — ты бы не смог помешать мне.

Сказав это, она подумала: «Почему я позволяю гордыне заставлять меня говорить так? Разве этому меня учили? И не так должна я шокировать его...»

Хават сунул руку за пазуху, где у него всегда лежал миниатюрный пистолет с ядовитыми иглами. «Она без щита, — подумал он. — Это всё что, блеф? Ведь я могу убить ее сейчас... но, но! — если я ошибаюсь, последствия будут ужасны!»

Джессика увидела, как его рука скользнула к внутреннему карману.

— Я надеюсь, между нами нужды в насилии не возникнет, — сказала она.

— Достойная надежда, — согласился он.

— Но тем временем болезнь распространяется в наших рядах и разъедает их, — продолжала Джессика. — И я должна вновь спросить тебя: не разумнее ли предположить, что это Харконнены посеяли в нас подозрение друг к другу, чтобы разъединить и столкнуть нас?

— Кажется, мы все же вернулись в тупик, — угрюмо буркнул Хават.

Она вздохнула и подумала: «Он почти готов».

— Герцог и я заменяем этим людям отца и мать, — сказала она. — Это положение...

— Герцог не женился на вас, — перебил Хават.

Джессика сдержалась, усилием воли сохранив спокойствие. Он хорошо парировал.

— Но он не женится и ни на ком другом, — уточнила она. — Во всяком случае, пока я жива. И, как я сказала, мы для наших людей вместо родителей. Разбить сложившиеся отношения, рассорить и запутать нас — какая цель для Харконненов будет более соблазнительной?

Он понял, куда она клонит, и его брови сдвинулись.

— Герцог? — продолжала она. — Да, это заманчивая цель, но никто не охраняется лучше, чем герцог. Разве что Пауль. Я? Разумеется, они бы не отказались от такой добычи; но уж кто-кто, а они знают, что Бене Гессерит — добыча не из легких. Но есть и другая мишень. Человек, чьи обязанности по определению создают огромное слепое пятно. Человек, для которого подозрительность так же естественна, как дыхание. Человек, вся жизнь которого

построена на тайнах, интригах, намеках и хитростях. — Она протянула к нему руку. — И этот человек — ты!

Хават вскочил со стула.

— Я не отпускала тебя, Суфир! — резко бросила она.

Старый ментат почти упал на стул — мышцы вдруг отказались ему служить.

Она невесело улыбнулась:

— Теперь ты кое-что узнал о том, чему нас учат *по-настоящему*, — проговорила она.

Хават попытался сглотнуть — горло пересохло. Ее приказ был таким властным, не допускающим даже малейшего неповиновения, — и он не смог противиться. Тело послушалось раньше, чем он успел что-либо подумать. И ничто не могло бы удержать его от выполнения этого приказа — ни логика, ни гнев... ничто. Чтобы сделать то, что удалось сделать ей, необходимо глубоко, до самых сокровенных подробностей, знать того, кому приказываешь. Он не представлял себе, что возможен такой контроль над человеком...

— Я говорила тебе, что мы должны понять друг друга, — сказала Джессика. — Я имела в виду, что *ты* должен понять меня. Я тебя понимаю давно. И я могу сказать тебе, что твоя преданность герцогу — это все, что гарантирует твою безопасность сейчас, когда ты рядом со мной...

Он не мог отвести от нее глаз. Облизнул губы.

— Если бы мне нужна была марионетка, я бы заставила герцога жениться на мне, — спокойно продолжала Джессика. — Причем он был бы уверен, что женился по собственной доброй воле.

Хават наконец опустил голову и исподлобья взглянул на нее сквозь редкие ресницы. Лишь великолепное владение собой помогло ему удержаться и не позвать стражу. Владение собой... и мысль о том, что эта женщина может попросту *не позволить* ему кликнуть охрану. Он вспомнил, как она заставила его подчиниться, и по его спине пробежали мурашки. Ведь пока он был ошарашен приказом, ей ничего не стоило достать оружие и убить его!

«Неужели у каждого человека есть такое «слепое пятно»? — думал он. — И каждого можно заставить подчи-

няться раньше даже, чем он сможет осознать все и воспротивиться?»

Эта мысль поразила его. Кто может противостоять наделенному подобной властью?!

— Сейчас ты увидел железный кулак внутри мягкой перчатки Бене Гессерит, — сказала она. — Немногие, увидев его, оставались жить. И то, что я сделала, — довольно простая вещь для нас. Ты не видел всего, на что я способна. Подумай об этом!

— Так почему вы не уничтожаете врагов герцога? — спросил он.

— Что я должна уничтожить? — переспросила она. — Или ты хочешь, чтобы герцог сделался слабым и всегда зависел от меня?

— Но с такой властью...

— Власть — это палка о двух концах, Суфир, — произнесла Джессика. — Ты думаешь сейчас: «Ей ничего не стоит создать оружие из человека и нацелить его в самое сердце врага». Да, Суфир. Даже и в твое сердце. Но чего бы я достигла? Если бы многие из нас поступали так, разве не пало бы недоверие и ненависть на всех Бене Гессерит?

— Мне нечего ответить вам, — выговорил Хават. — Вы знаете, что нечего.

— Ты никому не расскажешь о случившемся здесь, никому и ничего, — сказала она. — Я знаю тебя, Суфир.

— Миледи... — Снова старик попытался сглотнуть сухим горлом. И подумал: «Да, у нее действительно есть великая сила. Но разве не делает ее это еще более опасным орудием в руках Харконненов?»

— Друзья могут уничтожить герцога так же легко, как и его враги, — сказала Джессика. — Но теперь я верю — ты найдешь корни своих подозрений и вырвешь их.

— Если они все же окажутся беспочвенными, — добавил он.

— Если? — насмешливо прищурилась Джессика.

— Да, если, — подтвердил он.

— Ты действительно очень упорен, — сказала она.

— Просто осторожен, — ответил он, — и помню о факторе возможной ошибки.

— Тогда я задам еще один вопрос. Ты стоишь лицом к лицу с другим человеком, беспомощный и беззащитный,

связанный по рукам и ногам, и этот другой держит нож у твоего горла. Но не причиняет тебе вреда, освобождает тебя, отдает тебе оружие и позволяет воспользоваться им по своему усмотрению... — Она поднялась, повернулась спиной к Хавату. — Теперь ты можешь идти, Суфир.

Старый ментат встал, постоял немного в нерешительности — его рука потянулась было к оружию в кармане. Он вспомнил арену и отца герцога (он был храбрым человеком, каковы бы ни были его недостатки), вспомнил давнюю корриду. Разъяренный черный бык замер, пригнув голову, — неподвижный и потерявший уверенность. Старый Герцог отвернулся от быка — спиной к рогам зверя, красный плащ картинно наброшен на руку, а трибуны гремели рукоплесканиями и приветственными криками.

«Сейчас я — бык, а она — матадор», — подумал Хават. Он отдернул руку от кармана, увидел, что пустая ладонь блестит от пота.

И он знал, что, какой бы ни оказалась правда в конце концов, он никогда не забудет этот момент и никогда не перестанет восхищаться леди Джессикой.

Молча повернувшись, Хават вышел.

Джессика отвела глаза от отражения комнаты в оконном стекле, повернулась к закрывшейся двери.

— А теперь, — прошептала она, — начнется настоящая схватка.

Сражаться ли станешь с тенями?
С грезами вступишь ли в схватку?
Ты движешься словно во сне?
Время ушло, ускользнуло.
Украдена жизнь твоя.
Ты так медлил с пустяками,
Ты — жертва своего безрассудства.

(Плач по Джамису на Погребальных Равнинах. Из сборника «Песни Муад'Диба», сост. принцесса Ирулан)

Лето стоял в атриуме дворца, изучая записку под светом единственного горящего светильника, плавающего в воздухе. До рассвета оставалось несколько часов, и Лето

ощущал неимоверную усталость. Записку только что принес гонец от фрименов — вручил ее охраннику на внешнем посту, как только герцог вернулся с полевого командного пункта.

В записке было сказано только: «Столб дыма днем, столб огня ночью».

Подписи не было.

Что бы это значило?

Посланный ушел, не дожидаясь ответа, и его не успели ни о чём спросить. Он просто растворился в темноте, как туманная тень.

Лето сунул записку в карман мундира. Позже надо будет показать ее Хавату. Он отбросил со лба прядь волос, глубоко вздохнул. Действие стимулирующих таблеток почти прошло. Со дня большого приема минуло уже двое суток — и гораздо больше с тех пор, как ему удалось поспать.

Как будто мало было дел с обороной, пришлось провести еще нелегкую, беспокойную беседу с Хаватом: тот докладывал о своей встрече с Джессикой.

«Может быть, разбудить Джессику? — думал он. — Больше не стоит играть с ней в тайны. Или стоит?.. Этот мне чертов Дункан Айдахо!» — Герцог покачал головой. — Нет, впрочем, — не Дункан. Я сам виноват: надо было с самого начала посвятить ее в мои замыслы. Теперь наконец я должен сделать это, прежде чем причинен больший вред».

Это решение несколько улучшило его настроение. Герцог поспешно зашагал из атриума, через Большой зал и по коридорам в семейное крыло.

Вдруг герцог остановился у ответвлявшегося к службам коридора — оттуда, из этого служебного коридора, доносились странные, похожие на мяуканье звуки. Лето опустил левую руку на выключатель поясного щита, правой вытянул из ножен кинжал. Клинок в руке придал ему уверенность: от странного звука по его спине пробежал холодок.

Герцог бесшумно крался по служебному проходу, проклиная про себя тусклое освещение. Здесь, с промежутками в восемь метров, висели самые маленькие плавающие светильники, притом прикрученные до минимума. Темные каменные стены поглощали почти весь свет.

В полумраке он увидел впереди какую-то темную тень на полу, протянувшуюся через весь коридор.

Лето помедлил, хотел было включить щит, но передумал: силовое поле ограничило бы его движения и слух... и кроме того, он помнил о захваченной партии лучеметов.

Он тихо подошел к тени и увидел человека, лежащего лицом вниз на каменном полу. Лето, держа нож наготове, ногой перевернул тело и нагнулся рассмотреть в тусклом свете лицо. Это был контрабандист Туек, и на груди у него темнело большое мокрое пятно. Из мертвых глаз смотрела пустая темнота. Лето дотронулся до пятна — оно было еще теплым.

Почему этот человек здесь — и почему он мертв? Кто мог убить его?

Мяукающий звук здесь слышался громче. Он доносился из бокового прохода впереди — этот проход вел в центральную комнату, где установили главный силовой генератор дома.

Все еще держа руку на выключателе щита, сжимая кинжал, герцог обошел тело, проскользнул по коридору и осторожно выглянул из-за угла, пытаясь рассмотреть генераторную.

Там, в нескольких шагах, на полу темнела еще одна тень, и он сразу понял, что это и есть источник мяукающего звука. Тень мучительно медленно ползла в его сторону, бормоча что-то и судорожно, со стоном, хватая ртом воздух.

Лето подавил неожиданный удушливый приступ страха, бросился к ползущей фигуре, наклонился к ней. Это была Мэйпс, фрименка-домоправительница. Ее лицо было закрыто рассыпавшимися волосами, одежда в беспорядке. По спине и по боку тянулась темная, тускло отсвечивающая полоса. Лето прикоснулся к ее плечу. Мэйпс приподнялась на локтях, вскинула голову. Ее глаза, скрытые тенями, казались пустыми черными провалами.

— Вы... — выдохнула она. — Охрана... убили... послала... за... Туеком... спасти... миледи... вас... вы... здесь... нельзя... — Она упала, ударившись лицом о камень пола.

Лето попробовал нащупать пульс в височной артерии — пульса не было. Он взглянул на темное пятно. Ее ударили

ножом в спину. Но кто? Мозг герцога лихорадочно работал. Что это значит? Кто-то убил охранников? И Туек — кто послал за ним? Джессика? Но зачем?..

Он начал подниматься на ноги, и тут какое-то шестое чувство предупредило его. Его рука дернулась к кнопке поясного щита, но было уже поздно. Руку ударило, Лето почувствовал боль, увидел вонзившуюся иглу-дротик, почувствовал, как вверх по руке от иглы растекается волна онемения. Лишь огромным усилием преодолевая парализующее действие яда, ему удалось повернуть голову, чтобы увидеть врага.

В открытой двери генераторной стоял Юйэ. В свете более яркого светильника над дверью его лицо отливало желтизной. Из генераторной не слышался характерный гул генераторов — они были отключены.

«*Юйэ!* — пронеслось в голове Лето. — Он отключил поле! Снял экран с дома! Мы беззащитны!»

Юйэ направился к герцогу, на ходу убирая в карман игломет.

Оказывается, Лето мог еще говорить. Он выдохнул:

— Юйэ!.. Как?..

В этот момент яд парализовал мышцы ног, и он осел на пол, скользнув спиной по стене.

Когда Юйэ наклонился к герцогу и прикоснулся к его лбу, лицо доктора было грустным. Лето еще чувствовал прикосновение, но как бы издали, глухо.

— Яд избирательного действия, — сообщил Юйэ. — Вы можете говорить, хотя я бы вам этого не советовал.

Юйэ бросил взгляд в сторону главного коридора, снова склонился к Лето, выдернул стрелку и отбросил ее. Герцогу звук упавшей на пол стрелки показался далеким и почти неслышным.

«Невозможно! — подумал герцог. — Он же кондиционирован!..»

— Как?.. — прошептал Лето.

— Мой герцог, мне очень жаль, но есть вещи посильнее, чем это. — Юйэ дотронулся до вытатуированного на лбу ромба. — Я, право, и сам удивляюсь, как можно обойти блок, наложенный на фебрильное сознание. Но я хочу убить человека. Да, я действительно хочу этого. И не остановлюсь ради этого ни перед чем.

Юйэ взглянул сверху вниз на герцога.

— О нет, я говорю не о вас, дорогой герцог. Речь идет о бароне Харконнене. Я хочу убить барона.

— Бар...он Хар...

— Не разговаривайте, бедный мой герцог. У вас мало времени. Я должен заменить зуб, который вставил вам после вашего падения в Нареале. Сейчас я приведу вас в бессознательное состояние и поменяю зуб.

Он раскрыл ладонь, посмотрел на какой-то предмет в ней.

— Точная копия. И сердечник идеально сформирован в виде нерва, так что обычные детекторы и даже быстрое сканирование его не обнаружат. Но когда вы с силой нажмете на этот зуб другим, оболочка треснет; после этого сразу делайте резкий выдох — и сформируется облачко чрезвычайно ядовитого газа...

Лето смотрел Юйэ в глаза, снизу вверх, и видел в этих глазах безумие, видел пот на лбу, подбородке.

— Вы в любом случае обречены, мой бедный герцог, — сказал Юйэ. — Но до того, как вы умрете, вы окажетесь рядом с бароном. Он будет уверен, что вы достаточно одурманены наркотиками, чтобы не попытаться напасть на него перед смертью. И вы действительно будете одурманены — и связаны. Но нападение может иногда принимать довольно необычные формы. А вы будете помнить про зуб. *Зуб*, герцог Лето Атрейдес. Вы будете помнить про зуб...

Старый доктор наклонялся все ближе и ближе, пока наконец его лицо и свисающие усы не заняли целиком сужающееся поле зрения герцога.

— Зуб... — пробормотал Юйэ.

— Зачем... — шепнул Лето.

Юйэ опустился перед герцогом на колено.

— Я заключил сделку с дьяволом. Шайтаном. С бароном! И я должен удостовериться, что он выполнил свою часть договора. Когда я увижу его, я буду знать. Да, лишь только я взгляну на него — я узнаю это. Но никогда не смогу оказаться рядом с бароном, не уплатив его цену. И эта цена — вы, мой бедный герцог. И я буду, буду знать... когда увижу его. Моя бедная Уанна многому научила меня, и в том числе она научила, как распознать истину в мо-

менты больших напряжений. Я не способен к этому всегда, правда, — но когда я увижу его, тогда я пойму.

Лето попытался опустить взгляд к искусственному зубу в руке Юйэ. Ему казалось, что он видит кошмарный сон — все это было невозможно!

Лиловые губы Юйэ дернулись в подобии усмешки.

— Мне не дадут подойти близко к барону, не то, конечно, я сам сделал бы это. Нет, меня он будет держать на безопасном расстоянии. Но вы... да! Вы — мое чудесное орудие и оружие! Вы окажетесь с ним лицом к лицу — он не упустит случая поглумиться над вами и немного похвастать!..

Мускул на левой скуле доктора подергивался, когда он говорил. Этот мускул гипнотизировал герцога.

Юйэ склонился еще ближе.

— А вы, мой добрый герцог, мой бесценный герцог — вы должны все время помнить о зубе. — Он показал зуб, зажав его указательным и большим пальцами. — Потому что этот зуб — единственное, что у вас остается.

Губы Лето беззвучно шевельнулись. Потом он все-таки сумел прошептать «нет».

— Ах, нет! Вы не должны отказываться. Потому что в обмен за эту маленькую услугу я кое-что сделаю для вас. Я спасу вашего сына и вашу женщину. Никто другой не сумеет спасти их. А я могу. Их доставят туда, где никакие Харконнены до них не доберутся.

— Как спасешь?.. — выдохнул Лето.

— Я сделаю так, что их сочтут мертвыми, и переправлю их к людям, которые хватаются за нож при одном имени Харконненов, которые так ненавидят Харконненов, что сожгли бы стул, на который садился Харконнен, и засыпали бы солью землю, по которой ступала нога Харконнена... — Юйэ потрогал подбородок и скулы герцога. — Ваша челюсть уже потеряла чувствительность?

Герцог обнаружил, что не может ответить. Он ощутил слабый, далекий рывок и увидел руку Юйэ, держащую перстень с герцогской печаткой.

— Это для Пауля, — объяснил доктор. — А вы сейчас потеряете сознание. Прощайте, мой бедный герцог. При

нашей следующей встрече у нас не будет времени для беседы.

Прохладное онемение расходилось от челюсти, по щекам... Полутемный коридор сжался в точку — последними исчезли лиловые губы Юйэ.

— Помните о зубе! — прошипел Юйэ. — О зубе!

Должна была бы существовать наука о недовольстве. Ибо людям нужны трудные времена, тяготы и угнетение, чтобы развивались их душевные силы.

(Из сборника «Избранные изречения Муад'Диба», сост. принцесса Ирулан)

Джессика проснулась в темноте, ощущая, как тяжелое предчувствие наполняет мертвую тишину вокруг. Она не могла понять, отчего ее мозг и тело так вялы и тяжелы. По нервам пробежала слабая дрожь страха. Джессика хотела сесть и включить свет, но что-то ее остановило. У нее во рту был... странный привкус.

Умп-умп-умп-умп...

Глухой звук, направление которого в темноте понять было невозможно.

Минута ожидания была переполнена тянущимся временем, острыми шуршащими движениями.

Теперь она начала ощущать свое тело. Почувствовала путы на запястьях и лодыжках. Кляп во рту. Она лежала на боку, с руками, связанными за спиной. Она слегка пошевелила руками, пробуя путы, поняла, что это — кримскелловое волокно, которое будет только сильнее врезаться в тело от рывков.

И тогда она вспомнила.

Какое-то движение в темной спальне. Что-то мокрое, едко пахнущее прижалось к лицу, забило рот. Руки, схватившие ее. Она непроизвольно вдохнула — лишь один вдох, но она ощутила наркотик в мягкой влажности. Сознание стало покидать ее, и Джессика соскользнула в черную пустоту страха...

«Вот и случилось, — подумала она. — Как оказалось просто» одолеть сестру Бене Гессерит. Все, что было нужно для этого, — предательство. Хават был прав!.. — Она

заставила себя не дергать путы. — Это не моя спальня, — поняла она. — Меня перенесли куда-то».

Постепенно ей удалось вернуть себе внутреннее спокойствие.

Она почувствовала застоявшийся запах своего пота, в котором слышались химические нотки страха.

«Где же Пауль? — думала она. — Что они сделали с моим сыном?»

Надо сохранять спокойствие.

Она все же смогла сдержаться, прочитав про себя древние формулы.

Но страх продолжал висеть рядом с ней.

«Лето, где ты, Лето?»

Мрак словно шевельнулся, отступая. В нем появились тени. Она напрягла внимание. Белая линия. Под дверью.

«Значит, я на полу».

Джессика оттолкнула от себя воспоминание о пережитом ужасе. «Я должна оставаться спокойной, внимательной и быть наготове. Другого шанса может не представиться». Она снова проделала ритуал внутреннего успокоения.

Неровное биение сердца успокоилось, теперь Джессика могла отсчитывать время. Она прикинула — получалось, она пролежала в беспамятстве около часа. Закрыв глаза, Джессика сфокусировала внимание на приближающихся шагах.

Шли четверо. Джессика отмечала различия в походке.

«Надо притвориться, что я все еще без сознания», — подумала она, расслабила мышцы, ощущая холод каменного пола. Проверила готовность тела, затем услышала, как открывается дверь, увидела сквозь закрытые веки свет.

Шаги приблизились. Кто-то стоял над ней.

— Вы уже пришли в себя, — прогудел густой бас. — Не надо притворяться.

Она открыла глаза.

Над ней возвышался барон Владимир Харконнен. Теперь она смогла разглядеть и комнату. Это была та подвальная комната, где оборудовали спальню для Пауля. Она увидела и его походную койку — пустую. Свет исходил от плавающих ламп, принесенных охранниками барона, вставшими у дверей. Коридор был освещен так ярко, что Джессика не могла смотреть в сторону двери.

Она подняла взгляд на барона. Выпуклости под желтым плащом выдавали портативные силовые генераторы, поддерживавшие могучую тушу; ангельски розовели жирные щеки под черными паучьими глазками.

— Доза наркотика точно рассчитана, — пророкотал он. — Мы с точностью до минуты знали, когда вы очнетесь.

«Но как это было возможно? — подумала Джессика. — Для этого они должны были знать мой точный вес, мой метаболизм, мою... *Юйэ!*»

— Как жаль, что нельзя освободить вас от кляпа, — заметил барон. — У нас могла бы состояться очень интересная беседа.

«Кроме Юйэ — некому, — думала она. — Но как это может быть?!»

Барон, полуобернувшись, бросил в коридор:

— Питер, войди.

Раньше Джессика никогда не видела человека, вошедшего и вставшего рядом с бароном. Но она узнала его лицо, узнала и самого человека. Это был Питер де Врийе, ментат-асассин. Теперь она изучала его: ястребиные черты, сплошь синие глаза, судя по которым он мог бы быть уроженцем Арракиса, однако движения, поза — в мельчайших деталях, заметных внимательному взгляду, сказали Джессике, что это не так. К тому же его тело было слишком уж хорошо напитано водой. Высокий, худой, несколько женоподобный.

— Да, жаль, жаль, дорогая леди Джессика, что мы не можем побеседовать, — продолжал меж тем барон. — Но я знаю, на что вы способны. — Он глянул на своего ментата. — Верно, Питер?

— Да, мой барон, — отозвался тот.

У него оказался тенор. Тенор, от звука которого по спине пробегал холодок. Раньше Джессике не приходилось слышать такой морозящий голос. Для всякого, обученного приемам Бене Гессерит, этот голос звучал точно крик: убийца!

— А знаете, у меня для Питера есть небольшой сюрприз, — сообщил барон. — Он-то полагает, что явился сюда, чтобы забрать свою награду, свой трофей. То есть вас, леди. Однако я собираюсь продемонстрировать, что на самом деле вы ему не нужны.

— Вам угодно играть со мной, барон? — спросил Питер. И улыбнулся.

Джессика изумилась, что при виде этой улыбки барон не схватился за оружие и не отпрыгнул от этого Питера. Хотя, поправила она себя, барон не мог прочесть эту улыбку: у него не было нужных для этого навыков.

— Питер во многом наивен, — сказал барон. — Вот, к примеру, он не желает понять, насколько вы опасны, леди Джессика. Я бы продемонстрировал ему это — но к чему бессмысленный риск? — Барон улыбнулся Питеру, чье лицо превратилось в неподвижную маску ожидания. — Я же знаю, чего хочет мой Питер на самом деле. А Питер хочет власти.

— Вы обещали мне ее, — проговорил Питер. — Женщину. — Его голос утратил какую-то часть своего ледяного спокойствия.

Джессика, слыша заметные здесь только ей угрожающие нотки в голосе Питера, внутренне содрогнулась. Как сумел барон превратить ментата в животное, в такое чудовище?

— Но я предлагаю тебе выбор, Питер, — сказал барон.

— Что за выбор?

Барон прищелкнул толстыми пальцами.

— Либо эта женщина и изгнание из пределов Империи — либо принадлежавшее Атрейдесам герцогство Аракийское, которым ты будешь править от моего имени по своему усмотрению.

Джессика видела, как паучьи глазки изучают Питера.

— Ты можешь быть герцогом здесь, Питер, — сказал барон. — Во всем, кроме только титула.

«Значит, Лето — мой Лето — мертв?» — спросила себя Джессика, чувствуя, как откуда-то из глубины поднимается безмолвный крик.

Барон не сводил взгляда с ментата.

— Ты должен понять, чего хочешь, Питер. Ты хочешь ее потому лишь, что она была женщиной герцога. Символом его власти — прекрасной, полезной, великолепно тренированной для своей роли. Но — герцогство, Питер! Целое герцогство! Это куда больше, чем символ. Это уже реальность. Реальность, которая может дать тебе много женщин... и куда больше того.

— Вы не смеетесь над Питером?

Барон развернулся к нему с той легкостью, которую давала ему силовая портупея.

— Смеюсь? Я? Не забудь, что *я* отказался от мальчишки. Или ты забыл, что рассказал изменник о подготовке этого парня? Они оба, и мать и сын, смертельно опасны. — Барон улыбнулся. — А сейчас я должен идти. Я пришлю стражника, которого оставил пока в коридоре. Он глух, как камень. Ему приказано сопровождать вас двоих на первом этапе твоего изгнания. Если он увидит, что эта женщина начинает подчинять тебя, берет над тобой контроль, — он приведет ее к покорности. Он не позволит тебе вынуть ее кляп до тех пор, пока вы не покинете Арракис. Если же ты сделаешь другой выбор... тогда и его приказ меняется.

— Не нужно его звать, — сказал Питер. — Я уже выбрал.

— Ах-хах!.. — фыркнул барон. — Такой скорый выбор может означать лишь одно.

— Я беру герцогство, — объявил Питер.

Джессика подумала: неужели он не понимает, что барон обманывает его?! Хотя — как ему понять? Ведь он — порченый ментат! Разум его извращен...

Барон взглянул вниз, на Джессику.

— Разве не чудесно, что я так хорошо знаю Питера? Я побился об заклад со своим начальником вооружений, что Питер сделает именно такой выбор. Ха! Ну что ж. Я ухожу. Так будет лучше. Да, гораздо лучше. Надеюсь, вы меня понимаете, леди Джессика. Ненависти к вам у меня нет. То, что я делаю, — я делаю по необходимости. Так будет лучше. Да. Потом, собственно, я ведь не приказывал уничтожить вас. Когда меня спросят о том, что случилось с вами, я смогу вполне искренне пожать плечами...

— Значит, вы оставляете эту работу мне? — спросил Питер.

— Стражник, которого я пришлю, выполнит твои приказы... — ответил барон. — Что бы ни случилось, это будет на тебе. — Он уставился в глаза Питеру. — Да. На моих руках крови не будет. Да. Я ничего не знаю. Ты подождешь, пока я уйду, и только потом сделаешь то, что должен. Да. Ну... а, да. Да. Так лучше.

«Он боится допроса Правдовидицей, — догадалась Джессика. — Но — кого именно? Ах да, разумеется! Преподобная Мать Гайя-Елена! А раз он знает, что ему придет-

ся предстать перед ней, значит... значит, Император наверняка замешан в это дело. Бедный Лето!..»

Последний раз взглянув на Джессику, барон повернулся и вышел. Она проводила его взглядом, думая: «Да, Преподобная была права. Враг оказался слишком силен, как она и предупреждала».

Вошли двое стражников в харконненских мундирах. За ними следовал третий, лицо — маска из сплошных шрамов. Он остановился в дверях, держа наготове лучемет.

«Это и есть глухой, — поняла Джессика, разглядывая изрезанное лицо. — Барон понимает, что против всякого другого я могу использовать Голос».

«Резаный», как назвала его про себя Джессика, посмотрел на Питера.

— Мальчишка снаружи, на носилках, — сообщил он. — Какие будут приказания?

Питер обратился к Джессике:

— Я хотел связать вас угрозой для жизни вашего сына... но теперь вижу, что это не сработало бы. Я дал было чувствам затмить разум — для ментата это скверная политика! — Он посмотрел на первую пару солдат, повернулся лицом к глухому, чтобы тот мог читать по губам: — Отвезите их в Пустыню, как советовал поступить с мальчишкой изменник. Он недурно придумал. Их тела никто не должен найти.

— Вы сами не хотите убить их? — переспросил Резаный.

(«Он читает по губам», — подумала Джессика.)

— Я следую примеру барона, — ответил Питер. — Итак, доставьте их туда, куда предложил изменник.

В голосе Питера Джессика услышала нотки ментат-контроля. «И он тоже боится встречи с Правдовидицей», — подумала она.

Питер пожал плечами, повернулся и вышел. На пороге он мгновение помедлил, и Джессика подумала было, сейчас он обернется — бросить на нее последний взгляд. Но он вышел не оглядываясь.

— Что до меня, то и я не хотел бы встретиться с Правдовидицей после нынешней работы, — пробурчал Резаный.

— Да ты-то вряд ли когда столкнешься с этой старой ведьмой, — успокоил один из стражников. Он подошел к голове Джессики, склонился над ней. — Ну что, если тре-

паться тут, так мы никогда дело и не сделаем. Берись за ноги, и...

— Так, может, кончить их прямо тут? — предложил Резаный.

— Пачкаться... — возразил первый стражник. — Разве что ты хочешь придушить их. Я-то предпочитаю делать дело как велено, по-простому. Свезем их в Пустыню, как изменник говорит, там резанем, подманим червя... И следов не останется.

— Ну, пожалуй... да, пожалуй, ты прав, — согласился Резаный.

Джессика наблюдала за ними, отмечая необходимое. Но кляп не позволял ей использовать Голос — к тому же не следовало забывать о глухом...

Резаный сунул бластер в кобуру, взял ее за ноги. Они подняли ее, как мешок с зерном, вынесли из комнаты и бросили на висящие в силовом поле носилки рядом с еще одним связанным человеком. Укладывая Джессику, они повернули ее набок, и в десяти сантиметрах от своего лица она увидала лицо сына. Пауль был связан, но кляпа у него во рту не было. Его глаза были закрыты, он ровно дышал. Усыплен?

Стражники подхватили носилки, и веки Пауля слегка приподнялись — темные щелки внимательно смотрели в ее лицо.

«Он не должен пытаться использовать Голос! — испугалась она. — Глухой!»

Пауль закрыл глаза.

Он незаметно для окружающих выполнял дыхательные упражнения сосредоточения, успокаивая свое сознание и внимательно прислушиваясь к пленителям. Да, глухой стражник представлял собой проблему, но Пауль ничем не выдавал охватившее его отчаяние. Успокаивающий Бене-Гессеритский ритуал, которому мать его научила, помогал Паулю сохранять готовность, чтобы использовать любой шанс.

Пауль рискнул еще раз слегка приоткрыть глаза и посмотреть на мать. Кажется, вреда ей пока не причинили — если не считать кляпа во рту.

Кто, интересно, сумел схватить ее? С ним самим все ясно — он лег, приняв данную доктором Юйэ капсулу, и

проснулся уже связанный, на носилках. Возможно, с ней случилось нечто подобное. Если следовать логике, предателем должен был быть Юйэ, но пока он решил не спешить с окончательным суждением: в голове просто не укладывалось, что суккский доктор может оказаться предателем.

Носилки слегка накренились — харконненские стражники выводили их сквозь двери дома в освещенную звездами ночь; один из силовых генераторов зацепился за косяк. Вот они пошли по песку — слышно было, как он шуршит под ногами. Над головой, заслоняя звезды, нависла тень — крыло орнитоптера. Носилки опустились на землю.

Глаза Пауля привыкли наконец к темноте, и он увидел, как глухой стражник открывает дверцу кабины и заглядывает внутрь. На его лицо падал зеленоватый отсвет от приборной панели.

— Так что, нам этот топтер брать? — спросил он и обернулся, чтобы видеть губы второго.

— Изменник говорил, что именно он оборудован специально для работы в пустыне, — последовал ответ.

Резаный кивнул:

— Ладно, только ж это — штабная машина связи. Там, как этих двоих сунем, места будет только разве еще для двоих.

— Двоих хватит, — отозвался его собеседник, подставляя лицо слабому свету приборов, чтобы хорошо читались движения губ. — Мы теперь и сами о них позаботимся, Кайнет.

— Барон мне велел удостовериться во всем лично, — возразил Резаный.

— А чего ты беспокоишься? — спросил стражник, стоявший по другую сторону носилок. — Все будет нормально.

— Она — Бене-Гессеритская ведьма, — объяснил глухой. — Она опасна.

— А-а... — Стражник суеверно поднес кулак к уху. — Из этих, значит?.. Ясно.

Второй стражник фыркнул:

— Так что с того? Мы ж ее скормим червям. А я не думаю, чтоб даже Бене-Гессеритская ведьма имела власть над песчаными червями! А, Циго? — Он подтолкнул приятеля локтем.

— Угу, — буркнул тот. Он вернулся к носилкам, взялся за плечи Джессики. — Давай, Кайнет. Хочешь посмотреть, чего с ними будет, — можешь лететь с нами.

— Как мило, Циго, что ты меня пригласил, — съязвил Резаный.

Джессика почувствовала, что ее поднимают. Тень от крыла над ней повернулась, открывая звезды. Ее засунули на заднее сиденье, проверили кримскелловые путы и привязали к сиденью. Пауля бросили рядом, его тоже прикрутили к спинке — и Джессика заметила, что сына связали обыкновенной веревкой.

Глухой Резаный, которого назвали Кайнет, уселся впереди. Стражник по имени Циго обошел орнитоптер и вскарабкался на другое переднее сиденье.

Кайнет захлопнул дверцу, склонился к приборам. Орнитоптер упруго взмахнул крыльями, взлетел и направился к югу, за Барьерную Стену.

Циго похлопал напарника по плечу:

— Слушай, ты бы обернулся, приглядел за этими...

— А ты знаешь, куда лететь? — спросил Кайнет, читая слова по губам.

— Мы же вместе слушали, что советовал изменник.

Кайнет развернул свое кресло. Джессика увидела слабый отблеск звезд на лучемете в его руке. Постепенно ее глаза привыкли — казалось, светлая внутренняя обшивка салона слабо флуоресцирует, — но покрытое шрамами лицо оставалось в тени. Джессика пошевелилась, чтобы попробовать ремни кресла, — оказалось, они затянуты не слишком туго. У правой руки она ощутила какую-то шероховатость — и поняла, что ремень разрезан почти до конца и лопнет от резкого рывка.

«Значит, кто-то подготовил орнитоптер для нас? — подумала она. — Но кто?»

Она медленно отодвинула свои связанные ноги от ног Пауля.

— А ведь жаль так вот просто взять и прикончить такую красотку, — заметил Резаный. — У тебя, скажем, были когда-нибудь бабенки из высокородных? — Он повернулся к пилоту.

— Бене Гессерит вовсе не все из высокородных, — ответил тот.

— Но выглядят все сплошь как аристократки.

«Ему меня достаточно хорошо видно», — подумала Джессика. Она подтянула связанные ноги на сиденье и свернулась в клубочек изящно изломанных линий, посмотрела Резаному в глаза.

— Ну разве не хороша, а? — причмокнул Кайнет и облизнул губы. — Нет, как хочешь, а это прямое транжирство. — Он посмотрел на Циго.

— Ты думаешь о том, о чем, как я думаю, ты думаешь? — усмехнулся пилот.

— Так а кто узнает? — сказал глухой. — Потом, после этого, конечно... — Он пожал плечами. — У меня аристократок еще не было. И вряд ли такой шансец еще когда выскочит. А?

— Только посмей коснуться моей матери, ты... — процедил Пауль сквозь зубы, яростно глядя на Резаного.

— Ха! — загоготал пилот. — А щенок, оказывается, может гавкать! Ну, зато кусаться ему сейчас несподручно.

Джессика же подумала: Пауль использовал слишком высокий тон. Но, может быть, это все же сработает.

Дальше они летели в молчании.

«Несчастные глупцы, — думала Джессика, изучающе разглядывая стражников и припоминая слова барона. — Их убьют, едва только они доложат, что задание выполнено. Барону не нужны свидетели».

Орнитоптер накренился, выполняя поворот над южным гребнем Барьерной Стены, и Джессика увидела внизу бескрайние пески, освещенные луной.

— Хватит, пожалуй, — сказал пилот. — Изменник советовал оставить их где-нибудь на песке поблизости от Барьерной Стены, в любом месте. — Он направил машину по пологой дуге вниз, к дюнам, остановил в воздухе над самой поверхностью песка.

Джессика увидела, что Пауль начал ритмически дышать — опять успокаивающее упражнение. Он закрыл глаза и снова открыл. Джессика глядела на него — помочь ему она не могла. Он еще не полностью овладел искусством Голоса, и если ему не удастся...

Орнитоптер, мягко качнувшись, опустился на песок.

Джессика оглянулась назад, на север, где возвышалась Барьерная Стена, и увидела, как над ней мелькнули крылья.

«Кто-то летит следом за нами! — поняла она. — Но кто?.. — Мгновение спустя она поняла: — Конечно, это люди барона, которых он послал следить за этими двоими. И уж конечно, кто-нибудь следит и за шпионами!..»

Циго выключил роторы крыльев. Сразу же обрушилась тишина.

Джессика повернула голову. В окне за плечом Резаного она увидела тусклый свет встающей луны, стеклистые скалы, поднимающиеся из песка. Их испещрили проеденные песком борозды.

Пауль откашлялся.

— Ну что, Кайнет, давай? — спросил пилот.

— Даже не знаю, Циго.

Циго повернулся:

— Да ты только взгляни!

Он потянулся к юбке Джессики.

— Вынь у нее кляп!

Джессика услышала, как прокатились в воздухе эти слова. Тон, тембр абсолютно правильны — резкие, повелительные. Может быть, тон мог быть чуточку ниже — но все равно должен был совпасть с психоспектром стражника.

Рука Циго дернулась к повязке на рту Джессики и потянула узел.

— Прекрати! — крикнул Кайнет.

— А, да заткнись ты, — отмахнулся Циго. — Руки-то у нее связаны. — Он развязал наконец узел, и повязка упала. Блестя глазами, он разглядывал Джессику.

Кайнет положил руку на плечо пилота:

— Слушай, Циго, незачем...

Джессика повернула голову, вытолкнула языком кляп. Она заговорила низким, глубоким голосом, в котором проскальзывали многообещающие нотки:

— Господа, вовсе незачем *драться* из-за меня!

Одновременно она плавно подвинулась в сторону Кайнета.

Стражники напряглись — Джессика увидела, что оба почувствовали необходимость именно *драться* за нее. Иных резонов для драки, собственно, и не требовалось. Они уже дрались, мысленно.

Она старалась держать лицо как можно выше, в слабом свете приборной доски — чтобы Кайнет мог читать по губам:

— Не нужно спорить.

Они еще дальше отодвинулись друг от друга, бросая осторожные взгляды.

— Стоит ли драки хоть одна женщина?

То, как она произнесла эти слова, — само ее присутствие! — окончательно убеждали в том, что уж кто-кто, а она-то безусловно стоит драки.

Пауль сжал губы, заставил себя лежать молча. У него был только один шанс воспользоваться Голосом. Теперь все зависело от матери, чей опыт был настолько больше...

— Н-ну да, — пробормотал Резаный. — Вовсе незачем драться...

Его руки дернулись к горлу пилота. Но его удар наткнулся на сверкнувшую сталь, остановившую руку Кайнета и вонзившуюся в его грудь, завершая движение.

Резаный застонал и, пошатнувшись, упал, ударившись о дверцу кабины.

— За кого он меня держал, раз думал, что я не знаю такого трюка? — Циго выдернул из тела нож, сверкнувший в лунном свете.

— А теперь разберемся со щенком, — сказал он, склоняясь над Паулем.

— Это лишнее, — пробормотала Джессика.

Циго остановился.

— Разве не лучше, чтобы я делала все добровольно? — спросила она, улыбаясь. — Дай мальчику шанс. Совсем маленький, какой может у него быть в Пустыне, там... Дай ему этот шанс, и... — она улыбнулась, — ты будешь очень хорошо вознагражден.

Циго посмотрел по сторонам, снова повернулся к Джессике.

— Я слышал, что бывает с человеком в этой пустыне, — буркнул он. — Нож для мальчика — это почти что милость.

— Разве я прошу о многом? — умоляюще сказала Джессика.

— Ты меня хочешь обмануть, — пробормотал Циго.

— Я не хочу видеть смерть своего сына, — сказала Джессика. — Где же тут обман?

Циго просунулся назад, оперся локтем о ручку дверцы, схватил Пауля и, протащив по сиденью, наполовину вытянул его из салона. Поднял нож.

— Ну, волчонок, что ты сделаешь, если я разрежу твои веревки?

— Он немедленно уйдет отсюда вон в те скалы, — ответила за сына Джессика.

— Ты это сделаешь, парень? — переспросил Циго.

Голос Пауля был в должной мере мрачным:

— Да.

Нож опустился, рассек путы на ногах. Пауль почувствовал, как рука Циго легла ему на спину — вытолкнуть на песок, — притворился, будто его шатает, упал плечом на раму дверцы, развернулся — как будто для того, чтобы удержаться от падения, — и изо всех сил ударил правой ногой.

Движение носка ноги было нацелено с точностью, достойной всех лет его долгих тренировок. Словно все эти тренировки сосредоточились в единственном миге. В момент удара сработали почти все мышцы тела. Носок врезался в мягкое подреберье Циго, с ужасающей силой пробил печень, диафрагму и закончил движение, ударив и порвав правый желудочек сердца...

Издав захлебывающийся вскрик, стражник опрокинулся на сиденье. Пауль не мог использовать руки — он упал на песок, перекатился через голову и вскочил на ноги, использовав импульс падения. Снова нырнул в кабину, схватил зубами нож и держал, пока мать перепиливала свои путы на руках. Затем она взяла у него нож и освободила его руки.

— Я могла бы справиться и сама, — сказала она. — Ему бы пришлось освободить меня. А это был неразумный риск.

— Я увидел шанс и воспользовался им, — ответил он.

Она услышала оставшиеся в его голосе нотки контроля, сказала:

— На потолке кабины нарисован родовой знак Юйэ.

Он поднял голову и тоже разглядел завитушку.

— Выйди из орнитоптера и осмотри его, — велела она. — Под сиденьем пилота что-то лежит, я почувствовала, когда нас вносили в машину.

— Бомба?

— Вряд ли. Тут что-то странное.

Пауль выпрыгнул на песок, Джессика — за ним. Она повернулась, вытащила из-под сиденья сверток. При этом ноги Циго оказались у самого ее лица, а на свертке она ощутила влагу и поняла, что это — кровь пилота.

Напрасная потеря влаги, подосадовала она, поняв затем, что думает как арракийка.

Пауль огляделся вокруг, увидел скалу, поднимающуюся из песка, как берег из воды, изрезанные ветром каменные барьеры за этим «берегом». Оглянулся — мать достала из орнитоптера сверток и застыла, вглядываясь в сторону Барьерной Стены.

Проследив ее взгляд, он увидел еще один орнитоптер, спускающийся к ним по крутой дуге. Понял, что они просто не успеют выкинуть тела из машины и взлететь.

— Пауль, беги! — крикнула Джессика. — Это Харконнены!

Арракис учит «пониманию ножа», учит относиться к жизни так: отрезать все несовершенное и незавершенное, говоря: «Вот теперь это совершенно и завершено — ибо кончается здесь».

(Принцесса Ирулан, «Избранные изречения Муад'Диба»)

Человек в харконненском мундире, бежавший по коридору, резко остановился и уставился на Юйэ. Он сразу увидел и мертвое тело Мэйпс, и бесчувственное тело герцога, и неподвижно стоящего Юйэ. В правой руке человека был лучемет. Его окружала аура какой-то будничной жестокости, силы и странной спокойной уравновешенности, от которой по телу Юйэ прошла дрожь.

Да это же сардаукар, понял Юйэ. И, судя по виду, не менее чем башар. Скорее всего из личных гвардейцев

Императора, присланных им для наблюдения за ходом событий. Он может надеть любую форму, но сардаукар есть сардаукар, этого не скроешь.

— Ты — Юйэ, — утвердительно сказал переодетый сардаукар. Он с любопытством рассматривал кольцо Суккской Школы, перехватившее волосы доктора, вытатуированный ромб на его лбу. Затем он посмотрел Юйэ в глаза.

— Да, я Юйэ, — признал доктор.

— Ты можешь быть теперь спокоен. Как только ты выключил силовые экраны, мы вошли внутрь. Мы полностью контролируем ситуацию. Это герцог?

— Да, это герцог.

— Он мертв?

— Только без сознания. Лучше вам его связать.

— Ты лечил и этих, прочих? — Он взглянул на тело Мэйпс.

— Увы, да... — пробормотал Юйэ.

— Увы?! — ухмыльнулся сардаукар. Он подошел, взглянул на Лето. — Так, стало быть, это и есть знаменитый Красный герцог?..

«Если бы я еще сомневался, кто он, — мелькнуло в голове у Юйэ, — эти слова рассеяли бы все сомнения. Только Император зовет Атрейдесов Красными герцогами».

Сардаукар нагнулся, срезал с мундира герцога эмблему с красным ястребом.

— Небольшой сувенир, — заявил он. — А где перстень с герцогской печатью?

— У него ее нет, — ответил Юйэ.

— Сам вижу! — рявкнул сардаукар.

Юйэ напрягся, сглотнул.

«Если они нажмут на меня — допросят с помощью Правдовидицы, — они узнают все про кольцо... про подготовленный мною топтер... все пойдет прахом!»

— Герцог давал иногда свой перстень доверенному курьеру, в знак того, что приказ исходит от него самого, — осторожно соврал Юйэ.

— Видно, это были действительно очень доверенные курьеры, — пробормотал сардаукар себе под нос.

— Так вы его свяжете? — отважился напомнить Юйэ.

— А сколько он еще проваляется?

— Около двух часов. Я не мог так точно рассчитать его дозу, как сделал это для женщины и мальчика.

Сардаукар ткнул герцога ногой:

— Этого не стоило бояться, даже когда он был в сознании. А когда очнутся женщина и парень?

— Минут через десять.

— Так скоро?

— Мне сказали, что барон прибудет сразу вслед за своими людьми.

— Правильно сказали. А ты, Юйэ, подождешь снаружи. — Он холодно взглянул на Юйэ. — Ступай!

Юйэ взглянул на Лето:

— А как быть с...

— Его перевяжут хорошенько, как цыпленка для жаренья, и доставят к барону. — Сардаукар снова посмотрел на черный ромб на лбу доктора. — Тебя тут все узнают: ты будешь в безопасности здесь. Ну все, предатель. Довольно болтать, у нас нет времени. Вон сюда уже идут наши.

«Предатель», — подумал Юйэ. Он опустил взгляд, прошел мимо сардаукара. Вот так история и запомнит его: Юйэ, предатель.

По дороге к выходу из дома он еще несколько раз натыкался на трупы и всякий раз останавливался, вглядываясь и боясь узнать Пауля или Джессику. Но это все были солдаты в форме Дома Атрейдес или Харконнен.

Он вышел из парадных дверей в полыхающую пожаром ночь.

Харконненские охранники взяли оружие на изготовку, разглядывая Юйэ. Они зажгли пальмы вдоль дороги, чтобы осветить дом. Из оранжевых языков пламени поднимались черные клубы дыма от горючей жидкости, которой облили стволы пальм.

— А, да это предатель! — сказал кто-то.

— Барон скоро наверняка захочет полюбоваться на тебя, — бросил кто-то еще.

«Мне надо пойти к орнитоптеру, — думал Юйэ. — Я должен спрятать перстень с печатью там, где Пауль найдет его».

Тут он испугался: Если Айдахо подозревает меня или если потеряет терпение — если он не дождется, если его

не будет в нужном месте, Джессика и Пауль погибнут. И не будет у меня даже малейшего утешения!»

Харконненский охранник отпустил его руку, велел:

— Поди встань вот там, подожди. Не путайся под ногами.

Юйэ вдруг увидел себя со стороны: вышвырнут, отброшен, стоит он посреди разрушения — ему не оставили ничего, и даже капли жалости нет для него.

Айдахо обязательно должен сделать все как надо, ему нельзя потерпеть неудачу!..

Еще один охранник налетел на него, рявкнул:

— С дороги, ты!..

«Даже выиграв с моей помощью, они презирают меня!» — подумал Юйэ. Его оттолкнули, он выпрямился, пытаясь сохранить хоть часть достоинства.

— Жди барона! — прорычал командир стражников.

Юйэ кивнул, побрел вдоль фасада с тщательно сыгранной ненарочитостью. Свернул за угол, куда не падал свет полыхающих пальм. Затем быстро — каждый шаг выдавал его волнение — он бросился на задний двор, где под блоком «влажной оранжереи» ждал орнитоптер. Его поставили туда, чтобы вывезти пленных Пауля и его мать.

У распахнутых задних дверей дома дежурил охранник. Но он смотрел внутрь, в освещенный зал, где солдаты с грохотом переворачивали все вверх дном.

Как они уверены в себе!

Скрываясь в тенях, Юйэ обошел орнитоптер, осторожно открыл дверцу на противоположной от стражника стороне машины. Под передними сиденьями он нащупал спрятанный им там ранее фримпакет. Приоткрыл клапан упаковки, сунул внутрь герцогский перстень. Под его рукой прошуршал лист меланжевой бумаги — его записка; втиснул перстень в сложенный лист. Убрал руку, застегнул пакет.

Юйэ беззвучно прикрыл дверцу, подкрался обратно, к углу дома, и опять к главному входу, где пылали пальмы.

«Дело сделано», — подумал он.

Выйдя в свет горящих деревьев, запахнул плотнее плащ и уставился в огонь.

«Скоро я все узнаю. Скоро я увижу барона и все узнаю. А барон... на барона у меня есть зуб. Маленький зуб против барона...»

Существует легенда: в миг смерти герцога Лето Атрейдеса небеса над родовым его замком на Каладане прочертил метеор...
(Принцесса Ирулан, «Введение в историю Муад'Диба для детей»)

Барон Владимир Харконнен стоял у большого обзорного иллюминатора в рубке лихтера, где он устроил командный пост. За стеклом полыхала пожаром ночь над Арракином. Барон внимательно смотрел вдаль, где возвышалась Барьерная Стена. Там делало свое дело его секретное оружие.

Ствольная артиллерия.

Пушки били по пещерам, куда отошли люди герцога, чтобы принять последний бой. Размеренно вспыхивало рыжее пламя, и в этих коротких вспышках — столбы камня и песка. Верных герцогу солдат заживо хоронили там — им предстояло умереть от голода, словно пойманным в своей норе животным.

Барон явственно ощущал, как вздрагивает там, вдали, земля. Ритмическая дрожь передавалась ему сквозь металл корабля: брумм... брумм... Потом: БРУММ — брумм!

«Ну кто еще додумался бы вспомнить об артиллерии в наши дни силовых щитов? — мысленно усмехнулся он. — Но можно было догадаться, что они побегут в эти пещеры. Право, Император оценит сообразительность, с которой я сохранил жизни его и моих бойцов...»

Он подрегулировал один из небольших генераторов, поддерживавших его жирное тело. Его губы растянулись в улыбке, отчего многочисленные подбородки вздернулись.

«Жаль терять таких бойцов, как люди герцога, — подумал барон и улыбнулся еще шире, посмеиваясь над собой. — Но жалость должна быть жестокой!»

Он кивнул сам себе. Поражение по определению означает безвозвратные потери. Перед человеком, способным принимать правильные решения, лежала вся вселенная.

А неуверенных в себе кроликов надо было найти и загнать в норы — как иначе контролировать и разводить их? Барон представил себе своих солдат как пчел, атакующих кроликов.

«Медовым звоном гудит день, когда на тебя трудится довольно работящих пчел», — подумал он.

Позади открылась дверь. Барон рассмотрел отражение в темном стекле иллюминатора, прежде чем обернуться.

Вошел Питер де Врийе, за ним следовал Умман Куду. Начальник личной гвардии барона. За дверью суетились люди, виднелись бараньи лица стражников. В его присутствии они старательно напускали на себя такой тупой вид.

Барон обернулся.

Питер тронул указательным пальцем спадавшую на лоб прядь в обычном своем насмешливом салюте.

— Славные новости, милорд! Сардаукары доставили к нам герцога!

— Само собой, — отозвался барон своим гулким басом.

Он разглядывал мрачное, злодейское выражение на женоподобном лице своего ментата. И глаза — затененные щелочки сплошной синевы.

«Скоро мне придется отделаться от него, — подумал барон. — Он почти уже пережил свою полезность. Почти уже достиг момента, когда он станет опасен для меня. Однако прежде необходимо сделать так, чтобы народ Арракиса возненавидел его. Н-ну а потом — потом они будут приветствовать моего Фейд-Рауту как своего спасителя».

Барон перевел взгляд на начальника своей гвардии — Уммана Куду. Острые скулы, подбородок словно туфля. Человек, которому барон мог доверять, ибо хорошо знал все его пороки.

— Прежде всего где изменник, выдавший мне герцога? — спросил барон. — Надо бы его наградить.

Питер изящно повернулся на носке, махнул стражнику снаружи.

Там задвигались темные силуэты. Вошел Юйэ. Его движения были скованны и вялы. Усы уныло свисали с красно-лиловых губ. Лишь старые глаза выглядели живыми.

Пройдя три шага, Юйэ по знаку Питера остановился, глядя через помещение на барона.

— А-ахх, вот и наш доктор Юйэ. Приветствую!

— Мое почтение, милорд барон...

— Мне сказали, вы все-таки подарили нам герцога.

— Я выполнил свою часть соглашения, милорд.

Барон взглянул на Питера. Тот кивнул.

Барон вновь посмотрел на Юйэ.

— Стало быть, придерживаемся буквы договора, э? А я... — Он словно выплюнул: — Что я должен был сделать в ответ?

— Вы сами помните что, милорд Харконнен.

Теперь Юйэ позволил себе думать. В его голове оглушительно отдавалось беззвучное тиканье часов. Он уже видел еле заметные знаки, выдававшие барона. Да, Уанна была мертва — и эти негодяи ничего не могли уже ей сделать. И это хорошо — иначе у них по-прежнему была бы узда для него. Поведение же барона указывало на то, что эта узда исчезла...

— Вы полагаете, я должен это помнить?

— Вы обещали освободить от страданий мою Уанну.

Барон покивал:

— Ах да. В самом деле. Теперь я вспомнил. Действительно, я обещал это. Собственно, именно так и удалось нам обойти имперское кондиционирование. Помнится, вы не могли вынести вида этой вашей Бене-Гессеритской ведьмы, корчащейся в болеусилителях Питера. Н-ну что же — барон Владимир Харконнен всегда держит свое слово. Я обещал, что избавлю ее от мучений и позволю тебе соединиться с ней. Да будет так! — Он махнул Питеру.

Синие глаза Питера остекленели. Его движение было совсем кошачьим — внезапным и плавным. Когтем сверкнул нож, вонзаясь в спину Юйэ.

Старик замер, вытянулся, не отрывая взгляда от лица барона.

— Вот ты и присоединишься к ней! — крикнул барон.

Юйэ стоял пошатываясь. Губы его шевельнулись; он говорил очень четко и словно бы нараспев:

— Ты... думал... ты... по... бе... дил... меня... Ты... ду... мал, я... не... знал, *что*... я... купил... для... своей... Уанны.

Он упал. Не склонился, не обмяк, не осел. Упал, как падает срубленное дерево.

— Так присоединись к ней! — повторил барон. Но эти слова прозвучали как слабое эхо.

Слова и поведение Юйэ наполнили его дурными предчувствиями. Он резко переключил свое внимание на Питера, который как раз вытирал лезвие ножа куском ткани. Синие глаза светились удовлетворением.

«Вот, значит, как он убивает, когда делает это своими руками, — подумал барон. — Полезно знать такие вещи».

— Итак, он все-таки выдал нам герцога? — спросил барон.

— Да, милорд, разумеется, — ответил Питер.

— Ну так приведите его сюда!

Питер бросил взгляд на капитана гвардейцев — тот бросился выполнять приказ.

Барон опустил взгляд на тело Юйэ. Тело упало так, что казалось, оно не из костей и плоти, а из дуба.

— Никогда не верил предателям, — проговорил барон. — Даже и таким, которые превращены в предателей мной самим.

Он посмотрел в ночь за иллюминатором. Вся эта черная тишина снаружи принадлежала теперь ему, и он это знал. Артиллерия у Барьерной Стены уже замолчала: ставшие ловушками норы были завалены, пойманные звери обречены. Неожиданно барона поразила мысль, что он не может представить ничего прекраснее этой абсолютной черной пустоты. Если только не считать белого на черном. Серебристо-белого на черном. Молочно-белого, как изысканный фарфор.

Но неуверенность не оставляла его.

Что хотел сказать этот старый дурак доктор? Он скорее всего понимал, что его ждет. Но что он имел в виду, говоря о поражении? «Ты думал, что победил меня...»

Что он имел в виду?

Ввели герцога Лето Атрейдеса. Его руки были скованы цепью, орлиное лицо в грязи. На груди мундира зияла дыра — кто-то вырвал нашитый герб. С пояса тоже свисали оторванные лоскуты — поясной щит срывали, не рас-

стегнув ремешки на мундире. С мясом. Безумные, остекленевшие глаза.

— Н-н-нуу... — протянул барон. Он глубоко вдохнул и остановился в неуверенности. Понял, что заговорил слишком громко. Он так долго ждал этого мгновения — и вот оно утратило часть своей прелести!

Будь проклят чертов доктор — во веки веков!

— Я вижу, доброго нашего герцога накачали наркотиками, — заметил Питер. — Собственно, Юйэ так и поймал его — одурманил. — Питер повернулся к герцогу. — Это так, любезный герцог? Вы одурманены?

Голос шел откуда-то издалека. Лето чувствовал цепь на руках, ноющую боль в мышцах; чувствовал свои потрескавшиеся губы, горящие щеки, сухой вкус жажды во рту. Но звуки он слышал плохо — они доходили до него глухо, словно сквозь ватное одеяло. И он почти ничего не видел, только смутные тени.

— А что с мальчишкой? — спросил барон. — Есть новости?

Питер быстро облизнул губы.

— Ты что-то знаешь! — резко сказал барон. — Ну?

Питер посмотрел на начальника гвардейцев, снова на барона.

— Люди, которым дали это поручение, милорд, они... э-э... их... э... нашли.

— И они доложили, что все в порядке?

— Они мертвы, мой барон.

— Естественно! Но я спрашиваю...

— Их *нашли* мертвыми, милорд.

Лицо барона потемнело.

— А женщина и мальчишка?

— Никаких следов, милорд. Но там успел побывать песчаный червь — как раз когда происходил осмотр места происшествия... Быть может, все произошло именно так, как мы и хотели, — несчастный случай... вполне вероятно...

— Вероятности меня не устраивают, Питер. Ну а что насчет пропавшего топтера? Может ли это обстоятельство навести моего ментата на какие-нибудь мысли?

— В нем, несомненно, бежал кто-то из людей герцога. Убил нашего пилота и бежал.

— И кто же именно из людей герцога?

— Пилота убили очень чисто и тихо, милорд. Возможно, Хават. Или Халлек. Может быть, Айдахо. Или любой из других главных приближенных...

— Возможно, вероятно, может быть... — пробормотал барон и перевел взгляд на пошатывающегося, одурманенного герцога.

— Но мы владеем положением, милорд, — сказал Питер.

— Владеем?! А где тогда этот планетолог? Кинес?

— По крайней мере нам известно, где его искать. За ним уже послали наших людей, милорд.

— Не нравится мне что-то, как помогает нам этот слуга Императора, — пробормотал барон.

Ватное одеяло все еще окутывало герцога, глушило слова разговора. Но некоторые из этих слов прорывались в мозг герцога и словно вспыхивали там. «Женщина и мальчишка... никаких следов». Значит, Пауль и Джессика спаслись! А участь Хавата, Халлека и Айдахо оставалась пока неизвестной. Значит, надежда еще есть...

— А где перстень с герцогской печатью? — требовательно спросил барон. — У него на пальце его нет!

— Сардаукар сказал, что герцог был без кольца, когда его взяли, милорд, — доложил капитан стражи.

— Поторопился ты убить доктора, — пробурчал барон. — Это была ошибка. Ты должен был доложить мне об этом, Питер. А ты действовал слишком поспешно, и это может повредить нашему делу. «Вероятности!..» — передразнил он.

В мозгу герцога билась одна мысль: Пауль и Джессика спаслись!.. И что-то еще. Да.

Сделка. Он почти... почти вспомнил...

Зуб!

Теперь он точно вспомнил часть этой сделки: капсула ядовитого газа, скрытая в искусственном зубе.

Кто-то велел ему помнить про зуб. Зуб... зуб был у него во рту. Он ощупал его языком. Все, что он должен сделать, — сильно надавить на него другим зубом...

Но еще рано!

Этот «кто-то» велел ждать, пока он не окажется совсем рядом с бароном. Но — кто?.. Он не мог вспомнить.

— Долго он еще будет в таком состоянии? — осведомился барон.

— Возможно, еще час, милорд.

— «Возможно», — передразнил барон и вновь отвернулся к темноте за стеклом. — Ладно. Я проголодался.

«Это барон, — думал Лето, — вот эта расплывчатая серая тень». Тень двигалась вперед и назад, качалась вместе с комнатой, которая сжималась и расширялась, становилась то светлее, то темнее, окутывалась мраком, и вновь свет заливал ее.

Время стало для герцога каким-то слоистым. Он всплывал через эти слои...

«Я должен подождать».

Стол. Тут стоял стол — его Лето видел отчетливо. И огромный, жирный человек на дальнем конце стола. И остатки трапезы перед ним. А сам Лето, оказывается, сидел напротив. Он ощутил кресло, цепи, ремни, привязывавшие к креслу его гудящее, онемевшее тело. Он понял, что прошло сколько-то времени — но сколько?

— Похоже, он приходит в себя, мой барон.

Шелковый голос. Это Питер.

— Вижу, Питер.

Гулкий бас. А это барон.

Окружающее постепенно приобретало четкие формы. Кресло под ним стало более жестким. Туже стали ремни.

Теперь он и барона видел достаточно четко. Лето следил за движениями его рук: барон все время что-то трогал, ощупывал — край тарелки, ручку ложки, жирный палец скользил по складкам подбородка...

Лето следил за движущейся рукой как зачарованный.

— Сейчас вы можете слышать меня, герцог Лето, — обратился к нему барон. — Я знаю, что можете. Так вот. Мы хотим узнать у вас — где ваша наложница и прижитый с нею ребенок?

Лето не пропускал ничего в его словах; но слова барона были для него огромным облегчением. *Значит, это правда — им не удалось схватить Пауля и Джессику.*

— Мы не в игрушки играем! — пророкотал барон. — Вам лучше понять это.

Он склонился к Лето, изучая его лицо. Ах, как жаль, что нельзя решить дело с глазу на глаз, между ними двоими. То, что кто-то еще видел человека королевской крови в таком положении, создавало дурной прецедент.

Лето чувствовал, как к нему постепенно возвращаются силы. И, словно башня на равнине, стояла перед его внутренним взором вернувшаяся память о зубе. Внутри — капсула с ядовитым газом, выполненная в форме нерва... Он вспомнил, кто поместил это смертоносное оружие в его рот.

Юйэ.

Он смутно вспомнил виденное в наркотическом дурмане — мимо него тогда проволокли тело... Теперь он знал, что это был Юйэ.

— Слышите этот звук, герцог Лето? — спросил барон.

Лето только теперь осознал, что слышит странный захлебывающийся звук — кто-то кричал от невыносимой боли.

— Мы, видите ли, поймали одного из ваших людей, одетого под фримена, — объяснил барон. — Разгадать его было совсем просто: глаза, вы же сами знаете. Он утверждает, что якобы был послан к фрименам, чтобы шпионить за ними... но я достаточно долго прожил на этой планете, любезный кузэн. За этими пустынными оборванцами не шпионят, это чушь. Скажите мне — вам удалось купить их помощь? Вы отослали свою женщину и сына к ним?

Лето почувствовал, как страх сжимает его грудь. Если Юйэ послал их к людям Пустыни... их будут искать, пока не найдут.

— Ну-ну, — добродушно прогудел барон. — У нас мало времени — и до боли дойдет скоро. Прошу, любезный мой герцог, не доводите нас до этого. — Барон многозначительно посмотрел на стоявшего возле Лето Питера. — У Питера, конечно, здесь нет с собой всех необходимых инструментов — его арсенал остался дома... но я уверен, он сумеет что-нибудь сымпровизировать.

— Иногда импровизация работает всего лучше, мой барон.

Вкрадчивый, шелковый голос. Он звучал над самым ухом герцога.

— У вас, как я понимаю, был аварийный план, — сказал барон. — Так куда вы отослали женщину с мальчиком? — Он взглянул на руку Лето. — На вас нет кольца. Оно у мальчика?

Барон поднял взгляд от руки герцога к его глазам.

— Не хотите отвечать... — проговорил барон. — Зачем заставлять меня делать то, что мне делать не хотелось бы? Ведь Питер применит простые и прямые методы. Не могу не признать, что порой они действительно являются наиболее эффективными — но мне не нравится, что подобные методы придется применить к вам.

— Например, кипящее масло на спину. Или на веки, — предложил Питер. — Или на другие части тела. И особенно хорошо действует, когда объект не знает, куда попадет масло в следующий миг. Хороший метод, и есть некая своеобразная красота в узоре белых пузырей на обнаженной коже... не правда ли, барон?

— Это изысканное зрелище, — согласился барон, но голос его звучал очень кисло.

Эти щупающие пальцы!.. Лето глядел на жирные пальцы, на кольца и перстни, унизывающие пухлые, как у младенца, руки, ни на миг не прекращающие двигаться.

Крик боли, доносящийся сквозь дверь за спиной герцога, терзал его нервы. Кого они схватили? — думал герцог. Неужели Айдахо?

— Поверьте, любезный кузэн, — повторил барон, — я бы не хотел доводить дело до этого.

— Представьте только, как нервные сигналы спешат-торопятся за помощью, которая не может прийти! — сказал Питер. — В этом есть своя прелесть, это просто художественно!

— Да, Питер, ты у нас настоящий художник, — прорычал барон. — А теперь, сделай милость, помолчи!

Лето вспомнил вдруг, как Гурни Халлек как-то при виде изображения барона процитировал: «И стал я на песке морском и увидел выходящего из моря зверя... а на головах его имена богохульные».

— Мы напрасно теряем время, мой барон, — вмешался Питер.

— Возможно. — Барон кивнул. — Вы же сами понимаете, дорогой Лето, в конце концов вы скажете нам, где они. Какой-то уровень боли сломит вас. Я куплю вас болью.

«Скорее всего он прав, — подумал Лето. — Если бы не зуб... и то, что я просто не знаю, где они».

Барон подцепил ломтик мяса, сунул в рот, медленно прожевал и проглотил. Надо попробовать по-другому, подумал он.

— Полюбуйся-ка на этого святого, Питер. Он думает, что его нельзя купить.

При этом барон подумал: «Да! Смотри на него — считающего себя неподкупным. Смотри, как держат его миллионы акций — миллионы долей себя самого, продававшихся каждую секунду его жизни! Возьми его сейчас и потряси — он загремит, как пустая жестянка. Пуст! Распродан подчистую! Так какая разница — как он умрет теперь?..»

Крик за стеной смолк.

Барон увидел Уммана Куду. Капитан стражи появился в дверях и покачал головой. Пленник так и не дал нужной информации. Еще одна неудача!.. Всё. Хватит тянуть с этим дураком герцогом — с этим глупцом, не понимающим, какой ад может обрушиться на него — ад, находящийся на бесконечно малом от него расстоянии. Малом, как толщина нерва.

Эта мысль успокоила барона, поборола его нежелание подвергать пыткам особу королевской крови. Сейчас он представлял себя хирургом, делающим бесчисленные разрезы ножницами — он срезал маски с дураков, открывая спрятанный ад.

Все, все они кролики! И все пытаются спрятаться, завидев хищника.

Лето смотрел через стол и сам не понимал, чего ждет. Зуб быстро покончил бы со всем этим. Но... в общем, почти вся эта жизнь была хороша. Он обнаружил, что вспоминает змея, реющего в перламутрово-голубом каладанском небе, Пауля, радостно смеющегося при виде этого змея. И восход здесь, на Арракисе, — ярко окрашенные гряды Барьерной Стены за пыльным маревом...

— Скверно... — пробормотал барон. Он оттолкнулся от стола, легко поднялся — помогали поддерживавшие его тушу силовые генераторы — и заколебался на миг, заметив странную перемену в герцоге. Тот глубоко вдохнул, его челюсть напряглась, на ней вздулся бугорок мускула — так сильно Лето стиснул зубы.

«Как он боится меня!» — подумал барон.

А Лето, испугавшись, что барон может уйти от него, изо всех сил надавил на зуб-капсулу. Почувствовав, как он лопнул, открыл рот и резко выдохнул острощиплющий парок, вкус которого уже наполнил его рот. Барон вдруг уменьшился, стал удаляться — словно сужающийся тоннель раздел его и герцога. Над ухом Лето кто-то охнул. Тот самый «шелковый» голос. Питер. Значит, и ему досталось!

— Питер! В чем дело?

Рокочущий бас был где-то очень далеко.

В мозгу Лето опять шевельнулись воспоминания. Словно беззубый шепот старых ведьм. Комната, стол, барон, пара полных ужаса сплошь синих глаз — все смешалось вокруг, сжалось...

Там был еще человек с туфлеобразным подбородком — падающий игрушечный человечек. У него был сломанный, свернутый влево нос — словно маятник, отклонившись в сторону, застыл навсегда.

Лето услышал далекий грохот бьющегося фарфора. Далекий раскатистый бас. Сейчас его сознание было подобно бездонному сосуду, вобравшему все, что было когда-то: каждый крик... каждый шепот... каждое... молчание...

Последняя мысль... Лето увидел ее как бесформенное светлое пятно в лучах тьмы: «День, когда плоть обретает форму, и плоть, когда день обретает форму». Эта мысль поразила его ощущением необыкновенной полноты — чувство, которое, он знал, невозможно объяснить.

И наступила тишина.

Барон стоял, прижавшись спиной к потайной двери — двери своего личного тайного выхода, устроенного позади стола. Он захлопнул ее, выскочив из полной трупов каюты. Кажется, вокруг суетилась охрана... «Неужели и я вдохнул *это?* — спросил он себя. — Что бы это ни было — неужели Лето достал и меня?!»

Постепенно он снова стал слышать звуки... и смог соображать. Кто-то кричал, приказывал... *противогазы... дверь не открывать... включить вентиляцию на максимум...*

«Все остальные упали почти сразу. А я еще на ногах! Я еще дышу! Ад побери... еще немного — и...»

Теперь он мог трезво оценить происшедшее. Его щит был включен — на малую мощность, но вполне достаточно, чтобы замедлить молекулярный обмен на границе силового поля. Кроме того, он уже вставал и оттолкнулся от стола... и еще — вскрик Питера, на который вбежал капитан стражи, прямо навстречу собственной гибели.

Случай да предупреждение, прозвучавшее во вскрике умирающего человека, — вот что его спасло.

Барон, разумеется, не чувствовал никакой благодарности к Питеру. Глупец сам виноват в своей гибели. И этот дурак капитан!.. Утверждал, что сканировал каждого, кого приводили к барону. Как же сумел этот герцог?.. Никакого предупреждения! Даже ядоискатель над столом не сработал, пока не стало поздно... Как?

«Впрочем, теперь уже это не важно, — подумал барон. Он уже вновь обрел уверенность в себе. — Просто следующий капитан стражи начнет с ответа на этот вопрос».

Он заметил, что суета усилилась, особенно за углом коридора, у второй двери в эту комнату смерти. Барон оторвался от своей двери, оглядел слуг вокруг. Они молча смотрели — ждали, что будет делать хозяин. Гневается ли? И как?..

Тут барон понял, что лишь несколько секунд прошло с того момента, как он выбежал из страшной комнаты.

Несколько стражников стояли, наведя оружие на дверь. Другие повернулись в сторону пустого зала, на звуки из-за угла справа от них.

Оттуда, из-за угла, быстро вышел, почти выбежал человек с противогазом, болтающимся на шее на завязках. Он внимательно смотрел на каждый ядоискатель — они висели под потолком вдоль коридора. Желтоволосый, плосколицый, с зелеными глазáми, жесткими, резко очерченными линиями по сторонам толстогубого рта. Он походил на какое-то водное животное, по ошибке помещенное на сушу.

Барон, разглядев его, вспомнил и имя подошедшего: Нефу́д. Йаки́н Нефуд. Капрал стражи. У него было пристрастие к семуте, комбинации наркотика и музыки, звучавшей в самых глубинах сознания. Такие вещи о людях всегда полезно знать.

Стражник остановился перед бароном, отдал честь.

— В коридоре все чисто, милорд. Я видел все снаружи и понял, что это какой-то ядовитый газ. Вентиляторы подавали воздух в вашу комнату из этих коридоров... — Он бросил взгляд на ядоискатель над головой барона. — Люди все на месте, никто не пытался скрыться. Мы сейчас дегазируем комнату. Какие будут приказания?

Барон узнал и голос — это он выкрикивал приказания. А этот капрал молодец, дело свое знает!

— Там, внутри, все мертвы? — спросил он.

— Да, милорд.

«Придется приспосабливаться», — подумал барон.

— Прежде всего — мои поздравления, Нефуд. С этого момента ты — капитан моей гвардии. И, надеюсь, ты извлечешь хороший урок из судьбы своего предшественника.

Барон наблюдал за изменяющимся выражением лица стражника, получившего неожиданное повышение. Нефуд знал, что теперь у него не будет недостатка в его семуте. Он кивнул:

— Милорд знает, что я всецело предан заботе о его безопасности.

— Знаю. Ну, к делу. Я думаю, у герцога что-то было во рту. Так вот ты узнаешь, что это было, как сработало, кто помог ему вооружиться подобным образом. И примешь все меры к тому, чтобы...

Он замолчал. Его мысль прервало какое-то смятение в коридоре, за спиной. Стража у дверей лифта на нижних ярусах фрегата пыталась задержать высокого полковника-башара, только что вышедшего из лифта.

Барон не мог вспомнить лицо башара. Узкое лицо, рот — точно разрез бритвой, глаза — два черных, как тушь, пятна.

— Руки прочь, стервятники, трупоеды! — прорычал башар, отбрасывая с дороги охрану.

«А, сардаукар...» — подумал барон.

Полковник-башар уверенно подошел к барону, выжидающе прищурившему глаза. Офицеры Корпуса Сар-

даукаров стесняли его — все они казались ему родственниками герцога... покойного герцога. И как они позволяли себе говорить с бароном!..

Полковник-башар встал в полушаге от барона, упер руки в бедра. Охранники неуверенно крутились позади.

Барон заметил и то, что офицер не салютовал ему, и презрительное выражение на лице — и его неуверенность возросла. На планете был лишь один легион сардаукаров — десять бригад; но барон не обманывал себя. Этот легион вполне мог, повернув оружие против сил Харконненов, разгромить их.

— Скажите своим мальчикам, чтобы они не пытались мешать мне видеться с вами, барон, — прорычал он. — Мои парни привели к вам герцога Атрейдеса — прежде, чем мы с вами могли решить его судьбу. Мы обсудим ее сейчас!

«Я не могу потерять лицо перед своими людьми», — подумал барон.

— Так что же? — Барону удалось произнести эти слова холодно и спокойно, и он почувствовал гордость.

— Мой Император повелел мне проследить, чтобы его царственный родич умер без мучений, чисто и быстро, — объявил полковник-башар.

— Таков же был и приказ Его Величества мне, — солгал барон. — Вы же не думаете, что я могу ослушаться своего Императора?

— Я должен доложить моему Императору лишь то, что видел собственными глазами, — ответил сардаукар.

— Герцог уже мертв, — отрезал барон и махнул рукой, давая офицеру понять, что тот может идти.

Но полковник-башар не сдвинулся с места — стоял, глядя барону в лицо. Ни малейшее движение мускула или глаза не показывало, что он понял, что его отсылают.

— Как он умер? — резко спросил он.

«Это уже чересчур!» — подумал барон.

— От собственной руки, если вам так уж необходимо это знать, — огрызнулся барон. — Он принял яд.

— Я должен увидеть тело, — заявил полковник-башар. — И немедленно.

В притворном негодовании барон поднял глаза к потолку. Тем временем он лихорадочно обдумывал создавшееся положение.

Проклятие! Этот глазастый сардаукар увидит комнату прежде, чем удастся убрать следы происшедшего!..

Помешать этому было нельзя, понял барон. Сардаукар увидит все. Поймет, что герцогу удалось убить людей барона... что сам барон уцелел, судя по всему, чисто случайно. Остатки ужина на столе, мертвый герцог напротив, смерть и разрушение вокруг говорили слишком о многом.

И помешать этому нельзя!

— И задержать меня не удастся! — рявкнул полковник-башар.

— Никто вас и не задерживает, — ответил барон, глядя в обсидиановые глаза сардаукара. — Я ничего не скрываю от своего Императора. — Он кивнул Нефуду. — Покажи полковнику-башару все, сейчас же. Проведи его в дверь, у которой ты стоял, Нефуд.

— Прошу вас сюда, сэр, — показал Нефуд.

Медленно, высокомерно сардаукар обошел барона, плечом вперед прошел сквозь толпу охранников.

«Невыносимо, — думал барон. — Теперь Император узнает о моем промахе! И поймет его как признак моей слабости!..»

Ужасно было понимать, что Император и его сардаукары одинаково презирали слабость. Барон прикусил губу, пытаясь утешить себя воспоминанием о том, что по крайней мере Император ничего не узнал о налете Атрейдесов на Джеди Прим и уничтожении харконненских складов с Пряностью.

Будь проклят этот скользкий герцог!

Барон глядел в спину уходящим — заносчивому надменному сардаукару и коренастому Нефуду, оказавшемуся таким полезным человеком.

«Надо приспосабливаться к обстоятельствам, — думал барон. — Придется опять поставить над этой чертовой планетой Раббана. И ничем его не ограничивать. Арракис должен быть готов принять моего Фейд-Рауту. Дьявол побери мерзавца Питера — дал себя убить прежде, чем я использовал его до конца!»

Барон вздохнул.

И надо будет, не откладывая, послать на Тлейлакс за новым ментатом. Уж конечно, они уже подготовили его для меня!

Стражник рядом с ним кашлянул. Барон повернулся к нему:

— Я проголодался.

— Слушаю, милорд.

— И я хочу отвлечься, пока вы чистите комнату и выясняете все детали случившегося, — прогудел барон.

Стражник опустил глаза:

— Чем желал бы отвлечься милорд?

— Я буду в опочивальне, — сказал барон. — Так вот, пришли туда этого мальчишку, которого мы купили на Гамонте — ну того, с очаровательными глазами. И вот что, дайте ему наркотик. У меня нет настроения бороться...

— Слушаю, милорд...

Барон развернулся и пошел своей подпрыгивающей походкой, вызванной поддерживавшим его тушу полем подвески, в сторону своих апартаментов. «Да, — думал он, — того парнишку с очаровательными глазами. Парнишку, так похожего на юного Пауля Атрейдеса».

О моря Каладана!
О люди герцога Лето!
Пала его твердыня,
Пала навеки...

(Из сборника «Песни Муад'Диба», сост. принцесса Ирулан)

Паулю казалось, что все его прошлое, все, что он испытал в жизни, обратилось в песок, клубящийся в песочных часах. Он сидел, обняв колени, подле матери, внутри крохотной палатки из ткани и пластика — дистителта, который нашелся вместе с фрименскими одеяниями (Пауль и Джессика уже облачились в них) в спрятанной в топтере сумке.

Пауль нисколько не сомневался в том, кто положил ранец под сиденье, кто направил машину с ними именно сюда.

Юйэ.

Доктор-предатель отправил их прямо в руки Дункана Айдахо.

Пауль сидел, глядя сквозь прозрачную стенку в торце дистителта на освещенные луной скалы, окружавшие убежище, где их спрятал Айдахо.

«Прячусь, как ребенок — а ведь я теперь герцог!» — подумал Пауль. Эта мысль раздражала — но от того, что они поступают лишь разумно, деться было некуда.

С его восприятием за ночь случилось нечто странное. Теперь он обостренно-ясно видел все происходящее вокруг него, все случившееся с ним. И чувствовал, что не в силах остановить поток вливающейся в него информации, не в силах избавиться от той ледяной точности, с которой добавлялась каждая новая деталь к его знанию. Вся способность к расчету сосредоточилась в его обостренном восприятии. Это были способности ментата — и гораздо больше.

Пауль вспомнил мгновения бессильной ярости, охватившей его, когда неизвестный орнитоптер вынырнул из тьмы и пошел на них, падая стремительно, как гигантский коршун, и ветер выл в его крыльях. В этот миг что-то случилось с разумом Пауля. Орнитоптер скользнул на крыло, развернулся, пролетел над песчаным гребнем к бегущим фигурам — к матери и к нему самому, сел. Пауль вспомнил запах горелой серы от скользнувших по песку обожженных трением полозьев, донесенный до них ветерком.

Мать повернулась, готовая принять разряд лучемета от харконненского наемника, — и увидела Дункана Айдахо. Тот распахнул дверцу машины, высунулся наружу и закричал:

— Скорее! След червя к югу!..

Но Пауль, поворачиваясь, уже знал, кто пилотирует топтер. Мельчайшие детали — стиль полета, резкое приземление — детали столь неприметные, что даже мать их не разглядела, — эти детали точно сказали Паулю, кто сидел в пилотском кресле.

В противоположном конце палатки шевельнулась Джессика, задумчиво проговорила:

— Я вижу лишь одно возможное объяснение. Харконнены держали заложницей жену Юйэ. Он ненавидел Харконненов! Я не могла ошибиться в этом. Да ты и сам прочел записку. Но почему он спас нас?

«Она поняла это только сейчас... и как плохо, как мало поняла!» — подумал Пауль. Эта мысль была для него потрясением. Сам-то он понял это как нечто очевидное, уже читая записку, приложенную к герцогскому перстню с печатью.

«Не пытайтесь простить меня, — писал Юйэ. — *Я не хочу вашего прощения. И без него тяжело мое бремя. Сделанное мною — сделано без злобы, но и без надежды быть понятым. Это — мой тахадди-аль-бурхан, величайшее мое испытание. Посылаю вам герцогскую печать Атрейдесов в знак того, что написанное мною истинно. Когда вы будете читать эти строки, герцога Лето уже не будет в живых. Утешьтесь тем, что он, обещаю, умрет не один: тот, кого и вы и я ненавидим более всех на свете, умрет вместе с ним».*

Ни обращения к адресату, ни подписи. Но они хорошо знали этот почерк — почерк Юйэ.

Вспомнив письмо, Пауль вновь ощутил и горечь того момента. Нечто болезненно-чужое, происходящее вне его нового, пробужденного сознания. Он прочел о гибели отца, понял, что это правда, — но воспринял это лишь как новую информацию, которую следовало внести в память, а затем использовать.

«Я любил отца, — подумал Пауль и понял, что это действительно так. — Я должен чувствовать скорбь. Я должен хоть что-то чувствовать!..»

Но все, что он чувствовал, было лишь понимание: это — важная информация.

Да, всего лишь факт, важный, но такой же, как и многие другие.

Все время его разум продолжал отстраненно накапливать впечатления, ощущения, рассчитывать и экстраполировать данные.

Паулю вспомнились слова Халлека: «Настроение — это для животных или в любви... А сражаешься ты, когда возникает необходимость, а не по настроению».

«Вот, наверное, в чем дело, — подумал Пауль. — Отца оплакивать я буду позже... когда будет для этого время».

Но он не чувствовал, чтобы холодная отчетливость его разума прервалась хоть на миг. Эта новая отчетливость была лишь началом, ощущал он, — и она росла. Его охватило чувство ужасного предназначения, впервые испытанное во время встречи с Преподобной Матерью Гайей-Еленой Мохийам. Во время испытания гом джаббаром. Правая рука — рука, все еще помнившая ту боль, — заныла, он ощутил, как ее покалывает и дергает...

«Интересно, каково быть этим их Квисатц Хадерахом?» — подумал он.

— Я подумала было, что Хават опять проглядел и Юйэ вовсе не был Суккским доктором, — задумчиво проговорила Джессика.

— Он был тем, кем мы его считали, — ответил Пауль, подумал: «Почему она так медленно осознает такие простые вещи?» Вслух же он сказал: — Если Айдахо не доберется до Кинеса, мы...

— Он — не единственная наша надежда, — перебила Джессика.

— Я хотел сказать не о том.

Она услышала в его голосе стальные, повелительные нотки и удивленно взглянула сквозь сумрак палатки на сына. Темный силуэт на фоне посеребренных луною скал, видневшихся сквозь прозрачную торцевую стенку диститента.

— Наверняка спасся еще кто-то из людей твоего отца, — сказала она. — Мы должны их собрать, найти...

— Нам придется рассчитывать только на себя, — жестко сказал Пауль. — И наша первая забота — это фамильный ядерный арсенал. Мы должны получить его прежде, чем до него доберутся Харконнены.

— Вряд ли им удастся найти наше ядерное оружие, — возразила Джессика. — Вспомни, как оно спрятано!

— Мы не можем рисковать.

Она подумала: «Он рассчитывал угрожать планете и запасам Пряности фамильным атомным оружием. Шантаж — вот что у него на уме! Но если он решится... все, на что он сможет рассчитывать, — это бегство, отступничество, жизнь без имени...»

Слова матери вызвали у Пауля мысль о людях, погибших в эту ночь. Это была уже мысль герцога. «Люди — вот истинная сила Великих Домов», — подумал Пауль и вспомнил слова Хавата: «Грустно расставаться с людьми, а место — это всего лишь место».

— За них сардаукары, — сказала Джессика. — Придется ждать, пока сардаукары не уйдут.

— Они думают, что поймали нас между Пустыней и сардаукарами, — ответил Пауль. — Они хотят, чтобы не осталось никого из Дома Атрейдес. Тотальное уничтожение — вот их цель. Так что не стоит рассчитывать на то, что кто-то из наших спасется.

— Не могут же они бесконечно рисковать раскрыть роль Императора в случившемся!

— Разве?

— Но ведь хоть кто-то из наших людей спасется, и...

— Ты веришь, что кто-то может спастись?

Джессика отвернулась, испуганная горькой силой в голосе сына. В нем звучала точнейшая оценка шансов. Она почувствовала, что разум сына неожиданно сделал скачок и был теперь гораздо мощнее ее разума; теперь Пауль в некоторых отношениях видел много больше, чем она. Джессика сама участвовала в формировании этого разума — но теперь вдруг ощутила страх перед ним. Она подумала о герцоге, о своем потерянном прибежище — и слезы обожгли ее глаза.

«Такова судьба, Лето, — подумала она. — Сказано: *«Время любить и время скорбеть...»* — Она положила руку на свой живот, сконцентрировала внимание на эмбрионе. — Вот во мне дочь Атрейдеса — та, которую мне было велено произвести на свет. Но Преподобная ошибалась: дочь не спасла бы моего Лето. Это дитя — всего лишь жизнь, которая среди смерти и разрушения тянется к будущему. И я зачала его, послушная инстинкту, а не приказу!..»

— Попробуй еще раз приемник на частотах коммуникационной сети, — предложил Пауль.

«Разум работает, как бы ни хотели мы сдержать его», — подумала она.

Джессика достала маленький приемник, который оставил им Айдахо, щелкнула выключателем. Загорелся зе-

леный огонек, из динамика раздался жестяной скрежет помех. Джессика уменьшила громкость, принялась шарить по частотам. Послышался голос — кто-то говорил на боевом языке Дома Атрейдес:

— ...назад и перегруппировались у обрыва. Федор сообщил, что в Карфаге не спасся никто, а Гильд-Банк разграблен.

«Карфаг! — подумала Джессика. — Харконненское гнездо...»

— Это сардаукары, — продолжал голос. — Осторожно — остерегайся сардаукаров в форме Атрейдесов. Они...

Рев перекрыл его слова. Затем настала тишина.

— Попробуй другие частоты, — сказал Пауль.

— Ты понимаешь, что это значит? — спросила Джессика.

— Я ожидал этого, — спокойно сказал Пауль. — Они хотят, чтобы Гильдия обвинила в разрушении банка именно нас. А если против нас Гильдия — мы пойманы на Арракисе и не сможем покинуть его. Попробуй другие частоты.

Она взвесила его слова: «Я ожидал этого». Что с ним случилось?.. Помедлив, Джессика вновь занялась приемником. Она вращала ручку настройки, время от времени выхватывая из эфира обрывки, говорящие о происходящей битве. Голоса выкрикивали на боевом языке Дома Атрейдес: «Отступаем!..», «Попробуй перегруппироваться на...», «Заперты в пещере у...». И нельзя было ошибиться, слыша возбуждение победы в харконненской тарабарщине, звучавшей на других частотах. Резкие команды, боевые рапорты. Этого было недостаточно для Джессики, чтобы опознать и понять язык — но тон был ясен.

Харконнены победили.

Пауль потряс сумку, прислушиваясь к плеску воды в двух литраках. Он глубоко вздохнул и сквозь прозрачную стенку палатки посмотрел на очертания скал, выделявшиеся на фоне усыпанного звездами неба. Левой рукой пощупал сфинктерный клапан, служивший входом в палатку.

— Скоро рассвет, — произнес он. — Мы можем ждать Айдахо еще день. Но не ночь. Вторую ночь мы тратить не можем. В Пустыне ходят ночью, а днем укрываются в тени.

Человеку без дистикомба, сидящему в тени, в Пустыне необходимо в день пять литров воды для сохранения веса тела, вспомнила Джессика. Она вдруг по-новому ощутила прильнувшую к коже гладкую мягкую ткань дистикомба. Теперь их жизни зависели от этой одежды.

— Если мы уйдем отсюда, Айдахо нас не найдет, — сказала она.

— Есть способы заставить говорить любого человека, — ответил Пауль. — Если Айдахо не вернется к рассвету, придется учесть возможность того, что его схватили. Сколько, по-твоему, сможет он продержаться на допросе?..

Вопрос был, конечно, риторический, и она не ответила.

Пауль поднял крышку сумки, достал руководство — микрокнигу, снабженную самосветящейся полоской для чтения в темноте и лупой. Зеленые и оранжевые буквы: *литраки, дистителт, энергокапсюли, запасные катетеры, шноркель, бинокль, ремпакет к дистикомбу, краскомет, карта укрытий, носовые фильтры, паракомпас, крюки Подателя, манки, «столб огня»...*

Сколько всего нужно, чтобы выжить в Пустыне!..

Наконец он отложил руководство в сторону, на пол палатки.

— Но куда нам идти? — спросила Джессика.

— Отец говорил как-то о мощи Пустыни, — задумчиво сказал Пауль. — Без нее Харконненам не править этой планетой. Они и не правили ею никогда, и никогда не будут. Не будут — даже если в их распоряжении окажется десять тысяч легионов сардаукаров.

— Пауль, не думаешь же ты, что...

— У нас достаточно тому доказательств, — покачал головой Пауль. — Прямо здесь, в палатке. Сама она, затем эта укладка и ее содержимое, наконец, дистикомбы. Нам известно, что Гильдия требует немыслимую цену за вывод на орбиту метеоспутников — цену, практически исключающую их покупку. Нам известно, что...

— При чем здесь метеоспутники? — перебила Джессика. — Они же не могут... — Она вдруг замолчала.

Пауль своим новым сверхчутким восприятием считывал ее реакции, подмечал мельчайшие детали, просчитывал...

— Теперь ты и сама видишь, — утвердительно сказал он. — Спутники снимают все, что есть внизу. Им видно все. А в глубине Пустыни есть вещи, которые чужой видеть не должен...

— Ты хочешь сказать, что эту планету контролирует Гильдия?

Как медленен был ее разум!..

— Да нет же! — нетерпеливо воскликнул он. — Сами фримены! Это они платят Гильдии за свое спокойствие, а та не суется в их владения и других не пускает. И платят они той монетой, которая всегда в достатке у владеющих мощью Пустыни. Пряностью. Это — больше, чем прикидки во втором приближении по косвенным данным, это — точно вычисленный ответ. Будь в этом уверена.

— Пауль, — проговорила Джессика, — ты же еще не ментат, как же ты можешь быть так уверен, что...

— Я никогда и не буду ментатом, — медленно ответил он. — Я — нечто другое... урод...

— Пауль! Как ты можешь...

— Оставь меня!

Он отвернулся от нее к темноте за прозрачной стенкой. Почему я не могу почувствовать скорбь?.. Каждая частица его тела жаждала облегчения в слезах — но отныне ему не суждено было больше испытывать такое облегчение.

Никогда ранее Джессика не слышала такой тоски в голосе сына. Ей хотелось прикоснуться к нему, обнять, утешить, помочь — но она чувствовала, что ничего не может сделать. Он должен сам во всем разобраться, пережить все.

Светящаяся полоска на руководстве к фримпакету, лежащему на полу между ними, привлекла ее внимание. Джессика подняла его, открыла титульный лист, прочла: «Наставление о Благодатной Пустыне, месте, исполненном жизни. Здесь — аят и бурхан Жизни. Верь, и Ал-Лат не сожжет тебя».

«Звучит как Книга Азхар, — подумала Джессика, вспоминая, как изучала Великие Тайны. — Работа Манипулятора Вероучений?.. Значит, и их присылали сюда...»

Пауль достал из сумки паракомпас, положил обратно, сказал:

— Только подумай обо всех этих фременских устройствах — имеющих, заметь, весьма специальное назначение. Удивительная сложность и продуманность. Согласись, цивилизация, создавшая подобное, скрывает глубины, о которых никто не подозревал.

Неуверенно, все еще встревоженная резкостью его голоса, Джессика вновь вернулась к книге. Рассмотрела рисунок — созвездие арракийского неба, «Муад'Диб, или Мышь», — сообщала подпись. Оттуда же Джессика узнала и запомнила, что «хвост» Мыши указывает на север.

Пауль посмотрел в темноту, царившую в палатке. Движения матери едва можно было различить в слабом свете люминесцирующей полоски на руководстве. «*Теперь*, — подумал он, — пора выполнить просьбу отца. Именно сейчас, пока есть время для скорби. Позже скорбь будет помехой для нас». Эта холодная логика вдруг неприятно поразила его самого.

— Мама, — позвал он.

— Что?

Она услышала, как изменился его голос, — у нее вдруг похолодело внутри. Прежде она не слыхала в голосе сына такой стальной силы.

— Отец мой мертв, — сказал он.

Она обратилась внутрь себя, сопоставляя известные ей факты, и факты, и факты... как учит принимать информацию Путь Бене Гессерит. И чувство страшной потери охватило ее.

Джессика кивнула, не в силах произнести ни слова.

— Однажды отец сказал мне, — проговорил Пауль, — чтобы я передал тебе, в случае, если что-то случится с ним, его слова. Он боялся — ты поверишь, что он в самом деле не верил тебе.

«Напрасное опасение!..» — подумала она.

— Он хотел, чтобы ты знала: он никогда не подозревал тебя, — продолжал Пауль. Он объяснил ей, как все было, и добавил: — Отец хотел, чтобы ты знала, что он всегда тебе верил, во всем. Всегда любил. Он скорее усомнился бы в себе самом. И об одном лишь жалел — что так и не сделал тебя герцогиней, своей супругой.

Когда она смахнула слезы, в ее голове мелькнула мысль: «Напрасная трата воды»... Однако эта мысль была лишь

попыткой заглушить горе гневом. Лето, мой Лето! Какие страдания причиняем мы любимым!

Резким движением она погасила светящуюся полоску руководства. Рыдания сотрясали ее.

Пауль слышал, как горюет мать. Но внутри себя чувствовал лишь пустоту.

«Во мне нет скорби, — подумал он. — Почему? Почему?..»

Неспособность чувствовать горе казалась ему грехом или уродством.

Время искать и время терять, — пронеслись в голове у Джессики слова Экуменической Библии, — *время сберегать и время бросать; время любить и время ненавидеть; время войне и время миру.*

Между тем разум Пауля продолжал работать с этой новой леденящей точностью. Он видел пути, легшие перед ним на этой враждебной планете. Не имея даже того предохранительного клапана, который дает нам сон, он фокусировал свое восприятие будущего — и видел его, как просчитанные наиболее вероятные варианты, — но он видел его и чем-то другим, особенным, таинственным чувством — словно бы разум его погрузился в некую среду, лишенную времени, и ощутил там ветры грядущего...

Резко, словно найдя наконец необходимый ключ, разум Пауля поднялся на новый уровень восприятия. Он почувствовал, будто изо о всех сил цепляется за этот уровень и, обретя неуверенную опору, оглядывается кругом. Он оказался словно бы внутри гигантского шара, от которого во все стороны разбегались тысячи путей... но это было бы лишь отдаленное подобие по-настоящему испытанных им чувств.

Однажды он видел, как бьется на ветру тонкий газовый платок. Теперь он воспринимал будущее так, словно оно само обвивалось вокруг чего-то столь же колеблющегося и непостоянного, как тот платок.

Он видел людей.

Ощущал жар и холод бесчисленных вероятностей.

Узнавал имена, названия, места, переживал бессчетные эмоции, впитывал информацию, проникавшую из миллионов неведомых источников.

У него было время исследовать, испытать и попробовать все, — но не придать испытанному какую-то форму...

Это был целый спектр вероятностей, от отдаленного прошлого до далекого будущего и от весьма вероятного до почти невероятного. Он видел и бесчисленные варианты собственной смерти. Он видел новые планеты, новые культуры.

И людей.

Людей.

Такие сонмы их, что нельзя счесть; однако его разум изучал их, сортировал...

Даже гильдиеров.

И он подумал: «Гильдия — вот кто примет нас. Моя странность не будет для нее чем-то чересчур необычным, напротив, они высоко оценят ее... и даже будут с гарантией снабжать меня Пряностью».

Но мысль о том, что всю свою жизнь он будет вести мчащиеся во Вселенной корабли, используя свой мозг для просчета возможных вариантов будущего, была ему отвратительна. Тем не менее это тоже был шанс, на крайний случай. И к тому же, именно увидев свое вероятное будущее в варианте, связанном с Гильд-навигаторами, он осознал свою *странность*, а главное — понял ее.

«Нет, я обладаю иным типом предвидения, и я воспринимаю не то, что они. Я вижу *возможные пути*».

Это новое восприятие несло в себе и успокоение, и тревогу — многое в этом новом мире, открывшемся перед ним, уходило в глубину, тонуло, исчезало из поля зрения...

Чувство ушло так же быстро, как и пришло. Он осознал, что все пережитое прошло сквозь него за одно биение сердца!

Но за этот миг его сознание и восприятие были перевернуты и освещены каким-то новым, пугающим светом. Он повернулся, озираясь.

Ночь все еще заполняла палатку и укрытие в скалах. Мать все еще всхлипывала.

А он по-прежнему не чувствовал горя... эта пустота отделилась от его разума, который продолжал размеренно работать — перебирал информацию, взвешивал, оце-

нивал, вычислял, выдавал ответы, подобно тому, как происходит это у ментатов.

Теперь, знал он, у него был доступ к такому объему информации, как ни у кого до сих пор, но от этого не стало меньшим бремя этой пустоты внутри него. Что-то должно было вот-вот рухнуть. Словно затикал внутри часовой механизм бомбы. И хотел того Пауль или нет, этот механизм продолжал непреклонно тикать. При этом он регистрировал малейшие изменения вокруг: едва заметные колебания влажности, ничтожное падение температуры, шорох насекомого, ползущего по стенке палатки, торжественное приближение зари, уже высветлившей клочок неба, видимый сквозь прозрачный торец дистидента.

Пустота внутри была невыносима. То, что он знал, как был запущен механизм, ничего не меняло. Посмотрев назад, в свое собственное прошлое, он мог увидеть, как все начиналось: тренировки, оттачивание природных способностей, утонченно подобранные нагрузки сложнейших дисциплин, даже полученная в критический момент Экуменическая Библия... и наконец, в последнее время, — Пряность в больших дозах. И теперь он мог смотреть вперед, в будущее: самое пугающее направление! Но туда вело все, что случилось с ним.

«Я — монстр! — подумал он. — Урод!..»

— Нет... — сказал он. — Нет. Нет! НЕТ!!!

Он вдруг понял, что бьет кулаками по полу палатки. (А та странная новая его часть неумолимо считала: отметила эту вспышку как интересную информацию о его эмоциях и включила эту информацию в свои расчеты.)

— Пауль!

Мать оказалась рядом — удерживала его руки. Лицо Джессики сероватым пятном вырисовывалось во мраке, он чувствовал ее взгляд.

— Что случилось, Пауль? Что тебя мучает?

— Это ты!..

— Я, я, — успокаивающе сказала она. — Все хорошо, все в порядке...

— Что ты со мной сделала?! — горько спросил он.

Во внезапном озарении она поняла часть того, что он имел в виду, и ответила:

— Я родила тебя.

Инстинкт, проницательность и утонченное знание подсказали, что именно такой ответ нужен был, чтобы успокоить его. Он почувствовал ее руки, ласково сдерживающие его, увидел неясно очерченное в темноте ее лицо. (Некоторые наследственные черты ее лица были замечены его новым сознанием, включены в общую сумму данных, просчитаны, получившийся результат выдан и принят к сведению...)

— Отпусти меня, — резко сказал он. Она услышала сталь в его голосе и повиновалась.

— Может быть, скажешь все-таки, что случилось, Пауль?

— Ты знала, что делаешь, когда тренировала меня?

В его голосе не осталось ничего детского, подумала она и ответила:

— Я надеялась — как все родители, — что ты вырастешь и станешь иным... лучше, чем я...

— Иным?

Она услышала горечь в его голосе.

— Пауль, я...

— Тебе не сын был нужен! — закричал он. — А этот — Квисатц Хадерах! Бене Гессерит мужского пола!..

Ее словно оттолкнуло — так сильна была его горечь.

— Но, Пауль...

— Ты спрашивала отца, хотел ли он этого?!

Она ответила ему мягко (и горе вновь ожило в ней):

— Кем бы ты ни был, Пауль, но ты настолько же сын своего отца, насколько и мой.

— Да, но твоё воспитание! Твои тренировки! Все то, что... разбудило... спящего...

— Спящего?

— Вот здесь. — Он дотронулся до своей головы, потом положил руку на грудь. — Здесь, во мне. И это все продолжается... продолжается... продол...

— Пауль! — крикнула она, слыша, что он вот-вот сорвется в истерику.

— Послушай, — сказал он. — Ведь ты хотела, чтобы Преподобная Мать узнала о моих снах? Так вот послушай теперь сама, вместо нее. Только что я видел сон — наяву. Спал и бодрствовал. А знаешь почему?

— Успокойся, — сказала она. — Если что-то и...

— Это Пряность, — произнес он. — Она здесь всюду. В воздухе, в почве, в еде. Гериатрическая Пряность. Она подобна снадобью Правдовидиц — это яд!

Она замерла.

Он тихо повторил:

— Это яд. Тонкий. Коварный. Незаметный. И — необратимый. Причем он не убивает — разве только если прекратишь принимать его. Теперь мы не можем покинуть Арракис, не взяв с собой часть его.

Спокойствие в голосе пугало и не оставляло места для возражений.

— Ты — и Пряность, — произнес Пауль. — Пряность меняет всякого, кто принял достаточное ее количество. Однако благодаря тебе я смог воспринять эту перемену своим сознанием, и сознание мое изменилось. Для большинства она остается на подсознательном уровне, где ее можно заглушить. Я же ее вижу.

— Пауль, ты...

— Я вижу ее! — повторил он.

Она услышала нотки безумия в его голосе и не знала, что ей делать.

Однако он снова заговорил, и сталь вновь появилась в его голосе.

— Мы здесь в ловушке.

«Да, мы здесь в ловушке», — мысленно согласилась она.

Она не могла не признать его правоту. Вся сила Бене Гессерит, любые хитрости, любая изобретательность — ничто не могло теперь освободить их от Арракиса. Пряность давала сильное привыкание. Тело ее узнало это гораздо раньше, чем сумел осознать разум.

«Значит, здесь суждено нам прожить всю свою жизнь, — подумала она, — на этой адской планете. Это место нам уготовано — если, конечно, мы сумеем ускользнуть от Харконненов. И все, что мне остается, — это быть племенной кобылой, сохраняющей важную генетическую линию для Плана Бене Гессерит».

— Я должен рассказать тебе о моем сне наяву, — промолвил Пауль. Теперь в его голосе звучала ярость. — А чтобы

ты не просто выслушала, но услышала и поняла, что я знаю, о чем говорю, — скажу прежде, что́ мне известно. Ты родишь дочь, мою сестру, здесь, на Арракисе...

Чтобы подавить нахлынувший страх, Джессика уперлась руками в пол палатки, вжалась спиной в ее стенку. Она знала, что ее беременность еще нельзя было заметить со стороны, и лишь Бене-Гессеритская подготовка позволила ей уловить первые, слабые знаки жизни, зарождающейся в ее теле, угадать пробуждение эмбриона, которому было всего несколько недель.

— Лишь для служения... — прошептала Джессика, пытаясь найти опору в девизе Бене Гессерит: «Мы живем лишь для служения».

— Так вот, — сказал Пауль, — мы найдем свой дом среди фрименов. Там, где ваша Миссионария Протектива подготовила для нас убежище.

«Да, они подготовили для нас путь в Пустыню, — мелькнуло в голове Джессики. — Но *откуда* ему знать про Миссионарию Протектива?!» Ей становилось все труднее преодолеть страх перед подавляющей отчужденностью сына.

Он внимательно всматривался в темный силуэт матери и своим новым зрением видел ее страх и все ее реакции — словно Джессику озарял яркий свет. Он вдруг почувствовал сострадание к ней.

— Я не сумею даже начать рассказывать тебе все то, что случится здесь, — проговорил он. — Я даже самому себе не сумею пересказать это, хоть и видел все. Это чувство будущего... контролировать его я не могу. Оно просто происходит со мной, случается — и все. Ближайшее будущее — где-то на год вперед — я как-то различаю... оно похоже на... дорогу. Путь. Как Центральный проспект у нас, на Каладане. Кое-чего я не вижу... мест, скрытых в тени... словно дорога уходит за холм (тут он вновь подумал о вьющейся на ветру палатке)... и у нее есть развилки...

Он замолчал — вновь на него нахлынуло ощущение видения. Не пророческий сон, не ощущение жизни, расширяющейся во все стороны подобно сброшенной звездной оболочке, раздвигающей ткань времени...

Джессика нащупала регулятор флуоресцентной полоски.

Тусклый зеленоватый свет отодвинул тени, уменьшил ее страх. Она увидела лицо Пауля, его глаза, обращенные внутрь. Джессика вспомнила, где видела похожие лица: на записях, сделанных в районах бедствий, на лицах детей, страдающих от голода или от страшных ран. Глаза словно ямы, узкая прорезь сжатых губ, запавшие щеки.

«Так выглядят люди, узнавшие о чем-то страшном... например, те, кого заставили осознать свою смертность», — подумала она.

Да, он действительно больше не ребенок.

Но тут она начала понимать, что означают его слова, и это вытеснило из ее головы все прочее. Пауль видел будущее — он видел путь к спасению!..

— Значит, мы можем скрыться от Харконненов! — выдохнула она.

— Харконнены, — хмуро усмехнулся он. — Выбрось из головы этих... душа каждого человека в их Доме искажена, весь их Дом — нарушение заповеди «не искази душу...».

Он внимательно рассматривал лицо матери, освещенное флуоресцентной полоской книги. Ее черты говорили многое.

— Почему ты сказал «каждого человека», или ты забыл, чему научила тебя Пре...

— А ты уверена, что знаешь, где проводить границу, и можешь определить, кто — человек, а кто нет? — прервал он ее. — Мы несем с собой свое прошлое. И, матерь моя, есть нечто, чего ты не знала и должна узнать — и мы тоже Харконнены, ты и я.

С ее разумом случилось что-то пугающее: он будто отключился, как будто пытался отгородиться от внешнего мира. Но голос Пауля неумолимо звучал, увлекая ее за собой:

— Когда тебе приведется снова увидеть зеркало, рассмотри внимательно свое лицо — а пока посмотри на меня. Родовые черты видны достаточно ясно, если только ты не будешь закрывать на них глаза. Посмотри на мои руки, на мое сложение. Ну а если это тебя не убеждает — поверь мне на слово. Я был в будущем, я видел там записи, некое место... у меня есть все данные. Мы — Харконнены.

— Побочная ветвь, наверно? — с надеждой спросила она. — Отошедшая от их Дома? Так ведь, правда?.. Какой-нибудь двоюродный...

— Ты — дочь самого барона, — сказал он. Джессика зажала руками рот, а он продолжил: — Барон в молодости был весьма падок на удовольствия; и как-то раз он дал себя соблазнить. Но соблазнила его не кто-нибудь, а одна из сестер Бене Гессерит, одна из вас — для вашей генетической программы.

Его слова «одна из вас» прозвучали как пощечина. Но они подхлестнули ее разум — и, оценив полученную информацию, она не могла опровергнуть сына. Теперь многое стало ясно в ее собственном прошлом, разорванные концы сошлись, многое стало на свои места. Ее дочь, которую требовал от нее орден Бене Гессерит, была нужна вовсе не для прекращения старой вражды Атрейдесов и Харконненов. Ее рождение должно было закрепить некий генетический фактор, полученный в двух этих линиях... Да, но какой фактор? Она пыталась найти ответ — но не могла.

Словно читая ее мысли, Пауль сказал:

— Они думали, что так получат *меня* поколение спустя. Но я — не то, чего они ожидали. И я пришел прежде времени. И они не знают этого.

И снова Джессика зажала руками рот.

Великая Мать! Да он же... Квисатц Хадерах!

Ей казалось, что она стоит перед ним нагая — а он пронизывает ее взглядом, от которого почти ничто не скроется. В этом, поняла она, и была причина ее страха.

— Ты думаешь, что я — Квисатц Хадерах, — произнес он. — Выбрось это из головы. Я — нечто иное. Нежданное и непредусмотренное.

«Я обязана сообщить об этом в одну из школ, — пронеслось у нее в голове. — Надо изучить Брачный Индекс, может быть, тогда станет ясно, что произошло...»

— Но они не узнают обо мне, пока не станет слишком поздно, — спокойно сказал он.

Она попыталась отвлечь его. Опустила руки, спросила:

— Мы найдем убежище среди фременов?

— У фременов есть поговорка, которую они приписывают Шаи-Хулуду, Старому Отцу-Вечности, — ответил

он. — Так вот, они говорят: «Будь готов принять то, что дано тебе испытать».

И подумал: «Да, матерь моя. Среди фременов. И станут глаза твои — синими, и будет подле твоего прекрасного носа мозоль от трубки носового фильтра дистикомба... и ты родишь мою сестру — святую Алию, Деву Ножа».

— Но... если ты — не Квисатц Хадерах... — проговорила Джессика, — то...

— Ты этого не знаешь, — кивнул он. — И не поверишь, пока не увидишь сама...

И мысленно ответил: «Я — семя».

Внезапно он понял, как плодородна земля, в которую упало это семя. И когда он понял это, то чувство ужасного предназначения вновь охватило его, просочившись сквозь пустоту в его душе. И он едва не задохнулся от горя.

Во время прозрения он увидел перед собой в будущем два главных пути. На одном ему предстояло сойтись лицом к лицу с черным бароном; они сталкивались, и Пауль приветствовал его: «Привет, дед». Но от мысли об этом пути и том, что лежало перед ним на этом пути, ему стало дурно.

Второй же путь... Безвестность и существование во мраке — мраке, над которым вставали огненные пики насилия, — вот что лежало на том пути. Он увидел новую религию, религию воинов, увидел огонь, охватывающий Вселенную, видел черно-зеленое знамя Атрейдесов, реющее над легионами фанатиков, опьяненных меланжевым ликером. Среди них были Гурни Халлек и горстка людей его отца — увы, ничтожная горстка! — и каждый идущий под этими знаменами отмечен знаком ястреба из храма-усыпальницы его отца, Усыпальницы Головы Лето.

— Этим путем я идти не могу, — пробормотал он. — А старые ведьмы из этих твоих школ этого именно и хотят...

— Я не понимаю тебя, Пауль, — жалобно сказала Джессика.

Он не ответил, думал о семени — о себе, — думал, как это семя, думал и чувствовал новым сознанием — сознанием расы, которое впервые ощутил как ужасное предназначение. Оказывается, он более не мог ненавидеть ни Бене

Гессерит, ни Императора, ни даже Харконненов. Все они служили потребности расы обновить застоявшуюся кровь, освежить наследственность, смешать и переплести генетические линии в одном великом море... А для этого раса знала лишь один путь, древний, испытанный, надежный и сметающий все на своем пути. Джихад.

«Но я не могу идти этим путем!..» — в отчаянии подумал он.

И тут вновь он увидел внутренним взором усыпальницу головы своего отца и безумие насилия, осененное черно-зеленым знаменем.

Джессика кашлянула, обеспокоенная его долгим молчанием.

— Так... дадут нам фримены убежище?

Он поднял взгляд, посмотрел сквозь зеленоватый полумрак палатки, освещенный люминофором книги, на ее лицо — патрицианские черты, отмеченные знаками вырождения, вызванного эндогамными браками.

— Да, — сказал он. — Есть и такая возможность. — Он кивнул. — Да. И они назовут меня... Муад'Диб и «Сокращающий путь». Да... они будут звать меня так.

И он закрыл глаза и подумал: «Теперь, о мой отец, я могу наконец оплакать тебя». И почувствовал слезы на своих щеках.

КНИГА ВТОРАЯ
МУАД'ДИБ

Когда Падишах-Император, мой отец, узнал о гибели герцога Лето и о том, как именно он погиб, он пришел в такой гнев, в каком мы никогда его не видели ранее. Он обвинял мою мать и навязанное ему соглашение, обязавшее его возвести на трон сестру Бене Гессерит; обвинял Гильдию и старого негодяя барона — обвинял всех, кто ему попадался на глаза, не исключая и меня. Он кричал, что и я такая же ведьма, как и все прочие. Когда же я попыталась успокоить его, упирая на то, что это было сделано согласно древним правилам самосохранения, которым правители следовали с древнейших времен, он лишь фыркнул и спросил, уж не считаю ли я его слабым правителем, нуждающимся в такой защите. И тогда мне стало ясно, что не сожаление о гибели герцога так взъярило его, а мысль о том, чем могла обернуться для него эта гибель...

Вспоминая сейчас об этом, я думаю, что и мой отец мог обладать некоторым даром предвидения — ибо очевидно, что и его род, и род Муад'Диба имеют близкую наследственность, восходя к единому корню.

(Принцесса Ирулан, «В доме моего отца»)

— И вот время Харконнену убить Харконнена, — прошептал Пауль.

Он проснулся на закате, в темном, герметически закрытом дистителте.

Он услышал, как от его шепота пошевелилась мать у противоположной стенки палатки.

Пауль посмотрел на детектор близости на полу, чьи циферблаты подсвечивались в темноте зеленоватым светом люминофорных трубок.

— Скоро ночь, — проговорила мать. — Может быть, поднимешь противосолнечные экраны?

Только теперь Пауль понял, что уже некоторое время она дышит по-иному, не так, как во сне, — значит, молча лежала во тьме, пока не убедилась, что он проснулся.

— Экраны здесь ни при чем, — отозвался он. — Была буря. Палатку занесло песком. Скоро я ее раскопаю.

— Значит, Дункан не прилетел.

— Нет.

Пауль рассеянно потер герцогский перстень (он носил отцовский знак на большом пальце — великоват), и вдруг его охватила дрожь яростной ненависти к этой планете, к самой ее сущности. Эта планета помогла убить его отца.

— Я слышала, как началась буря, — сказала Джессика.

Бессодержательность ее слов помогла Паулю немного успокоиться. Он вспомнил начало бури — он наблюдал его сквозь прозрачную стенку палатки. Сначала, будто холодный дождь, застучали песчинки по поверхности котловины, зазмеились песчаные вихорьки по земле, потом от них замутилось небо, стеной упал песчаный ливень. Он увидел, как меняется форма каменного шпиля напротив — стремительный порыв бури в одно мгновение засыпал его, превратив в низкий желтоватый курган. Ворвавшись в котловину, песок затянул небо тускло-бурым пологом — а затем палатку засыпало, и настала темнота.

Опорные дуги палатки скрипнули, приняв на себя вес песка, затем наступила тишина, нарушаемая лишь глухими свистящими вздохами помпы шноркеля, подававшего воздух с поверхности в дистител.

— Попробуй опять приемник, — предложила Джессика.

— Бесполезно, — ответил Пауль.

Он нащупал водяную трубку, удерживаемую зажимом у воротника, глотнул теплой воды и подумал, что теперь начинается по-настоящему арракийская жизнь. Жизнь, зависящая от восстановленной воды, собранной из выделений тела... вода была совершенно безвкусной, но смягчила пересохшее горло.

Джессика услышала, как он пьет, почувствовала, как липнет к коже скользкая ткань дистикомба, но не подда-

лась своей жажде. Признать ее — значило окончательно проснуться к суровой реальности Арракиса, где приходится беречь каждую каплю влаги, собирать ничтожное количество конденсата в водяные карманы дистителта и жалеть о каждом выдохе в открытый воздух...

Насколько легче было бы вновь ускользнуть от реальности в сон!..

Но сегодня днем она видела иной сон... до сих пор, вспоминая его, она вздрагивала. Ей снилось, что она подставляет руки струящемуся песку, а песок сыплется, сыплется и заносит начерченное на песке имя: Герцог Лето Атрейдес. Она хочет поправить имя, но не успевает — первую букву засыпает прежде, чем она прочерчивает последнюю.

И песок все течет, все сыплется...

Сон завершился плачем-причитанием, который становился все громче и громче. Странный плач: какая-то часть разума осознавала, что это ее собственный голос — но детский, почти младенческий. От нее уходила какая-то женщина, чьи черты ускользали из памяти.

«Моя неизвестная мать, — поняла Джессика. — Та сестра Бене Гессерит, которая вы́носила меня и отдала меня Ордену — потому что так ей приказали. Интересно, радовалась ли она, что отделалась от харконненского ребенка?..»

— Их слабое место — Пряность, — проговорил Пауль. — По ней и надо бить.

«Как он может *сейчас* думать об атаке?» — поразилась она.

— Здесь вся планета — сплошной склад Пряности, — возразила она. — Как здесь бить, куда?

Было слышно, как он завозился, потянул к себе по полу рюкзак.

— На Каладане это была власть на море и в воздухе — сила воздуха и сила моря. Здесь это должна быть власть в Пустыне и сила Пустыни. И ключ к ней — фримены.

Последние слова донеслись уже от сфинктерного клапана входа. Тренированное ухо Бене Гессерит услышало в его голосе горечь, направленную против матери.

«Всю жизнь его учили ненавидеть Харконненов, — подумала она. — И вот он узнает, что сам он — тоже Харконнен... из-за меня. Как же мало он меня знает! Я была единственной женщиной герцога и приняла и его жизнь, и его ценности настолько, что ради них пошла против воли Бене Гессерит...»

Пауль протянул руку, включил ленточный светильник дистителя, и его зеленоватый свет наполнил тесное пространство под сводом палатки. Пауль сел на корточки возле входного клапана, изготовив дистикомб к выходу в открытую пустыню: капюшон надвинут на лоб, ротовой и носовой фильтры на месте. Только узкая полоска лица и темные глаза остались открытыми — сверкнули, когда он на секунду обернулся к ней.

— Приготовься — открываю. — Из-под фильтра его голос прозвучал глухо.

Джессика тоже натянула фильтр, занялась капюшоном. Пауль разгерметизировал входной клапан.

Как только клапан открылся, шуршащий песок потек в палатку — прежде чем Пауль успел остановить его статическим уплотнителем.

Орудуя уплотнителем, Пауль принялся расчищать проход — в стене песка образовалось и стало увеличиваться углубление. Он скользнул наружу — Джессика слышала, как он ползет по лазу к поверхности.

«Кто или что ждет нас наверху? — подумала она. — Харконненские солдаты и сардаукары? Хотя это — опасность, которую можно ожидать. Но есть еще и иные, неведомые...»

Она вновь подумала о статическом уплотнителе и прочих диковинных инструментах во фримпакете. И каждый из них показался ей вдруг олицетворением этих неведомых опасностей.

Затем она почувствовала дуновение ворвавшегося в палатку раскаленного воздуха с поверхности, тронувшего кожу между капюшоном и лицевым клапаном.

— Подай мне укладку, — негромко, осторожно попросил Пауль.

Джессика повиновалась; слышно было, как булькнула вода в литраках, когда она потянула по полу рюкзак. На фоне звезд чернел силуэт сына.

— Давай, — сказал он и, нагнувшись, принял рюкзак и вытянул его наверх.

Теперь был виден только усеянный звездами круг. Казалось, оттуда на нее нацелились сверкающие острия какого-то оружия. Внезапно этот круг ночного неба прочертили яркие штрихи метеоритного дождя. Метеориты показались ей дурным предзнаменованием — тигровые полосы на шкуре неба, леденящая кровь, сверкающая могильная решетка. И она вдруг остро ощутила, как лезвием меча нависла над ними награда, обещанная за их головы.

— Поторопись, — позвал Пауль. — Я хочу убрать палатку.

Струйка песка с шелестом просыпалась на ее левую руку. «Сколько песчинок удержит рука?» — спросила она себя.

— Помочь? — спросил Пауль.

— Не надо.

Она переглотнула сухим горлом и скользнула в лаз. Песок, уплотненный электрическим полем, сухо поскрипывал под руками. Пауль нагнулся в лаз, подал руку. Теперь она стояла рядом с сыном на гладком пятачке озаренной звездным светом Пустыни. Оглядевшись, Джессика увидела, что песок почти до краев наполнил впадину — лишь верхушки скал выступали над его ровной поверхностью. Напрягая свое тренированное восприятие, она вслушивалась в окружающую тьму.

Топоток и писк каких-то мелких зверушек.

Хлопанье крыльев, крик.

Шорох сыплющегося песка, движение...

...это Пауль сложил диститент и вытянул его из песка.

Звезды давали ровно столько света, чтобы наполнить угрозой каждую тень. Джессика нервно покосилась на окружавшие их сгустки мрака.

«Темнота — это слепое напоминание о давно ушедших временах, — подумалось Джессике. — Вслушиваясь в нее, мы инстинктивно страшимся услышать вой стаи, охотившейся некогда за нашими предками — так давно, что лишь в самых примитивных наших клетках сохранилась память об этом вое. Во тьме видят уши, видят ноздри...»

Пауль приблизился, проговорил:

— Дункан сказал, что, если его схватят, он сумеет продержаться... примерно до этого времени. Не дольше. Надо уходить.

Он вскинул на плечи укладку, поднялся на низкую теперь скалистую кромку укрывшей их каменной чаши, перешел на склон, обращенный в открытую Пустыню.

Джессика механически следовала за ним — про себя она отметила, что теперь уже она следует за сыном...

«*Вот, тяжелее горе мое всего песка морского*, — звучало в ее голове. — Этот мир опустошил меня, отняв все, кроме одной, древнейшей цели — заботы о будущей жизни. Теперь я живу лишь для моего юного герцога и для еще не рожденной дочери...»

Она поднялась к Паулю, чувствуя, как осыпается под ногами песок — словно хватает за ноги.

Пауль глядел на север, туда, где за скалистыми грядами вставала далекая каменная стена.

Она напоминала древний линкор в звездном ореоле. Невидимая волна возносила длинный стремительный корпус, увенчанный бумерангами антенн, отогнутыми назад трубами, П-образной кормовой надстройкой.

Над силуэтом взметнулось оранжевое пламя. С неба вниз в это пламя ударила ослепительная пурпурная черта.

И еще одна!

И вновь оранжевый сполох бьет вверх!

Это было — словно там, вдали, шло морское сражение древних времен, словно артиллерийская канонада — и эта ужасающая картина заставила их замереть.

— Огненные столбы, — прошептал Пауль.

Над далекими скалами поднялась гирлянда красных огней. Пурпурные штрихи рассекли небо.

— Это выхлопы реактивных турбин и лучеметы, — сказала Джессика.

Первая луна, красноватая из-за висящей в воздухе пыли, встала над горизонтом слева от них. Там еще виднелся хвост бури — пустыня словно кипела тучами песка.

— Похоже, это харконненские топтеры выслеживают нас с воздуха, — озабоченно проговорил Пауль. — Видишь, как они прочесывают пустыню — хотят быть уверенными, что выжгли все, что там есть. Так вытаптывают гнездо каких-нибудь ядовитых насекомых...

— Гнездо Атрейдесов, — пробормотала Джессика.

— Надо найти укрытие, — сказал Пауль. — Пойдем на север, придерживаясь скал. Если они поймают нас на открытом месте... — Он отвернулся, подгоняя лямки рюкзака. — Они бьют по всему, что движется.

Он сделал шаг по склону — и услышал шелест скользящего в воздухе орнитоптера, увидел темные силуэты машин над ними.

Отец сказал мне однажды, что уважение к истине лежит в основе всех почти систем морали. «Ничто не возникает из ничего», — сказал он. Глубокая мысль — если только понимать, сколь изменчивой может быть «истина».

(Принцесса Ирулан, «Беседы с Муад'Дибом»)

— Я всегда гордился тем, что вижу вещи такими, каковы они есть, — сказал Суфир Хават. — Это — проклятие всякого ментата. Невозможно не просчитывать поступающую информацию, невозможно остановиться.

В предрассветном сумраке можно было видеть, как сосредоточенно старое обветренное лицо. Губы в пятнах от сафо сжаты в узкую прямую линию, от них пролегли тяжелые складки.

На песке, напротив Хавата, безмолвно сидел на корточках человек в свободном длинном одеянии. Слова старого ментата его явно не тронули.

Оба они сидели под скалой, козырьком нависавшей над широкой и неглубокой впадиной. Рассвет уже окрасил иззубренные верхушки скал в розовый цвет. Под козырьком было холодно — здесь задержался отставший от уходящей ночи сухой, пронизывающий холодок. Перед самым рассветом дул теплый ветерок, но сейчас вновь похолодало. Хават слышал, как стучат зубами немногочисленные уцелевшие солдаты.

Человек напротив Хавата был фримен. Он пришел к Хавату чуть только забрезжил «ложный рассвет». Он скользил, словно едва касаясь песка, сливаясь с дюнами. За его движениями, скрытыми полумраком и развевающимся одеянием, невозможно было уследить.

Фримен протянул руку, пальцем начертил на песке подобие чаши с выходящей из нее стрелкой.

— Там без счета харконненских дозоров, — сказал он. Поднял палец от рисунка, ткнул в сторону скал, откуда спустился Хават со своими бойцами.

Хават кивнул.

Да, их там много.

Но он все еще не понимал, что было нужно этому фримену — и это его беспокоило. Он привык, что ментат способен определить движущие мотивы поступков.

Только что он пережил худшую ночь в своей жизни. Он был в гарнизонном городке Тсимпо, одном из буферных форпостов Карфага, бывшей столицы планеты, когда начали поступать сообщения о нападении. Сначала он подумал, что это — просто рейд, что Харконнены пробуют силы противника.

Но сообщение приходило за сообщением, и они приходили все чаще.

Два легиона высадились в Карфаге.

Пять легионов — пятьдесят бригад! — атакуют главную базу герцога в Арракине.

Один легион — в Арсунте.

Две боевые группы — в Расколотых Скалах.

Затем сообщения стали более подробными: среди атакующих — имперские сардаукары, вероятно, два легиона. И стало ясно, что врагу точно известно, сколько и куда посылать войск. Совершенно точно! У них была превосходная разведка.

Потрясение и ярость Хавата возросли настолько, что еще немного — и он, как ментат, вышел бы из строя. Масштабы атаки сами по себе были — как удар.

И вот он сидит здесь, под скалой в пустыне, кивает сам себе, словно дряхлый старик, кутается в драный и изрубленный мундир, словно пытаясь спрятаться от холодных теней.

Но сколько, сколько же их!..

Он всегда допускал, что враги наймут для налета или разведки боем лихтер Гильдии. Это было бы вполне в духе подобных междоусобиц Великих Домов. Лихтеры с грузом принадлежащей Дому Атрейдес Пряности взлетали и

садились на Арракисе регулярно. И разумеется, Хават принял необходимые меры на случай атаки с фальшивого лихтера. Они не предполагали, что даже в большом, массированном нападении будет участвовать больше десяти бригад.

Но, судя по последним данным, десант на Арракис был высажен более чем с двух тысяч кораблей — и не только лихтеров; на планету опускались фрегаты, разведчики, мониторы, крашеры, десантные транспорты, грузобомбы...

Больше сотни бригад — десять легионов!

Стоимость подобного предприятия едва могла бы покрыть доход Арракиса от продажи Пряности за полвека!

И то не наверняка.

«Я недооценил сумму, которую барон был готов истратить на эту войну, — горько подумал Хават. — Я обманул доверие моего герцога — и погубил его!»

И оставалось еще это предательство.

«Я сумею прожить еще достаточно, — думал он, стискивая кулаки, — чтобы увидеть, как ее удавят. Надо было убить ее, когда была еще возможность. Мог — и не убил!..» — Хават не сомневался, что их предала именно леди Джессика. Слишком хорошо вписывалась она в общую картину всех известных фактов.

— Ваш Гурни Халлек и часть его людей сейчас в безопасности — у наших друзей контрабандистов, — объявил вдруг фримен.

— Это хорошо.

Значит, Халлек сумеет унести ноги с этой адской планеты. Хоть кто-то спасется...

Хават оглянулся на свой маленький отряд. Горстка! Еще ночью у него было три сотни отборных бойцов. Теперь их осталось ровно двадцать — и половина из них ранены. Некоторые спали — стоя, опершись на скалу или раскинувшись на песке у ее подножия. Их последний орнитоптер — они использовали его как экраноплан для перевозки раненых — отказал уже перед самым рассветом. Они разрезали его лучеметами на куски и зарыли их, а затем сумели все же добрести до этого укрытия на краю котловины.

Лишь приблизительно мог Хават представить, где они находятся — километров двести к юго-востоку от Арракина, а основные пути между сиетчами Барьерной Стены лежали где-то южнее.

Фримен, сидевший напротив Хавата, откинул капюшон и шапочку дистикомба, открыв песчаного цвета шевелюру и бороду. Волосы были гладко зачесаны назад с высокого лба. Непроницаемо синие глаза — как и все фримены, он потреблял много меланжи. У левого угла рта усы и борода были словно запятнаны — здесь волосы свалялись, прижатые изогнутой трубкой, идущей от носовых фильтров.

Фримен вынул фильтры из ноздрей, поправил их, вставил на место и почесал шрам возле носа.

— Если собираетесь этой ночью пересечь впадину, — проговорил он, — не вздумайте включать щиты. Там, — он развернулся на пятках и махнул рукой на юг, — в Стене есть проход, а до самого эрга тянутся открытые пески. А щиты могут привлечь... — он заколебался, словно подыскивая слово, — червя. Они нечасто заходят сюда, но к работающему щиту червь придет наверняка.

«Он сказал «червь», — отметил Хават. — А хотел сказать нечто другое. Но что? И что ему от нас нужно?»

Хават вздохнул.

Он даже и не помнил, когда ему приходилось так уставать. Мышцы были так измотаны, что никакие энергетические таблетки уже не помогали.

Проклятые сардаукары!

С горьким осознанием собственной вины, Халлек думал о воинах-фанатиках и интриге — да нет, настоящем предательстве Императора, воплотившемся в их вторжении. Впрочем, как ментат, он понимал, что у него практически нет шансов предстать с доказательствами этого предательства перед Высшим Советом Ландсраада — а больше никто и не мог бы восстановить закон и справедливость...

— Вы хотите попасть к контрабандистам? — спросил фримен.

— А это возможно?

— Путь долог...

«Фримены не любят говорить «нет», — так сказал ему как-то Айдахо...

— Ты мне так и не сказал, — мрачно проговорил Хават, — помогут твои люди моим раненым или нет?

— Они — ранены...

Тот же проклятый ответ! Опять и опять!

— Да знаем мы, что они ранены! — вспылил Хават. — Это не...

— Успокойся, друг, — остерег фримен. — Что говорят сами раненые? Разве нету меж ними таких, кто понимает водную нужду племени?

— О воде мы не говорили, — сказал Хават. — Мы...

— Понимаю тебя, — кивнул фримен. — Понимаю, отчего ты не хочешь говорить об этом... Они твои друзья и соплеменники. Но есть ли у вас вода?

— Недостаточно...

Фримен показал на мундир Хавата — сквозь прорехи виднелась опаленная кожа, — сказал:

— Вижу я, вас захватили врасплох в вашем сиетче — без дистикомбов. Значит, тебе, друг, теперь принимать Водяное решение...

— Можем мы заплатить за вашу помощь?

— У вас нет воды, — пожал плечами фримен. Он оглядел небольшую группу за спиной Хавата. — Сколькими ранеными вы можете пожертвовать?

Хават замолчал. Будучи ментатом, он чувствовал, что они, похоже, просто не понимают друг друга. Слова соединялись во фразы — но смысл ускользал. Что-то тут было не так.

— Я — Суфир Хават, — проговорил он, — и имею право говорить от имени моего герцога. Я могу дать тебе обязательство об уплате за твою помощь. И мне нужна небольшая помощь — всего-то чтобы мои люди уцелели достаточно долго, чтобы убить изменницу, полагающую ныне, что она за пределами правосудия...

— Так ты хочешь, чтобы мы приняли твою сторону в вендетте?

— С вендеттой, — я справлюсь и сам. Все, что мне надо, — это избавиться от ответственности за раненых, чтобы заняться этой вендеттой...

Фримен нахмурился:

— Как ты можешь отвечать за своих раненых? Они сами за себя отвечают. Ведь речь — о воде, Суфир Хават. Или хочешь ты, чтоб я сам, без тебя, принял то Водяное решение?

И фримен положил руку на скрытое под его плащом оружие.

Хават напрягся. *Измена?..*

— Чего ты боишься? — спросил фримен.

«Эта мне фрименская прямота!» — подумал Хават и осторожно сказал:

— Моя голова ведь оценена...

— А-а, — отнял руку от оружия фримен. — Ты думаешь, мы продажны, как византийцы? Ты не знаешь нас. У Харконненов недостанет воды, даже чтобы купить и самого малого ребенка из фрименов.

«Но у них хватило богатств, чтобы заплатить Гильдии за перевозку более чем двух тысяч боевых кораблей», — подумал Хават. Сама мысль о таких расходах ошеломляла!

— Мы оба сражаемся против Харконненов, — сказал Хават. — Разве не должны мы разделять все проблемы и тяготы войны?

— А мы их и разделяем, — сказал фримен. — Я видел, как вы бились с Харконненами. Хорошо бились. В иные времена хотел бы я, чтобы ты бился плечом к плечу со мною!..

— Так скажи, где моя рука может пригодиться тебе? — горячо сказал Хават.

— Кто знает? — промолвил фримен. — Сейчас повсюду — харконненские войска... Однако ты до сих пор так и не принял Водяного решения — и не передал его своим раненым.

«Я должен быть осторожен, — напомнил себе Хават. — Я явно не понимаю чего-то важного».

— Может, — сказал он, — ты покажешь мне путь? Путь, годный для Арракиса?

— Вот мысли чужака, — с легкой насмешкой сказал фримен и показал куда-то на северо-запад, за скальные вершины. — Мы же видели, как пришли вы ночью через пески. — Он опустил руку. — Вот ты расположил своих

людей на сыпучем склоне дюны. А это — плохо. У вас нет ни дистикомбов, ни воды. Вам долго не продержаться.

— Да, нелегко дается жизнь на Арракисе, — признал Халлек.

— То правда. Но мы все же убивали Харконненов!

— А что вы делаете со своими ранеными? — напрямую спросил Хават.

— Разве не знает настоящий человек, когда его стоит спасать и когда нет? — поднял брови фримен. — Ведь твои раненые знают, что у вас нет воды. — Он повернул голову, искоса взглянул на Хавата. — Пришло время Водяного решения... И раненые, и здоровые должны теперь подумать о судьбе всего племени, о его будущем.

«Будущее племени, — подумал Хават. — Будущее племени Атрейдесов! А ведь в этом есть смысл...»

Он наконец заставил себя задать вопрос, которого избегал до сих пор. Боялся задать.

— Ты знаешь что-нибудь о моем герцоге — или о его сыне?

Непроницаемые синие глаза снизу вверх посмотрели в глаза Хавата.

— Что-нибудь?

— Какова их судьба?! — почти крикнул Хават.

— Судьба у всех одна, — неторопливо ответил фримен. — Герцог твой, говорят, уже принял ее. А что до Лисан аль-Гаиба, его сына... его судьба — в руках Лиета. А Лиет не сказал еще.

«Я мог и не спрашивать — я знал это и так».

Он вновь взглянул на своих людей. Они уже все проснулись. И все слышали. Они смотрели вдаль, на пески, и по их лицам видно было, что они поняли: на Каладан возврата нет, а теперь потерян и Арракис.

Хават повернулся к фримену:

— А о Дункане Айдахо ты знаешь что-нибудь?

— Он был в Большом доме, когда отключился ваш щит, — ответил тот. — Это я знаю... но и только.

«Да, она отключила щит — и впустила Харконненов, — билось в голове у Хавата. — Я — я! — сидел спиной к двери! Но как могла она совершить это — когда это должно было повернуться и против ее сына?.. Но... кто поймет мысли гес-

серитской ведьмы... если их можно назвать человеческими мыслями...»

Хават попытался сглотнуть — горло пересохло.

— А о мальчике... когда ты узнаешь хоть что-нибудь о мальчике?

— Мы слишком мало знаем о том, что делается сейчас в Арракине, — не спеша ответил фримен. — Кто знает?..

— Но вы сможете узнать?..

— Возможно. — Фримен почесал рубец возле носа. — Скажи мне теперь, Суфир Хават: знаешь ли ты что-либо о большом оружии, которым пользовались Харконнены?

«Артиллерия, — горько подумал Хават. — Ну кто мог подумать, что они вспомнят о пушках в наш век силовых щитов?!»

— Ты говоришь об артиллерии, с помощью которой они засыпали в пещерах наших бойцов, — проговорил он. — Я знал о подобном оружии со взрывчатыми снарядами... теоретически.

— Кто укрылся в пещере, имеющей лишь один выход, заслуживает смерти, — отрезал фримен.

— Но зачем ты спрашиваешь об этом оружии?

— Так угодно Лиету.

«Это — то, что ему от нас нужно?» — подумал Хават. И вслух:

— Так ты пришел к нам за информацией о больших пушках?

— Лиет пожелал сам увидеть такое оружие.

— Чего же проще, — хмыкнул Хават. — Захватите одну пушку.

— Да, — кивнул фримен. — Мы и захватили. Спрятали ее там, где Стилгар сможет изучить ее для Лиета — и где Лиет сможет сам осмотреть ее, коль скоро будет на то его воля. Впрочем, не думаю я, что Лиету это будет интересно: неважное оружие. Не самая лучшая конструкция для Арракиса.

— Вы... *захватили* пушку?! — не веря своим ушам, переспросил Хават.

— Ну да, — ответил фримен спокойно. — Добрая была сеча. Мы потеряли лишь двоих, зато пустили воду, пожалуй, сотне их бойцов.

«Да ведь при каждой пушке были *сардаукары!* — мысленно закричал Хават. — А этот безумец из пустыни запросто говорит, что они потеряли лишь двоих — и это против сардаукаров!..»

— Мы бы и тех двоих не потеряли, — заметил фримен, словно читая его мысли, — если б не те, другие, что дрались за Харконненов. Среди них были отменные бойцы!

Один из людей Хавата подошел, припадая на раненую ногу, взглянул сверху вниз на сидящего на корточках фримена:

— Ты говоришь о *сардаукарах?!*

— Он говорит именно о сардаукарах, — устало кивнул Хават.

— Сардаукары, вот как! — сказал фримен, и в голосе его, кажется, зазвучало недоброе веселье. — Ага! Вот, значит, каковы они. Да, добрая выдалась ночка. Сардаукары, скажи-ка! А какой легион? Вы знаете?

— Нет... не знаем, — ответил Хават.

— Сардаукары, — задумчиво пробормотал фримен. — А в харконненской форме! Вот странно, а?

— Значит, Император не хочет, чтобы знали, что он выступил против Великого Дома.

— Но *вы-то знаете*, что это — сардаукары.

— Да кто я такой? — горько спросил Хават.

— Ты — Суфир Хават, — спокойно напомнил фримен. — Ну что ж, мы бы это и так узнали в свое время: мы уже послали троих пленных к Лиету, чтобы его люди допросили их.

Адъютант Хавата медленно переспросил, не веря своим ушам:

— *Вы... взяли в плен сардаукара?!*

— Только троих, — отмахнулся фримен. — Очень уж хорошо дерутся.

«Ах, если б у нас было время привлечь на свою сторону фременов! — горько подумал Хават. — Если б мы успели обучить и вооружить их!.. Великая Мать, какое войско б у нас было!..»

— Может, ты откладываешь решение, беспокоясь из-за Лисан аль-Гаиба? — спросил фримен. — Если так, то

знай, что не будет ему вреда ни от кого и ни от чего, коль скоро он и впрямь Лисан аль-Гаиб. Итак, не думай пока о том, чему нет свидетельства.

— Я служил... Лисан аль-Гаибу, — проговорил Хават. — Его безопасность, конечно, заботит меня: ведь я присягал ему!

— Присягал на его воде?

Хават бросил взгляд на своего адъютанта, все еще недоверчиво разглядывающего фримена, и вновь повернулся к сидящему перед ним.

— Да, на его воде.

— Ты хочешь вернуться в Арракин — в место его воды?

— В... да. В место его воды.

— Так что ж ты не сказал сразу, что это — дело воды?.. — Фримен поднялся, плотнее вставил фильтры в нос.

Хават кивком велел адъютанту вернуться к остальным. Тот, устало пожав плечами, подчинился. Хават услышал, что бойцы принялись негромко обсуждать происходящее.

— К воде, — заявил фримен, — путь есть всегда.

Кто-то выругался за спиной Хавата.

— Суфир! — крикнул адъютант. — Арки умер.

Фримен прижал к уху кулак:

— Это знак! Союз воды!..

Он прямо взглянул на Хавата:

— Поблизости у нас есть место для приятия воды. Так я зову моих людей?..

Адъютант подошел к Хавату.

— Суфир, у пары наших остались жены в Арракине. Они... Ну да ты понимаешь, каково им теперь...

Фримен все еще держал сжатый кулак у уха.

— Так что же, Суфир Хават, — Союз воды? — требовательно переспросил он.

Мозг Хавата лихорадочно работал. Сам он уже понял, что скорее всего имел в виду фримен, но боялся того, как прореагируют скучившиеся под скальным козырьком люди, когда и они поймут смысл происходящего...

— Союз воды, — наконец сказал он решительно.

— Да соединятся наши племена, — отозвался фримен, опуская кулак.

Словно по сигналу, к ним скользнули со скалы еще четверо фрименов, метнулись под козырек, завернули тело во что-то вроде савана, подняли его и бегом понесли вдоль скальной стены, направо. Их ноги вздымали клубы пыли. Все было кончено раньше, чем кто-либо из измученного отряда Хавата сумел сообразить, что происходит. Четверка, несущая, будто мешок, завернутый в ткань труп, скрылась за поворотом скальной стены.

Один из бойцов Хавата наконец опомнился:

— Эй, что это они делают с Арки?! — крикнул он. — Он же был...

— Они унесли его... чтобы похоронить, — сказал Хават.

— Фримены не хоронят своих мертвецов! — рявкнул боец. — С нами твои шутки не пройдут, Суфир! Мы-то знаем, что они делают! А Арки был один из...

— Рай обещан погибшему за дело Лисан аль-Гаиба, — произнес фримен. — Коли вы служите Лисан аль-Гаибу, как сами то сказали, к чему здесь крики скорби? Память об умершем такой смертью сохранится, доколе жива вообще людская память!

Но люди Хавата подступили к фримену, и их лица не сулили ничего доброго. Один из них даже схватился за лучемет, отнятый в бою с врагом.

— Стоять! — рявкнул Хават. Впрочем, он и сам с трудом подавлял слабость в мышцах, поднявшуюся при мысли о... — Эти люди с почтением относятся к нашим убитым. Обычаи у всех разные, а смысл один!

— Да они же хотят выжать из Арки всю воду! — возмущенно крикнул человек с лучеметом.

— Твои люди хотят присутствовать при церемонии? — осведомился фримен.

«Он даже не понимает, в чем дело!» — подумал Хават почти с отчаянием. Наивность фримена была просто пугающей.

— Они беспокоятся о своем мертвом товарище — он пользовался большим уважением, — объяснил Хават.

— Разумеется, мы отнесемся к вашему товарищу с тем же уважением, как если бы он был одним из нас, — кивнул фримен. — Меж нами — Союз воды. Мы знаем и блюдем обычаи. Плоть человека принадлежит ему самому вода — племени.

Поспешно — потому что боец с лучеметом подошел еще на шаг — Хават спросил:

— Теперь вы поможете нашим раненым?

— О чем спрашивать — или не заключен Союз воды? — удивился фримен. — Мы сделаем для вас все, что делает племя для своих. Прежде всего дадим вам дистикомбы и все самое необходимое.

Человек с лучеметом заколебался.

Адъютант Хавата спросил:

— Мы что, покупаем помощь за... воду Арки?

— Мы ничего не покупаем, — отрезал Хават. — Мы присоединяемся к их племени.

— У всех — свои обычаи... — пробормотал кто-то.

Хават позволил себе слегка расслабиться.

— А они помогут нам добраться до Арракина?

— Мы будем бить Харконненов, — ответил фримен. Ухмыльнулся и добавил: — И сардаукаров.

Он отступил на шаг, приставил согнутые ладони к ушам и откинул голову, прислушиваясь. Опустил руки, сказал:

— Орнитоптер. Спрячьтесь под скалу и не шевелитесь.

Хават махнул рукой, и его люди поспешили выполнить приказ.

Фримен взял Хавата за руку, подтолкнул его к остальным:

— Сражаться будем, когда придет время войне, время битве.

Он пошарил под плащом, достал небольшую клетку и вынул из нее маленькое крылатое создание.

Хават узнал в нем крошечного нетопыря. Тот повернул голову — на Хавата глянули сплошь синие глаза. Как у фримена.

Фримен погладил зверька, успокаивая и, кажется, напевая что-то. Наклонил над ним голову и уронил с языка каплю слюны в открытый рот нетопыря. Нетопырь расправил крылья, но не взлетел с раскрытой ладони хозяина. Тогда фримен вынул маленькую трубочку, поднес ее к голове нетопыря и проговорил что-то в эту трубочку. Потом поднял создание на ладони, подкинул в воздух.

Нетопырь бесшумным зигзагом метнулся вдоль скальной стены и пропал из глаз.

Фримен сложил клеточку и снова запрятал под плащ. Вновь склонил вбок голову, прислушиваясь.

— Прочесывают плоскогорье по квадратам, — сообщил он. — Интересно, кого они ищут?..

— Они знают, в каком направлении мы отходили, — ответил Хават.

— Никогда не нужно думать, будто охотятся только за тобой одним, — покачал головой фримен. — Взгляни-ка на тот край котловины. Увидишь кое-что любопытное.

Время шло.

Кое-кто из людей Хавата начал шевелиться и перешептываться.

— Замрите и молчите, как испуганные животные! — прошипел фримен.

В этот момент Хават уловил на дальнем конце котловины движение — мелькающие облачка, рыже-бурые на рыже-буром.

— Мой маленький дружок доставил свое сообщение, — сказал фримен. — Он прекрасный гонец, что днем, что ночью. Жаль было бы потерять его.

Движение вдали замерло. На всем четырех-пятикилометровом пространстве раскаленного песка теперь не двигалось ничего — лишь колеблющиеся столбы горячего воздуха поднимались над этой огромной сковородкой.

— Ни звука теперь! — шепотом предупредил фримен.

Из пролома в противоположной стене вышла тяжелой поступью вереница темных фигур. Они шли прямо через котловину. Хавату они показались фременами... только больно уж неуклюже шел их отряд по песку. Он насчитал шестерых, бредущих по дюнам.

Сверху-справа-сзади послышалось мерное хлопанье крыльев орнитоптера. Машина показалась над ними из-за скального гребня, это был орнитоптер из воздушного флота Атрейдесов, наспех перекрашенный в боевые цвета Харконненов, с намалеванными баронскими эмблемами. Топтер по плавной дуге снизился к идущим по дюнам.

Фигурки на гребне дюны остановились, замахали руками.

Топтер сделал круг над ними и по крутой спирали сел, подняв клубы пыли, прямо перед фрименами. Из него выскочили пятеро — Хават увидел мерцание отталкивающих пыль щитов, узнал в движениях этих людей жесткую ловкость сардаукаров.

— Айе! На них эти идиотские щиты! — прошипел фримен над ухом Хавата. Он смотрел в сторону открытой южной стены впадины.

— Это сардаукары, — шепнул Хават.

— Хорошо!..

Сардаукары приближались, беря неподвижную группку фрименов в полукольцо. Солнце сверкало на клинках. Фримены же стояли рядом, словно бы не замечая приближающегося противника.

И вдруг из песка вокруг обеих групп взметнулись, словно выброшенные взрывом, фримены. Вот они у орнитоптера — вот в нем... Фигурки сошлись на гребне дюны, и пыльное облако скрыло их.

Наконец пыль осела. На песке остались стоять лишь фримены.

— Они оставили в топтере лишь троих, — сказал фримен. — Нам повезло. Думаю, нам удалось захватить машину неповрежденной.

Позади кто-то прошептал, пораженный:

— Но это ведь были *сардаукары!*..

— Ты тоже заметил, как они хорошо бились? — спросил фримен.

Хават сделал наконец глубокий вдох, ощутил опаленную пыль, жару, сушь. Голосом под стать этой суши он выговорил:

— Да, они хорошо дрались. Очень.

Захваченный топтер взлетел, резко взмахнув крыльями, и пошел на юг, поднимаясь по крутой дуге.

Значит, этим фрименам и топтер не в диковинку, отметил для себя Хават.

С далекой дюны фримен махнул квадратным зеленым флажком: раз и два.

— Еще летят! — крикнул фримен. — Ну, приготовьтесь. Я надеюсь, мы уйдем без новых неудобств.

«Неудобств!» — саркастически хмыкнул Хават, но ничего не сказал вслух.

Он увидел еще два топтера — они шли высоко, но теперь резко снизились, хотя на песке, как вдруг оказалось, больше не было ни одного фримена. Лишь восемь синих мазков — тела сардаукаров в харконненской форме — остались на месте недавней схватки.

Еще один орнитоптер прошел над скалой прямо над головой Хавата. Тот даже дыхание задержал при виде его — это был большой транспортно-десантный корабль. Он летел медленно, широко распахнув огромные крылья. Идет с полной нагрузкой — точно гигантская птица, возвращающаяся в свое гнездо.

С одного из снижающихся орнитоптеров ударил пурпурный лазерный луч, чиркнул по песку.

— Трусы!.. — проскрежетал фримен.

Транспортный орнитоптер опустился возле неподвижных синих фигурок. Его крылья полностью раскрылись, забили — аппарат старался мгновенно сбросить скорость и сесть.

Вдруг внимание Хавата привлекла вспышка света на юге — там блеснул в солнечных лучах металл. Это пикировал на турбинах, полностью сложив крылья, еще один аппарат. На фоне темного серебристо-серого неба расплавленным золотом светились реактивные струи. Словно серебряная стрела, мчался он к транспортнику, щит на котором был снят из-за вовсю плюющихся огнем лучеметов.

Топтер врезался в транспортную машину.

Котловина вздрогнула от взрыва. Со скальных стен покатились камни. Огненный гейзер ударил в небо оттуда, где только что были две машины, а сейчас бушевало пламя.

«Это был фримен, взлетевший в захваченном топтере, — пронеслось у Хавата. — Он пожертвовал собой, чтобы уничтожить вражеский транспортник. Великая Мать, что за люди эти фримены».

— Разумный обмен, — прокомментировал фримен. — В транспорте было, наверно, человек триста. Ну, теперь надобно распорядиться насчет их воды — и подумать, как захватить другой орнитоптер.

Он уже вышел было из укрытия под скалой, как вдруг прямо перед ним со скал посыпались в замедленном падении, поддерживаемые силовыми поясами, люди в си-

ней форме Харконненов. Спустя мгновение Хават понял, что это — сардаукары, успел разглядеть выражение боевой ярости, застывшее на жестких лицах, успел заметить, что на них нет щитов и у каждого в одной руке — нож, в другой — станнер.

Брошенный нож вонзился прямо в горло фримену — недавнему собеседнику Хавата, и тот упал лицом вниз. Хават успел только выхватить свой нож, но в этот миг в него вонзилась игла станнера — и мир вокруг исчез.

Да, Муад'Диб действительно мог видеть будущее, однако вы должны понять, что у этого его дара были границы. Сравните это со зрением: у вас есть глаза, но без света вы ничего не увидите. Находясь на дне ущелья, вы не увидите ничего за его пределами. Точно так же и Муад'Диб не всегда мог по собственной воле заглядывать в таинственную страну будущего.

Муад'Диб учит нас: единое лишь неверное решение в пророчестве или неверный выбор единого лишь слова могут полностью изменить и самое будущее. Он говорит: «Широко в видении время, будто врата; но когда проходишь сквозь это видение — оно становится лишь узкой дверью». И он всегда отвергал искушение избрать ясный и спокойный путь, предупреждая: «...ибо такой путь ведет вниз, к застою».

(Принцесса Ирулан, «Арракис Пробуждающийся»)

Когда из тьмы над ними выплыли, планируя, орнитоптеры, Пауль схватил мать за руку:

— Не шевелись! — почти крикнул он.

Но тут он увидел в лунном свете ведущую машину — то, как она сложила, приземляясь, крылья, ловкое, пожалуй, даже лихое движение рук пилота под колпаком.

— Это Айдахо, — выдохнул он.

Орнитоптеры спустились в котловину, словно птицы в гнездо. Еще не улеглась поднятая ими пыль, а Айдахо уже выскочил из кабины и мчался к ним. За ним скользили две фигуры в свободных фрименских одеждах. Одного Пауль узнал — высокий, с бородой цвета песка, — Кинес.

— Сюда! — крикнул Кинес, поворачивая налево.

За его спиной другие фримены набросили на орнитоптеры маскировочные полотнища. В одну минуту машины превратились в гряду невысоких барханов.

Айдахо с разлету замер перед Паулем, отдал честь:

— Милорд, поблизости отсюда у фременов есть временное убежище, где мы можем...

— А там что такое? — перебил Пауль, показывая за дальние холмы, где все еще сверкали огни дюн и секущие пустыню пурпурные лазерные лучи.

На круглом, спокойном лице Айдахо мелькнула нечастая на нем улыбка.

— Милорд... сир, я приготовил для них небольшой сюрп...

Слепящее белое пламя озарило Пустыню. Яркое, как солнце, отбросившее на камень окружающего котловину гребня резкие тени. В один миг Айдахо, схватив Пауля за руку, а Джессику — за плечо, столкнул их со скалы вниз, на песок котловины. Они распростерлись на песке, а над ними прокатилась рокочущая волна, сотрясшая скалу, откуда они только что так стремительно спустились. Посыпались каменные обломки.

Айдахо сел, стряхивая с себя песок.

— Слава Богу, это не наше фамильное ядерное... — проговорила Джессика. — Я-то было уже подумала...

— Так ты подсунул им включенный щит! — догадался Пауль.

— И пребольшой, притом включенный на максимум! — радостно сообщил Айдахо. — Как только луч его задел... — Он развел руками.

— Субатомный синтез, — кивнула Джессика. — Опасное оружие!

— Какое оружие, миледи, — просто защита. Эти поганцы впредь дважды подумают, прежде чем опять нажмут спуск лучемета!..

К ним подошли фримены, прилетевшие вместе с Айдахо. Один из них негромко сказал:

— Друзья, нам надо укрыться.

Пауль вскочил на ноги, а Айдахо помог встать Джессике.

— Этот взрыв, уж можно не сомневаться, привлечет к себе внимание, сир! — сказал Айдахо.

«Сир», — повторил про себя Пауль.

Это слово так странно звучало, когда относилось к нему... «Сиром» всегда называли отца!

И опять он ощутил, как коснулось его чувство грядущего. Увидел себя, зараженного сознанием дикого народа, толкающего населенную людьми Вселенную к хаосу. Это видение столь потрясло Пауля, что Айдахо пришлось вести его вдоль края котловины к скальному выступу, где фримены уже вкапывались в песок с помощью своих статических уплотнителей.

— Позвольте ваш рюкзак, сир, — сказал Айдахо.

— Мне не тяжело, Дункан.

— У вас нет щита, — настаивал тот. — Возьмите мой. — Он оглядел далекие скалы. — Не думаю, чтобы кто-нибудь опять принялся палить из лучеметов поблизости.

— Оставь щит себе, Дункан. Твоя правая рука — куда лучшая защита для меня.

Джессика, видя, как подействовала похвала, как Айдахо придвинулся ближе к Паулю, подумала: «Как, однако, уверенно обращается с людьми мой сын!»

Фримен отодвинул камень, закрывавший лаз вниз, в скальное основание пустыни. Сверху вход прикрыли маскировочным полотнищем.

— Сюда, — сказал один из фременов и повел их вниз, во тьму, по крутым каменным ступеням.

Полотнище за спиной закрыло от них солнечный свет. Впереди загорелся другой — тусклый зеленоватый, озарив ступени, каменные стены, поворот налево. Теперь со всех сторон беглецов окружали фримены, которые слегка подталкивали их, словно торопясь укрыться. Они повернули, и перед ними открылся еще один марш лестницы, который привел в пещеру с грубо обтесанными стенами.

Кинес подошел, откинул капюшон джуббы. В зеленом свете маслянисто поблескивал высокий ворот дистикомба. Его длинные волосы и борода были в беспорядке. Синие, без капли белизны, глаза казались черными под густыми бровями.

В это мгновение Кинес думал: «Зачем помогаю я этим людям? За всю жизнь я не делал ничего опаснее — и это может обречь меня на смерть вместе с ними...»

Он в упор посмотрел на Пауля. Перед ним стоял мальчик, только что вступивший в мужество, мальчик, прячущий скорбь и отбросивший все, кроме того, что он должен был принять на свои плечи, — герцогский титул и все, что с ним связано. И Кинес вдруг понял, что герцогство Атрейдесов все еще существует — и лишь благодаря этому подростку. И от этого нельзя было просто отмахнуться...

Джессика обежала взглядом пещеру, отмечая, как учит Бене Гессерит, все, что можно отметить. Лаборатория, и явно не военная. Все какое-то квадратное, сплошные углы и плоскости — на старинный манер.

— Вот, значит, одна из Имперских Экологических Испытательных Станций, которые отец хотел получить в качестве своих передовых баз, — сказал Пауль.

«Отец хотел получить, — повторил про себя Кинес и снова поразился тому, что делает. — Не сглупил ли я, помогая им? Зачем я это делаю? Сейчас было бы так просто схватить его и купить за него союз с Харконненами...»

Следуя примеру матери, Пауль обвел взглядом помещение, отметив длинный рабочий стол, унылые каменные стены. На столе расставлены приборы — шкалы светятся, тускло отсвечивают экраны из металлической сетки, от которых отходят стеклянные трубки. Запах озона наполнял пещеру.

Несколько фременов ушли куда-то за угол, и оттуда раздались новые звуки — закашлял двигатель, загудели, раскручиваясь, приводные ремни и редукторы.

В дальнем конце пещеры Пауль разглядел ряды клеток с какими-то маленькими зверушками в них.

— Ты верно угадал, что это за место, — обратился к нему Кинес. — Но скажи, а как бы ты распорядился станцией, Пауль Атрейдес?

— Использовал бы ее, чтобы сделать этот мир по-настоящему пригодным и достойным местом для людей, — не колеблясь, ответил Пауль.

«Потому, наверно, я и помогаю им», — подумал Кинес.

Гудение машин постепенно утихло. В тишине резко прозвучал тонкий крик от одной из клеток. Он тут же умолк, как будто зверек смутился.

Пауль вновь посмотрел на клетки. Теперь он разглядел, что в них сидят бурокрылые нетопыри. Из боковой стены выходила и тянулась вдоль клеток автоматическая кормушка.

Из скрытой части пещеры вернулся фримен, негромко сказал Кинесу:

— Лиет, силовые генераторы не действуют. Я не могу замаскировать нас от детекторов дальности.

— Сможешь починить?

— Быстро — нет. Детали, увы... — Фримен пожал плечами.

— Ясно, — сказал Кинес. — Что ж, придется обойтись без машин. Выдвиньте на поверхность заборники ручной помпы.

— Исполняем немедленно, — ответил фримен уже на ходу.

Кинес повернулся к Паулю:

— Ты дал хороший ответ.

Джессика отметила, как свободно и сильно прозвучал его голос. Это был — *королевский* голос, голос, привыкший повелевать. И, конечно, она заметила это обращение — «Лиет». Значит, вот каков другой лик скромного планетолога, его фрименское «альтер эго». Лиет.

— Мы бесконечно признательны за вашу помощь, — сказала она.

— М-мм... посмотрим, — отозвался Кинес и кивнул одному из своих людей. — Шамир, кофе с Пряностью в мои апартаменты.

— Сию минуту, Лиет, — ответил тот.

Кинес кивнул на арку в стене:

— Прошу вас...

Принимая приглашение, Джессика позволила себе царственный кивок. Она заметила, как Пауль сделал Айдахо знак, приказывая ему оставаться на страже.

Короткий, в пару шагов проход привел их к массивной двери, открывшейся в освещенную золотистыми плавающими лампами кубическую комнату. Проходя,

Джессика провела рукой по двери и с изумлением ощутила под пальцами пласталь!

Пауль вошел, сделал три шага и остановился, бросив на пол рюкзак. Услышал, как закрылась за спиной дверь, осмотрел комнату: куб с ребром метров в восемь, рыжевато-бурые каменные стены, справа к стене пристроены металлические шкафы с каталожными ящиками. В центре кабинета стоял низкий стол с крышкой молочного стекла, в толще которого блестели желтые пузыри. Вокруг стола — четыре кресла на силовой подвеске.

Кинес обошел Пауля, отодвинул для Джессики кресло. Та села, отметив, как сын изучает комнату.

Пауль какие-то мгновения помедлил — не садился. Легкая неправильность в движении воздуха сказала ему, что где-то справа, позади шкафов, был потайной выход из комнаты.

— Может быть, присядешь, Пауль Атрейдес? — пригласил Кинес.

«Как старательно он избегает произносить мой титул», — подумал Пауль. Однако он сел и молча ждал, пока усядется Кинес.

— Ты понял, что Арракис может быть раем, — начал эколог. — Но, как сам видишь, Империя присылает сюда лишь своих головорезов да охотников за Пряностью!

Пауль показал ему большой палец, на который он надел герцогский перстень.

— Ты видишь это кольцо?

— Да.

— Знаешь, что это означает?

Джессика обернулась и в упор посмотрела на сына.

— Твой отец лежит, мертвый, в руинах Арракина, — сказал Кинес. — Значит, ты, теоретически, — герцог.

— Я — солдат Империи, — резко ответил Пауль, — так что *теоретически я* — головорез...

Лицо Кинеса омрачилось.

— Даже когда над телом твоего отца стоят сардаукары?

— Сардаукары — одно, а законный источник моей власти — совсем иное, — ответил Пауль.

— Арракис сам решает, кому носить мантию вождя, — отрезал Кинес.

И Джессика, вновь повернувшаяся к нему, сказала себе: «В этом человеке — сталь, никем не укрощенная... а нам нужна сталь. Но Пауль играет с огнем...»

Пауль же произнес:

— Сардаукары лишь показывают, как боялся Император моего отца. А теперь *я* дам Императору причины бояться...

— Мальчик, — сказал Кинес, — есть вещи, которые ты не...

— Впредь, — оборвал его Пауль, — называй меня «сир» или «милорд».

«Мягче надо, мягче!» — воскликнула про себя Джессика.

Кинес уставился на Пауля, и Джессика заметила в его лице одновременно восхищение и усмешку.

— *Сир*, — едва уловимо помедлив, произнес Кинес.

— Я стесняю Императора, — сказал Пауль. — Я стесняю всех, кто хотел бы поделить Арракис как свою добычу. И пока я жив, я намереваюсь и впредь так их стеснять, чтобы застрять в их горле, словно кость, — чтобы они подавились и задохнулись!..

— Это все слова, — отмахнулся Кинес.

Пауль в упор посмотрел на него. Наконец он заговорил:

— У вас есть легенда о Лисан аль-Гаибе, о Гласе из Внешнего Мира, о том, кто поведет фременов в рай. У вас есть...

— Предрассудки! — буркнул Кинес.

— Возможно, — согласился Пауль, — а может быть — и нет... Порой у предрассудков бывают странные корни и еще более странные плоды.

— У тебя есть план... Это-то мне по крайней мере ясно... сир.

— Могли бы твои фримены предоставить мне бесспорные доказательства того, что во всех этих делах замешаны сардаукары, переодетые в харконненскую форму?

— Пожалуй, да.

— Император, разумеется, вернет здесь власть Харконненам, — пояснил Пауль. — Может быть, даже назначит правителем Зверя Раббана. Пусть. Но раз Император

позволил себе увязнуть здесь так, что ему уже не скрыть свою вину — пусть считается с возможностью представления Ландсрааду официального протеста. Пусть он ответит там, где...

— Пауль! — воскликнула Джессика.

— Предположим, что Высший Совет Ландсраада примет твое дело к рассмотрению, — возразил Кинес. — Тогда возможен лишь один исход: тотальная война Империи и Великих Домов.

— Хаос, — кивнула Джессика.

— Но я, — сказал Пауль, — представлю свое дело не им, а самому Императору. И предложу ему альтернативу хаосу.

— Шантаж? — сухо спросила Джессика.

— Ну, шантаж — это лишь один из инструментов политики, как ты сама объясняла, — ответил Пауль, и Джессика услышала горечь в его голосе. — Дело в том, что у Императора нет сыновей. Только дочери.

— На трон метишь? — усмехнулась Джессика.

— Император не посмеет рисковать — тотальная война может взорвать Империю, — сказал Пауль. — Сожженные планеты, всеобщий хаос — нет, на такой риск он не пойдет.

— Ты затеваешь отчаянную игру, — задумчиво сказал Кинес.

— Чего более всего боятся Великие Дома Ландсраада? — спросил Пауль. — Больше всего они боятся именно того, что происходит на Арракисе — здесь и сейчас. Того, что сардаукары перебьют их поодиночке, одного за другим. Вот, собственно, почему и существует Ландсраад. Это — то; что сцементировало Великую Конвенцию. Лишь объединившись, Великие Дома могут противостоять силам Империи.

— Но они...

— Они боятся именно этого, — повторил Пауль. — Арракис станет для них тревожным сигналом. Каждый из них увидит себя в моем отце — увидит, как волки отбивают овцу от стада и режут ее...

Кинес обратился к Джессике:

— Может сработать этот план?

— Я не ментат, — ответила Джессика.

— Но ты — из Бене Гессерит.

Она испытующе взглянула на него, затем произнесла:

— В его плане есть и сильные, и слабые стороны... как у любого плана на этом этапе. И всякий план зависит от исполнения не меньше, чем от замысла...

— «Закон есть высшая наука», — процитировал Пауль. — Так начертано над воротами императорского дворца. Вот я и хочу показать ему, что такое закон.

— Главное же, я не уверен, что могу доверять тому, кто задумал подобное, — проговорил Кинес. — У Арракиса есть собственный план, который мы...

— Взойдя на трон, — спокойно сказал Пауль, — я смогу мановением руки превратить Арракис в рай. Этой монетой я и собираюсь заплатить за вашу поддержку.

Кинес застыл.

— Моя преданность не продается, сир.

Пауль в упор взглянул на него через стол, встретив холодный блеск синих — синих-на-синем — глаз. Он изучил властное выражение обрамленного бородой лица, и жесткая улыбка коснулась его губ.

— Хорошо сказано, — промолвил он. — Я приношу свои извинения.

Кинес посмотрел Паулю в глаза и наконец произнес:

— Ни один из Харконненов никогда не признавал своих ошибок. Возможно, ты и не такой, как они, Атрейдес.

— Может быть, таковы уж недостатки их воспитания, — усмехнулся Пауль. — Ты сказал, что твоя преданность не продается, но, думаю, есть у меня такая монета, которую ты согласишься принять. За твою преданность я предлагаю свою преданность. Целиком и полностью.

«Мой сын в полной мере обладает знаменитой искренностью Атрейдесов. У него есть это поразительное, граничащее с наивностью, чувство чести — и какое же это великое оружие!..»

Она видела, как потрясли Кинеса слова сына.

— Чепуха, — сказал Кинес. — Ты всего лишь мальчик, и...

— Я — герцог, — поправил Пауль. — И я — Атрейдес. Атрейдесы никогда не нарушали такой клятвы.

Кинес сглотнул.

— Когда я говорю «целиком и полностью», — продолжал Пауль, — я не делаю никаких оговорок. Я готов, если нужно, отдать за тебя жизнь.

— Сир! — вырвалось у Кинеса. Но теперь Джессика видела, что он обращается не к пятнадцатилетнему мальчику, а к мужчине — и к высшему. Теперь Кинес не иронизировал — королевское обращение значило именно то, что должно значить.

«Сейчас он отдал бы жизнь за Пауля, — мелькнуло в голове у Джессики. — Как у Атрейдесов получается это — так легко, так быстро?..»

— Я вижу, что ты говоришь то, что думаешь, — сказал Кинес. — Однако Харкон...

Дверь за спиной Пауля распахнулась от удара. Он резко обернулся — и увидел, что там идет бой. Слышались крики, звон стали, мелькали в проходе искаженные восковые лица.

Пауль и Джессика метнулись к двери. Айдахо защищал проход; сквозь мерцание щита сверкали налитые кровью глаза. К Айдахо тянулись руки врагов, сверкающие дуги стали тщетно обрушивались на его щит. Оранжево сверкнуло пламя станнера, но щит отразил его стрелку. И казалось, что клинки Айдахо находятся одновременно всюду. С них срывались тяжелые красные капли.

Потом рядом с Паулем вдруг оказался Кинес. Вдвоем они изо всех сил навалились на дверь. Пауль в последний раз увидел Айдахо, отражавшего натиск целой толпы солдат в харконненских мундирах, запомнил его таким — резкие, рассчитанные движения, черные космы, в которых расцвел алый цветок смерти... затем дверь закрылась. Кинес с лязгом задвинул засовы.

— Похоже, я сделал выбор, — проговорил он.

— Кто-то успел засечь ваши машины, прежде чем они отключились, — сказал Пауль. Он взял мать за руку, отвел ее от двери и увидел отчаяние в ее глазах.

— Я должен был заподозрить неладное с самого начала — когда нам не принесли кофе, — сказал Кинес.

— У тебя здесь есть потайной выход, — сказал Пауль. — Воспользуемся им?

Кинес глубоко вздохнул:

— Эта дверь продержится минут двадцать — если они не применят лучемет.

— Они побоятся стрелять из лучемета — на случай, если с нашей стороны двери есть действующий щит, — уверенно сказал Пауль.

— Это были сардаукары в харконненских мундирах, — прошептала Джессика.

Раздались мощные, ритмичные удары в дверь.

Кинес показал на металлические шкафы вдоль правой стены:

— Сюда.

Он подошел к первому шкафу, выдвинул ящик, покрутил в нем что-то. Все шкафы отошли в сторону наподобие двери, открыв черный зев тоннеля.

— Эта дверь тоже из пластали, — заметил Кинес.

— Вы хорошо приготовились к неожиданностям, — сказала Джессика.

— Мы восемьдесят лет жили под Харконненами, — ответил Кинес. Он провел их в темноту хода и закрыл вход.

Во мраке Джессика разглядела на полу перед собой светящуюся стрелу.

Сзади раздался голос Кинеса:

— Здесь мы расстанемся. Эта стена прочнее — она продержится не меньше часа. Идите вот по таким светящимся стрелкам — они будут гаснуть за вами. Стрелки проведут вас через лабиринт к другому выходу — там у меня спрятан топтер. Этой ночью в пустыне буря. Ваша единственная надежда — догнать ее, оседлать и лететь вместе с ней, на гребне. Мои люди проделывали такое, когда угоняли топтеры. Если вы продержитесь высоко на гребне — вы уцелеете...

— А что будет с тобой? — спросил Пауль.

— Попробую уйти другой дорогой. Если меня и схватят... что же, я пока еще остаюсь Имперским Планетологом. Скажу, что был вашим пленником.

«Бежим, словно трусы, — подумал Пауль. — Но что остается делать — мне надо выжить, чтобы отомстить за отца!..» Он обернулся к двери.

Джессика услышала это его движение.

— Дункан уже мертв, Пауль. Ты же видел его рану. Ему уже не поможешь.

— Когда-нибудь они мне дорого заплатят за всех, — тяжело сказал Пауль.

— Только если поспешишь сейчас, — отозвался из темноты Кинес, и Пауль почувствовал его руку на плече.

— Где мы встретимся, Кинес? — спросил мальчик.

— Я прикажу фременам разыскать вас. Путь бури известен... А теперь поторопитесь — и пусть Великая Мать дарует вам быстроту и удачу...

Они услышали стремительные шаги по неровному каменному полу во тьме — Кинес уходил.

Джессика нащупала руку Пауля.

— Нам нельзя разойтись, — сказала она.

— Да.

Они прошли первую стрелку — та погасла, едва лишь они коснулись ее. Впереди зажглась другая.

Они прошли и ее и, как только она погасла, увидели вдали следующую.

Теперь они бежали.

«Планы внутри планов, и в них опять планы, и в них — новые планы, — подумала Джессика. — Не стали ли мы теперь сами частью чьих-то планов?»

Стрелки вели их, указывая повороты, мимо боковых ответвлений, еле различимых в слабом люминесцирующем свете. Некоторое время путь вел вниз, но затем начал неуклонно подниматься. Наконец они взбежали по ступеням, повернули и вскоре уперлись в стену с черной ручкой посредине. Пауль повернул ее, и дверь стремительно распахнулась. Вспыхнули лампы, осветив высеченную в скале пещеру, посреди которой стоял на своих пружинистых амортизаторах орнитоптер. Дальше была гладкая серая стена с идеограммой «Выход» на ней.

— Интересно, куда пошел Кинес? — тихо спросила Джессика.

— Он поступил в точности так, как должен был поступить всякий хороший партизанский вожак, — ответил Пауль. — Разбил нас на две группы и сделал так, что,

даже если его схватят, он не сможет сказать, где мы. Он просто не будет этого знать.

Пауль ввел ее в зал с орнитоптером, отметил, что каждый их шаг поднимает облачка пыли.

— Никто не входил сюда уже очень давно, — сказал он.

— Он был так уверен, что фримены найдут нас, — заметила Джессика.

— Я тоже в этом уверен.

Пауль отпустил ее руку, подошел к машине слева, открыл дверцу и уложил рюкзак на заднем сиденье, пристегнув его.

— Топтер экранирован от масс-детекторов, — деловито сообщил он. — На приборную панель вынесено дистанционное управление механизмом дверей и светом. Да, восемьдесят лет под Харконненами научили их ничего не упускать из виду.

Джессика прислонилась к другому борту, восстанавливая дыхание.

— Харконнены наверняка установили наблюдение за всем этим районом, — сказала она. — Они кто угодно, только не дураки.

Она обратилась к своему чувству направления и добавила, показывая направо:

— Буря, которую мы видели, в той стороне.

Пауль кивнул. Ему не хотелось ничего делать. Он знал почему — но пользы от этого знания было мало. В какой-то момент этой ночью он направил линию своего решения в глубокую неизвестность. Он представлял себе окружавшую их область времени — но «здесь-и-сейчас» оставалось для него тайной. Словно он видел самого себя со стороны — спускающимся в долину и исчезающим из виду. Он знал, что из множества лежащих там путей лишь некоторые выведут Пауля Атрейдеса наверх, к свету, но большинство путей уводило во мрак.

— Чем дольше мы будем ждать, тем лучше они успеют приготовиться, — напомнила Джессика.

— Забирайся внутрь и пристегнись, — ответил Пауль.

Затем сел в машину сам, все еще борясь с пугающей мыслью о том, что это — «слепая» земля, недоступная пророческому ви́дению. Внезапно он осознал, что все

больше полагается на свои пророческие видения, и именно это ослабило его теперь, в момент действия. Не зря учили Бене Гессерит — «Если доверяешься только зрению, все остальные чувства слабеют». Теперь он понял это по-настоящему и обещал себе, что больше в эту ловушку не попадется, если останется жив.

Пауль застегнул пристежные ремни, убедился, что и мать пристегнулась, проверил аппаратуру топтера. Поблескивал тонкий металлический каркас расправленных крыльев. Он тронул клавишу ретрактора — крылья сложились для старта на реактивной тяге, как учил его Гурни Халлек. Легко повернулась рукоятка стартера, двигатели ожили, и вспыхнули циферблаты на приборной панели. Затем негромко засвистели турбины.

— Готова? — спросил он.

— Да.

Он нажал дистанционный выключатель — и в пещере погас свет.

Их охватила тьма.

Он видел свою руку как темную тень над светящимися циферблатами. Затем включил механизмы дверей, и впереди раздался скрежет. Прошуршал осыпавшийся песок, его щек коснулся порыв пыльного горячего ветра. Он захлопнул дверь кабины, ощутив повышение давления.

В темноте открывшегося прямоугольного проема мерцали за пыльной завесой звезды. В их свете обозначился скальный карниз, а за ним — море песчаных волн.

Пауль вжал в панель светящуюся клавишу. Хлопнули крылья, резким взмахом подняв орнитоптер из его гнезда. Огненные струи ударили из турбин, крылья приняли угол для набора высоты.

Джессика, не касаясь клавиш, прошлась рукой по дублирующему пульту и почувствовала, как уверенно сын ведет машину. Она была одновременно испугана и возбуждена. Сейчас вся наша надежда — на выучку Пауля. На его юность и быстроту...

Пауль прибавил тягу. Топтер резко пошел вверх, вжав их в сиденья. Закрывая звезды, впереди вставала темная стена. Он увеличил площадь крыла и добавил энергии двигателям.

Еще несколько раз с силой ударили крылья, и они поднялись над посеребренными звездным светом вершинами скал. Красная от пыли Вторая луна встала над горизонтом справа, четко обрисовав силуэт бури.

Руки Пауля замелькали над приборами. Крылья почти полностью ушли в корпус. Тяжесть навалилась на них, когда топтер вошел в крутой вираж.

— Позади реактивные выхлопы!

— Видел.

Он до отказа отжал сектор газа.

Словно вспугнутый зверь, топтер рванулся вперед, на юго-запад, к буре и обширному заливу песчаного океана. Под ними мелькнули ломаные тени — здесь скальное основание уходило под пески, а дальше тянулись лишь полукруглые гребни дюн.

А над горизонтом, словно чудовищная, исполинская стена, вставала буря.

Что-то тряхнуло орнитоптер.

— Это взрыв! — выдохнула Джессика. — Они стреляют из чего-то вроде пушек или ракетных...

Неожиданно для нее Пауль как-то по-звериному ухмыльнулся.

— Похоже, они не рискуют больше палить из лучеметов, — заметил он.

— Но у нас нет щитов!

— А откуда им это знать?..

Машину вновь тряхнуло.

Пауль, изогнувшись, глянул назад.

— Только один из них может угнаться за нами, у остальных не хватит скорости, — сказал он.

Он вновь повернулся вперед — там росла стена бури, казавшаяся плотной, ощутимой, она угрожающе нависла над ними.

— Пусковые установки... ракеты... прочее древнее оружие — вот что мы непременно дадим фрименам, — прошептал Пауль.

— Буря, — проговорила Джессика. — Может, лучше повернуть?

— А что та машина позади нас?

— Догоняет.

— Держись!..

Пауль втянул крылья почти до отказа, и в крутом левом вираже вошел в обманчиво медленно кипящую стену, почувствовал, как ускорение оттягивает щеки.

Казалось, они просто вошли в пыльное облако, но оно становилось все плотнее и плотнее и наконец закрыло пустыню и луну... Кабина топтера погрузилась во мрак, озаряемый лишь зеленоватым светом приборов, за стенками шуршало и свистело.

Джессика вспомнила все ужасы, какие рассказывали про здешние бури, которые режут металл, точно масло, срывают с костей мясо, а затем истачивают самые кости. Почувствовала, как вздрагивает топтер под напором напитанного пылью ветра, игравшего машиной, пока Пауль сражался с управлением. Вдруг он отключил энергию — и аппарат сразу вздыбился, его металл задребезжал, зашипел.

— Песок!.. — закричала Джессика.

В свете приборов она увидела, как Пауль помотал головой:

— На такой высоте песка почти нет!..

Но она чувствовала, как их затягивает в этот песчаный Мальстрем*.

Пауль расправил крылья на полный размах, услышал, как они заскрипели от напряжения. Он не сводил глаз с приборов и по наитию парил, набирая высоту, сражаясь за каждый метр.

Свист и вой за бортом стали тише.

Топтер начал крениться на левое крыло. Пауль отдал все внимание светящемуся глобусу авиагоризонта и сумел-таки выровнять машину.

У Джессики было странное ощущение, будто они неподвижны, а движется все вокруг. Лишь стремительно текущие по остеклению буроватые струи да громкий шелест за обшивкой напоминали ей о бушующих вокруг силах.

«Скорость ветра — километров шестьсот — семьсот, — подумала она. В крови пылал адреналин. — *Я не должна бояться*, — начала она про себя литанию против страха Бене

* Мальстрем — знаменитые водовороты у Лофотенских островов (Норвегия). В переносном значении — мощный водоворот.

Гессерит, беззвучно выговаривая слова. — *Ибо страх убивает разум...*»

Постепенно ее долгая подготовка взяла верх.

Спокойствие и самообладание вернулись к ней.

— Мы ухватили тигра за хвост, — прошептал Пауль. — Мы не можем спуститься, не можем сесть... и поднять машину выше я тоже вряд ли сумею. Придется нестись вместе с бурей, пока она не выдохнется.

Мгновенно ее спокойствие испарилось. Джессика почувствовала, как стучат ее зубы, стиснула их. Затем раздался тихий, спокойный голос Пауля:

— *«Страх убивает разум. Страх — есть малая смерть, влекущая за собой уничтожение. Но я встречу свой страх и приму его. Я позволю ему пройти надо мной и сквозь меня. А когда он пройдет через меня, я обращу свой внутренний взор на его путь; и там, где был страх, не останется ничего — лишь я, я сам».*

Что ты презираешь? Скажи, и я узнаю, кто ты: именно это определяет твою истинную суть.

(Принцесса Ирулан, «Муад'Диб»)

— Они мертвы, мой барон, — доложил капитан Йакин Нефуд, начальник баронской охраны. — И мальчишка, и женщина, без сомнения, мертвы.

Барон Владимир Харконнен сел в своей кровати с силовой подвеской. Его опочивальня размещалась в самом сердце севшего в Арракине фрегата, словно в яйце с многослойной скорлупой. Впрочем, в баронских апартаментах металл обшивки был скрыт тяжелыми драпировками, мягкой матерчатой обивкой, подушками и редкостными произведениями искусства.

— Это точно, — повторил капитан. — Они мертвы.

Жирное тело барона шевельнулось в силовой паутине постели, он уставился на эболиновую статую прыгающего мальчика в нише напротив. Сон исчез. Он поправил под толстой, в складках, шеей подушку со спрятанным внутри генератором подвески, и в свете единственного в опочивальне плавающего светильника перевел взгляд на стоящего в дверях капитана Нефуда — тот не мог переступить порог перекрытой пентащитом двери.

— Они, несомненно, мертвы, — вновь повторил охранник.

Барон заметил, что глаза Нефуда все еще мутны от семуты. Было очевидно, что бравый капитан был в глубоком наркотическом трансе, когда получил сообщение, и, успев только принять антидот, бросился сюда, к хозяину.

— У меня есть подробный рапорт, — пробормотал Нефуд.

«Пусть попотеет немного, — подумал барон. — Инструменты власти всегда надлежит держать отточенными и наготове. Сила и страх — вот что оттачивает и готовит их...»

— Ты сам видел тела? — прогудел барон.

Нефуд замялся.

— Ну?

— Милорд... видели, как они нырнули в песчаную бурю... сила ветра — больше восьмисот километров в час... Никто не выйдет живым из такой бури, милорд! Никто и ничто! Погибла одна из преследовавших их наших машин...

Барон внимательно смотрел на Нефуда и отмечал, как у того нервно подергивается мускул на скуле, как двигается подбородок, когда Нефуд, волнуясь, сглатывает слюну.

— Так ты видел тела? — повторил барон.

— Милорд...

— Так что же ты явился сюда распускать перья и греметь доспехами?! — прорычал барон. — Чтобы сказать «несомненно» про то, чего точно не знаешь?! Может, надеешься, что я похвалю тебя за глупость, да еще и повышение дам?!

Лицо Нефуда побелело как мел.

«*Смотрите на этого труса! Цыпленок!* — думал барон. — И меня окружают сплошь такие вот никчемные болваны! Рассыпь я перед ним песок и скажи, что это зерно, — ведь примется клевать!..»

— Значит, вы пришли туда, следуя за этим Айдахо? — спросил барон.

— Да, милорд.

«Ишь как бодро отвечает!» — мысленно скривился барон и вслух спросил:

— Пытались, значит, бежать к фрименам?

— Да, милорд.

— Что еще ценного было в этом твоем... рапорте?

— Имперский планетолог Кинес замешан в этом деле, милорд. Айдахо встретился с Кинесом при весьма таинственных... я бы сказал — подозрительных обстоятельствах.

— И что дальше?

— Они... э-э... вместе поспешили в некое место в Пустыне, где, очевидно, скрывались мальчишка и его мать. Увлекшись погоней, несколько групп преследования угодили под взрыв — они попали из лучемета в силовой щит...

— Сколько мы потеряли?

— Я... э-э... не знаю пока точной цифры, милорд.

«Лжет, — подумал барон. — Потери явно слишком велики».

— Значит, этот имперский лакей Кинес затеял двойную игру, а?

— Отвечаю моей репутацией, барон.

«Скажите-ка — его репутацией!..»

— Так распорядись, пусть его убьют, — велел барон.

— Милорд! Позволю себе напомнить: Кинес — Имперский планетолог, слуга Его Вели...

— Ну так сделай так, чтобы это сошло за несчастный случай!

— Милорд, вместе с нашими бойцами в захвате этого фрименского гнезда участвовали и сардаукары, и Кинес в плену у них...

— Забери его. Скажи, что я желаю лично его допросить.

— А если они откажут?

— Не откажут, если ты будешь делать все как надо.

Нефуд сглотнул:

— Слушаю, мой барон.

— Он должен умереть, — прорычал барон. — Он посмел помогать моим врагам!..

Нефуд переступил с ноги на ногу.

— Что еще?

— Милорд, сардаукары захватили... двоих людей, которые могут представлять интерес для вас. И второй — это старший асассин покойного герцога.

— Хават? Суфир Хават?!

— Я сам видел пленного, милорд. Это Хават.

— Вот не думал, что такое возможно!

— Сообщают, что в него выстрелили из станнера, милорд. В Пустыне, где он не решался пользоваться щитом.

Так что его взяли практически невредимым. Если мы сумеем заполучить Хавата — нам удастся неплохо позабавиться.

— Ты говоришь о ментате, — проворчал барон. — Ментатами не бросаются. Он говорил, что он думает о поражении? Знает ли он, насколько... нет, не может быть.

— Он сказал немного, милорд, но достаточно, чтобы понять, что предателем он считает леди Джессику.

— Ах-ххх...

Барон снова откинулся на подушки, размышляя.

— Ты уверен? — спросил он наконец. — Ты *уверен*, что его ненависть направлена прежде всего на леди Джессику?

— Он сказал так в моем присутствии, милорд.

— Так пусть он думает, что она жива.

— Но, милорд...

— Не перебивай. Пусть с Хаватом хорошо обращаются. Я запрещаю говорить ему о докторе Юйэ, истинном предателе. Упомяните как-нибудь, что доктор Юйэ пал, защищая герцога. В каком-то смысле это даже правда... А мы укрепим его подозрения в отношении леди Джессики.

— Конечно, милорд, но...

— Хават голоден? Хочет пить?

— Милорд, но Хават все еще в руках сардаукаров!..

— Ах да. Конечно. Но сардаукары не меньше моего хотят выкачать информацию из Хавата. Я заметил кое-что в наших союзниках, Нефуд. Они не слишком ревностны... по политическим мотивам. Я уверен, что это не случайно: очевидно, так хочет Император. Да. Я в этом уверен. Вот ты и напомнишь командиру сардаукаров, что я известен своим умением выжимать информацию из самых молчаливых субъектов...

Нефуд выглядел глубоко несчастным.

— Да, милорд.

— Скажешь командиру сардаукаров, что я намерен допросить Хавата и Кинеса вместе, устроив им очную ставку и используя одного против другого. Это он, я полагаю, поймет.

— Да, милорд.

— А когда мы заполучим обоих... — Барон покивал.

— Милорд, сардаукары наверняка потребуют, чтобы их наблюдатель присутствовал на всех... допросах.

— Я уверен, что мы сумеем изобрести способ отвадить всех нежеланных наблюдателей, Нефуд.

— Понимаю, милорд. Тогда с Кинесом и произойдет несчастный случай?

— И с Кинесом, и с Хаватом, Нефуд. Но по-настоящему погибнет лишь Кинес. А Хават мне нужен. Да. Ах-х, да.

Нефуд моргнул, сглотнул. Казалось, он хотел спросить о чем-то, но удержался.

— Хавату будут давать и еду, и питье, — распорядился барон, — с ним будут обращаться хорошо, проявлять симпатию. Но в его воду ты добавишь остаточный яд, разработанный покойным Питером де Врийе. И ты же проследишь, чтобы с этого момента он регулярно получал в пище противоядие... пока я не отменю это распоряжение.

— Противоядие, да... — Нефуд потряс головой. — Но...

— Не будь так глуп, Нефуд. Герцогу почти удалось убить меня с помощью этой капсулы с ядом в зубе. Газ, который он выдохнул, метясь в меня, лишил меня лучшего моего ментата — Питера. Так что мне нужна замена.

— Хават?

— Хават.

— Но...

— Ты хочешь сказать, что Хават полностью предан Атрейдесам? Это так, но все Атрейдесы мертвы. Мы же, так сказать, совратим Хавата. Следует убедить его, что он никак не виновен в поражении герцога, что оно — дело рук Бене-Гессеритской ведьмы. У него был слабый хозяин, чей разум был замутнен эмоциями. Ментаты, знаешь ли, высоко ценят умение вычислять, не отвлекаясь эмоциями, Нефуд. Вот мы и совратим нашего славного, грозного, неподкупного Суфира Хавата.

— Совратим его... Да, милорд.

— Прежний хозяин Хавата, к несчастью, был не слишком состоятелен и не мог поднять своего ментата к вершинам разума — что есть право ментата. Хават, несомненно, поймет, что в этом есть некая доля правды. Так, герцог не мог позволить себе нанять максимально эффективных шпионов, чтобы обеспечить своего ментата необходимой информацией. — Барон поглядел на Нефуда. — Не будем себя обманывать, Нефуд: правда — это мощное оружие.

Мы знаем, чем мы победили Атрейдесов; знает и Хават. Мы победили их своим богатством.

— Богатством. Да, милорд.

— Итак, мы совратим Хавата, — повторил барон. — Мы укроем его от сардаукаров. И мы будем держать в резерве... возможность в любой момент прекратить введение противоядия. Остаточный яд невозможно вывести из организма. И, Нефуд, Хавату незачем знать про этот яд. Противоядие не обнаруживается ядоискателем. Пусть себе Хават исследует свою пищу сколько хочет — даже следа яда он не обнаружит.

Глаза Нефуда расширились — он наконец понял.

— Отсутствие некоторых веществ бывает так же смертоносно, как и присутствие других, — усмехнулся барон. — Вот, скажем, отсутствие воздуха, а? Или воды. Отсутствие чего угодно, к чему мы привыкли и от чего зависим. — Барон многозначительно кивнул. — Ты понял, о чем я говорю, Нефуд?

Нефуд сглотнул:

— Да, милорд.

— А раз понял — займись делом. Разыщи командира сардаукаров и приступай.

— Сию минуту, милорд. — Нефуд поклонился, повернулся и поспешно удалился.

«Только представить — Хават на моей стороне! — подумал барон. — Сардаукары отдадут мне его. Если они что и заподозрят — так только что я хочу его — ментата! — уничтожить. Что ж, я помогу им впасть в такое заблуждение. Дурачье! Один из самых грозных ментатов во всей истории — ментат, которого научили убивать! — и они отдадут его мне, словно никчемную игрушку, которую не жаль и сломать. А я — я покажу им, на что годится такая игрушка!..»

Барон протянул руку под драпировку подле постели и нажал кнопку, вызывая своего старшего племянника, Раббана. Улыбаясь, откинулся назад.

И все Атрейдесы мертвы!

Дурак капитан прав, конечно. Ничто, попавшее в песчаную бурю Арракиса, не спасется. Во всяком случае, орнитоптер обречен... как и его пассажиры. Женщина и мальчишка мертвы. Взятки нужным людям, немыслимые

расходы на доставку на планету достаточной для обеспечения подавляющего превосходства армии... хитроумные доносы, предназначенные лишь для ушей самого Императора, все тщательно продуманные интриги наконец принесли плоды.

Сила и страх — страх и сила!..

Барон уже ясно представлял, что будет дальше. Однажды Харконнен станет Императором. Не он сам, конечно, и вряд ли прямой его отпрыск. Но — Харконнен! Только, конечно, не Раббан, которого он сейчас вызвал. А — младший брат Раббана. Юный Фейд-Раута. Его ум и хитрость были по душе барону. Особенно же его... злобность.

Чудесный мальчуган. Через год-два — когда ему будет семнадцать — станет окончательно ясно, выйдет ли из него орудие, с помощью которого Дом Харконнен добудет трон...

— Приветствую вас, милорд барон...

За полем дверного щита баронской опочивальни стоял невысокий, полный, с широким лицом человек, в котором ясно проглядывали родовые черты Харконненов по мужской линии — близко посаженные глаза, массивные плечи. Он был жирноват, но еще достаточно гибок. Впрочем, было очевидно, что рано или поздно и ему придется поддерживать лишний вес генераторами силовой подвески...

«Мышцы вместо мозга — танк, да и только, — подумал барон. — Да уж, не ментат мой племянничек, далеко не... Не Питер де Врийе, хотя, возможно, для непосредственно стоящей перед нами задачи Раббан как инструмент даже ценнее... Если дать ему свободу действий... он сотрет в пыль все на своем пути. О, как же будут его ненавидеть на Арракисе!..»

— А, мой дорогой Раббан, — приветливо сказал барон, снимая пентащит со входа, впрочем, индивидуальный щит он одновременно и демонстративно перевел на полную мощность. Он знал, что в свете плавающей лампы его мерцание будет хорошо заметно.

— Вы вызвали меня... — сказал Раббан, переступая порог. Он бросил взгляд на колеблющийся воздух вокруг барона, поискал плавающее кресло, не нашел.

— Встань поближе, чтобы я тебя лучше видел, — велел барон.

Раббан подошел еще на шаг. Ясно, что чертов старик специально велел убрать все кресла — чтобы посетители стояли.

— Атрейдесы мертвы, — объявил барон. — Все до единого. Вот почему я вызвал тебя сюда, на Арракис. Эта планета снова твоя.

Раббан моргнул:

— Н-но... я думал, что вы хотите сделать Питера де Врийе...

— Питер тоже мертв.

— Питер?!

— Питер.

Барон вновь включил пентащит и перевел его в режим полного отражения любой энергии.

— Все-таки он вам надоел окончательно, а? — развязно спросил Раббан, но его голос в энергоизолированной комнате прозвучал тускло и безжизненно.

— Вот что я скажу тебе — и не собираюсь повторять, — прорычал барон. — Ты, похоже, позволил себе намекнуть, что я разделался с Питером так запросто, словно бы это был — так, пустячок? — Он прищелкнул жирными пальцами. — Вот такая мелочь, а?.. Так вот, племянничек: я не настолько глуп. И поверь, впредь я буду *очень* недоволен, если ты еще хоть раз словом или действием намекнешь, что я так глуп.

Казалось, Раббан начал косить сильнее обычного: он был испуган. Он-то знал, насколько далеко может зайти барон в гневе на членов собственной семьи. Правда, смертью дело кончалось редко — если такая смерть не сулила выгоды или виновный не чересчур напрашивался. Но семейные наказания могли быть весьма неприятны...

— Простите, милорд барон. — Раббан потупился, одновременно изображая покорность и скрывая гнев.

— Ты меня не обманешь, Раббан, — буркнул барон.

Раббан, не поднимая глаз, сглотнул.

— Заруби на носу, — сказал барон, — никогда не уничтожай человека, не подумав, просто, так сказать, по законам войны. Если убиваешь — убивай для дела и знай, зачем именно!

Раббан вспыхнул:

— Но вы же убили изменника Юйэ! Я видел, как отсюда вынесли его тело — вчера, когда я прибыл.

Испугавшись звука собственных слов, Раббан уставился на дядю.

Но тот неожиданно улыбнулся.

— Я просто осторожен с опасным оружием. Доктор Юйэ был предателем, он выдал мне герцога. — Голос барона зазвучал с новой силой: — Я подчинил себе доктора Суккской Школы! Внутренней Суккской Школы! Ты слышишь, мальчик? Ты понимаешь, что это значит? Но это было чересчур опасное оружие, чтобы просто бросить его. Так что его я уничтожил не бесцельно и хорошо продумав это действие...

— А Император знает, что вы сумели подчинить себе Суккского доктора?

«Вопрос прямо в точку, — мысленно скривился барон. — Неужели я недооценил племянничка?..»

— Император пока ничего не знает, — нехотя ответил он. — Но сардаукары ему обо всем доложат. Однако до того я, по каналам КООАМ, отправлю ему свой рапорт. И объясню, что мне посчастливилось найти доктора, который лишь изображал прошедшего Имперское кондиционирование. То есть фальшивого доктора, ясно? Поскольку каждый знает, что Имперское кондиционирование необратимо, — объяснение примут.

— Ах-х-х, понимаю, — пробормотал Раббан.

«Да уж, надеюсь, понимаешь, — проворчал про себя барон. — Надеюсь, ты понимаешь, что для нас жизненно важно, чтобы эта история осталась в тайне».

Внезапно барон изумился: «Зачем я сделал это? Зачем расхвастался перед этим дураком племянником, которого мне предстоит использовать и избавиться от него?..» Барон разозлился на себя. Было такое чувство, словно его предали.

— Это должно остаться в тайне, — проговорил Раббан. — Я понимаю.

Барон вздохнул.

— На этот раз ты получишь совсем иные инструкции относительно Арракиса, племянник. Когда ты правил тут

раньше — я строго контролировал тебя. Теперь я требую лишь одного.

— Слушаю, милорд.

— Доходов.

— Доходов?

— Ты представляешь, Раббан, сколько нам пришлось затратить, чтобы доставить сюда такую армию? Ты хоть краем уха слыхал, сколько берет Гильдия за военные перевозки?..

— Дорого, да?

— Дорого?! — Барон ткнул в Раббана жирной рукой. — Если ты шестьдесят лет будешь сдирать с Арракиса каждый грош, который он может дать, ты едва-едва возместишь наши расходы!

Раббан открыл было рот, но снова закрыл, не в силах сказать хоть что-нибудь.

— «Дорого!» — передразнил барон с презрительной гримасой. — Проклятая монополия Гильдии на космические перевозки пустила бы меня по миру, не запланируй я эти расходы уже очень давно. Ты должен знать, что это именно *мы,* и только мы, оплатили всю операцию. Включая даже перевозку сардаукаров.

И — уже далеко не в первый раз — барон подумал о том, придет ли когда-нибудь время, когда можно будет как-нибудь обойти Гильдию, а то и вовсе *обойтись* без нее. Гильдия хитра: сперва берет ровно столько, сколько можно взять без особых возражений клиента... ну а потом клиент оказывается у нее в руках, и уж тут — плати, плати и плати...

Причем всегда самые немыслимые запросы Гильдии связаны именно с военными операциями. «Наценка за риск», как называют это приторно-услужливые и скользкие агенты Гильдии. А стоит умудриться внедрить своего агента в Гильд-Банк — они подсовывают в ответ двух своих...

Невыносимо!

— Значит, доход, — повторил Раббан.

Барон сжал руку в кулак:

— Дави, души, выжимай!

— И, пока мне удается выжимать из них доход, я волен в остальном делать все, что хочу?

— Абсолютно все.

— Пушки, которые вы привезли сюда, — с надеждой спросил Раббан, — нельзя ли их...

— Пушки я увожу, — отрезал барон.

— Но вы же...

— Эти игрушки тебе не понадобятся. Они были хороши как сюрприз — а теперь толку от них будет мало. Как металл они нужнее. Они бесполезны против щитов, Раббан. Все дело в неожиданности. Было нетрудно предсказать, что люди герцога укроются в пещерах. И наши пушки просто закупорили их там...

— Но фримены как раз не пользуются щитами.

— Можешь, если хочешь, оставить себе часть лучеметов.

— Да, милорд. И — я получаю свободу действий?

— До тех пор, пока можешь выжимать доход...

Раббан растянул губы в зловещей и самодовольной улыбке.

— Это я совершенно ясно понял, милорд.

— «Совершенно ясно» ты не понимаешь ничего, — пробурчал барон. — Так что давай договоримся с самого начала. Все, что ты понимаешь, все, что тебе нужно понимать, — это как исполнять мои приказы. Ты когда-нибудь думал, что на этой планете живут пять миллионов человек?

— Разве милорд забыл, что я уже был здесь его регентом-сиридаром? И если милорд простит поправку — эта цифра скорее всего занижена. Очень трудно сосчитать все так вот разбросанное по впадинам и котловинам население. А если считать еще и фременов...

— Фременов учитывать не стоит!

— Простите, милорд, но сардаукары придерживаются противоположного мнения...

Барон помедлил, в упор глядя на племянника.

— Что ты об этом знаешь?

— Прошлой ночью, когда я прибыл, милорд уже изволил отдыхать. Я... э-э... взял на себя смелость связаться кое с кем из моих... э-э... прежних помощников. Они служили проводниками сардаукарам и сообщают, что к северо-востоку отсюда фременская банда подстерегла в засаде отряд сардаукаров и полностью его уничтожила.

— Уничтожила отряд *сардаукаров?!*

— Да, милорд.

— Невероятно!

Раббан пожал плечами.

— Фримены уничтожили сардаукаров! — скривившись, повторил барон.

— Я лишь довожу до вас то, что мне доложили, — ответил Раббан. — Мне также сообщили, что все та же банда фременов до того захватила знаменитого Суфира Хавата, любимца герцога...

— Ах-х-ххх...

Барон, улыбаясь, покивал.

— Я верю докладу, — сказал Раббан. — Вы просто не представляете, сколько хлопот доставляли эти фримены...

— Может быть. Только твои люди видели не фременов. Это наверняка были обученные Хаватом бойцы Атрейдесов, переодетые фременами. Это — единственное разумное объяснение.

Раббан снова пожал плечами:

— Ну, сардаукары, во всяком случае, сочли их фременами. И уже начали погром с целью истребить всех фременов поголовно.

— Вот и прекрасно!

— Но...

— Сардаукарам будет чем заняться. А мы скоро заполучим Хавата. Я знаю это! Я это чувствую! Ах, какой день! Какой день! Сардаукары гоняются по пустыне за никому не нужными шайками этого отребья — а мы получаем самый ценный трофей!

— Милорд... — Раббан нерешительно нахмурился. — Милорд, я всегда чувствовал, что мы недооцениваем фременов, как их число, так и...

— Забудь о них, мальчик. Они не в счет. Нас должны заботить города, поселки... Ведь там живет много людей, а?

— Очень много, милорд.

— Вот они-то меня и беспокоят, Раббан.

— Беспокоят вас?..

— О... положим, о девяти десятых и говорить не стоит. Но во всяком стаде, знаешь ли... Например, Малые Дома и все такие прочие... люди с излишним самомнением, которые могли бы затеять что-нибудь опасное. К примеру, если кто-нибудь из них вырвется отсюда с историей о том, что здесь произошло, я буду в высшей степени не-

доволен. Ты имеешь представление о том, насколько я могу быть недоволен?..

Раббан только сглотнул.

— Прежде всего возьми заложника от каждого Малого Дома, — велел барон. — Все, что должны знать за пределами Арракиса, — это что произошла обычная междоусобная война двух Домов. И никаких сардаукаров, ясно? Герцогу, как положено, предложили четверть имущества и высылку — но бедняга погиб от несчастного случая прежде, чем успел принять мои условия. А ведь уже собирался их принять! Вот и всё. А любой слух о каких-то сардаукарах на Арракисе достоин лишь осмеяния.

— Как угодно Императору, — кивнул Раббан.

— Да, именно. Как угодно Императору.

— А что насчет контрабандистов?

— А кто поверит контрабандистам? Их терпят — но им не верят. Впрочем, на всякий случай попробуй кое-кого из них подмазать... ну и принять другие необходимые меры. Не мне тебя учить — какие...

— Да, милорд.

— Итак, вот все мои инструкции относительно Арракиса, Раббан: доход — и твердая рука. Никакого снисхождения! Считай этих недоумков теми, кто они есть — рабами, которые завидуют своим хозяевам и только и ждут, чтобы представилась возможность для мятежа. И — ни намека на жалость или милосердие!..

— В одиночку — истребить население целой планеты? — спросил Раббан.

— Истребить? — Удивление барона выразилось в резком повороте его головы. — Кто сказал — истребить?!

— Н-ну... я понял так, что вы хотите заселить Арракис заново, и...

— Я, племянничек, приказал «выжимай», а не «уничтожай». Не расходуй людишек понапрасну — лишь приведи их к полной покорности. Ты должен стать хищником, мой мальчик.

Барон улыбнулся совсем по-детски — на пухлых щеках появились младенческие ямочки.

— Хищник никогда не останавливается. И ты не давай пощады, не останавливайся. Милосердие — это химера. Желудок отбросит его голодным урчанием; горло — хрипом

жажды. Вот и будь всегда алчен, голоден и жаждущ, — барон погладил свое нежащееся в силовой подвеске тело, словно составленное из жировых шаров, — как я.

— Понимаю, милорд...

Раббан повел глазами по сторонам.

— Что-то еще неясно, племянник?

— Только одно, дядя: что сделать с планетологом, Кинесом?

— Ах да, Кинес.

— Ведь он — человек Императора, милорд. И имеет право поступать как сочтет необходимым и полную свободу перемещения. И к тому же он очень близок с фрименами... даже женат на фрименке.

— Кинес умрет до наступления завтрашней ночи.

— Опасное дело, милорд, — убивать слугу Императора.

— А как, по-твоему, удалось мне так быстро добиться всего, чего я добился? — Барон говорил тихо, но в его голосе ясно слышались не произнесенные вслух ругательства. — Кстати, нечего бояться, что Кинес покинет Арракис. Ты забыл — он же привык к Пряности.

— Да, правда...

— Кто знает — будет молчать, чтобы не лишиться Пряности, — сказал барон. — Кинес — умный человек и много знает...

— Я забыл, — кивнул Раббан.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Наконец барон снова заговорил:

— Кстати. В первую очередь займешься возобновлением моих собственных запасов Пряности. Личный запас у меня неплох, но тот рейд герцогских сорвиголов — самоубийственный, надо сказать, рейд — лишил меня почти всей Пряности, предназначенной на продажу.

— Слушаюсь, милорд, — кивнул Раббан.

Барон улыбнулся.

— Завтра прямо утром соберешь всех, кто там еще остался от администрации, и объявишь им: «Наш Великий Падишах-Император повелел мне вступить во владение этой планетой и тем прекратить раздоры».

— Понял, милорд.

— Вот теперь я вижу, что ты действительно понял все, что требовалось. А сейчас оставь меня — я не выспался.

Барон отключил пентащит двери и проводил племянника взглядом. «Да, мозги как у танка, — думал барон, — мышцы вместо мозгов. Когда он закончит разбираться с Арракисом, планета превратится в кровавую кашу. И вот тогда-то я и пошлю моего Фейд-Рауту, чтобы он освободил народ от бремени, — и народ будет ликованием встречать своего избавителя. Фейд-Раута любимый, Фейд-Раута благословенный, в сострадании народу избавивший его от Зверя. Фейд-Раута, за которым пойдут — даже на смерть. А мальчик к этому времени научится искусству подавлять без вредных для себя последствий... Да, я уверен — нам нужен именно он. Он научится. И... какое прелестное тело. Да. Прелестный мальчик».

В пятнадцать лет он уже научился молчанию.
(Принцесса Ирулан, «История Муад'Диба для детей»)

...Борясь с рычагами орнитоптера, Пауль осознал вдруг, что его разум перебирает сплетенные вокруг машины силы урагана и, много эффективнее разума ментата, просчитывает необходимые действия на основе раздробленной на мельчайшие частицы информации. Он чувствовал пылевые фронты, движения воздушных масс, турбулентности, смерчевые потоки...

Коробка кабины была освещена изнутри лишь зеленой люминесценцией циферблатов. Поток бурой пыли снаружи казался бесформенным — но его внутренняя сущность начала уже проглядывать сквозь струящуюся завесу.

Надо найти подходящий вихрь.

Пауль уже давно заметил, что буря начала понемногу стихать — но она все еще бросала и вертела легкую машину. Пауль дожидался нужного вихря.

И он пришел. Сначала это был вихревой вал, накативший и сотрясший топтер. Все в машине задребезжало.

Подавив страх, Пауль круто развернул ее влево, положив на крыло.

Джессика заметила этот маневр только по глобусу авиагоризонта.

— Пауль! — закричала она.

Вихрь мотал машину, пытался скрутить ее, поворачивал и тащил. Вдруг он подбросил топтер, точно гейзер,

ударивший в дно, подбросил и поднял высоко вверх. Топтер завертелся — крылатая мошка в винтящемся пыльном столбе под лучами Второй луны.

Пауль взглянул вниз и увидел этот столб пыльного горячего воздуха, извергнувший их. Увидел затухающую бурю — пыльная река, серебрящаяся в лунном свете, текла умирать в глубь Пустыни. Она уменьшалась — топтер продолжал подниматься с восходящим потоком.

— Вырвались, — выдохнула Джессика.

Пауль вывел машину из потока и начал снижение, оглядывая ночное небо.

— От них мы ушли, — прокомментировал он.

Джессика чувствовала, как бешено стучит ее сердце, и заставила себя успокоиться, глядя вслед уходящей буре. Ее чувство времени говорило, что они мчались в сердце сплетения элементарных сил почти четыре часа — но часть ее сознания уверяла, что они провели в объятиях бури целую жизнь. Джессика чувствовала себя рожденной заново.

«Как в литании, — подумала она. — Мы встретили бурю лицом к лицу и не сопротивлялись ей. Буря прошла сквозь нас и вокруг нас. Она ушла — а мы остались».

— Не нравится мне, как крылья шумят, — сказал Пауль. — У нас явно повреждения.

Через рукоятки управления он ощущал, как скрежещут истерзанные крылья. Да, от бури они вырвались — но способность предвидения еще не вернулась к нему. Перед ним по-прежнему была тьма. И все же они спаслись, и Пауль чувствовал, как дрожит в преддверии откровения...

Да, он действительно дрожал.

Ощущение было магнетическим. Пугающим. Вдруг он обнаружил, что все время думает о том, что вызвало к жизни это необычное предзнание, эту дрожь сверхвосприятия... Отчасти причиной было большое количество Пряности в арракийской пище. Но ему казалось, что не менее важна и литания — словно ее слова обладали собственной силой.

...Я не боюсь, я не буду бояться...

Причина и следствие: он выжил вопреки обрушившимся на них враждебным силам — и он чувствовал теперь,

что стоит на грани того необычного восприятия... которого не было бы без магии литании.

В его голове зазвучали строки Экуменической Библии: *Каких чувств не хватает нам, чтобы воспринимать окружающий нас иной мир?..*

— Со всех сторон скалы, — сказала Джессика.

Пауль не отвечал — посадка требовала внимания. Он потряс головой, чтобы прийти в себя. Он взглянул, куда указывала мать: впереди и справа из песка поднимались черные камни. Ветерок щекотал его лодыжки и крутил по кабине пыль — значит, где-то дырка, на память от бури...

— Лучше садись на песок, — посоветовала Джессика. — Крылья могут отказать при торможении...

Он кивком показал вперед, где лунный свет омывал побитые песком скалы:

— Сажусь вон у тех скал. Проверь пристежные ремни...

Она автоматически повиновалась. «У нас есть вода и дистикомбы, — думала она, — если сумеем найти в Пустыне пищу, продержимся довольно долго. Живут же тут фримены — что могут они, как-нибудь сможем и мы...»

— Как только остановимся, — отрывисто сказал Пауль, — беги к скалам. Вещи я захвачу.

— Бежать?.. — Она замолчала и, поняв, кивнула. — Черви.

— Не просто черви, а наши друзья черви, — поправил он. — Они позаботятся о топтере: никаких следов посадки не останется.

«Как он все обдумал...» — мелькнуло у Джессики.

Они планировали, спускаясь все ниже... ниже... Внезапно плавное скольжение в небе превратилось в стремительный полет — ощущение скорости создали близкие теперь тени дюн и скалы, встающие из них подобно островам. Топтер с мягким толчком чиркнул фюзеляжем о гребень дюны, перелетел низинку и коснулся верхушки следующей дюны.

Он сбивает скорость, поняла Джессика и не могла не восхититься его умением и собранностью.

— Держись! — предупредил Пауль.

Он потянул рычаг, тормозя крыльями — сначала мягко, плавно, потом все увеличивая угол. Почувствовал, как изогнулись крылья, как падает подъемная сила с изме-

нением угла атаки. Ветер запел в отогнутых кроющих и маховых перьях.

Внезапно расшатанное бурей левое крыло вывернулось вверх и внутрь, хлопнув по борту орнитоптера. Машина шлепнулась на песчаный гребень и, кренясь влево и разворачиваясь, заскользила вниз. Ударившись о следующую дюну, она глубоко зарылась в нее носом, обрушив каскады песка. Левое, сломанное крыло оказалось внизу — топтер упал набок, — а правое задралось к звездному небу.

Пауль рывком отстегнул ремни, потянулся наверх, через мать, открыл правую дверцу. В кабину ворвался песок, а с ним — сухой запах обожженного кремня. Пауль схватил рюкзак с заднего сиденья, убедился, что мать уже освободилась от своих ремней. Затем она выбралась наружу, на металлическую обшивку топтера. Пауль, волоча рюкзак за лямки, последовал за ней.

— Бегом! — приказал он, указывая на склон дюны, над которым высилась источенная песком каменная башня.

Джессика спрыгнула с топтера и, спотыкаясь и поскальзываясь на осыпающемся песке, побежала. Пауль, тяжело дыша, следовал за ней. Наконец они выбрались на вершину песчаного гребня, плавным изгибом уходившего к скалам.

— По гребню! — скомандовал Пауль. — Так быстрее...

Они побежали по осыпающемуся песку.

И тут заметили новый, постепенно нарастающий звук: шорох, шелест, сухое наждачное поскрипывание.

— Червь, — сказал Пауль.

Звук нарастал.

— Быстрее! — задыхаясь, крикнул Пауль.

Первый скальный выступ — словно пологий берег песчаного моря — был не больше чем в десятке метров, когда позади раздался хруст и скрежет металла.

Пауль перебросил рюкзак в правую руку — при каждом шаге он хлопал его по ноге, — а левую руку дал матери. Она уже карабкалась по камню, усыпанному щебнем и окатанной песком и ветром мелкой галькой — по изогнутому каналу, прогрызенному ветром — захлебываясь сухим, колючим воздухом...

— Я не могу больше бежать, — задыхаясь, проговорила Джессика.

Пауль остановился. Втолкнул ее в расщелину и обернулся к пустыне. Вдоль их скального острова быстро ползла продолговатая песчаная гора. В лунном свете были отчетливо видны рябь на песке, волны — и гребень движущейся горы, почти на уровне глаз Пауля. До нее было около километра.

След червя — гряда низких пологих дюн — изгибался, делая петлю там, где они бросили разбитый орнитоптер.

Но червь прошел там, и не осталось даже следа орнитоптера.

Движущийся холм повернул в пустыню и пересек свой след, словно ища что-то.

— Да он больше гильдийского корабля, — потрясенно прошептал Пауль. — Мне говорили, что в глубокой Пустыне встречаются большие черви, но я не представлял... *насколько* большие...

— Я тоже, — выдохнула Джессика.

Чудовищная тварь вновь отвернула от скал и, набирая скорость, по плавной дуге устремилась к горизонту. Они вслушивались в звук его движения, пока зловещий шорох не растаял в тихом шелесте вечно подвижного песка.

Пауль глубоко вздохнул, взглянул на посеребренные луной скалы. Процитировал по памяти «Китаб аль-Ибар»:

— «*Путешествуй ночью, днем же укрывайся в густой тени*».

Перевел взгляд на мать.

— До рассвета еще несколько часов. Идти сможешь?

— Погоди немного...

Пауль сошел на усыпанный галькой и щебнем каменный «берег», вскинул на плечи рюкзак и подтянул лямки. Вынул паракомпас и принялся определять нужное направление.

— Хорошо, как только ты будешь в норме...

Она наконец оторвалась от скалы, чувствуя, как к ней возвращаются силы.

— Куда пойдем?

— Вдоль хребта. — Он махнул рукой.

— В глубокую Пустыню...

— В Пустыню фременов... — прошептал он. И замер, пораженный отчетливо вставшим перед ним образом давнего видения — видения, явившегося ему еще на Кала-

дане. Да, он уже видел эту пустыню! Но не совсем так. Образ был чуточку иным, как будто образ, хранившийся в памяти, при наложении на реальность несколько отличался от нее. Словно это изображение сдвинулось и он, оставаясь неподвижным, видел его под другим углом.

«Вот оно что — в том видении с нами был Айдахо, — вспомнил он. — Но теперь Айдахо мертв...»

— Ты знаешь, куда нам идти? — Джессика неверно поняла его колебания.

— Нет, — ответил он. — Но это не важно. Пойдем.

Он расправил плечи под лямками и пошел расщелиной, проточенной песком в камне. Расщелина вывела их на ровную каменную поверхность, к югу переходившую в лестницу из скальных террас.

Дойдя до первой из этих ступеней, Пауль вскарабкался наверх. Джессика следовала за ним.

Она видела, как путь превратился в череду препятствий, каждое из которых требовало внимания, — то это были занесенные песком углубления в камне, где их шаги замедлялись, то резавший руки отточенный ветрами карниз, то еще какое-нибудь препятствие, — и всякий раз приходилось решать: обходить или пытаться преодолеть?.. Рельеф задавал свой собственный ритм. Говорили они теперь только по необходимости, и голоса звучали хрипло от страшной усталости.

— Осторожно, тут песок осыпается...

— Не стукнись — карниз низкий...

— Не выходи из тени гребня — луна в спину, мы будем слишком заметны...

Наконец Пауль остановился у изгиба каменной стены, взвалил, не снимая, рюкзак на узкий выступ.

Джессика прислонилась к стене подле него, радуясь передышке. Она услышала, как Пауль сосет воду из трубки дистикомба, и тоже глотнула. Оборотная вода имела неприятный привкус — солоноватой была, что ли, — и Джессика вспомнила воду на Каладане. Взметнувшаяся ввысь струя огромного фонтана дугой обрамляет синеву неба... а она никогда не задумывалась о том, какое это богатство — столько воды... тогда она думала не о самой воде, а только о форме струи, ее блеске, звуке...

Остановиться... отдохнуть... отдохнуть по-настоящему...

Милосердие, подумала она, это возможность остановиться. Нет такой возможности — нет и милосердия.

Пауль заставил себя оторваться от стены, повернулся и зашагал вверх по склону. Джессика со вздохом последовала за ним.

Потом они спустились на широкий карниз, огибавший гладкую скалу. Вновь их вел за собой рваный ритм неровного рельефа.

Всю сегодняшнюю ночь, казалось Джессике, все разнообразие заключалось лишь в размерах того, на что они наступали и за что хватались — скалы, камни, гравий и галька, песок — покрупнее и помельче, тончайшая пыльная пудра...

Эта пудра забивала носовые фильтры — то и дело приходилось их продувать. Мелкая галька и крупный песок на гладком камне катались под ногами — сделав неосторожный шаг, тут легко было упасть. Каменные осколки резали. А вездесущий песок, занесший каждую ямку, буквально хватал за ноги.

Внезапно Пауль остановился на скальном карнизе и придержал мать, которая по инерции ткнулась в него и чуть не упала.

Он повел рукой налево. Проследив за его жестом, Джессика увидела, что в двух сотнях метров под обрывом, на который они вышли, начиналась Пустыня — застывший океан песчаных волн, посеребренных луной. Их гребни — углы и плавные изгибы, начерченные тенями по светлому песку, — убегали вдаль, к теряющимся в ночи очертаниям следующей скальной гряды.

— Открытая Пустыня, — прошептала она.

— Придется переходить тут, — отозвался он. — Далековато... — Его голос глухо звучал из-под фильтра-респиратора.

Джессика посмотрела налево, направо — но повсюду под ними был лишь песок.

Пауль же глядел вперед — туда, где тени дюн неспешно следовали за быстрой арракийской луной.

— Километра три-четыре, — сказал он.

— Черви... — проговорила она.

— Наверняка.

Она вдруг особенно сильно почувствовала свою усталость, боль в мышцах, заглушающую все остальные чувства.

— Может быть, отдохнем и поедим?..

Пауль скинул рюкзак, сел, прислонившись к нему. Джессике, чтобы сесть, пришлось опереться на его плечо. Потом она услышала, как он повернулся и роется в рюкзаке.

— Вот, возьми.

Он положил ей в руку две капсулы энергетика. Его ладони были очень сухими.

Джессика проглотила капсулы, запив их скупым глотком конденсата из трубки дистикомба.

— Выпей всю воду, — посоветовал Пауль. — Это аксиома: хранить воду лучше всего в собственном теле... Это поддерживает и придает силы. Доверься своему дистикомбу...

Она послушно осушила водяные карманы, чувствуя, как ее силы и в самом деле прибывают. Как мирно, как покойно было сидеть здесь, понемногу сбрасывая усталость... Ей вспомнились слова, сказанные как-то воином-менестрелем Гурни Халлеком: «Лучше сухой песок в тишине и покое, чем дом, полный жертв и борьбы».

Джессика повторила эти слова вслух, для Пауля.

— Так говаривал Гурни, — отозвался он.

Таким тоном, подумала Джессика, говорят о мертвых. И скорее всего, сказала она себе, бедный Гурни действительно погиб. Те, кто служил Дому Атрейдес, или погибли, или были взяты в плен, или, как они, блуждали в безводной пустыне.

— У Гурни всегда была наготове подходящая цитата, — проговорил Пауль. — Как сейчас слышу: «*И реки сделаю сушею, и предам землю в руки злым, и рукою иноземцев опустошу землю и все, наполняющее ее...*»

Джессика зажмурилась — от того, как Пауль процитировал древнюю книгу, к ее глазам подступили слезы.

Немного погодя Пауль спросил:

— Как ты... себя чувствуешь?

Она поняла, что вопрос относится к ее беременности.

— До рождения твоей сестры еще много месяцев. Я все еще... в форме.

Сказав это, она подумала, что говорит с сыном чересчур сухо, почти официальным тоном. Как сестра Бене Гессерит, приученная искать причины подобных стран-

ностей, она, поразмыслив, признала: «Я, оказывается, боюсь своего сына; я боюсь его... странности; я боюсь того, что он может видеть в нашем будущем, и особенно того, что он может рассказать мне об увиденном...»

Пауль, опустив капюшон на глаза, вслушивался в звуки ночных насекомых. Собственное молчание звенело в его легких. А в носу свербило... Пауль потер нос, вынул фильтры и почувствовал густой запах корицы.

— Где-то поблизости выход меланжи, — сообщил он.

Ветерок точно гагачьим пухом гладил его щеки, шевелил складки бурнуса. Это был спокойный ветер, он не грозил бурей — Пауль уже мог это чувствовать.

— Скоро рассвет, — сказал он.

Джессика кивнула.

— Перейти участок открытого песка можно, — проговорил Пауль. — Есть сравнительно безопасный способ. Фримены так делают...

— Но... а черви?

— Во фримпакете есть манок-колотушка. Если установить его здесь, он на некоторое время отвлечет червя.

Она смерила взглядом освещенную луной пустыню между ними и следующим скальным гребнем.

— «Некоторое время» — это достаточно, чтобы пройти четыре километра?

— Может быть. Если звуки нашей ходьбы не будут отличны от естественных звуков пустыни — иначе мы привлечем внимание червя.

Пауль разглядывал открытую Пустыню, обращаясь к странной своей памяти о будущем и думая о загадочных намеках в руководстве фримпакета, связанных с манками и «крюками Подателя». И ему казалось странным, что мысли о червях вызывали у него лишь панический ужас. Он ощущал — это было где-то на краю его особого восприятия, — что червей следует уважать, а не бояться... если... если...

Он потряс головой.

— То есть нельзя допускать ритмичный шум, — сказала Джессика.

— Что? Ага. Да. Если порвать ритм шагов... ведь песок должен и сам по себе оседать время от времени. Двигать-

ся. Не может же червь бросаться на каждый звук. Но перед этим нам надо как следует отдохнуть.

Он посмотрел на гребень за песчаной полосой — вертикальные тени от луны на нем отмечали ход времени.

— Через час рассветет.

— Где мы проведем день? — спросила она.

Пауль, повернувшись, показал налево:

— Видишь, к северу обрыв поворачивает... Смотри, как он источен ветром; значит, это наветренная сторона. А раз так, там наверняка есть трещины, и достаточно глубокие.

— Так, может, пойдем? — спросила она.

Пауль встал и помог подняться матери.

— Ты достаточно отдохнула, чтобы осилить спуск? Я хотел бы подойти как можно ближе к краю песков, прежде чем поставить палатку.

— Ну ладно, довольно. — Она кивнула, предлагая ему снова идти впереди.

Он поколебался, потом поднял рюкзак, взвалил его на плечи и зашагал по гребню.

«Если бы у нас были генераторы подвески, — подумала Джессика, — все было бы совсем просто: мы бы спрыгнули с обрыва, и всё. Но, возможно, генераторы в открытой Пустыне тоже опасны и привлекают червей, как и щиты...»

Они подошли к великанской лестнице из уходящих вниз уступов, а дальше, за уступами, открывалась расщелина. Лунный свет и тени четко очерчивали ее края.

Пауль шел первым, двигаясь осторожно, но быстро, почти торопливо — было очевидно, что лунный свет скоро исчезнет. Они спускались в мир сгущающейся тени. Вокруг едва угадывались уходящие в звездное небо скалы. Когда стены расщелины сошлись метров до десяти, перед ними оказался песчаный склон, уходящий вниз, во тьму.

— Будем спускаться? — шепотом спросила Джессика.

— Пожалуй...

Он ногой пощупал поверхность склона.

— Мы можем просто съехать вниз, — предложил он. — Я иду первым — а ты подожди, пока не услышишь, что я остановился.

— Только будь осторожнее, — попросила Джессика.

Он шагнул на откос, заскользил вниз — и съехал на почти ровный пол из плотного, слежавшегося песка. Вокруг возвышались скальные стены.

Сзади с громким шорохом вдруг обрушился песок. Пауль попытался разглядеть в темноте склон, но поток песка едва не сбил его с ног. Затем песок успокоился, все стихло.

— Мама! — позвал он.

Ответа не было.

— Мама!

Он бросил рюкзак, метнулся вверх по склону, оступаясь и скользя; он, словно обезумев, рыл и отбрасывал песок.

— Мама! — задыхался он. — Где ты, мама?!

Сверху обрушился новый поток песка, завалив его до бедер. Развернувшись, Пауль сумел высвободиться.

«Она попала в обвал, — метались его мысли. — Ее завалило. Я должен успокоиться и подумать... Она не задохнется сразу — войдет в состояние бинду-остановки, чтобы снизить потребление кислорода. Ведь она понимает, что я буду ее откапывать...»

Пользуясь техникой Бене Гессерит, которой научила его мать, Пауль сумел успокоить бешеное биение сердца и очистить разум, подобно тому как вытирают грифельную доску — необходимо было зарегистрировать и осмыслить все случившееся в эти минуты. Каждое движение песка в оползне вновь прошло перед его глазами — как медленно тек песчаный поток по сравнению с долей мгновения, потребовавшейся ему, чтобы все вспомнить...

Наконец Пауль пошел наискосок вверх по склону, осматривая и трогая песок. Отыскав стену расщелины и то место, где она поворачивала, он принялся копать, стараясь не потревожить склон и не вызвать новый обвал. Вот он почувствовал ткань — пошарил по ней, нащупал руку. Осторожно он провел по руке, очистил лицо.

— Ты меня слышишь? — спросил он.

Она не отвечала.

Он принялся копать с удвоенной силой, освободил ее плечи. Она была безвольно-податливой, но он уловил медленное биение сердца: *бинду-остановка.*

Раскопав ее до пояса, он завел ее руки себе на плечи, потянул — сперва медленно, а потом изо всех сил. Нако-

нец песок подался. Он тянул все сильнее и быстрее, задыхаясь, из последних сил удерживая равновесие. Он уже выбежал на плотно утрамбованный пол внизу, неся мать на плечах, спотыкаясь — и тут весь песчаный склон поехал вниз с оглушительным шипением и шорохом, отраженным и усиленным скальными стенами.

Остановился он в самом конце расщелины — внизу, всего в метрах в тридцати, начинались ряды марширующих к горизонту дюн. Осторожно Пауль уложил мать на песок и негромко произнес кодовое слово, которое должно было вывести ее из каталептического состояния.

Она медленно приходила в себя, делая все более глубокие вдохи.

— Я знала, что ты меня найдешь, — проговорила Джессика.

Он взглянул в сторону расщелины.

— Может, было бы лучше, гуманнее, если бы я тебя не откопал...

— Пауль!

— Я... потерял рюкзак, — угрюмо сообщил он. — Он там, под тоннами песка. Тонны — это как минимум.

— У нас ничего не осталось?

— Там — запасы воды, дистигент... все самое необходимое. — Он похлопал по карману. — Паракомпас, правда, остался. — Ощупав сумку на поясе, добавил: — Вот еще нож, бинокль... Можно как следует рассмотреть место, где мы умрем.

В это мгновение солнце показалось над горизонтом — слева, за краем расщелины. На песке заиграли яркие краски. Птицы проснулись в спрятанных в скалах гнездах, над пустыней зазвучал их хор.

Но Джессика видела лишь отчаяние в глазах Пауля. С презрительной ноткой в голосе она сказала:

— Так-то тебя учили?

— Ты что, не поняла?! — крикнул он. — Все, что могло помочь нам выжить в Пустыне, — там, под песком!..

— Меня же ты нашел, — сказала Джессика, уже мягко, убеждающе.

Пауль сел на корточки.

Он медленно оглядывал новую осыпь в расщелине, изучая неровности песка.

— Если бы мы могли как-то обездвижить участок склона и свод лаза, который пришлось бы прокопать в песке — может, и удалось бы дорыться до рюкзака. Если бы пропитать песок водой... но воды для этого у нас не... — Оборвав фразу на полуслове, он вдруг воскликнул: — Пена!

Джессика боялась пошевелиться, чтобы не нарушить ход его мыслей — видно было, что разум Пауля работает в гиперрежиме.

Пауль повернул голову к дюнам, не только всматриваясь, но и внюхиваясь. Определив направление, он уставился на темное пятно на песке внизу.

— Пряность, — сказал он. — У нее же сильная щелочная реакция! А у меня остался паракомпас, и в нем — кислотная батарея!..

Джессика села, привалившись к скале.

Пауль, не обращая на мать внимания, вскочил на ноги и стал спускаться по утрамбованному ветром песку, скопившемуся под устьем расщелины.

Она смотрела, как он, ломая ритм шага, идет по песку: шаг... пауза... два шага... скользящий шаг... пауза... Ритма, который мог бы выдать Пауля охотящемуся в песках червю, не было.

Добравшись до выхода Пряности, Пауль нагреб ее горкой на полу плаща и таким же образом вернулся к расщелине. Он высыпал Пряность перед Джессикой, опустился на корточки и, орудуя острием ножа, принялся разбирать паракомпас. Крышка отскочила.

Он снял кушак, разложил на нем части паракомпаса, вынул батарею. За нею последовал лимб — в корпусе прибора открылось отделение, напоминавшее чашку.

— Тебе понадобится еще и вода, — заметила Джессика.

Пауль набрал в рот воды из трубки дистикомба и выплюнул ее в опустевшее отделение паракомпаса.

«Если ничего не получится — пропала вода даром, — подумала Джессика. — Впрочем, тогда это уже не будет иметь никакого значения...»

Пауль ножом взрезал корпус батареи, высыпал кристаллическую кислоту в воду. Пошел дымок, кристаллы растворились.

Джессика уловила движение наверху. Подняв голову, она увидела на краю расщелины несколько коршунов — усевшись в ряд, они смотрели вниз, на воду.

«Великая Мать! — подумала она. — Они чуют воду даже на таком расстоянии!..»

Пауль снова закрыл паракомпас крышкой, оставив только отверстие на месте кнопки переключателя. Затем, взяв в одну руку переделанный прибор, в другую — горсть Пряности, Пауль направился по склону вверх. Без кушака его бурнус слегка раздувался на ходу. Каждый шаг вызывал к жизни ручейки песка и пыли.

Наконец он остановился, бросил в паракомпас щепотку Пряности и потряс прибор.

Из отверстия на месте кнопки бурно поползла зеленая пена. Пауль принялся поливать ею склон, водя паракомпасом по пологой дуге, ногами отбрасывая песок под ней и снова закрепляя пеной открывающийся песок...

Джессика подошла сзади:

— Помочь?

— Поднимись сюда и копай, — бросил он. — Придется прорыть метра три. Будем надеяться — получится...

В это время пена перестала течь.

— Быстро! — скомандовал Пауль. — Неизвестно, сколько времени пена сможет удерживать песок!

Джессика встала рядом с сыном, а тот кинул в выпотрошенный паракомпас новую щепоть меланжи, встряхнул. Пена с новой силой начала извергаться из отверстия.

Пауль поливал песок, создавая барьер против осыпи, Джессика руками рыла песок, отбрасывая его вниз по склону.

— Сколько еще? — задыхаясь, спросила она.

— Метра три, — ответил он. — Причем я определил место только приблизительно. Может, придется еще расширять эту яму...

Он шагнул в сторону, оскальзываясь на сыпучем песке.

— Ты давай рой наклонно, не отвесно.

Джессика повиновалась.

Яма постепенно углублялась. Ее дно уже достигло уровня дна расщелины — а рюкзака не было.

«Неужели я просчитался? — спросил себя Пауль. — Все из-за меня: это я запаниковал, и все случилось от этого. Неужели это подорвало мои способности?»

Он заглянул в паракомпас. Оставалось меньше двух унций кислоты.

Джессика распрямила спину, отерла щеку вымазанной в пене рукой. Снизу вверх глянула на сына, их глаза встретились.

— Чуть выше, — сказал Пауль. — Только осторожно...

Он засыпал в корпус прибора еще щепоть Пряности и стал поливать бурлящей пеной песок вокруг рук Джессики, которая принялась прокапываться вверх по склону. Со второго раза ей под руки попало что-то твердое. Медленно, осторожно она вытянула из песка лямку с пластиковой пряжкой.

— Стой, не тяни больше, — почти шепотом сказал Пауль. — Пена кончилась.

Джессика посмотрела на него, не выпуская из рук лямку.

Пауль швырнул опустевший паракомпас на дно ямы.

— Давай руку. Теперь слушай внимательно. Я выдерну тебя в сторону и вниз по склону. Только не выпускай лямку! Вряд ли новый оползень будет сильным, осыпь, кажется, стабилизировалась. Все, что нам нужно, — это чтобы твоя голова осталась на поверхности. Когда яму засыплет, я откопаю и тебя, и рюкзак.

— Поняла, — ответила она.

— Готова?

— Готова. — Она изо всех сил стиснула лямку.

Одним рывком Пауль наполовину выдернул ее из ямы, стараясь держать ее голову как можно выше. Пенный барьер прорвался, и песок хлынул вниз. Когда его поток остановился, Джессика оказалась засыпанной по пояс, хотя левая рука и плечо остались в песке. Лицо защитила пола плаща Пауля под подбородком. Плечо Джессики ломило от напряжения.

— Я держу рюкзак, — сказала она.

Пауль медленно ввел пальцы в песок возле ее руки, нащупал лямку.

— Ну-ка, вместе, — сказал он. — Только постепенно, чтобы не порвать...

Пока они вытягивали рюкзак, ссыпалось еще немного песка. Наконец лямка показалась на поверхности, и Пауль остановился, чтобы освободить из песка мать. Вдвоем они извлекли рюкзак из песчаной ловушки.

Через несколько минут они уже были на дне устья расщелины, так и держа рюкзак вдвоем. Пауль посмотрел на мать. Ее лицо и одежда были покрыты пятнами зеленой пены. Кое-где на засохшую пену прилип песок. Было похоже, что ее забросали комьями мокрого, липкого зеленого песка.

— Ну и вид у тебя, — усмехнулся он.

— Думаешь, ты чище? — отозвалась она.

Они засмеялись было, но смех тут же оборвался.

— Это моя вина, — проговорил Пауль. — Я был неосторожен.

Она пожала плечами (присохший песок посыпался с ее одежды).

— Я ставлю палатку, — решил Пауль. — Стоит раздеться и вытряхнуть песок. — Он отвернулся и открыл рюкзак. Джессика кивнула — внезапно ощутив, что у нее не осталось сил, чтобы говорить вслух. — Смотри-ка, здесь в скале крепежные отверстия! — сказал Пауль. — Кто-то уже ставил тут палатку...

«Почему бы и нет?» — подумала Джессика, отряхивая одежду. Место было подходящим для лагеря: между высоких скальных стен, а впереди, километрах в четырех, — еще стена; до песка достаточно далеко, чтобы укрыться от червей, — но не так далеко, чтобы к нему было тяжело спускаться...

Повернувшись, Джессика увидела, что Пауль уже поставил дистителт. Его ребристый купол сливался с камнем стен ущелья. Пауль подошел к ней, поднял бинокль, быстро подкрутил его, регулируя внутреннее давление, сфокусировал масляные линзы на противоположной стене — золотисто-бурые в лучах утреннего солнца скалы поднимались над песками.

Джессика смотрела, как Пауль разглядывает этот апокалиптический ландшафт с его каньонами и песчаными реками.

— Там что-то растет, — сказал он.

Джессика достала из рюкзака второй бинокль, встала рядом с сыном.

— Вон там, — показал он, не отводя бинокль от глаз.

— Сагуаро, — сказала она. — Эта сухая штука...

— Поблизости могут быть люди.

— Может, тут просто была ботаническая станция? — предположила она.

— Вряд ли, мы слишком углубились на юг в Пустыню, — ответил он, опустил бинокль и почесал под носом, возле фильтров, — он почувствовал, как высохли и потрескались его губы, и особенно сильно ощутил во рту сухой вкус жажды. — Такое ощущение, что тут живут фримены, — добавил он.

— Ты уверен в их дружелюбии?

— Кинес, во всяком случае, обещал их помощь.

«*Но эти люди Пустыни — народ отчаянный*, — подумала она. — *Потому что они каждый день сталкиваются с отчаянными ситуациями; я сегодня ощутила на себе отчаянность и отчаяние... Они могут убить нас ради нашей воды*».

Она закрыла глаза и, усилием воли вытеснив образ Пустыни, вызвала видение Каладана. Это было еще до рождения Пауля. Они — она и герцог Лето — были на отдыхе, путешествовали. Они летели над джунглями Юга, яркой листвой дикого леса, над рисовыми чеками в устьях рек. Среди зелени виднелись муравьиные тропы, по которым тянулись караваны, — носильщики несли грузы на шестах, поддерживаемых силовыми генераторами. А вдоль побережья качались на волнах белые лепестки тримаранов-дхоу...

Все ушло!

Джессика открыла глаза. Неподвижная пустыня в нарастающей жаре нового дня. Беспокойные демоны жары уже начали баламутить воздух над раскаленным песком. Каменная гряда за песчаным заливом, казалось, была видна через дешевое волнистое стекло.

Устье ущелья на миг занавесила песчаная дымка — маленький обвал сорвался с кручи, то ли от порыва утреннего ветра, то ли сбитый коршунами, которые один за другим начали сниматься с вершины. Когда пескопад прекратился, Джессика все еще слышала его шелест — и этот шелест становился все громче! Кто раз слышал этот звук, уже не мог забыть его.

— Червь, — прошептал Пауль.

Он появился справа с тем непринужденным величием, которое нельзя было бы оставить без внимания. Огромная продолговатая гора, изгибающаяся при движении, разрезая песчаные волны, появилась в поле их зрения. Передняя часть горы слегка приподнялась, отвернула, пыля — точно дугообразная волна в воде, — и исчезла, уйдя куда-то влево.

Звук постепенно стих.

— Видел я космические фрегаты, что были поменьше... — прошептал Пауль.

Она кивнула, не отрывая взгляд от пустыни. Там, где прошел червь, остался завораживающе ровный след. Уныло-бесконечный, тянулся он перед ними, словно маня за собой, под далекую линию горизонта.

— Когда отдохнем, — сказала Джессика, — продолжим твои занятия.

Он подавил внезапное раздражение.

— Мама, а тебе не кажется, что можно было бы обойтись и без...

— Вот ты сегодня ударился в панику, — строго сказала она. — Возможно, ты и знаешь свой разум и биндуиннервацию лучше меня. Но вот свою прана-мускулатуру тебе еще изучать и изучать. Видишь ли, тело порой начинает действовать само по себе, независимо от своего хозяина. Я могу тут еще многому научить тебя. Ты должен научиться контролировать каждую мышцу, каждый нерв своего тела, научиться управлять ими. Тебе нужно повторить работу с руками. Начнем с мускулатуры пальцев, сухожилий кисти и чувствительности подушечек. — Она повернулась. — А теперь — ступай в палатку.

Он согнул и разогнул пальцы, наблюдая, как мать забирается в дистинтент, проползая через отверстие сфинктерного клапана. Кажется, он все равно не сумеет отговорить ее — она упорна в своем намерении. Придется подчиниться...

«Не знаю, что они со мной сделали, но и я сам кое-что сделал для этого», — подумал он.

Это надо же — повторить работу с руками!

Он посмотрел на свою руку. Какой беспомощной кажется она по сравнению с таким чудовищем, как этот червь...

Мы пришли с Каладана — райского мира для нашей, человеческой формы жизни. Там, на Каладане, не было нужды строить рай для тела или духа — перед нашими глазами была уже райская действительность. Но за нее мы заплатили ту цену, какой люди всегда расплачивались за райскую жизнь: мы стали слабыми, изнеженными, потеряли закалку.
(Принцесса Ирулан, «Беседы с Муад'Дибом»)

— Ты, значит, и есть тот самый знаменитый Гурни Халлек, — повторил его собеседник.

Халлек стоял в круглом, вырубленном в скале зале, оборудованном подо что-то вроде конторы, напротив сидящего за металлическим столом контрабандиста. На хозяине кабинета были фрименские одежды, но глаза не были такими беспросветно-синими, как у фрименов, выдавая, что ему нередко приходится есть инопланетную пищу. Помещение имитировало центральный командный пункт космического фрегата — на одной шестой стены размещались экраны интеркомов и внешнего обзора; с обеих сторон дугу экранов замыкали пульты управления вооружением; а стол выступал из противоположной стены.

— Я — Стабан Туек, сын Эсмара Туека, — представился контрабандист.

— Тогда я именно тебя должен благодарить за оказанную помощь, — поклонился Халлек.

— А-а, благодарность... — неопределенно сказал Туек. — Что ж, присаживайся.

Из стены, возле экранов, выдвинулось корабельного типа глубокое кресло, и Халлек со вздохом опустился в него. Он почувствовал, как устал. Теперь он видел свое отражение в темной поверхности экрана возле контрабандиста и скривил губы, заметив тяжелые линии на своем бугристом лице — следы усталости. Багровый шрам от чернильника на скуле тоже искривился от его гримасы.

Оторвавшись от отражения, Халлек взглянул на Туека. Да, он походил на отца — те же густые тяжелые брови, такие же рубленые черты...

— Твои люди сказали мне, что твой отец убит Харконненами, — проговорил Халлек.

— Может, Харконненами, а может — и предателями из ваших, — бросил Туек.

Гнев почти заставил Халлека забыть об усталости.

— Ты можешь назвать имя?

— У нас нет полной уверенности...

— Суфир Хават подозревал леди Джессику...

— М-мм... Бене-Гессеритская ведьма... возможно. Но Хават сейчас в руках Харконненов.

— Слышал. — Халлек глубоко вздохнул. — Похоже, без новых убийств не обойдется.

— Мы не предпримем ничего, что могло бы привлечь к нам внимание, — отрезал Туек.

Халлек замер:

— Как, а...

— Ты и все твои люди найдете среди нас убежище, — сказал Туек. — Ты говорил о благодарности? Прекрасно; можешь отработать свой долг. Нам нужны настоящие храбрецы. Хотя попытайся ты выступить против Харконненов — и мы не задумываясь уничтожим тебя.

— Но они же убили твоего отца!

— Возможно. Но даже если и так... Я отвечу тебе, как отвечал мой отец тем, кто сперва действует, а потом думает: «Камень тяжел, и песок весит немало; но гнев глупца еще тяжелее».

— Ты хочешь сказать, что спустишь им это с рук? — презрительно прищурившись, спросил Халлек.

— Такого я не говорил. Я лишь сообщаю, что не хочу ставить под удар наш договор с Гильдией. А Гильдия хочет, чтобы мы играли осторожно. Для того чтобы уничтожить врага, есть и другие методы...

— А-аа...

— Вот именно — «а-аа». Хочешь искать свою ведьму — ищи. Но я должен предупредить тебя, что скорее всего ты опоздал... к тому же мы сомневаемся, что предала именно она.

— Хават редко ошибался.

— Но все же ошибался. Например, дал себя заполучить Харконненам.

— Так, по-твоему, это он предатель?

Туек пожал плечами:

— Этот вопрос представляет скорее чисто академический интерес. Ведьма, как мы имеем основания полагать, мертва. Харконнены по крайней мере в этом убеждены.

— Ты, похоже, многое знаешь о Харконненах.

— Намеки, предположения, слухи и просто догадки.

— Нас семьдесят четыре человека, — проговорил Халлек. — Раз ты действительно хочешь взять нас к себе, то, значит, уверен, что герцог мертв.

— Видели его труп.

— А... мальчик? Молодой господин, Пауль? — Халлек попытался сглотнуть, но горло перехватило.

— Согласно последним сведениям, он и его мать попали в пустынную бурю. Так что мало надежды даже на то, что найдутся хотя бы их кости...

— Значит, и ведьма мертва... все мертвы...

Туек кивнул.

— А вдобавок ко всему Зверь Раббан, как говорят, снова возьмет власть на Дюне в свои руки.

— Граф Раббан Ланкивейльский?

— Он самый.

Халлеку пришлось приложить немалое усилие, чтобы подавить вспышку ярости. Задыхаясь, он медленно сказал:

— К Зверю Раббану у меня есть свой счет. Я задолжал ему за смерть всей моей семьи... — Он провел пальцами по скуле. — И за это...

— Можно ли рисковать всем ради поспешного сведения счетов? — укоризненно сказал Туек. Он хмурился, глядя, как ходят желваки на скулах Халлека, как обратился куда-то внутрь взгляд его полуприкрытых глаз.

— Д-да... я знаю, — выдохнул наконец Халлек.

— Итак, ты и твои люди можете оплатить вывоз вас с Арракиса, работая на нас. Есть много мест, куда...

— Я снимаю со своих людей все обязательства передо мной. Пусть решают сами. Но раз Раббан здесь — я остаюсь.

— Не уверен, что мы сможем тебя оставить — с такими-то настроениями...

Халлек в упор взглянул на контрабандиста:

— Ты сомневаешься в моем слове?

— Не-ет...

— Ты спас меня от Харконненов. Я был верен герцогу Лето за то же... Поэтому я остаюсь на Арракисе. С тобой... или с фременами.

— Высказана мысль или нет — но она реальна и имеет силу, — сказал Туек. — А ты знаешь, что, оказавшись среди фременов, можешь найти грань между жизнью и смертью слишком острой... и подвижной?

Халлек прикрыл на миг глаза — на него внезапно навалилась чудовищная усталость.

— *«Где Господь, который... вел нас по пустыне, по земле сухой и необитаемой, по земле сухой, по земле тени смертной?..»* — пробормотал он.

— Не торопись — и день твоей мести придет, — сказал Туек. — Поспешность — орудие шайтана. Умерь свое горе; у нас есть все необходимое для того. Есть три вещи, способные успокоить сердце — вода, зеленая трава и красота женщин.

Халлек открыл глаза.

— Я предпочел бы, чтобы возле моих ног текла кровь Раббана Харконнена. — Он в упор посмотрел на Туека. — Ты думаешь, придет такой день?

— Я почти никак не связан с твоим будущим, Гурни Халлек. Все, что я могу, — это помочь тебе сегодня.

— Тогда я принимаю помощь — и остаюсь с тобой, пока ты не решишь, что пришло время мстить за твоего отца и всех, кто...

— Слушай, *воин*... — Туек перегнулся через стол, вытянув шею и жестко глядя на Халлека. Лицо контрабандиста закаменело. — Вода моего отца... За его воду я расплачусь сам. Собственным клинком.

Халлек ответил Туеку таким же взглядом в упор. В этот миг контрабандист напомнил ему герцога Лето: вождь, смелый, уверенный в себе, непоколебимый в своих поступках. Да, точно как герцог Лето... до Арракиса.

— Ты хочешь, чтобы мой клинок был рядом с твоим? — спросил Халлек.

Туек откинулся на спинку кресла, расслабился, молча разглядывая Халлека.

— Ты считаешь меня воином? — настаивал Халлек.

— Во всяком случае, ты — единственный из приближенных герцога, кому удалось спастись, — ответил Туек. — Враг был гораздо сильнее, но ты боролся и отходил... Ты боролся с ним, как мы — с Арракисом.

— А?..

— Мы живем пока что в покорстве, Гурни Халлек, — объяснил Туек. — Наш враг — Арракис.

— Значит, «бей врага поодиночке» — так?

— Так.

— Это и фрименский принцип?

— Возможно.

— Ты сказал, что жизнь с фрименами может показаться мне слишком суровой. Ты имел в виду, что они живут в открытой Пустыне?..

— Кто знает, где живут фримены? Для нас Центральное плато — земля ничейная, пустая... Но я хочу поговорить с тобой еще вот о...

— Мне говорили, что Гильдия старается не водить свои меланжевые лихтеры над Пустыней, — сказал Халлек. — Но ходят слухи, что если все-таки лететь над Пустыней и знать, где искать, — можно увидеть в некоторых местах островки зелени...

— Слухи! — скривился Туек. — Ну ладно. Так что ты выберешь — жизнь с нами или с фрименами? Мы живем в относительной безопасности; наш сиетч высечен в скале, у нас есть собственные хорошо укрытые котловины. Мы живем, в конце концов, как цивилизованные люди. А фримены... шайки бродяг и оборванцев, которых мы нанимаем как охотников за Пряностью...

— Но они могут убивать Харконненов.

— А результат? Уже сейчас за фрименами идет охота, как за дикими зверями. С лучеметами — они ведь не используют щиты. Их просто уничтожают. А почему? Потому, что они убивали Хаконненов.

— Именно Харконненов? — спросил Халлек.

— Что ты имеешь в виду?

— Разве ты не слышал, что на стороне Харконненов, возможно, были сардаукары?

— Опять слухи...

— Но погром — это совсем не в стиле Харконненов. Слишком расточительно.

— Я верю только тому, что вижу своими глазами, — отрезал Туек. — Выбирай же, воин! Я — или фримены. Я могу обещать тебе убежище и возможность когда-нибудь пролить кровь нашего общего врага. Можешь в этом на меня положиться. Ну а фримены смогут предложить тебе лишь жизнь — жизнь преследуемого, жизнь дичи.

Халлек задумался — слова Туека звучали мудро и сочувственно. Но все же что-то его настораживало, а что — он и сам не понимал.

— Ты должен больше верить себе, — настойчиво сказал Туек. — Чьи решения помогли тебе в бою, если не твои собственные? Решай.

— Да, решать надо, — проговорил Халлек. — Так герцог и его сын мертвы?

— Харконнены считают, что мертвы. В подобных делах я склонен верить Харконненам... — Мрачная улыбка коснулась губ Туека. — Но в чем-либо ином — вряд ли.

— Тогда я принимаю решение, — сказал Халлек. Он в традиционном жесте поднял правую руку ладонью вверх, прижав большой палец. — Мой меч — твой меч.

— Я принимаю его.

— Хочешь ли ты, чтобы я постарался привлечь на твою сторону также и моих людей?

— Ты что, предоставишь им решать это самим?

— Они шли за мной — до сих пор. Но почти все они уроженцы Каладана. Арракис обманул их: они потеряли здесь все, кроме своей жизни. Поэтому я бы хотел, чтобы они могли решать сами...

— Разве теперь время миндальничать? Ведь они же шли за тобой.

— Иначе говоря, они тебе нужны.

— Мы всегда найдем дело для опытных бойцов. Особенно в такие времена.

— Ты принял мой меч. Хочешь ли ты, чтобы я убедил и своих людей?

— Я думаю, Гурни Халлек, что они пойдут за тобой.

— Надеюсь, что да.

— Уверен.

— Итак, я могу решать это сам?

— Решай.

Халлек не без труда встал из глубокого кресла — даже это небольшое усилие, оказывается, было слишком тяжело для него.

— Сейчас я бы хотел посмотреть, как они устроены и не нуждаются ли в чем-нибудь.

— Обратись к моему квартирмейстеру, — сказал Туек. — Его звать Дриск. Передай, что я велел проявить к вам максимум внимания. Чуть позже я подойду сам, а сейчас я прежде всего должен проследить за отправкой груза Пряности.

— С кем удача, тот всюду пройдет, — пробормотал Халлек.

— Всюду, — подтвердил Туек. — Надо сказать, в смутное время в нашем деле открываются просто редкостные возможности...

Халлек кивнул. Послышался тихий шелест. Гурни ощутил движение воздуха — рядом с ним открылся люк. Он повернулся и, пригнувшись, вышел.

Он оказался в зале, через которую незадолго до этого его с товарищами провели люди Туека. Длинное, узкое помещение было высечено в скале — гладкие стены показывали, что тут применялись лучерезы. Потолок, следуя природному строению скалы и образуя надежный свод, уходил вверх достаточно высоко, чтобы обеспечить естественную циркуляцию воздуха в помещении. Вдоль стен тянулись закрытые шкафчики и стойки с оружием.

Не без гордости Халлек отметил, что те из его людей, кто был способен держаться на ногах, все еще стояли. Даже усталые, потерпевшие поражение, они не позволяли себе расслабиться. Среди них Халлек заметил также медиков контрабандистов, которые оказывали помощь раненым. По левую руку составили контейнеры-носилки, и возле каждого из тяжелораненых сидел кто-нибудь из людей Атрейдесов.

Это было в правилах Дома Атрейдес, с этого начиналось обучение воинов: «Мы заботимся о своих». И это правило, выдержав все, оказалось незыблемо.

Один из офицеров подошел к Халлеку, доставая из футляра его девятиструнный балисет. Резко отсалютовав, офицер сообщил:

— Командир, врачи сказали, что Маттаи безнадежен. Банка костей и органов здесь у них нет, только то, что необходимо для первой помощи. Так что Маттаи скоро умрет — и у него есть к вам просьба.

— Какая?

Офицер протянул ему балисет.

— Маттаи хотел бы услышать песню — чтобы она облегчила его уход. Он говорит, вы знаете, — он часто просил вас ее спеть. — Лейтенант переглотнул. — Она называется «Моя женщина», сэр. Может быть, вы...

— Я знаю ее. — Халлек взял балисет, достал из паза на деке мультиплектр. Взял мягкий аккорд — оказывается, кто-то уже настроил инструмент. У него защипало в глазах, но он выбросил это ощущение из головы и повел мелодию, заставляя себя непринужденно улыбаться.

Несколько его людей и один из врачей контрабандистов склонились над носилками умирающего. Один из бойцов Атрейдесов негромко запел, легко ведя песню в контртон. Было видно, что песня хорошо знакома ему:

Женщина моя — у окна,
Нежных линий плавный изгиб.
Рук прекрасных живая волна
На квадрате светлом стоит,
За окном полыхает закат,
И струится изгиб нежных рук...
Жду вас, руки любимой моей,
Руки милой.
Обнимите нежней и теплей,
Руки милой...

Певец смолк и забинтованной рукой прикрыл веки человека на носилках.

Халлек завершил мелодию тихим, мягким аккордом.

«Теперь нас осталось семьдесят три», — подумал он.

Семейную жизнь в Ройял-Креш — «Королевских Яслях» — многие могут найти достаточно трудной для понимания, но все же я попытаюсь дать хотя бы самое общее представление об этом.

Я думаю, что у отца был лишь один настоящий друг — граф Хасимир Фенринг, генетический евнух и один из лучших бойцов Империи. Граф — это был вертлявый и довольно уродливый коротышка, но большой щеголь — привел как-то к отцу новую рабыню-наложницу. Мать попросила меня поглядеть за происходящим: нам всем приходилось шпионить за отцом, просто ради собственной безопасности. Разумеется, ни одна из наложниц, которых, согласно договору между Бене Гессерит и Гильдией Космогации, подарили моему отцу, не могла бы принести ему наследника — но интриги в этом направлении не прекращались никогда и даже угнетали своим однообразием. Нам же — матери, сестрам и мне — пришлось в совершенстве научиться избегать изощреннейших орудий убийства.

Возможно, ужасно говорить так о своем отце — но я отнюдь не уверена, что он был непричастен ко всем этим покушениям. Императорская семья, увы, не походит на обычные семьи.

Итак, новая рабыня оказалась рыжеволосой, как отец, гибкой и изящной. У нее были сильные мышцы настоящей танцовщицы, а ее подготовка, это было видно с первого взгляда, включала знание системы нейрообольщения. Отец долго рассматривал ее, обнаженную, и наконец сказал: «Нет, она чересчур красива. Пожалуй, лучше сохранить ее для подарка кому-нибудь...» Вы не сможете вообразить, какое смятение вызвало такое самоограничение в Ройял-Креш. Дело в том, что проницательность, коварство и способность к самоконтролю всегда были для нас главной угрозой.

(Принцесса Ирулан, «В доме моего отца»)

Уже наступал вечер. Пауль стоял возле дистителта. Расщелина, где он разбил палатку, уже была затоплена тенью. Пауль смотрел через песчаный пролив на скальную стену и прикидывал, не пора ли будить мать — она еще спала в палатке.

От устья расщелины вдаль бежали бесконечные складки дюн. По катящимся к горизонту солнцем дюны отбрасывали жирные тени — словно под ними прятались клочья ночи.

Монотонность плоской равнины угнетала. Он попытался уцепиться глазами хоть за что-нибудь, но все было

плоско и неподвижно — кроме дрожащего марева раскаленного воздуха. Нигде ни былинки, которая могла бы дрогнуть от ветерка... лишь дюны и далекая стена под сверкающим серебристо-голубым небом.

«А что мы будем делать, если окажется, что это — вовсе не одна из заброшенных испытательных станций? — думал он. — Что, если там нет фрименов и замеченные нами растения — лишь случайность?»

В это время Джессика проснулась, повернулась на спину и сквозь прозрачную секцию посмотрела на сына. Он стоял к ней спиной — и что-то в его позе, фигуре напомнило ей его отца. Она ощутила, как волна горя вновь поднимается в ней — и отвернулась.

Наконец она смогла заняться собой — застегнула дистикомб, попила воды из кармана дистителта, вышла и потянулась, прогоняя сон.

Не поворачиваясь, Пауль проговорил:

— Какая тишина... Я поймал себя на том, что уже наслаждаюсь ею.

«Как его разум приспосабливается к окружающему», — подумала Джессика и припомнила одно из основополагающих утверждений учения Бене Гессерит: «*Под воздействием стресса разум может отклониться в любую сторону, как в положительную, так и отрицательную, как верньер — от позиции «Включено» и до «Выключено»... Представьте себе это как спектр или шкалу, где на одном конце — полное отключение сознания, а на другом — гиперсознание. То, куда отклонится разум — во многом зависит от подготовки*».

— А тут можно было бы неплохо жить, — сказал Пауль.

Она попыталась увидеть Пустыню его глазами, попыталась представить все те лишения, которые Арракис принимал как должное, и гадала, какие варианты будущего видит ее сын.

«Здесь, — думала она, — человек может быть один, не боясь врага за спиной, не опасаясь охотников...»

Она подошла к сыну, подняла бинокль, подстроила масляные линзы и вновь оглядела противоположную стену. Да, действительно — сагуаро, еще какие-то колючки... а в их тени — низкая и редкая желто-зеленая трава.

— Я сворачиваю лагерь, — решил Пауль.

Джессика кивнула, прошла к самому концу расщелины, откуда открывался более широкий вид, повела биноклем налево. Там сверкала белоснежная солончаковая котловинка. Белое поле — а в этом мире белый был цветом смерти. Но котловина говорила о другом: о воде. Когда-то эта искрящаяся белизна была скрыта водой... Джессика опустила бинокль, поправила бурнус и некоторое время стояла неподвижно, прислушиваясь к тому, как позади Пауль убирает палатку.

Солнце опускалось. Через соляную котловинку протянулись длинные тени. Над закатным горизонтом загорелись яркие полотнища цвéта. Постепенно начала сгущаться темнота; угольно-черные тени казались пальцами ночи — она будто осторожно трогала Пустыню, прежде чем ступить на нее. Словно купальщица на краю холодной воды...

И вот занавес ночи опустился над песками. Вспыхнули звезды.

Джессика подняла к ним глаза. Подошел Пауль — она почувствовала его движения. Ночь в Пустыне устремлялась ввысь — казалось, будто ты сам поднимаешься к звездам. Давящая тяжесть дня уходила. Лиц коснулся ночной ветерок.

— Скоро встанет Первая луна, — сказал Пауль. — Я уже уложил рюкзак и поставил манок...

«Мы можем навсегда сгинуть в этом прóклятом месте, — подумала Джессика. — Никто даже не узнает...»

Ветерок поднимал облачка песка, и песчинки били по лицу. Он нес запах корицы, который источала ночь.

— Чувствуешь запах? — спросил Пауль.

— Даже через фильтры. Тут просто несметные сокровища — но воды здесь за них не купишь... — Она повела рукой. — Смотри: ни одного огонька.

— Фрименский сиетч, если он здесь есть, должен быть укрыт за теми скалами, — возразил он.

Над горизонтом по правую руку блеснула серебряная полоска: всходила Первая луна. Она поднялась; на ее диске отчетливо вырисовывался силуэт руки. Джессика внимательно оглядывала посеребренные лунным светом пески.

— Я поставил манок в самом глубоком месте нашей расщелины, — сообщил Пауль. — Когда я зажгу свечу, у нас будет около тридцати минут.

— Тридцати минут?

— Ну да, прежде чем он начнет звать... ну... червя.

— О. Понятно. Я готова — идем?

Пауль отошел — слышно было, как он поднимается к месту их дневки.

«Ночь — как тоннель, — думала Джессика, — дыра в завтра... если завтра наступит для нас. — Она потрясла головой, отгоняя тяжелые предчувствия. — Да что это я? Нельзя поддаваться мрачным мыслям — меня не тому учили!..»

Вернулся Пауль, поднял рюкзак и зашагал вниз. Дойдя до первой дюны, он остановился, поджидая мать — и не оборачиваясь, слышал ее мягкие шаги. Мерные тихие звуки на языке Пустыни были опасными звуками...

— Надо идти без ритма, — озабоченно сказал Пауль, припоминая, как ходят в Пустыне... это была память и реальная, и провидческая... — Смотри, — сказал он. — Вот как фримены ходят по пескам...

Он ступил на наветренный склон дюны и пошел вдоль ее изгиба, подволакивая ноги.

Джессика следила за ним шагов десять, потом пошла следом, подражая походке сына. Она уловила принцип: надо стараться имитировать естественные звуки Пустыни, возникающие от подвижек песка... от ветра. Но мышцы не желали следовать ненормальной системе: шаг... шарканье... шарканье... шаг... пауза... шарканье... шаг...

Вокруг них расстилалось само Время. Скальная стена впереди, кажется, вовсе не приближалась, а та, что осталась за спиной, все так же возвышалась над ними.

Тумп! Тумп! Тумп! Тумп! — застучало сзади.

— Манок, — сквозь зубы пробормотал Пауль.

Машинка стучала... и вдруг оказалось, что очень трудно не поддаться ее ритму, не шагать в такт ударам.

Тумп... тумп... тумп... тумп...

Они шли по залитой луной котловине, и мерный стук пронизывал все вокруг вниз и вверх, вверх и вниз по осыпающимся склонам дюн: шаг... шарканье... пауза... шаг...

По крупному песку, почти гальке, на котором оскальзываются ноги: шарканье... пауза... пауза... шаг...

Напряженно вслушиваясь, они ждали, что вот-вот послышится знакомый шорох.

Когда же этот звук наконец пришел, он был вначале так тих, что шаги его заглушили. Но звук, приближаясь с запада, нарастал... становился все громче... громче...

Тумп... тумп... тумп... тумп... — усердно долбил манок.

Оглушительный шорох затопил ночь. Обернувшись на ходу, они увидели огромный движущийся вал песка.

— Иди, — прошептал Пауль. — Не оглядывайся!

Сзади, от скал, раздался яростный шум, схожий со звуком обвала.

— Иди! — повторил Пауль.

Он отметил, что теперь обе стены, и впереди и сзади, были на одинаковом удалении.

А позади разъяренный червь крушил скалы, бился о них, и грохот сотрясал тьму.

Они все шли и шли. Мышцы ныли той же привычной болью, которая, казалось, растянулась в бесконечность. Но манящая стена впереди приближалась.

Джессика шла словно в пустоте, сконцентрировавшись только на том, чтобы идти: лишь сила воли заставляла ее передвигать ноги. Рот горел от жажды, но раздавшиеся за спиной звуки не позволяли и думать остановиться — пусть даже на миг, чтобы попить воды из водяных карманов...

Тумп... Тумп...

Взрыв бешеной ярости позади с новой силой сотряс скалы, заглушив манок.

И все смолкло.

— Быстрее! — прошептал Пауль.

Она кивнула, хотя и знала, что он не видит ее жеста, который был нужен ей самой — как бы дать понять мышцам, и без того измотанным до предела работой в противоестественном ритме, что от них потребуются еще бо́льшие усилия...

Стена впереди, несущая безопасность, уже закрывала звезды. У ее подножия тянулась полоса совершенно ровного песка. Пауль ступил на песок, споткнулся — он очень устал — и, пытаясь удержать равновесие, почти впрыгнул на гладкую поверхность.

Гулкий удар сотряс песок.

Пауль резко отпрыгнул в сторону, на два шага.

Бум! Бум!

— Барабанные пески! — придушенно воскликнула Джессика.

Пауль ухитрился восстановить равновесие. Мельком оглянулся, успев охватить взглядом пески и скалы, — до них оставалось всего метров двести. А позади раздался шорох. Как ветер, как гул потока... в мире без воды.

— Беги! — закричала Джессика. — Пауль, беги!

И они побежали.

Барабанный песок оглушительно рокотал под ногами. Миновав его предательскую полосу, они вылетели на мелкий гравий. Какое-то время бег казался отдыхом: по крайней мере в нем был нормальный ритм, это было естественное, понятное действие. Но песок и гравий словно хватали их за ноги. А страшный шорох приближался — казалось, на них надвигается буря.

Джессика споткнулась, упала на колени. Для нее не осталось ничего — лишь усталость, лишь звук позади, лишь ужас.

Пауль рывком поднял ее.

Впереди появился тонкий шест, торчащий из песка. Они миновали его, увидели следующий. Но Джессика поняла, что видит нечто необычное, лишь когда шесты остались позади.

А вот и еще один шест, изъеденный ветром и песком, торчит из щели в камне. .

И еще один.

Скала!

Она почувствовала ее под ногами — твердая поверхность, а не вязкий песок. Стало легче бежать, у нее будто прибавилось сил. В каменной стене впереди темнела вертикальная тень — щель в скале. Они из последних сил рванулись к ней, забились внутрь.

А позади стих зловещий шорох.

Джессика и Пауль обернулись.

Там, где кончались песчаные волны, метрах в пятидесяти от каменного «берега», над пустыней вставал серебристо-серый холм, и каскады песка срывались с него. Холм вздымался все выше... и вот в нем разверзлась чудовищ-

ная жаждущая пасть — черный круглый провал, и его края искристо блестели под луной.

Пасть искала их, тянулась к узкой расщелине, куда забились Джессика и Пауль. На них обрушился густой запах корицы. Лунный свет сверкал на кристальных остриях зубов.

Огромный рот рыскал из стороны в сторону, то приближаясь к трещине, то откатываясь назад. Пауль затаил дыхание. Джессика сжалась у стены, не в силах оторвать взгляд от ужасающего зрелища.

Ей пришлось собрать воедино все, чему учили ее в Бене Гессерит, чтобы совладать с древним ужасом, с наследственными страхами расовой памяти, готовыми затопить ее разум.

Пауль чувствовал почти экстатический подъем. Только что он, переступив барьер времени, вступил на новую, тоже неизвестную ему территорию. Он чувствовал тьму впереди, непроницаемую для его внутреннего взора. Как будто какой-то его шаг был шагом в колодец... в провал меж волн, откуда будущее было невидимо для него. Все окружавшее его резко изменилось.

Но это ощущение слепоты, видение тьмы времени отчего-то не испугало его, но невероятно обострило все остальные чувства. Оказывается, он воспринимал и вбирал в себя до мельчайших подробностей вставшую из песков тварь, которая искала их. Пасть червя была огромна — метров восемьдесят в диаметре, не меньше... по краю ее сверкали изогнутые, как крисы, кристаллические зубы... могучее дыхание несло плотный запах корицы... менее различимые летучие запахи альдегидов... кислот...

Червь ткнулся в скалу над ними, закрыв лунный свет. В щель посыпался дождь из песка и щебня.

Пауль толкнул мать глубже назад...

Корица!!!

Запах корицы окутывал его.

«Что общего у червя с Пряностью — с меланжей?» — спросил он себя. И припомнил, как Лиет-Кинес проговорился, намекнув на какую-то связь между червем и Пряностью...

Брумм!..

Откуда-то справа, издали, послышался сухой громовой раскат.

И снова:

Брумм!..

Червь ушел обратно в песок. Какой-то миг он лежал неподвижно. Кристаллы зубов разбрасывали вокруг лунные блики.

Тумп! Тумп! Тумп! Тумп!

«Еще манок!» — понял Пауль.

Тоже справа.

По огромному телу чудовища прокатилась дрожь. Оно погрузилось глубже в песок; теперь над поверхностью оставалась лишь арка пасти, точно разверстый зев уходящего в песок тоннеля.

Песок зашуршал, зашелестел.

Червь еще глубже ушел в песок, начал разворачиваться. Теперь это снова был продолговатый песчаный холм, ползущий через дюны.

Пауль вышел из укрытия, глядя, как катится грозная песчаная волна через пустыню на новый зов.

Вслед за ним из щели осторожно выбралась Джессика. Прислушалась.

Тумп... Тумп... Тумп... Тумп...

Наконец звук смолк.

Пауль нашарил трубку своего дистикомба, глотнул водяной конденсат.

Джессика смотрела, как он пьет, но словно не видела — она еще не отошла от усталости и пережитого ужаса.

— Он точно ушел? — шепотом спросила она.

— Его кто-то позвал, — ответил Пауль. — То есть не «кто-то». Фримены.

Понемногу она приходила в себя.

— Он огромен, чудовищен...

— Ну, не так огромен, как тот, что слопал наш топтер...

— А это действительно были фримены?

— Они пользовались манком.

— Почему они помогли нам?

— Может, они вовсе не помогали. Просто позвали червя.

— Но зачем?

Ответ был где-то рядом, на грани понимания... но так и не пришел. Было что-то... видение... что-то связанное с

телескопическими, снабженными крюками небольшими штангами — «крюками Подателя».

— Зачем им звать червя? — повторила Джессика.

Ледяное дыхание страха коснулось разума Пауля, и лишь с большим трудом удалось ему заставить себя отвернуться от матери и посмотреть вверх, на гребень стены.

— Надо бы найти дорогу наверх еще до света. — Поднял руку, показал: — Помнишь, мы пробежали мимо шестов? Смотри, вон еще такие же.

Она проследила за его рукой. Действительно, шесты, изъеденные ветром, стояли вдоль почти незаметного узкого карниза, который высоко вверху изгибался и переходил в трещину.

— Шесты отмечают путь наверх, — сказал Пауль. Он вскинул на плечи рюкзак, подошел к основанию стены. Полез вверх.

Джессика постояла, собираясь с силами, и последовала за ним.

Они карабкались по склону, следуя указательным шестам. Наконец карниз сузился до совсем уже крохотного выступа перед входом в темную расщелину.

Пауль нагнул голову, заглянул в тень. Опора под ногами на узком карнизе была ненадежна, но он из осторожности медлил. В расщелине было темно, хоть глаз выколи. Правда, вверху, куда она уходила, горели звезды. Он прислушался, но не услышал ничего подозрительного: сыплется песок, негромко трещат насекомые, суетливо топочет какая-то мелкота. Осторожно пошарив ногой, Пауль ощутил припорошенную песком скалу. Он медленно, дюйм за дюймом, обогнул нависший над карнизом выступ и махнул матери — «за мной». Ухватил ее за полу и придержал, пока она обходила выступ.

Звезды смотрели в щель меж каменных стен. Пауль почти не различал фигуру матери — так, смутный серый призрак, почти невидимое движение во мраке.

— Фонарик бы зажечь... — шепнул он. — Жаль, нельзя.

— У нас есть не только зрение, — напомнила Джессика.

Пауль передвинул ногу дальше вперед, перенес на нее вес, пошарил второй ногой — и наткнулся на что-то. Подняв ногу, обнаружил, что это ступенька, и поднялся

на нее. Протянул руку назад, поймал руку Джессики и потянул за собой.

Еще ступенька.

«Удобная и ровная, — добавила про себя Джессика. — Без сомнения, дело рук человека...»

Она поднималась вслед за почти невидимым сыном, ногой нащупывая ступени.

Стены постепенно сблизились — теперь лестница была узкой, еле пройти; плечи почти касались стен. Наконец она вывела их в узкое ущелье с ровным полом, которое, в свою очередь, открывалось в неглубокую, залитую лунным светом котловинку.

Пауль вышел на край котловинки, огляделся и прошептал:

— Как красиво!..

Джессика, стоявшая за его плечом, могла лишь молча с ним согласиться.

Как бы она ни устала, как бы ни раздражали катетеры, носовые фильтры и наглухо застегнутый дистикомб, как бы она ни боялась и ни мечтала об отдыхе, — красота котловинки захватила ее.

— Как в сказке, — прошептал Пауль.

Джессика кивнула.

Перед ними расстилалась целая рощица пустынной растительности — кусты, кактусы, крохотные розетки зеленых листиков. Дул ветерок, и листья трепетали в лунном свете. Стены котловинки по левую руку были зачернены тенью, справа — озарены луной.

— Наверняка тут живут фримены, — проговорил Пауль.

— Да, такое количество растений без человеческого ухода не выживет, — согласилась она и, сняв колпачок с питьевой трубки, глотнула воды. Теплая, с еле заметным горьковатым привкусом влага смочила горло, сразу освежив ее. Когда она закрывала трубку, под колпачком захрустели попавшие в него песчинки.

Внимание Пауля привлекло движение — справа от них, на расстилающемся внизу дне котловинки. Сквозь кусты дымника и поросль травы виднелся освещенный луной клин песка, а на нем — хоп, хоп, прыг-скок, хоп-скок, хоп — резвились какие-то крошечные зверушки.

— Мыши! — прошептал он.

Хоп-хоп-хоп — они то скрывались в тенях, то снова выпрыгивали на свет.

Беззвучная тень упала с неба на зверьков. Пронзительный птичий крик, хлопанье крыльев — и серая птица призраком поднялась над котловинкой с темным комочком в когтях.

Весьма своевременное напоминание, подумала Джессика.

Пауль все смотрел в котловинку. Глубоко вздохнув, он почувствовал чуть резковатый запах шалфея, струящийся из ночной тьмы. Хищная птица... Он принял ее как реальность Пустыни, естественный порядок вещей в ней. После атаки хищника в котловинке наступила такая несказанная тишина, что казалось, слышно было, как льется на стоящие на страже кусты сагуаро и ощетинившегося зелеными копьями красочника молочно-голубой свет луны. И тихое пение этого света было, наверно, древнейшей, первозданной гармонией Вселенной.

— Пора, пожалуй, найти место для палатки, — нарушил наконец молчание Пауль. — А завтра с утра попробуем найти фременов, которые...

— Чаще всего незваные гости не слишком радуются, найдя фременов! — прервал его слова тяжелый мужской голос, раздавшийся откуда-то сверху и справа. — Только, пожалуйста, не надо бежать, пришельцы, — добавил голос, когда Пауль дернулся было обратно к проходу. — Если вы побежите, только растратите зря влагу своих тел.

«Им нужна вода нашей плоти!» — с ужасом подумала Джессика. Ее мышцы пришли в полную готовность, мгновенно преодолев усталость. Внешне, впрочем, это было невозможно заметить. Определив направление на голос, она невольно поразилась: вот это мастера! Даже она не слышала, как фримены подобрались так близко. Тут же она сообразила, что владелец голоса был неслышим потому, что звуки его движения были неотличимы от обычных звуков пустыни.

Второй голос откликнулся со стены котловины, слева:

— Кончай с этим, Стил. Берем их воду — и идем дальше. Времени до рассвета осталось немного.

Пауль, не так хорошо, как мать, подготовленный к неожиданным опасностям, был раздосадован: он замер, он пытался даже бежать, он позволил панике, пусть даже на миг, захватить себя!.. Теперь он усилием воли заставил себя действовать так, как его учили: расслабиться, затем от настоящей расслабленности перейти к кажущейся и быть готовым в любой миг нанести удар в любом направлении.

Но он все еще чувствовал страх. И знал его причину: он по-прежнему не видел будущего... и того, что происходило сейчас, он раньше не видел... а их окружали фримены, которым нужна лишь вода двух беззащитных тел.

...Эта религиозная традиция фременов является, таким образом, источником и основой учения, известного сегодня как «Столпы Вселенной»: и его Квизара Тафвид ныне — среди нас, неся все свои знамения, пророчества и свидетельства. Они несут нам мистический сплав веры, вышедший из горнила Арракиса; глубинную красоту этой веры лучше всего выражает волнующая музыка, основанная на старинных формах, но отмеченная знаком нового пробуждения. Кто не слыхал «Песнь Старца», кого не тронула она до глубины души?

Я влачил стопы свои в пустыне,
Где сонмы миражей дрожали и текли.
Я жаждал славы, я к опасности стремился,
Достичь пытался горизонтов Аль-Куляба —
И видел я, как сравнивает горы
Седое Время, тщась настичь меня.
И видел: воробьи примчались
Быстрей, чем волк в прыжке убийственном,
И сели на ветви древа юности моей.
Я слышал — в кроне стая их порскала,
Но растерзали меня
Их злые маленькие коготки и клювы...

(Принцесса Ирулан, «Арракис Пробуждающийся»)

Человек полз через гребень дюны — пылинка под полуденным солнцем. На нем были лишь рваные лохмотья — все, что осталось от плаща-джуббы. Голое тело под прорехами было беззащитно перед жарой. Капюшон джуббы был

оторван, но человек из полосы ткани от подола плаща сумел сделать себе тюрбан. Между витков тюрбана торчали клочья песочного цвета волос. Редкая бородка и густые брови были того же цвета. Под сплошь синими глазами оставалось еще темное пятно. Полоска свалявшихся волос на усах и бороде — тут проходила трубка дистикомба, от носовых фильтров к водяным карманам.

Человек замер на гребне, перебросив руки на осыпающийся склон. На его спине, на руках и ногах запеклась кровь; к ранам присохла корка серовато-желтого песка. Человек медленно подтянул руки под себя, поднялся рывком и встал, пошатываясь. Даже это слабое, неловкое усилие сохраняло следы былой четкости и отточенности движений.

— Я — Лиет-Кинес, — хрипло произнес он, обращаясь к пустынному горизонту. Его голос был лишь слабой карикатурой на самое себя. — Я — планетолог Его Императорского величества, — продолжил он уже шепотом, — Планетный Эколог на Арракисе. Я — хранитель этой земли.

Он оступился, неловко упал на хрупкую спекшуюся корку, стянувшую склон дюны. Руки, пробив ее, бессильно погрузились в песок.

«Я — хранитель этого песка», — подумал он с горечью.

Он понимал, что почти бредит, что надо зарыться в песок — найти в нем относительно более прохладный слой и как-нибудь укрыться в нем; но он чувствовал также сладковато-тухлый запах эфиров: где-то под ним созревал, как нарыв, карман премеланжевой массы. Кто-кто, а он лучше любого фримена знал, чем это чревато. Раз слышен запах премеланжевых масс, значит, давление газов в глубине стало критическим — близким к взрыву. Надо убираться отсюда...

Его руки слабо скребли песок. Внезапно пришла четкая, ясная мысль: «Подлинное сердце планеты — ее ландшафт... то, насколько мы заняты в этой основе цивилизации — агрикультуре...*»

Как странно, думал он, что мозг никак не может сойти с привычной колеи...

Харконненские солдаты бросили его здесь без воды, без дистикомба в расчете на то, что если не Пустыня, то червь покончит с ним. Кого-то забавляла мысль о том,

* Агрикультура — сельское хозяйство.

что он будет медленно, в одиночку умирать — что его убьет собственная его планета.

«У Харконненов всегда были сложности с убийством фременов, — усмехнулся он про себя. — Нас не так-то легко убить. Я сейчас должен был бы уже быть мертв... я действительно скоро умру... но экологом быть не перестану, не смогу».

— Первая, основная и наивысшая функция экологии — умение видеть последствия.

Звук этого голоса потряс его: ведь владелец голоса был давно мертв! Это был голос его отца, который занимал здесь должность планетного эколога до него и погиб в провальной воронке у Гипсовой Котловины.

— Да, ты, сынок, крепко влип, — сказал отец. — Но ты должен был заранее оценить возможные последствия, когда решился помочь сыну герцога.

«Я брежу», — подумал Кинес.

Голос, кажется, звучал откуда-то справа. Кинес, оцарапав лицо песком, повернул туда голову. Ничего, только воздух дрожит над изгибом песчаного склона, раскаленного полуденным солнцем.

— Чем больше жизни содержит система — тем больше в ней и ниш для жизни, — назидательно произнес отец. Сейчас голос звучал сзади и слева.

«Чего он кружит вокруг меня, — раздраженно подумал Кинес. — Он что, не хочет, чтобы я его увидел?..»

— Жизнь, таким образом, повышает способность окружающей среды поддерживать жизнь, — продолжал отец. — Поскольку жизнь делает питательные вещества более пригодными к употреблению. Она связывает в системе энергию через многочисленные химические связи между организмами...

«Да что же он все твердит одно и то же? — подумал Кинес. — Я знал все это, когда мне еще десяти не было!»

Пустынные коршуны — трупоеды, как большинство диких животных здесь, — уже кружили над ним. Кинес увидел тень, черкнувшую по песку подле его руки, и с усилием повернул голову так, чтобы видеть небо. Птицы виделись ему размытыми пятнами на серебристо-голубом небе. Как плавающие в вышине хлопья сажи.

— Обобщение — наша специальность, — сказал отец. — Проблему планетарных масштабов не очертить тонкой линией. Планетология — это искусство кроить и подгонять...

«Что он мне хочет сказать? Может быть, я не учел какие-то последствия?»

Его голова снова упала на песок, и сквозь вонь премеланжевых газов он ощутил запах опаленного камня. Где-то в уголке разума, где еще жила логика, возникла мысль: «Это стервятники; может быть, кто-нибудь из моих фременов заметит это и придет узнать, в чем дело...»

— Для каждого действующего планетолога важнейшим орудием являются люди, — поучал отец. — Ты должен насаждать в народе экологическую грамотность. Именно поэтому я разработал эту, совершенно новую, систему экологической нотации, экостенографии...

«Вот что! Он повторяет то, что уже говорил мне, когда я был ребенком!..»

Он почувствовал прохладу, но тот, все еще действующий уголок сознания деловито разъяснил: «Солнце в зените. На тебе нет дистикомба, ты перегрелся, и солнце высушивает твое тело».

Пальцы бессильно прочертили канавки в песке.

Даже дистикомба не оставили!..

— Наличие в воздухе влаги, — сообщил отец, — предотвращает слишком быстрое испарение таковой живыми организмами.

«Ну что он все говорит такие очевидные вещи?» — дивился Кинес.

Он попробовал думать о воздухе, насыщенном влагой, — дюны, поросшие травой... а там, внизу — открытая вода, широкий, полноводный арык, протянувшийся через пустыню, и деревья вдоль него... Он никогда не видел открытой воды, разве что на иллюстрациях. Открытая вода... вода для полива... он вдруг вспомнил: для орошения одного гектара земли в период вегетации необходимо пять тысяч кубометров воды.

— На Арракисе первой нашей целью будет создание травяного покрова на больших территориях. Мы начнем эту работу, используя мутированные засухоустойчивые травы. Связав влагу в дерне, мы перейдем к посадке лесов на холмах — а затем дело дойдет до создания открытых водоемов.

Сначала небольших, вытянутых вдоль линий преобладающих ветров, с ветровыми ловушками и осадителями, которые отберут у ветра украденную им влагу. Мы, наверно, создадим настоящие сирокко — влажные ветры... но нам никогда не уйти от необходимости ставить ветровые ловушки.

«Вечно он читает мне лекции. Что бы ему наконец заткнуться? Он что, не видит, что я умираю?»

— И ты тоже, безусловно, погибнешь, как и я, — заверил отец, — если не уберешься немедленно с образующегося под тобой пузыря. Да-да, там, внизу — премеланжевый карман, и ты это и сам понимаешь. Ты ведь чувствуешь запах газов? И понимаешь, что Маленькие Податели уже начинают выпускать воду в премеланжевую массу.

Мысль об этой воде в глубине сводила с ума. Он представлял ее, эту воду. Там, в пористых породах, запечатанная кожистыми телами полурастений-полуживотных, Маленьких Подателей, была вода. Чистейшая, прозрачная, свежая, — и она выливается сквозь тонкий пока разрыв в...

В премеланжевую массу!

Он вдохнул гнилостно-сладкий запах. Да, он заметно усилился.

Кинес заставил себя подняться на колени. Раздался резкий птичий крик, захлопали крылья.

«Это — Пустыня Пряности, — думал он. — Даже днем здесь должны быть фримены. Они обязательно увидят птиц и придут выяснить, в чем дело».

— Движение в среде — обязательное условие для животной жизни, — объявил отец. — Кочевые народы следуют этому принципу. Линия же движения зависит от потребности в воде, пище, минералах и другом сырье. Теперь мы должны контролировать это движение, приспосабливая его для наших целей.

— Заткнись, а? — пробормотал пересохшим ртом Кинес.

— Мы должны сделать на Арракисе то, что никогда еще не применялось к целой планете, — ответил отец. — Мы должны использовать человека в качестве созидательной экологической компоненты. Внедрять приспособленные к местным условиям земные формы. Тут — растение, там — животное и, наконец — человек, который преобразует водяной цикл и самый ландшафт.

— Заткнись!!!

— Именно линии движения дали нам ключ к пониманию связи между червями и Пряностью, — сообщил отец.

«Да, червь, — со внезапной надеждой подумал Кинес. — Податель всегда приходит при взрыве премеланжевого кармана. Но у меня же нет крюков! Как я взберусь без них на большого Подателя?..»

Он чувствовал, как отчаяние выпивает последние его силы. Вода так близко, всего в сотне метров под ним; и червь придет наверняка, но удержать его на поверхности и воспользоваться им не удастся!..

Кинес вновь упал ниц на песок, в продавленную им выемку. Песок обжег его левую щеку — правда, это ощущение словно пришло откуда-то издалека...

— Экосистема Арракиса организовалась на основе эволюции эндемических форм жизни, — вещал отец. — Не странно ли, что практически никто не поднял глаз от Пряности, не удивился тому, что при отсутствии крупных участков, занятых растительностью, в атмосфере поддерживается практически идеальное соотношение азота, кислорода и углекислого газа. Вот она перед вами, вся планета. Только смотрите и изучайте! Перед вами процесс — процесс жестокий, но это процесс. В нем есть разрыв? Значит, должно быть что-то, занимающее этот разрыв. Наука, собственно, и состоит из ряда фактов, которые, будучи объяснены, стали считаться очевидными. Я знал о Маленьких Подателях, населяющих глубины под песками, задолго до того, как увидел их.

— Пожалуйста, папа, хватит лекций! — прошептал Кинес.

Коршун сел на песок возле самой его руки. Кинес смотрел, как птица сложила крылья и, наклонив голову, одним глазом взглянула на него. Собрав последние силы, он слабо, хрипло крикнул. Коршун отпрыгнул шага на два, но продолжал рассматривать добычу.

— До сих пор, — сказал отец, — человек и все созданное им были кожной болезнью планет. Природа же всегда старается бороться с недугом, она уничтожает или инкапсулирует ее, — или включает ее в собственную систему так, как нужно ей самой.

Коршун пригнул голову, расправил крылья, хлопнул ими. И опять уставился на неподвижно вытянутую руку.

Сил крикнуть у Кинеса уже не было.

— Однако исторически сложившаяся система взаимного ограбления кончается здесь, на Арракисе, — сказал отец. — Нельзя бесконечно красть у природы, не заботясь о тех, кто придет следом. Физические свойства планеты — основа ее экономики и политики; мы увидим их — и наш путь очевиден.

Он никогда не мог остановиться, заведя лекцию. Лекции, лекции — вечные лекции...

Коршун подпрыгнул на шаг ближе к безвольной руке Кинеса. Наклонил голову, взглянул оценивающе на тело, сперва одним глазом, потом другим.

— Арракис — планета монокультуры, — сказал отец. — Монокультура. Всего одна. Она обеспечивает правящему классу такую жизнь, какую во все времена вели правящие классы, в то время как внизу подбирала их объедки безликая масса недочеловеков-полурабов. Так вот, нас занимают именно эти массы и эти, так сказать, объедки. Они куда ценнее, чем кто-либо мог предположить.

— Я тебя не слушаю, так и знай, — прошептал хрипло Кинес. — Уходи...

И он опять подумал с надеждой: «Наверняка поблизости должны, должны быть мои фримены. Они придут хотя бы для того, чтобы проверить — не удастся ли поживиться здесь водой...»

— Итак, массы Арракиса узна́ют, что мы трудимся, чтобы земля здешняя изобиловала водами, — продолжал отец. — Разумеется, у большинства будут лишь полумистические представления о том, как мы собираемся сделать это. Многие, не осознающие проблемы ограничения веса, могут вообразить, что мы собираемся ввозить воду с какой-нибудь планеты, где она имеется в избытке. Что ж, пусть думают что угодно, пока они в целом верят нам.

«Вот сейчас... сейчас я встану и выскажу ему все, что о нем думаю, — подумал Кинес. — Вместо того чтобы помочь — стоит, поучает!..»

Птица подобралась еще на шаг ближе к руке. Чуть поодаль опустились на песок еще два коршуна.

— Религия и закон должны быть едины для всей этой нашей массы, — сказал отец. — Всякий акт неповиновения должен рассматриваться как грех и караться именно как таковой — наложением религиозной же кары. Это принесет двойную выгоду, укрепляя как повиновение, так и храбрость. Мы, заметь, должны опираться не столько на храбрость отдельных личностей, сколько на храбрость всего населения.

«И где же оно, это мое население?.. Как раз сейчас оно мне особенно нужно!» — сердито подумал Кинес. Он собрал остаток сил и двинул руку к ближайшему коршуну. Ему удалось сдвинуть ее сантиметра на полтора. Тот отпрыгнул к своим сородичам, готовый в случае чего тут же взлететь.

— Составленный нами график перейдет в природный феномен, — объявил отец. — Жизнь на планете подобна ткани, в которой переплетены многие тысячи нитей. Изменения флоры и фауны на первом этапе будут определяться исключительно сторонним физическим воздействием — *нашим* воздействием. Но по мере укрепления внесенные нами изменения начнут сами воздействовать на эти воздействия, нам придется еще разбираться с этим. Учти, что, контролируя лишь три процента энергии на поверхности планеты — только три! — мы сумеем превратить систему в самодостаточную и самообеспечивающую.

«Что же ты мне не поможешь? — устало спросил про себя Кинес. — Так всегда: ты подводишь меня именно тогда, когда ты мне нужнее всего...» Он хотел повернуться туда, откуда слышался голос отца, и хотя бы взглядом заставить его замолчать... упрекнуть его... но мышцы отказались повиноваться.

Коршун вновь пришел в движение. Осторожно, шажок за шажком, птица подобралась к Кинесу. Другие две делали вид, что не обращают внимания ни на будущего сотрапезника, ни на будущий обед.

Коршун остановился в шаге от руки Кинеса.

И в этот миг на Кинеса сошло озарение. Неожиданно он увидел такое будущее, такую возможность для Арракиса, которого отец не представлял. Вероятности, связанные с этим путем, переполняли его.

— Нет худшей беды для твоего народа, чем оказаться в руках Героя, — отрезая отец.

«Он читает мои мысли! — рассердился Кинес. — А... впрочем, пусть его».

Потом мысли его перешли на другое.

«Сообщения уже отправлены во все мои сиетчи, — подумал он с удовлетворением. — И ничто их не остановит. Если сын герцога жив, они найдут его и будут оберегать, как я велел. Они, правда, могут убить его мать. Но мальчика... мальчика спасут».

Коршун сделал еще шажок — теперь он мог клюнуть руку. Он наклонил голову набок, рассматривая безвольно простертое тело. Вдруг он замер, вздернул голову и, резко вскрикнув, взлетел в воздух вместе с другими птицами.

«Пришли! — закричал беззвучно Кинес. — Пришли мои фримены!»

И тут он услышал, как рокочут пески.

Этот звук знал любой фримен и без труда отличал от звука идущего червя или любого другого звука Пустыни. Где-то под ним премеланжевые массы вобрали достаточно воды и органики, выделенных Маленькими, и достигли критической стадии роста. Там, в глубине, возник и начал подниматься огромный пузырь двуокиси углерода. Это было как направленный вверх взрыв — и в эпицентре его возникла песчаная воронка, точно водоворот. В результате произойдет обмен — Пустыня выбросит наверх то, что образовалось в ее недрах, поглотит все, что было на поверхности в месте выброса.

Коршуны кружили над ним, разочарованно крича. Они-то знали, что происходит. Это знали все жители Пустыни.

«Я тоже житель Пустыни, пустынная тварь, — подумал Кинес. — Видишь, отец? Я житель Пустыни».

Он почувствовал, как пузырь приподнял его, лопнул и пескопад охватил его, унося в прохладную тьму. На какой-то миг ощущение прохлады и влаги принесли благодатное облегчение. А потом, когда его планета убивала своего эколога, ему пришло в голову, что отец и другие ученые ошибались и основными принципами Вселенной были случайность и ошибка.

Даже коршуны согласились бы с ним.

* * *

Пророчество, предвидение... Как испытать их перед лицом вопросов, ждущих ответа? Сколько подлинного пророчества содержит «волна» предвидения (как называл свои видения сам Муад'Диб) — и насколько сам прорицатель воздействует на будущее, подгоняя его под собственные предвидения? А гармонические связи, улавливаемые в акте пророчества?..

Видит ли пророк само будущее — или же слабое место, щель, на которое можно воздействовать, используя слово или решение, подобно тому как гранильщик бриллиантов раскалывает алмаз ударом резца, попав в верную точку?..

(Принцесса Ирулан, «Мои размышления о Муад'Дибе»)

«Берем их воду», — сказал человек, прячущийся во тьме.

Пауль поборол страх, взглянул на мать. Опытным взглядом он увидел, что она незаметно изготовилась к бою, что ее мышцы напряжены для молниеносного удара.

— Жаль было бы просто убить вас, — сказал голос сверху.

«Это тот, который заговорил первым, — подумала Джессика. — Их по крайней мере двое — один справа, один слева».

— Цигноро хробоса сукарес хин манге ла пчагавас дой ме камавас на беслас леле пал хробас!

Это крикнул тот, что справа, обращаясь к товарищам на другой стороне котловины.

Паулю его выкрик показался сплошной тарабарщиной, но Бене Гессерит обучали языкам, и Джессика узнала этот: чакобса, один из древних охотничьих языков. Человек, прячущийся над ними, предположил, что, возможно, это и есть те самые чужаки, которых они ищут.

Наступила неожиданная пауза. В это время над скалами встал и заглянул в котловину голубой, отливающий немного слоновой костью, ободок Второй луны.

Сверху, слева, справа послышался шорох, и в котловину скользнули темные тени.

«Да их целый отряд!» — подумал Пауль, и по его спине пробежал внезапный холодок.

К Джессике подошел высокий человек в пятнистом бурнусе. Лицевой клапан капюшона был откинут в сторону — чтобы не мешал говорить. Луна освещала густую бороду, но само лицо и глаза скрывались в тени капюшона.

— Посмотрим, кто нам попался — джинны или люди?

Джессика услышала в его голосе спокойную усмешку и позволила себе каплю надежды. У него был голос человека, обладающего властью; именно он испугал их, раздавшись внезапно в ночи.

— Вроде бы люди все-таки, — проговорил фримен, отвечая сам себе.

Джессика заметила — не столько увидела, сколько почувствовала нож, спрятанный в складках его одежды. Вот тут она пожалела, что у них нет щитов.

— А говорить-то вы умеете? — с усмешкой спросил фримен.

Джессика постаралась ответить с королевской надменностью в голосе и манерах. Медлить было нельзя, хотя она не успела еще оценить незнакомца, его культуру и слабости.

— Кто подкрался к нам, подобно разбойникам в ночи? — требовательно спросила она.

Голова под капюшоном бурнуса дернулась; затем фримен медленно расслабился — и это говорило о многом. Он прекрасно владел собой.

Пауль отодвинулся от матери, чтобы они не представляли собой одну цель и чтобы у каждого было пространство для боя.

Капюшон повернулся, следуя за движением Пауля, и свет луны выхватил из тени часть лица: острый нос, блестящий глаз («Какой темный, — подумала Джессика, — да, совсем без белка!») под тяжелой бровью, закрученный вверх ус.

— Парнишка вроде похож... — пробормотал фримен. — Вот что, если вы бежите от Харконненов, то, может статься, мы примем вас. Ну так как, мальчик?

Варианты мелькали в голове Пауля: что это, ловушка? Или все-таки он говорит искренне? Тянуть было нельзя.

— А с чего бы это вам привечать тех, кто бежит от Харконненов?

— Ребенок, который думает и говорит как мужчина, — задумчиво проговорил высокий фримен. — Н-ну, что до твоего вопроса, мой юный вали, то я не из тех, кто платит фай — водяную дань — Харконненам. Вот почему я могу и принять вас.

«Он знает, кто мы! — понял Пауль. — И, судя по голосу, он что-то скрывает».

— Я Стилгар, фримен, — сказал собеседник. — Может, это сделает тебя поразговорчивее, мальчик?

«Тот самый голос», — подумал Пауль, вспомнив тот Совет, на котором этот самый человек требовал тело своего товарища, убитого Харконненами.

— Да, Стилгар, я тебя знаю, — ответил он. — Я был с отцом на Совете, куда ты пришел за водой своего друга. Ты тогда еще взял с собой человека моего отца — Дункана Айдахо, вместо своего друга.

— Айдахо бросил нас, вернулся к своему герцогу, — сказал Стилгар.

Уловив нотку неприязни, Джессика изготовилась к бою.

Голос со стены напомнил:

— Стил, мы теряем время!

— Это — сын герцога, — отрезал Стилгар. — И он — тот, кого велел найти Лиет.

— Но... он же ребенок, Стил!

— Герцог был настоящим мужчиной. А этот паренек воспользовался манком, — возразил Стилгар. — Разве ты не видел, как смело пересек он путь Шаи-Хулуда?

Джессика поняла, что о ней даже не говорят. Приговор уже вынесен?

— У нас нету времени испытать его, — пытался протестовать человек наверху.

— А что, если он действительно Лисан аль-Гаиб? — спросил Стилгар.

«Он ждет знака! — поняла Джессика. — Знамения!»

— Ну а женщина? — настаивал голос сверху.

Джессика вновь подобралась: в этом голосе она слышала смерть.

— Да, женщина... — проговорил Стилгар. — Женщина — и ее вода.

— Ты ведь знаешь закон, — сказал фримен на стене котловины. — Кто не может жить в Пустыне...

— Довольно, — оборвал его Стилгар. — Времена меняются.

— Разве Лиет *приказал* нам это? — спросил его собеседник.

— Ты что, не слышал голос сейлаго, Джамис? — рассердился Стилгар. — Что ты ко мне прицепился?

«Сейлаго!» — подумала Джессика. Это уже было кое-что: язык Илма и Фикха; «сейлаго» — это нетопырь, небольшое летающее млекопитающее. «Голос сейлаго» — тоже ясно: они получили дистранс-сообщение с приказом найти Пауля и ее.

— Я только хотел напомнить тебе о твоем долге, друг Стилгар, — сказали сверху.

— Мой долг — думать о силе племени, — отрезал Стилгар. — И это — единственный мой долг. Я не нуждаюсь в напоминаниях о нем. Меня заинтересовал этот мальчик-мужчина. У него крепкое, плотное тело. Он не испытывал недостатка в воде. И он жил, не опаляемый Отцом-Солнцем. У него нет глаз ибада. Но при всем том он говорит и действует вовсе не как слабаки из чаш. И то же самое можно было сказать о его отце. Так как это возможно?

— Но не можем же мы препираться тут всю ночь! — пробурчал невидимый собеседник. — Если патруль...

— Я велел тебе замолчать, Джамис. Дважды я не приказываю.

Человек наверху замолчал, но было слышно, как он, перепрыгнув через расщелину, начал спускаться на дно котловины по левую руку от них.

— Голос сейлаго сообщил, что мы не прогадаем, если спасем вас, что вы стоите многого, — проговорил Стилгар. — Ну, что до этого крепкого мальчика-мужчины — допустим: он еще молод и может учиться. Но что касается тебя, женщина... — Он вопросительно посмотрел на Джессику.

«Так, я разобралась с его голосом и образом мышления, — подумала Джессика. — Теперь я могла бы управлять им — да одного слова хватило бы! — но он сильный человек... он куда ценнее для нас, не затронутый контролем, свободный в своих поступках... Посмотрим».

— Я мать этого мальчика, — напомнила она. — Своей силой, которой ты так восхищаешься, он отчасти обязан моему обучению.

— Сила женщины может оказаться беспредельной, — задумчиво сказал Стилгар. — Без сомнения, Преподобная Мать обладает такой беспредельной силой. Ты — Преподобная Мать?

Джессика решилась отбросить мысли о возможных последствиях этого вопроса и ответила правду:

— Нет.

— Ты обучена жить в Пустыне?

— Н-нет... но многие высоко оценивают мои знания.

— Мы сами судим, что ценно, а что нет.

— Всякий имеет право на собственные суждения, — сказала она.

— Хорошо, что ты понимаешь это, — сказал Стилгар. — Задерживаться здесь, чтобы испытать тебя, мы не можем. Понимаешь, женщина? Но мы не хотим, чтобы твоя тень преследовала нас. Я приму мальчика-мужчину, твоего сына. Он получит мое покровительство и убежище в моем племени. Но что касается тебя, женщина, — ты ведь понимаешь, что против тебя лично я ничего не имею? Но закон есть закон. Истисла, ради общего блага. Разве эта причина не достаточна сама по себе?

Пауль сделал полшага к нему:

— О чем это ты?

Стилгар мельком взглянул на него, но обращался по-прежнему к Джессике:

— Кто не был с детства обучен жизни здесь, может погубить все племя. Таков закон. Мы не можем позволить себе таскать с собой бесполезных..!

Джессика, словно бы в обмороке, начала оседать на песок. Чего еще ждать от слабака инопланетянина... очевидная штука. Но очевидное замедляет реакцию. Требуется какое-то время, чтобы распознать незнакомое в знакомом. Вот его плечо опустилось, рука потянулась в складки одежд — за оружием, он повернулся, чтобы не упускать ее из виду, — и в этот миг она скользнула в сторону. Резкий поворот, взмах рук, взметнувшиеся и перепутавшиеся одежды — его и ее... и вот она уже стоит у скалы, а могучий фримен повержен, беспомощный, перед ней.

Еще когда Джессика начала свое движение, Пауль отступил на пару шагов. Когда же она атаковала Стилгара, Пауль нырнул в густую тень. На его пути вырос борода-

тый фримен — пригнувшись, он бросился на Пауля, выставив перед собой оружие. Пауль нанес ему прямой удар в солнечное сплетение и тут же, отступив в сторону, свалил согнувшегося человека рубящим ударом сверху в основание черепа. Пока фримен падал, Пауль успел освободить его от оружия.

В следующий миг Пауль уже был в тени и полез по скале вверх, заткнув оружие за кушак. Хотя оно было незнакомой формы, Пауль опознал его как метательное — что-то вроде механического пистолета. Еще одно напоминание о том, что здесь не используют щиты.

«Сейчас они будут заняты матерью и этим Стилгаром. Ничего, она с ним справится. А я должен занять выгодную позицию, с которой мог бы угрожать им, и так дать ей возможность уйти».

Внизу защелкали пружины; иглы засвистели вокруг, застучали по камням. Одна пробила полу бурнуса. Пауль, прижимаясь к скале, обогнул уступ и оказался в узкой вертикальной щели. Уперся ногами в одну стенку, спиной — в другую и медленно, стараясь не шуметь, полез вверх.

Донесся рык Стилгара:

— Назад, вы, вши червеголовые! Она мне шею свернет, если вы подойдете ближе!

Кто-то сказал:

— Мальчишка сбежал, Стил! Что нам...

— Еще бы ему не сбежать! У, пескомозглые... Ух-х, да легче ты, женщина!..

— А ты скажи им, чтобы прекратили палить по моему сыну.

— Они уже прекратили, женщина. Парень смылся — как ты и хотела. Великие боги в глубинах! Что же ты сразу не сказала, что ты колдунья и воительница?

— Теперь вели им отойти, — скомандовала Джессика. — Вон туда, в котловину, чтобы я их видела... и лучше тебе сразу поверить, что я знаю, сколько их. — А сама подумала: «Опасный момент. Но если он так умен, как мне кажется — у нас есть шанс».

Пауль, медленно карабкавшийся вверх, обнаружил узкую каменную полку — теперь можно было отдохнуть и осмотреться. Снизу снова послышался голос Стилгара:

— А что, если я откажусь?.. Как ты можешь быть... у-хх! Да хватит же, оставь меня, женщина! Мы тебе сейчас худого не сделаем. Великие боги! Если ты можешь этак скрутить сильнейшего из нас, ты стоишь вдесятеро дороже своего веса в воде!

«А теперь, — подумала Джессика, — испытание разума».

— Ты упомянул Лисан аль-Гаиба? — спросила она.

— Может, вы и правда люди из легенды, — проворчал Стилгар, — но я в это поверю не раньше, чем проверю! А пока все, что я знаю, — это что вы заявились сюда с этим глупцом герцогом, кого... ойй! Слушай, женщина! Ты меня хоть убей — он, конечно, был достойным и храбрым человеком и все такое, но соваться под харконненский кулак было глупостью!

После паузы Джессика наконец сказала:

— У него не было выбора. Но в любом случае обсуждать мы это не будем. А теперь вели своему человеку за теми кустами прекратить целиться в меня, не то я сперва избавлю мир от тебя, а после займусь им!

— Эй, ты! — взревел Стилгар. — Делай как она велит!

— Но, Стил...

— Делай как она велит, ты, червемордый, ползучий, пескоголовый кусок ящерицына дерьма! Или я сам помогу ей разнести тебя в клочки! Вы что, не видите — этой женщине цены нет!

Фримен, прятавшийся в кустах, встал и опустил оружие.

— Ну вот, он послушался, — сказал Стилгар.

— А теперь, — сказала Джессика, — четко объясни всем своим людям, что ты собираешься со мной делать. Я не хочу, чтобы какой-нибудь горячий мальчишка наделал глупостей.

— Когда мы идем в поселки и города, нам приходится скрывать, кто мы, смешиваться с народом чаш и грабенов, — сказал Стилгар. — И мы не берем с собой оружия, ибо наши крисы священны. Но ты, женщина, владеешь каким-то колдовским искусством боя. Мы о таком только слышали, да и то многие сомневались, что это возможно. Однако теперь мы увидели это искусство своими глазами. Ты победила вооруженного фримена; и *это* — оружие, которое не обнаружит никакой обыск!

По людям в котловине прошло движение — слова Стилгара попали в цель.

— А что, если я соглашусь обучать вас... колдовским приемам?

— Мое покровительство тебе — так же, как и твоему сыну.

— Как я могу быть уверена, что это твое обещание не ложь?

Голос Стилгара потерял часть своей убедительности. Взамен в нем зазвучала резкая нотка:

— Здесь, в Пустыне, у нас нет бумаги для контрактов, женщина. И не бывает так, чтобы вечером мы дали обещание, которое собираемся нарушить на рассвете. Мужчина обещал — и это уже контракт. И, как вождь, я связываю своим словом и моих людей. Учи нас колдовским приемам боя — и, пока желаешь, будешь иметь убежище среди нас. И вода твоя смешается с нашей.

— Ты можешь говорить за всех фрименов?

— Со временем, может, и смогу. А сейчас за всех фрименов может говорить только мой брат, Лиет. Но я обещаю, что сохраню вашу тайну. Мои люди не упомянут про вас людям других сиетчей. Харконнены вернулись на Дюну во всеоружии, а герцог ваш мертв. Вас считают погибшими в буре Матери. Охотник не станет искать мертвую дичь.

«Да, это, кажется, гарантирует нам безопасность, — подумала Джессика. — Но у фрименов неплохо налажена связь — что, если они пошлют сообщение...»

— Я полагаю, за наши головы назначена награда, — сказала она.

Стилгар промолчал, и она почти увидела его мысли, ощущая движения его мышц под руками. Наконец он ответил:

— Повторю еще раз: я дал слово от имени всего племени. Теперь мои люди знают тебе цену. Что могли бы дать нам Харконнены? Нашу свободу? Ха! Нет, ты — *такви́*, ты можешь дать нам больше, чем могла бы купить вся Пряность в харконненских сундуках!..

— Тогда я стану учить вас моему искусству боя, — объявила Джессика и сама почувствовала, что бессознательно произнесла эти слова с какой-то ритуальной напряженностью.

— Может, отпустишь меня наконец?

— Хорошо. — Джессика разжала захват и шагнула в сторону, не теряя из виду людей в котловине. «Это *машáд*, предельное испытание. Но Пауль должен знать о них правду, даже если мне придется заплатить за это знание жизнью».

В выжидательной тишине Пауль перебрался чуть повыше, чтобы лучше видеть мать. Подтягиваясь, он вдруг услышал над собой тяжелое дыхание. Неизвестный затаился; в расщелине на фоне звездного неба обрисовалась смутная тень.

Стилгар закричал снизу:

— Эй, там! Хватит гоняться за парнем. Он сейчас сам спустится.

Из темноты сверху ответил не то мальчишеский, не то девчоночий голос:

— Но, Стил, он не может быть далеко от...

— Я сказал, Чани, оставь его! Слышишь, ящерицына дочь?

Наверху тихо ругнулись и шепотом добавили: «Он назвал меня дочерью ящерицы!..» Но все-таки тень убралась.

Пауль снова повернулся к котловине, нашел глазами Стилгара — серую тень рядом с матерью.

— Ну, все сюда! — скомандовал Стилгар и обернулся к Джессике: — А теперь спрошу я — а где гарантии, что ты выполнишь свою часть нашего уговора? Это ведь ты всю жизнь жила с бумажками, всякими там никчемными контрактами вроде...

— Мы, Бене Гессерит, умеем держать слово не хуже вас, — ответила Джессика.

Настала и долго тянулась тишина. Затем много голосов зашептались в темноте: «Бене-Гессеритская ведьма!..»

Пауль вытянул из-за кушака трофейное оружие, навел на темную фигуру Стилгара, но ни он, ни его люди не двигались с места. Не отрываясь все смотрели на Джессику.

— Всё точно — как в легенде... — прошептал кто-то.

— Нам передавали, что сообщила Шэдаут Мэйпс о тебе, — проговорил Стилгар. — Но это слишком важно, чтобы принять просто на веру, без испытания. Если ты и вправду та самая Бене Гессерит из легенды, чей сын поведет нас в рай... — Он пожал плечами.

Джессика вздохнула: «Значит, наша Миссионария Протектива даже устроила в этом аду своего рода религиозные предохранительные клапаны. Что ж... пригодятся. Они для того и придуманы». И произнесла:

— Провидица, которая принесла вам эту легенду, принесла вместе с ней прорицание ка́рамы и иджаза — прорицание чуда и неизбежности пророчества — и я знаю это. Тебе нужен знак?

В свете луны было видно, как расширились его ноздри.

— У нас нет времени на обряды... — пробормотал он.

Джессика припомнила карту, которую Кинес показал ей, когда намечал пути для бегства. Как, казалось, давно это было!.. Да, так на той карте рядом с местом, обозначенным «Сиетч Табр», стояла пометка: «Стилгар».

— Хорошо, — согласилась она, — может, позже, когда мы придем с Сиетч Табр.

Это его проняло, а Джессика подумала: «Знал бы он, какими фокусами мы пользуемся! А она была молодец, та сестра из Миссионарии Протектива. Фримены превосходно подготовлены к тому, чтобы уверовать в нас».

Стилгар беспокойно шевельнулся:

— Пора идти.

Джессика кивнула — чтобы он понял, что это *она* дозволяет идти.

Он поднял глаза вверх — почти точно туда, где на карнизе прятался Пауль.

— Эй, парень, можешь слезать. — Потом вновь повернулся к Джессике и сказал извиняющимся тоном: — Твой сын очень уж нашумел, пока лез туда. Ему придется еще многому научиться, чтобы не навести на нас беду. Впрочем, он еще молод...

— Я не сомневаюсь, что нам есть чему поучиться друг у друга, — ответила Джессика. — Кстати, взгляни, что там с твоим товарищем. Мой сын обошелся с ним грубовато, когда разоружал.

Стилгар резко обернулся, так что капюшон взметнулся за плечами.

— Где?

— А вон, за кустами, — показала она.

Стилгар тронул двух своих людей за плечо:

— Посмотрите, что там.

Затем он осмотрел своих.

— Нет Джамиса. — Он опять повернулся к Джессике. — Даже твой парень владеет приемами колдовского боя!

— Между прочим, мой сын не послушался твоего приказа спуститься, — заметила Джессика.

Двое посланных Стилгаром вернулись, поддерживая третьего, — тот, спотыкаясь и глотая ртом воздух, брел между ними. Стилгар усмехнулся:

— Значит, твой сын будет слушаться только тебя, а? Ну-ну. Порядок знает.

— Пауль, можешь спуститься, — сказала Джессика.

Пауль поднялся из своего укрытия в лунный свет, засунул фрименское оружие за кушак. Когда он поворачивался, от скалы перед ним отделился второй силуэт.

В лунном свете, лившемся с неба и слабо отраженном серым камнем, Пауль увидал невысокую тонкую фигурку в свободных фрименских одеждах. На лицо падала тень от капюшона. Из складок бурнуса на Пауля глядел ствол пружинного пистолета.

— Я — Чани, дочь Лиета. — Голос веселый, звонкий. Она, кажется, сдерживала смех. — Я бы не позволила тебе палить по нашим.

Пауль сглотнул. А Чани повернулась к свету, и он увидал лицо эльфа с темными провалами глаз. Знакомые черты этого лица, которое являлось ему бесчисленное множество раз в его первых видениях, так поразили Пауля, что он застыл неподвижно. Он вспомнил, как когда-то, бравируя в своей гневной запальчивости, описывал это лицо из сна Преподобной Матери Гайе-Елене Мохийям. «Я когда-нибудь встречу ее!» — сказал он тогда.

И вот она въяви перед ним — но такая встреча ни разу не виделась ему.

— Ты шумел, как Шаи-Хулуд в ярости, — сообщила она. — И вдобавок ухитрился выбрать самый сложный подъем. Пошли, я покажу тебе, где спуститься полегче.

Он выбрался из расщелины и пошел за ней. Ее бурнус взметался, когда девчонка скользила через изломанные скалы. Она была как серна, легко скачущая по камням. Пауль почувствовал, как к лицу прилила кровь... хорошо еще, что темно!

Что за девушка! Словно прикосновение судьбы. Пауля захватила радостная волна.

Вскоре они уже стояли среди фременов на дне котловинки. Джессика криво улыбнулась сыну, но обратилась к Стилгару:

— Да, нам полезно будет поучиться друг у друга. Надеюсь, ты и твои люди не в обиде на нас за случившееся. Мне показалось, что другого выхода нет. Ты был готов... совершить ошибку.

— Удержать человека от ошибки — это воистину небесный дар, — отозвался Стилгар. Он поднес левую руку к губам, а правой вытянул из-за пояса Пауля оружие и бросил одному из своих спутников. — Когда заслужишь, парень, у тебя будет свой маулет.

Пауль хотел было ответить, но сдержался, вовремя припомнив наставление матери: «Начало — пора деликатная, с ним нужно быть осторожным».

— У моего сына есть все необходимое оружие, — ответила за него Джессика и посмотрела Стилгару в глаза. Тот сразу вспомнил, как в руки мальчика попал пистолет... И оглянулся на фримена, побежденного Паулем. Это был Джамис. Он стоял в стороне, опустив голову и затрудненно дыша.

— С тобой нелегко иметь дело, женщина, — сказал Стилгар. Потом протянул руку в сторону одного из своих людей и, щелкнув пальцами, велел:

— Куштѝ бакка́ те.

(«Опять чакобса», — отметила Джессика.)

Тот немедленно подал вожаку два квадратных газовых платка. Стилгар пропустил их сквозь пальцы и повязал один на шее Джессики, под капюшоном, а второй таким же образом — на шее Пауля.

— Ну вот, — сказал он, — теперь у вас есть платки-бакка. Если нам случится разойтись, вас всякий опознает как принадлежащих к сиетчу Стилгара. А об оружии поговорим в другой раз.

Он обошел своих людей, проверяя, готовы ли они, затем взвалил фримпакет Пауля на одного из них.

«*Бакка*», — вспомнила Джессика, — это религиозный символ. «Бакка» — значит «плакальщик»... Ясно, что тут

какая-то символика, объединяющая племя. Но какая? Почему скорбь, оплакивание объединяют их?..

Стилгар подошел к девочке, так смутившей Пауля.

— Чани, возьми этого мужчину-ребенка под свое крылышко и оберегай его.

Чани тронула Пауля за руку:

— Ну, пошли, «мужчина-ребенок».

Пауль сдержал раздражение и ответил:

— Мое имя — Пауль, и лучше бы тебе...

— Мы дадим тебе имя, будущий мужчина, — ответил вместо нее Стилгар, — во время михны, на испытании акль.

«*Испытании разума*», — перевела про себя Джессика.

Она вдруг ощутила, что надо немедленно доказать превосходство Пауля и его зрелость, — это ощущение перевесило всякие мысли об осторожности, и она резко воскликнула:

— Мой сын прошел испытание гом джаббаром!

По наступившей вдруг мертвой тишине стало ясно, что она поразила-таки их. Прямо в сердце.

— Да, многое нам предстоит узнать друг о друге, — проговорил Стилгар. — Но мы зря теряем время. Нельзя, чтобы лучи дневного солнца застигли нас в открытом месте.

Затем он подошел к поверженному Паулем фримену:

— Идти можешь, Джамис?

Тот мрачно фыркнул в ответ:

— Просто он ударил неожиданно, и всё. Кто мог ждать от него такой прыти? Это случайность. А идти — чего, могу.

— Случайность тут ни при чем, — возразил Стилгар. — И слушай, Джамис, ты будешь отвечать за их безопасность вместе с Чани. Они — под моим покровительством.

Джессика посмотрела на Джамиса. Это его голос возражал Стилгару со стены. Он хотел их смерти. И Стилгар явно считал нужным подчеркнуть свой приказ специально для Джамиса.

Стилгар вновь внимательно оглядел свой отряд и жестом подозвал двоих.

— Ларус, Фаррух, — пойдете позади и проследите, чтобы следов не оставалось. Будьте особо внимательны — ведь с нами двое необученных новичков. — Он повернулся, указал рукой направление: через котловину. — По-

ходной цепочкой с фланговым охранением — пошли! Нам надо поспеть в Пещеру Кряжей до рассвета!

Джессика шла нога в ногу со Стилгаром, пересчитывая людей. Сорок фременов, с ней и Паулем — сорок два. Идут, как заправские солдаты, — даже эта девочка Чани.

Пауль шагал позади Чани. Он уже позабыл, как разозлился на то, что девочка захватила его врасплох. Сейчас в его голове крутились слова матери: «Мой сын прошел испытание гом джаббаром». Руку кололо воспоминание о давней боли.

— Смотри, где идешь! — прошипела Чани. — Не зацепись за куст: оставишь нитку на ветке — выдашь нас!

Пауль сглотнул, кивнул.

Джессика слушала, как движется отряд. Шаги свои и сына она различала... а фримены, сорок человек, шли, и не было слышно звуков, отличных от естественных звуков Пустыни. Их одеяния плыли во мраке, словно паруса призрачных лодок. И путь их лежал в Сиетч Табр — сиетч Стилгара.

Она думала о самом слове — «сиетч». Старое слово, опять-таки из чакобса, и бесчисленные прошедшие века не изменили его. «Сиетч» — это «место сбора во время опасности». Только теперь, спустя какое-то время после стычки, она задумалась о том, что вытекало из значения слова и самого употребления древнего охотничьего языка.

— Хорошо идем, — заметил Стилгар. — С милостью Шаи-Хулуда мы таки дойдем до Пещеры Кряжей к рассвету.

Джессика молча кивнула — берегла силы. Оказывается, она была вымотана до предела, и только сила воли как-то подавляла усталость... сила воли и гордость, призналась она себе. И воодушевление... Она думала о том, как же ценны эти люди. Да, сегодня ей открылось немало нового о фременах.

Все они, весь народ, воспитаны как воины. Поистине бесценная находка для герцога-изгнанника!

Фримены всегда отличались чрезвычайно развитым свойством, которое древние называли «spannungsbogen» — то есть умение сдерживать себя и, ощутив желание, не спешить удовлетворить его.

(Принцесса Ирулан, «Мудрость Муад'Диба»)

* * *

Они подошли к Пещере Кряжей перед рассветом. Из котловины туда вела расщелина, такая узкая, что пришлось протискиваться боком. Стилгар назначил несколько человек в караул. Джессика проводила их взглядом, когда они полезли на скалы в слабом предутреннем свете.

Пауль на ходу посмотрел вверх. Узкая расщелина, открывавшаяся в серовато-голубое небо, показывала пеструю шкуру планеты в поперечном разрезе. Но Чани не дала ему налюбоваться на эту картину — она, потянув его за рукав, поторопила:

— Давай побыстрее, а то уже совсем светло.

— А куда полезли те люди? — поинтересовался он.

— Первая дневная стража, — коротко ответила она. — Ну, шевелись!

Значит, снаружи выставляется караул, подумал Пауль. Разумно. Но все-таки лучше бы подходить сюда, разбившись на мелкие группы: так меньше риск потерять весь отряд.

Вдруг он поймал себя на том, что думает уже как партизан, и вспомнил, как отец опасался, что Дом Атрейдес может стать партизанским — скрывающимся, гонимым, сражающимся в подполье...

— Да побыстрее же! — шепотом подгоняла его Чани.

Пауль ускорил шаги. Позади посвистывала ткань фрименских одежд. Пауль вдруг вспомнил сират из крохотной Экуменической Библии доктора Юйэ: «*Се, рай одесную меня, и ад ошую меня, и Ангел Смерти следует за мною*». Он несколько раз повторил цитату про себя.

Расщелина повернула и расширилась. Тут стоял Стилгар, пропуская своих людей в низкое отверстие в правой стене.

— Быстро! — прошипел он. — Если патруль нас заметит — мы тут окажемся как кролики в клетке!

Пауль пригнулся и следом за Чани вошел в пещеру, освещенную сочившимся откуда-то сверху сероватым светом.

— Можешь выпрямиться, — усмехнулась Чани.

Он разогнулся и огляделся вокруг: обширная пещера, свод низкий — там, где они стояли, его можно было бы коснуться, подпрыгнув. Отряд Стилгара, теряясь в тенях, разошелся по пещере. Пауль заметил, что мать встала у стены, изучающе рассматривая фременов. Он не мог не

отметить, что она резко выделяется среди них, хотя и одета так же. В каждом движении — сила, изящество и благородство...

— Найди себе местечко для отдыха и постарайся не путаться под ногами... дитя-мужчина, — сказала Чани. — А вот твоя еда. — Она сунула ему в руку два маленьких свертка из листьев, густо пахнущих Пряностью.

Стилгар подошел к Джессике, встал позади нее и приказал стоявшим слева от них:

— Установите дверной клапан и не забывайте о водной дисциплине! — Он повернулся к другому фримену: — А ты, Лемиль, принеси плавающие лампы.

Затем Стилгар взял Джессику за руку:

— Я хочу кое-что показать тебе, колдунья...

И он повел ее куда-то за угол, откуда пробивался свет.

Джессика оказалась на широком карнизе. Сюда открывался еще один выход из пещеры, и это отверстие находилось высоко в скальной стене, возвышающейся над новой котловиной, километров десяти или пятнадцати в ширину. Со всех сторон котловину окружали высокие скалы. Там и тут виднелись островки скудной растительности.

И в это время над серой в предрассветном свете котловиной, над дальней ее стеной, поднялось солнце, вернув камням и песку их светло-бурый цвет. Арракийское солнце, казалось, выпрыгивает из-за горизонта...

«Это оттого, — подумалось ей, — что мы хотели бы удержать его за горизонтом: ночь безопаснее дня...»

Внезапно она ощутила укол тоски: ей захотелось увидеть радугу — здесь, над этим местом, не знающим дождей. И не узнающим никогда. «Я не должна давать волю подобным мечтаниям, — одернула она себя. — Это слабость, а я не могу больше позволять себе слабости».

Стилгар схватил ее за руку, показал на что-то в котловине:

— Смотри! Вот они — истинные друзья!

Она всмотрелась, заметила в котловине движение. Там, на дне, какие-то люди спешили укрыться в тени скальной стены. Несмотря на расстояние, движения их были отчетливо видны благодаря чистоте воздуха. Она достала из-под бурнуса бинокль, навела его на людей, сфокуси-

ровала масляные линзы. Как пестрые бабочки, мелькали платки на шее...

— Там — наш дом, — сказал Стилгар, — мы будем там следующей ночью. — Он, подергивая себя за ус, смотрел на котловину. — Мои люди задержались снаружи дольше положенного — работали. Значит, патрулей поблизости нет. Позже я дам им сигнал, чтобы готовились к встрече.

— У твоих людей отличная дисциплина, — заметила Джессика, опуская бинокль. Стилгар проводил бинокль взглядом.

— Они подчиняются закону безопасности племени, — ответил ей Стилгар. — Ему же подчинен и выбор вожака: предводитель должен быть самым сильным из всех. Тем, кто способен обеспечить племени воду и безопасность. — Он перевел взгляд на ее лицо.

Она ответила таким же внимательным, прямым взглядом, увидев обведенные темным глаза без белков, пыльную бороду и усы, изогнутую трубку носовых фильтров, сбегающую в дистикомб...

— Значит, победив тебя, я скомпрометировала тебя как предводителя?

— Ты не вызывала меня на поединок, — отмахнулся он.

— Но ведь важно, чтобы предводитель сохранял уважение своих людей.

— Ну, среди этих песчаных вшей нет никого, с кем бы я не справился, — ответил Стилгар. — Так что, победив меня, ты победила и каждого из них. Всех нас. Теперь они надеются выучиться у тебя... искусству твоего колдовского боя... а некоторые хотели бы знать, не собираешься ли ты бросить мне формальный вызов.

Она взвесила его слова.

— То есть не одержу ли я победу в формальном поединке?

Он кивнул:

— Я бы тебе этого не посоветовал — они не пойдут за тобой. Ты не из людей Пустыни, ты чужая нашим пескам. Они видели это во время ночного марша.

— Люди практического склада, — пробормотала она.

— Верно. — Он посмотрел в котловину. — Мы знаем, что нам нужно. Но здесь, так близко от дома, не многие сохраняют трезвость и глубину мысли. Слишком долго мы

были в Пустыне. Надо было доставить вольным торговцам груз Пряности для проклятой Гильдии... да почернеют их лица навеки!

Джессика, которая было отвернулась от него, резко развернулась, снова посмотрела Стилгару в глаза.

— Гильдия?! При чем тут она? С чего это Гильдия получает вашу Пряность?

— Так велит Лиет, — мрачно сказал Стилгар. — Мы знаем, зачем это делается, но всё одно, горек вкус этой дани. Мы откупаемся от Гильдии поистине чудовищной платой, чтобы только в нашем небе не крутились эти поганые спутники — чтобы никто не мог видеть, что делаем мы с Арракисом.

Она тщательно взвешивала свои слова, потому что вспомнила: именно эту причину называл ей Пауль, говоря о том, почему над Арракисом нет спутников.

— А что вы делаете с Арракисом такого, чего нельзя видеть?

— Мы изменяем его. Медленно, но верно мы изменяем его... Мы хотим, чтобы он стал по-настоящему пригодным для жизни людей. Наше поколение не увидит исполнения этой мечты, и дети наши не доживут до этого, и дети наших детей... и даже внуки их детей... но время это настанет. — Он обвел котловину затуманившимся взглядом. — Здесь будут открытая вода, и высокие зеленые растения, и люди будут спокойно ходить без дистикомбов.

Вот она, мечта Лиет-Кинеса, подумала она и сказала:

— Взятки — вещь небезопасная. Они имеют свойство расти...

— Они и растут, — подтвердил Стилгар. — Но медленный путь надежнее.

Джессика медленно оглядела котловину, пытаясь увидеть ее глазами Стилгара. Но видела только горчичного цвета пятно — далекие скалы. Над ними, кажется, что-то двигалось.

— Ах-х-х... — проговорил Стилгар.

Джессика решила было, что это — патрульный орнитоптер, но тут же поняла, что это мираж. Над песками дрожал второй пустынный ландшафт: пески, где-то вдали — какая-то колышущаяся зелень. А ближе... ближе шел

прямо по поверхности огромный червь... и, кажется, на его спине она увидела фрименские плащи!..

Мираж исчез.

— Верхóм оно, конечно, скорее было бы, — заметил Стилгар, — но мы не можем, разумеется, пустить Подателя в эту котловину. Так что ночью опять придется пешком...

Значит, Подателем они называют червя!

Она поняла, чтó следовало из слов Стилгара. Он сказал, что фримены не могут пустить червя в котловину. Значит, она в самом деле видела это в миражном мареве. Фримены на спине гигантского червя!.. Ей понадобилось все ее самообладание, чтобы не выдать потрясения.

— Пора возвращаться к остальным, — сказал Стилгар. — А то еще решат, что я тут подъезжаю к тебе с шашнями. И так кое-кто уже завидует, что мои руки касались твоего чудесного тела в котловине Туоно, во время борьбы...

— Довольно! — оборвала его Джессика.

— Я ничего дурного в виду не имел, — кротко ответил Стилгар. — У нас в любом случае не принято брать женщину против ее воли... а уж с тобой... — Он пожал плечами. — С тобой и этот обычай просто, можно сказать, излишен.

— Тебе не следует забывать, что я была все же женщиной герцога, его официальной наложницей, — проговорила Джессика уже спокойнее.

— Как хочешь. Ну всё, пора закрыть и это отверстие, чтобы можно было отдохнуть от дистикомбов. Моим людям сегодня необходим хороший отдых, ведь завтра семьи не дадут им отдохнуть!

Они замолчали.

Джессика смотрела на солнце. Да, в голосе Стилгара звучало предложение больше чем просто помощи и покровительства. Ему нужна жена? Она вдруг подумала, что действительно могла бы занять место рядом со Стилгаром. И это раз и навсегда положило бы конец любым спорам о лидерстве — удачный союз подходящих друг к другу мужчины и женщины, и всё.

Но — что тогда будет с Паулем? Кто их знает, фрименов, какие тут у них правила усыновления и как строятся отношения детей и родителей. А не родившаяся еще дочь, которую она носит под сердцем последние несколько

недель? Дочь покойного герцога?.. Она подумала о том, что может значить для нее это дитя, растущее внутри. Подумала о том, что побудило ее решиться на зачатие. Она знала — что. Она подчинилась тогда глубочайшему инстинкту, общему для всех живых существ, заглянувших в лицо смерти, — стремлению обрести бессмертие в потомстве. Да, ими — ею и Лето — овладел инстинкт продолжения рода.

Джессика взглянула на Стилгара, увидела, что он внимательно ее рассматривает. «Какова будет судьба дочери, родившейся здесь у жены такого человека? — спросила она себя. — Не станет ли он препятствовать ей в том, что является необходимым для Бене Гессерит?»

Стилгар кашлянул. Он, казалось, понимал кое-что из того, что мучило ее.

— Для вождя главное — то, что его делает вождем: нужды его народа. Если ты научишь меня своим приемам, может прийти день, когда одному из нас придется бросить вызов другому. Я бы предпочел решить вопрос как-нибудь иначе.

— Как-нибудь? Разве есть разные пути?

— Сайядина, — ответил он. — Наша Преподобная Мать уже стара.

Их Преподобная Мать?!

Прежде чем она успела осознать его слова, он добавил:

— Я вовсе не навязываю себя в качестве мужа. Не прими это в обиду; ты в самом деле прекрасна и желанна. Но если ты станешь одной из моих женщин, кое-кто из молодежи решит, что я слишком озабочен плотскими удовольствиями и недостаточно — нуждами племени. Вот и сейчас, будь уверена, они и подслушивают, и подглядывают.

Он умеет взвешивать свои решения и думать об их последствиях, подумала она.

— Среди моих молодых кое-кто вступил в тот возраст, когда дух буен, — сказал Стилгар. — Сейчас лучше отпустить вожжи и не давать им серьезных поводов бросить мне вызов. Иначе мне придется кого-то покалечить, а то и убить. А вождю следует избегать этого — конечно, если можно отказаться от боя, не теряя чести. Ведь именно вождь делает толпу — народом. Вернее, в том числе и

вождь. Он поддерживает уровень индивидуальности: если личностей мало, народ становится толпой.

Глубина его слов и то, что он говорил как ей, так и тем, кто подслушивал их разговор, заставили Джессику посмотреть на него новыми глазами. Он весьма умен, подумала она. Но где научился он искусству внутреннего равновесия?

— Закон, устанавливающий наши правила выбора вожака, разумен и справедлив, — сказал Стилгар. — Но из этого не следует, что люди всегда нуждаются именно в справедливости. По-настоящему нам сейчас необходимо время для роста и укрепления наших позиций, для распространения нашего влияния на новые земли.

Каково его происхождение? Кто так воспитал его?..

— Стилгар, я недооценила тебя, — проговорила она.

— Я так и понял.

— Похоже, мы оба недооценили друг друга.

— Так покончим с этим, — предложил он. — Я хотел бы, чтобы мы были друзьями... и доверяли друг другу. Я хотел бы взаимного уважения, какое возникает в душе безо всякого там секса.

— Понимаю.

— Ты мне веришь?

— Я слышу искренность в твоих словах.

— У нас, — сказал он, — сайядина, если даже она и не является формальным лидером, окружена особым почетом. Она учит. Она поддерживает вот здесь силу Господа... — Он коснулся своей груди.

А сейчас надо попробовать разобраться с их таинственной Преподобной Матерью, подумала она и сказала:

— Ты упомянул о вашей Преподобной Матери... а я вспомнила слова легенды и пророчества.

— Сказано, что дочь Бене Гессерит и дитя ее держат в руке своей ключи к нашему будущему, — сказал он.

— И ты считаешь, что это я и есть? — Она следила за выражением его лица, думая: «Как легко погубить молодой росток! *Ибо начало — время больших опасностей*».

— Мы пока не знаем, — ответил он.

Она кивнула, подумав: «Он — благородный человек. Хочет, чтобы я дала знак; но искушать судьбу, назвав мне этот знак, он не хочет».

Джессика повернула голову, посмотрела вниз, в котловину — в золотые и пурпурные тени, в дрожащее пыльное марево перед входом в их пещеру. Ее вдруг охватила кошачья осторожность. Она, безусловно, знала язык, которым пользовалась Миссионария Протектива, знала, как применить к своим конкретным нуждам легенды, страхи и надежды... но она чуяла здесь какие-то серьезные изменения. Словно кто-то принес их к фременам, наложив свой отпечаток на схемы, внедренные Миссионарией.

Стилгар снова кашлянул.

Она чувствовала его нетерпение и помнила, что день разгорается и фримены ждут — пора закрывать отверстие. Ей приходилось рискнуть. Она понимала, что́ ей необходимо: одна из дар-аль-хикман, школ перевода, которая дала бы ей...

— Адаб, — прошептала она.

Ей казалось, что разум ее перевернулся внутри. Она распознала это чувство, у нее даже часто забилось сердце. Это ощущение не имело ничего общего с учением Бене Гессерит; это могло быть лишь одно — а́даб, важное и требующее действия воспоминание, приходящее как бы само по себе, помимо воли. Тогда она отдалась этому чувству, предоставив словам литься самим по себе.

— Ибн-Киртáиба! — начала она. — Там, где кончается песок... — Она выпростала руку из-под бурнуса, простерла ее величественным жестом, увидела, как расширились глаза Стилгара. Услышала близкий шелест одежд многих людей. — ...Вижу я фримена, фримена с Книгой Притчей, — нараспев говорила она. — И он читает к Ал-Лату, Солнцу, которому не покорился, которому бросил вызов и которое победил. Читает к Великим Саду Испытания — и вот что он читает:

Враги мои как стебли сломленные,
Заступившие путь буре.
Или не видел ты руку Господню?
Вот, он послал на них мор,
Ибо злоумышляли на нас.
И вот, они — как птицы,
рассеянные охотником.
А козни их — точно зерна отравы,
Отвергаемые всякими устами...

Ее пронизала дрожь, и рука ее упала.

Из темноты пещеры отозвались шепотом многие голоса:

— «И сотворенное ими разрушено».

— «Огнь Господень — в сердце твоем». *(Слава Богу, теперь все пойдет своим чередом.)*

— «Огнь Господень пылающий», — прозвучал ответ.

Она кивнула:

— «Падут враги твои».

— «Би-ла кайфа́», — завершили они.

В наступившем молчании Стилгар склонился перед ней.

— Сайядина, — почтительно сказал он, — если дозволит Шаи-Хулуд, ты, может быть, сумеешь пройти в себе на стезю Преподобной Матери...

«*Пройти в себе*» — странно он выражается. Но все прочее вполне в духе языка Миссионарии... — подумала она, ощутив циничную горечь только что содеянного. — У нашей Миссионарии Протектива неудачи редки. Она приготовила место для нас в этой дикой глуши... Молитвы той са́лат сотворили нам убежище. Так что теперь... придется мне играть роль Аулии, Подруги Всевышнего... Сайядины, которой надо будет обманывать людей, в чьи души пророчества Миссионарии Бене Гессерит вошли настолько прочно, что даже жриц своих они называют «Преподобными Матерями»!..

Пауль стоял подле Чани, в полутьме внутренней части пещеры. Он все еще ощущал вкус полученной от нее порции пищи — небольшой, обернутый в листья комок мешанины из птичьего мяса и крупы, приготовленной на меде с Пряностью. Положив его в рот, он понял, что никогда прежде ему не приходилось есть пищу с такой концентрацией Пряности, и даже испугался. Он-то знал, что может сделать с ним Пряность, — помнил еще, какая перемена постигла его под ее влиянием, отправив его разум в бурю пророческих видений...

— Би-ла кайфа, — прошептала Чани.

Он посмотрел на нее — и увидел тот благоговейный страх, с которым фримены внимали словам его матери. Только тот, которого звали Джамис, держался в стороне, скрестив руки на груди.

— Дуй йакха хин манге, — шепотом проговорила Чани, — дуй пунра хин манге. Два глаза есть у меня. Две ноги есть у меня.

И она потрясенно посмотрела на Пауля.

Тот глубоко вздохнул, пытаясь успокоить бурю в груди. Слова матери наложились на действие Пряности, и ему показалось, что ее голос взлетает и падает, словно тени от костра. А кроме того, он чувствовал налет цинизма в ее голосе — кто-кто, а он хорошо ее знал! — но сейчас ничто не могло уже остановить перемену, начавшуюся с этого кусочка пищи.

Ужасное предназначение!

Он уже чувствовал его — то сознание расы, от которого он никуда не мог уйти. Пришла знакомая обостренная, кристальная отчетливость. Нахлынул поток данных, сознание заработало с ледяной четкостью. Он осел на пол, прижался спиной к камню стены и позволил себе отдаться этой волне. А она несла его в то пространство, лишенное времени, откуда он мог видеть это время, лежащие перед ним возможные пути; туда, где веяли ветры грядущего... и ветры минувшего. Казалось, один его глаз устремлен в прошлое, другой — в настоящее... и еще один — в будущее; и так, тремя глазами, смотрел он на время, обращенное в пространство.

Он почувствовал, что есть опасность перегрузки, что можно «перегореть», — и постарался держаться за настоящее, за миг «сейчас», тот неуловимый миг, в который «то, что есть», окаменевало, превращаясь в вечное «было».

Стремясь охватить настоящее, он ощутил вдруг — впервые, — как в тяжелое постоянство временно́го потока вмешиваются его меняющиеся течения, волны, водовороты, валы, приливы и отливы — точно кипение прибоя, бьющегося о скалы. Этот образ подтолкнул его к новому пониманию своего пророческого дара, и он увидел причину и «слепых зон», и ошибок в своих предвидениях. И это напугало его.

Предвидение, понял он, было озарением, но таким, которое воздействовало на то, что оно же и озаряло. Источник сразу и точной информации, и ошибок в ней. Вмешивалось что-то вроде принципа неопределенности Гейзенберга: для восприятия картины грядущего требо-

валась какая-то проникающая туда энергия, а эта энергия воздействовала на само грядущее и — изменяла его.

А видел он сопряжения событий в этой пещере, бурление бессчетного числа вероятностей, сходящихся здесь, — и самое, казалось бы, пустяковое действие вроде движения века, или неосторожно вырвавшегося слова, или даже одной-единственной песчинки, отброшенной с ее места, — воздействовало на гигантские рычаги, протянувшиеся через всю Вселенную и способные изменять ее. И он видел насилие... и исход его зависел от такого количества переменных, что малейшее движение резко меняло его.

Это видение ужаснуло его — хотелось застыть в неподвижности... но и это тоже было бы действием, действием со своими последствиями.

Бесчисленные варианты будущего изливались из этой пещеры. И, прослеживая эти ветвящиеся тропы, на большей части их видел он свой собственный труп и кровь, вытекающую из глубокой ножевой раны.

В тот год, когда мой отец, Падишах-Император, использовав гибель герцога Лето, вновь отдал Арракис Харконненам, ему исполнилось семьдесят два года, хотя выглядел он не более чем на тридцать пять. На людях он появлялся обычно в мундире сардаукара и черном шлеме бурсега, гребень которого украшал золотой императорский лев. Такое одеяние служило открытым напоминанием об источнике его могущества. Впрочем, он не был очень уж прям, и не всегда его намеки были столь явными. Когда он хотел, он просто лучился обаянием и искренностью; теперь я, однако, часто думаю, было ли в нем хоть что-то, что было бы в действительности тем же, чем казалось? Я думаю порой, что он постоянно сражался — чтобы вырваться из невидимой клетки. Не забывайте — он был Император, глава династии, истоки которой уходят во тьму веков. Но мы, Бене Гессерит, отказали ему в праве иметь законного сына-наследника. Не есть ли это величайшее поражение для любого правителя и во все времена?.. Мать моя покорилась решению Старших Сестер; леди же Джессика ослушалась их. Кто из них двоих был прав? На этот вопрос уже дала ответ сама история...

(Принцесса Ирулан, «В доме моего отца»)

Джессика проснулась во мраке пещеры. Она слышала, как вокруг шевелятся фримены, обоняла едкий запах дистикомбов. Внутреннее чувство времени говорило ей, что снаружи скоро наступит ночь, хотя в пещере было попрежнему темно — ее затеняли пластиковые пологи, сохранявшие внутри влагу их тел.

Она поняла, что позволила себе впасть в полное расслабление, в тяжкий сон глубокой усталости. А это само по себе говорило о том, что ее подсознание доверилось Стилгару, решило, что среди его людей она в безопасности. Она повернулась в гамаке, который соорудили для нее из ее же бурнуса. Спустила ноги на каменный пол, натянула песчаные сапоги.

«*Надо не забыть, что сапоги следует застегивать посвободнее в голенище — чтобы не затруднять прокачку дистикомба,* — напомнила она себе. — *Сколько же всего нужно запомнить*!..»

Она все еще чувствовала во рту вкус утренней еды — кусочка птичьего мяса, смешанного с зерном и пряным медом, и все это завернуто в листья. Ей пришло в голову, что время тут перевернуто с ног на голову: ночь отдана дневным заботам, а днем отдыхают.

Ночь — укрывает, ночь — безопасна...

Она сняла бурнус со вбитых в стену каменного алькова гамачных крючьев; повертела его в темноте, нашла верх и надела.

Теперь ее мучила проблема — как дать знать в Бене Гессерит о двоих заблудившихся в песках беглецах, скрывающихся в арракийском убежище.

В глубине пещеры зажглись плавающие лампы. Она увидела деловитую суету фременов и среди них — Пауля, уже одетого. Его капюшон был откинут, открывая орлиный — типично атрейдесовский — профиль.

Как странно он вел себя перед сном, — подумала она. — *Словно совершенно ушел в себя.* Словно человек, вернувшийся из царства смерти и не вполне еще осознавший свое возвращение. Глаза полуприкрыты и будто остекленели — взгляд обращен внутрь себя. Она невольно вспомнила, как он предупреждал ее о том, что Пряность формирует привычку и зависимость. *А может быть, есть и побочные эффекты? Вот он говорит, что Пряность как-*

то связана с его пророческими видениями, — а что именно видит, не говорит...

Стилгар вышел из теней справа, приблизился к группке, собравшейся под плавающими лампами. Джессика сразу обратила внимание на то, как он пощипывает бороду, как по-кошачьи сторожко держится.

Короткий страх пронзил Джессику — все ее чувства обострились, едва она ощутила напряжение, сгустившееся вокруг Пауля. Скованные движения, явно ритуальные позы...

— Она — под моим покровительством! — загремел Стилгар.

Джессика узнала стоящего перед ним фримена — Джамис! А затем по напряженно застывшим плечам поняла, что Джамис в ярости.

Джамис, которого побил Пауль!

— Ты знаешь закон, Стилгар, — говорил Джамис.

— Кому и знать, как не мне? — отвечал Стилгар примиряющим тоном — он, похоже, пытался загладить какую-то размолвку.

— И я требую поединка! — прорычал Джамис.

Джессика перебежала пещеру, схватила Стилгара за руку.

— Что это значит? — спросила она.

— Правило амталь, — пожал тот плечами. — Джамис настаивает на своем праве проверить вас — те ли вы, о которых говорит легенда...

— Она должна выставить за себя поединщика, — хмуро сказал Джамис. — Если он победит, стало быть, все правда. Но только сказано, — он обвел взглядом столпившихся соплеменников, — сказано, что «не будет ей нужды в поединщике из фрименов», — а это может значить только одно: своего поединщика она приведет с собой.

«Да он хочет драться с Паулем!» — ужаснулась Джессика.

Она отпустила руку Стилгара, шагнула вперед.

— Я всегда бьюсь за себя сама и потому не нуждаюсь в поединщике, — отрезала она. — Кажется, это должно быть ясно...

— Ты нам не указывай, что ты там делаешь и как! — заявил Джамис. — Во всяком случае, покуда мы не увидим более убедительных доказательств. Стилгар мог ут-

ром научить тебя что говорить. Он там, может, потискал тебя, сказал, что надо, — а ты задолбила и повторила нам без понятия, только чтоб обманом втереться к нам!..

«Я, конечно, могла бы убить его, — напряженно думала Джессика, — только не будет ли это противоречить их толкованию легенды?..» И она вновь поразилась тому, как были здесь искажены учения Миссионарии Протектива.

Стилгар посмотрел на Джессику и сказал — негромко, но так, чтобы те, кто стоял ближе к ним, услышали:

— У Джамиса на вас зуб, сайядина. Твой сын победил его, и...

— Это была случайность! — взорвался Джамис. — В котловине Туоно они напустили на меня чары — и сейчас я это докажу!

— ...и я сам его побеждал, — спокойно продолжил Стилгар. — Вот он и вызывает его на тахадди́, чтобы отыграться заодно и на мне. Джамис слишком буен и слишком любит насилие для того, чтобы стать хорошим вождем. Слишком часто его обуревает гафла́, смятение. На устах его — закон, а в сердце царит сарфа́, отвергающая оный. Не-ет, вождя из него не выйдет. Я, правда, щадил его до сих пор, потому что он по буйности своей хорош в бою. Но когда его снедает такое вот кровожадное бешенство, он становится опасен и для своих!

— Стилгар-р-р! — прорычал Джамис.

Джессика поняла, Стилгар хочет взбесить Джамиса, чтобы тот вызвал его, а не Пауля.

Стилгар повернулся к Джамису и попытался сказать мягко, успокаивающе (хотя ему было нелегко смирить свой рык):

— Подумай, Джамис, — он ведь еще мальчик. Он...

— Не ты ли называл его мужчиной? — возразил Джамис. — А если верить его матери, он прошел через испытание гом джаббаром. Смотри, его плоть крепка и полна, а воды у него!.. Ребята, которые несли его рюкзак, говорят, что в нем вода — литраками. Литраками! А мы высасываем насухо водяные карманы своих дистикомбов, едва в них проступят хоть капли!

Стилгар посмотрел на Джессику:

— Это правда? У вас есть вода?

— Да.

— Несколько литраков?

— Два.

— Как вы хотели распорядиться этим богатством?

Богатством? — подумала она и покачала головой, услышав холодок в его голосе.

— Там, где я родилась, вода падала с неба и широкими реками текла по земле, — сказала она. — Там были океаны, столь широкие, что нельзя увидеть другой берег. Меня не учили водной дисциплине — не было нужды. Так что мне просто не приходилось так думать о воде...

По толпе пронесся изумленный вздох.

— Вода с неба... Вода текла по земле... — повторяли все.

— А ты знала, что некоторые из нас, по несчастной случайности, потеряли всю воду из своих водяных карманов и им придется плохо до того еще, как мы дойдем до Табра нынче ночью?

— Откуда? — возразила Джессика, покачав головой. — Но раз они нуждаются в воде, пусть возьмут нашу.

— Ты именно так хотела поступить со своим богатством?

— Я хотела, чтобы вода сохраняла жизнь, — просто ответила Джессика.

— Тогда мы принимаем твое благословение, сайядина.

— Только ты нас своей водой не купишь, — прорычал Джамис. — И ты меня не заставишь вызвать тебя. Я-то вижу, что ты хочешь заставить меня драться с тобой прежде, чем я докажу, что прав!

Стилгар посмотрел Джамису в лицо.

— Ты все-таки собираешься вызвать на поединок *ребенка*? — негромко спросил он, но все услышали в его голосе смерть.

— Ее надо испытать, — упрямо сказал Джамис. — Через ее поединщика.

— Несмотря на то что она — под моим покровительством?

— Я взываю к правилу амталь, — заявил Джамис. — Это мое право!

Стилгар кивнул:

— Тогда знай: если тебя не зарежет парень, ты будешь отвечать уже моему ножу. И на этот раз я не стану сдерживать его, как прежде.

— Вы не можете так поступать, — возмутилась Джессика. — Ведь Пауль всего лишь...

— Тебе не следует вмешиваться, сайядина, — сказал Стилгар. — О, уж я-то знаю, что ты можешь одолеть меня, а стало быть, и любого среди нас; но против всех разом тебе не выстоять. Поединок — будет: это амталь.

Джессика замолчала. В зеленоватом свете плавающих ламп она видела, как лицо Стилгара закаменело в демонической жестокости. Она перевела взгляд на Джамиса — тот что-то обдумывал. *Надо было понять это раньше. Он — из думающих. Из тех, кто молчит и думает про себя... Надо было мне быть готовой к этому!*

— Если ты сделаешь что-то с моим сыном, — проговорила она, — тебе придется иметь дело со мной. Я вызываю тебя. Сейчас. Я изрублю тебя в...

— Мама. — Пауль шагнул к ней, тронул ее за рукав. — Может, если я объясню Джамису, как...

— «Объясню»! — фыркнул Джамис.

Пауль замолчал, глядя на противника. Он не боялся Джамиса. Тот выглядел неуклюжим; и Пауль так легко свалил его там, на песке... Но Пауль все еще чувствовал в этой пещере бурление будущего, все еще помнил видение, в котором погибал от ножа. И было так мало путей, на которых он мог уцелеть!..

Стилгар сказал:

— Сайядина, ты должна теперь отойти...

— Прекрати звать ее сайядиной! — крикнул Джамис. — Это еще доказать надо! Ну знает она молитву. Так что? У нас ее каждый ребенок знает!

«Он говорил достаточно, и теперь у меня есть к нему ключ, — думала Джессика. — Я могла бы одним словом связать его. — Она поколебалась. — Но я не смогу остановить их всех!..»

— Да, ты мне ответишь! — сказала Джессика особым вибрирующим голосом с небольшим подвыванием и перехватом в конце.

Джамис посмотрел на нее с видимым страхом.

— Я покажу тебе, что такое — муки смерти, — продолжала она вещать тем же голосом. — Помни об этом, когда будешь драться! Ты испытаешь такие муки, что даже

гом джаббар покажется тебе просто удовольствием. Ты будешь корчиться и извиваться в...

— Она хочет меня заколдовать! — задыхаясь, воскликнул Джамис. Он поднес к уху руку, сжатую в кулак, заслоняясь от порчи. — Я требую, чтобы она замолчала!

— Пусть будет так, — отозвался Стилгар. Он бросил на Джессику предупреждающий взгляд. — Если ты снова заговоришь, сайядина, мы будем знать, что ты колдуешь. И ты поплатишься за это жизнью. — Кивком он велел ей отойти.

Чьи-то руки взяли ее за локти, за плечи, потянули назад. В этих прикосновениях не было враждебности. Фримены отошли от Пауля, лишь Чани что-то шептала ему, кивая время от времени в сторону Джамиса.

Фримены расступились, образовав кольцо. Принесли еще несколько плавающих ламп и включили их в режиме желтого света.

Джамис вступил в круг, сбросил бурнус и кинул его кому-то в толпе. Он стоял обтянутый дымчато-серым дистикомбом, местами залатанном, местами — в сборках и складках; дистикомб был хорошо подогнан. Наклонив голову, он потянул воду из трубки кармана; потом выпрямился, стянул дистикомб и бережно передал его кому-то. Теперь он ожидал поединка, одетый лишь в набедренную повязку. Кроме того, его ступни обтягивала на манер носков плотная ткань. В правой руке он сжимал крис.

Джессика смотрела, как Чани помогает Паулю: вот она вложила ему в руку крис; Пауль примерился к нему, прикидывая вес и балансировку. Джессика вспомнила — ведь Пауль обучен управлению праной и бинду, нервами и мускулами. У него великолепная, смертоносная школа фехтования, его учителями были такие люди, как Дункан Айдахо и Гурни Халлек, люди, о которых уже при жизни слагали легенды. Мальчик знал и хитрые, коварные приемы Бене Гессерит. Он был ловок и гибок. И, кажется, сейчас он спокоен и собран.

«Но ему же всего пятнадцать, и он без щита. Нет, я должна остановить это! Должен же быть какой-то способ...»

Она подняла глаза и встретила пристальный взгляд Стилгара.

— Ты не можешь тут ничего сделать, — тихо сказал он. — Ты должна молчать.

Она прикрыла рот рукой, а в голове ее бежали мысли: «Я посеяла страх в разуме Джамиса. Он замедлит его реакцию... как я надеюсь. О, если бы я могла молиться — молиться по-настоящему!..»

Пауль тоже вошел в круг. На нем были только фехтовальные шорты-трико, которые он носил под дистикомбом. Он тоже сжимал в правой руке крис, но стоял на камне, присыпанном песком, босиком. Айдахо не раз предупреждал его: «Если не уверен в поверхности под ногами — лучше бейся босым». Кроме того, он продолжал обдумывать наставления Чани: «Джамис, парировав удар, слегка разворачивается направо вместе с ножом. Такая у него привычка, мы все это видели. И он будет метить в глаза, чтобы ударить в ту секунду, когда ты моргнешь. И еще: он умеет биться обеими руками, так что будь настороже — он в любой момент может поменять руку».

Но сильнее всего ощущал он свою подготовку и развитую до почти инстинктивного уровня реакцию, которые вбивали в него день за днем и час за часом в фехтовальном зале.

Вспомнил он и слова Халлека: «Хороший мастер ножа думает об острие, лезвии и гарде одновременно. Острием можно также и резать, лезвием — колоть; а гардой можно захватить клинок противника».

Пауль посмотрел на крис. Гарды нет; только тонкое кольцо, охватывающее рукоять перед лезвием и защищающее руку своими приподнятыми краями. А кроме того, он сообразил, что не знает прочности клинка на излом и можно ли вообще его сломать...

Джамис медленно, боком пошел вправо по своему краю круга.

Пауль пригнулся, подумал, что щита нет, а он привык биться окруженный его полем, поэтому приучен защищаться с максимальной быстротой, а вот атаковать — с рассчитанным замедлением, позволяющим проникнуть сквозь щит противника. Сколько ни учили его, что нельзя зависеть от щита, бездумно задерживающего скорость атаки, — а все-таки эта зависимость стала частью его.

Джамис выкрикнул ритуальный вызов:

— Да треснет твой нож и расколется!

Ага, значит, нож можно сломать, подумал Пауль.

Он напомнил себе, что хотя Джамис и без щита, но, поскольку его и не учили бою со щитом, не было и соответствующих ограничений...

Пауль посмотрел на противника. Тело Джамиса походило на иссохший скелет, обтянутый узловатыми веревками. В свете плавающих ламп его крис сверкал желтовато-молочными бликами.

Страх неожиданно пронзил Пауля, он увидел себя: одинокий и голый, в тусклом желтом свете, в круге людей... Дар предвидения открывал ему бессчетные пути, указывал самые вероятные из них и решения, ведущие к ним. Но это было реальное сейчас — и бесконечное количество ничтожных как будто бы неудач могло привести к его гибели.

Здесь все что угодно могло повлиять на будущее. Например, кто-нибудь из зрителей кашлянет и отвлечет внимание. Мигнет светильник — и обманет метнувшаяся тень.

«Я боюсь», — признался себе Пауль.

И он осторожно шел по кругу, оставаясь напротив Джамиса, безмолвно твердя литанию Бене Гессерит против страха: «*...страх убивает разум...*» Литания была как холодный душ. Мышцы расслабились и пришли в настоящую готовность.

— Я омою мой нож в твоей крови! — яростно прорычал Джамис. Произнося последнее слово, он сделал выпад.

Увидев его рывок, Джессика едва подавила вскрик.

Но клинок Джамиса встретил лишь воздух, а Пауль оказался у него за спиной, открытой для удара.

«Бей, Пауль! Ну же!» — мысленно закричала Джессика.

Пауль ударил. Его движение было превосходным: плавным, точным, текучим — но таким медленным, что у Джамиса было время ускользнуть, отступить и развернуться левым плечом чуть вперед.

Пауль отступил, пригнулся, полуприсев.

— Ты сперва доберись до моей крови, — спокойно сказал он.

Джессика видела, что на реакциях сына сказывается привычка к бою со щитом. Да, его подготовка была палкой о двух концах. У мальчика — великолепная реакция, какую

можно развить лишь в его возрасте; к тому же он натренирован так, как этим людям и не снилось. Но и в нападении сказывались тренировки и навык преодоления силового поля. Щит отражает слишком быстрые удары, его можно преодолеть лишь сравнительно медленным движением. Лишь хорошо владея собой, контролируя мышцы и обладая достаточной ловкостью, можно пройти поле...

А Пауль-то это понимает? Он должен сообразить!..

И снова Джамис напал, сверкнув чернильно-синими глазами. Его тело, желто-восковое в свете плавающих ламп, метнулось вперед. Оно казалось смазанным, как на снимке.

И снова Пауль ускользнул — и снова его контратака была слишком медленной.

И снова.

И снова.

Каждый раз удар Пауля запаздывал на какой-то миг.

Тут Джессика увидела кое-что — и тут же взмолилась про себя, чтобы Джамис этого не заметил. Отражая удар, Пауль двигался так быстро, что невозможно было уследить... но всякий раз так, словно у него был щит, частично отражавший удары Джамиса.

— Да что он, играет с этим несчастным дураком, этот твой сын? — пробормотал Стилгар. Впрочем, он тут же замахал на нее: — Нет, нет, извини: ты должна молчать.

Двое на каменном полу пещеры кружили теперь один вокруг другого. Джамис выставил нож вперед, острием чуть вверх: Пауль крался пригнувшись и опустив клинок.

Джамис вновь прыгнул — и на этот раз вправо, куда Пауль все время уклонялся от удара. Но вместо того чтобы уйти от удара назад и в сторону, Пауль встретил руку противника своим клинком. В следующее мгновение юноша отскочил влево, от души благодарный Чани за предупреждение.

Джамис отступил к краю круга, потирая руку с ножом. Выступила и почти тотчас же остановилась кровь. Он смотрел на Пауля удивленно расширившимися темно-синими глазами, с новой опаской.

— Ага, ранен, — пробормотал Стилгар.

Пауль снова пригнулся, изготовившись к новой схватке, и спросил, как положено после первой крови (так его учили):

— Сдаешься?

— Ха! — только и ответил Джамис.

По толпе фрименов прокатился ропот.

— Тихо! — перекрыл его голос Стилгара. — Парень просто не знает наших обычаев.

Паулю же он объяснил:

— В тахадди так не бывает, парень. Он кончается только смертью одного из соперников.

Джессика увидела, как Пауль судорожно сглотнул. *Ему же никогда не приходилось убивать вот так, ножом в кровавом поединке! Сумеет ли он, сможет ли?*

Пауль медленно пошел по краю круга, следуя за движениями Джамиса. Его одолевали воспоминания о видéниях будущего; его новое знание говорило, что слишком много случайностей может повлиять на будущее, а потому ясно разглядеть это будущее он не мог.

В уравнениях было слишком много неизвестных — вот почему эта пещера была темным, расплывчатым пятном на его пути. Словно огромная скала посреди реки, и воды реки завихряются вокруг этой скалы в бурные водовороты.

— Кончай это, парень, — пробормотал Стилгар. — Не тяни.

Пауль, положившись на свое преимущество в скорости реакции, осторожно пошел к центру круга.

Джамис же отступил. Только сейчас до него дошло, что он сошелся в круге тахадди не с обычным мягкотелым инопланетником, который стал бы легкой добычей фрименского криса.

Джессика видела тень отчаяния на его лице. *Вот теперь он стал по-настоящему опасен. Он отчаялся и способен на что угодно. Он увидел, что столкнулся не с ребенком, пусть даже таким, как дети его народа, а с боевой машиной, рожденной для боя и с младенчества для боя тренированной. И теперь страх, посеянный мной, достиг пика...*

Оказывается, ей было даже как-то жаль Джамиса. Впрочем, эта жалость была не так сильна, чтобы перевесить угрозу жизни сына.

«Джамис может сделать что угодно... даже предсказать нельзя что», — думала она. Воспринял ли Пауль все это своим пророческим зрением?.. Но она увидела, как движется ее сын, увидела крупные горошины пота на его

лбу и плечах, осторожность, сквозящую в текучем перекатывании его мускулов. И впервые она почувствовала — если не поняла — фактор неопределенности в пророческом даре Пауля.

Теперь инициативу перехватил Пауль. Он кружил вокруг противника, но не нападал. Он тоже заметил страх в глазах Джамиса. В его голове зазвучал голос Дункана Айдахо: «Когда видишь, что противник тебя боится, — дай страху взять над ним власть; дай ему время истомить твоего противника. Пусть страх станет ужасом: напуганный до ужаса человек становится врагом себе. Раньше или позже он, отчаявшись, бросается в безоглядную атаку. Это опасный момент, но обычно можно положиться на то, что напуганный человек совершит роковую для себя ошибку. Мы же учим тебя вовремя замечать и использовать подобные ошибки».

В окружавшей бойцов толпе поднялся ропот.

«Они тоже думают, что Пауль играет с Джамисом как кошка с мышью, — подумала Джессика, — что он бессмысленно жесток».

Но в то же время она чувствовала, что толпа возбуждена и каждый в ней втайне наслаждается зрелищем. Ощущала она и стремительно растущее напряжение Джамиса.

Миг, когда это напряжение возросло настолько, что он не мог больше сдержать его, она увидела так же ясно, как и Джамис... и как Пауль.

Джамис взвился в высоком прыжке и в стремительном финте ударил правой рукой. Пустой рукой. Крис в мгновение ока оказался у него в левой.

Джессика охнула.

Но Пауль помнил предупреждение Чани: «Джамис умеет биться обеими руками». Это предупреждение и великолепная подготовка позволили ему отразить удар Джамиса, можно сказать, мимоходом, *en passant*. «Следи за ножом, а не за рукой, которая его держит, — наставлял его не раз Гурни Халлек. — Нож опаснее руки, и он может оказаться и в правой, и в левой».

И еще: он заметил ошибку Джамиса. У того не слишком хорошо были разработаны ноги — почти на целую секунду дольше, чем надо, восстанавливал он равнове-

сие после прыжка, которым пытался обмануть Пауля, скрыв переброс ножа из руки в руку.

Если бы не мутно-желтый свет плавающих ламп и не чернильно-синие глаза зрителей, столпившихся вокруг, это вполне могло бы походить на урок в фехтовальном зале. Когда удавалось использовать собственное движение противника, его щит — уже не препятствие... Пауль молниеносным движением перебросил нож в другую руку, скользнул в сторону и ударил снизу вверх, подставив нож под грудь сгибающегося Джамиса. И отпрыгнул, глядя, как падает тело противника.

Джамис упал ничком, как тряпичная кукла, громко глотнул воздух и остался лежать неподвижно. Мертвые глаза казались бусинами темного стекла.

«Конечно, убивать острием — недостаточно артистично, — сказал как-то Паулю Айдахо, — но когда в бою представится такая возможность, пусть это соображение тебя не останавливает».

Фримены бросились внутрь круга, заполнили его, оттеснили Пауля, сгрудились вокруг тела Джамиса. Во мгновение ока труп завернули в плащ, несколько фременов подхватили его и бегом унесли куда-то в глубь пещеры.

Джессика начала пробиваться через толпу к сыну. Ей казалось, что она плывет в море закутанных в бурнусы и, прямо скажем, вонючих тел. Толпа была странно молчаливой.

Вот он, самый трудный момент. Он только что убил человека, убил, пользуясь абсолютным преимуществом в силе тела и силе духа. Нельзя, чтобы он учился наслаждаться такими победами...

Она протолкалась наконец в центр круга. Тут было свободно. Двое бородатых фременов помогали Паулю натянуть дистикомб.

Джессика окинула сына взглядом. Его глаза сияли; он тяжело дышал и позволял фременам одевать себя, не особенно пытаясь помочь им.

— Выйти из поединка с Джамисом — и без единой царапины, — это... — пробормотал кто-то. — И *кто!*..

Чани стояла рядом, не отрывая глаз от Пауля. Джессика не могла не заметить возбуждения и восхищения на миниатюрном, точно у эльфа, личике девушки.

«Надо сделать это сейчас же, и быстро», — подумала Джессика.

Вложив в голос и выражение лица максимум презрения, она произнесла:

— Н-нну — и как тебе нравится быть убийцей?

Пауль застыл, точно от пощечины. Он столкнулся с ледяным взглядом Джессики, и его лицо потемнело от прилива крови. Он невольно посмотрел туда, где только что лежал Джамис.

Стилгар, вернувшийся из глубины пещеры, куда унесли труп, протолкался к Джессике и, пытаясь скрыть горечь в голосе, сказал Паулю:

— Когда решишь, что пришло время вызвать на поединок меня, чтобы оспорить мое право на буркý вождя... не думаю, что тогда ты сможешь играть со мной так же, как только что с Джамисом.

Джессика видела, что ее слова и то, что сказал Стилгар, сильно подействовали на Пауля. Впрочем, ошибка этих людей должна была пойти во благо. Она читала на лицах окружавших их фременов... Восхищение, да. У некоторых — страх... а у некоторых — отвращение. Джессика взглянула на Стилгара, увидела в его лице покорность судьбе и поняла, какими глазами видел он поединок.

Пауль посмотрел на мать.

— Ты же понимаешь, в чем дело... — тихо сказал он.

Она услышала в его голосе упрек, поняла, что он уже пришел в себя. Обведя фременов взглядом, она сказала:

— Паулю не приходилось еще вот так, ножом, убивать человека.

Стилгар резко повернулся к ней, не скрывая недоверия.

— Я вовсе не играл с ним, — тихо сказал Пауль. Он встал перед матерью, оправил одежду, вновь посмотрел на пятно крови Джамиса на каменном полу. — Я не хотел убивать его...

Джессика видела, как на лице Стилгара появляется и постепенно исчезает недоверие, сменяясь облегчением. Стилгар дернул себя за бороду перевитой венами рукой, вздохнул. В толпе негромко заговорили.

— Так вот почему ты предложил ему сдаться, — проговорил Стилгар. — Теперь-то я понял. Наши обычаи отличны от твоих; впрочем, ты скоро поймешь, что они

разумны. А я уж думал, что мы пригрели скорпиона... — Он поколебался и добавил: — И я больше не буду звать тебя «мальчиком» или «парнем».

В толпе кто-то крикнул:

— Надо дать ему имя, Стил!

Стилгар кивнул, огладил бороду.

— Вижу в тебе силу и крепость великую... подобно крепости, столп подпирающей. — Вновь пауза. — Итак, будешь среди нас зваться — Усул, сиречь Основание Столпа. И это будет твое тайное имя, имя для нас. Лишь люди из Сиетча Табр будут пользоваться им, никто же иной знать его не должен... Усул.

— Доброе имя... имя силы... оно принесет нам удачу... — послышалось в толпе. Джессика почувствовала, что их приняли как своих — в том числе и ее, ведь ее поединщик победил. Ее признали как сайядину!

— Ну а теперь скажи нам, какое мужское имя ты желаешь носить открыто? — спросил Стилгар.

Пауль взглянул на мать. Опять на Стилгара. Кое-что из происходящего — отрывки, фрагменты — он видел уже в своих пророческих видениях. Но были и кое-какие различия. И эти различия ощущались как нечто физическое — словно некое давление проталкивало его сквозь узкую дверь настоящего...

— А как у вас зовется такая маленькая мышка, она еще прыгает? — спросил Пауль, вспомнив забавных скачущих зверьков — хоп, хоп! — в котловине Туоно. Рукой он изобразил шустрые скачки мышей.

В толпе хихикнули.

— Мы называем этого зверька Муад'Диб, — ответил Стилгар.

Джессика ахнула. Это же было то самое имя, которое называл Пауль, когда говорил, что фримены примут его!.. Внезапно она ощутила страх. Она боялась своего сына — и боялась за него.

Пауль сглотнул. Ему казалось, что он играет роль, уже бессчетное число раз сыгранную в голове... но... и тут были отличия. Ему казалось, что он сидит на головокружительной высоте — многое испытавший, обремененный гигантским знанием... но вокруг, со всех сторон, зияла пропасть.

И вновь вспомнились ему видения легионов, фанатично следующих за черно-зеленым знаменем Атрейдесов, огнем и мечом несущих через Вселенную имя своего пророка — Муад'Диба.

Этого не должно случиться, сказал он себе.

— Так ты хочешь взять себе это имя — Муад'Диб? — спросил Стилгар.

— Я — Атрейдес, — прошептал Пауль и затем, уже громко, сказал: — Негоже мне совсем отрекаться от имени, данного мне отцом. Могу ли я взять себе имя Пауль Муад'Диб?

— Да будет так: имя тебе — Пауль Муад'Диб, — заключил Стилгар.

А Пауль подумал: «Этого в моих видениях не было. Сейчас я поступил по-другому...»

Но он по-прежнему ощущал, что вокруг лежала бездна.

В толпе переглядывались и повторяли:

— Мудрость и сила... О большем и не попросишь... Да, все точно, легенда верна... Лисан аль-Гаиб... Лисан аль-Гаиб...

— Я должен кое-что сказать тебе о твоем новом имени, — обратился Стилгар к Паулю. — Нас порадовал твой выбор. Муад'Диб мудр — он знает мудрость Пустыни. Муад'Диб сам создает для себя воду. Муад'Диб прячется от дневного солнца и выходит прохладной ночью. Муад'Диб плодовит, и племя его умножается на земле. Муад'Диба мы зовем «Наставник юношей». Да, это добрая основа, на которой можно строить свою жизнь, о Пауль Муад'Диб, который среди нас зовется Усул. Мы приветствуем тебя!

Стилгар коснулся лба юноши ладонью, затем обнял его и прошептал: «Усул».

После Стилгара подошел еще один фримен, также обнял Пауля и тихо назвал его новое имя. Один за другим фримены обнимали его и повторяли:

— Усул... Усул... Усул...

Он уже запомнил кое-кого по имени. Наконец подошла Чани — обнимая Пауля, она прижалась к нему щекой и тоже назвала его новое имя.

Последним к Паулю вновь подошел Стилгар.

— Вот, теперь и ты — бедуин Ихвана и наш брат, — произнес он. Затем в его лицо вернулась обычная жесткость, и он велел: — А сейчас, Пауль Муад'Диб, подгони как следует свой дистикомб! — Бросив на Чани строгий взгляд, Стилгар добавил: — Чани! Мне не случалось еще видеть, чтобы носовые фильтры были у кого-нибудь подогнаны так же скверно, как у Пауля Муад'Диба; кажется, я тебе велел присматривать за ним!

— У меня нет заготовок, Стил, — виновато сказала она. — Разве вот те, что были у Джамиса, но...

— Хватит!

— Тогда пусть возьмет один мой, — предложила она. — Я вполне обойдусь одним фильтром, пока...

— Ничего подобного, — отрезал Стилгар. — Я же знаю, что у кого-нибудь наверняка есть запасные. Эй, у кого-нибудь есть запасные фильтры? В конце концов, кто мы — отряд или шайка дикарей?

Со всех сторон протянулись руки. Стилгар выбрал четыре твердые волокнистые пробки и передал их Чани.

— Подгони их для Усула и сайядины.

Откуда-то сзади раздался голос:

— Как насчет воды, Стил? Вот у них там литраки в рюкзаке-то...

— Да, Фрок, я помню твою нужду, — кивнул Стилгар и взглянул на Джессику. Та кивнула. — Вскройте один литрак и распределите между нуждающимися, — распорядился Стилгар. — Хранитель Воды... где Хранитель Воды? А, вот ты где. Шимум, отмерь сколько надо. Не больше, смотри. Вода — дар сайядины, в сиетче мы расплатимся с ней по полевым расценкам, за вычетом платы за переноску.

— А что такое «полевые расценки»? — спросила Джессика.

— Десять к одному, — ответил Стилгар.

— Но...

— Ты поймешь еще, что это мудрое правило.

В глубине толпы фримены, шурша одеждами, обернулись: раздавали воду.

Стилгар поднял руку — наступила тишина.

— Что касается Джамиса, — сказал он. — Приказываю провести полный обряд. Джамис был нашим товарищем

и братом по Ихван-Бедуину. Нельзя отвернуться от того, кто доказал нашу удачу в поединке тахадди. Я сам поведу обряд... на закате, когда тьма покроет его.

Пауль, услышав эти слова, ощутил вдруг, что вновь проваливается в бездну... в «слепую зону». Тут не было прошлого, не было будущего... кроме... кроме... да. Где-то впереди по-прежнему вилось черно-зеленое знамя Атрейдесов... сверкали окровавленные клинки джихада над легионами фанатиков.

«Этому не бывать, — сказал он себе. — Я не могу допустить этого».

«Господь сотворил Арракис для укрепления верных».
(Принцесса Ирулан, «Мудрость Муад'Диба»)

В царящем в пещере молчании Джессика слышала, как скрипит песок на каменном полу под ногами фременов. Издали доносились птичьи крики — Стилгар уже объяснил, что это перекликаются его часовые.

Со входов в пещеру уже сняли пластиковые клапаны-герметизаторы. Джессике было видно, как ползут по карнизу у входа и по котловине внизу вечерние тени. Чувствовалось, как уходит день, унося сухую жару. Она знала, что скоро ее тренированное восприятие даст ей чувство, которое, несомненно, есть у фременов, — умение ощущать малейшие колебания влажности воздуха.

Как поспешно они застегнули дистикомбы, едва открыли вход!

В глубине пещеры кто-то затянул ритуальный распев:

Йдхар ракх хэ,
Аур йдхар хи джарэн хэ!..

(Джессика перевела про себя: «Вот пепел; и вот корни!»)

Начался погребальный обряд.

Она смотрела на арракийский закат, разложивший в небе свой многокрасочный пасьянс. А ночь меж тем уже принялась потихоньку выпускать из-под дальних скал и дюн темные щупальца теней.

Жара, впрочем, все еще обволакивала пустыню.

Эта жара заставила ее вновь подумать о воде — и о том, что, как она увидела, эти люди научились чувствовать жажду лишь тогда, когда они могли себе это позволить.

Жажда.

Она вспомнила озаренные луной волны каладанского прибоя, сбрасывающие на скалы свои пенные одежды... вспомнила о напоенном влагой ветре. А сейчас ветерок, теребивший складки ее одежд, опалял открытую кожу лба и щек. Новые носовые фильтры мешали — она еще не привыкла к ним; а трубка, сбегающая по щеке в дистикомб, унося собранную фильтрами влагу дыхания, не давала забыть себя — раздражала.

А сам дистикомб! Просто парилка, ванна из пота...

«Ты будешь чувствовать себя в дистикомбе лучше, когда организм приспособится к меньшему уровню влаги в нем», — обещал Стилгар.

Он, конечно, был прав — только сейчас костюм не становился удобнее от его правоты. Неосознанно она могла думать только о воде... о *влаге*, о *влаге вообще* — поправила она себя.

Влага — понятие более тонкое и вместе с тем более общее.

Она услышала шаги, обернулась. Из глубины пещеры подошел Пауль, за которым по пятам следовала Чани, девочка с лицом эльфа.

«Вот еще что, — сказала себе Джессика. — Надо будет предупредить Пауля относительно их женщин. Ни одна из этих женщин Пустыни не может стать женой герцога. Наложницей — возможно. Но не женой».

Потом она обратила мысли на себя. Насколько же въелось в нее воспитание! «Я могу думать о брачных нуждах правителя, забывая о том, что сама была наложницей, не женой! И все же я была гораздо больше, чем наложницей».

— Мама...

Пауль остановился перед ней, Чани — пообок с ним.

— Мама, ты знаешь, что они там делают?

Джессика посмотрела ему в глаза — темные пуговицы под капюшоном.

— Думаю, что знаю.

— Чани мне показала... потому что я, говорят, должен все видеть и дать согласие... чтобы взвесили воду.

Джессика посмотрели на Чани.

— Они взяли воду из тела Джамиса, — объяснила Чани. Ее тонкий голос звучал слегка в нос — из-за носовых

фильтров. — Таков закон. Плоть принадлежит человеку. Но вода его тела — собственность всего племени... кроме тех случаев, когда человек погиб в поединке.

— Они говорят, что эта вода — моя, — мрачно сказал Пауль.

Отчего-то это вдруг насторожило Джессику.

— Вода поединка принадлежит победителю, — объяснила Чани. — Это потому, что приходится биться без дистикомбов и полагается возместить победителю потерю воды.

— Не нужна мне его вода, — пробормотал Пауль. Ему казалось, что он — часть множества картин, одновременно мерцающих перед его внутренним взором... даже голова кружилась от их мелькания. Он не знал еще точно, что будет делать, но в одном был уверен: он не хочет воды, выпаренной из тела Джамиса!

— Но это же... вода, — растерянно проговорила Чани.

Джессика поразилась тому, как она произнесла это слово — *вода*. Как много смысла вкладывала она в него! Вспомнилась одна из аксиом Бене Гессерит: «Способность к выживанию есть умение выплыть в незнакомой воде». И она подумала: «Пауль и я — мы обязаны научиться находить в этих незнакомых водах глубины и течения... если мы, конечно, намерены выжить».

— Ты примешь эту воду, — сказала Джессика.

Она уже говорила как-то таким тоном: был случай, она вот так же велела Лето принять крупную сумму, которую ему предложили за помощь в довольно сомнительном предприятии. Потому что деньги должны были послужить укреплению власти Атрейдесов.

На Арракисе деньгами была вода; она была здесь дороже любых сокровищ. Это-то она поняла!

Пауль промолчал. Он понял, что сделает так, как велит мать. И не потому, что она приказала; нет, сам ее тон заставил его передумать. Отказаться от этой воды значило бы нарушить обычаи фременов.

Паулю вспомнились слова из Четыреста семьдесят шестой Калимы Экуменической Библии, подаренной Юйэ.

— «*Из вод положено начало всякой жизни*», — процитировал он.

Джессика изумленно взглянула на сына. «Откуда ему известна эта цитата? — спросила она себя. — Он же не изучал таинства...»

— Да, так сказано, — кивнула Чани. — Джудихар мантене: написано в Шах-нама, что вода была первым из сотворенного.

Отчего-то (она не могла понять, отчего именно, и это беспокоило ее сильнее, чем само ощущение) Джессика вздрогнула.

Она отвернулась, чтобы скрыть смятение — как раз вовремя, чтобы увидеть момент заката. Уходящее за горизонт солнце расплескало по небу буйные краски.

— Время настало!

Это раскатился по пещере могучий голос Стилгара.

— Сражено оружие Джамиса; и Джамиса призвал Он, Шаи-Хулуд, Который установил фазы для лун, что день ото дня худеют и становятся наконец подобны поникшим и иссохшим побегам. — Голос Стилгара стал тише. — Так было и с Джамисом.

В пещере воцарилось молчание.

В темной глубине ее Джессика видела Стилгара, двигавшегося там серой призрачной тенью. Она снова посмотрела наружу — на котловину опускалась ночная прохлада.

— Пусть подойдут друзья Джамиса.

За спиной Джессики прошло движение — фримены закрыли вход занавесью. В глубине пещеры загорелся под сводом одинокий плавающий светильник. Его тускло-желтое сияние высветило движущиеся фигуры; слышался шелест длинных одежд.

Чани шагнула к свету, словно он притягивал ее.

Джессика склонилась к уху Пауля и прошептала, пользуясь семейным кодовым языком:

— Следи за ними и делай всё, как они. Похоже, это будет простая церемония умиротворения тени Джамиса.

Это будет нечто гораздо большее, подумал Пауль. В глубине сознания он ощутил какое-то тягостное, щемящее чувство... словно он пытался ухватить, остановить что-то ускользающее от него.

Чани скользящим движением вернулась к Джессике, взяла ее за руку:

— Пойдем, сайядина: нам до́лжно сидеть отдельно.

Пауль проводил их взглядом и остался один. Он чувствовал себя брошенным.

Тут к нему подошел фримен, вешавший занавесь.

— Идем, Усул.

Пауль безропотно пошел за ним. Сейчас же его втолкнули в собравшийся вокруг Стилгара круг. Стилгар стоял под светильником подле покрытой плащом угловатой груды, лежащей на каменном полу.

По знаку Стилгара фримены опустились на пол, шурша одеяниями. Пауль тоже присел, разглядывая Стилгара: плавающая лампа над головой превращала глаза вождя в пару черных провалов и ярко высвечивала зеленый платок на его шее. Затем внимание Пауля переключилось на груду покрытых плащом предметов у ног Стилгара. Среди прочего там угадывался гриф балисета.

— Дух покидает во́ды тела, когда встает Первая луна, — нараспев начал Стилгар. — Ибо так сказано. Когда этой ночью увидим мы Первую луну — кого призовет она?

— Джамиса, — ответил хор голосов.

Стилгар повернулся кругом, оглядел лица собравшихся.

— Я был другом Джамису, — объявил он. — Когда у Дыры-в-Скале на нас коршуном падал топтер, Джамис успел втянуть меня в укрытие.

Он склонился над грудой вещей и поднял плащ:

— Беру этот плащ как друг Джамиса и по праву вождя.

Он набросил плащ на плечи и выпрямился.

Теперь Пауль видел, что было сложено под плащом: лоснящийся серый дистикомб, помятая фляга-литрак, платок, на котором лежала небольшая книжечка, рукоять криса без клинка, пустые ножны, сложенный рюкзак, паракомпас, дистранс, манок, груда металлических крючьев с кулак величиной, кучка чего-то, напоминавшего камешки, завернутые в кусок ткани, пучок перьев... и балисет, пристроенный возле рюкзака.

Значит, Джамис играл на балисете, мелькнуло в голове у Пауля. Инструмент напомнил ему о Гурни Халлеке... и обо всем, что ушло, погибло, исчезло навсегда. Пауль вспомнил свои видения и понял, что на некоторых вероятностных линиях он мог еще встретиться с Халлеком, но таких было мало, и они лежали как бы в тени. Это

смутило его и озадачило; фактор неопределенности делал сам факт пророчества чрезвычайно странным. *Как это следует понимать? Может быть, нечто, что я сделаю... нечто, что, возможно, сделаю, погубит Халлека?.. Или, наоборот, вернет его к жизни?.. Или...*

У Пауля перехватило дыхание, он потряс головой, приходя в себя.

Стилгар вновь склонился над грудой.

— Это — женщине Джамиса и часовым, — объявил он. Камешки и книга исчезли в складках его бурнуса.

— Право вождя, — нараспев откликнулись фримены.

— Знак, представляющий кофейный прибор Джамиса, — сказал Стилгар, демонстрируя тонкий диск зеленого металла. — В ознаменование того, что по возвращении в сиетч этот прибор с соблюдением должных церемоний перейдет к Усулу.

— Право вождя, — отозвался хор.

Наконец, Стилгар взял рукоять криса и, выпрямившись, поднял ее над головой.

— Для Погребальной равнины, — произнес он.

— Для Погребальной равнины, — повторил хор.

Джессика, сидевшая напротив Пауля, кивнула: она узнала древний источник, из которого брал начало обряд, и подумала: «Граница между невежеством и знанием, дикостью и культурой — воистину она начинается с того, насколько достойно мы обращаемся со своими мертвыми... — Она взглянула на Пауля. — Поймет ли он это? Сообразит ли, что делать?..»

— Мы все здесь друзья Джамиса, — сказал Стилгар. — И мы не воем над нашими мертвыми, как стая гарваргов*.

Встал седобородый фримен, сидевший по лсвую руку от Пауля.

— Я был другом Джамиса, — сказал он. Затем подошел к груде вещей и взял дистранс. — Когда в осаде при Двух Птицах у нас вышла почти вся вода, Джамис разделил со мной свою воду. — Сказав это, седобородый вернулся на свое место в круге.

«Неужели и я должен буду объявить себя другом Джамиса и взять что-то из его вещей? — подумал Пауль. Он увидел,

* вервольфов.

как лица окружающих повернулись на миг к нему — и снова обратились к центру круга. — Да, они именно этого и ждут!..»

Встал другой фримен — этот сидел напротив Пауля, — подошел к груде вещей, взял паракомпас.

— Я был другом Джамису, — сказал он. — Когда у Излучины Обрыва нас настиг патруль и меня ранили, Джамис сумел отвлечь врага, и раненым удалось спастись. — Он вернулся на свое место.

И вновь лица повернулись к Паулю. Он увидел в них ожидание — и опустил глаза. В этот момент кто-то толкнул его локтем и прошипел:

— Ты что, хочешь навлечь на всех нас гибель?!

Да как же мне назвать его своим другом?!

И еще одна фигура поднялась по ту сторону круга; и когда свет упал на лицо, затененное капюшоном, он узнал мать. Она взяла себе платок Джамиса.

— Я была другом Джамису, — сказала она. — Когда дух его увидел, чего требует Истина, он покинул тело, дабы сохранить моего сына. — Она села.

В этот момент Пауль вспомнил презрение, каким обдала его мать после поединка: «*И как тебе нравится быть убийцей*?..» Он увидел, что все вновь смотрят на него — с гневом и страхом. Ему вспомнился отрывок из фильмокниги «Культы мертвых», показанный матерью на одном из занятий. Теперь он знал, что делать.

Он медленно поднялся.

По кольцу фрименов прокатился вздох.

Выйдя в центр круга, Пауль почувствовал, что его «я» словно уменьшилось. Словно он потерял часть себя самого... и искал теперь ее здесь. Он склонился к груде вещей и взял балисет. Тихо загудела струна, задев за что-то.

— Я был другом Джамису, — прошептал Пауль.

Он ощутил, как слезы жгут его глаза. Усилием воли повысил голос:

— Джамис... научил меня, что... когда... убиваешь... за это приходится платить. Я жалею, что не успел лучше узнать Джамиса.

Как слепой, он добрался до своего места в круге, подавленно опустился на каменный пол.

Кто-то прошептал потрясенно:

— Он пролил слезы!..

И по кругу прокатилось:

— Усул отдает свою влагу мертвому!..

Чьи-то пальцы недоверчиво коснулись его щеки. И вновь — потрясенный, благоговейный шепот.

Слыша этот шепот, Джессика осознала, насколько невероятными должны были быть для фременов слезы. Она прочувствовала эти слова: «*Он отдает влагу мертвому*». Да, слезы воистину были даром миру теней. И, без сомнения, они были священны.

Ничто еще на этой планете не утверждало для нее с такой очевидностью, какой невероятной ценностью была здесь вода. Ни продавцы воды, ни иссушенная кожа аборигенов, ни дистикомбы, ни правила водной дисциплины. Вода была веществом куда более ценным, чем любое другое; вода была *самой жизнью*, и потому ее окружала масса обрядов, ритуалов и символов.

Вода.

— Я касался его щеки! — прошептал кто-то. — Я ощутил Дар!..

В первый миг Пауля напугали пальцы, касавшиеся его лица. Он стиснул холодный гриф балисета — струны врезались в ладонь. Но затем он увидел лица — широко раскрытые, потрясенные глаза.

Но вот руки оставили его; погребальный обряд возобновился. Только теперь Пауля окружало небольшое пространство: фримены почтительно расступились вокруг него.

Обряд завершился негромким распевом:

Полной луны лик зовет
с высоты —
Шаи-Хулуда пред собой
узришь ты.
Ночь красна, и в небе мрак,
застит мгла —
Лег в крови ты, смерть в бою
тебя взяла.
Мы взываем ко луне;
она кругла —
Счастье и удачу нам
луна дала.

Что мы ищем, то найдем
при луне
На сухой, на каменистой
земле.

У ног Стилгара оставался раздутый мешок. Стилгар присел, опустил ладони на этот мешок, кто-то подошел и присел подле него. Пауль разглядел лицо в тени капюшона — это была Чани.

— У Джамиса было тридцать три литра, семь драхм и три тридцать вторых драхмы воды племени, — произнесла Чани. — Вот, я благословляю эту воду в присутствии сайядины. Эккери-акаири, — се вода, филлисин-фоласи — вода Паулю Муад'Дибу! Киви акари, и не более, накалас! Накелас! да будет измерено и сочтено, укаир-ан! биением сердца, джан-джан-джан, нашего друга... Джамиса.

Во внезапно наступившей гробовой тишине Чани обернулась, глядя на Пауля. Выдержав паузу, она продекламировала:

— Где буду я пламенем, да будешь ты углем; где буду я росой, да будешь ты водою.

— Би-ла кайфа, — нараспев откликнулся хор.

— Отходит эта вода Паулю Муад'Дибу, — сказала Чани. — Да хранит он ее для племени, да бережет от небрежения и утраты. Да будет он щедр в час нужды. Да оставит он ее племени ради его блага, когда придет срок!

— Би-ла кайфа, — отозвался хор.

«Я должен принять эту воду», — подумал Пауль. Он медленно поднялся, подошел и встал возле Чани. Стилгар отступил на шаг, уступая ему место, осторожно принял у него балисет.

— На колени, — сказала Чани.

Пауль опустился на колени.

Чани подвела его руки к бурдюку, приложила их к его гладкой упругой поверхности.

— Племя доверяет тебе эту воду, — сказала она. — Джамис покинул ее. Прими же ее с миром!

Она встала, помогла подняться Паулю.

Стилгар вернул балисет и протянул на раскрытой ладони горсточку металлических колец. Пауль рассмотрел

их: все разного размера, насколько можно судить в тусклом свете плавающей лампы.

Чани поддела самое большое на палец, объявила:

— Тридцать литров.

Затем она так же одно за другим показала Паулю все кольца, называя их значение:

— Два литра, литр; семь мерок по одной драхме каждая; одна мерка в три тридцать вторых драхмы. Всего тридцать три литра, семь и три тридцать вторых драхмы.

Нанизав на палец, она показала их все Паулю.

— Принимаешь ли ты их? — спросил Стилгар.

Пауль сглотнул, кивнул:

— Да.

— Позже, — сказала Чани, — я покажу тебе, как завязывать их в платок так, чтобы они не звенели и не выдали тебя, когда необходима тишина. — Она протянула руку.

— Может быть, ты... подержишь их пока у себя? — спросил Пауль.

Чани изумленно взглянула на Стилгара.

Тот улыбнулся:

— Пауль Муад'Диб, чье имя Усул, не знает пока наших обычаев, Чани. Возьми их — без всякого обязательства, кроме лишь обязательства хранить мерки, пока не научишь его, как следует носить их.

Она кивнула, вытянула из-под бурнуса полоску ткани и навязала на нее кольца, хитро оплетая их узлами, и наконец спрятала в кошель под бурнусом.

«Что-то я ляпнул не то», — подумал Пауль. Он почувствовал, что фримены втихую развеселились; его поступок явно их позабавил. Внезапно память о виденном в пророчествах подсказала: предложение женщине водяных колец-мерок входит в ритуал ухаживания, это почти что брачное предложение.

— Хранители воды, — позвал Стилгар.

Шурша одеяниями, фримены поднялись с пола. Вперед выступили двое, приняли бурдюк. Стилгар подхватил плавающую лампу и, освещая ею путь, повел всех куда-то в темную глубину пещеры.

Пауль, шедший следом за Чани, смотрел на маслянисто-желтые блики на каменных стенах, на мечущиеся тени и ощущал подъем вокруг себя — подъем и молчаливо-

торжественное ожидание, предвкушение чего-то необыкновенного.

Джессика, которую кто-то возбужденно потянул за собой, шла в конце процессии, стиснутая со всех сторон фременами. Усилием воли она подавила минутную панику. Она-то узнала кое-что в этом ритуале, узнала искаженные слова чакобса и бхотани-джиб — и она знала, какая безудержная ярость может вспыхнуть в такие вот безобидные как будто моменты...

«*Джан-джан-джан*, — повторила она про себя. — Иди-иди-иди...»

Словно детская игра, в которую взялись играть взрослые... позабывшие правила.

Стилгар остановился возле желтой каменной стены. Нажал на какой-то выступ — и стена беззвучно повернулась, как дверь, уйдя вглубь; открылся неправильной формы проем. Стилгар шагнул в него, за ним последовали остальные. Проходя мимо сотовидной решетки, он ощутил дуновение прохладного воздуха, струившегося от нее.

Пауль вопросительно посмотрел на Чани, потянул ее за рукав.

— Там был влажный воздух! — сказал он.

— Ш-ш-ш, — одернула она его.

Но фримен, шедший следом, негромко объяснил:

— Сегодня ночью ветровая ловушка собрала много влаги. Это Джамис посылает нам знак, что удовлетворен!

Джессика миновала потайную дверь, услышала, как та захлопнулась за ней. Она видела, что фримены замедляли шаг около решетки, — а приблизившись к ней сама, ощутила влажное дуновение.

Ветровая ловушка, подумала она. Где-то на поверхности укрыта ловушка, направляющая воздух сюда, в прохладу пещер. И влага, которая в нем содержится, выпадает росой...

Они прошли сквозь еще одну дверь — над ней тоже была решетка-соты. Пауль и Джессика отчетливо почувствовали влагу в ветерке, подувшем в спину.

Лампа, которую нес шедший во главе процессии Стилгар, вдруг опустилась ниже уровня голов, маячивших перед Паулем. Через несколько шагов он почувствовал под ногами ступени, уходившие налево и вниз. Свет отражал-

ся от стен, пробивался между голов, скрытых капюшонами. Процессия уходила вниз по спиральной лестнице.

Джессика ощущала, как нарастает в окружающих напряжение, как все более полной становится тишина, охватывающая фременов в присутствии воды. Это было как вход в храм...

«Я видел это место во сне», — вспомнил Пауль.

Мысль эта и ободряла, и несла в себе отчаяние. Где-то вдали на этом пути прорубали себе кровавую дорогу по Вселенной орды фанатиков — во имя его. Черно-зеленый стяг Атрейдесов станет символом кровавого ужаса. А дикие, воющие легионы будут кидаться в бой с боевым кличем: «Муад'Диб!»

«Это не должно случиться, — думал он, — я не могу допустить этого».

Но он по-прежнему чувствовал свое ужасное предназначение — и знал, как непросто остановить колесницу Джаггернаута, набирающую скорость. И если даже он умрет вот сейчас — все совершится точно так же, но уже через мать и не рожденную пока сестру. Разве что смерть всего отряда, включая его самого и его мать, могла бы остановить движение к кровавому безумию.

Пауль огляделся. Отряд растянулся в шеренгу. Его прижали к невысокому барьеру, высеченному из самой скалы. А за ним в свете лампы в руках Стилгара блестела совершенно гладкая, темная поверхность воды. Она простиралась куда-то вдаль, в густые черные тени. Метрах в ста с трудом можно было различить дальнюю стену пещеры.

Джессика ощутила, как стянувшаяся от высыхания кожа на лбу и щеках вновь становится упругой во влажном воздухе. Бассейн, лежавший перед ней, был глубок — она чувствовала его глубину и лишь с большим трудом удерживалась от того, чтобы окунуть туда руки.

Слева от нее раздался плеск. Она посмотрела вдоль полускрытой тенями цепочки фременов, увидела стоящих рядом Стилгара и Пауля, хранителей воды, опустошающих свою ношу в бассейн через водомер, походивший на круглый серый глаз, выглядывающий над кромкой бассейна. Она видела, как движется светящаяся стрелка, отсчитывая литры, драхмы и доли драхм, вылитые в водоем; даже отсюда было ясно видно, что, когда стрелка замер-

ла, она показывала тридцать три литра, семь и три тридцать вторых драхмы.

«Какая точность!» — восхитилась Джессика. Кроме того, она заметила, что вода не смачивает соприкасающиеся с ней части счетчика. И в этом она увидела ключ к основному принципу фрименской технологии: стремление во всем добиться совершенства.

Джессика протиснулась вдоль парапета к Стилгару. Ей уступали дорогу с какой-то непринужденной учтивостью. Она заметила, что взгляд Пауля обращен внутрь себя, однако тайна этого гигантского подземного водоема занимала все ее мысли.

Стилгар посмотрел на нее.

— Некоторые из нас остро нуждались в воде, — сказал он. — Но, войдя сюда, они бы и не подумали коснуться этой воды. Ты это знаешь?

— Охотно верю, — ответила она.

Он перевел взгляд на бассейн.

— Тут у нас больше тридцати восьми миллионов декалитров, — сообщил он. — Вода надежно укрыта от Маленьких Податели; мы прячем и храним ее.

— Сокровищница, — пробормотала Джессика.

Стилгар поднял лампу, заглянул Джессике в глаза.

— Больше, чем сокровищница. У нас есть тысячи таких тайников. И лишь очень немногие из нас знают их все. — Он склонил голову набок, лампа высветила желтым пол-лица и бороду. — Слышишь?

Они затихли, прислушиваясь.

Зал был наполнен гулкими щелчками падающих капель водяного конденсата из ветровой ловушки. Весь отряд, заметила Джессика, зачарованно слушал этот звук. И только Пауль думал о чем-то своем и казался отстраненным от всех остальных.

Паулю звук падающих капель казался тиканьем убегающих мгновений. Он ощущал, как проходит сквозь него время, мгновения, безвозвратно исчезающие в прошлом. Настал миг для какого-то решения, он знал это — но не мог даже шевельнуться.

— Исчислено, сколько воды нам необходимо. Когда мы ее накопим — мы изменим облик Арракиса.

И по отряду прокатился приглушенный отклик:

— Би-ла кайфа.

— Мы свяжем дюны зеленой травой, — говорил Стилгар, и его голос постепенно усиливался. — Деревьями и подлеском привяжем воду к земле.

— Би-ла кайфа, — отозвались фримены.

— Год за годом будут уменьшаться шапки полярных льдов, — продолжал Стилгар.

— Би-ла кайфа, — повторили фримены нараспев.

— И мы сотворим из Арракиса мир, который по-настоящему будет нашим домом; растают полярные льды, в умеренном поясе разольются озера, и лишь глубокая Пустыня останется для Подателя и его Пряности.

— Би-ла кайфа.

— И ни один человек не будет более нуждаться в воде; и всякий сможет свободно черпать из колодца или пруда, из озера или канала. Вода побежит по арыкам и напоит поля; и всякий будет брать ее невозбранно, достаточно будет лишь протянуть руку.

— Би-ла кайфа.

Джессика почувствовала, что это не просто слова, а какой-то религиозный обряд, и не могла не отметить собственное инстинктивное благоговение. «Они заключили союз со своим будущим, — думала она. — У них есть вершина, на которую надо взойти. Это — мечта ученого... и эти простые люди, крестьяне, так вдохновились ею!..»

Она вспомнила Лиета-Кинеса, имперского планетарного эколога, человека, слившегося с аборигенами, — и вновь подивилась на него. Да, это была мечта, способная увлечь за собой, захватить души; и за этой мечтой она чуяла руку эколога. Мечта, за которую люди с готовностью пойдут на смерть. И это давало ее сыну еще один необходимый компонент успеха — народ, у которого есть цель. Такой народ легко можно воодушевить, зажечь единым порывом... и фанатизмом. Из него можно отковать меч, которым Пауль отвоюет свое законное место.

— Теперь мы покинем это место, — сказал Стилгар, — и дождемся восхода Первой луны. Когда Джамис выйдет на эту свою последнюю дорогу, и мы пойдем к дому.

Тихо перешептываясь, люди неохотно последовали за своим вождем — вдоль каменного парапета водоема и вверх по лестнице.

А Пауль, следовавший за Чани, почувствовал, что миг жизненно важного решения миновал — он упустил возможность сделать решительный шаг, и теперь собственный миф поглотит его. Он знал, что уже видел это место — в пророческом сне на далеком Каладане; но теперь он заметил и некоторые новые детали, не увиденные во сне. Он вновь задумался о пределах своего дара. Словно бы он мчался с волной времени, то у подножия ее, то на гребне, а вокруг вздымались и падали другие волны, открывая и вновь пряча все то, что несли на своей поверхности.

И через все эти картины он по-прежнему видел пылающий вдали джихад — точно утес, возвышающийся над прибоем.

Отряд вышел в первую пещеру; миновали последнюю дверь и наглухо ее задраили. Затем погасили свет, сняли пластиковые герметизаторы с выходов из пещеры. Открылись сияющие над ночной пустыней звезды.

Джессика вышла на сухой, горячий карниз у входа в пещеру, взглянула на звезды. Они, казалось, сияли над самой головой — огромные, яркие. Затем вокруг нее зашевелились. Позади кто-то настраивал балисет. Послышался голос Пауля — он тихонько напевал без слов, задавая тон и подкручивая колки. В голосе сына звучала насторожившая ее грусть.

Из темной глубины пещеры послышался негромкий голос Чани:

— Расскажи мне о водах своего родного мира, Пауль Муад'Диб.

И ответ Пауля:

— В другой раз, Чани. Я обещаю тебе.

Какая грусть!

— Это хороший балисет, — заметила Чани.

— Очень хороший, — вздохнул Пауль. — Как ты думаешь, Джамис не будет против, если я им попользуюсь?

«Он говорит о мертвом в настоящем времени», — изумленно подумала Джессика — и ее встревожило скрытое значение этого.

Вмешался мужской голос:

— Он сам любил порой сыграть, Джамис-то.

— Тогда сыграй нам какую-нибудь из ваших песен, — попросила Чани.

«Сколько женского очарования в этом детском голосе, — подумала Джессика. — Я должна предостеречь Пауля относительно их женщин... и не откладывая».

— Вот песня, сложенная моим другом, — сказал Пауль. — Я думаю, его уже нет в живых... его звали Гурни. Он называл ее своей вечерней песней.

Фримены притихли, слушая звучный мальчишеский тенор Пауля, поднявшийся над звоном струн балисета.

Это ясное время мерцающих углей —
Золотое сияние солнца, тонущего в сумерках.
Смятенные чувства, отчаянья мрак —
Вот спутники воспоминаний...

Джессика почувствовала, как музыка отдается в ее душе — языческая, гудящая звуками, пробуждающая желание в ее теле. Она слушала песню, напряженно замерев.

Ночь — покой, жемчугами усеянный...
Ночь — для нас!
И радость сверкает, ею навеяна,
В глуби твоих глаз.
Любовь, цветами увенчана,
В наших сердцах...
Любовь, цветами увенчана,
Переполнила нас.

Отзвучал последний аккорд, и несколько мгновений в воздухе воспоминанием о нем звенела тишина. «Почему он спел песню любви этой девочке? Ребенку?» — спросила она себя, чувствуя вдруг безотчетный страх: она ощутила, как жизнь течет вокруг нее и она потеряла контроль за ее течением. «Но почему, почему он выбрал именно эту песню? — думала она. — Порой интуиция подсказывает верное решение. Так *почему* он это сделал?»

Пауль молча сидел во мраке. Единственная холодная мысль владела им: «Моя мать — враг мне. Это она влечет меня к джихаду. Она родила и воспитала меня. И она — враг мне».

* * *

«Понятие прогресса служит нам защитным механизмом, укрывающим нас от ужасов грядущего».

(Принцесса Ирулан, «Избранные речения Муад'Диба»)

В свой семнадцатый день рождения Фейд-Раута Харконнен убил на семейных играх своего сотого гладиатора. По случаю праздника на родовую планету Дома Харконнен, Джеди Прим, пребывали наблюдатели от императорского двора — граф Фенринг и леди Фенринг, его официальная наложница, которые и были приглашены вечером в золотую ложу над треугольной ареной, дабы наблюдать бой вместе с ближайшими родственниками виновника торжества.

В ознаменование дня рождения на-барона и в напоминание всем прочим Харконненам, а также подданным, что именно Фейд-Раута является официально объявленным наследником баронства, на Джеди Прим был объявлен праздник. Старый барон особым указом повелел отдыхать от забот сутки напролет, и с превеликими трудами в Харко, престольном городе Дома Харконнен, изобразили веселую, праздничную атмосферу: на домах развевались флаги, а фасады домов вдоль Дворцового Проспекта сияли свежей краской.

Правда, в стороне от парадного проспекта граф Фенринг и его спутница ненароком увидели кучи мусора, обшарпанные бурые стены домов, отражающиеся в лужах, опасливо суетящихся жителей.

Сам баронский дворец с его голубыми стенами выглядел безукоризненно — до ужаса безукоризненно; но граф и его леди видели, чего это стоило. На каждом шагу маячили стражники, и их оружие поблескивало тем особенным блеском, который говорил опытному глазу, что без дела оно не скучает. Даже во дворце нельзя было пройти из одной зоны в другую, миновав пропускные пункты стражи. Походка и осанка слуг выдавали их военную подготовку... и еще то, как внимательно-внимательно смотрели их глаза.

— Чувствуешь напряженность? — промычал граф своей спутнице на их тайном языке. — Наш барон, похоже, начинает ощущать, какую цену ему пришлось в действительности заплатить, чтобы уничтожить герцога Лето!

— Напомнить тебе легенду о фениксе? — ответила та. (Тет-а-тет они были на «ты».)

Они стояли в приемном зале дворца, ожидая сигнала к началу семейных игр. Зал был невелик, метров сорок на двадцать, но наклонные пилястры по стенам и слегка изогнутый потолок создавали иллюзию гораздо более просторного помещения.

— А-а, вот и сам барон, — заметил граф.

Барон шествовал по залу как бы скользя и переваливаясь — той особенной походкой, какой требовало управление гигантской тушей, поддерживаемой силовой подвеской. Жирные щеки тряслись, силовые поплавки перекатывались под оранжевой мантией. Сияли перстни, унизывавшие толстые пальцы, и драгоценные опафиры, которыми было расшито баронское одеяние.

Пообок барона шел Фейд-Раута. Черные кудри были завиты мелкими колечками — над угрюмыми глазами эти лихие завитки казались неуместно веселыми. На нем была черная куртка в обтяжку, такие же брюки, лишь слегка расклешенные внизу, и мягкие низкие башмаки, охватывающие маленькие ступни.

Леди Фенринг отметила осанку юноши и крепкие мышцы, играющие под тканью, и подумала: «Этот не позволит себе разжиреть...»

Барон остановился перед ними, хозяйским жестом взял Фейд-Рауту за руку и представил:

— Мой племянник, на-барон Фейд-Раута Харконнен. — И, повернув младенчески-розовое жирное лицо к племяннику: — Граф и графиня Фенринг, о которых я говорил.

Фейд-Раута с приличествующей любезностью склонил голову, а затем уставился на леди Фенринг — золотоволосую, гибкую, изящную. Прекрасную фигуру обливало серо-бежевое платье — без украшений, но превосходно сшитое. Затем Фейд-Раута встретил взгляд ее зеленовато-серых глаз. Она просто лучилась тем типично Бене-Гессеритским безмятежным спокойствием, которое всегда несколько раздражало молодого наследника дома Харконнен.

— У-м-м-м-м-м-ах-м-м-м, — протянул граф, изучающе разглядывая Фейд-Рауту. — Приятный и аккуратный молодой человек, э, не так ли, моя — хм-м-м... моя доро-

гая?.. — Граф взглянул на барона. — Любезный барон, вы изволили упомянуть, что говорили о нас этому приятному молодому человеку. Любопытно знать, что же именно вы ему сказали?

— Я говорил своему племяннику о том, с каким уважением относится к вам Император, граф Фенринг, — поклонился барон, подумав: *«Обрати на него особое внимание, Фейд! Убийца, который ведет себя точно кролик, — самая опасная разновидность!»*

— Ну, разумеется! — покивал граф, улыбаясь своей спутнице.

Фейд-Рауте поведение и слова графа показались почти вызывающими. Еще немного — и он, казалось, сказал бы нечто открыто оскорбительное. Юноша перевел взгляд на графа: коротышка и на вид слабак. Лицом похож на куницу: явный проныра и вообще скользкий тип. Огромные темные глаза; на висках — седина. А повадки!.. Движение рукой или поворот головы говорили одно, и тут же — реплика, означающая прямо противоположное! Совершенно невозможно понять, о чем граф думает на самом деле.

— Ум-м-м-м-ах-х-х-хм-м-м, право же, редко доводится встречать такую, мм-м-м, прямо скажем, аккуратность, — любезно сказал граф, обращаясь к жирному баронскому плечу. — Разрешите, э-э, поздравить вас с таким, хм-м-м, удачным выбором и прекрасной подготовкой вашего, э-э-э, наследника. Вполне, хм-м-м, в духе господина барона, если мне будет позволено так выразиться.

— Вы чересчур любезны, — поклонился барон. Однако Фейд-Раута по глазам дяди понял, что тот не вполне принял любезность графа и хотел бы сказать нечто противоположное.

— Ваша ирония, мм-м-м, заставляет предположить, что вас посетили некие, хм-м-мм, глубокие мысли, — сказал граф.

«Вот опять! — подумал Фейд-Раута. — Прозвучало как оскорбление — а придраться не к чему; а значит, и требовать от него удовлетворения никак нельзя...»

Манера графа говорить была невыносима — Фейд-Рауте все время казалось, что его уши забиты не то кашей, не то радиопомехами: ум-м-ммэх-х-х-хм-м-м-мм! Фейд-Раута заставил себя вновь переключиться на леди Фенринг.

— Мы, э-э, отнимаем слишком много времени у этого молодого человека, — светски улыбнулась она. — Насколько я знаю, сегодня ему предстоит выступить на арене.

«Гуриями императорского гарема клянусь, она просто прелесть!» — подумал Фейд-Раута и пообещал:

— Сегодня я убью противника в вашу честь, миледи. С вашего позволения я объявлю об этом, выйдя на арену.

Она посмотрела на него все так же невозмутимо. Но ее слова прозвучали как удар кнута:

— Я не даю вам такого позволения.

— Фейд! — одернул барон племянника. *Вот чертенок сумасшедший! Он что, хочет напроситься на поединок с этим сановным убийцей?!*

Граф, впрочем, только улыбнулся и изрек:

— Хм-м-м-ум-м-м.

— Да, Фейд, тебе действительно пора готовиться к выходу на арену, — с нажимом сказал барон. — Тебе надо отдохнуть — и постарайся не рисковать сегодня по-глупому, ладно?

Фейд-Раута склонился в поклоне, но его лицо потемнело от негодования.

— Да, дядя. Я уверен, что все будет так, как вам угодно. — Затем он поклонился графу Фенрингу: — Мое почтение, мой граф. — К леди: — Мое почтение, миледи.

Затем повернулся и поспешно покинул зал, лишь мимоходом бросив взгляд на столпившихся у двойных дверей гостей из Младших Домов.

— Он еще так молод, — вздохнул барон.

— Ум-м-м-ах, и в самом деле — хммм, — согласился граф.

Леди же Фенринг подумала: «И это тот молодой человек, о котором говорила Преподобная Мать?! Это *его* генетическую линию мы должны сберечь?»

— У нас еще час до начала, — сказал барон. — Может быть, мы сможем поговорить еще кое о чем, граф? — Он склонил свою огромную голову вправо. — Нам есть что обсудить. — А сам подумал: «Что ж, посмотрим, каким образом сумеет этот мальчик на побегушках у Императора передать порученное ему и при этом ничего не сказать напрямую. Что было бы, конечно, глупостью».

Граф обратился к своей спутнице:

— Ум-м-м-м-а-х-х-х-хм-м-м, дорогая, вы, мм-м, извините нас, ах-х-х, надеюсь?

— Каждый день, а порой и каждый час приносит изменения, — ответила она. — Мм-м-м-м. — И она мило улыбнулась барону, прежде чем повернуться. Шурша длинными юбками, она быстро, но с поистине королевским достоинством направилась к двойным дверям в дальнем конце зала.

При ее появлении, заметил барон, представители Младших Домов замолчали, провожая ее глазами. «Бене Гессерит! — подумал барон. — Право, Вселенная стала бы куда более приятным местом без них!»

— Тут, слева, между двух колонн, устроен шатер тишины, — показал барон. — Мы могли бы побеседовать там, на опасаясь, что нас подслушивают. — Ступая своей скользяще-раскачивающейся походкой, он провел графа под конус звукогасителя. В тот же миг звуки просторного зала стихли и словно бы отдалились.

Граф подошел вплотную к барону, и оба повернулись лицом к стене, чтобы разговор нельзя было прочитать по губам.

— Нам решительно не нравится то, как вы выставили сардаукаров с Арракиса, — начал граф.

«Так он все-таки говорит напрямую!» — изумился барон.

— Сардаукаров нельзя было оставлять там дольше, не рискуя, что прочие узнают, как Император помогал мне, — возразил он вслух.

— Однако ваш племянник Раббан, кажется, не слишком усерден в решении фрименского вопроса..

— И чего же еще хочет Император? — спросил барон. — На Арракисе вряд ли осталось больше горстки фрименов. Южная Пустыня вовсе не пригодна для жизни, а северную регулярно вычищают наши патрули.

— А кто сказал, что южная Пустыня непригодна для жизни и необитаема?

— Как это кто? Да ваш же собственный планетолог, дорогой мой граф!

— Но доктор Кинес мертв.

— Увы, да... какая жалость, право...

— У нас есть доклад об облете некоторых южных районов, — сказал граф. — Так вот, кое-где замечена растительность.

— Гильдия наконец согласилась на наблюдение за Аракисом с орбиты?

— Вы же и сами прекрасно знаете, барон: Император не может легально установить надзор за Аракисом.

— Ну а я не могу пойти на такие расходы. И кто же в таком случае совершил этот ваш облет?

— Один... контрабандист.

— Вам кто-то солгал, граф, — покачал головой барон. — Контрабандисты не более способны летать в южных районах, чем люди Раббана. Бури, статические заряды в песке и все такое прочее. Сами знаете. А навигационные маяки выходят из строя быстрее, чем их успевают ставить.

— О статике поговорим в другой раз, — холодно сказал граф.

«Ах-х-х», — протянул барон про себя. И вслух, требовательно:

— Значит, вы обнаружили какую-то ошибку?

— Если речь идет об ошибках, то для самооправдания места уже не остается, — изрек граф.

«Нарочно ведь пытается меня разозлить!» — подумал барон. Чтобы успокоиться, ему пришлось сделать два глубоких вдоха. Он чуял запах собственного пота; кожа под сбруей силовой подвески вдруг зачесалась.

— Не может быть, чтобы Император выражал недовольство по поводу гибели наложницы герцога и мальчишки, — пробормотал барон. — Они бежали в Пустыню... была буря...

— О да. Удивительно много произошло несчастных случаев в последнее время, — согласился граф. — И таких удобных для вас...

— Мне не нравится ваш тон, граф, — свел брови барон.

— Одно дело — гнев, совсем иное — насилие, — сказал граф. — Кстати, хотелось бы вас предупредить: если несчастный случай произойдет *со мной*, то все Великие Дома немедленно узнают обо всем, что вы натворили на Аракисе. Они давненько косо на вас посматривают — подозревают, что вы нечисто играете. Ваши дела...

— А какие, собственно, дела? — пожал плечами барон. — Все, что я могу припомнить за последнее время, — это доставка на Аракис нескольких легионов сардаукаров...

— И вы полагаете, что могли бы шантажировать этим Императора?

— Ну что вы. И подумать не посмел бы.

Граф улыбнулся:

— В любом случае найдутся командиры сардаукаров, которые признаются, что действовали без всяких приказов — так, захотелось подраться с этой вашей фрименской сволочью.

— У многих подобное признание вызвало бы кое-какие сомнения, — возразил барон. Но угроза была нешуточной. Неужели сардаукары действительно настолько вымуштрованы?

— И еще: Император желает произвести ревизию ваших счетов, — сказал граф.

— Когда угодно.

— Вы... э-э... не возражаете?

— Отнюдь. Я готов на любую самую тщательную проверку моей деятельности как члена Совета директоров КООАМ...

«Пусть облыжно обвинит меня, — думал барон, — обвинение не подтвердится; я предстану перед ними наподобие Прометея и объявлю во всеуслышание: внемлите, дескать, — вот я оклеветан! Засим, пусть его обвиняет меня в чем хочет, даже и по делу. Великие Дома не поверят обвинителю, единожды солгавшему...»

— Н-да, не сомневаюсь, что все ваши отчетности выдержат любую проверку, — пробормотал граф.

— Позвольте спросить, а почему это Император так заинтересован в уничтожении фрименов?

— Желаете сменить тему? — Граф пожал плечами. — Истребить фрименов хотят сардаукары, а не Император. Скажем так: им нужна практика в искусстве убивать... и они терпеть не могут оставлять дело несделанным.

«Он что, хочет запугать меня — напомнить, что опирается на этих кровожадных убийц?» — подумал барон и ответил:

— Некоторое количество убийств всегда идет на пользу делу, но надо же было когда-то и остановиться. Кто-то же должен добывать Пряность.

Граф издал короткий лающий смешок.

— Вы что, всерьез верите, будто сумеете взнуздать фрименов?

— Для использования их слишком много, — пожал плечами барон, — главное же в том, что ваша резня взволновала остальное население Арракиса. Но тут мы подходим к следующему пункту: я обдумываю другой вариант решения арракийской проблемы, дорогой Фенринг. Не могу не отметить, что наш Император достоин благодарности: ведь это его идеи вдохновили меня.

— Э-э-э?

— Видите ли, граф, я действительно вдохновлялся примером императорской каторжной планеты — Салусы Секундус.

Глаза графа сверкнули, он вперился в барона.

— И какая же может быть связь между Арракисом и Салусой Секундус?

Барон отметил настороженное внимание в глазах графа и ответил:

— Пока — никакой...

— *Пока?*

— Согласитесь, что в самом деле есть возможность обеспечить Арракис адекватным количеством рабочих рук — а именно путем превращения его в каторжную планету.

— А вы ожидаете увеличения числа заключенных?

— Да была тут некоторая заварушка, — признался барон. — Мне пришлось довольно круто обойтись с подданными, Фенринг. В конце концов вам прекрасно известно, чего стоила мне перевозка наших соединенных войск на Арракис кораблями проклятой Гильдии. Вы же понимаете, что эти деньги должны были откуда-то взяться.

— Я бы *не советовал* вам использовать Арракис как каторжную планету без дозволения Императора, барон.

— Само собой разумеется, — ответил барон, удивляясь, с чего бы вдруг в голосе Фенринга появился такой неприятный ледок.

— И вот еще что, — сказал граф. — Нам стало известно, что ментат герцога Лето, Суфир Хават, жив и находится у вас на службе.

— Не мог же я позволить себе выбросить на ветер такого ценного человека.

— Итак, вы солгали командующему экспедиционным Корпусом Сардаукаров, когда сообщили о смерти Хавата.

— Это невинная ложь, любезный граф. Просто не хотелось препирательств с этим служакой.

— А Хават в самом деле был предателем?

— Бог мой, нет, разумеется! Это все фальшивый доктор... — Барон вдруг почувствовал, что у него взмокла шея. — Поймите, Фенринг: я остался без ментата, как вам известно. А я никогда не оставался без ментата... Это в высшей степени неудобно.

— И как же вы сумели склонить Хавата к сотрудничеству?

— Его герцог погиб. — Барон выдавил улыбку. — А опасаться Хавата нечего. Ему введен латентный яд. С пищей он регулярно получает противоядие. Без противоядия яд подействует — и через несколько дней Хават умрет.

— Отмените противоядие, — спокойно распорядился граф.

— Но Хават полезен!

— И знает слишком много такого, чего не должна знать ни одна живая душа.

— Не вы ли говорили, что Император не боится разоблачений?

— Не советую шутить со мной, барон!

— Когда я увижу такой приказ, скрепленный императорской печатью, я выполню его, — отрезал барон. — Приказ, но никак не вашу прихоть.

— По-вашему, это прихоть?

— А что же еще? Император, между прочим, тоже кое-чем мне обязан, Фенринг. Я избавил его от беспокойного герцога.

— Не без помощи некоторого количества сардаукаров...

— А где бы еще нашел Император такой Великий Дом, который одел бы этих сардаукаров в свою форму, чтобы скрыть роль Его Величества в этом деле?

— Он и сам задавался этим вопросом, дорогой барон... правда, несколько иначе расставляя акценты.

Барон внимательно посмотрел в лицо Фенрингу, обратил внимание на закаменевшие мышцы на скулах — граф явно с трудом сдерживал себя.

— Ну-ну, право... — проговорил барон. — Надеюсь, Император не думает, что сможет действовать и против *меня* в полной секретности?..

— Во всяком случае, он надеется, что в этом не возникнет необходимости.

— Неужели Император мог подумать, что я ему угрожаю?! — Барон добавил в голос подобающую меру гнева и горечи. «Ну-ка, пусть попробует обвинить меня в этом! Да я тогда сам сяду на трон — все еще бия себя в грудь и вопия о том, как меня очернили и оклеветали!..»

Очень сухо и отчужденно граф произнес:

— Император верит тому, что видит.

— И Император посмеет обвинить меня в измене перед всем Советом Ландсраада? — спросил барон затаив дыхание. Он с надеждой ждал ответа «да».

— Слово «*посмеет*» к Императору неприменимо.

Барон резко повернулся в своей силовой подвеске, чтобы скрыть охватившие его чувства. «Это может случиться еще при моей жизни! Ну, Император!.. Да пусть он только выдвинет такое обвинение! Потом... где надо — подмазать, где надо — надавить; потом — Великие Дома объединятся под моим знаменем, как крестьяне, что в поисках защиты сбегаются к сеньору... Ведь больше всего на свете Великие Дома боятся именно того, что Император начнет натравливать на них своих сардаукаров, уничтожая один Дом за другим поодиночке...»

— Император искренне надеется, что вы не дадите ему повод обвинить вас в измене, — сказал граф.

Очень трудно было не дать иронии прозвучать в ответе, оставив лишь обиду. Но барону это удалось.

— Я всегда был абсолютно лояльным подданным. И ваши слова ранят меня сильнее, чем я мог бы выразить.

— Ум-м-м-м-ах-хм-м-м, — протянул граф.

Барон кивнул, не оборачиваясь. Чуть погодя он сказал:

— Пора на арену.

— Действительно, — согласился граф.

Выйдя из-под шатра тишины, они бок о бок пошли к представителям Младших Домов, по-прежнему толпившимся у дверей. Где-то медленно раскатился удар колокола: двадцать минут до начала.

— Младшие Дома ждут, что вы поведете их, — кивнул граф на толпу.

Двусмысленности... двусмысленности... — подумал барон.

Он поднял голову, в очередной раз любуясь новыми талисманами, повешенными по сторонам входа в зал, — бычьей головой и писанным маслом портретом Старого Герцога Атрейдеса — отца покойного Лето. Непонятно почему эти трофеи наполнили его какими-то недобрыми предчувствиями. *Интересно, а какие мысли будили эти талисманы в герцоге Лето — когда висели в его замке, сперва на Каладане, а потом на Арракисе? Портрет забияки отца — и голова убившего его быка...*

— Человечество знает одну только... м-м-м... науку, — проговорил граф, когда они с бароном возглавили шествие и вышли из зала в приемную — узкую комнату с высокими окнами и узорным полом, выложенным белой и пурпурной плиткой.

— И что же это за наука? — спросил барон.

— Это, ум-м-м-а-ах, наука недовольства, — объяснил граф.

Представители Младших Домов позади, с бараньим выражением на лицах прислушивавшиеся к беседе принципала с сановником, подобострастно засмеялись. Впрочем, их смех тут же был заглушен гулом моторов: пажи распахнули двери на улицу — там выстроились в ряд наземные машины, над которыми трепетали на ветру флажки.

Барон возвысил голос, перекрывая возникший шум:

— Надеюсь, мой племянник не разочарует вас сегодня, граф Фенринг.

— Я, ах-х-х, с нетерпением, у-м-м, предвкушаю это, хм-м-м, зрелище, — ответил граф. — Ведь, ах-х, в «процесс вербаль» всегда необходимо, ум-м-м-ах, принимать во внимание вопросы, ах-х, родства.

Барон от неожиданности застыл — и ему пришлось скрыть это, якобы оступившись на первой ступеньке лестницы. «Proces verbal» — донесение о преступлении против Империи!

Но граф хохотнул, превращая скрытую угрозу в шутку, и похлопал барона по руке.

Всю дорогу до арены барон, откинувшись на подушки своей машины (подушки тоже были пуленепробиваемы-

ми), искоса рассматривал графа, сидевшего рядом с ним, и размышлял, почему императорский «мальчик на посылках» счел необходимым отпустить такую именно шутку в присутствии представителей Младших Домов. Ясно было, что Фенринг редко позволяет себе делать то, что не считает необходимым, или произносит два слова там, где можно обойтись одним, или бросается фразами, лишенными скрытого смысла.

Он получил ответ на свой вопрос, когда они уже расселись в золотой ложе над треугольником арены. Трубили трубы, вились вымпелы, зрительские ряды были забиты до отказа.

— Дорогой барон, — прошептал граф, склоняясь к самому уху барона, — вы ведь знаете, что Его Величество не дал пока официального одобрения вашему выбору наследника, не правда ли?..

Потрясенному барону показалось, будто он опять очутился в шатре тишины. Он уставился на Фенринга и как будто даже не видел леди Фенринг, которая прошла сквозь ряды стражи в их ложу.

— Именно поэтому я и здесь, — тихо продолжал граф. — Император велел мне выяснить, насколько достойного преемника вы себе выбрали. А вряд ли найдется место лучше, чем арена, выявляющая истинное лицо человека, обычно скрываемое под маской, а?

— Император обещал, что я смогу свободно выбрать себе наследника! — проскрежетал барон.

— Посмотрим, — ответил Фенринг, поворачиваясь, чтобы приветствовать леди Фенринг. Та опустилась в кресло, улыбаясь барону; затем она перевела взгляд на посыпанную песком арену, куда как раз вышел затянутый в трико и жилет Фейд-Раута. Правая рука в черной перчатке сжимала длинный кинжал, в левой юноша держал короткий нож. Левая перчатка была белой.

— Белый цвет означает яд, черный — чистоту, — пояснила леди Фенринг графу. — Любопытный обычай, дорогой, не правда ли?

— Ум-м-м-м, — согласился граф.

С семейных галерей послышались восторженные выкрики, и Фейд-Раута остановился, приветствуя зрителей

и оглядывая их ряды, — кузэны, кузины, полубратья, наложницы и нисвои. Орущие розовые рты, яркое колыхание одежды и знамен.

Фейд-Раута подумал вдруг, что все эти лица одинаково оживятся при виде крови раба-гладиатора, при виде его собственной крови. Впрочем, он, разумеется, нисколько не сомневался в исходе сегодняшнего боя. Тут была одна только видимость опасности, и все-таки...

Фейд-Раута поднял клинки, подставив их солнечным лучам, салютовал на три стороны арены — на старинный манер. Короткий нож, который сжимала обтянутая белой перчаткой рука (белый — цвет яда), первым скользнул в ножны. За ним последовал большой кинжал из «черной» руки — только сегодня «чистый» клинок чистым не был. Его секретное оружие, которое должно было принести сегодня полную и абсолютную победу: яд на черном клинке.

Он включил щит, а потом замер на несколько мгновений, прислушиваясь к знакомому ощущению: кожа на лбу будто стянулась, подтверждая, что защита задействована.

Это был по-своему волнующий момент, и Фейд-Раута тянул его, как старый актер, кивая своим бандерильерам и в последний раз опытным взглядом проверяя их снаряжение — шипастые сверкающие браслеты, крюки и дротики с развевающимися голубыми лентами.

Затем он дал знак музыкантам.

Грянул медленный, гремящий древней пышностью марш, и Фейд-Раута повел подручных на комплимент* к баронской ложе. На лету поймал брошенный ему церемониальный ключ.

Музыка смолкла.

В резко упавшей тишине он отступил на два шага, высоко поднял ключ и объявил:

— Я посвящаю этот бой... — и он нарочно помедлил, с удовольствием представляя себе, что думает в этот миг барон (юный болван хочет все-таки, несмотря ни на что, посвятить бой леди Фенринг — и вызвать скандал!). — ...сво-

* Комплимент: в цирке и театре — поклон зрителям, рассчитанный на аплодисменты.

ему дяде и патрону, барону Владимиру Харконнену! — закончил Фейд-Раута. И с наслаждением увидел, как вздохнул облегченно любимый дядюшка.

Снова зазвучала музыка — теперь это был быстрый марш; Фейд-Раута с командой подручных трусцой побежали к преддверии, сквозь которую мог пройти только тот, у кого был идентификатор. Фейд-Раута гордился тем, что он никогда еще не пользовался «выходом предусмотрительности» и почти никогда не прибегал к помощи подручных, отвлекающих гладиатора. Тем не менее было неплохо знать, что и запасной выход, и подручные наготове на случай непредвиденной ситуации. Особые планы порой бывали связаны с особыми опасностями...

И снова на арену опустилась тишина.

Фейд-Раута повернулся к красной двери, из которой должен был появиться гладиатор.

И не простой гладиатор.

Изобретенный Суфиром Хаватом план был восхитительно прост и едва ли не бесхитростен, как думал Фейд-Раута. Раб не будет одурманен, и в этом и есть опасность. Но вместо наркотика в подсознание гладиатора было введено кодовое слово, которое в нужный момент иммобилизует его мышцы, Фейд-Раута мысленно повторил это слово, произнеся его без звука, одними губами: *«Подонок!»* Зрители-то подумают, что кто-то провел на арену неодурманенного раба, чтобы тот убил на-барона. Причем все тщательно сфабрикованные улики укажут на главного надсмотрщика...

Загудели сервомоторы, поднимающие красную дверь.

Фейд-Раута сконцентрировал все свое внимание на двери. Первый момент был во многом решающим. То, как гладиатор выходил на арену, о многом говорило опытному глазу. Все гладиаторы перед выходом должны были получать элакку, появляться на арене подготовленными для убийства... но все равно приходилось следить, как гладиатор держит нож, как готовится к защите, обращает ли внимание на зрителей. Скажем, посадка головы могла дать намек и на его манеру защиты и нападения.

Красная дверь резко распахнулась.

Из нее выбежал высокий мускулистый человек с гладковыбритой головой и темными, глубоко запавшими гла-

зами. Морковный цвет кожи говорил, казалось бы, о том, что раб получил наркотик — но Фейд-Раута знал, что это краска. На рабе были зеленые шорты-трико и красный пояс полущита; стрелка на нем указывала влево, показывая, что с этой стороны гладиатор укрыт силовым полем. Кинжал он держал как меч, острием от себя; было видно, что это — опытный боец. Теперь он медленно шел к центру арены, держась к Фейд-Рауте и его помощникам, стоящим у преддвери, защищенным левым боком.

— Что-то не нравится мне вид этого парня, — заметил один из бандерильеров. — Вы уверены, что он получил наркотик, милорд?

— Ты же видишь цвет, — коротко ответил Фейд-Раута.

— Да, но держится он как боец, — возразил другой ассистент.

Фейд-Раута сделал два шага вперед, рассматривая раба.

— Что у него с рукой? — спросил кто-то.

Фейд-Раута посмотрел на кровавую царапину на левом предплечье раба. Потом на его руку: раб указывал ею на рисунок, который он сделал кровью на левом бедре своего зеленого трико. Еще влажный рисунок изображал стилизованный силуэт ястреба.

Ястреба!

Фейд-Раута поднял взгляд и встретил запавшие, обведенные темными кругами глаза, горящие ненавистью.

«Это же один из бойцов герцога Лето, захваченных нами на Арракисе! — мелькнуло в голове Фейд-Рауты. — Вовсе не простой гладиатор!..» По спине на-барона пробежал неприятный холодок. *А что, если у Хавата свои виды на сегодняшний бой? Хитрость внутри хитрости, а в ней — еще хитрость и еще?.. а вина падет только на главного надсмотрщика!*

Старший бандерильер сказал ему на ухо:

— Милорд, он мне решительно не нравится. Может, воткнуть ему в правую руку бандерилью-другую?

— Я сам. — Фейд-Раута взял у помощника два длинных тонких дротика с заершенными наконечниками, взвесил их в руке, проверяя балансировку. Обычно бандерильи тоже смазывали элаккой, но сегодня наркотика на них не было. Скорее всего старший бандерильер поплатится за это жизнью... впрочем, все это входило в план.

«Вы выйдете из этого испытания героем, — убеждал его Хават. — Вы убьете своего гладиатора в честном поединке и несмотря на измену. Главного надсмотрщика казнят, а его место займет ваш человек!»

Фейд-Раута сделал еще пять шагов к центру арены, театрально растягивая сцену и одновременно пристально изучая противника. К этому времени, по его расчетам, знатоки на трибунах должны были уже сообразить, что что-то не так. Цвет кожи гладиатора был таким, каким ему и следовало быть у одурманенного элаккой человека, но стоял он твердо и не дрожал. Наверняка зрители уже перешептываются: «Смотрите, как он стоит! Он должен быть возбужден, должен нападать или отступать — а он ждет и бережет силы! А он ведь не должен ждать!»

Фейд-Раута чувствовал, как растет его собственное волнение. «Пусть даже Хават замыслил измену, с этим рабом я справлюсь. К тому же в этот раз отравлен длинный клинок, а не короткий. Об этом не знает даже Хават».

— Хэй, Харконнен! — крикнул раб. — Ты приготовился к смерти?

Мертвая тишина упала на арену. Рабы *никогда* не бросали вызов!

Теперь Фейд-Раута хорошо видел глаза гладиатора, сверкающие холодной яростью отчаяния. Он видел и то, как тот стоял — свободно, но наготове. И мышцы наготове... для победы. Рабский «телеграф» донес до гладиатора послание Хавата: у тебя будет реальный шанс убить на-барона. Тут тоже все было по плану.

Узкая улыбка раздвинула губы Фейд-Рауты. Он поднял бандерильи. То, как держался гладиатор, обещало успех их плану.

— Хэй! Хэй! — снова выкликнул раб, подступая еще на два шага.

Теперь-то уж никто на трибунах не заблуждается на его счет! — мелькнуло в голове Фейд-Рауты.

Ведь к этому времени вызванный наркотиком страх должен был уже почти сковать гладиатора. Каждое движение должно было говорить одно — раб знает, что надежды для него нет, победить он не может. Он должен быть напуган рассказами о ядах, которые молодой набарон выбирал для клинка в «белой» руке. На-барон ни-

когда не убивал быстро; он любил демонстрировать редкостные яды и мог, например, стоя над корчащейся жертвой, показывать зрителям любопытные побочные эффекты. А в этом рабе страх был, да — но не ужас.

Фейд-Раута высоко поднял бандерильи и кивнул, почти приветствуя противника.

Гладиатор атаковал.

Его выпад и защита были безукоризненны, едва ли не лучше всего, с чем приходилось сталкиваться Фейд-Раутe. Удар был точно рассчитан — еще на волос в сторону, и клинок рассек бы сухожилия на ноге на-барона.

Фейд-Раута танцующим движением отскочил в сторону, а в предплечье раба осталась торчать бандерилья. Крючковатые зубья наконечника глубоко засели в теле — теперь гладиатор мог бы выдернуть бандерилью только вместе с сухожилиями.

По галереям прокатилось дружное «ах!..».

Этот звук воодушевил Фейд-Рауту.

Он прекрасно представлял себе, что испытывает сейчас дядюшка, восседающий в ложе с Фенрингами. Вмешаться в поединок он не мог: при свидетелях приходилось считаться с приличиями. События же на арене барон мог истолковать только совершенно однозначно — как угрозу себе.

Раб отступил назад, зажал нож в зубах и примотал бандерилью к руке ее же лентой.

— Я и не чувствую этой иголки! — крикнул он и снова пошел левым боком вперед, подняв кинжал. Он изогнул тело назад, чтобы максимально прикрыться щитом. Это тоже не ускользнуло от внимания зрителей. Из семейных лож послышались восклицания. Ассистенты Фейд-Рауты тоже кричали — спрашивали, не нужна ли их помощь. Но Фейд-Раута жестом велел им оставаться у преддверии.

«Я им устрою такое представление, какого они еще не видели! — думал Фейд-Раута. — Не просто убийство практически беззащитного раба, во время которого можно спокойно сидеть и обсуждать достоинства стиля. Это их проймет до самых кишок... А когда я стану бароном, они будут помнить этот день — и бояться меня».

Фейд-Раута медленно отходил перед наступающим покрабьи противником. Под ногами поскрипывал песок. Он

слышал, как тяжело хватает воздух раб, чувствовал запах собственного пота и более слабый запах крови раба.

На-барон отступил еще немного, развернулся вправо, изготовил вторую бандерилью. Раб отскочил в сторону. Фейд-Раута сделал вид, будто оступился. На галереях вскрикнули.

Раб опять бросился вперед.

«Боги, что за боец!» — мелькнуло в голове Фейд-Рауты, когда он ушел от удара. Его спасла только юношеская ловкость — но второй дротик вонзился в дельтовидную мышцу правой руки раба. Галереи разразились восторженными криками.

«А, теперь они мной восхищаются!» — подумал Фейд-Раута. Как и предсказывал Хават, в голосах зрителей звучал буйный восторг. На-барон мрачно усмехнулся про себя, вспомнив слова ментата: *«Враг, которым восхищаешься, страшит больше»*.

Фейд-Раута быстро отошел к центру арену — здесь его было лучше видно всем зрителям. Он изготовил длинный кинжал и, пригнувшись, ждал атаки раба.

Тот не заставил себя ждать. Помедлив лишь столько, сколько было необходимо, чтобы прикрутить к руке вторую бандерилью, он устремился за своим врагом.

«Пусть, пусть семейка полюбуется, — думал Фейд-Раута. — Я их враг, и пусть они запомнят меня вот таким...»

Он вытащил и короткий нож.

— Я не боюсь тебя, харконненская свинья! — крикнул гладиатор. — Все ваши пытки — ничто для мертвого. А я могу умереть от собственного клинка прежде, чем надсмотрщик прикоснется ко мне! И я захвачу тебя с собой!

Фейд-Раута криво ухмыльнулся и выставил длинный клинок — отравленный.

— Попробуй-ка вот это! — сказал он, делая выпад коротким ножом.

Гладиатор развернул свои клинки «ножницами», приняв на них в захват нож на-барона. Нож, который сжимала рука в белой перчатке и, значит, тот, который, по традиции, должен был быть отравлен.

— Ты издохнешь, Харконнен! — воскликнул, задыхаясь, гладиатор.

Они, напряженно борясь, боком двигались по арене. Щит Фейд-Рауты коснулся гладиаторского полущита, и в месте соприкосновения вспыхнуло голубоватое свечение. Запахло озоном от работы силовых генераторов.

— Издохнешь от собственного яда! — прорычал раб.

Он понемногу начал поворачивать затянутую в белое руку, приближая к врагу острие отравленного, как он думал, клинка.

Ну, пусть посмотрят, подумал Фейд-Раута и ударил длинным кинжалом. И ощутил, как тот попал на примотанную к руке противника бандерилью, не причинив тому никакого вреда.

На мгновение Фейд-Раута почувствовал отчаяние. Кто бы мог подумать, что заершенные дротики помогут рабу — а они послужили ему дополнительной защитой. И как он силен! Короткий клинок — собственный клинок! — неумолимо приближался, и Фейд-Рауте невольно пришло в голову, что умереть ведь можно и на чистом, неотравленном клинке...

— *Подонок!..* — выдохнул он.

Кодовое слово. Заложенная в подсознание программа сработала, мышцы раба расслабились. Лишь на миг, но Фейд-Рауте этого было достаточно. Он оттолкнулся от противника, открыв между ним и собой достаточно места для длинного клинка, который метнулся вперед и прочертил алую линию на груди раба. Этот яд начинал действовать мгновенно, вызывая — сначала — сильную боль. Раб отшатнулся назад, спотыкаясь, попятился.

«Пусть любуются родственнички! — думал ликующе Фейд-Раута. — Пусть-ка обдумают увиденное: этот раб пытался повернуть против меня клинок, который он считал отравленным. Заодно пусть поразмыслят, как попал на арену этот раб и кто подготовил его к попытке так вот убить меня. И пусть навсегда запомнят, что им *никогда* не удастся угадать, в какой руке у меня отравленный клинок!..»

Фейд-Раута стоял молча и неподвижно, наблюдая за замедленными движениями раба, в которых проступали нерешительность и колебание. На лице у него ясно для всех было написано: смерть. Раб знал, что с ним сделали, и знал как: яд был не на том клинке.

— Ты!.. — простонал гладиатор.

Фейд-Раута отступил, чтобы не мешать смерти. Парализующий наркотик в составе яда еще не полностью подействовал, но замедленные движения гладиатора говорили, что он уже делает свое дело.

Раб, пошатываясь, двинулся вперед, как будто его тянула невидимая нить. Один медленный, неуверенный шаг, другой, третий... Каждый шаг был единственным во Вселенной для умирающего раба. Он все еще сжимал нож, но его острие дрожало.

— Од... наж... ды... кто-то... из нас... убьет... тебя... — выдохнул он.

Его рот печально скривился. Он осел, затем тело его напряглось, и он рухнул на песок лицом вниз, откатившись от Фейд-Рауты. В гробовой тишине Фейд-Раута подошел к телу и носком своего мягкого башмака перевернул его на спину, чтобы зрители могли насладиться видом судорожных гримас, вызванных ядом. Но гладиатор был мертв — в его груди торчал его же собственный нож.

Несмотря на разочарование, Фейд-Раута испытал даже какое-то восхищение. Каких же усилий стоило рабу преодолеть паралич, чтобы убить себя! Но вместе с восхищением пришло и понимание: вот чего *действительно* стоит бояться.

То, что делает человека сверхчеловеком, — ужасно.

Фейд-Раута не успел додумать эту мысль, как услышал взрыв ликования на галереях. Зрители самозабвенно кричали и хлопали.

Он повернулся и поднял взгляд.

Да, все ликовали. Кроме барона, который сидел, напряженно обдумывая что-то, взявшись за подбородок. И кроме Фенрингов. Граф и его леди пристально смотрели на Фейд-Рауту, пряча свои мысли и чувства под улыбками.

Граф Фенринг повернулся к своей наложнице:

— Ах-х-х-ум-м-м... находчивый, ум-м-м, молодой человек. Э-э, м-м-м-ах, не правда ли, дорогая?

— Да, и его, ах-х-х, синаптические реакции весьма быстры, — согласилась та.

Барон посмотрел на нее, на графа, опять на арену. В его голове стучало: «Если можно так близко подобраться к кому-то из моих родичей... — Ярость начала вытеснять

гнев. — Нынче же ночью главный надсмотрщик будет зажарен на медленном огне... ну а если окажется, что граф и его наложница как-то в этом замешаны...»

Фейд-Раута видел, что в баронской ложе произошел обмен репликами, но, конечно, ничего не слышал. Все звуки утонули в доносившемся со всех сторон ритмичном топоте и крике:

— Го-ло-ву! Го-ло-ву! Го-ло-ву! Го-ло-ву!

Барон нахмурился, видя, с каким выражением повернулся к нему Фейд-Раута. С трудом скрывая свое бешенство, барон вяло махнул в сторону стоящего над поверженным рабом племянника. «Пусть отдадут мальчику голову. Он заслужил ее, вскрыв предательство главного надсмотрщика».

Фейд-Раута видел этот жест. «Они считают, что эта голова — подходящая награда для меня! Что ж, я покажу им, что́ думаю об этом!»

Он увидел помощников, приближающихся с анатомической пилой, чтобы отделить почетный трофей, и жестом велел им удалиться. Фейд-Раута сердито повторил свой жест, склонился над телом и сложил руки гладиатора под рукоятью торчащего у него в груди ножа. Затем выдернул нож и вложил его в бессильные ладони.

Это заняло всего несколько секунд. Затем Фейд-Раута выпрямился и подозвал помощников.

— Похороните этого раба, как он есть, с ножом в руках, — велел он. — Он заслужил это.

В золоченой ложе граф наклонился к уху барона.

— Великолепный жест, — сказал он. — Подлинное рыцарство. У вашего племянника есть не только храбрость, но и умение держать себя.

— Но он оскорбляет публику, отказываясь от головы, — проворчал барон.

— Вовсе нет, — возразила графиня Фенринг, поднимаясь и оглядывая галереи.

Барон залюбовался линией шеи. Как великолепно лежат на ней мышцы! Совсем как у мальчика.

— Им понравился поступок вашего племянника, — улыбнулась леди Фенринг.

Наконец и в самых верхних рядах поняли, что сделал Фейд-Раута, увидели, что слуги уносят тело невредимым.

Барон следил за зрителями. Да, она сказала верно. Люди, словно обезумев, восторженно кричали, топали и хлопали друг друга по спине, по плечам.

Барон устало произнес:

— Я должен объявить большой праздник. Нельзя отпускать их вот так — возбужденных, с нерастраченной энергией. Они должны видеть, что я разделяю их восторг...

Он махнул страже, и слуга над ложей приспустил и вновь поднял оранжевый харконненский вымпел. Раз, и другой, и третий. Сигнал к празднику.

Фейд-Раута пересек арену, вернул кинжалы в ножны и, опустив руки, встал перед золотой ложей. Перекрывая неутихающий рев толпы, он крикнул:

— Празднуем, дядя?

Шум начал понемногу стихать: зрители увидели, что правитель говорит с племянником-победителем.

— Да, Фейд! Праздник в твою честь! — крикнул в ответ барон. И в подтверждение велел повторить сигнал.

Напротив ложи были отключены барьеры предусмотрительности. Какие-то молодые люди спрыгивали на арену и бежали к Фейд-Рауте.

— Вы распорядились снять пред-барьеры, барон? — спросил граф.

— Ничего, никто не причинит парню вреда, — отмахнулся барон. — Он сегодня герой!

Первый из бегущих достиг Фейд-Рауты, поднял его на плечи и понес вокруг арены.

— Нынче ночью он мог бы бродить по самым бедным трущобам Харко без оружия и без щита, — сказал барон. — Они разделят с ним последний кусок и последний глоток, лишь бы оказаться рядом с благородным победителем.

Барон с усилием поднял себя из кресла, перенес вес на силовую подвеску.

— Прошу простить меня. Совершенно безотлагательные дела требуют моего присутствия. Стража проводит вас во дворец.

Граф тоже поднялся, поклонился:

— Разумеется, барон. Мы с нетерпением предвкушаем праздник. Я, ах-х-х-мм-м-м, никогда еще не видел праздника у Харконненов.

— Да, — сказал барон, — праздник... — Он повернулся. Стража окружила его плотным кольцом, и он вышел из ложи через свой личный выход.

Капитан стражи поклонился графу:

— Какие будут приказания, милорд?

— Мы, пожалуй, ах-х, подождем, пока разойдется, мм-м-м, толпа.

— Слушаю, милорд. — Прежде чем повернуться, охранник отступил в поклоне на три шага.

Граф Фенринг склонился к своей леди и на их тайном мычащем языке спросил:

— Ты видела, разумеется?

Она ответила, пользуясь тем же кодом:

— Мальчишка знал, что гладиатор будет одурманен. В какой-то момент он действительно испугался. Но не удивился.

— Все было подстроено, — сказал он. — Весь этот спектакль.

— Несомненно.

— И тут пахнет Хаватом.

— И еще как.

— Сегодня я требовал, чтобы барон уничтожил Хавата...

— Это была твоя ошибка, дорогой.

— Теперь я и сам это вижу.

— Похоже, довольно скоро у Харконненов может оказаться новый барон.

— Если Хават задумал именно это...

— Да, это стоит проверить, — кивнула леди Фенринг.

— Молодым легче будет управлять.

— Нам — да... после сегодняшней ночи.

— Думаю, ты не ожидаешь особых проблем и соблазнишь его без труда... моя маленькая племенная кобылка?

— Конечно, любимый. Ты же видел, какими глазами он смотрел на меня.

— Да. И теперь я понимаю, почему нам надо сохранить его гены.

— Разумеется. И нам придется установить над ним контроль. Я заложу на глубинных уровнях его подсознания необходимые кодовые фразы, с помощью которых мы сможем в нужный момент согнуть его, воздействуя на его прана и бинду-систему.

— И мы покинем планету как можно скорее. Как только ты будешь уверена в успехе.

Ее передернуло.

— Ни минуты лишней! Я никак не хотела бы вынашивать ребенка в этом ужасном месте.

— Чего только не приходится делать во имя человечества, — вздохнул граф.

— Тебе легко говорить...

— Тем не менее и мне пришлось перебороть кое-какие старые предрассудки, — заметил граф. — Даже не старые — вечные.

— Бедненький. — Она потрепала его по щеке. — Но ты же знаешь, это — единственный надежный способ сохранить генетическую линию.

— Я прекрасно понимаю, что мы делаем и для чего, — сухо ответил он.

— Не думаю, что мы потерпим неудачу, — сказала она.

— «Вина начинается с ощущения неудачи», — напомнил граф.

— При чем здесь вина? — возразила она. — Гипнолигация* психики Фейд-Рауты, его ребенок в моем чреве — и домой.

— Этот его дядя, — пробормотал граф. — Тебе приходилось когда-либо видеть настолько искаженную душу?

— Свиреп, свиреп, — ответила она. — Но племянничек вполне может перещеголять дядюшку.

— Спасибо за это все тому же дядюшке. Подумать только, кем мог бы стать этот парнишка при другом воспитании — например, если бы его воспитывали в духе Кодекса Атрейдесов...

— Да, грустно, — согласилась она.

— Если бы можно было сохранить и юного Атрейдеса, и этого парня! Судя по всему, что я слышал о Пауле Атрейдесе, — чудесный был парнишка, великолепный результат хорошей наследственности и правильного воспитания. — Он покачал головой. — Впрочем, не стоит тратить скорбь на неудачников. Как говорится, пусть неудачник плачет.

---

* От «*ligare*» — «связывать» (*лат.*).

— У Бене Гессерит есть поговорка... — начала леди Фенринг.

— У вас по любому поводу есть поговорка! — отмахнулся граф.

— Но эта тебе понравится, — пообещала она. — Вот послушай: «Не записывай человека в покойники, пока сам не увидел труп. И помни, что даже тогда можно ошибиться».

Во «Времени размышлений» Муад'Диб говорит нам, что по-настоящему образование его началось лишь тогда, когда он впервые столкнулся с тяготами арракийской жизни. Он учился шестовáть песок, читая по шестам надвигающиеся изменения погоды, он учился понимать колючий язык ветра, иглами впивающегося в кожу; узнавал, как зудит нос от песчаной чесотки и как собирать и сохранять бесценную влагу, которую теряет тело. Когда же глаза его вобрали в себя синеву ибада, он познал суть чакобсы.

(Предисловие Стилгара к книге принцессы Ирулан «Муад'Диб, Человек»)

Отряд Стилгара, возвращавшийся в сиетч с двумя подобранными в пустыне беглецами, поднялся из котловины под ущербным светом Первой луны. Развевались полы бурнусов — фримены почуяли запах дома и заторопились. Серая предрассветная полоска была ярче всего над теми зубцами изломанного горизонта, которые во фрименском «календаре горизонтов» отмечали середину осени, капрок — месяц Козерога.

Подножие скального барьера было усеяно сухими листьями, принесенными ветром (тут их и собирали дети сиетча), но шаги фрименов Стилгара были неотличимы от естественных звуков ночной пустыни. Разве только изредка оступавшиеся Пауль и Джессика выдавали себя.

Пауль стер со лба запекшуюся с потом пыль. В этот миг кто-то подергал его за рукав, и он услышал шепот Чани:

— Ты что, забыл, что я тебе говорила? Капюшон надо натянуть на лоб до самых глаз! Ты теряешь влагу!

Кто-то позади шепотом призвал к молчанию:

— Пустыня слышит вас!

Где-то высоко над ними в скалах чирикнула птица.

Отряд остановился, и Пауль почувствовал повисшее в воздухе напряжение. Через камень передалось тихое постукивание — не громче, чем могли бы прозвучать прыжки мыши. И снова — короткий, тихий птичий крик.

По отряду прошло движение. Снова протопала по песку мышь, и снова чирикнула птица.

Отряд продолжал подниматься по скальной расщелине, но теперь фримены шли затаив дыхание. Это насторожило Пауля. Кроме того, он заметил, что фримены как-то странно посматривают на Чани, а та словно ушла в себя.

Теперь они ступали по скале. Шелестели полы одежд. Фримены, казалось, позволили себе слегка расслабиться, но между ними и Чани по-прежнему лежала какая-то дистанция.

Пауль шагал за казавшейся тенью фигурой, стараясь не отставать, — вверх по ступенькам, поворот, опять ступеньки, в открывшийся перед ними туннель, мимо двух дверей с влагоизоляцией и, наконец, по узкому, высеченному в желтом камне коридору, освещенному шарами плавающих ламп.

Фримены вокруг откидывали капюшоны, вынимали носовые фильтры и глубоко, облегченно дышали. Кто-то даже вздохнул. Пауль поискал взглядом Чани, но та куда-то исчезла. Со всех сторон его плотно окружала толпа закутанных в бурнусы людей, кто-то толкнул его и сказал:

— Извини, Усул. Ну, толпа! Вот так всегда.

С левой стороны к Паулю повернулось узкое бородатое лицо — Фарок, вспомнил Пауль. Темные круги вокруг глубоко посаженных темно-синих глаз и сами глаза казались в желтом свете еще темнее.

— Сбрось капюшон, Усул, — сказал Фарок. — Ты дома.

Он помог Паулю расстегнуть застежки капюшона, освободил вокруг него немного места, работая локтями.

Пауль выдернул из носа фильтры, откинул маску со рта. На него обрушился царивший здесь тяжелый запах немытых тел, побочных продуктов переработки отходов, кислая вонь затхлого жилья, а надо всем этим царил крепкий аромат Пряности.

— Чего мы ждем, Фарок? — спросил Пауль.

— Я думаю, мы ждем Преподобную Мать. Ты же слышал сообщение. Бедная Чани...

«Бедная Чани», — повторил про себя Пауль. Он опять огляделся, пытаясь найти ее, а заодно и мать, которая тоже запропастилась куда-то в этой толчее.

Фарок глубоко вдохнул воздух сиетча.

— Запахи дома... — проговорил он.

Пауль видел, что Фарок и в самом деле наслаждается этой кошмарной вонью. Фримен говорил о «запахах дома» без малейшей иронии. Где-то неподалеку кашлянула мать.

— Да, богат запах твоего сиетча, Стилгар. Судя по нему, вы много работаете с Пряностью... делаете бумагу... пластик... и, кажется, химическую взрывчатку, верно?

— И ты узнала все это только по запаху? — изумился кто-то.

А Пауль понял, что мать говорит это специально для него — чтобы он скорее смирился с ударом по его обонянию.

Где-то впереди поднялось движение, по отряду прокатился глубокий вздох — люди втягивали воздух и задерживали дыхание. Приглушенные голоса повторяли: «Так это правда — Лиет мертв!..»

Лиет, подумал Пауль и вспомнил: Чани — дочь Лиета. Детали мозаики складывались в картину. Лиетом фримены звали планетолога.

Пауль взглянул на Фарока:

— Это тот самый Лиет, которого звали еще Кинес?

— Лиет один! — сухо ответил Фарок.

Пауль повернулся, невидяще посмотрел в чью-то спину под бурнусом. *Итак, Лиет-Кинес мертв...*

— Очередная харконненская подлость, — с ненавистью прошептал кто-то. — Они представили это несчастным случаем... якобы после аварии топтера он сгинул в Пустыне...

Пауля жег гнев. Человек, который стал им другом, который спас их от харконненских убийц, который разослал своих фременов искать в Пустыне двоих беглецов... этот человек стал еще одной жертвой Харконненов!..

— Усул жаждет мести? — спросил Фарок.

Но раньше чем Пауль успел ответить ему, кто-то негромко позвал, и отряд, унося его с собой, двинулся

вперед, в более просторный зал. Пауль оказался лицом к лицу со Стилгаром и незнакомой женщиной, одетой в свободное ниспадающее одеяние — ярко-оранжевое с зеленым. Руки женщины до плеч были открыты — дистикомба на ней не было, а кожа была светло-оливковая. Черные волосы над высоким лбом, зачесанные назад, подчеркивали острые скулы, орлиный нос и глубину темно-синих глаз. Женщина повернулась к нему, и Пауль увидел в ее ушах золотые кольца, на которых были нанизаны «водяные мерки».

— Что, и вот *этот* одолел моего Джамиса? — яростно спросила она.

— Тихо, Хара, — одернул ее Стилгар. — Джамис виноват сам — это он объявил тахадди-аль-бурхан.

— Да он же мальчишка! — возмущенно сказала она и, звеня кольцами, резко потрясла головой. — Подумать только — моих детей сделал сиротами другой ребенок! Нет, это была случайность!

— Усул, сколько тебе лет? — спросил Стилгар.

— Пятнадцать стандартных, — ответил Пауль.

Стилгар обвел глазами своих людей:

— Кто-нибудь из вас рискнет бросить мне вызов?

Никто не ответил. Тогда Стилгар снова посмотрел на женщину:

— А я сам не вызвал бы его, по крайней мере пока не овладею его искусством боя.

Она тоже посмотрела вождю в глаза:

— Но...

— Ты видала новую женщину, которую Чани повела к Преподобной Матери? — медленно сказал Стилгар. — Так вот, она — сайядина-нисвой и мать этого парня. И мать, и сын в совершенстве владеют искусством колдовского боя.

— Лисан аль-Гаиб! — прошептала потрясенная женщина и с благоговением посмотрела на Пауля.

Опять эта легенда, подумал тот.

— Возможно, — сдержанно сказал Стилгар. — Впрочем, это пока не проверено... — Он обратился к юноше: — Усул, по нашим законам теперь ты в ответе за женщину Джамиса — вот за нее — и за двоих ее сыновей. Его йали... то есть его жилище, — теперь твое. К тебе переходит его кофейный прибор... и вот она. Его женщина.

Пауль разглядывал женщину. «Почему она не горюет о муже? — думал он. — Почему в ней нет ненависти ко мне?» Тут он увидел вдруг, что все фримены внимательно на него смотрят, ожидая чего-то.

Кто-то прошептал:

— У нас есть еще дела. Скажи скорее, как ты принимаешь ее!

Стилгар пояснил:

— Как ты возьмешь ее — как женщину или как служанку?

Хара подняла руки, повернулась вокруг себя:

— Я еще молода, Усул. Говорят, что я выгляжу не старше, чем когда я жила с Джоффом... Это до того, как Джамис его убил.

Джамис убил соперника, чтобы получить ее, решил Пауль. А вслух спросил:

— Если я возьму ее как служанку — могу я потом, когда-нибудь, изменить это решение?

— У тебя на это есть год, — ответил Стилгар. — А после того она свободна и вольна сама решать для себя... впрочем, и ты можешь освободить ее, когда пожелаешь. Но как бы то ни было, весь этот год ты отвечаешь за нее... и всегда на тебе останется также и часть ответственности за ее сыновей.

— Принимаю ее как служанку, — объявил Пауль.

Хара топнула ногой, возмущенно передернула плечами:

— Но я же молода!

А Стилгар, одобрительно посмотрев на Пауля, сказал:

— Осмотрительность — большое достоинство для того, кому суждено быть вождем.

— Но я же молода! — повторила возмущенная Хара.

— Замолчи, женщина, — оборвал ее Стилгар. — Что должно быть, то будет. Проводи Усула в его жилище и следи, чтобы у него всегда была смена свежей одежды и место отдыха.

— О-о-охх, — только и ответила Хара.

Пауль уже достаточно изучил ее, пользуясь приемами Бене Гессерит, чтобы составить о ней кое-какое представление. Он также чувствовал нетерпение фременов, понимал, что они с Харой всех задерживают. Он не знал, можно ли спросить, где сейчас мать и Чани; впрочем,

Стилгар явно нервничал, и Пауль решил, что такой вопрос был бы ошибкой.

Поэтому он просто повернулся к Харе и, тоном и вибрациями в голосе усиливая ее страх и почтительное волнение, приказал:

— Веди меня в жилище, Хара! А о твоей молодости поговорим в другой раз.

Она отступила на два шага, бросив на Стилгара испуганный взгляд.

— У него колдовской голос, — сипло пробормотала она.

— Стилгар, — сказал Пауль, — я в неоплатном долгу перед отцом Чани. Если я могу что-то...

— Это решит Совет, — ответил Стилгар. — Ты сможешь сказать ему об этом. — Он кивнул, давая понять, что все свободны, и вышел сам. За ним последовали остальные.

Пауль взял Хару за руку — рука у нее была холодная и дрожала.

— Я не обижу тебя, Хара, — мягко сказал он. — Ну, покажи мне свой дом. — Он говорил теперь с успокаивающими нотками в голосе.

— Ты ведь не выгонишь меня через год? — спросила она. — Я ведь и сама знаю, что уже не так молода, как когда-то...

— Пока я жив, у тебя всегда будет место рядом со мной, — ответил он, выпуская ее руку. — Так где наше жилище?

Она повернулась и повела его по коридору. Дойдя до перекрестка с широким, освещенным подвешенными через равные промежутки желтыми шарами ламп, они свернули направо. Пол был гладким, чисто выметенным.

Пауль поравнялся с ней, взглянул на орлиный профиль.

— Так ты не испытываешь ко мне ненависти, Хара? — спросил он.

— Почему я должна ненавидеть тебя?

Она кивнула каким-то детям, глазевшим на них из бокового прохода (пол там был выше, чем в том коридоре, по которому шли они с Харой). За спинами детей маячили сквозь полупрозрачные занавески фигуры взрослых.

— Но я... победил Джамиса.

— Стилгар сказал, что обряд соблюден и ты — друг Джамиса. — Она искоса посмотрела на Пауля. — Стилгар сказал еще, что ты отдал влагу мертвому. Это правда?

— Да.

— Это больше, чем сделаю... чем могу сделать я.

— Разве ты не оплачешь его?

— Оплачу, когда придет время плача.

Они миновали арку. За ней Пауль увидел ярко освещенное помещение, мужчин и женщин, работающих у каких-то машин, установленных на станинах-амортизаторах. Казалось, они очень торопятся.

— Что они делают? — спросил Пауль.

Она глянула через плечо на арку.

— Это пластиковое производство. Они спешат закончить норму перед тем, как мы уйдем. Для посадок нам нужно много влагосборников...

— Уйдем?..

— Ну да. Пока эти убийцы не перестанут преследовать нас или пока наша земля не будет очищена от них.

Пауль споткнулся: этот миг... он вспомнил вдруг какой-то фрагмент... картинка из его пророческих видений... но она была какой-то не такой, смещенной, как предмонтажная склейка фильма. Кусочки «пророческой памяти» не вполне совпадали с реальностью.

— Сардаукары охотятся за нами, — сказал он.

— Они немногое найдут, разве что один-два покинутых сиетча, — ответила она. — И еще — еще они найдут в песках свою смерть. Многие из них.

— А это место они найдут?

— Найдут, наверно.

— И мы тратим время на... — он мотнул головой в сторону оставшегося уже далеко позади цеха, — на производство... влагосборников?

— Посадки ведь не прекращаются.

— Кстати, что такое влагосборники?

Она потрясенно посмотрела на него:

— Вас что, ничему не учат... там, откуда ты пришел?

— О влагосборниках, во всяком случае, — не учат.

— Хай! — изумленно воскликнула она, сумев вложить в короткое междометие целую фразу.

— Ладно, все-таки что это такое?

— А как, по-твоему, могут существовать все кусты и травы в этом эрге, когда мы уходим отсюда? Каждое растение с особым бережением высажено в лунку, заполненную гладкими кусочками хромопласта яйцевидной формы. На свету они белеют. Если взглянуть с высоты, можно увидеть, как они блестят. Белый цвет отражает. Но когда Праотец-Солнце покидает небосклон, влагосборники в темноте вновь становятся прозрачными. И очень быстро остывают. Тогда на поверхности конденсируется влага из воздуха. Эта влага стекает на дно лунки, поддерживая жизнь растения.

— Влагосборники... — пробормотал он, пораженный красивой простотой решения.

— В подобающее время я оплáчу Джамиса, — сказала она, как будто этот вопрос не давал ей покоя. — Он был хорошим человеком, хоть и скорым на гнев. Хорошим добытчиком. А с детьми — просто чудо! И не делал различия между сыном Джоффа, моим первенцем, и своим собственным. Они для него были равны. — Она искательно посмотрела на Пауля. — А ты... а для тебя, Усул?

— Перед нами такая проблема не стоит.

— Но если...

— Хара!

Он сказал это так резко, что она отпрянула.

Они миновали еще один ярко освещенный зал.

— А тут что делают?

— Чинят ткацкое оборудование. Но сегодня ночью оно должно быть уже демонтировано. — Хара махнула рукой на уходящий влево тоннель. — А там, подальше, — производство пищи и ремонт дистикомбов. — Взглянув на Пауля, она добавила: — Твой-то комб на вид еще новый. Но если надо что-то починить, так я сумею неплохо справиться. Я время от времени работаю в цеху...

Теперь навстречу им попадались люди, а дверные проемы слева и справа встречались все чаще. Прошла целая вереница мужчин и женщин, нагруженных тяжело булькающими тюками, от которых исходил сильный запах Пряности.

— Нашей воды они не получат, — сказала Хара. — И Пряность им не достанется, уж будь уверен!

Пауль смотрел на проемы в стенах тоннеля, замечая ковры на высоких порогах, комнаты, драпированные яркими тканями, горы подушек на полу. При их приближении сидевшие там замолкали и провожали их откровенно любопытными взглядами.

— Все удивляются, как ты победил Джамиса, — пояснила Хара. — Думаю, когда мы переселимся в новый сиетч, тебе придется еще доказывать свою силу.

— Я не люблю убивать, — ответил он.

— Стилгар так и сказал, — пробормотала она, однако в ее голосе звучало недоверие.

Впереди послышался новый звук: хор пронзительных тонких голосов нараспев повторял что-то. Они подошли к новому проходу, гораздо более широкому, чем все предыдущие. Пауль замедлил шаг, заглянул внутрь. Там на устилавших пол бордовых коврах сидели, скрестив ноги, дети — комната была полна ими.

У доски, висевшей на дальней стене, стояла женщина, закутанная в желтую тогу, с указкой-проектором в руке. Доска была испещрена рисунками — кругами, углами, треугольниками и кривыми, волнистыми линиями и квадратами, дугами, рассеченными параллельными линиями. Женщина указывала то на один, то на другой рисунок — так быстро, как только могла переводить луч указки, — а дети хором называли условные знаки, стараясь поспеть за движением руки.

Пауль прислушивался на ходу.

— Дерево, — звучали детские голоса, — дерево, трава, дюна, ветер, гора, холм, огонь, молния, скала, скалы, пыль, песок, жара, укрытие, жара, полный, зима, холод, пустой, эрозия, лето, пещера, день, напряжения, луна, ночь, капрок, песчаный прилив, склон, посадки, связующее вещество!..

— И в такое время у вас учатся? — удивился Пауль.

Лицо ее омрачилось, в голосе послышалась горечь:

— Лиет говорил, что в обучении нельзя терять ни минуты. Лиет умер, но мы не можем забывать его и его наставлений; ибо таков путь чакобсы...

Она подошла к проему в левой стене коридора, раздвинула полупрозрачные оранжевые шторы и отошла в сторону, пропуская Пауля.

— Твой йали ждет тебя, Усул.

Пауль стоял, не решаясь переступить порог. Он вдруг ощутил, что не хочет оставаться один на один с этой женщиной. Он чувствовал, что теперь его окружает чужая жизнь и войти в нее можно, лишь приняв ее идеи и ценности как данность. Это фрименский мир хотел поймать его, уловить в сети своих путей. И в этих сетях, на этих путях, его ждал, он знал это, безумный джихад, война за веру. Война, которой надо было избежать любой ценой.

— Это твой йали, — повторила Хара. — Чего же ты ждешь?

Пауль кивнул и шагнул вперед. Отвел в сторону (с противоположного от Хары края) штору, почувствовав, что в ткань вплетены металлические волокна. Они вошли в короткий коридор, а затем оказались в большой, метров шесть на шесть, квадратной комнате. Полы устелены толстыми синими коврами, синие с зеленым драпировки закрывают камень стен, а под затянутым желтой тканью потолком покачиваются отрегулированные на мягкий желтый свет плавающие лампы.

Все вместе создавало подобие древнего шатра.

Хара встала перед ним, подбоченясь левой рукой, и изучала его лицо.

— Дети сейчас у подруги, — сказала она. — Они придут позже.

Пауль чувствовал себя неловко и, чтобы скрыть смущение, огляделся вокруг. Тонкие занавеси справа прикрывали вход в другую комнату, побольше, со сложенными вдоль стен горами подушек. Из воздуховода тянуло легким ветерком — сама вентиляционная решетка была хитроумно замаскирована узором драпировок.

— Хочешь, чтобы я помогла тебе снять дистикомб? — спросила Хара.

— Нет... спасибо.

— Может, принести поесть?

— Да.

— В соседней комнате — дверь в туалет-регенератор, — показала она. — Удобно пользоваться им, когда не носишь дистикомб.

— Ты говорила, что мы должны будем покинуть сиетч, — вспомнил Пауль. — Разве не надо собирать вещи и всякое такое?

— Успеем, когда придет время, — спокойно ответила она. — Пока что эти мясники еще не добрались до нашей зоны...

Она опять нерешительно посмотрела ему в лицо.

— В чем дело? — строго спросил он.

— Твои глаза — не глаза ибада, — проговорила Хара. — Это так странно и необычно... и притом их и непривлекательными не назовешь.

— Принеси поесть, — буркнул он. — Я проголодался.

Она улыбнулась ему понимающей женской улыбкой, от которой Паулю стало немного не по себе.

— Я — твоя служанка, — сказала она, грациозно повернулась и поднырнула под плотные занавеси, за которыми открылся на миг еще один узкий проход. Потом занавеси опять упали.

Пауль, сердясь на себя, откинул тонкую занавеску и прошел направо, в большую комнату. Мгновение он стоял в нерешительности. Он думал, где Чани... Чани, потерявшая отца.

«Это у нас общее», — подумал он.

Со стороны «улицы» — внешнего коридора — раздался протяжный крик, приглушенный занавесями. Потом крик повторился — теперь кричавший отошел дальше. И опять... Наконец, Пауль понял, что это просто выкликают время. Действительно, он же не видал здесь часов....

Тут он почувствовал слабый запах горящих веток креозотового кустарника, пробивавшийся сквозь вездесущую вонь сиетча. Пауль осознал, что уже немного привык к этому насилию над своим обонянием.

Он вновь подумал о матери. О том, как войдет она в изменяющуюся, путающуюся картину будущего... и какое место отведено там для его не рожденной еще сестры. Изменчивые струи времени плясали вокруг. Пауль резко потряс головой и постарался сосредоточиться на признаках, говоривших о глубине и силе принимающей его фрименской культуры.

Культуры, не лишенной некоторых... странностей.

Но в пещерах, в этой комнате... было нечто, расходившееся с его пророческими видениями куда сильнее, чем все, с чем он сталкивался уже на этой планете.

Здесь, например, не было ядоискателя. И в пещерном укрытии он тоже не заметил никаких признаков его применения. И тем не менее он чуял запахи ядов в сложном коктейле здешней вони. Сильных ядов и широко распространенных.

Прошуршали занавеси. Пауль подумал, что это вернулась с едой Хара, и обернулся. Но в дверном проеме с откинутой драпировкой стояла не Хара, а двое мальчишек, наверное, девяти и десяти лет, жадно разглядывавшие его. У каждого висел на поясе маленький крис в форме кинжала — мальчики держали руки на рукоятях своих ножей.

И Пауль вспомнил, что о фрименах рассказывают, что их дети сражаются так же яростно, как и взрослые.

Руки машут, торопятся губы —
Мысли кипят в потоке слов,
А глаза пожирают, жадностью пышут;
Вот оно — «я» воплощенное,
Остров самовлюбленности.
(Описание из учебника принцессы Ирулан «Муад'Диб»)

Фосфоресцентные трубки под сводами бросали тусклый свет на толпу, собравшуюся в пещере, позволяя оценить истинные ее размеры... да, она была больше Залы собраний в школе Бене Гессерит, прикинула Джессика. Здесь собралось не меньше пяти тысяч человек; Джессика и Стилгар стояли над всеми — на каменном уступе.

Подходили все новые и новые люди. В воздухе стоял гул множества голосов.

— Пришлось оторвать твоего сына от отдыха, сайядина, — сказал Стилгар. — Хочешь ли ты, чтобы он разделил с тобой решение?

— Может ли он изменить его?

— Конечно, воздух, рождающий твои слова, исходит из твоих легких, но...

— Я уже решила.

Но на самом деле она все еще сомневалась. Не лучше ли все-таки воспользоваться случаем и, прикрывшись Паулем, выйти из опасной игры? К тому же нельзя забывать и о нерожденной дочери. Как известно, что опасно матери, угрожает и дочери...

Вышли, покряхтывая и сгибаясь под тяжестью скатанных ковров, несколько мужчин. Сбросили свою ношу на каменный пол уступа, подняв клубы пыли.

Стилгар взял ее за руку и провел в акустическую раковину, замыкавшую сзади их каменный балкончик. Он показал Джессике на каменную скамью в фокусе каменной воронки.

— Здесь сядет Преподобная Мать, но пока ее нет, ты можешь присесть и отдохнуть.

— Я лучше постою, — ответила Джессика.

Наблюдая, как фримены раскатывают ковры, застилая балкон, она время от времени бросала взгляды на толпу внизу. Теперь там было не меньше десяти тысяч человек.

И люди все подходили и подходили!

Она знала, что пустыня наверху уже залита красным закатным светом, но тут, в огромном пещерном зале, царил вечный полумрак. Это подземное пространство было переполнено людьми, пришедшими посмотреть, как она будет рисковать своей жизнью.

Справа от нее толпа расступилась, пропуская Пауля; по обе стороны от него шли два мальчика — у обоих был невероятно важный вид. Они держали руки на рукоятях своих ножей и грозно хмурили брови, бросая внимательные взгляды на людей, стеной стоявших по сторонам прохода.

— Сыновья Джамиса. Они стали теперь сыновьями Усула, — объявил Стилгар. — Мальчики весьма серьезно отнеслись к роли телохранителей... — Он улыбнулся Джессике. Она поняла, что вождь фременов пытается ободрить ее, и почувствовала благодарность к нему. Но не думать о предстоящем ей — не могла.

«У меня нет выбора — я должна сделать это. Если мы хотим завоевать себе место среди фременов, мы должны сделать это не откладывая...»

Пауль поднялся к ней на уступ, дети остались внизу. Остановившись перед Джессикой и Стилгаром, он взглянул сперва на вождя, потом на мать.

— Что здесь происходит? Я думал, меня позвали на Совет!

Стилгар поднял руку, призывая к молчанию. Указал налево — там толпа тоже расступилась, освобождая проход. По нему к возвышению шла Чани. На маленьком лице застыла скорбь. Вместо дистикомба она надела оставлявший открытыми руки синий хитон, который был ей очень к лицу, под левым локтем был повязан зеленый платок.

Зеленый — цвет траура, вспомнил Пауль. Он понял это, когда сыновья Джамиса сказали ему, что не носят зеленого, поскольку признали его, Пауля, как отца-опекуна.

— Ты правда Лисан аль-Гаиб? — спросили они его напрямик. И Пауль, услышав за их вопросом далекий рев воинов джихада, не ответил, задав вместо этого встречный вопрос и выяснив, что старшего зовут Калеф и ему десять лет; он — сын Джоффа. А младшего зовут Орлоп, ему восемь, и он — сын Джамиса.

Странный был день... Он попросил мальчиков охранять его — отгонять любопытствующих. Ему нужно было время — подумать, вспомнить свои пророческие видения и попытаться измыслить путь избежать джихада...

Сейчас, стоя подле матери, он вглядывался в толпу. Да может ли какой бы то ни было план предотвратить дикое буйство фанатичных легионов?..

За Чани следовали еще четыре женщины, которые несли на носилках какую-то старуху.

Джессика пристально разглядывала ее, не обращая внимания на Чани. Древняя, высохшая, морщинистая... На старухе было длинное черное одеяние; откинутый назад капюшон открывал тугой узел седых волос и тощую шею.

Носильщицы бережно подняли свою ношу на уступ. Чани помогла старухе встать.

«Вот, значит, их Преподобная Мать», — подумала Джессика.

Старуха подошла к ней, ковыляя и тяжело опираясь на плечо Чани. Казалось, под ее черным одеянием было не тело, а какие-то палки. Несколько долгих мгновений старуха смотрела на Джессику снизу вверх. Наконец она хрипло прошуршала:

— Значит, ты — действительно Она... — Старуха кивнула головой на тонкой шее; Джессике показалось, что

она вот-вот отвалится. — Шэдаут Мэйпс была права, когда жалела тебя...

— Мне ничья жалость не нужна, — быстро, даже резко ответила Джессика.

— Посмотрим, посмотрим, — прошелестела старуха. Она обернулась к толпе с удивившим Джессику проворством. — Ну, Стилгар, скажи им!

— Надо ли сейчас? — отозвался тот.

— Мы — люди Мисра, — проскрипела старуха. — С тех пор как предки наши бежали с аль-Урубы-на-Нилоте, мы познали и бегство, и смерть. И молодые идут вперед, чтобы народ наш не умер.

Стилгар глубоко вздохнул, сделал два шага вперед.

Джессика физически ощутила тишину, опустившуюся на толпу. Сейчас в пещере было уже тысяч двадцать человек — и все они стояли молча, почти не шевелясь. От этого она вдруг почувствовала себя маленькой... и это настораживало ее.

— Сегодня же ночью нам придется покинуть этот ситеч, так долго укрывавший нас, и уйти дальше, на юг Пустыни, — начал Стилгар, и его могучий голос разнесся над обращенными вверх лицами; акустическая раковина позади усилила его голос.

Но толпа молчала.

— Преподобная Мать сказала мне, что не переживет еще одного хаджра, — проговорил Стилгар. — Уже было время, когда мы жили без Преподобной Матери. Но негоже людям искать новый дом, когда нет с ними наставницы...

Теперь толпа зашевелилась. По ней прокатился шепот, волнение.

— И вот, дабы такого не случилось, — продолжал Стилгар, — наша новая сайядина, Джессика, владеющая колдовским искусством, согласилась сейчас пройти через обряд. Она попытается проникнуть в глубь себя, чтобы мы не остались без силы нашей ПреподобнойМатери.

«Джессика, Владеющая Колдовским Искусством», — повторила Джессика беззвучно. Она увидела, как широко раскрылись глаза Пауля, увидела, что вопросы переполняют его — но он сдержался и промолчал. Слишком уж странным, чужим было все вокруг.

«Если я умру в этом испытании — что будет с ним?» — спросила себя Джессика, чувствуя, как опасения вновь охватывают ее.

Чани подвела Преподобную Мать к каменной скамье в глубине акустической раковины и вернулась к Стилгару.

— А чтобы мы не потеряли все, если Джессику, Владеющую Колдовством, постигнет неудача, — объявил Стилгар, — Чани, дочь Лиета, будет теперь посвящена как сайядина! — Он отступил в сторону.

Из глубины акустической раковины, усиленный ею, послышался голос старухи — резкий, высокий шепот:

— Чани вернулась из своего хаджра — Чани видела во́ды!

— Она видела во́ды, — прошелестела в ответ толпа.

— И я посвящаю дочь Лиета и объявляю ее сайядиной! — все таким же хриплым и резким шепотом продолжила старуха.

— Мы принимаем ее, — отозвалась толпа.

Пауль почти не слышал ритуальных слов. Все его мысли были сосредоточены на словах Стилгара о его матери. Если ее постигнет неудача?..

Он обернулся, глядя на ту, которую называли тут Преподобной Матерью: высохшее морщинистое лицо, неподвижный взгляд бездонно-синих глаз. Казалось, любой, даже самый слабый ветерок может повалить или унести ее — но было в ней что-то такое, отчего верилось: даже если она встанет на пути кориолисовой бури, бешеный ветер не посмеет тронуть ее. Старуху окружала такая же аура власти, какую заметил он у Преподобной Матери Гайи-Елены Мохийям, подвергшей его мучительному испытанию гом джаббаром.

— Я, Преподобная Мать Рамалло, чьим голосом говорят многие, говорю вам, — провозгласила старуха. — Найдено, что Чани достойна стать сайядиной.

— Достойна, — подтвердил хор голосов.

Старуха кивнула:

— Даю ей серебряное небо, золотую Пустыню с ее сияющими скалами и зеленые поля, которые раскинутся здесь в будущем. Все это я даю сайядине Чани. А дабы помнила она, что отныне она — служанка всем нам, поручается ей прислуживать в Обряде Семени. Да свершится

все по воле Шаи-Хулуда... — Поднялась и упала худая рука, похожая на бурую палку.

Джессика ощутила, как затягивается вокруг нее петля обряда, как течение ритуала уносит ее туда, откуда назад повернуть невозможно. Она посмотрела на вопрошающее лицо Пауля — и приготовилась встретить испытание.

— Пусть выйдут вперед хранители воды, — сказала Чани, и лишь очень внимательные заметили бы в ее еще детском голосе нотку неуверенности.

В этот миг Джессика ощутила, что опасность уже пришла. Опасность чувствовалась в напряженном молчании толпы.

Среди людей внизу открылся новый проход — на этот раз извилистый. Группа фременов пошла по нему из глубины пещеры к возвышению. Они шли парами, и каждая пара несла небольшой кожаный бурдюк раза в два больше человеческой головы, колышущийся с тяжелым бульканьем.

Двое идущих впереди подняли свою ношу на покрытый коврами уступ, сложили у ног Чани и отступили назад.

Джессика посмотрела на бурдюк, потом на принесших его фременов. Их капюшоны, отброшенные на спину, открывали длинные волосы, скрученные в тугой валик под затылком. Черные провалы глаз смотрели прямо и бесстрастно.

От бурдюка исходил густой запах корицы, облаком окутывая Джессику. «Пряность?» — подумала Джессика.

— Принесли ли вы воду? — спросила Чани.

Ей ответил тот Хранитель воды, что стоял слева, — человек с багровым шрамом, пересекавшим переносицу. Он кивнул и произнес:

— Мы принесли воду, сайядина, но мы не можем пить ее.

— Есть ли в ней семя? — продолжала ритуал Чани.

— В ней есть семя, — отвечал фримен.

Чани встала на колени, склонилась над колышущимся бурдюком, сложила на нем руки.

— Благословенны вода и семя ее, — провозгласила она.

Обряд, оказывается, был знаком Джессике. Она бросила взгляд назад, на Преподобную Мать Рамалло. Глаза

старухи были закрыты, она сгорбилась на своей скамье, словно ее одолел сон.

— Сайядина Джессика, — позвала Чани.

Джессика обернулась к девушке.

— Вкушала ли ты ранее благословенную воду? — спросила Чани. И прежде чем Джессика успела что-либо сказать, сама же ответила: — Но нет, ты не могла вкушать от благословенной воды, ибо ты — иномирянка и как таковая была лишена этого блага.

По толпе пронесся вздох, зашелестели одежды. От этого звука, показалось Джессике, зашевелились волоски на ее шее.

— Сбор был велик, и Податель нашел свою гибель, — возгласила Чани, развязывая свитую улиткой трубку, прикрепленную к горловине колышущегося бурдюка.

Теперь опасность просто бурлила вокруг — Джессика кожей ощущала ее. Взглянув на Пауля, она увидела, что тот захвачен таинственным обрядом, но глаза его прикованы к Чани.

«Видел ли он этот миг в грядущем? — мелькнуло в голове Джессики. Она положила руку на живот, где жила сейчас нерожденная дочь. — Имею ли я право рисковать и ее жизнью?..»

Чани протянула трубку Джессике:

— Вот — Вода Жизни, та, что дороже обычной воды; вот — Кан, вода, освобождающая душу. И если ты способна быть Преподобной Матерью, то она откроет тебе всю Вселенную. Да свершится теперь воля Шаи-Хулуда!

Джессика разрывалась между обязанностями перед Паулем и перед нерожденной дочерью. Ради Пауля она, конечно, должна была принять трубку и выпить содержимое бурдюка — но когда она склонилась к предложенной ей трубке, чувства предупрсдили ее об опасности.

От бурдюка исходил горьковатый запах, схожий с запахом некоторых знакомых ей ядов. Не совсем такой, но похожий.

— Теперь ты должна испить отсюда, — сказала Чани.

Отступать уже нельзя, напомнила себе Джессика. Но ей не вспоминалось ничего из уроков Бене Гессерит, что могло бы помочь ей в эту минуту.

«Что же это? — недоумевала Джессика. — Спиртное? Наркотик?..»

Она приняла трубку, вдохнула коричный аромат, вспомнила опьянение Дункана Айдахо. *Это и есть пряный ликер*? — спросила она себя. Взяла в рот трубку и осторожно потянула, сделав совсем крохотный глоток. Горьковатый напиток отдавал Пряностью и слегка пощипывал язык.

Чани сжала бурдюк. Струя жидкости ударила в нёбо, и Джессика невольно проглотила ее. Она сдерживалась изо всех сил, пытаясь сохранить спокойствие и достоинство.

— Принять «малую смерть» тяжелее, чем самую смерть, — проговорила Чани, глядя на Джессику. Она, казалось, чего-то ждала.

Джессика также смотрела на Чани, не выпуская трубки изо рта. Вкус Пряности переполнял ее, окутывая ноздри, нёбо, щеки, даже глаза. Теперь он казался остро-сладким.

И прохладным...

Чани вновь влила в Джессику душистую жидкость.

Какой нежный вкус...

Джессика разглядывала личико Чани — в нем проступали черты Лиет-Кинеса; со временем они должны проявиться отчетливее.

«Они мне дают наркотик!» — подумала Джессика. Но наркотик, не похожий ни на один известный ей, — а ведь обучение Бене Гессерит включало умение распознавать наркотики по вкусу...

Черты лица Чани внезапно ярко высветились — так отчетливо увидела теперь ее Джессика.

Наркотик!

Молчание вихрилось вокруг Джессики. Каждой клеточкой тела она чувствовала, что с ней происходит нечто... огромное. Она ощутила себя наделенной сознанием крохотной пылинкой, меньше любой элементарной частицы, но частицы, наделенной способностью самостоятельно двигаться и воспринимать окружающее. В какой-то миг перед нею словно распахнулся занавес — она в неожиданном озарении осознала что-то вроде психокинетического продолжения самой себя. Она была пылинкой — и не только. Пещера по-прежнему оставалась тут, вокруг нее. Пещера — и люди. Она чувствовала их: Пауль, Чани, Стилгар, Преподобная Мать Рамалло.

Преподобная Мать!

Ведь еще в школе шептались, что не все переживают посвящение в Преподобные Матери... что наркотик убивает некоторых претенденток.

Джессика сконцентрировала внимание на Преподобной Матери Рамалло. Только теперь она осознала, что время словно остановилось, замерло вокруг нее.

«Почему застыло время?»— спросила она себя. Застыли вокруг напряженные лица, замерла повисшая неподвижно пылинка над головой Чани.

Ожидание...

И, как откровение, как взрыв, пришел ответ. Ее собственное время остановилось, чтобы спасти ее жизнь!

Сосредоточившись на психокинетическом продолжении своего «я», Джессика заглянула в себя — и сразу натолкнулась на загадочное ядро... на бездонный черный провал, от которого она инстинктивно отпрянула.

«Это и есть то место, куда мы не можем — не смеем! — заглянуть. То самое место, о котором с такой неохотой говорят Преподобные Матери. То самое место, куда может смотреть один лишь Квисатц Хадерах...»

Поняв это, Джессика почувствовала себя немного увереннее и вновь решилась сконцентрироваться на новом психокинетическом продолжении себя. Она стала крохотной пылинкой и принялась искать источник опасности, вторгшейся в нее.

И обнаружила его в проглоченном наркотике.

Молекулы наркотика вели в ее теле свой стремительный броуновский танец — такой быстрый, что даже «застывшее врёмя» не могло остановить его. Пляшущие частицы... Она начала распознавать знакомые структуры, атомарные связи: атом углерода, дрожащая спиральная структура... молекула глюкозы. Затем она натолкнулась на целую цепь молекул — и узнала белковую группу... да, метил-протеинового типа.

А-аах!

Она беззвучно вздохнула про себя, поняв природу яда.

Используя свои психокинетические силы, она вошла внутрь молекулы... подвинула атом кислорода и помогла присоединиться к цепочке еще одному углеродному атому; переместила одну кислородную связь... водородную...

Преобразование распространялось по молекулам яда: происходила каталитическая реакция с быстро расширяющейся реакционной поверхностью.

Застывшее время вновь начало приходить в движение. Джессика ощутила, что ее губ мягко коснулась трубка бурдюка, приняв каплю влаги.

Чани берет ее как катализатор, чтобы преобразовать яд в бурдюке, подумала Джессика. Зачем?..

Кто-то помог ей сесть. Она увидела, как к ней подвели Преподобную Мать Рамалло и бережно усадили на устланный коврами уступ рядом с Джессикой. Сухая ладонь опустилась на ее шею.

Вдруг еще одна психокинетическая точка вспыхнула в ее сознании. Джессика попыталась вытолкнуть ее, но та все приближалась... приближалась...

И они соприкоснулись!

Это было *полное* единство. Она была двумя людьми одновременно. Не телепатия — но единое сознание.

Общее со старой Преподобной!

Теперь, правда, Джессика видела, что Преподобная вовсе не считает себя старой. Общему внутреннему взору предстал образ: юная девушка, веселая и нежная.

Девушка внутри общего сознания улыбнулась:

«Да, я такова!»

Джессика могла только принять ее слова, но не ответить.

«Скоро и ты обретешь все это, Джессика», — сказал образ Рамалло-девушки внутри нее.

Это галлюцинация, подумала Джессика.

«Кто-кто, а ты должна понимать, что это не галлюцинация, — возразило видение. — Ну, все, не сопротивляйся мне — давай скорее! У нас не так много времени. Мы... — Долгая пауза, а затем: *— Отчего ты не сказала, что беременна?!»*

Джессике удалось найти тот голос, которым можно было говорить внутри сознания:

«Почему?»

«Да ведь ЭТО изменило вас обеих! Великая Мать, что мы наделали!»

Джессика ощутила, как ее внутренний взор заставили «повернуться» — и увидела еще одну точку, кого-то третье-

го. Эта точка металась, обезумев, вперед, назад... кружила... Она излучала чистый ужас.

«*Тебе придется быть сильной*, — проговорил в ее сознании голос Преподобной Матери. — *Благодари судьбу, что носишь дочь! Мужской зародыш погиб бы от этого. Ну... осторожно, мягко... коснись сознания своей дочери. Стань ею. Слейся с ее сознанием. Прими ее страх... утешь ее... используй свое мужество и свою силу... мягче... мягче...*»

Та, другая, мечущаяся и барахтающаяся точка была теперь совсем рядом. Джессика заставила себя прикоснуться к ней...

Излившийся оттуда ужас почти захлестнул ее.

Тогда она применила единственное известное ей средство: *Я не должна бояться, ибо страх — убийца разума...*

Литания принесла облегчение, почти покой. Вторая точка притихла, словно прижавшись к Джессике.

«Слова не помогают», — подумала Джессика и заставила себя ограничиться простыми эмоциями, сосредоточиться на них и излучать на точку любовь, покой, ощущение теплых, защищающих объятий.

Страх уменьшился.

Вновь возникло чувство присутствия Преподобной Матери Рамалло; теперь Джессика ощутила тройное общее сознание — два активных, третье — лишь впитывающее, лежащее неподвижно.

«*Время торопит*, — произнесла внутри общего сознания Преподобная. — *А мне надо многое передать тебе! И хотя я не знаю, сможет ли твоя дочь воспринять все это и не потерять разум, я должна это сделать, ибо нужды племени — превыше*».

«*Что...*»

«*Молчи и воспринимай!*»

Перед Джессикой стремительно стали разворачиваться воспоминания... Это напомнило ей работу сублиминального проектора, работающего на самом пороге восприятия, на лекциях в школе Бене Гессерит... только еще быстрее, с ослепляющей скоростью.

Но... все было необычайно отчетливым.

Она узнавала каждое воспоминание, приходящее к ней. Вот любовник — сильный, бородатый, с темными фри-

менскими глазами; и Джессика знала, как он силен и как ласков, и все это промелькнуло в мгновение ока, всплыв из памяти Преподобной Матери Рамалло.

Уже некогда было думать о том, что все это может сделать с ее нерожденной дочерью. Она успевала лишь воспринимать и запоминать. Воспоминания обрушились на Джессику — рождения, жизни, смерти, важные события и пустяки — время, охваченное одним взглядом.

«Почему запомнилось, как сыплется песок с обрыва?» — спросила она себя.

Слишком поздно поняла Джессика, что происходит, — старуха умирала и, умирая, переливала в нее свою память, как можно было бы перелить воду из одной чашки в другую. И, умирая, Преподобная оставила свою жизнь от мига своего зачатия в памяти Джессики и покинула ее сознание.

«*Я так долго ждала тебя*, — еле слышно прошептала умирающая, покидая сознание Джессики. — *Вот моя жизнь...*»

Да, вся ее жизнь была тут. Даже миг смерти...

«Теперь я — Преподобная Мать», — поняла Джессика.

И измененное сознание сказало ей, что она в самом деле стала тем, чем должна быть Преподобная Мать. Яд-наркотик изменил ее.

В Бене Гессерит, она знала, это происходит не совсем так. Правда, в таинства ее не посвящали, но она знала.

Впрочем, конечный результат был тот же.

Джессика почувствовала, что третья точка — ее дочь — все еще касается ее внутреннего сознания, потянулась к ней — но та не откликнулась.

Чувство страшного, чудовищного одиночества овладело Джессикой, когда он осознала, что с ней произошло. Она увидела свою жизнь замедленной, а все, что ее окружает, ускорилось, и стала видна подвижная игра связей вокруг...

Ощущение сознания, стянутого в подвижную точку, таяло, уходило по мере того, как тело освобождалось от угрозы яда. Но она все еще чувствовала ту, *другую* точку, касалась ее с чувством вины за то, что случилось по ее вине с дочерью.

Я, я сделала это — бедная моя, маленькая, даже не сформировавшаяся еще доченька! Это я толкнула тебя в этот мир, и без всякой защиты!..

И тогда от второй точки отражением ее собственных чувств, которыми она утешала дочь, к ней пришел тонкий ручеек любви и утешения.

Но прежде чем Джессика успела ответить, ее охватил áдаб — сильное воспоминание, требующее какого-то действия... да, надо что-то делать... Она попыталась понять — что именно, но измененный ею наркотик одурманивал ее, сковывая чувства.

«Я могла бы изменить и это, — подумала она, — могла бы убрать наркотическое воздействие и обезвредить это вещество...»

Но она поняла, что такой поступок был бы ошибкой. «Я прохожу обряд единения с ними».

И теперь она знала, что положено сделать.

— Вода получила благословение, — сказала Джессика. — Смешайте воды, и пусть все они пройдут превращение; да вкусит от них каждый и да воспримет это благословение!

Пусть катализатор делает свое дело, подумала она. Пусть люди пьют — и пусть их сознания станут ближе друг к другу на время. Теперь наркотик не опасен... теперь, когда Преподобная Мать преобразовала его.

Но адаб не отступал — продолжал требовать от нее чего-то. Да, ей надо было сделать еще что-то... Вот только из-за наркотика было очень трудно сосредоточиться.

А-аа... старая Преподобная Мать!..

— Я встретилась с Преподобной Матерью Рамалло, — произнесла Джессика. — Она ушла, но не оставила нас. И пусть память ее будет почтена обрядом.

«Интересно, откуда я знаю эти слова?» — спросила она себя. И поняла, что они пришли из иной памяти — той, которую дала ей Мать Рамалло и которая стала отныне частью самой Джессики. Правда, чего-то еще не хватало...

«*Пусть веселятся, пусть устроят свою оргию*, — сказал меж тем голос этой чужой памяти. — *Жизнь дает им так мало радостей... Да и к тому же нам с тобой нужно время для знакомства — прежде чем я опущусь в глубины твоей памяти и буду появляться уже в твоих воспоминаниях... Я*

уже чувствую, как меня тянет к ним. Аххх... да твоя собственная память просто полным-полна интереснейших вещей! Многого я и вообразить не могла...»

И эта вошедшая в нее память раскрылась, показывая Джессике колодец, который вел к новым Преподобным Матерям — и внутри каждой скрывалась ее предшественница! Казалось, им нет и не будет конца.

Джессика невольно отшатнулась, испугавшись, что она потеряется в этом океане единой памяти. Но колодец не закрылся; судя по нему, фрименская культура была куда старше, чем она могла предположить...

Перед ней предстали фримены с Поритрина — изнежившиеся, размякшие на этом мягком мире, ставшие легкой и желанной добычей для имперских набегов. Налетчики могли тут жать, не сея, хватать людей и затем основывать колонии на Бела Тейгейзе и Салусе Секундус...

О, как они кричали и стенали *тогда!..*

Где-то в глубине колодца раздался отчаянный призрачный вопль: *«Они запретили нам хадж!..»*

И Джессика увидела там, в глубине, тесные клетушки и бараки для рабов; и как отбирали рабов и разделяли их и разлучали и заселяли Россак и Хармонтеп. Лепестками чудовищного цветка раскрываются перед ней сцены жестокости и ярости.

И она увидела нить, тянущуюся из прошлого от сайядины к сайядине — сперва из уст в уста, вплетенная в распевы песен Пустыни; затем — после открытия на Россаке ядовитого зелья — пропущенная через сознание их собственных, фрименских Преподобных Матерей... и вот наконец обратившаяся в орудие утонченной силы здесь, на Арракисе, когда была открыта Вода Жизни.

А в глубине колодца кричал, задыхаясь, чей-то голос: *«Никогда не простим! Никогда не забудем!»*

Но внимание Джессики захватила Вода Жизни. Она увидела ее источник: то были жидкие выделения умирающего песчаного червя — Подателя. Увидела она в своей новой памяти и то, как его убивают... и едва не задохнулась от изумления.

Гигантскую тварь *утопили!..*

— Мама... с тобой все в порядке?

Голос Пауля пробился в ее сознание, и ей пришлось с трудом вырываться из своего внутреннего мира, чтобы посмотреть на сына. Она не забыла своего долга перед ним... но он так мешал ей сейчас!..

«Я похожа на человека, лишенного дара осязания, не чувствовавшего своих рук с рождения, — и вот осязание не просто дано, а навязано ему!»

Эта мысль зацепилась за ее сознание.

И вот я говорю: «Смотрите! У менять есть руки!» Но люди вокруг спрашивают только: «Что такое «руки» ?»

— С тобой все в порядке? — повторил Пауль.

— Да...

— Мне можно пить это? — Он показал на бурдюк в руках Чани. — Они хотят, чтобы я выпил.

Она поняла скрытый смысл его слов: он обнаружил яд в первоначальном содержимом бурдюка и боялся за нее. И Джессика вновь подумала о границах дара предвидения у ее сына. Его вопрос говорил о многом...

— Да, пей спокойно, — ответила она, — яд преобразован.

И она взглянула на Стилгара за спиной сына. Стилгар, склонившись, внимательно смотрел на нее.

— Теперь мы знаем, что ты — настоящая, — сказал Стилгар, не отводя от нее внимательных темных глаз.

Она уловила скрытое значение и здесь... но ее чувства были одурманены. Как тепло... как покойно... Какое благое дело сотворили фримены, опустив ее в это всеобъемлющее братство...

Пауль видел, как наркотик овладевает матерью.

Он мысленно оглядел свою память — неизменное уже прошлое, текучие линии вероятностей будущего. Он словно пробегал внутренним взором по застывшим мгновениям; но понять смысл мгновений, выхваченных из потока времени, было очень сложно.

Наркотик... он уже понял о нем кое-что и понимал, что тот делает с матерью. Но в этом знании не было естественного, ритмичного взаимного отражения.

Он вдруг понял, что одно дело — видеть прошлое в настоящем; но подлинное испытание провидца — умение распознать прошлое в грядущем.

Вещи изо всех сил старались быть не тем, чем они кажутся.

— Ну, выпей, — скомандовала Чани и помахала трубкой бурдюка перед его носом.

Пауль выпрямился, взглянул на Чани. В воздухе пахло карнавальным весельем. И он понимал, что случится, если он выпьет пряное зелье, ведь основой и квинтэссенцией его было то самое вещество, которое так изменило его. Он вновь увидит время — время, обратившееся в пространство; дар бросит его на головокружительную вершину — но не даст понимания...

Стилгар из-за спины Чани поторопил:

— Пей, парень. Ты задерживаешь обряд.

Пауль прислушался к голосам фрименов. Теперь раздавались дикие выкрики: «Лисан аль-Гаиб!», «Муад'Диб!» Он опустил взгляд на мать. Она, похоже, мирно спала сидя — ее дыхание было ровным и глубоким. Вдруг пришли слова — из будущего, которое было его одиноким прошлым: *«Она спит, покоясь в Водах Жизни»*.

Чани дернула его за рукав.

Пауль взял трубку в рот, услышал, как закричали вокруг люди. Жидкость хлынула в его горло — Чани сжала бурдюк. Крепкий аромат кружил голову.

Чани взяла у него трубку, передала бурдюк в руки, протянувшиеся снизу, из толпы. Пауль не мог оторвать глаз от ее руки — от зеленой траурной повязки...

Когда он выпрямился, Чани, проследив его взгляд, сказала:

— Я могу оплакивать его даже в радости Вод. И это — то, что принес нам он... — Она вложила свою руку в его, повела вдоль уступа. — У нас с тобой есть общее, Усул. Мы оба потеряли отцов — из-за Харконненов. Харконнены убили их...

Пауль послушно шел за ней. Ему казалось, что его голова отделилась от тела и затем встала на место... но как-то не так. Ноги сделались будто резиновыми и остались где-то далеко внизу.

Они вошли в узкий боковой проход, тускло освещенный настенными светильниками. Наркотик уже начал действовать, разворачивая время как раскрывающийся цветок.

Когда они повернули в следующий полутемный тоннель, ему пришлось схватиться за Чани, чтобы не упасть. Через ткань он ощутил ее тело, одновременно крепкое, упругое и мягкое, — и почувствовал, как вскипает его кровь. Это чувство, соединившись с действием наркотика, сливающего прошлое и будущее с настоящим, давало необычное ощущение тройного, тринокулярного зрения...

— Я... я знаю тебя, Чани, — прошептал он. — Мы сидели на обрыве над песками, ты плакала, и я тебя успокаивал. И мы обнимались в сумраке сиетча. И мы... — Он начал терять только что обретенный фокус своего зрения-во-времени, попытался потрясти головой, но споткнулся.

Чани помогла ему удержаться на ногах и, отведя тяжелые плотные занавеси, ввела Пауля в желтый, теплый уют семейного жилья. Низкие столики, подушки, мягкое ложе — расстеленные на полу одеяла, покрытые оранжевой тканью.

Пауль как-то осознал, что они наконец остановились, что Чани смотрит ему в лицо и глаза ее полны безмолвного страха.

— Ты должен объяснить мне... — прошептала она.

— Ты — Сихáйя, — сказал он. — Весна Пустыни...

— Когда племя разделяет Воду, приобщается к ней, — проговорила она, — мы вместе. Все мы. Мы... разделяем. Я чувствую... других внутри себя... но я боюсь разделять это с тобой.

— Почему?

Он попытался сконцентрировать внимание на ней, но прошлое и будущее врывались в настоящее и застили его взор. Он видел ее в бесчисленных окружениях, обличьях, во множестве мест...

— В тебе есть что-то пугающее... — проговорила она. — Когда я увела тебя оттуда... я сделала это потому, что поняла, что этого хотят все. Ты... подавляешь. Ты... заставляешь нас *видеть* разное... такое...

Он заставил себя говорить отчетливо:

— Что ты видишь?

Чани опустила взгляд на свои руки.

— Я вижу дитя... у себя на руках. Это наш ребенок... мой и твой. — Она прикрыла рукой рот. — Откуда, откуда я знаю каждую черточку твоего тела?

И у них есть толика твоего дара, сказало его сознание, *только они его подавляют, потому что он их страшит.*

В миг прояснения он увидел, как дрожит Чани.

— Что ты хочешь сказать? — спросил он.

— Усул... — прошептала она, вздрагивая.

— В будущее спрятаться нельзя, — мягко сказал он. Его охватила жалость. Он притянул ее к себе, погладил по голове. — Чани... Чани... не бойся...

— Усул, помоги мне! — не то вскрикнула, не то всхлипнула она.

И в миг он ощутил, как наркотик заканчивает в нем свою работу — срывает завесы, скрывающие далекое облачное кипение будущего.

— Ты так спокоен... — изумленно сказала Чани.

Он ощутил себя в центре своего восприятия; во все стороны расстелилась диковинная страна времени, уравновешенная — и кипящая, узкая — и раскинувшаяся необъятной сетью, охватившей бесчисленные миры и силы. Натянутый канат, по которому надо пройти. И раскачивающиеся качели или провисшая проволока, на которой надо удержаться...

С одной стороны он видел Империю, Харконнена по имени Фейд-Раута, рвавшегося навстречу ему подобно смертоносному клинку; сардаукаров, исходящих со своей планеты, несущих погром на Арракис; Гильдия смотрит на это сквозь пальцы и плетет свои заговоры и интриги; а Бене Гессерит продолжает селекцию, согласно своей генетической программе... Все они нависали над горизонтом подобно грозовой туче — и их сдерживали всего лишь фримены и их Муад'Диб... спящий гигант, которого фримены выбрали своим вождем в безумном джихаде, катящемся через Вселенную...

Пауль ощутил себя в самом центре. В точке опоры, на которой вращалась вся эта невероятная махина. Он шел по тончайшей нити мира, и у него была его толика счастья, ибо была рядом Чани.

Он видел все это впереди — время относительного покоя в тайном сиетче, мгновения мира меж бурь насилия.

— И нет иного места для мира... — прошептал он.

— Усул, ты плачешь!.. — проговорила потрясенная Чани. — Усул, опора моя, сила моя — ты отдаешь влагу мертвым? Но чьим?..

— Мертвым, которые не умерли еще, — ответил он.

— Тогда пусть живут, пока есть у них время!

Сквозь наркотический туман он ощутил ее правоту, притянул ее к себе по-варварски крепко.

— Сихайя! — прошептал он.

Она коснулась его щеки.

— Я больше не боюсь, Усул, посмотри. Когда ты держишь меня так, я вижу то же, что и ты...

— Что ты видишь? — спросил он и взглядом потребовал ответа.

— Я вижу, как в момент затишья меж бурь мы дарим друг другу любовь; ибо это то, для чего мы созданы.

Наркотик вновь овладел им. *Сколько раз ты дарила мне покой, утешение и забвенье!* Он заново ощутил этот ярчайший свет, озаривший воображаемый пейзаж времени; ощутил, как становится воспоминаниями его будущее; ощутил нежность плотской любви, объединение и слияние душ, мягкость — и неистовство.

— Ты сильная, Чани, — проговорил он еле слышно. — Будь со мной.

— Я всегда буду с тобой, — ответила она и поцеловала его в щеку.

КНИГА ТРЕТЬЯ
ПРОРОК

Никто и никогда не был близок с моим отцом — ни мужчина, ни женщина, ни ребенок. Единственным человеком, чьи отношения с Падишах-Императором можно было бы назвать дружескими, был граф Хасимир Фенринг, спутник Императора с детства. Оценить его дружбу можно прежде всего по позитивным моментам; так, ему удалось погасить подозрения, возникшие было в Ландсрааде после арракийских событий. Как говорила мне моя мать, это обошлось графу больше чем в миллиард соляриев, потраченных на взятки — Пряностью; а кроме того, ему пришлось сделать и множество других подарков: рабыни, должности, титулы, почести... А другим крупным свидетельством его дружеских чувств к отцу, на этот раз, так сказать, негативным, был отказ убить человека — хотя он мог бы сделать это и хотя мой отец дал ему приказ — убить...

Сейчас я расскажу о том, как это было...

(Принцесса Ирулан, «Граф Фенринг: биографический очерк»)

Барон Владимир Харконнен в ярости вырвался из своих апартаментов. Он мчался по коридору, пересекая столбы предвечернего света, падавшие из высоких окон, и на бегу его жирное тело тряслось и колыхалось в сбруе силовой подвески. Он миновал свою личную кухню, библиотеку, малую приемную и влетел в лакейскую переднюю, где слуги уже предавались вечернему отдыху.

Капитан стражи Йакин Нефуд сидел, поджав ноги, на диване в дальнем углу комнаты. Плоское лицо его ничего не выражало — результат действия семуты; звучало

жутковатое завывание семутной музыки. Собственная свита Нефуда окружала его, готовая исполнять приказы своего начальника.

— Нефуд! — взревел барон.

Слуги подскочили.

Нефуд поднялся. Его лицо, хотя и все еще оцепеневшее от семуты, побледнело от страха.

— Милорд барон... — произнес Нефуд, и если его голос не дрожал, то только благодаря семуте.

Барон огляделся: такие же безумно-спокойные и неподвижные лица. Он вновь повернулся к Нефуду и шелковым голосом спросил:

— Как долго ты возглавляешь мою охрану, Нефуд?

Нефуд дернул кадыком:

— С самого Арракиса, милорд... уже почти два года.

— И всегда распознавал грозящие мне опасности, оберегая меня?

— То было единственным моим желанием, милорд...

— Раз так — где Фейд-Раута? — прорычал барон.

Нефуд дернулся.

— М-милорд?..

— Может быть, ты считаешь, что Фейд-Раута не представляет для меня опасности? — Голос барона снова сделался шелковым.

Нефуд облизнул губы. Замутненные семутой глаза немного прояснились.

— Фейд-Раута сейчас в казармах рабов, милорд.

— С девками, конечно, а? — Голос барона дрожал от еле сдерживаемой ярости.

— Но, сир, может, он только...

— Молчать!

Барон сделал еще шаг вперед, отметив, как отшатнулись от Нефуда слуги, пытаясь как-то отгородиться от объекта хозяйского гнева.

— Разве я не приказывал тебе, чтобы в любой момент ты *точно* знал, где находится на-барон? — спросил барон, подступая еще ближе. — Разве ты забыл, что в твои обязанности входит знать всё, что говорит на-барон — и кому он это говорит? — И он сделал еще шаг. — Разве не

велел я тебе докладывать мне всякий раз, когда он идет в казармы, в блоки рабынь?

Нефуд сглотнул. Его лоб покрылся испариной.

Барон сказал — теперь очень ровным, почти совсем лишенным выражения голосом:

— Разве я не говорил всего этого?

Нефуд только кивнул.

— И разве я не велел тебе проверять всех мальчиков-рабов, посылаемых ко мне... и что ты обязан делать это *лично*... и только лично?

Нефуд снова кивнул.

— Ты, случайно, не заметил на бедре у сегодняшнего мальчишки такого, знаешь, шрамика? — спросил барон. — Или, может, ты...

— Дядя!

Барон резко развернулся и вперил взгляд в остановившегося в дверях Фейд-Рауту. Поспешность, с которой племянничек появился здесь и которую он не сумел скрыть, говорила о многом. У Фейд-Рауты была собственная система слежки — он следил за ним, за бароном!..

— В моих апартаментах валяется труп, — проговорил барон, касаясь рукоятки скрытого под одеждой станнера и в который раз радуясь, что во всем баронстве ни у кого не было более мощного щита.

Фейд-Раута покосился на двоих стражников, застывших справа, и кивнул им. Стражники оторвались от стены и затрусили по коридору к баронским апартаментам.

«Значит, эти двое, а? — подумал барон. — *Да, этому юному злодею еще учиться и учиться: с конспирацией у него слабовато. Заговоры — это искусство...»*

— Надо полагать, когда ты покинул казармы, там все было в порядке, Фейд? — поинтересовался барон.

— Я там играл в хеопс с главным надсмотрщиком, — объяснил Фейд-Раута. А сам подумал: *«Что же пошло не так? Ясно, что мальчишка, которого мы подсунули дядюшке, убит. Но ведь он идеально подходил для этого дела! Сам Хават не мог бы сделать лучший выбор. Мальчишка был великолепен!..»*

— Значит, играл в пирамидальные шахматы, — повторил барон. — Как мило. И выиграл?

— Я... э... да, дядя. — Фейд-Раута боролся со все усиливающимся беспокойством.

Барон щелкнул пальцами.

— Нефуд, хочешь вернуть мое благорасположение?

— Но что я сделал, сир? — дрожащим голосом спросим Нефуд.

— А, это уже не важно, — махнул рукой барон. — Но ты слышал: Фейд обыграл в хеопс главного надсмотрщика. Слышал?

— Д-да... сир.

— Так вот: возьми троих людей и ступай к главному надсмотрщику, — распорядился барон. — И не забудь гарроту: придушишь его. Когда сделаешь, принеси сюда труп: я хочу посмотреть, как ты исполнил приказ. Нельзя же держать на службе таких скверных шахматистов!..

Фейд-Раута побледнел и шагнул к дяде:

— Но, дядя, я...

— Потом, Фейд, — отмахнулся барон. — Потом.

Двое стражников, посланных в баронские апартаменты, прошли мимо входа в переднюю, таща за собой тело мальчика. Его руки волочились по полу. Барон проводил их взглядом.

Нефуд подошел к хозяину.

— Вы желаете, чтобы я убил главного надсмотрщика теперь же, милорд?

— Да, — кивнул барон. — Теперь же. И кстати, когда освободишься, добавь-ка к своему перечню и этих двоих, которые только что прошли. Мне не понравилось, как они несли тело. Надо все-таки такие вещи делать аккуратно!.. Их трупы тоже покажешь, — деловито закончил барон.

— Милорд, что я не так... — пробормотал Нефуд, но Фейд-Раута оборвал его:

— Делай, как велит твой господин, Нефуд!

Все, на что я могу теперь надеяться, — это самому выйти сухим из воды, решил он.

Отлично, подумал барон. *По крайней мере парень умеет проигрывать, и притом с минимальными потерями.* — Тут барон улыбнулся про себя. — *И кроме того, он знает, как доставить мне удовольствие, и преловко отводит от себя мой гнев. Понимает, что мне придется его сохранить. Кому*

другому мог бы я оставить бразды... когда придет срок? У меня нет больше никого и вполовину столь же способного. Но он должен еще многому научиться! А пока он учится, я должен себя обезопасить.

Нефуд знаком позвал за собой стражников и вышел.

— Проводи меня в мои покои, Фейд, — ласково попросил барон.

— Как прикажете, — поклонился Фейд-Раута. *Я попался,* — подумал он.

— Иди вперед, — махнул рукой на дверь барон.

Лишь короткое колебание выдало страх Фейд-Рауты. *Неужели я проиграл совершенно?* — спросил он себя. *Вот как сунет мне отравленный нож в спину... медленно так, чтобы пройти щит! Неужели он уже обзавелся другим наследником?..*

Вот-вот, пусть подрожит немножко, с удовольствием думал барон, идя за спиной племянника. *Он, конечно, сменит меня на троне — но тогда, когда этого захочу я. Я не позволю ему разрушать сделанное мной!*

Фейд-Раута пытался идти не спеша. Кожа у него на спине съежилась — тело ожидало удара. Мышцы то собирались в тугой комок, то немного расслаблялись...

— Слыхал новости с Арракиса? — спросил барон.

— Нет, дядя. — Фейд-Раута заставил себя не оборачиваться. Они повернули в коридор, ведущий из крыла для слуг в главную часть дворца.

— У фременов объявился новый пророк или какой-то там религиозный лидер, — проговорил барон. — Они зовут его Муад'Диб. Довольно забавное имя: на их языке оно означает «мышь». Впрочем, я велел Раббану оставить их религиозные дела в покое: чем бы дитя ни тешилось...

— Весьма интересно, дядя, — вежливо сказал Фейд-Раута, сворачивая в коридор, ведущий в апартаменты барона; сюда мало кого пускали.

Что это он завел речь о религии? — думал он. *Или это какой-то тонкий намек?..*

— Разумеется, весьма интересно, — подтвердил барон.

Они вошли в баронские покои и через приемную — в спальню. Тут были видны некоторые следы борьбы: плавающая лампа висит не на своем месте, подушка — на

полу, на столике у кровати лежит кольцами лента, вылетевшая из катушки суггестофильма — «колыбельная».

— План был придумал не глупо, — начал барон. Он, не уменьшив мощность поля своего щита, остановился, глядя на племянника. — Но и недостаточно умно. Ну вот скажи мне, Фейд, отчего ты не попробовал убить меня сам? Возможностей у тебя было предостаточно.

Фейд-Раута нащупал за спиной кресло на силовой подвеске, сел, мысленно пожав плечами: садиться барон не предлагал... *Надо вести себя смелее*, подумал он.

— Вы же сами учили меня, что я никогда не должен пачкать собственные руки.

— А, конечно, — покивал барон. — Иначе как сказать перед Императором, что не делал этого? Ведьма у трона будет слушать твои слова и определять, правдивы они или нет... Да, в самом деле. Я тебя предупреждал об этом.

— А почему бы вам самому не купить себе гессеритку? — спросил Фейд-Раута. — Вы никогда не покупали их. А ведь с Правдовидицей подле вас...

— Ты знаешь мои вкусы! — отрезал барон.

Фейд-Раута некоторое время смотрел на дядю, потом отважился продолжить:

— И тем не менее гессеритка была бы весьма полезна для...

— Я — им — не доверяю! — прорычал барон. — И не пытайся перевести разговор!

— Как вам будет угодно, дядя, — мягко сказал Фейд-Раута.

— Помнится, несколько лет назад на арене... — проговорил барон, — против тебя выпустили раба, который должен был тебя убить. Во всяком случае, такое сложилось впечатление. А на самом деле?

— Это было так давно, дядя. В конце концов я...

— Не уходи от ответа, пожалуйста, — сказал барон, и по напряжению в его голосе Фейд-Раута понял, что он едва сдерживается. *Он все знает*, промелькнула мысль, *иначе не спрашивал бы.*

— Да, дядя. Это был трюк. Я хотел скомпрометировать вашего главного надсмотрщика.

— Весьма умно, — одобрил барон. — И смело. Кажется, тот гладиатор едва не убил тебя, так?

— Да.

— Ах, тебе бы тонкости под стать храбрости — был бы ты грозен и непобедим... — Барон покачал головой. В который уже раз после того страшного дня на Арракисе жалел он об утрате Питера. Да, ментат был действительно хитер и дьявольски тонок. Правда, это его не спасло... Барон опять покачал головой. Да, порой рок был действительно загадочен и непредсказуем в своих поворотах...

Фейд-Раута оглядел спальню, изучая следы борьбы. Как же справился дядюшка с рабом, которого они так тщательно подготовили?..

— А, думаешь, как я его одолел? — усмехнулся барон. — Извини, Фейд, но я хотел бы сохранить в тайне кое-что из моего секретного арсенала. Так, знаешь, просто чтобы пожить спокойно на старости лет. Хорошо? И, пожалуй, лучше нам воспользоваться случаем и заключить сделку.

Фейд-Раута уставился на дядю. *Сделка! Значит, он все-таки собирается оставить меня наследником! Иначе — какие там были бы сделки... Сделки — это для равных. Или почти равных...*

— Какую сделку, дядя?

Фейд-Раута невольно почувствовал гордость, что ему удалось сохранить голос спокойным и рассудительным и не выдать переполнявшего его восторга.

Заметил то, как Фейд-Раута сдерживает себя, и барон. Он кивнул.

— Да, Фейд, ты — хороший материал. А хорошим материалом я не разбрасываюсь. А вот ты упорно не хочешь понять, насколько ценен для тебя я. Вот это... — он обвел рукой спальню со следами борьбы, — это было глупостью. А за глупость я никого не награждаю...

Да к делу же, дурак ты старый! — сердито подумал Фейд-Раута.

— Ты, похоже, считаешь меня сейчас старым дураком, — сказал барон. — Придется переубедить тебя.

— Вы говорили о сделке.

— Ах, нетерпеливая молодость! — вздохнул барон. — Ну хорошо. Вот суть сделки: ты прекратишь эти дурацкие

покушения на мою жизнь. А в свою очередь я, когда ты будешь готов, уступлю тебе трон. Я отрекусь от него и займу место твоего советника. А власть отдам тебе.

— Вы... отречетесь, дядя?

— Все еще считаешь меня дураком, да? — сказал барон. — И, разумеется, в твоих глазах мое предложение только подтверждает это твое мнение, а? Ты что же думаешь — я клянчу? Прошу? Осторожнее, Фейд! Этот старый дурак заметил иглу, которую ты вживил в бедро мальчишки. Как раз в том месте, на которое я бы положил руку, а? Легкий нажим и — щелк! Отравленная игла в руке у старого дурака. Ах-х, Фейд, Фейд!..

Барон укоризненно покачал головой, думая: *Причем этот фокус сработал бы, не предупреди меня Хават. Ну да пусть парень думает, что это я сам разгадал заговор; впрочем, в каком-то смысле так и было. Ведь это я спас Хавата на Арракисе. А парню не помешает немного больше уважения к моим способностям.*

Фейд-Раута молчал, напряженно думая. *Он не обманывает? Правда собирается отречься? А почему бы и нет? Я, конечно, унаследую ему, если только буду осторожен. Он же не будет жить вечно... Может, и правда глупо было пытаться ускорить... это.*

— Так вы говорите, что это сделка, — сказал он. — Ну а гарантии?

— Как мы сможем верить друг другу, а? — переспросил барон. — Н-ну, что касается тебя, Фейд, за тобой будет следить Суфир Хават. В этом я доверяю его способностям ментата. Ты, надеюсь, понимаешь меня?.. Что же до меня самого — тут тебе придется просто поверить мне на слово. Но, с другой стороны, я ведь не могу жить вечно — не так ли, Фейд? Кроме того, не пора ли тебе наконец начать догадываться, что я знаю кое-что, что и тебе знать не помешало бы... что ты *должен* знать.

— Хорошо, я пообещаю вам... а вы? — спросил Фейд-Раута.

— Для начала — оставлю тебя в живых, — хмыкнул барон.

Фейд-Раута вновь внимательно оглядел дядю.

Хавата он ко мне приставит! Интересно, что бы он сказал, узнав, что это Хават устроил ту штуку с гладиатором, которая стоила ему главного надсмотрщика? Пожалуй, заявил бы, что я пытаюсь оболгать Хавата. Не-ет, добрый Суфир как хороший ментат, уж конечно, предусмотрел и такую возможность...

— Ну и что ты скажешь на это? — спросил барон.

— А что я могу сказать? Конечно, я согласен, — ответил Фейд-Раута. *Хават! Значит, он ведет двойную игру... играет на себя, да? Или он переметнулся к дядюшке из-за того, что я не посоветовался с ним в деле с этим мальчишкой-рабом?..*

— Ты ничего не сказал о моем решении приставить к тебе Хавата, — заметил барон.

Слегка раздувшиеся ноздри выдали гнев молодого человека. Сколько лет само имя Хавата было сигналом опасности для Харконненов... а теперь у него новое значение: *по-прежнему* опасен.

— Хават — опасная игрушка, — ответил он наконец.

— Игрушка? Не будь глупее, чем ты есть. Я знаю, что такое Хават и как им управлять. У Хавата, Фейд, слишком сильные эмоции. Человек без эмоций — вот кого следует опасаться по-настоящему. А сильные эмоции... ах, право, на них так удобно играть!

— Дядя, я вас не понимаю.

— Заметно.

На этот раз вздрогнувшие веки выдали негодование Фейд-Рауты.

— Ты не понимаешь и Хавата, — добавил барон.

Ты-то будто его понимаешь! — сердито подумал Фейд-Раута.

— Кого винит Хават за сложившиеся обстоятельства? — спросил барон. — Меня? Разумеется. Но, служа Атрейдесам, он многие годы, раз за разом, одерживал надо мной верх — пока не вмешался Император. Вот как он все это видит. Теперь его ненависть ко мне — это так, между прочим. Привычка. И он верит, что в любой момент может опять обыграть меня. Только пока он в это верит — он проигрывает сам. Ибо я направляю его, куда нужно мне — против Императора.

По мере того как Фейд-Раута осознавал это, его лоб прореза́ли напряженные морщины, плотно сжимались губы.

— Против... *Императора?!* — выдохнул он.

Ну-ка пусть племянничек распробует вкус этих слов: «Его Императорское Величество Фейд-Раута Харконнен»! Пусть прикинет, чего это стоит. Уж конечно, куда больше, чем жизнь старого дядюшки, который как раз и может помочь этой мечте осуществиться!

Фейд-Раута медленно провел языком по пересохшим губам. Может ли быть, что старый дурак говорит правду? Наверняка же здесь скрывается больше, чем кажется!

— А... а при чем тут вообще Хават? — спросил он.

— А Хават думает, что использует нас для мести Императору.

— И что будет, когда он осуществит эту месть?

— Дальше этого он и не думал. Хават — человек, созданный для служения, причем сам он этого о себе не знает.

— Я многому научился у Хавата, — признал Фейд-Раута и сам понял вдруг, насколько это соответствует истине. — Но чем больше я от него узнаю, тем больше понимаю, что мы должны от него избавиться... и очень скоро.

— Тебе не нравится, что он будет следить за тобой?

— Он и так следит за всеми.

— И он может посадить тебя на трон. Хават — тонкая штучка. Он опасен. Хитер. Но все же я пока не стану отменять антидот, который он получает с пищей. Видишь ли, Фейд, меч ведь тоже опасен. Но для этого меча у нас есть ножны: яд в его теле. Стоит только не дать противоядия — и смерть сделает его безопасным...

— Это похоже на арену, — заметил Фейд-Раута. — Финт внутри финта и в нем еще финт. Надо следить, куда поворачивается гладиатор, куда смотрит, как держит нож...

Он кивнул сам себе: его слова явно понравились дяде. Впрочем, про себя на-барон подумал: *Как арена — это точно. И острием клинка тут служит ум!*

— Видишь теперь, как я тебе нужен, — сказал барон. — Нет, племянничек, я тебе еще пригожусь.

«Да, мечом работают, пока он не затупится», — подумал Фейд-Раута.

— Да, дядя, — кивнул он.

— Ну а теперь мы пойдем в казармы рабов, — сказал барон. — Оба. В крыло удовольствий. И я буду смотреть, как ты сам, своими руками, убьешь там всех женщин.

Лицо Фейд-Рауты потемнело.

— Дядя, вы...

— Ты примешь это наказание и усвоишь кое-что, — отрезал барон.

Фейд-Раута встретил насмешливый, почти издевательский взгляд барона. *«Да, я запомню эту ночь,* — сказал он себе. *— А с ней я буду помнить и те... другие ночи».*

— Ты не можешь отказаться, — проговорил барон.

«А если бы отказался — что бы ты сделал, старик?» — подумал Фейд-Раута. Но он знал, что за отказом последовало бы другое наказание, может быть, более изощренное. Более жестокий способ согнуть его.

— Нет, Фейд, я тебя знаю, — покачал головой барон. — Ты не откажешься.

«Ладно, — подумал Фейд-Раута. — *Ты мне пока еще нужен, я это понял. Сделка заключена. Но придет время, и я уже не буду в тебе нуждаться. И тогда... когда-нибудь...»*

Глубоко в подсознании людей укоренилась поистине извращенная потребность в разумно устроенной, логичной и упорядоченной Вселенной. Но дело в том, что реальная Вселенная всегда, пусть на один шаг, опережает логику.

(Принцесса Ирулан, «Избранные речения Муад'Диба»)

Да, случалось мне сидеть перед многими правителями Великих Домов... но борова толще и опаснее, чем этот, мне видеть не приходилось! — сказал себе Суфир Хават.

— Можешь говорить со мной прямо, Хават, — прогудел барон. Он откинулся на спинку своего плавающего кресла, но глазки, утопавшие в складках жира, буравили Хавата.

Старый ментат опустил взгляд на стол между собой и бароном Владимиром Харконненом, отметив богатство узора. Даже и это следовало учитывать, общаясь с баро-

ном, — как и красную обивку его личной комнаты для совещаний и висящий в воздухе слабый аромат трав, скрывавший тяжелый мускусный запах.

— Ты же не забавы ради посоветовал мне предупредить Раббана? — сказал барон.

Обветренное лицо Хавата оставалось бесстрастным, не отразив отвращения, которое он испытывал в этот момент.

— Я о многом догадываюсь, милорд, — ответил он.

— Вижу. Н-ну хорошо... тогда скажи мне, каким образом Арракис вписывается в твои догадки относительно Салусы Секундус? Мне недостаточно просто твоего утверждения о том, что Императора раздражает всякая попытка провести какую-то параллель между Арракисом и его таинственной планетой-тюрьмой. Так вот, я отправил Раббану это предупреждение сразу же только потому, что курьеру надо было отбыть именно на этом хайлайнере. Допустим. Но теперь я должен получить объяснения!

Он чересчур много болтает, подумал Хават. *То ли дело был герцог Лето, который движением брови или руки мог передать мне все необходимое. Или взять Старого Герцога — тот мог целое предложение вложить в интонацию, с которой произносил одно только слово... А этот — тупая туша! Уничтожить его — это значит облагодетельствовать человечество...*

— Ты не выйдешь отсюда, пока я не получу самое полное, обстоятельное и исчерпывающее объяснение, — заявил барон.

— Вы чересчур просто говорите о Салусе Секундус, — заметил Хават.

— Подумаешь! Исправительно-каторжная колония, только и всего, — отмахнулся барон. — На Салусу Секундус вся Галактика отсылает самую последнюю сволочь. Отребье. Ну и что еще надо знать об этой дыре?

— Хотя бы то, что условия существования на каторжной планете тяжелее, чем где-либо, — ответил Хават. — Вы, надо полагать, знаете, что уровень смертности у новичков превышает шестьдесят процентов. Что Император как только может угнетает их. Вы знаете все это — и не задаете никаких вопросов?..

— Император не позволяет Великим Домам инспектировать его каторгу, — проворчал барон. — Так зато и он не заглядывает в мои темницы.

— И всякое любопытство относительно Салусы Секундус, как бы это сказать... э-э... — Хават приложил узловатый палец к губам, — не поощряется.

— Надо полагать, ему нечем гордиться на этой планете!

Хават позволил легкой улыбке коснуться его темных губ. Он посмотрел на барона, и его глаза сверкнули в свете плавающих ламп.

— И, значит, вы ни разу не задумывались, где Император берет своих сардаукаров?

Барон выпятил пухлые губы, что придало ему вид надувшегося ребенка. С раздражением в голосе он сказал:

— Н-ну... он набирает рекрутов... то есть все знают про наборы... вот и берет из новобранцев, наверное...

— Ф-фа! — фыркнул Хават. — То, что рассказывают о военных успехах сардаукаров, не относится к простым слухам... верно? Это — рассказы немногих уцелевших в схватках с ними. Так?

— Сардаукары — великолепные бойцы. Кто сомневается? — возразил барон. — Однако я полагаю, что и мои легионы...

— Туристы-отпускники по сравнению с Императорскими сардаукарами, — скривился Хават. — Или, может, вы думаете, я не понимаю, почему Император обрушился на Дом Атрейдес?

— В эту тему тебе лучше не углубляться, — предупредил барон.

Возможно ли, что он сам не знает истинных причин, побудивших Императора к этой операции? — удивился Хават.

— Мне следует углубляться в любую тему, коль скоро она относится к моим обязанностям, — возразил Хават. — Не для того ли вы меня и взяли на службу? Я ведь ментат, а от ментата нельзя скрывать информацию и нельзя ограничивать его в направлении расчетов.

Целую минуту барон пристально смотрел на Хавата и наконец пробурчал:

— Ну давай, ментат. Выкладывай.

— Падишах-Император ударил по Дому Атрейдес потому, что военачальники герцога, Гурни Халлек и Дункан Айдахо, сумели сформировать и обучить войска, вернее, совсем небольшое для начала войско из бойцов, практически ни в чем не уступающих сардаукарам. А некоторые бойцы были даже лучше их! Более того, герцог имел полную возможность увеличить это войско и добиться, чтобы оно стало столь же сильным, как Императорский Корпус Сардаукаров.

Барон долго обдумывал эту новость. И наконец поинтересовался:

— А при чем здесь Арракис?

— Арракис здесь при том, что он является потенциальным источником рекрутов, прошедших самую суровую школу выживания.

Барон потряс головой:

— Уж не фременов ли ты имеешь в виду?

— Именно фременов.

— Ха! Стоило же посылать Раббану предупреждение! После сардаукарских погромов и притеснений Раббана — сколько их могло уцелеть? Какая-то горстка!

Хават молча смотрел на него.

— Не больше горстки, — повторил барон. — Да только за истекший год Раббан уничтожил тысяч шесть!

Хават продолжал молча его разглядывать.

— А за год до того — девять тысяч, — добавил барон. — И сардаукары постарались: до их вывода с планеты они, я думаю, истребили тысяч двадцать!

— А каковы потери войск Раббана за те же два последних года? — осведомился Хават.

Барон потер свои многоярусные подбородки.

— Хм... ну да, действительно, он все время требует пополнений и рекрутов набирает в довольно широких масштабах. Его вербовщики сулят такие немыслимые блага...

— Для круглого счета — тысяч тридцать, не правда ли?

— Не многовато ли? — усомнился барон.

— Отнюдь, — возразил Хават. — Я умею читать между строк отчетов Раббана не хуже вашего. И вы, несомнен-

но, разобрались в моих отчетах по информации от наших агентов...

— Арракис — планета суровая, — свел брови барон. — Одни только бури могут причинить...

— Мы оба знаем цифры, в которых выражаются потери от бурь, — ответил Хават.

— Ну а если он действительно потерял тридцать тысяч? Что из того? — побагровев от гнева, спросил барон.

— По вашим подсчетам, — продолжал Хават, — за два года он уничтожил пятнадцать тысяч фрименов, потеряв вдвое больше. Вы утверждаете, что сардаукары истребили еще двадцать тысяч или, может быть, немного больше. А я видел их транспортные декларации на вылет с Арракиса. Если они действительно убили двадцать тысяч, то их потери составили пять к одному. Может быть, стоит все-таки заметить эти цифры и понять, о чем они говорят, мой барон?

Нарочито холодно барон уронил:

— Это — твоя работа, ментат. Так что они значат, эти цифры?

— Я уже сообщал вам данные отчета Дункана Айдахо по сиетчу, который он посещал, — напомнил Хават. — Все сходится. Если у них хотя бы двести пятьдесят таких общинсиетчей, то фрименское население планеты составит не менее пяти миллионов человек. А согласно моим оценкам, таких сиетчей по крайней мере вдвое больше! На такой планете население вынуждено рассредотачиваться.

— Десять миллионов?!

От изумления щеки и подбородки барона дернулись.

— *По меньшей мере* десять.

Барон поджал пухлые губы. Маленькие глазки в упор разглядывали Хавата. *Интересно*, подумал он, *неужели это действительно результаты расчетов, а не блеф? Как же это никто и не заподозрил?..*

— Мы даже не повлияли сколько-нибудь заметно на прирост населения, — добавил Хават. — Мы только, так сказать, отбраковали слабейших, дав сильным возможность стать еще сильнее. Все как на Салусе Секундус!

— Салуса Секундус! — рявкнул барон. — Да при чем тут императорская каторжная планета?!

— Кто пережил Салусу Секундус, тот становится куда крепче и выносливее большинства остальных, — пояснил Хават. — Добавьте сюда хорошую военную подготовку — самую лучшую — и...

— Чушь! Если следовать твоим аргументам, я могу набирать в свою армию фрименов — после того как они претерпели притеснения от моего племянника!

Хават спокойно спросил:

— А ваши войска никогда не испытывают от вас притеснений?

— Ну... в общем, я... но...

— Притеснение притеснению рознь, — развил мысль Хават. — Ваши солдаты живут куда лучше прочих ваших подданных, а? И они видят, какая неприятная альтернатива есть у них службе в армии барона, а?

Барон замолчал, глядя в одну точку. Какие открывались возможности! Неужели Раббан помимо воли создал для Дома Харконнен такое могучее оружие?

Наконец он сказал:

— Но как можно полагаться на верность подобных солдат? Вот ты бы как ее обеспечил?

— Я брал бы их небольшими группами, не больше взвода, — начал Хават, — вытащил бы их из прежних условий, то есть освободил бы от угнетения. Изолировал бы с инструкторами, причем инструкторы должны понимать своих подопечных; лучше всего, если инструкторы в прошлом сами претерпели все то же самое. Затем я бы напичкал их таинственными, почти мистическими историями о том, что мир, где им пришлось столько испытать, на самом деле был тайной базой подготовки сверхлюдей. Сверхбойцов. Таких, как они. И наконец, все это время я показывал бы им, что могут заслужить эти сверхвоины: роскошь, красавиц, жизнь во дворцах... все, что они пожелают.

Барон кивнул:

— Так сардаукары и живут.

— Спустя какое-то время рекруты начинают верить, что существование Салусы Секундус оправданно, поскольку она произвела их — элиту, соль расы. Последний

рядовой Корпуса Сардаукаров живет во многих отношениях не хуже членов Великих Домов.

— Какая идея!.. — прошептал возбужденно барон.

— Вот вы уже и разделили мои подозрения, — кивнул Хават.

— Но с чего все началось? — спросил барон.

— Ах да. Действительно, как возник Дом Коррино? Было ли какое-то население на Салусе Секундус до того, как Император послал туда первые тюремные транспорты? Даже герцог Лето, кузэн Императора по женской линии, не знал ответов на эти вопросы. Такие вопросы не приветствуются...

Глаза барона сверкали.

— Да, они превосходно охраняют эту тайну! Они сделают все что угодно, чтобы...

— И кроме того, что еще стоит так охранять? Какую тайну? Что у Падишах-Императора есть каторжная планета? Это всем известно, что...

— Граф Фенринг! — перебил вдруг барон.

Хават замолчал и, удивленно нахмурясь, посмотрел на барона:

— Что — граф Фенринг?

— На дне рождения моего племянника несколько лет назад, — объяснил барон, — был этот расфранченный попугай Императора — граф Фенринг; он присутствовал там в качестве официального наблюдателя и для того, чтобы... э-э... заключить некую деловую договоренность между мною и Императором...

— И что?

— Я... э-э... в разговоре упомянул что-то о своих планах превратить Арракис в планету-тюрьму. И Фенринг...

— Что именно вы сказали ему? — перебил Хават.

— Что именно? Ну... это было достаточно давно, и...

— Милорд барон, если вы хотите использовать меня с максимальной эффективностью, вы должны снабжать меня соответствующей информацией. Разговор записывался?

Лицо барона потемнело от гнева.

— Ты ничем не лучше Питера! Я не люблю, когда...

— Питера у вас больше нет, милорд, — напомнил Хават. — Между прочим, что именно с ним случилось все-таки?

— Он стал чересчур фамильярным и слишком многого от меня хотел, — объяснил барон.

— И вы меня уверяли, что не бросаетесь полезными людьми, — заметил Хават. — Вы хотите тратить мои силы на угрозы и увертки?.. Итак, мы остановились на том, что вы сказали графу Фенрингу.

Барон медленно взял себя в руки. *Ну, придет еще время,* думал он, *припомню я тебе твои манеры. Да. Ох и припомню!..*

— Минуточку... — проговорил он, вспоминая беседу в приемном зале. Он мысленно представил себе шатер тишины — это помогло.

— Значит, я сказал что-то вроде: «Уж Император-то знает, что немного насилия и убийств всегда шло на пользу делу. Я имел в виду потери в рабочей силе. А потом я сказал что-то насчет возможных вариантов решения аракийской проблемы — и что каторжная планета Императора вдохновила меня на попытку состязаться с ним в организации подобного учреждения...

— Ведьмина кровь! — выругался Хават. — А что Фенринг?

— Тут-то он и начал спрашивать меня о тебе.

Хават откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза.

— Вот, значит, почему они начали так следить за Аракисом, — проговорил он. — Что ж, сделанного не воротишь. — Он открыл глаза. — Сейчас Арракис наверняка набит шпионами. Два года!..

— Но не могло же мое вполне, кажется, невинное замечание...

— В глазах Императора ничего «невинного» не бывает! Какие распоряжения вы отдали Раббану?

— Я всего лишь велел ему научить Арракис бояться нас...

Хават покачал головой.

— Теперь у вас осталось только два выхода, — сказал он. — Или перебить местных жителей — истребить *всех поголовно!* — или...

— Уничтожить всю рабочую силу?!

— Если, конечно, вы не предпочитаете, чтобы Император и те Великие Дома, которые он сможет привести

за собой, пришли сюда и выскоблили Джеди Прим, как пустой черепок!

Барон некоторое время смотрел на своего ментата.

— Он не посмеет! — сказал он наконец.

— Вы так думаете?

Губы барона дрогнули.

— А... второй выход?

— Отрекитесь от своего любезного племянника, барон. От Раббана.

— Отре... — Барон осекся и уставился на Хавата.

— Не посылайте ему больше пополнений. Вообще никакой помощи. Не отвечайте на его запросы — только в том смысле, что-де вы прознали, как жестоко он управляет Арракисом, и намерены исправить дело — так скоро, как будет возможно. А я обеспечу перехват нескольких посланий императорскими шпионами.

— Но как же Пряность, доходы, как...

— Требуйте с него положенные поступления в казну, но будьте осторожнее в формулировках. Требуйте фиксированные суммы. Мы можем...

Барон поднял руки ладонями вверх.

— Да как же я могу быть уверен, что этот хорек, мой племянник, не...

— Разве у нас нет больше шпионов на Арракисе?.. Вот и скажите Раббану — или он будет выполнять ваши требования по поставке Пряности, или вы его смените.

— Я знаю своего племянника, — хмуро возразил барон. — Он после этого только усилит давление на население.

— Разумеется! — перебил его Хават. — А нам и нельзя резко прекращать это давление! Все, чего вы хотите, — умыть руки. И пусть Раббан устраивает вам вашу Салусу Секундус. Не нужно даже посылать туда заключенных: к его услугам все местное население. Если Раббан тиранит народ, чтобы добыть столько Пряности, сколько вы требуете, Император вряд ли станет подозревать, что у вас есть иные причины. Пряность — вполне достаточный повод, чтобы поджаривать на медленном огне всю планету. Разумеется, барон, вы ни словом, ни действием не покажете, что есть и другая причина.

Барон не сдержал восхищенной нотки в голосе.

— Ах, Хават, и хитер же ты! А как нам потом воспользоваться плодами усилий Раббана?

— Это как раз самое простое, барон. Ежегодно повышайте — ненамного — план по Пряности. Вскоре ситуация станет критической, производство упадет. Тогда вы сможете снять Раббана и лично отправиться на Арракис... чтобы исправить положение.

— Всё так, — сказал барон. — Но должен признать, все это начало меня утомлять. Я готовлю другого... кандидата, который управлял бы Арракисом.

Хават разглядывал жирное круглое лицо. Затем старый воин-шпион медленно покивал:

— Фейд-Раута. Вот, значит, в чем причина всех этих притеснений. Вам тоже не занимать хитрости, мой барон... Пожалуй, мы можем объединить оба плана. Да. Ваш Фейд-Раута придет на Арракис как их спаситель и сможет завоевать популярность.

Барон улыбнулся, а про себя подумал: *Любопытно, а как все это вписывается в собственные планы Хавата?*

Хават, видя, что разговор окончен, поднялся и вышел из кабинета, задрапированного красной тканью. Он думал. Слишком много неизвестных: в каждом расчете по Арракису — неизвестные. В частности, этот новый религиозный вождь, о котором сообщал скрывавшийся среди контрабандистов Гурни Халлек — этот Муад'Диб или как его там...

Может, не стоило советовать барону оставить их религию в покое, дать ей распространяться как ей угодно — даже среди населения впадин и грабенов... — сказал он себе. *Но, с другой стороны, угнетение ведет к подъему религиозных чувств, это общеизвестно...*

Он припомнил доклады Халлека по фрименской боевой тактике. А ведь тут за версту пахнет самим Халлеком... и Айдахо... и даже им, Хаватом...

Может быть, Айдахо спасся? — подумал он.

Но это был пустой вопрос. Он не задумывался, а не мог ли выжить сам Пауль: он знал, что барон убежден в смерти всех Атрейдесов. Бене-Гессеритская ведьма была орудием барона — тот сам признал это. А это значило конец для всех — даже и для ее сына.

Какую же ядовитую ненависть питала она к Атрейдесам! — подумал он. *Почти точно такую, какую питаю я к барону. Но сумею ли я нанести столь же смертельный и окончательный удар?*

Во всякой вещи скрыт узор, который есть часть Вселенной. В нем есть симметрия, элегантность и красота — качества, которые прежде всего схватывает всякий истинный художник, запечатлевающий мир. Этот узор можно уловить в смене сезонов, в том, как струится по склону песок, в перепутанных ветвях креозотового кустарника, в узоре его листа. Мы пытаемся скопировать этот узор в нашей жизни и нашем обществе и потому любим ритм, песню, танец, различные радующие и утешающие нас формы. Однако можно разглядеть и опасность, таящуюся в поиске абсолютного совершенства, ибо очевидно, что совершенный узор — неизменен. И, приближаясь к совершенству, все сущее идет к смерти.

(Принцесса Ирулан, «Избранные речения Муад'Диба»)

Пауль Муад'Диб вспомнил, как ел пищу, обильно сдобренную Пряностью. Он ухватился за воспоминание — это была зацепка; держась за него, он понимал, что сейчас видит сон.

Я — театр, где развиваются события... — думал он. *Я — жертва неполного ви́дения, жертва сознания расы и ее ужасной цели...*

Но он не мог отделаться от страха, что как-то превысил свои силы и затерялся во времени, так что смешались будущее и настоящее... нельзя было отличить их друг от друга... Это походило на расстройство зрения и проистекало — он понимал это — от постоянной необходимости сохранять пророческие видения в памяти; а память сама по себе неотъемлемо принадлежала прошлому.

«Чани приготовила мне поесть», — сказал он себе.

Но Чани была далеко на юге, в холодной стране с горячим солнцем, ее тайно переправили в один из новых укрепленных сиетчей вместе с их сыном, Лето Вторым.

...Или этому лишь предстояло случиться в будущем?

Нет, напомнил он себе: ведь Алия-Странная, его сестра, отправилась туда же вместе с матерью и Чани. Это в двадцати манках к югу отсюда, и они поехали в паланкине Преподобной Матери, на спине дикого Подателя.

При одной мысли о поездке на гигантском черве его передернуло. И тут же он спросил себя: *Но Алия — родилась ли уже Алия?*

Он стал вспоминать: *Я пошел с раззией; мы устроили налет на Арракин, чтобы вернуть воду наших убитых; и в пепле погребального костра я нашел останки отца; и взял его череп, и положил его в основание каменного кургана, сложенного, по фрименскому обычаю, над перевалом Харг...*

... Или и этому лишь предстояло совершиться?

Мои раны — реальность, сказал себе Пауль. *Мои шрамы — реальность... Гробница отца — тоже реальность.*

Все еще в полусне он вспомнил, как Хара, вдова Джамиса, однажды вбежала к нему и сообщила, что в коридоре только что был поединок. Это случилось еще во временном сиетче — до отправки на юг, в глубокую Пустыню, детей и женщин. Хара стояла в дверях, ведущих во внутреннюю комнату, и черные крылья ее волос были подхвачены сзади цепочкой с нанизанными на нее водяными кольцами. Он стояла, отведя в сторону дверные занавеси; и она сказала, что Чани только что убила кого-то.

Да, это было, сказал себе Пауль, *это было в действительности, а не пришло виде́нием из будущего. Это было — и не изменится вовек.*

Он вспомнил, как вылетел в коридор. Чани стояла там под желтыми светильниками, в ярко-синем халате с откинутым капюшоном; на лице эльфа — напряженное выражение. Она убирала крис в ножны, а несколько фрименов торопливо удалялись с ношей.

Пауль припомнил еще, как сказал себе тогда: *Сразу видно, когда они несут труп.*

Водяные кольца Чани — в сиетче их носили открыто, нанизанными на шнурок на манер ожерелья — зазвенели, когда она обернулась к нему.

— Чани, что случилось?

— Просто разделалась тут с одним. Он пришел вызвать тебя на поединок, Усул.

— И ты убила его?

— Ага. А что, надо было оставить его для ножа Хары? С этим и она бы сладила.

(Судя по лицам зрителей, окружавших место стычки, слова Чани им понравились, вспомнил он. Даже Хара расхохоталась.)

— Да, но он хотел вызвать меня!

— Ты же научил меня приемам колдовского боя...

— Да, конечно, но тебе не следовало...

— Я родилась в Пустыне, Усул, и знаю, с какой стороны берутся за крис.

Он сдержал гнев и постарался говорить как можно убедительнее:

— Может, все это и так, Чани. Однако...

— Я уже не ребенок, что ловит скорпионов на свет ручного шарика, Усул! Я давно не занимаюсь детскими играми!

Пауль сердито смотрел на нее, пораженный странной яростью за ее внешним спокойствием.

— Он не стоил того, чтобы ты с ним дрался, Усул, — сказала Чани. — Много чести — прерывать ради подобной дряни твои размышления!

Она подошла совсем близко, искоса посмотрела ему в лицо и прошептала так, чтобы слышал только он:

— И потом, любимый: когда станет известно, что желающий вызвать тебя может нарваться на поединок со *мной* и принять позорную смерть от женщины Муад'Диба, охотников испытать тебя станет куда меньше!

Да, сказал себе Пауль, *это действительно случилось. Это — истинное прошлое... И она была права — число желающих испытать в поединке новый клинок племени сошло тогда почти на нет.*

Откуда-то извне мира его снов пришло ощущение движения и крик ночной птицы.

Я сплю... Это все Пряность в еде...

Но чувство покинутости не оставляло его. Может быть, подумал он, моя Рух действительно каким-то образом ускользнула в тот мир, где, согласно фрименским верованиям, она и вела свое истинное существование, — в алам аль-митхаль, мир фрименских притчей, метафизический мир подобий, где не действуют никакие физичес-

кие ограничения?.. И при мысли о таком мире его охватил страх: ведь там, где нет ограничений, нет и ничего, на что мог бы опереться его мятущийся разум. В мире мифов он не мог сориентироваться, не мог сказать себе: «Я есть я, потому что я здесь».

Мать говорила как-то: «Люди делятся — во всяком случае, часть их — по тому, как они о тебе думают».

Я просыпаюсь, сказал себе Пауль. Ибо это действительно было; мать в самом деле говорила это. Леди Джессика, которая была теперь Преподобной Матерью фременов, сказала эти слова, и они навсегда вошли в реальность...

Джессика, Пауль знал это, опасалась религиозной связи между ним и фременами. Ей, например, очень не нравилось, что и фримены, и жители грабенов, упоминая Муад' Диба, говорили просто — *Он.* И Джессика неустанно изучала, что происходит в племенах: посылала шпионить своих сайядин, собирала воедино их доклады и обдумывала их.

Однажды она привела ему очередное изречение Бене Гессерит: «Когда религия и политика едут в одной колеснице, ездоки начинают считать, что теперь ничто не сможет преградить им путь. Тогда они убыстряют скачку и гонят все быстрее и быстрее. Они отбрасывают самую мысль о препятствиях — и забывают, что мчащийся сломя голову обычно замечает пропасть, лишь когда становится слишком поздно».

Пауль вспомнил, как сидел в покоях матери — во внутренней комнате с темными драпировками, затканными сюжетами фременской мифологии. Он сидел и слушал ее, а она, как всегда, ни на миг не прекращала следить за окружающим — даже когда не поднимала глаз от пола. В уголках губ появились морщинки, но волосы по-прежнему блестели полированной бронзой. Широко поставленные глаза, правда, потеряли свой зеленый цвет — их уже залила синева ибада.

— Религия фременов простая и вполне практическая, — заметил он.

— В вопросах религии ничего простого не бывает, — остерегла Джессика.

Но Пауль все еще ощущал угрожающее им обоим темное будущее впереди, и внезапный гнев снова обжег его. Он, впрочем, ответил только:

— Религия объединяет наши силы. В этом ее смысл.

— Да ведь ты нарочно культивируешь здесь этот дух, — обвиняюще произнесла Джессика. — Ты просто не прекращаешь внушать им это!

— Ты меня этому и научила, — парировал Пауль.

Они в тот день много спорили. То был еще день обряда обрезания маленького Лето. Пауль понимал некоторые причины недовольства матери. Она, например, так и не смогла принять его раннюю женитьбу на Чани. Но, с другой стороны, Чани родила сына Атрейдеса — и Джессика не сумела оттолкнуть вместе с матерью и ребенка.

Под его взглядом Джессика наконец неловко пошевелилась и проговорила:

— Ты меня, наверно, считаешь плохой матерью.

— Что ты!

— Я же вижу, как ты смотришь на меня, когда я с твоей сестрой. Но ты не понимаешь. Она...

— Да нет же. Я знаю, почему Алия так отличается от всех, — пожал он плечами. — Она была еще частью тебя, она жила в тебе, когда ты изменила Воду Жизни. И она...

— Что ты можешь об этом знать!

Пауль внезапно почувствовал, что не может выразить словами видения, пришедшие к нему извне времени, и сказал только:

— В общем, я не считаю тебя плохой матерью.

Она, заметив, как он расстроен, наклонилась к нему:

— Послушай, сын...

— Да?

— Я все-таки люблю твою Чани. И принимаю ее.

...Да, все это было на самом деле. Это была реальность, а не видение — незавершенное, готовое измениться в родовых корчах при появлении на свет из чрева времени...

Эта уверенность помогла ему крепче ухватиться за мир. Кусочки реальности начали проникать сквозь сон в его разум. Внезапно он осознал, что находится в хайреге — пустынном лагере. Чани поставила палатку на самом мелком песке — чтобы было помягче. Значит, Чани рядом. Чани, его душа, его сихайя, Чани, нежная и прекрасная, как весна Пустыни. Чани, только что вернувшаяся из пальмовых рощ юга.

Теперь он вспомнил и одну из песен Пустыни, которую она спела ему перед сном.

О душа моя!
Не стремись этой ночью в рай —
И, клянусь тебе Шаи-Хулудом,
Ты придешь туда,
Покорившись моей любви.

А потом она пела ту песню, которую поют влюбленные, когда идут, взявшись за руки, по пескам; и ритм ее был точно песок дюн, осыпающийся под ногами.

Расскажи мне об очах твоих,
И я расскажу тебе о сердце твоем.
Расскажи мне о стопах твоих,
И я расскажу тебе о руках твоих.
Расскажи мне о снах твоих,
И я расскажу тебе о пробужденье твоем.
Расскажи мне о желаньях твоих,
И я расскажу тебе о том,
В чем нуждаешься ты.

В соседней палатке кто-то перебирал струны балисета. И он вспомнил Гурни Халлека; он как-то заметил лицо Халлека, мелькнувшее в отряде контрабандистов. Но Гурни его не видел — не мог видеть и даже слышать о нем, чтобы даже случайно не навести Харконненов на след убитого ими герцога.

Впрочем, манера игравшего быстро подсказала ему, кто это на самом деле: Чатт-Прыгун, командир федайкинов — бойцов-смертников, охранявших Муад'Диба.

Мы — в Пустыне, вспомнил наконец Пауль. *В Центральном эрге, куда не заходят харконненские патрули. Я здесь, чтобы пройти пески, подманить Подателя и самому взобраться на него — чтобы стать наконец настоящим фрименом.*

Теперь он почувствовал маулет и крис на поясе; физически ощутил окружавшую его тишину.

То была та особая предрассветная тишина, когда ночные птицы уже смолкли, а дневные создания не возвес-

тили еще о своей готовности встретить своего врага — солнце.

«Ты должен будешь ехать при свете дня, дабы Шаи-Хулуд увидел тебя и знал, что в тебе нет страха, — объяснял Стилгар. — А потому сегодня мы изменим распорядок и выспимся ночью».

Пауль тихо сел в полумраке дистителта. Расстегнутый дистикомб не облегал тело, а висел достаточно свободно. Но, хотя он и старался не шуметь, Чани его услышала.

Из темноты в дальнем углу палатки донесся ее голос:

— Любимый, еще не рассвело.

— Сихайя, — сказал он, и в его голосе зазвенел счастливый смех.

— Ты называешь меня весной Пустыни, — проговорила Чани, — но сегодня я — как стрекало погонщика. Ведь я — сайядина, назначенная наблюдать за точным исполнением обряда.

Пауль принялся затягивать застежки дистикомба.

— Ты мне как-то прочла слова из Китаб аль-Ибара, — вспомнил он. — Ты сказала: *«Вот женщина — она поле твое; итак, иди и возделывай его»*.

— Я — мать твоего первенца, — кивнула Чани.

В сером свете Пауль увидел, что она, в точности повторяя его движения, застегивает дистикомб, готовясь к выходу в открытую пустыню.

— Тебе следует отдохнуть как можно лучше, — сказала она.

Пауль услышал любовь в ее голосе и слегка поддразнил:

— Сайядина-наблюдательница не должна предупреждать или предостерегать готовящегося к испытанию.

Она скользнула к нему, коснулась рукой его щеки:

— Я сегодня — не только наблюдательница, но и женщина!

— Надо было тебе передать эту работу кому-нибудь другому.

— Ну нет, ждать куда хуже. Так я хоть рядом с тобой.

Пауль поцеловал ее ладонь, потом приладил лицевой фильтр, повернулся и с треском открыл входной клапан. Ворвавшийся в палатку прохладный ночной воздух Пустыни был не совсем сухим — в нем чувствовалась влага, которая с рассветом превратится в редкие, крохотные

капли росы. Ветерок принес с собой запах премеланжевой массы, которую вчера обнаружили к северо-востоку отсюда; а где премеланжевая масса, там, как он теперь знал, и червь неподалеку.

Пауль выполз через сфинктерный клапан, встал на песок и потянулся. Небо на востоке уже отсвечивало зеленоватым перламутром. Вокруг поднимались палатки, замаскированные под небольшие дюны. Слева от себя Пауль заметил движение. Это был часовой, и он тоже увидел Пауля.

Они все понимали, с какой опасностью ему предстоит столкнуться сегодня. Каждый из них в свое время прошел через это. Каждый фримен. Поэтому сейчас они оберегали его право на несколько минут одиночества — чтобы он успел подготовиться к испытанию.

Сегодня я должен сделать это.

Пауль подумал о власти, которую получил, когда фримены начали бороться с погромами. О стариках, которые посылали молодежь к нему, чтобы перенять приемы «колдовского боя»; о стариках, которые теперь внимательно выслушивали его на Совете и следовали его планам, а затем вознаграждали его наивысшей у фременов похвалой: «Твой план удался, Муад'Диб».

И при этом даже худшие из фременских бойцов могли сделать то, на что он пока не решался. Пауль прекрасно понимал, что его авторитет вождя не может не страдать от этого.

Он еще ни разу не ездил на черве.

Вернее, он, разумеется, ездил с остальными — в учебные походы и в налеты. Но сам — никогда. И до тех пор, пока он не оседлает червя сам, пределы его мира будут зависеть от других. Ни один настоящий фримен не может допустить такого. Пока он не овладеет этим искусством сам, даже бескрайние земли Юга, начинавшиеся манках в двадцати от эргов, были для него недоступны — разве что он велит подать паланкин и поедет так, как пристало лишь Преподобной Матери, да еще больным и раненым.

Он вспомнил внутреннюю борьбу, пережитую ночью. Какая странная параллель: если он одолеет Подателя, его власть укрепится; если сумеет овладеть своим внутренним взором — тоже... Но пока все, что лежало впереди,

было закрыто как бы тучами, и только Великая Смута, охватившая всю Вселенную, кипела там.

Различие путей, которыми он постигал Вселенную, не давало ему покоя. Как сочетались точность и поразительная приблизительность! Он видел Вселенную как она есть, in situ, живущей и меняющейся. Но «теперь», входя в реальность, начинало жить своей собственной жизнью, развиваться, обретая собственные черты. Ужасное же его предназначение оставалось. Сознание расы оставалось. И джихад грозно полыхал впереди, кровавый и беспощадный...

Чани вышла к нему, встала, обхватив себя за локти, взглянула искоса — как всегда, когда она старалась определить его настроение.

— Расскажи мне еще раз о водах твоего родного мира, Усул, — попросила она.

Он понял, что Чани пытается отвлечь его, ослабить напряжение перед смертельно опасным испытанием. Светало, и некоторые федайкины уже сворачивали палатки.

— Лучше ты расскажи мне о сиетче и о моем сыне, — улыбнулся Пауль. — Как он, наш Лето, — уже взял в свои руки власть в доме? Матерью моей уже командует?

— И Алией тоже, — улыбнулась она в ответ. — А как растет! Великаном будет!

— Как там, на Юге? — спросил он.

— Научишься ездить — сам увидишь.

— Но я хотел бы сперва увидеть все твоими глазами.

— Там очень одиноко, — ответила она.

Он коснулся платка-нежони, повязанного на ее лбу под капюшоном дистикомба.

— Почему ты не хочешь говорить про сиетч?

— Я уже все рассказала. Нам одиноко там без наших мужчин. Это — место для работы. Мы работаем в цехах и гончарной мастерской. Делаем оружие, шестуем пески, чтобы предсказывать погоду, собираем Пряность — много кого приходится подкупать... Кроме того, вокруг — дюны, которые надо засадить и закрепить. Еще мы делаем ткани, ковры, заряжаем аккумуляторы. Разумеется, воспитываем детей — племя не должно терять свою силу...

— Неужели там нет ничего хорошего?

— Как — нет? А дети?.. Мы выполняем все обряды. Еды у нас вдоволь. Время от времени женщины ездят на

Север, чтобы разделить ложе с мужчиной. Жизнь должна продолжаться...

— А моя сестра, Алия... приняло ли ее племя?

Чани повернулась лицом к нему и в свете разгорающегося утра посмотрела ему в глаза.

— Об этом лучше поговорим в другой раз, любимый.

— Сейчас.

— Тебе надо беречь силы для испытания...

Кажется, он коснулся больного места: ее голос прозвучал отстраненно.

— Неизвестность и недосказанность тоже заставляют волноваться, — возразил он ей.

Помедлив, она кивнула.

— Пока... случаются еще недоразумения, — неохотно начала она. — Алия слишком... необычна. Женщины боятся ее, потому что ребенок, едва не младенец, говорит о... вещах, которые должны бы знать только взрослые. Они не понимают то... изменение, происшедшее с ней во чреве матери... изменение, сделавшее Алию такой... отличной от всех.

— Значит, недоразумения? — переспросил он и подумал: *Не зря у меня были видения о проблемах вокруг Алии и...*

Чани взглянула на разгорающийся горизонт.

— Некоторые женщины пошли даже к Преподобной Матери. Они требовали, чтобы она изгнала демона из своей дочери, и цитировали Писание — «да не потерпите вы, чтобы ведьма жила меж вами».

— И что же ответила им мать?

— Напомнила им закон и выпроводила их, весьма сконфуженных. Она сказала: «Если Алия и вызывает у вас беспокойство, то причиной тому — неспособность предвидеть и предупредить случившееся с ней». И попыталась объяснить им, как случилось, что преображенная Вода Жизни подействовала на Алию в ее чреве. Но женщины сердились, потому что она пристыдила их, и ушли, сердито ворча.

С Алией всегда будут сложности... — подумал он.

Колючий песок, пахнущий премеланжевой массой, коснулся открытых участков кожи.

— Эль-саяль — песчаный дождик, приносящий утро... — пробормотал он.

В сероватом свете утра он оглядел пески: земля, не знающая жалости, песок — мир в себе, песок, сливающийся с песком...

На юге, где еще не разошлась ночная тьма, сверкнула сухая молния — последняя буря наэлектризовала пески, в них накопился сильный статический заряд. Гром послышался с сильным запозданием.

— Голос, украшающий землю, — сказала Чани.

Люди один за другим вылезали из палаток. Подошли часовые, дежурившие за скалой. Приказывать не требовалось — все шло по заведенному издревле распорядку.

«Как можно меньше приказывай, — учил его отец... когда-то... очень давно... — Раз прикажешь — «делайте то-то и то-то», и потом всегда придется приказывать о том же».

Фримены инстинктивно следовали этому правилу.

Хранитель воды начал утренний молитвенный распев, добавив к нему слова, открывающие ритуал посвящения в наездники Пустыни.

— Мир — лишь пустая оболочка, и все в мире смертно, — читал он нараспев, и голос его плыл над дюнами. — Кто отвратит десницу Ангела Смерти? И свершится установленное Шаи-Хулудом...

Пауль слушал. Он, конечно, заметил, что этими же словами начиналась смертная песнь федайкинов; воины-смертники распевали ее, кидаясь в бой.

Может быть, и сегодня здесь сложат каменный курган, чтобы отметить еще одну смерть, — подумал он. — *И проходящие мимо фремены будут останавливаться, и каждый добавит по камню к этому кургану, и вспомнит Муад'Диба, погибшего здесь...*

Такая возможность тоже была на одной из вероятностных линий будущего, расходящихся из той точки пространства-времени, где он находился сейчас. Неопределенность видений мучила его. Чем больше боролся он со своим ужасным предназначением, чем больше старался не допустить джихад, тем большее смятение охватывало его пророческое ви́дение. Будущее казалось ему бурной рекой, несущейся в пропасть, — а за нею все было закрыто туманом...

— Стилгар идет, — сказала Чани. — Любимый, я должна теперь отойти. С этой ми́нуты я только сайядина, наблю-

дающая за обрядом, чтобы потом все было верно занесено в Хроники. — Она взглянула на него снизу вверх, и на миг самообладание изменило ей. Впрочем, она тут же взяла себя в руки. — Когда испытание закончится, я сама приготовлю тебе завтрак, — пообещала она и отвернулась.

Стилгар подошел к ним. При каждом его шаге мелкий, как тонкая мука, песок взлетал легкими облачками из пыльных луж. Он не сводил с Пауля неукротимого взгляда обведенных тенью глаз. Его лицо с угловатыми обветренными скулами, с черной бородой, выбивавшейся из-под лицевого клапана дистикомба, казалось высеченным из камня.

Стилгар нес знамя Пауля — черно-зеленое полотнище с водяной трубкой дистикомба на древке. Это знамя уже стало легендой среди фременов. Не без гордости Пауль подумал: *«Я теперь не могу сделать ни одного пустяка без того, чтобы он тут же не превратился в легенду. Они все заметят: как я простился с Чани, как приветствовал Стилгара... каждый мой сегодняшний шаг. Буду я жить или погибну — в любом случае это войдет в легенду. Но я не могу умереть — ибо тогда останется только легенда, и ничто не сможет остановить джихад».*

Стилгар воткнул древко знамени в песок рядом с Паулем, встал, опустив руки. Синие-в-синем глаза смотрели спокойно и сосредоточенно. Это напомнило Паулю, что и его собственные глаза тоже начала затягивать синяя дымка ибада. Пряность...

— Они запретили нам хадж! — провозгласил с ритуальной торжественностью Стилгар.

Пауль, как учила Чани, ответил:

— Кто смеет отказать свободному фримену в праве идти или ехать, куда он пожелает?

— Я — наиб, — продолжил Стилгар, — и враг никогда не возьмет меня живым. Я — опора треножника смерти, несущего гибель всем нашим врагам.

Наступила пауза.

Пауль оглядел фременов, неподвижно стоявших за спиной Стилгара. Каждый в этот миг повторял про себя слова молитвы. И он подумал: вот народ, чья жизнь состоит из непрерывных сражений и убийств, каждый день которого исполнен лишь ярости и скорби — и никто из

них даже представить себе не мог, что явится нечто и заменит эти чувства... Единственно—мечта, которой поделился с ними незадолго до гибели Лиет-Кинес. Поделился — и смог заразить ею и самого Пауля, и его мать.

— Где Господь, Который вел нас по пустыне, по земле пустой и необитаемой, по земле сухой, по земле тени смертной? — вопросил Стилгар.

— Он вечно пребудет с нами, — хором, нараспев произнесли фримены.

Стилгар расправил плечи, подошел вплотную к Паулю и понизил голос:

— Не забудь, чему я тебя учил. Действуй прямо и просто, не вздумай фокусничать. У нас дети впервые вскакивают на червя в двенадцать. Ты больше чем на шесть лет старше, и ты не был рожден для нашей жизни. Тебе не нужно сейчас поражать нас своей смелостью; мы знаем, что ты храбр. Все, что ты должен сделать, — это подманить Подателя, вскочить на него и проехать некоторое расстояние.

— Не забуду, — ответил Пауль.

— Ну, смотри. Я учил тебя и не хотел бы, чтобы ты осрамил меня.

Он вытащил из-под плаща пластиковый шест около метра длиной. С одного конца шест был заострен, на другом была закреплена заводная пружинная трещотка.

— Я сам подготовил для тебя манок. Он в полном порядке. Бери.

Пауль принял манок, ощутил теплый, гладкий пластик.

— Твои крючья у Шишакли, — продолжал Стилгар. — Он вручит их тебе, когда ты поднимешься вон на ту дюну. — Он показал рукой. — Вызови большого Подателя, Усул. Веди нас!

В его голосе звучала не только ритуальная торжественность, но и тревога за друга.

В этот миг солнце словно выпрыгнуло из-за горизонта. Небо сразу же приняло серебристый серо-голубой цвет — это обещало день необычайно сухой и жаркий даже для Арракиса.

— Приходит палящий день, — провозгласил Стилгар уже совершенно торжественным тоном. — Ступай, Усул, и оседлай Подателя, и отныне странствуй в песках, как подобает вождю людей.

Пауль отсалютовал своему знамени — ветер стих, и черно-зеленое полотнище неподвижно обвисло — и повернулся к дюне, на которую указал Стилгар: грязно-бурые склоны, S-образный гребень. Остальные уже уходили в противоположную сторону и поднимались на дюну, под склоном которой укрывался их лагерь.

Перед Паулем оставался только один человек — Шишакли, взводный командир федайкинов. Его лицо было закрыто, между капюшоном и лицевым клапаном виднелись только раскосые глаза.

Шишакли протянул ему два тонких, похожих на хлысты прута, каждый был метра полтора длиной, со сверкающим крюком из пластали на конце. Второй конец был утолщенным и шероховатым для надежного захвата.

— Это мои собственные крючья, — хрипло пробасил Шишакли. — Они меня ни разу не подводили.

Пауль кивнул, сохраняя молчание, как велел обычай. Взял крючья, обошел Шишакли и продолжил подъем к гребню дюны. На самом верху он остановился, оглянулся: его отряд рассыпался по пескам, точно вспугнутая мошкара. Впечатление усиливали развевающиеся на ходу полы одежд. Теперь Пауль остался один. Он стоял на песчаном гребне, и перед ним раскинулась Пустыня. До самого горизонта, плоского и неподвижного. Стилгар выбрал хорошую дюну: она была выше остальных, и с нее было дальше видно.

Наклонившись, Пауль глубоко воткнул шест манка в наветренный склон, где песок был плотнее, и, значит, стук манка передавался по нему лучше. Несколько секунд он медлил, в последний раз вспоминая полученные уроки и думая о предстоящем деле — поистине деле жизни или смерти.

Как только он отпустит стопор, манок застучит. Где-то в песках гигантский червь, Податель, услышит этот стук и придет на него; пользуясь похожими на хлысты крючьями, учили Пауля, можно вскарабкаться вверх по крутому боку червя. Червь сам поможет ему: пока крюк оттягивает назад передний край одного из кольцевых сегментов его тела, открывая более нежную плоть колючему песку, животное не уйдет под поверхность и, более того, извернется так, чтобы открытый участок оказался насколько возможно дальше от песчаной поверхности.

Я — наездник Пустыни, сказал себе Пауль.

Он глянул на крючья в левой руке и подумал, что, для того чтобы заставить Подателя поворачивать и двигаться в нужную сторону, надо только передвигать эти крючья по краю сегмента гигантского тела. Он видел, как это делается. Ему помогали вскарабкаться на червя для коротких тренировочных поездок. Раз захваченного червя можно было гонять, пока тот не обессилеет и не встанет неподвижно в песках. Тогда приходилось подманивать свежего.

Как только он пройдет испытание, он получит право совершить поездку за двадцать манков к югу, чтобы отдохнуть и восстановить силы в краю женщин и детей, укрытых от погромов среди новых пальмовых рощ, в тайных сиетчах под землей.

Он поднял голову и взглянул на юг, напомнив себе, что в испытании есть два неизвестных: неукрощенный червь, вызванный из просторов эрга, и сам новичок испытуемый...

«Тщательно оцени подходящего к тебе Подателя, — наставлял Стилгар. — Стой достаточно близко, чтобы вскочить на него, но не настолько, чтобы он тебя проглотил».

Он решительно отщелкнул стопор. Трещотка завертелась, и по пескам разнесся размеренный стук: тумп... тумп... тумп...

Он выпрямился, оглядел горизонт, помня слова Стилгара: «Тщательно следи за направлением его движения, просчитай его путь. Помни: червь редко подходит к манку незаметно. Но все равно будь настороже и слушай: часто ты услышишь приближение червя прежде, чем увидишь его».

Вспомнил он и предупреждение Чани — ночью в палатке ее одолел страх за него, и она шепотом повторила: «Когда выберешь позицию близ пути Подателя — стой абсолютно неподвижно! Даже думай, как маленькая дюна. Укройся плащом — и стань ею, стань песчаным холмиком снаружи и внутри».

Пауль медленно оглядывал горизонт, слушал и ждал появления знака червя — все как учили.

И он пришел с юго-востока: далекое шипение, песчаный шорох. Затем он увидел вдали в утреннем свете, бросавшем длинные тени, след быстро идущего червя — никогда еще он не видал Подателя таких гигантских разме-

ров и даже не слыхал о таком. В нем было не меньше полулиги в длину, а песчаная волна перед головой чудовищной твари казалась настоящей движущейся горой.

Я не видал ничего подобного ни в реальности, ни в своих видениях, подумал Пауль. И побежал наперерез — занять позицию для перехвата червя, полностью поглощенный предстоящим испытанием.

«Контролируйте выпуск денег и суды; все же прочее оставьте толпе». Так советует вам Падишах-Император. И он же учит: «Если хотите иметь прибыли — вы должны править». Да, в его словах есть правда. Но, спрашиваю я себя, кто есть толпа — и кем правят?»

(Принцесса Ирулан, «Арракис Пробуждающийся». Приводится текст тайного послания Муад'Диба Ландсрааду)

Джессике пришла нежданная мысль: *Пауль, может быть, именно сейчас проходит испытание. Они хотели скрыть это от меня — но это же ясно...*

И Чани вот уехала по какому-то загадочному делу...

Джессика сидела в покоях для отдыха: выдалась тихая минутка между ночными уроками. Комната была уютная, хотя и не такая большая, как та, которую ей предоставили в Сиетче Табр незадолго до того, как они бежали, спасаясь от погрома. Но и тут на полу лежали толстые ковры, мягкие подушки, под рукой — низкий кофейный столик, многоцветные драпировки на стенах и плавающие лампы под потолком, льющие мягкий желтоватый свет. Разумеется, комната насквозь пропиталась едким, кисловатым запахом фрименского сиетча. Только теперь этот запах ассоциировался у нее с безопасностью.

И все-таки она знала, что эти стены никогда не станут родными для нее, что она никогда не сумеет преодолеть чувство отчужденности. Напрасно пытались ковры и драпировки скрыть суровость этих каменных стен...

Из коридора доносились слабые, приглушенные стенами и расстоянием звуки барабанов, металлическое бряцание, хлопки в ладоши. Это, знала Джессика, праздновали рождение ребенка. Скорее всего родила Субийя — по времени срок ее. И, конечно, скоро этого синеглазого ангелочка

принесут к Преподобной Матери — к ней — для благословения. Кроме того, она знала, что ее дочь, Алия, конечно, будет на празднике и ей подробно все расскажет.

А для ночной поминальной молитвы время еще не пришло. Да никто бы и не начал праздник рождения ребенка обрядом оплакивания тех, кто был захвачен в рабство на Поритрине, на Бела Тейгейзе, на Россаке, на Хармонтепе.

Джессика вздохнула. Конечно, она понимала, что на самом деле старается сейчас отвлечься от мыслей о сыне и об угрожающих ему смертельных опасностях — ямах-ловушках с отравленными шипами, харконненских рейдах (впрочем, в последнее время харконненские войска все реже отваживались на набеги — фримены поубавили им прыти с помощью данного Паулем оружия, навсегда оставив в Пустыне довольно много и топтеров, и самих харконненских вояк). А еще были и естественные опасности Пустыни — Податели, жажда, пыльные провалы...

Она хотела было велеть подать кофе, но остановилась, задумавшись над давно занимавшим ее парадоксом: насколько фримены в своих сиетчах жили лучше, чем пеоны грабенов; а с другой стороны, во время хаджров в Пустыне фрименам приходится выносить куда больше, чем любому из рабов Харконненов...

Занавеси подле нее раздвинулись, в образовавшуюся щель просунулась темная рука, поставила на столик чашку и исчезла. От чашки поднимался аромат кофе, щедро сдобренного Пряностью.

С праздничного стола, подумала Джессика.

Она взяла чашку и принялась прихлебывать из нее, улыбаясь. *В каком другом обществе во всей известной Вселенной,* спросила она себя, *мог бы некто, занимающий столь же заметное положение, без опаски пить неизвестно кем приготовленный и неизвестно кем поданный напиток? Теперь-то я, конечно, могла бы изменить внутри себя любой яд. Но подавший мне кофе об этом не знает!*

Она допила кофе. Горячий, вкусный напиток придал ей сил и бодрости.

И еще, подумала она. *Ну в каком еще обществе так непринужденно и естественно оберегали бы ее покой и уединение — даритель лишь подал подарок, а сам и не показался! И сам*

подарок был послан ей с любовью и уважением — и лишь с крошечной толикой страха.

Да, и еще одна сторона случившегося. Стоило ей подумать о кофе, и он тут как тут. Но телепатия здесь ни при чем. Это все — «тау», единство общины сиетча, компенсация за то, что Пряность — пусть слабый, но все-таки яд. Большинству было недоступно просветление, сошедшее на нее благодаря Пряности; их этому не учили и к этому не готовили. Их разум отвергал то, что не мог понять. Но все же зачастую община вела себя как единый организм и ощущала себя таковым.

Мысль о «совпадениях» им даже в голову не приходила.

Прошел ли Пауль испытание в песках? — снова спросила себя Джессика. *Удалось ли ему? Он должен суметь, но даже с лучшим может произойти несчастный случай. На то он и случай...*

Как же трудно — ждать!

Главное — это скука. Ждешь, ждешь... и постепенно тебя одолевает скука ожидания!

А ожидание занимало в их жизни немало места.

Мы здесь уже больше двух лет, думала она, *и придется ждать по крайней мере еще вдвое дольше, прежде чем мы сможем попытаться отбить Арракис у харконненского управителя. У Мудир-Нахъя. У Зверя Раббана.*

— Преподобная?..

Голос за занавесью принадлежал Харе, второй женщине дома Пауля.

— Да, Хара, войди.

Занавеси раздвинулись, Хара скользнула внутрь. На ней были сандалии для ношения в сиетче и красно-желтый халат с короткими, открывавшими руки почти до плеч рукавами. Черные волосы разделены посередине пробором, гладко зачесаны назад и смазаны маслом — точно надкрылья какого-то жука. Хищное, словно вытянутое вперед лицо напряженно нахмурено.

За ней вошла Алия — девочка чуть старше двух лет.

Увидев дочь, Джессика, как часто бывало, поразилась сходству Алии с Паулем в том же возрасте: тот же серьезный, вопросительный взгляд, те же темные волосы, тот же упрямый рот. Но были и отличия — из-за них большинству взрослых становилось не по себе в присутствии

Алии. Девчушка-малышка, не так давно начавшая даже ходить, вела себя со взрослым спокойствием и уверенностью. Взрослых шокировало, когда она смеялась над тонкой игрой слов, двусмысленными каламбурами, которыми перебрасывались мужчины и женщины. А иногда Алия своим шепелявым голоском, не всегда внятным из-за неокрепшего еще мягкого нёба, вставляла такие лукавые замечания, которые подразумевали жизненный опыт отнюдь не двухлетнего младенца...

Хара, не без раздражения вздохнув, тяжело опустилась на подушки, исподлобья взглянула на девочку.

— Алия, подойди, — поманила Джессика дочь.

Та подошла к матери, тоже села на подушку, ухватила ее руку. Телесный контакт, как всегда, восстановил и контакт сознаний, существовавший между ними еще до рождения Алии. То были не общие мысли у обеих, не ТП — хотя и такое случалось, если Алия прикасалась к матери в момент, когда Джессика преобразовывала меланжевый яд для церемоний. Но это — это было нечто большее, непосредственное восприятие другой живой искры, острое чувство единства на уровне нервной системы, делавшее их и эмоционально единым целым.

Джессика в формальной манере, подобающей в обращении с домашними ее сына, обратилась к Харе:

— Субах-уль-кахар, Хара, — как чувствуешь ты себя этой ночью?

В том же традиционно формальном ключе та ответила:

— Субах-ун-нар — у меня все в порядке в эту ночь.

Она произнесла приветственную формулу почти без выражения и снова вздохнула.

Джессика почувствовала, что Алия смеется про себя.

— Гханима́ моего брата мною недовольна, — объяснила она, слегка шепелявя.

Джессика, разумеется, не могла не отметить, что Алия назвала Хару «гханима». Так у фременов назывался добытый в бою трофей, причем обычно такой предмет, который более не использовался по первоначальному, прямому назначению, — так, безделушка и на память о победе. К примеру, наконечник копья, подвешенный к занавеске в качестве грузика.

Хара метнула на девочку сердитый взгляд:

— Не нужно меня оскорблять, дитя. Я свое место помню.

— И что ты на этот раз натворила, Алия? — спросила Джессика.

За нее ответила Хара:

— Сегодня она не только отказалась играть с другими детьми, но и влезла, куда...

— Я спряталась за занавеской и смотрела на рождение ребенка Субийи, — объясняла Алия. — Это мальчик. Он все кричал, кричал... Ну у него и легкие! Ну и когда я увидела, что он покричал достаточно...

— Она подошла и коснулась его! — возмущенно сказала Хара. — И он замолчал, а ведь всякий знает, что фрименский ребенок должен как следует выкричаться, если он в сиетче, — потому что он больше не должен будет кричать или плакать, чтобы не выдать нас во время хаджра.

— А он и выкричался, — сообщила Алия. — Я только хотела прикоснуться к его искорке... ну, к жизни. Только и всего. А когда он ощутил меня, он больше не хотел плакать.

— Разговоров прибавится, — пробурчала Хара.

— Но ребенок Субийи здоров? — спросила Джессика. Она видела, что Хара чем-то сильно встревожена.

— Здоровее не бывает, — ответила Хара. — И все знают, что Алия ему не повредила. И, в общем, не рассердились, что она его трогала. Тут другое... — Хара пожала плечами.

— Все дело в странности моей дочери? — спросила Джессика. — В том, что она говорит не как ребенок ее лет и знает вещи, по возрасту ей не положенные, например, образы из прошлого...

— Ну откуда ей знать, например, как выглядел какой-то там ребенок на Бела Тейгейзе?!

— Так он же похож! — возмущенно сказала Алия. — Мальчик Субийи в точности как сын Митхи, что родился перед самым уходом...

— Алия! — строго сказала Джессика. — Я же тебя предупреждала!

— Но, мама, я же сама видела и...

Джессика покачала головой — на лице Хары было написано сильное беспокойство. *Кого же я родила?* — спросила себя Джессика. *Она уже в миг рождения знала столько же, сколько я... даже больше — все, что открылось с помощью Преподобной Матери в коридорах прошлого...*

— Дело не только в том, что она сказала, — мрачно проговорила Хара. — Тут и другое: ее упражнения, например: сядет и уставится в скалу, и только один какой-нибудь мускул дергается, возле носа или на пальце, или...

— Бене-Гессеритские упражнения, — кивнула Джессика. — Ты же знаешь про них, Хара. Надеюсь, ты не собираешься отказывать моей дочери в наследственности?

— Тебе известно, Преподобная, что для меня такие вещи ничего особенного не значат, — ответила Хара. — Но люди-то шепчутся... Я чувствую опасность. Они говорят, что твоя дочь — демон, что другие дети отказываются с ней играть, что она...

— У нее слишком мало общего с другими детьми, — сказала Джессика. — Какой она демон! Просто она...

— Конечно, она не демон!

Джессика поразилась, с какой горячностью Хара сказала это. Она перевела взгляд на Алию. Девочка как будто совершенно ушла в свои мысли — как будто... ждала чего-то. Джессика вновь обернулась к Харе.

— Я уважаю домашних моего сына, — сказала Джессика (а Алия пошевелилась у нее под рукой). — Ты можешь открыто говорить со мной обо всем, что тебя тревожит.

— Недолго мне быть в его доме! — ответила Хара. — Я ждала до сих пор ради своих сыновей, ради всего, чему они научились, как сыновья Усула. Это немного, но это все, что я могла им дать, — ведь все знают, что я не делю ложе с твоим сыном.

Алия, теплая в полудреме, опять шевельнулась под рукой матери.

— Но тем не менее ты могла бы стать хорошей подругой и помощницей моему сыну... — сказала Джессика. И добавила про себя, потому что не переставала думать об этом: только не женой. А от этой мысли было, конечно, недалеко и до другой, более важной, что как заноза по-

стоянно мучила ее: в сиетче уверенно говорили, что союз ее сына с Чани стал уже настоящим супружеством.

«Я-то люблю Чани...» — подумала Джессика. И тут же напомнила себе, что любви, может быть, придется уступить дорогу политическим соображениям... вопросам короны. Монархи, как известно, редко женятся по любви.

— Думаешь, я не знаю, что ты готовишь для сына? — продолжала Хара.

— Ты о чем? — строго спросила Джессика.

— Ты хочешь объединить все племена под Его рукой.

— Разве это плохо?

— Я вижу опасность для него... и Алия — часть этой опасности.

Алия теснее прижалась к матери. Теперь она открыла глаза и внимательно смотрела на Хару.

— Я же смотрела на вас, — сказала та. — Как вы касаетесь друг друга. И Алия для меня — родная плоть, ведь она сестра тому, кто как брат мне. Я присматривала за ней и берегла ее с тех пор, когда она была совсем крошкой. С той самой раззии, после которой мы укрылись здесь. И я многое видела...

Джессика кивнула. Она чувствовала, как в Алие нарастает тревога.

— Ты понимаешь, о чем я говорю, — продолжала Хара. — Как с первого дня она понимала все, что мы говорим ей. А разве знал свет другого ребенка, который бы в столь раннем детстве так знал и соблюдал водную дисциплину? И разве был когда ребенок, чьими первыми словами к няньке было бы: «Я люблю тебя, Хара»?..

Хара прямо посмотрела на Алию.

— Почему, как ты думаешь, я терплю все ее подковырки и оскорбления? Потому что знаю, что на самом деле она на меня худа не держит!

Алия подняла глаза на мать.

— Да, Преподобная, я тоже умею думать, — сказала Хара. — Я сама могла бы стать сайядиной. И что я видела — то видела.

— Хара... — Джессика пожала плечами. — Я не знаю, что сказать... — И она поразилась собственным словам, потому что это буквально была чистая правда: она не знала, что сказать.

Алия выпрямилась, развернула плечики. Джессика поняла — время ожидания прошло. Алией владело сложное чувство, смесь решимости и грусти.

— Мы совершили ошибку, — сказала Алия. — Теперь нам нужна Хара.

— Это случилось во время Обряда Семени, — проговорила Хара. — Когда ты, Преподобная, преобразовывала Воду Жизни: когда Алия еще жила, нерожденная, в твоем чреве.

Нам нужна Хара? — удивленно повторила про себя Джессика.

— А кто еще может поговорить с людьми, помочь им хотя бы начать понимать меня? — ответила девочка.

— И что ты хочешь, чтобы она сделала? — спросила Джессика.

— Она уже знает, что ей делать.

— Я расскажу им правду, — сказала Хара, и ее лицо показалось вдруг им старым и грустным. Оливковая кожа собралась в хмурые морщинки на лбу, а в острых чертах проглянуло настоящее колдовство. Хара стала похожа на ведьму. — Я скажу им, что Алия только притворяется маленькой девочкой, а на самом деле и не была ею никогда.

Алия покачала головой. По ее щекам потекли слезы, и Джессика ощутила волну ее печали, как свою собственную печаль.

— Я знаю, что я урод... — прошептала Алия. Взрослые слова и интонация из детских уст прозвучали подтверждением горькой истины.

— Никакой ты не урод! — оборвала ее Хара. — Кто посмел сказать тебе такое?!

Джессика вновь поразилась яростной силе голоса Хары и готовности, с какой она бросилась на защиту Алии. И Джессика поняла — Алия рассудила верно: Хара им нужна. Племя поймет ее слова и чувства, ибо было очевидно, что она любит Алию, как свое собственное дитя.

— Так кто это сказал?! — повторила Хара.

— Никто.

Уголком материнской абы Алия вытерла слезы. Разгладила смятый и промокший край ткани.

— Ну так и ты не говори такого! — велела Хара.

— Да, Хара.

— Ну а сейчас, — сказала Хара, — можешь все рассказать мне. Чтобы я рассказала другим. Итак, что с тобой случилось?

Алия сглотнула, подняла взгляд на мать.

Джессика кивнула.

— Однажды я проснулась, — проговорила Алия. — Это было как пробуждение ото сна, вот только я не помнила, чтобы засыпала перед этим. Я была в каком-то теплом, темном месте. И я — испугалась.

Слушая шепелявящий голосок дочери, Джессика вспомнила тот день, огромную пещеру...

— Когда я испугалась, — продолжала девочка, — я попыталась выбраться из этого места; но выхода не было. Потом я увидела искорку... то есть не совсем увидела. Эта искорка была прямо там, со мной, мы были вместе; и я ощутила эмоции, исходившие от нее... она меня утешала, успокаивала, обещала, что все будет хорошо. Это была моя мать.

Хара вытерла глаза и ободряюще улыбнулась Алие. Но все-таки глаза фрименки диковато поблескивали — хотя казалось, будто Хара хочет и глазами слушать рассказ Алии.

Что можем мы знать о том, что думает она — с ее уникальным опытом, воспитанием и наследственностью?.. — подумала Джессика.

— Но как только я успокоилась и почувствовала себя в безопасности, — рассказывала Алия, — появилась еще одна искра... тут-то все и случилось. Этой третьей искрой была Преподобная Мать. Она... передавала маме многие жизни... все, что у нее было... и я была с ними и все видела... все-все. И потом все кончилось, и я была уже всеми ими, и еще другими, и самой собой... только мне пришлось очень долго искать себя. Там было слишком много других.

— Это было жестоко, — проговорила Джессика, — никто не должен *так* пробуждаться к жизни. Но всего поразительнее то, что ты сумела принять все, что с тобою случилось!..

— А что мне оставалось? — пожала плечиками Алия. — Я не знала, как оттолкнуть все это или спрятать свое сознание... или закрыть его, отгородиться... всё просто случилось... всё это...

— Но мы же не знали... — пробормотала Хара. — Когда мы давали твоей матери Воду, чтобы она изменила ее, мы не знали, что она уже носит под сердцем тебя...

— Не печалься об этом, Хара, — сказала Алия. — Да и мне себя жалеть не стоит. В конце концов, тут и порадоваться можно: я ведь Преподобная Мать. У племени, значит, две Препо...

Она замолчала и, склонив голову, прислушалась.

Хара, сидевшая на пятках рядом с ней, откинулась назад, пораженно уставилась на Алию, затем подняла взгляд на Джессику.

— Неужели ты даже не подозревала? — спросила Джессика.

— Ш-ш-ш, — поднесла палец к губам Алия.

Из-за занавеси, отделявшей комнату от коридора сиетча, доносился далекий ритмичный напев. Он стал громче. Теперь были слышны слова: «Йа! Йа! Йаум! Йа! Йа! Йаум! Му зейн валлах! Йа! Йа! Йаум! Му зейн валлах!»

Хор приблизился, прошествовал мимо входа в йали, голоса наполнили все комнаты. Постепенно звук удалился.

Когда он почти затих, Джессика начала обряд, скорбно возвестив:

— То было в рамадан, и апрель стоял на Бела Тейгейзе.

— Семья моя сидела в нашем бедном дворике, — подхватила Хара, — и воздух был умыт влажной пылью фонтанной струи. И простирало ветви дерево, и портигюли висели на них, круглые и яркие, только руку протяни. Стояла корзина, полная мишмиша и баклавы, и рядом — кувшины с либаном — все добрая пища и питье. Мир был над нашими садами и пастбищами, и мир в домах наших, и был мир по всей земле.

— Итак, полна счастья была жизнь, покуда не явились враги, — продолжила Алия.

— Кровь стыла в жилах от криков друзей моих, — сказала Джессика — и почувствовала, как сквозь все жизни, влившиеся в ее память, приходят кровавые воспоминания.

— «Ла, ла, ла», — стенали женщины, — опять вступила Хара.

— И вот ворвались в мой муштамаль налетчики и бросились на нас; кровь капала с их клинков, и то была кровь наших мужчин, — снова была очередь Джессики.

Они замолчали, как замолчали люди по всему сиетчу, во всех его помещениях, вспоминая и не давая угаснуть давнему горю.

Наконец Хара произнесла слова, завершавшие ритуал, и эти слова прозвучали так жестко, как Джессике не приходилось еще их слышать:

— Никогда не простим и никогда не забудем.

В задумчивой тишине, наставшей после этих слов, они услышали неясные голоса людей, шелест множества одежд. Джессика почувствовала, что за занавесью кто-то стоит.

— Преподобная?..

Женский голос. Джессика узнала его — Тартар, одна из жен Стилгара.

— В чем дело, Тартар? — спросила Джессика.

— Дурные вести, Преподобная...

У Джессики сжалось сердце от страха за сына.

— Пауль, — выдохнула она.

Тартар развела занавеси и вошла. Прежде чем занавеси упали, Джессика успела заметить, что в передней толпится народ. Она посмотрела на Тартар: невысокая смуглая женщина в черном с красными узорами платье; ноздри раздуваются, открывая натертые носовыми фильтрами мозоли; сплошь синие глаза в упор смотрят на нее.

— Так что случилось? — требовательно спросила Джессика.

— Весть из песков, — ответила Тартар, — Усул сегодня встречается с Подателем — сегодня испытание... да, сегодня. Молодежь уверена, что он не может не справиться, и говорит, что еще до заката он станет наездником Пустыни. И парни собираются на раззию. Они поедут на север и встретят там Усула. Затем они собираются заставить Усула бросить вызов Стилгару и взять власть над всеми племенами.

Копить воду, засаживать дюны зеленью, медленно, но верно заменять свой мир — всего этого им уже недостаточно, подумала Джессика. *Маленькие набеги, маленькие — но наверняка, этого им больше недостаточно. Теперь, когда Пауль и я обучили их стольким вещам... Они почувствовали свою силу — и рвутся в бой.*

Тартар переступила с ноги на ногу, кашлянула.

Нам известно, как важно осторожное ожидание, думала Джессика, *но мы знаем и опасность, скрытую в слишком долгом ожидании: можно потерять чувство цели...*

— Парни говорят — если Усул не вызовет Стилгара, он трус, — добавила Тартар и опустила глаза.

— Вот, значит, как... — пробормотала Джессика и подумала: *Хорошо, что я видела, как это назревает. И Стилгар тоже.*

Тартар опять прочистила горло.

— Даже мой брат, Шоаб, говорит то же самое, — сказала она. — Они не оставят Усулу выбора.

Значит, пришел этот час. И Паулю придется самому разбираться с этим: Преподобная Мать не смеет вмешиваться в вопросы преемственности власти.

Алия высвободила руку из пальцев матери и сказала:

— Пойду с Тартар, послушаю парней. Может, можно сделать что-нибудь.

Джессика посмотрела на Тартар, но ответила дочери:

— Ну, иди. Расскажешь все мне, как только сможешь.

— Мы не хотим, чтобы так случилось, Преподобная, — сказала Тартар.

— Мы не хотим, — согласилась Джессика. — Племени нужны *все* его силы. — Она взглянула на Хару: — А ты с ними пойдешь?

Хара ответила на непроизнесенную вслух часть вопроса:

— Тартар не допустит, чтобы с Алией что-то случилось. Она же знает, что скоро мы с нею обе будем женами одного человека. Мы уже поговорили, Тартар и я. — Хара бросила взгляд на Тартар, опять посмотрела на Джессику. — Мы друг друга поняли.

Тартар протянула Алие руку:

— Поторопимся. Парни уже выходят.

Они вышли. Невысокая женщина вела ребенка за руку — но казалось, что это ребенок ведет ее.

— Если Пауль Муад'Диб убьет Стилгара — это не пойдет племени на пользу, — сказала Хара. — Конечно, раньше власть передавалась именно так; но теперь времена изменились.

— Они и для тебя изменились, — заметила Джессика.

— Не думаешь же ты, что я сомневаюсь в исходе такого поединка, случись он? — спросила Хара. — Разумеется, Усул победил бы.

— И я о том же, — кивнула Джессика.

— А ты думаешь, мои личные чувства вмешиваются в мои суждения. — Хара покачала головой, и водяные кольца у нее на шее звякнули. — Как ты ошибаешься! Может быть, ты думаешь, что я ревную к Чани из-за того, что не я — избранница Усула?

— Ты выбираешь сама — как можешь, — ответила Джессика.

— Я жалею Чани, — сказала Хара.

Джессика напряглась:

— Что ты имеешь в виду?

— Я же знаю, что ты думаешь о Чани. А думаешь ты, что она не может быть женой твоему сыну.

Джессика откинулась назад, на подушки, расслабилась. Пожала плечами:

— Может быть.

— Возможно, ты и права, — продолжала Хара, — и если ты права, то удивительного найдешь ты союзника: саму Чани. Она хочет лишь того, что лучше всего для Него.

Джессика сглотнула — у нее неожиданно перехватило горло.

— Чани очень дорога мне, — проговорила она. — Она не могла бы...

— Грязные какие ковры тут у тебя, — перебила Хара и опустила глаза к полу, избегая взгляда Джессики. — Оно и понятно: вон сколько народу топчется тут все время. Почаще бы надо их чистить...

В рамках ортодоксальной религии избежать влияния политики невозможно. Борьба за власть пронизывает все: обучение, воспитание и правила жизни в ортодоксальной общине. И из-за этого давления руководители такой общины или общества рано или поздно неизбежно встают перед не имеющим альтернатив выбором: или скатиться к окончательному оппортунизму ради сохранения своей власти, или же быть готовыми пожертвовать даже и собственной жизнью во имя ортодоксальной этики.

(Принцесса Ирулан, «Муад'Диб: вопросы религии»)

* * *

Пауль стоял на гребне песчаного моря чуть в стороне от линии движения гиганта Подателя. *Я не должен ждать его, как контрабандист, — с нетерпением, дрожа от возбуждения и страха,* напомнил он себе, *я должен быть частью самой Пустыни.*

Теперь червь был всего в нескольких минутах от него, наполняя утренний воздух шипением и скрежещущим шелестом расступающегося перед ним песка. Чудовищные зубы в подобном пещере провале пасти походили на лепестки невероятного цветка. Запах Пряности затопил все вокруг.

Дистикомб он теперь ощущал как свою вторую кожу, да и о носовых фильтрах и лицевом клапане-респираторе почти не думал. Сказывалась школа Стилгара — утомительные тренировки в песках.

— На сколько надо отступать от линии хода Подателя, считая по его радиусу, на гравийном песке? — спрашивал Стилгар.

Пауль ответил правильно:

— Полметра на каждый метр диаметра. То есть на расстояние радиуса.

— Зачем?

— Чтобы не затянуло в песковорот при его прохождении и в то же время — чтобы успеть добежать до червя и вскочить на него.

— Ты уже ездил на меньших — тех, которых выращивают для получения Семени и Воды Жизни. Но во время испытания ты будешь иметь дело с настоящим диким червем, со Стариком Пустыни. Такой требует к себе уважения!

Теперь стук манка почти заглушался шелестом и скрежетом приближающегося червя. Пауль глубоко дышал — горьковатый запах песка пробивался даже через фильтры. Дикий червь — Податель, Старик Пустыни, Шаи-Хулуд — уже возвышался над ним, надвигался, казалось, прямо на него. Вздымающиеся передние сегменты отбрасывали песчаную волну — вот-вот она захлестнет Пауля по колено...

Иди, иди сюда, дивное чудовище, думал он. *Иди. Ты услышал мой зов. Иди. Иди ко мне.*

Волна песка мягко приподняла его, поднятая с поверхности пыль обдала с ног до головы. Пауль устоял; весь мир

был теперь сосредоточен для него в этой движущейся мимо изогнутой стене, окутанной пылью, в составленной из сегментов ползущей скале... Разделявшие сегменты линии отчетливо виднелись на боках гигантской твари.

Пауль поднял крючья, примерился, изогнувшись, сделал бросок; почувствовал, что крючья «взяли» червя и держат. Тогда он прыгнул вперед, уперся ногами в эту нависшую над ним стену, перенеся вес на крючья. Это был самый ответственный момент, пик испытания: если он вонзил крючья правильно, в передний край кольцевого сегмента, так, чтобы оттянуть его, червь не может перекатиться и раздавить его.

Червь замедлил ход. Он прошел там, где только что стоял манок, стук прекратился. Затем медленно червь развернулся так, чтобы раздражающие его колючки оказались наверху, как можно дальше от песка, оберегая открывшуюся нежную оболочку.

Теперь Пауль оказался на самой «спине» червя, на самой высокой точке. Он ощутил возбуждение, почувствовал себя владыкой, оглядывающим свою империю. Он подавил — не без труда — желание подпрыгнуть, а лучше — развернуть, например, червя, чтобы показать, что он, Пауль, повелитель гиганта.

Он понял в этот момент, почему Стилгар как-то предупреждал его не уподобляться тем зарвавшимся, чересчур лихим парням, которые затевали игры с этими чудовищами, делали на спине червя стойку на руках, выдергивали оба крючка и снова вонзали их, прежде чем червь успевал сбросить дерзкого наездника.

Оставив один крюк воткнутым, Пауль отцепил второй и перенес его ниже; когда он надежно закрепил его и проверил, он перенес первый еще ниже второго. Червь снова извернулся, и одновременно повернул, и, вздымая облако тонкой песчаной пыли, направился туда, где ждали все остальные.

Пауль увидел их, бегущих к червю, карабкающихся вверх с помощью крючьев, они теперь не захватывали края сегментов, пока не поднимались на самый верх. Наконец весь отряд выстроился позади Пауля в три ряда, держась крючьями за кольца панциря.

Стилгар, лавируя между ними, подошел к Паулю, проверил, как держат крючья, взглянул на улыбающееся лицо своего ученика.

— Что — сделал, а? — крикнул Стилгар, перекрывая скрип и шелест песка. — Так ты думаешь? Все в порядке, да? — Он выпрямился. — Только вот что я тебе скажу: так себе сделал! Мальчишка двенадцати лет — и тот лучше справился бы! Ты что, не видел — слева от того места, где ты встал, были барабанные пески? Поверни червь — и тебе было бы некуда отойти!

Улыбка исчезла с лица Пауля.

— Я видел барабанные пески.

— Так что же ты не дал нам сигнала, чтобы кто-нибудь встал на подхвате? Это и на испытании допускается.

Пауль сглотнул, повернулся лицом к ветру.

— Обиделся, что я сказал об этом? — спросил Стилгар. — Это мой долг. Я обязан думать о том, как ценна твоя жизнь для всего племени. Если бы ты ступил на барабанные пески — червь повернул бы на звук!

Как ни был сердит Пауль, он понимал, что Стилгар прав. Все же ему понадобились не меньше минуты и вся подготовка, полученная от матери, чтобы вернуть себе спокойствие.

— Извини, — сказал он наконец. — Этого не повторится.

— Если место не очень удобное, всегда бери помощника, чтобы он взял Подателя, если тебе самому это не удается, — наставительно сказал Стилгар. — Помни: мы всегда работаем вместе. В этом — наша сила; когда мы вместе, мы можем быть уверены в успехе. Так вместе, а? — Он хлопнул Пауля по плечу.

— Вместе, — согласился Пауль.

— Ну а теперь, — голос Стилгара сразу стал жестче, — покажи, как управляешься с Подателем. На какой мы стороне?

Пауль взглянул на чешуйчатую поверхность кольца под ногами; оценил форму и размер чешуй, заметил то, как справа они увеличивались, а слева уменьшались. Он, разумеется, знал, что червь, как правило, передвигается одной и той же стороной вверх. А с возрастом эта сторона становилась практически постоянной «спиной» червя.

Нижние пластины чешуи укрупнялись, становились толще, темнее, тяжелее. На крупном черве «спинные» пластины можно было отличить по одному только размеру.

Перебросив крючья, Пауль передвинулся левее. Он дал знак стоявшим с краю открывать сегменты червя, чтобы тот, поворачиваясь «спиной» кверху, не свернул с курса. Когда же червь извернулся, Пауль махнул рулевым — те вышли из ряда и заняли свои места впереди.

— Аш! Хаийй-йо! — издал он традиционный клич. Левый рулевой приоткрыл сегмент со своей стороны.

Податель, поискав величественную дугу, развернулся, стараясь уберечь обнажившуюся нежную плоть. Завершив круг, червь оказался головой к югу; тогда Пауль скомандовал:

— Гейрат!

Рулевой отпустил крюк, и червь продолжил движение по прямой.

— Очень хорошо, Пауль Муад'Диб, — похвалил Стилгар. — Из тебя выйдет еще наездник, если потренируешься как следует!

Пауль нахмурился: *разве не он первым вскочил на червя?*

Позади кто-то рассмеялся, и весь отряд принялся скандировать, несколько раз подбросив к небу имя Пауля:

— Муад'Диб! Муад'Диб! Муад'Диб! Муад'Диб!

От хвостовых сегментов донесся стук — заработали стрекалами погонщики. Червь начал набирать скорость, и одежды ездоков захлопали на ветру. Скрежет, сопровождавший движение червя, усилился.

Пауль обернулся, оглядел свой отряд, нашел Чани и, не отрывая от нее взгляда, спросил Стилгара:

— Так что — я теперь наездник Пустыни или нет, Стил?

— Хал йаум! Воистину ты наездник отныне!

— И я могу сам выбирать курс?

— Таков обычай!

— И отныне я также фримен, родившийся сегодня здесь, в эрге Хаббанья. До этого дня — я не жил! Я был ребенком — до этого дня!

— Ну, не то чтобы совсем ребенком, — возразил Стилгар, подтягивая уголок капюшона, который дергал и оттопыривал встречный ветер.

— Но словно какая-то пробка отгораживала от меня мир; и вот она выдернута!

— Да, этой пробки больше нет.

— И я пойду на Юг, Стилгар. За двадцать манков. Я хочу видеть землю, которую мы создаем; землю, которую доселе я видел лишь чужими глазами.

И я увижу своего сына и всю свою семью, подумал он. *Мне нужно время, чтобы обдумать будущее, что подобно прошлому для моей памяти. Подходит буря, и если я не буду в той точке, из которой сумею управлять ею и успокоить ее, — придет хаос.*

Стилгар окинул его спокойным, оценивающим взглядом. Пауль продолжал смотреть на Чани, видя, как растет интерес в ее глазах и как возбуждение от его слов охватывает весь отряд.

— Но люди хотели бы сходить с тобой в набег на один из харконненских поселков во впадине — это всего в одном манке отсюда, — возразил Стилгар.

— Федайкины не раз уже ходили со мной в набеги, — ответил Пауль. — И будут ходить со мной в бой, пока хоть один из Харконненов дышит арракийским воздухом!

Стилгар внимательно смотрел на него, и Пауль понял, что вождь видит происходящее через призму воспоминаний о том, как возглавил сперва свой сиетч, Табр, а потом, после гибели Лиет-Кинеса, — и Совет Вождей.

Ему уже доложили о волнениях среди молодых фрименов, подумал Пауль.

— Хочешь собрать всех вождей? — спросил Стилгар.

У молодых парней, стоявших позади, засверкали глаза.

Покачиваясь на ходу, они внимательно следили за беседой. Пауль заметил и беспокойство в глазах Чани, то, как она переводит взгляд со Стилгара, приходившегося ей дядей, на Пауля — своего мужчину.

— Ты и не догадываешься, чего я хочу, — проговорил он, подумав: *«Я не могу отступать. Я должен взять их всех в свои руки».*

— Сегодня ты — мудир отряда наездников, — сказал Стилгар, и в его голосе прорезалась ледяная официальность. — Как ты собираешься распорядиться этой властью?

Нам нужно время — расслабиться и спокойно все обдумать, подумал Пауль.

— Идем на юг, — ответил он.

— Даже если я прикажу повернуть на север, когда закончится день?

— Идем на юг, — повторил Пауль.

Стилгара охватило чувство неизбежности. Он с достоинством запахнул плотнее свой плащ.

— Сход будет, — объявил он. — Я разошлю гонцов.

Он решил, что я хочу бросить ему вызов, — решил Пауль. — *И он знает, что против меня ему не выстоять.*

Пауль опять повернулся к югу и, подставляя неприкрытые лицевым клапаном скулы встречному ветру, думал о том, как необходимость воплощается в принятые решения...

Им не понять, каково это.

Но он знал, что никакие соображения не заставят его свернуть с пути. Он обязан оставаться там, куда придется центр бури, которую он видел в будущем. Придет момент, когда эту бурю можно будет усмирить — если он будет находиться вблизи центрального узла, чтобы разрубить его в нужный миг.

Если только это возможно — я не стану вызывать его, думал Пауль. *Если есть другой способ избежать дороги к джихаду...*

— Сделаем вечером привал для ужина и молитвы в Птичьей пещере, что в хребте Хаббанья, — сказал Стилгар. Он одним крюком вцепился в шкуру червя, чтобы удержаться на колышущемся теле гиганта, а свободной рукой указал на встающий на горизонте невысокий скальный барьер.

Пауль посмотрел в ту сторону. Каменные складки барьера напоминали застывшие волны. Ни клочок зелени, ни цветок не смягчали суровый пейзаж. А дальше начинался путь в южную Пустыню — эта дорога занимала не меньше десяти дней и ночей, Подателя быстрее двигаться не заставишь.

Двадцать манков!

Этот путь уводил далеко за пределы мест, где можно было встретить харконненские патрули. Пауль знал, как они доберутся до цели, — он не раз видел это во сне. Однажды наездники заметят, что горизонт окрашен как будто не-

много другим цветом — изменение настолько небольшое, что можно подумать, что желаемое выдаешь за действительное, — а потом перед ними появится и новый сиетч.

— Устраивает ли мое решение Муад'Диба? — перебил Стилгар мысли Пауля. Нотка сарказма в его голосе была едва заметна, но уши фременов, привыкшие различать малейшие оттенки птичьих голосов или сообщений, звучащих в писке сейлаго, отметили этот сарказм — и теперь все ждали реакции Пауля.

— Стилгар слышал, как я поклялся в верности ему, когда федайкины проходили посвящение, — проговорил тот. — Мои воины-смертники знают — то была честная клятва. Или Стилгар сомневается в ней?

В голосе Пауля звучала настоящая боль, и, слыша ее, Стилгар опустил глаза.

— Усул — мой товарищ по сиетчу; и в нем я не усомнюсь никогда, — ответил наконец он. — Но ты также — Пауль Муад'Диб, герцог Атрейдес, и ты — Лисан аль-Гаиб, Глас из Внешнего Мира. А этих людей я даже не знаю...

Пауль отвернулся от него к встающему из-за пустынного горизонта хребту Хаббанья. Червь под ними был все еще силен и бодр. Он мог пройти вот так вдвое большее расстояние, чем любой другой, когда-либо оседланный фременами. Пауль знал это. Ни одна история из тех, что рассказывают детям, не могла быть достойным описанием этого Старика Пустыни. Это начало новой легенды, подумал Пауль.

Сильная рука сжала его плечо.

Пауль взглянул на руку, потом на ее обладателя. На него глянули темные глаза Стилгара, обрамленные капюшоном и маской.

— Тот, кто стоял во главе Сиетча Табр до меня, — сказал Стилгар, — был мне другом. Мы делили с ним многие опасности. Много раз спасал я его жизнь... а он — мою.

— И я друг тебе, Стилгар, — ответил Пауль.

— Никто в этом не сомневается. — Стилгар убрал руку, пожал плечами. — Но так уж повелось...

Стилгар, понял Пауль, был фременом до мозга костей — настолько, что иного пути он не видел. У фременов новый вождь либо принимал бразды правления из мертвых рук своего предшественника, либо убивал сильнейшего

противника из людей своего племени, если старый вождь погибал в Пустыне. Так стал наибом и сам Стилгар.

— Сойдем с Подателя на глубоком песке, — сказал Пауль.

— Да, — кивнул Стилгар. — Отсюда мы дойдем до пещеры и пешком.

— Мы достаточно долго ехали на нем — так что он зароется в песок и будет день-два отдыхать и дуться на нас.

— Ты — мудир этой поездки, — ответил Силгар. — Скомандуешь, когда мы... — Он замолчал, глядя на небо на востоке.

Пауль резко обернулся, проследил за взглядом Стилгара. Пряность окрасила его глаза синевой, и небо казалось темным сквозь нее — и на фоне глубокой лазури отчетливо мерцала ритмически вспыхивающая точка.

Орнитоптер!

— Небольшой топтер, один, — отметил Стилгар.

— Разведчик, возможно, — предположил Пауль. — Как ты думаешь, они нас увидели?

— На таком расстоянии мы для них — просто идущий по поверхности червь. — Стилгар махнул рукой. — Прыгаем и рассыпаемся по песку!

Наездники начали спускаться со спины гиганта — спрыгивали и тут же укрывались с головой плащами, исчезали, сливаясь с песком. Пауль приметил, где спрыгнула Чани.

Наконец на спине червя остались только двое — Пауль и Стилгар.

— Кто первым вскочил на червя, прыгает последним, — сказал Пауль.

Стилгар кивнул, соскользнул вниз, подстраховываясь крючьями, спрыгнул в песок. Пауль подождал, пока червь отойдет на достаточное расстояние от места, где сошли остальные наездники, и освободил крючья. С червем, который сохранял еще достаточно сил, это был особенно опасный момент.

Гигант, почувствовав, что крючья и стрекала больше не беспокоят его, начал уходить в песок. Пауль легко побежал по его широкой «спине» к хвосту и, тщательно выбрав момент, прыгнул, приземлился в беге, пробежал,

как учили, по склону дюны, вызвав песчаный оползень, и, укрывшись плащом, дал песку засыпать себя.

Теперь оставалось только ждать...

Осторожно повернувшись, Пауль через щелочку в складках плаща взглянул на небо. То же самое, знал он, сделали сейчас все его спутники.

Сначала он услышал мерное биение крыльев и только потом увидел топтер. Негромко свистя турбинами, машина промчалась над ним и по пологой дуге ушла в сторону хребта.

«Никаких опознавательных знаков», — отметил Пауль.

Топтер скрылся за хребтом Хаббанья. Над песками раздался птичий крик, затем еще один.

Стряхнув песок, Пауль встал, поднялся на гребень дюны. Его отряд растянулся в цепочку — Пауль сразу увидел Стилгара и Чани.

Стилгар махнул в сторону хребта. Отряд собрался и, ломая ритм, двинулся скользящими шагами, которые не привлекут внимания червя. Стилгар подошел к Паулю, быстро скользя по уплотненному ветром песчаному склону.

— Это контрабандисты, — сказал он.

— Похоже, — подтвердил Пауль. — Только вот для контрабандистов они слишком уж глубоко забрались в Пустыню.

— Патрули и контрабандистам мешают, — пожал плечами Стилгар.

— Но если они забрались сюда — они могут залететь и еще глубже.

— Пожалуй...

— Нехорошо, если они увидят то, что можно увидеть, залетев слишком глубоко в Пустыню. Контрабандисты приторговывают и информацией.

— Они, наверно, ищут Пряность, — предположил Стилгар.

— А значит, где-то неподалеку их ждут краулер и крыло, — сказал Пауль. — Пряность у нас есть. Она и будет наживкой: распыляем ее по песку и ловим контрабандистов — сколько попадется. Они должны усвоить, что здесь — наша земля; кстати же, нашим бойцам надо осваивать новое оружие.

— Вот это — слова Усула! — ухмыльнулся Стилгар. — Усул — он думает как настоящий фримен!

Но Усулу придется уступить дорогу — не ему принимать решения, соизмеримые с ужасным предназначением... — подумал Пауль.

Буря приближалась.

Когда закон и долг сливаются в единое целое, соединенные религией, — тогда человеку не дано действовать с полным осознанием себя. Он становится чем-то чуть меньшим, чем личность.

(Принцесса Ирулан, «Муад'Диб: Девяносто девять чудес Вселенной»)

Грузолет-матка с меланжевым комбайном контрабандистов на подвеске в окружении нескольких топтеров вынырнул из-за дюнной гряды, словно пчелиная царица со своим роем. Они шли к одному из скальных хребтов, вставших из песков миниатюрными копиями Барьерной Стены. Недавняя буря начисто смела песок с каменных склонов.

В прозрачном пузыре рубки краулера Гурни Халлек склонился вперед, подстроил масляные линзы бинокля и оглядел местность внизу. За грядой он заметил темное пятно; оно вполне могло оказаться меланжевым выбросом, поэтому он послал орнитоптер на разведку.

Топтер покачал крыльями, подтверждая получение приказа, оторвался от роя, подлетел к пятну и закружил над ним, опустив детекторы к самому грунту. Почти сразу, хлопнув крыльями, он сделал «бочку» и описал круг: сигнал экипажу комбайна, что Пряность обнаружена.

Гурни Халлек убрал бинокль в футляр — он знал, что сигнал разведчика замечен. Хорошее местечко. Хребет — это все-таки защита. Конечно, здесь — глубокая Пустыня и засада маловероятна... И все-таки... Халлек приказал пролететь над хребтом и осмотреть его сверху. Распорядился, чтобы топтеры сопровождения барражировали вокруг выброса — не слишком высоко, чтобы сделать их менее заметными для харконненских детекторов.

Впрочем, он сомневался, что патрули забираются так далеко на юг. Здесь все еще были владения фременов.

Гурни проверил вооружение (и в очередной раз ругнул судьбу, которая исключала здесь использование щитов: следовало всеми силами избегать того, что может привлечь червя). Потирая лиловый шрам от чернильника на скуле, он осматривал местность... пожалуй, безопаснее повести разведывательную партию через скалы. Проверка с высадкой — самый надежный вариант. Когда харконненские войска и фримены рады всякому случаю вцепиться друг другу в глотку, лишних предосторожностей не бывает...

Здесь-то его больше беспокоили фримены. Они были не прочь продать вам столько Пряности, сколько вы могли купить, но если вас угораздит попасть туда, где, по их мнению, вам было не место, — они становились настоящими дьяволами. А в последнее время проявляли и поистине дьявольскую хитрость.

Хитрость, коварство и ловкость этих туземцев в ведении войны в последнее время сильно беспокоили Халлека. Они проявляли такое искусство, с каким ему редко приходилось сталкиваться, а ведь его учили лучшие бойцы во Вселенной — и потом еще закаляли битвы, в которых выживали лишь лучшие из лучших.

Гурни окинул взглядом пустынный ландшафт. Откуда же это беспокойство? Может, его причина — виденный ими червь?.. Но то было по другую сторону хребта.

В рубку просунулась голова: капитан фабрики, одноглазый старый пират с густой бородой, синими глазами и молочно-белыми зубами. Такая необычайная белизна зубов тоже была характерна для употреблявших Пряность.

— Кажется, месторождение богатое, — сообщил капитан. — Я сажаю грузолет?

— Да, у самого подножия хребта, — распорядился Халлек. — Я высажусь со своими людьми, а вы пойдете на гусеницах к выбросу. Мы должны осмотреть скалы...

— Ясно.

— В случае чего, — добавил Халлек, — спасайте фабрику. Мы всегда сможем воспользоваться топтерами.

— Слушаюсь, сэр, — козырнул капитан комбайна и скрылся в люке.

Гурни вновь оглядел горизонт. Приходилось считаться с возможностью того, что фримены поблизости и заме-

тят нарушителей своих владений. Фримены с их суровостью и непредсказуемостью действительно серьезно беспокоили его. Но уж слишком хорошо вознаграждался риск. Отсутствие наблюдателей в воздухе и вынужденное радиомолчание тоже спокойствия не прибавляли.

Грузолет с краулером повернул, делая заход на посадку; гусеницы мягко коснулись песка у подножия хребта.

Гурни откинул прозрачный колпак, отстегнул привязные ремни. В тот миг, когда огромная машина остановилась, он уже выскочил наружу — захлопнул за собой крышку, перелез через гусеничный блок и сетчатое ограждение. За ним из носового люка спустились пять человек из его личной гвардии. Остальные кинулись отсоединять транспортные крепления. Оставив фабрику на песке, грузолет взмыл вверх и принялся кружить над ней на малой высоте.

В ту же минуту краулер рванулся вперед, к темному пятну меланжевого выброса на песке.

По крутой дуге спустился и сел рядом топтер, за ним другой, третий. Из них высыпал взвод бойцов Гурни, а машины тут же поднялись и зависли невысоко над песком.

Гурни потянулся — проверил, как слушаются мышцы затянутого в дистикомб тела. Фильтр-маску он не надел — она так и болталась сбоку; конечно, так при дыхании терялась влага, зато ничто не заглушало голос. Вдруг понадобится отдать приказ, крикнуть... Он начал подниматься на скалы, осматривая местность и примечая все: скатанную ветром гальку, и гравийный песок под ногами, и запах Пряности в воздухе.

Вот где базу бы устроить на крайний случай, подумал он. *Может, прямо сейчас спрятать тут кое-какие припасы?*

Он глянул назад: его люди, следуя за ним, рассыпались в цепь. Хорошие бойцы и славные парни — даже те, новые, которых он не успел еще проверить в бою. Хорошие, да. Во всяком случае, им не надо все время объяснять, что делать. И конечно, ни над кем не дрогнет воздух, преломленный силовым полем. Среди них нет трусов, готовых навесить на себя щит даже в Пустыне и приманить червя, который отнял бы у них Пряность.

С высоты Гурни увидел в полукилометре от скал пятно выброса и краулер, подходящий к его границе. Он посмотрел на прикрывающие его топтеры и грузолет: все правильно, высота не слишком большая. Он кивнул сам себе и продолжил подъем.

И в этот миг хребет словно превратился в действующий вулкан.

Двенадцать огненных стрел, двенадцать ревущих огненных струй ударили снизу в топтеры и грузолет. Со стороны краулера донесся скрежет раздираемого металла. А на скалах вокруг неведомо откуда возникло множество воинов в капюшонах, и они уже вступили в бой.

Гурни успел подумать только: «Рогами Великой Матери клянусь! Ракеты! Они осмелились применить *ракеты!..*»

А в следующий миг перед ним уже оказался пригнувшийся для броска человек в капюшоне и с крисом в руке. Еще двое стояли на скалах слева и справа. Гурни мог видеть только глаза противника — лицо закрыто капюшоном и лицевым клапаном бурнуса песочного цвета; но поза, то, как он изготовился к бою, выдавали опытного и хорошо обученного бойца. А глаза — сплошная синева. Глаза фримена из глубокой Пустыни.

Гурни, не отрывая взгляда от криса противника, потянулся к собственному ножу. Раз они отважились на ракеты — у них наверняка есть и другое оружие дальнего боя, стрелковое, например. Надо было быть осторожнее. Судя по звуку, по крайней мере часть его воздушного прикрытия сбита. А сзади слышалось тяжелое дыхание людей, звуки боя.

Глаза противника Гурни проследили движение руки бывшего приближенного герцога к ножу и вновь столкнулись с его взглядом.

— Оставь клинок в ножнах, Гурни Халлек, — велел фримен.

Гурни замер. Даже приглушенный маской, голос казался странно знакомым.

— Ты знаешь мое имя?!

— Со мной тебе нож не нужен, Гурни, — продолжал фримен. Он выпрямился и вернул свой крис в спрятанные под бурнусом ножны. — Прикажи своим людям прекратить бессмысленное сопротивление.

С этими словами фримен отбросил назад капюшон и отстегнул лицевой клапан.

Гурни взглянул на лицо противника — и окаменел. В первый момент ему показалось, что перед ним стоит призрак герцога Лето. Чтобы понять наконец, кто же это, ему потребовалось некоторое время.

— Пауль... — прошептал он, потом повторил уже громче: — Это в самом деле Пауль?

— Не веришь своим глазам? — усмехнулся Пауль.

— Но ведь говорили, что вы... что ты погиб! — выдохнул Гурни, делая шаг вперед.

— Прикажи своим сдаться, — велел Пауль, махнув в сторону скал, где кипел бой.

Гурни повернулся; ему было трудно отвести взгляд от лица Пауля. Он увидел, что лишь кое-где продолжалось сопротивление: укрытые капюшонами пустынники, казалось, были всюду. Краулер неподвижно застыл на песке, и на нем тоже стояли фримены. Ни одного орнитоптера над ними не было.

— Прекратить сопротивление! — закричал Халлек. Он вдохнул поглубже, сложил ладони рупором. — Эй! Это Гурни Халлек! Всем прекратить сопротивление!

Сражавшиеся медленно, неохотно остановились, удивленно поворачиваясь к нему.

— Это — друзья! — крикнул Гурни.

— Ничего себе друзья! — отозвался кто-то. — Да они половину наших перебили!

— Это ошибка! — крикнул в ответ Гурни. — Хватит, не усугубляйте ее!

Он вновь повернулся к Паулю, взглянул в синие-насинем глаза юноши.

Губы Пауля тронула улыбка, но в ней была жесткость, сразу напомнившая Гурни самого Старого Герцога, деда Пауля. Затем Гурни заметил и кое-что новое, чего не было раньше ни в одном из Атрейдесов: сухая жилистость, задубевшая кожа, настороженность и расчетливость во взгляде — казалось, Пауль взвешивает все, на что падает его взгляд.

— Говорили, ты погиб... — повторил Гурни.

— Можно ли было придумать лучшее прикрытие?..

Эта фраза, понял Гурни, заключала в себе все извинения за то, что его, верного Гурни, бросили одного, заставили поверить, что его юный герцог... его друг... погиб; других извинений от этого молодого фримена не дождешься. Осталось ли в нем хоть что-то от мальчика, которого он когда-то учил искусству боя?..

Но Пауль шагнул к Гурни... у него вдруг защипало в глазах.

— Гурни...

Все произошло словно само собой — они обнимались, хлопали друг друга по спине. Действительно, живое тело, не призрак!..

— Ах, мальчик! Мальчик! — повторял Гурни, и Пауль вторил ему:

— Гурни, старина! Мой Гурни!

Наконец они разжали объятия, опять принялись жадно разглядывать друг друга. Гурни глубоко вздохнул:

— То-то я смотрю, фримены развоевались! Я мог бы и догадаться, отчего так возросло их военное искусство. Они все время действуют так, словно я сам помогал им планировать операции... Если бы я только знал! — Он потряс головой. — Если бы ты как-нибудь дал мне о себе знать, мальчик! Меня бы ничто не остановило — я бы бегом прибежал и...

Взгляд Пауля — жесткий, взвешивающий взгляд — остановил его. Гурни снова вздохнул:

— Ну да, я понимаю. Кое-кто, конечно, заинтересовался бы, с чего это Гурни Халлек вдруг сорвался и побежал куда-то, а кое-кто не ограничился бы вопросами и захотел бы доискаться ответов.

Пауль кивнул, оглядел замерших в ожидании фрименов. Его федайкины смотрели на происходящее с любопытством и одобрением. Затем он вновь повернулся к Халлеку. В этой встрече со своим учителем фехтования он видел доброе предзнаменование, знак, что он на верном пути и все будет хорошо...

Да, теперь с Гурни рядом со мной, я смогу!..

Пауль перевел взгляд вниз, на контрабандистов:

— За кого твои люди, Гурни?

— Они — контрабандисты, — пожал плечами Халлек. — Где выгода, там и они.

— С нами-то особо не разживешься... — задумчиво протянул Пауль. В это мгновение он увидел, что Гурни подает ему едва заметный знак пальцами правой руки, знакомый с детства кодовый сигнал: среди контрабандистов были люди, которых следовало опасаться и которым не стоило доверять.

Пауль потянул себя за губу, словно в задумчивости, — «*понял*», — посмотрел наверх, на скалы, где стояли на страже фримены. Там был и Стилгар — Пауль сразу же вспомнил, что эту проблему еще предстоит решать, и радость его несколько поубавилась.

— Стилгар, — сказал он, — это Гурни Халлек, о котором я тебе не раз рассказывал. Он заведовал вооружениями в доме моего отца; он один из моих наставников в фехтовании и старый мой друг. И на него можно положиться во всем.

— Я слышал, — коротко ответил Стилгар. — Ты — его герцог.

Пауль вгляделся в темный силуэт Стилгара, стоявшего на скале над ним. Что заставило его произнести эти слова — «*ты — его герцог*»? И — вот эта почти незаметная интонация, словно на самом деле Стилгар хотел сказать что-то иное. Это совсем не похоже на Стилгара — вождя фременов, который привык говорить то, что думал.

Мой герцог! — повторил про себя Гурни и по-новому взглянул на юношу. *Да, раз Лето мертв, титул переходит к Паулю.*

Вся картина фрименской войны на Арракисе выглядела теперь совершенно по-другому для него. *Мой герцог!* Гурни почувствовал, как в нем оживает нечто давно умершее и похороненное... Поэтому он лишь частью сознания воспринял приказ Пауля разоружить контрабандистов до допроса.

Однако, услышав, что те начали протестовать, Гурни вспомнил о своих обязанностях командира. Он резко повернулся.

— Вы что, оглохли? — рявкнул он. — Это — законный герцог Арракийский, правитель планеты! Повинуйтесь ему!

Ворча, контрабандисты подчинились.

Пауль наклонился к Халлеку и шепнул:

— Вот бы никогда не подумал, что ты можешь попасться на эту удочку, Гурни!

— Поделом мне, — отозвался Гурни. — Могу поспорить, что слой Пряности здесь — не больше песчинки толщиной. Просто наживка...

— Ты выиграл... — ответил Пауль, наблюдая за разоружением контрабандистов. — Среди них есть еще люди моего отца?

— Нет. Нас далеко разбросало... Притом только немногие присоединились к свободным торговцам — большинство предпочло заработать, сколько нужно для оплаты дороги, и убраться с Арракиса.

— Но ты остался.

— Я остался.

— Потому что здесь Раббан, — утвердительно сказал Пауль.

— Я решил, что у меня не осталось ничего, кроме мести, — проговорил Гурни.

Необычно звучащий отрывистый крик раздался с вершины скалы. Гурни взглянул наверх и увидел фримена, размахивающего шейным платком.

— Податель идет, — сказал Пауль. Он поднялся на одну из скал — Гурни шел за ним, — повернулся к юго-востоку. На полпути к горизонту двигался продолговатый холм — червь. За ним над песком поднимались облака пыли. Гигант шел через дюны прямо к скалам.

— Довольно большой, — заметил Пауль.

Фабрика-краулер внизу, лязгая, развернулась на гусеницах, словно огромный жук, поползла в скалы.

— Жаль, грузолет сохранить не удалось, — вздохнул Пауль.

Гурни посмотрел на него, перевел взгляд назад, где дымились обломки сбитых фрименскими ракетами топтеров и грузолета. Он вдруг с болью подумал о погибших людях — своих людях — и сказал:

— Отец твой сильнее сожалел бы о том, что не смог спасти людей.

Пауль жестко взглянул на него — и опустил глаза. Спустя несколько секунд он произнес:

— Да, Гурни. Они были твоими товарищами. Я понимаю. Но пойми и ты — для нас это были нарушители границ наших владений и чужаки, которые могли бы увидеть лишнее.

— Я это понимаю достаточно хорошо, — вздохнул Гурни. — Но теперь мне интересно посмотреть, что же такого лишнего мы могли бы тут увидеть.

Пауль поднял глаза и увидел хорошо памятную ему усмешку, напоминавшую волчий оскал, натянувшую кривой лиловый шрам на челюсти...

Гурни кивком указал на пустыню под ними. Повсюду видны были фримены, занятые какими-то своими делами. Как ни странно, никто не казался обеспокоенным приближением червя.

С дюн за полосой присыпанного меланжей песка, послужившего приманкой для контрабандистов, раздался ритмичный стук. Казалось, он отдается в ногах, передаваясь по земле. Гурни увидел, что фримены мгновенно рассыпались по песку вдоль пути, которым шло к скалам чудовище.

Червь скользил словно гигантская песчаная рыба. Он поднимался над песками и вновь уходил под сыпучие волны; кольца его перекатывались, огромное тело струилось. А в следующий миг Гурни, стоя на своей скале, увидел и то, как фримены ловят червя: крюковой ловко прыгнул вперед, гигант повернул, а затем весь отряд забрался наверх по его крутым, поблескивающим чешуей бокам.

— Вот, например, одна из тех вещей, которые вы не должны были видеть, — заметил Пауль.

— Ходили, конечно, слухи, легенды, — пробормотал Гурни. — Но эта штука — не из тех, в которые легко поверить с чьих-то слов, не увидев своими глазами. — Он покачал головой. — Все живущие на Арракисе страшатся этих чудовищ, а для вас черви — верховые животные!..

— Помнишь, как отец говорил о силе Пустыни? — спросил Пауль. — Так вот она! Вся планета — наша: и ни буря, ни зверь и ничто другое — не преграда для нас.

Для нас! — подумал Гурни. *Для него «мы» — это фримены. И он говорит о себе как об одном из фрименов...*

И Гурни вновь посмотрел в глаза Пауля, залитые глубокой фрименской синевой. Собственные глаза Халлека тоже тронула синева; но контрабандистам были доступны инопланетные продукты, и по глубине синей окраски можно было судить о положении контрабандиста среди вольных торговцев: чем она бледнее, тем богаче человек.

По отношению же к слишком отуземившимся контрабандистам употреблялось выражение «помечен Пряностью» — с несколько неодобрительным оттенком...

— Было время, мы не рисковали ездить на Подателе при свете дня в этих широтах, — продолжал Пауль. — Но теперь у Раббана не так много авиации, чтобы отслеживать каждое пятнышко в песках... — Он взглянул на Гурни. — И твои топтеры были для нас большой неожиданностью. Можно сказать, потрясением.

Мы... для нас...

Гурни потряс головой, отгоняя непрошеные мысли.

— Ну, не столько мы для вас, сколько вы для нас, — ответил он.

— А что говорят о действиях Раббана в деревнях и впадинах? — поинтересовался Пауль.

— Ну, например, что Раббан так укрепил поселения в грабенах, что вам не удастся нанести им серьезный урон. Что им надо лишь сидеть внутри своих укреплений, пока вы не растратите все силы на бесплодные попытки атак.

— Иначе говоря, они связаны. Загнаны за свои стены?

— В то время как вы свободны в своих передвижениях.

— Разве не этому ты меня учил? — усмехнулся Пауль. — Они потеряли инициативу — а кто потерял инициативу, тот проиграл войну.

Гурни понимающе улыбнулся.

— Наши враги там, где я и хочу их видеть. — Пауль посмотрел на Халлека. — Ну, Гурни, присоединишься ты ко мне, чтобы нам вместе завершить эту войну?

— Присоединюсь? — изумился Халлек. — Милорд, я никогда и не покидал свою службу! Это вы... ты покинул меня... покинул одного, заставив поверить в свою смерть. И я, оказавшись один, позволил себе некоторую передышку — ждал, когда смогу продать свою жизнь за подходящую цену. За жизнь Раббана.

Пауль молчал, смущенный порывом старого друга.

К ним по камням взбежала женщина. Ее глаза, которые только и виднелись в щели между капюшоном и лицевым клапаном, метнулись от Пауля к его спутнику и обратно. Она остановилась перед юным Атрейдесом — и Гурни не мог не заметить, что стоит она чересчур близко

к Паулю и держит себя так, будто имеет на него особые права.

— Чани, — представил Пауль, — это Гурни Халлек. Помнишь, я рассказывал?

Она бросила еще один взгляд на Халлека:

— Помню.

— Куда поехали наши на Подателе? — спросил Пауль.

— Никуда, просто отвели его в сторону на время, чтобы мы успели спасти оборудование.

— Ладно, тогда... — Пауль замолчал, принюхиваясь к воздуху.

— Поднимается ветер, — кивнула Чани.

Со скал окликнули:

— Эй, внизу! Ветер идет!

Гурни заметил, что фримены заторопились. Чего не сумел червь, сделал ветер — спугнул их. Краулер въехал на пологий каменный склон. Перед ним вдруг открылся проход в скалах — а когда машина скрылась внутри, камни вновь сошлись так плотно, что никто и не угадал бы здесь замаскированные ворота.

— И много у вас таких тайников? — полюбопытствовал Гурни.

— Много, и еще столько, да полстолька, да четверть столька... — ответил Пауль рассеянно и обернулся к Чани. — Отыщи Корбу, скажи — Гурни предупреждает, что некоторым в команде контрабандистов верить нельзя.

Она снова посмотрела на Гурни, потом на Пауля, кивнула — и побежала вниз, прыгая с камня на камень с ловкостью газели.

— Это — твоя женщина. — Гурни не спрашивал.

— И мать моего первенца, — улыбнулся Пауль. — В Доме Атрейдес появился новый Лето.

Гурни только глаза раскрыл.

Пауль критически озирал суету вокруг. Южное небо затянуло бурой пеленой; время от времени налетали порывы ветра, закручивая пыльные карусели вокруг людей.

— Застегнись, — бросил Пауль, надевая маску и затягивая капюшон.

Гурни подчинился. Отличная все-таки вещь — эти фильтры...

Через маску голос Пауля звучал глухо:

— Так кому из своих людей ты не доверяешь, Гурни?

— Да есть у меня там новички, — ответил Халлек. — Инопланетники... — Он на минуту замолчал, осознав вдруг, как легко назвал он их этим словом — «*инопланетники*».

— Ну-ну? — подбодрил Пауль.

— ...Так вот, это не обычные искатели удачи, какие приходят к нам, — сказал Халлек. — Какие-то слишком... жесткие. Крепкие. Злые.

— Харконненские шпионы? — предположил Пауль.

— Нет, милорд. Я думаю, не на Харконненов они работают. По-моему, это люди Императора. Салусой Секундус от них несет, вот что...

Пауль метнул на него острый взгляд:

— Сардаукары?

Гурни пожал плечами:

— Возможно. Впрочем, они хорошо замаскированы.

Пауль кивнул. Как, однако, легко Гурни стал прежним верным вассалом Дома Атрейдес!.. Хотя нет... не совсем прежним. Арракис и его обломал.

Два фримена в затянутых капюшонах появились из-за разбитой скалы, стали подниматься по склону. Один из них нес на плече большой сверток.

— Где сейчас мои люди? — спросил Халлек.

— В безопасности, прямо под нами, — ответил Пауль. — Тут у нас пещера, называется Птичья. После бури решим, что с ними делать.

Сверху позвали:

— Муад'Диб!

Пауль повернулся на голос и увидел, что фримен-караульный машет рукой, подзывая его.

Гурни, изменившись в лице, уставился на Пауля:

— Так это ты — Муад'Диб?! Это ты — «неуловимый ветер песков»?!

— Ну да, так меня называют фримены, — подтвердил Пауль.

Гурни отвернулся. Его охватили недобрые предчувствия. Половина его людей легла в песках, остальные взяты в плен. До подозрительных новичков ему дела нет — но там есть и неплохие люди, даже друзья. Он чувствовал ответственность за них. «*После бури решим, что с ними делать...*» Пауль так и сказал. То есть Муад'Диб. Гурни вспомнил,

что рассказывали про Муад'Диба, про этого их Лисан аль-Гаиба... велел заживо содрать кожу с захваченного харконненского офицера и натянуть ее на барабан... его окружают бойцы-смертники, федайкины, бросающиеся в бой с Песней Смерти на устах...

...которого зовут просто «*Он*»...

Два фримена поднялись наконец к ним и легко вскочили на уступ рядом с Паулем. Один из них, с совсем темным лицом, доложил:

— Все в порядке, Муад'Диб. Нам теперь тоже лучше спуститься в пещеру.

— Хорошо.

Гурни обратил внимание на тон темнолицего. Это был полуприказ-полупросьба. Видимо, это — Стилгар, еще один герой новых фрименских легенд.

Пауль взглянул на сверток в руках второго фримена:

— Что здесь, Корба?

Вместо него ответил Стилгар:

— Мы нашли это в краулере. На нем инициалы твоего друга, а внутри него — балисет. А ты не раз рассказывал, какой искусный музыкант твой Гурни Халлек.

Гурни изучал лицо Стилгара, примечая бороду, немного выбившуюся из-под маски, ястребиный взгляд, тонкий нос.

— Твой товарищ умеет думать, мой господин... Спасибо, Стилгар.

Стилгар кивнул Корбе — тот передал сверток Халлеку — и сказал:

— Благодари своего господина герцога. Мы принимаем тебя только потому, что он за тебя.

Гурни принял сверток. Жесткие нотки в словах Стилгара озадачили его. Фримен вел себя почти вызывающе. Ревность? В самом деле, вот явился некий Гурни Халлек, знавший Пауля еще до Арракиса. В круг тех, старых, друзей Стилгару уже не войти никогда...

— Я хотел бы, чтобы вы двое стали друзьями, — произнес Пауль.

— Имя фримена Стилгара славится широко, — поклонился Гурни. — Почту за честь иметь среди друзей всякого, кто несет гибель Харконненам.

— Пожмешь ли ты руку моему другу Гурни Халлеку, Стилгар? — спросил Пауль.

Стилгар медленно протянул руку, стиснул мозолистую от рукояти меча ладонь Гурни.

— Немногие не знают имени Гурни Халлека, — улыбнулся он и отпустил руку. Затем обернулся к Паулю: — Сейчас ударит буря.

— Идем, — ответил Пауль.

Вслед за Стилгаром они двинулись через скалы по прихотливо изогнутой тропке, прорезанной в камне. Наконец они вышли в затененную нависающими скалами расщелину, откуда через низкий проход попали в пещеру. Фримены поспешно затянули за ними входной клапан. В свете плавающих ламп открывался широкий подземный зал с куполообразным потолком, приподнятой над полом платформой у одной из стен и ведущим с нее куда-то вглубь проходом.

Пауль вскочил на нее и повел Гурни прямо в этот проход. Остальные покинули первый зал через другой проход, прямо напротив. А Пауль и Гурни миновали комнату, которую можно было назвать прихожей, и из нее попали в следующую, со стенами, задрапированными темно-бордовой тканью.

— Тут мы сможем немного поговорить наедине, — сказал Пауль. — Фримены не будут нам...

В этот миг снаружи донеслись тревожные удары гонга, затем — крики и лязг оружия. Пауль метнулся наружу — через прихожую, к подиуму большого зала. Гурни, выхватив нож, кинулся за ним.

В пещере кипела схватка. На миг Пауль замер, оглядывая дерущихся, отличая бурнусы и бурки́ фременов от одежд их противников. Выглядели они вполне обычно для контрабандистов — но оборонялись, разбившись на тройки, спина к спине.

Такая манера боя — это просто-таки клеймо Императорских сардаукаров.

Один из федайкинов заметил Пауля, и боевой клич прогремел под сводами пещеры:

— Муад'Диб! Муад'Диб! Муад'Диб!

Но не только этот федайкин заметил Пауля. В юношу метнули тяжелый черный нож. Пауль уклонился — нож

лязгнул о камень за его спиной. Кинув взгляд через плечо, Пауль увидел, что Гурни подобрал нож.

К этому времени фримены уже заметно потеснили тройки сардаукаров.

Гурни показал Паулю на извив тончайшей желтой линии — имперский цвет, — на золотого увенчанного льва и фасетчатый глаз на яблоке рукояти.

Да, сомнений нет. Сардаукары.

Пауль выступил вперед, на край площадки. К этому моменту внизу осталось лишь трое сардаукаров, тела остальных и тела нескольких фрименов лежали на полу грудами окровавленного тряпья.

— Стойте! — крикнул Пауль. — Герцог Пауль Атрейдес приказывает вам остановиться!

Сражающиеся замерли в нерешительности.

— Вы, сардаукары! — обратился Пауль к уцелевшим противникам. — По чьему приказу угрожаете вы законному правителю планеты, правящему герцогу Арракийскому? — И тут же, видя, как стягивается кольцо фрименов вокруг сардаукаров: — Стоять, я сказал!

Один из окруженной тройки выпрямился.

— Кто сказал, что мы сардаукары? — спросил он.

— Вот этот нож! — Пауль взял у Гурни нож и высоко поднял его.

— Тогда кто подтвердит, что ты и есть правящий герцог? — настаивал боец.

Пауль обвел рукой своих федайкинов:

— Они. А кроме того, твой же Император даровал управление Арракисом Дому Атрейдес. *Я* — это Дом Атрейдес.

Сардаукар замолчал, беспокойно озираясь.

Пауль рассматривал его. Высокий, плосколицый, с белым шрамом на левой щеке. В его поведении сквозили ярость — и смущение; но в нем видна была и та самая гордость, без которой любой сардаукар показался бы голым, — с нею же он выглядел бы одетым даже и без единой нитки на теле.

Пауль посмотрел на одного из командиров федайкинов.

— Корба, как случилось, что они сохранили оружие?

— У них были спрятаны ножи в потайных карманах за спиной, — виновато объяснил тот.

Пауль обвел глазами убитых и раненых на полу пещеры и вновь посмотрел на Корбу. Говорить было нечего и незачем. Корба потупился.

— Где Чани? — спросил Пауль. Затаив дыхание, он ждал ответа.

— Стилгар увел. — Корба кивнул на второй выход и тоже посмотрел на тела на полу. — Я виноват, Муад'Диб.

— Сколько было сардаукаров, Гурни? — обратился к нему Пауль.

— Десять.

Пауль легко спрыгнул с подиума на пол, прошел к отвечавшему ему сардаукару и остановился на расстоянии удара.

Федайкины подобрались: они очень не любили, когда он вот так подвергал себя опасности; ибо фримены желали сохранить мудрость Муад'Диба.

Не оборачиваясь, Пауль спросил:

— А наших сколько пострадало?

— Четверо ранены, двое убиты, Муад'Диб, — ответил Корба.

Позади сардаукаров появились Чани и Стилгар. Пауль вновь повернулся к старшему из противников и посмотрел ему в глаза — глаза чужака-инопланетника, глаза с неприятно белесыми белками.

— Как твое имя? — резко произнес он.

Сардаукар напрягся, посмотрел вправо-влево.

— И не пытайся, — покачал головой Пауль. — Мне ясно, что тебе приказали найти и уничтожить Муад'Диба. Уверен, что именно вы предложили поискать Пряность в глубокой Пустыне.

Сзади раздался изумленный вздох Халлека. Пауль улыбнулся краешком губ.

Кровь бросилась в лицо сардаукару.

— Но ты нашел больше чем просто Муад'Диба, — продолжал Пауль. — Семеро твоих людей убиты; у нас — лишь двое. Три к одному — недурно, во всяком случае, против сардаукаров, а?

Сардаукар приподнялся на носках, но фримены качнулись вперед, и он снова замер.

— Я спросил, как твое имя, — повторил Пауль и приказал, пользуясь Голосом: — Назови свое имя!

— Капитан Арамшам, императорский сардаукар! — отрапортовал тот, челюсть его изумленно отвалилась. Он в смятении смотрел на Пауля. Теперь пещера уже не казалась ему укрывищем варваров, и всю спесь с него как рукой сняло.

— Ну-ну, капитан Арамшам, — проговорил Пауль. — Дорого дали бы Харконнены, чтобы узнать то, что теперь знаешь ты. А Император! Чего бы он только не дал за сведения об Атрейдесе, уцелевшем вопреки его предательству!..

Капитан вновь огляделся по сторонам — на двух оставшихся бойцов. Пауль почти видел, как ворочаются мысли в его голове. Да, «сардаукары не сдаются» — но Император *должен* знать об этой угрозе!

Все еще используя Голос, Пауль велел:

— Капитан, сдавайтесь!

Сардаукар, стоявший по левую руку от капитана, без предупреждения ринулся на Пауля, но его остановил сверкнувший в руке его же собственного командира нож. С ножом в груди нападавший рухнул на пол.

Капитан повернулся ко второму бойцу.

— Только мне здесь решать, что лучше отвечает интересам Его Величества, — объявил он. — Ясно?

Плечи его подчиненного поникли.

— Бросай оружие, — приказал капитан.

Сардаукар подчинился.

Капитан вновь повернулся к Паулю.

— Я убил ради тебя своего друга, — произнес он. — Не забудь это.

— Вы — мои пленники, — ответил Пауль. — Вы сдались. Живые или мертвые — не важно.

Он жестом приказал взять сардаукаров и поманил к себе Корбу, обыскивавшего пленных.

Когда фримены увели пленных сардаукаров, Пауль склонился к Корбе.

— Муад'Диб, — проговорил тот, — я подвел тебя. Я...

— Вина тут моя, Корба, — не дал ему закончить Пауль. — Надо было предупредить тебя, что и где искать. Запомни этот случай на будущее — тебе еще придется, я думаю, обыскивать сардаукаров. И вот еще что: следует помнить, что у каждого из них есть один-два фальшивых

ногтя на ноге; в сочетании с другими деталями, замаскированными на теле, они составляют достаточно эффективный передатчик. Фальшивые зубы у них тоже есть. В волосах у них наверняка спрятан кусок шигакорда, такого тонкого, что его почти невозможно нащупать, не зная о нем; но он достаточно прочен для того, чтобы не только удушить человека, но и отрезать ему голову этой удавкой. Когда обыскиваешь сардаукара, осмотри его, просвети его, изучи все тело в отраженных и проникающих лучах, сбрей каждый волосок на голове и на теле... и все-таки, можешь не сомневаться, всего ты не обнаружишь.

Он посмотрел на Гурни, который подошел поближе.

— Тогда, наверное, лучше их просто прикончить, — предложил Корба.

Пауль, не отводя взгляда от Гурни, покачал головой:

— Нет. Я хочу, чтобы они бежали.

Гурни непонимающе уставился на него:

— Но, сир... Пауль...

— Да?

— Твой человек прав. Убейте их немедленно. Уничтожьте все следы. Вы же опозорили Императорских сардаукаров! Если Император узнает об этом — он не успокоится, пока не разорвет вас на мелкие кусочки и не развеет пепел по ветру!

— Положим, это Императору навряд ли удастся, — неторопливо и холодно ответил Пауль. Во время разговора с капитаном что-то изменилось внутри него, оформились некоторые мысли.

— Гурни, — обратился он к другу, — много ли гильдиеров вокруг Раббана?

Тот выпрямился, прищурил глаза:

— Это вопрос не...

— Так много ли их? — резко повторил Пауль свой вопрос.

— Да Арракис просто кишит агентами Гильдии. Скупают Пряность так, словно во всей Вселенной нет ничего дороже. А иначе почему бы мы сунулись так далеко в...

— Это и *есть* самая большая ценность Вселенной, — отрезал Пауль. — Для них по крайней мере. — Он посмотрел на подходящих Стилгара и Чани. — И *мы* — ее хозяева, Гурни.

— Ее хозяева — Харконнены! — возразил Гурни.

— Настоящий хозяин ценности тот, кто может ее уничтожить, — изрек Пауль и, жестом остановив Халлека, который хотел сказать что-то еще, кивнул Стилгару и Чани.

Левой рукой Пауль подал Стилгару сардаукарский нож.

— Ты живешь ради блага племени, — начал он. — Смог бы ты выпустить вот этим ножом кровь моей жизни?

— Ради блага племени — да, — проворчал Стилгар.

— Ну так возьми этот нож и сделай это.

— Ты что — вызываешь меня? — резко спросил Стилгар.

— Когда бы я бросил тебе вызов, — ответил Пауль, — я бы встал перед тобой без оружия и дал бы тебе убить меня.

Стилгар резко, коротко втянул в себя воздух.

— Усул! — воскликнула Чани. Она взглянула на Халлека, потом опять на Пауля.

Пока Стилгар думал, что ответить, Пауль снова обратился к нему:

— Ты — Стилгар, ты — воин. Но вот когда сардаукары устроили тут драку, ты не был в первом ряду сражавшихся. Ты прежде всего подумал о том, чтобы защитить Чани.

— Она моя племянница! — огрызнулся Стилгар. — Но если бы я хоть на миг усомнился в том, что твои федайкины способны справиться с этими подонками...

— Так почему ты в первую очередь подумал о Чани? — настаивал Пауль.

— Не о ней!

— Вот как?

— О тебе, — признался Стилгар.

— И ты думаешь, что мог бы поднять на меня руку? — мягко спросил Пауль.

Стилгар задрожал.

— Таков обычай... — пробормотал он.

— Но есть и другой обычай, — напомнил Пауль. — Принято убивать пойманных в Пустыне чужаков-инопланетников и забирать их воду как дар Шаи-Хулуда. А ты вот как-то нарушил его — сохранил жизнь двум таким чужакам. Моей матери и мне.

Стилгар молча глядел на Пауля. Его сотрясала дрожь. Подождав ответа, Пауль сказал:

— Обычаи меняются, Стил. Ты, как видишь, и сам их менял.

Стилгар опустил взгляд на желтую эмблему на ноже в своей руке.

— Когда я займу свой престол в Арракине, когда я буду там герцогом и Чани будет со мной — неужели, ты думаешь, у меня найдется время вникать в дела сиетча Табр? Ты вот, к примеру, разве забиваешь себе голову семейными делами каждого йали своего сиетча?

Стилгар упорно продолжал рассматривать нож.

— Или ты думаешь, что я хочу отсечь свою правую руку?

Стилгар медленно поднял взгляд.

— Так что же, — почти крикнул Пауль, — ты думаешь, что я хочу лишить племя твоей силы и твоей мудрости?!

Стилгар тихо сказал:

— Юношу моего племени, которого я знаю по имени, я мог бы, будь на то воля Шаи-Хулуда, сразить в поединке. Но как я могу поднять руку на Лисан аль-Гаиба?! И ты знал это, когда вручал мне нож.

— Знал, — согласился Пауль.

Стилгар разжал пальцы. Нож лязгнул о каменный пол.

— Обычаи меняются, — повторил он.

— Чани, — распорядился теперь Пауль, — отправляйся за моей матерью и привези ее сюда: нам понадобится ее совет...

— Но ты же говорил, что мы все едем на Юг! — возразила Чани.

— Я был не прав, — ответил Пауль. — Харконненов на Юге нет. И война ждет нас в ином месте.

Чани только глубоко вздохнула, принимая новость как подобает дочери Пустыни, принимающей все, что приходится принимать в этой жизни, неразрывно сплетенной со смертью.

— Передашь ей — и только ей — известие: Стилгар признает меня герцогом Арракийским, но надо сделать так, чтобы и молодежь приняла это и не полезла в драку.

Чани взглянула на Стилгара.

— Делай как он велит, — буркнул Стилгар. — Мы-то с тобой знаем, что в поединке он бы меня одолел... да я и не смог бы поднять на него руку... даже для блага племени.

— Я вернусь вместе с твоей матерью, — сказала Чани.

— Нет, пришли ее одну, — возразил Пауль. — Инстинкт Стилгара не подвел: я сильнее, когда знаю, что ты вне опасности. Так что ты останешься в сиетче.

Чани начала было протестовать, но умолкла.

— Сихайя моя, — нежно произнес Пауль. А повернувшись направо, встретился с горящим взглядом Гурни.

С того момента, как Пауль упомянул о своей матери, Гурни перестал воспринимать разговор юноши со старшим фрименом.

— Тогда, в ночь набега, Айдахо спас нас... — задумчиво проговорил Пауль; его мысли были о предстоящей разлуке с Чани. — Теперь мы...

— А что случилось с самим Дунканом, милорд? — перебил Гурни. Но он сейчас думал не о Дункане Айдахо.

— Погиб: он ценой своей жизни выиграл для нас время.

Так, значит, ведьма жива! — думал он. *Одна из тех, кого я поклялся уничтожить даже ценой своей жизни. Она жива! И герцог Пауль явно не подозревает, какое чудовище дало ему жизнь. Что за дьявольская злоба! Выдать Харконненам его отца!..*

Пауль прошел мимо него, вспрыгнул на подиум. Оглянувшись, он увидел, что убитых и раненых уже унесли. *Вот и еще одна глава в легендах о Муад'Дибе,* с горечью подумал он. *Я даже не обнажил свой крис — но по всей Пустыне пойдут рассказы о том, как я один одолел двадцать сардаукаров...*

Гурни, не чувствуя пола под ногами, вышел вслед за ним и Стилгаром. Пещера, залитая желтоватым светом плавающих ламп, не существовала более для него. Только — ярость.

«Проклятая ведьма еще жива — а кости тех, кого она предала, засыпаны в тесных могилах. Не-ет, прежде чем я убью ее, Пауль должен узнать всю правду о ней».

Как часто гнев заставляет людей отринуть то, что говорит им внутренний голос!

(Принцесса Ирулан. «Избранные речения Муад'Диба»)

Фримены, собравшиеся в общем зале пещеры, чувствовала Джессика, были охвачены тем самым чувством, которое было памятно ей со дня поединка Пауля с Джа-

мисом. Слышались негромкие, но возбужденные голоса; тут и там возникали небольшие группы, обсуждая что-то.

Джессика вышла из апартаментов Пауля на подиум, спрятав в складки одежды цилиндрик с сообщением. Она уже успела отдохнуть после долгого путешествия с Юга, хотя по-прежнему досадовала, что Пауль не разрешает пользоваться захваченными топтерами.

— Мы пока еще не в состоянии контролировать воздушное пространство, — объяснял Пауль, — и не можем позволить себе зависеть от привозного топлива. К тому же мы должны беречь и машины, и горючее для того дня, когда нам понадобятся все ресурсы.

Сам Пауль стоял у подиума в окружении молодых воинов. Тускловатый свет плавающих ламп придавал происходящему ощущение нереальности. Все это напоминало бы большой прием — если бы не вездесущий запах, не шорох ног по камню и не шепот.

Джессика смотрела на сына, удивляясь, что тот еще не показал ей свой сюрприз — Гурни Халлека. Это имя напомнило ей о прошлом, о днях любви... об отце Пауля.

Стилгар, окруженный личными бойцами, стоял у противоположной стены, сохраняя молчаливое достоинство.

Нам никак нельзя потерять этого человека, подумала Джессика. *План Пауля должен удаться. Иначе... иначе нас ждет огромная трагедия.*

Она молча спустилась с подиума, прошла мимо Стилгара, не глядя на него, и приблизилась к Паулю. Фримены один за другим замолкали, расступаясь перед ней.

Она понимала, что это молчание — знак почтительного страха перед Преподобной Матерью. Но в этом молчании был и невысказанный вопрос.

Молодежь при ее приближении отошла в стороны, образовав свободное пространство вокруг Пауля, и это новое к нему отношение опять обеспокоило ее. *«Все, кто ниже тебя, неизбежно завидуют твоему положению»* — это была аксиома Бене Гессерит. Но ни на одном лице не было и тени зависти. Ореол религиозного почитания удерживал людей в некотором отдалении. И она вспомнила другую аксиому: *«Пророки редко умирают своей смертью...»*

Пауль посмотрел на нее.

— Время настало, — произнесла Джессика, подавая ему цилиндрик с сообщением.

Один из тех отошедших было парней набрался духу и, взглянув на Стилгара, обратился к Паулю:

— Это точно, время настало. Наконец-то. Ты думаешь вызвать его? Люди могут подумать, что ты трус... если...

— Кто тут сказал слово «трус»?! — рявкнул Пауль, и рука его легла на рукоять криса.

Напряженное молчание опустилось на группу молодежи, затем разлилось по всей пещере.

— Надо кое-что сделать, — решительно сказал Пауль. Говоривший отшатнулся. Пауль, раздвигая толпу, подошел к подиуму, легко вскочил на него, повернулся к фрименам и, призывая к тишине, поднял руку.

— Так сделай, сделай! — крикнули из толпы.

Этот выкрик вызвал ропот и перешептывание.

Пауль дождался тишины — она наступила не сразу, в толпе покашливали, шаркали ногами... Наконец все стихло. Пауль опустил руку и заговорил так, что звук отдавался по всей пещере:

— Вы устали ждать.

Ему вновь пришлось дожидаться, когда стихнут возбужденные возгласы.

Да, они действительно устали ждать, подумал Пауль. Он покачал на ладони цилиндрик, думая о том, что содержит в себе этот невинный с виду предмет. Джессика уже показала ему сообщение и рассказала, как его перехватили у харконненского курьера.

А сообщеньице-то было ясным, Раббана предоставляли самому себе. Он не мог отныне рассчитывать ни на помощь, ни на подкрепления!

Пауль возвысил голос:

— Вы думаете: вот пришло время, когда я должен вызвать Стилгара на бой и сменить его во главе наших войск!

Прежде чем кто-либо успел ответить ему, Пауль яростно закричал:

— По-вашему, Лисан аль-Гаиб настолько глуп?!

Наступила ошеломленная тишина.

Он принимает роль религиозного вождя, подумала Джессика. *Да, ему придется сделать это.*

— Но таков обычай! — выкрикнул кто-то.

Пауль сухо ответил, прощупывая эмоциональный настрой толпы:

— Обычаи меняются.

Из угла донесся сердитый крик:

— Мы сами решим, что нам менять!

Послышался одобрительный гул — многие в толпе соглашались с крикнувшим.

— Как хотите, — ответил Пауль.

И Джессика услышала, что он использует Голос, как она его учила.

— Вы скажете все, что хотите, — объявил Пауль. — Но сначала буду говорить я — а вы меня выслушаете.

Стилгар с бесстрастным лицом прошел к ним вдоль подиума.

— Это ведь тоже обычай, — сказал он. — На Совете может быть выслушан любой фримен. А Пауль Муад'Диб — фримен!

— Благо племени — прежде всего, так? — спросил Пауль.

Стилгар ответил все тем же ровным голосом и с тем же достоинством:

— Конечно. Им мы выверяем каждый свой шаг.

— Хорошо... — протянул Пауль. — Если так, ответьте: кто командует бойцами нашего племени? И кто правит всеми племенами, всеми бойцами — через инструкторов, которых мы обучили приемам колдовского боя?

Пауль помедлил немного, оглядывая толпу, но никто ему не ответил. Наконец он продолжил:

— Может быть, ими распоряжается Стилгар?.. Но он сам отрицает это. Тогда, может, это я? Сам Стилгар порой исполняет мои приказы, и старейшины, мудрейшие из мудрых, прислушиваются ко мне на Совете!

В толпе зашевелились — но опять никто не ответил.

— Так. Тогда, может быть, правит моя мать? — Пауль указал на Джессику, стоявшую в черном церемониальном одеянии у края подиума. — И Стилгар, и все другие вожди спрашивают ее совета почти по всякому важному делу. И вам всем это известно. Но — странствует ли Преподобная Мать в песках? Водит ли она воинов в раззию на Харконненов?

Большинство фрименов, кого мог видеть Пауль, задумались, наморщив лбы; но многие еще роптали.

Ох, с огнем он играет — очень уж опасный способ выбрал! — с беспокойством подумала Джессика. Впрочем, она помнила о цилиндрике и значении заключенного в нем послания. И, конечно, она понимала, чего добивается Пауль: дойти до самых корней неуверенности, уничтожить их, и тогда всё прочее последует само собой.

— Итак, никто не желает признавать вождя без вызова и поединка? — продолжал между тем Пауль.

— Обычай такой! — снова крикнул кто-то.

— Хорошо, но какова наша цель? — спросил Пауль. — Сбросить Раббана, это харконненское чудовище, и превратить планету в место, где мы и наши семьи благоденствовали бы среди изобилия воды? Это наша цель — да или нет?

— Так вот по цели же и средства — цель трудная, и средства суровые! — ответил голос из толпы.

— Неужели ты привык ломать свой нож перед боем? — осадил его Пауль. — То, что я сейчас скажу, — факт, а не хвастовство и не вызов: среди вас никто, и Стилгар в том числе, не выстоит против меня в поединке. Стилгар это сам признал. Он это знает — как и каждый из вас.

В толпе опять заворчали.

— Многие из вас встречались со мной в учебном бою, — указал Пауль. — Так что вы знаете, что я не хвастаю зря. Я говорю это потому, что все мы знаем — это правда, и я был бы глупцом, если бы не видел, что это так. Ведь я начал учиться этому колдовскому бою куда раньше, чем вы, а учителя мои были куда крепче любых бойцов, с которыми вы сталкивались. Как бы иначе, вы думаете, я одолел Джамиса? Ведь тогда я был в возрасте, в котором ваши мальчишки все еще сражаются лишь в играх!

Он умело пользуется Голосом, подумала Джессика, *но с этим народом одним Голосом не обойдешься. К словам у них неплохой иммунитет, и одолеть их интонациями... Ему надо увлечь их логикой.*

— А теперь, — объявил Пауль, — мы добрались до главного. Вот! — Он поднял цилиндрик, размотал ленту с сообщением. — Это перехвачено у харконненского курьера, и в подлинности сообщения сомнений нет. Оно адресовано

Раббану. До его сведения доводится, что в пополнениях ему отказано, что добыча Пряности упала намного ниже установленной нормы, что он обязан выжимать из Арракиса Пряность, обходясь наличными силами.

Стилгар приблизился к Паулю.

— Ну, кто уже понял, что это значит? — спросил Пауль. — Стилгар вот сразу сообразил!

— Они отрезаны! — выкрикнул кто-то.

Пауль затолкал цилиндрик и само сообщение в кушак. Затем снял с шеи витой шнурок из шигакорда и показал всем висевший на нем перстень.

— Вот этот перстень принадлежал моему отцу! — провозгласил он. — И я поклялся, что не надену его, пока не буду готов повести мои войска по Арракису и вернуть его себе по праву, как свой законный феод!

И он надел кольцо и сжал кулак.

На пещеру опустилась тишина.

— Кто правит здесь? — вопросил Пауль, вскинув сжатую в кулак руку. — Я правлю здесь! Я правлю каждым дюймом Арракиса! И здесь мой феод — не важно, подтвердит это Император или нет. Он дал его моему отцу, а я унаследовал его!

Оценивая реакцию толпы, он покачался с носка на пятку.

«Еще немного», — подумал он.

— Есть люди, которые займут на Арракисе высокие места: Империи придется принять мои условия! — продолжал Пауль. — И Стилгар — один из таких людей. И это не потому, что я хочу откупиться от него. И не из благодарности, хотя я, как и многие из вас, обязан ему жизнью. Нет! А потому лишь, что он мудр и силен; потому, что он умеет управлять своим сиетчем, опираясь на свой разум, а не на одни только обычаи. Неужели же вы считаете меня глупцом, способным отсечь свою правую руку и бросить в луже крови тут, на полу пещеры, — и всё затем, чтобы развлечь вас зрелищем?!

Пауль обвел толпу взглядом.

— Кто здесь посмеет сказать, что я — не законный правитель Арракиса? Или мне придется, доказывая это, перерезать всех вождей фременов в эрге?

Стилгар вопросительно посмотрел на Пауля.

— Стану ли я сам подрывать наши силы — в то самое время, когда они нам всего нужнее? — спросил Пауль. — Вот я — ваш правитель; и я говорю вам: настало время нам прекратить убивать друг друга, время обратиться против истинных наших врагов — Харконненов, обрушиться на них всей своей мощью!

Стилгар молниеносно выхватил крис и, воздев его, возгласил:

— Да здравствует герцог Пауль Муад'Диб!

Множество голосов слились в единый рев, сотрясший каменные своды пещеры и подхваченный эхом. Многоголосый хор гремел:

— Йа хъя чаухада! Муад'Диб! Муад'Диб! Йа хъя чаухада!

Джессика повторила про себя: «Да здравствуют воины Муад'Диба!» Да, все прошло именно так, как задумали они втроем со Стилгаром.

Постепенно крики затихли. Когда вновь наступила тишина, Пауль повернулся к Стилгару и приказал:

— На колени!

Тот немедленно подчинился.

— Дай мне свой крис.

Стилгар подал крис Паулю.

Этого в нашем плане не было! — подумала Джессика.

— Повторяй за мной, Стилгар, — велел Пауль и начал произносить слышанную от отца присягу введения в должность. — «Я, Стилгар, принимаю этот нож из рук моего герцога...»

— Я, Стилгар, принимаю этот нож из рук моего герцога...

— «И туда я направлю его, куда укажет мне мой герцог».

— И туда я направлю его, куда укажет мне мой герцог.

Джессика, вспомнив Лето, едва сдержала слезы. Но потом тряхнула головой. *Мне ясны причины. И я не должна так волноваться.*

— «И будет этот клинок служить моему герцогу и гибели врагов его, доколе струится кровь в моих жилах», — закончил Пауль.

Стилгар медленно и торжественно повторил и эти слова.

— Поцелуй крис, — велел Пауль.

Стилгар повиновался, а затем, следуя фрименскому обычаю, поцеловал и руку, держащую крис. Затем по знаку Пауля он убрал клинок в ножны и поднялся на ноги.

По толпе прокатился потрясенный вздох. Кто-то проговорил:

— Сказано в пророчестве: *«Бене Гессерит укажет нам путь, и Преподобная Мать увидит его»*.

Из дальнего угла кто-то отозвался:

— Она указывает нам путь через своего сына!

— Знайте, — заключил Пауль, — этим племенем водительствует Стилгар, и никто да не усомнится в его власти. Я говорю устами Стилгара; и что говорит он, то говорю я.

«Мудро, подумала Джессика. *Вождь, конечно, не должен терять лица перед теми, кем правит»*.

— Этой же ночью отправь гонцов и разошли сейлаго, — тихо распорядился Пауль, повернувшись к Стилгару. — Я созываю Сбор. После этого приведешь Чатта, Корбу, Отхейма и еще пару командиров — сам смотри кого — ко мне в комнату. Надо обсудить план битвы, чтобы было с чем выступить перед вождями на Сборе.

Пауль кивком подозвал мать, они вместе сошли с подиума и сквозь толпу направились по центральному коридору к своим комнатам. Из толпы к Паулю тянулись руки, слышались выкрики:

— Муад'Диб, нож мой будет направлен туда, куда укажет Стилгар!

— Веди нас в бой, Пауль Муад'Диб!

— Зальем этот мир кровью Харконненов!

Джессика, наблюдая за настроением толпы, почувствовала: их оружие — фримены — отточено. Они готовы к сражению и рвутся в бой, они воодушевлены до предела.

Во внутреннем покое своих апартаментов Пауль усадил мать, сказал ей «Подожди» и, раздвинув занавеси, нырнул в боковой проход.

«Должно быть, он сейчас приведет Гурни Халлека», — подумала Джессика и сама удивилась тому, какие смешанные чувства ее обуревали. С Гурни и его музыкой были связаны воспоминания о многих приятных часах на Каладане... но это было до Арракиса. Там, на Каладане, жил кто-то другой, не она. За прошедшие с тех пор неполные три года

она стала совсем другим человеком. Увидеть теперь Гурни — значит как бы закрепить происшедшую перемену...

Кофейный сервиз Пауля — изящные чашки-бокальчики из сплава серебра и ясмия, — унаследованный им от Джамиса, стоял справа от Джессики на низком столике. Она рассматривала сервиз, думая о многих и многих руках, касавшихся его. Уже месяц Чани подавала Паулю кофе только в нем.

Что может эта дочь Пустыни, кроме как подавать ему кофе? — с горечью подумала Джессика. *Она не дает ему ни могущества, ни родства с Великим Домом... А у Пауля есть лишь один действительно надежный шанс — породниться с влиятельным Великим Домом... а может быть, даже и с Императорским. Есть же в конце концов у Императора принцессы на выданье — и все как одна воспитанницы Бене Гессерит.*

Джессика представила себе, как покидает суровый Арракис и меняет его на могущество и безопасность жизни матери принца-консорта. Она обвела взглядом тяжелые драпировки, прикрывавшие каменные стены высеченной в скале комнаты. Вспомнила, как попала сюда — целый караван гигантских червей, одни с паланкинами, другие с вьючными платформами, груженные всем необходимым для войны.

Но пока Чани жива, Пауль не сумеет понять, чего требует от него долг. Она родила ему сына — и этого ему довольно...

Ей вдруг захотелось увидеть внука, так похожего на своего деда. На ее Лето... Джессика прижала ладони к щекам, пытаясь ритуальными дыхательными упражнениями успокоить эмоции и очистить разум. Затем склонилась к полу — это тоже помогало подчинить тело разуму.

В качестве командного пункта Пауль выбрал Птичью пещеру — и вряд ли его выбор можно было оспорить. Место было идеальным. К северу отсюда лежал Ветровой Перевал, в котловине за которым находился хорошо защищенный поселок, окруженный высокими скалами. Этот поселок — ключевой элемент целого сектора харконненской обороны, центр технического обеспечения, ремонта и снабжения. Здесь жили техники, инженеры и ремесленники.

За занавесями кто-то кашлянул. Джессика выпрямилась, глубоко вздохнула и сделала медленный выдох.

— Войдите, — произнесла она.

Резко отбросив занавеси, Гурни Халлек ворвался в комнату. Она успела только бросить взгляд на его лицо и отметить какое-то странное выражение, — и в следующий миг Гурни оказался за ее спиной, мускулистой рукой зажал ее шею и вздернул на ноги.

— Гурни, что ты делаешь, сумасшедший?! — вскрикнула она.

В следующий миг она ощутила, как к спине прикоснулось острие ножа. Это прикосновение холодом обожгло ее — она осознала, что Гурни действительно готов ее убить. *Но почему?!* Она искала хоть какую-нибудь причину — такие, как Гурни, не предают. Но в намерениях его сомневаться не приходилось. Разум лихорадочно заработал, ей противостоял противник, одолеть которого было трудно. Опытный убийца, знающий о Голосе и умеющий ему сопротивляться, знающий все боевые приемы, хитрости и уловки. Мастер убийств. Орудие, которое она сама помогала оттачивать изощренными приемами Бене Гессерит.

— Что, ведьма, думала, что отделалась от нас, а? Ускользнула?.. — прорычал Гурни.

Она не успела еще понять, о чем он, как занавеси вновь разошлись, и появился Пауль.

— Вот и он, ма... — Увидев, что происходит, Пауль замолк.

— Стойте на месте, милорд! — велел Гурни.

— Какого... — Пауль не смог даже договорить, только головой потряс.

Джессика попыталась сказать что-то, но рука лишь сильнее сжала ее горло.

— А ты, ведьма, будешь говорить, когда я тебе позволю! — рявкнул Гурни. — Причем ты только одно скажешь — чтобы твой сын слышал. И поверь, я вгоню этот нож в твое сердце, если замечу малейшее сопротивление... Итак, пусть твой голос остается ровным и монотонным. Не напрягай мышцы. Веди себя очень осторожно, если хочешь выиграть еще несколько мгновений жизни... а можешь мне поверить, у тебя остались именно секунды...

Пауль шагнул вперед:

— Гурни, старик, да что это тебе...

— Стойте на месте! — оборвал его Халлек. — Еще шаг — и она мертва!

Рука Пауля скользнула к рукояти ножа. Тихим голосом, в котором звучала смерть, он проговорил:

— Лучше тебе объясниться, Гурни.

— Я поклялся убить того, кто предал твоего отца! — Гурни яростно выплевывал слова. — Как вы... как ты думаешь — мог я забыть о человеке, который спас меня из харконненских подземелий, дал мне свободу, жизнь и честь?! Который дал мне свою дружбу — самое дорогое из всего?! И вот предательница — под моим ножом, и никто не помешает мне...

— Гурни, сильнее ошибиться ты не мог, — покачал головой Пауль.

А Джессика подумала: *Так вот в чем дело! Какая чудовищная ирония судьбы!*

— Ошибаюсь?! — взвыл Гурни. — Ну так пусть она сама скажет! И не забывает при этом, что я давал взятки, шпионил, обманывал — и все ради того, чтобы подтвердить это обвинение! Я даже купил — за семуту — капитана баронской охраны, и значительную часть этой истории я знаю от него!

Все-таки его захват чуточку ослаб. Но раньше, чем Джессика сумела что-то сказать, Халлеку ответил Пауль:

— Предатель — Юйэ. Это точно, Гурни. Свидетельства тому исчерпывающи и неоспоримы. То был Юйэ. Не важно, почему ты заподозрил мою мать — а это, повторяю, не более чем пустое подозрение. Но если ты причинишь ей зло... — Пауль вытянул крис из ножен, выставил его перед собой, —... тогда я убью тебя.

— Юйэ был кондиционированным медиком, допущенным к работе в правящем Доме, — яростно возразил Гурни. — Как же он мог предать?!

— Я знаю способ преодолеть кондиционирование, — ответил Пауль.

— А доказательства?!

— Здесь у меня их нет. Они — в сиетче Табр, это далеко к югу отсюда, но если...

— Это трюк! — прорычал Гурни, и его рука с новой силой сжалась на горле Джессики.

— Не трюк и не обман, Гурни, — ответил Пауль, и такая печаль прозвучала в его голосе, что у Джессики сжалось сердце.

— Но я сам видел сообщение, перехваченное у харконненского агента! — воскликнул Гурни. — И там определенно говорилось о...

— И я его видел, — перебил Пауль. — Отец показал его мне и объяснил, почему он был уверен в том, что это не более чем харконненская уловка, цель которой — заставить герцога подозревать любимую женщину.

— А! — выдохнул Гурни. — Но ты не...

— Замолчи, — велел Пауль — и в спокойной монотонности его голоса прозвучала бóльшая сила приказа, чем Джессике когда-либо приходилось слышать.

Он овладел Великим контролем, подумала Джессика.

Рука Гурни на ее шее задрожала. Неуверенно шевельнулся нож за ее спиной...

— Да, ты подкупал, шпионил и обманывал; но вот чего ты *не* делал — так это не слышал, как рыдала ночами моя мать, потеряв своего герцога. Ты не видел, каким огнем горят ее глаза, когда она говорит о смерти для Харконненов.

Так он слушал тогда! — Глаза Джессики застилали слезы.

— Чего ты *не* сделал, — продолжал Пауль, — так это не вспомнил ни разу уроки, полученные тобой в харконненских темницах и казармах для рабов. И ты еще с такой гордостью говорил о дружбе с моим отцом! Да разве не понял ты разницу между Атрейдесами и Харконненами — не понял настолько, что до их пор не научился узнавать харконненские уловки по одному их зловонию? Или не усвоил ты, что Атрейдесы платят за верность любовью, а харконненская монета — ненависть? Как же ты не сумел понять, в чем самая суть этого предательства?!

— Н-но... а Юйэ?.. — пробормотал Гурни.

— Доказательство, о котором я упомянул, — это собственноручно написанное Юйэ письмо, где он признается в совершенном предательстве, — ответил Пауль. — Клянусь тебе в том моей любовью к тебе — любовью, которую я буду питать, даже если придется убить тебя и ты ляжешь здесь, на полу, мертвым.

Слушая сына, Джессика чувствовала восхищение — какая собранность, какая проницательность разума!..

— У отца было настоящее чутье на верных друзей, — продолжал Пауль. — Не всякому давал он свою любовь, но при этом не ошибся ни разу. А слабость его была в недопонимании природы ненависти: он считал, что тот, кто ненавидит Харконненов, не сможет его предать... — Пауль взглянул на мать. — Она знает это. Я передал ей слова отца, его завещание... он велел сказать, что всегда верил ей и ни на миг в ней не усомнился.

Джессика почувствовала, что теряет контроль над собой, и прикусила губу, стараясь справиться с эмоциями. По напряженно-формальному тону сына она поняла, чего стоили ему эти слова. Ей захотелось подбежать к нему, прижать его голову к груди... чего она никогда не делала. Но рука, обвившаяся вокруг ее шеи, перестала дрожать, а острие ножа вновь неподвижно уперлось ей в спину.

— Один из самых ужасных моментов в жизни ребенка, — сказал Пауль, — это миг потрясения — миг, когда он понимает, что между его отцом и матерью существуют отношения, внутрь которых ему доступа нет. Он никогда не сможет разделить с ними эту любовь. Это потеря. Это — первое осознание факта, что мир — это не *ты*, а то, что *окружает тебя*, и что ты одинок в нем. Ты сознаешь, что это правда, и не можешь уйти от нее. Я слышал, *как* отец говорил о матери. Она — не предатель, Гурни, и не может быть им.

Джессика почувствовала, что может говорить, и сказала:

— Отпусти меня, Гурни.

Она не использовала Голос, не играла на слабости Гурни — но рука его упала. Джессика подошла к Паулю и стала рядом, не прикасаясь к нему.

— Пауль, — сказала она, — жизнь знает и иные потрясения. Так, я сейчас вдруг поняла, как жестоко я использовала тебя, пытаясь управлять тобой, согнуть тебя, и все это ради того, чтобы направить тебя по тому пути, который я сама выбрала для тебя... пути, который я *должна* была выбрать, потому что так уж меня учили... если это хоть как-то меня оправдывает. — Она проглотила комок в горле, заглянула сыну в глаза. — Пауль... я хочу, чтобы ты кое-что сделал для меня. Нет, не так... Обещай

мне — ты сам должен выбрать путь своего счастья. Твоя женщина из Пустыни... женись на ней, если хочешь. И не дай никому и ничему помешать тебе. Но главное — сам выбирай свой путь. Я...

Она замолчала, услыхав за спиной невнятное бормотание.

Гурни!

Увидев, что Пауль смотрит через ее плечо, повернулась и Джессика.

Гурни стоял все там же, он только нож убрал в ножны, да еще распахнул на груди бурнус, открыв серую, лоснящуюся ткань дистикомба стандартного выпуска — контрабандисты покупали эту модель во фрименских сиетчах.

— Вонзи свой нож в мое сердце! — еле выговорил он. — Рази, прошу — и покончим с этим! Я покрыл позором свое имя! Я предал своего герцога! О, лучше...

— Да замолчи ты, — сказал Пауль.

Гурни уставился на него.

— А теперь застегнись и кончай валять дурака, — проворчал Пауль. — На сегодня я уже, кажется, сыт глупостями по горло.

— Убей меня, говорю я! — взвыл Гурни в неистовстве.

— Тьфу... — вздохнул Пауль. — Я-то думал, хоть ты меня лучше знаешь. Да что вы меня все — идиотом считаете?! И почему я должен повторять эту комедию с каждым человеком, который мне нужен?!

Гурни перевел взгляд на Джессику и жалким, безнадежным и умоляющим голосом — так не похоже на старину Гурни! — попросил:

— Ну тогда вы, миледи... пожалуйста... вы меня убейте.

Джессика подошла к нему, положила руки ему на плечи.

— Гурни, отчего ты настаиваешь, чтобы Атрейдесы убивали тех, кого любят?

Она мягко вытянула из пальцев Халлека края бурнуса и застегнула их.

Гурни, совершенно сломленный, выдавил:

— Но... я... я же...

— Ну да. Ты думал, что делаешь это ради Лето, — сказала Джессика, — и за это я могу лишь восхвалить тебя...

— Госпожа моя!.. — простонал Гурни и, уронив голову, зажмурил глаза, пытаясь сдержать вскипающие слезы.

— Давай будем считать все случившееся небольшим непониманием между старыми друзьями, — сказала Джессика, и Пауль услышал в ее голосе успокаивающие, утешающие нотки. — Ну всё-всё, теперь всё уже позади, и мы можем только радоваться, что больше такое непонимание между нами не повторится.

Гурни открыл блестящие, мокрые глаза и преданно посмотрел на нее.

— Гурни Халлек, которого я запомнила, был искуснейшим мастером клинка и струн, — продолжала Джессика. — Он был лучшим исполнителем на балисете, которого я знала и которым восхищалась. Может быть, этот Гурни Халлек помнит, как любила я слушать, когда он пел для меня?.. Ты сохранил свой балисет, Гурни?

— У-у меня теперь новый, — пробормотал Гурни. — Он с Чусука — чудесный инструмент, звучит, как подлинный Варота, правда, подписи на нем нет. Я склонен полагать, что это работа одного из учеников Вароты, который... — Он умолк. — Но что это я, миледи! Что я могу сказать?! Вот мы болтаем о...

— Вовсе не болтаем, Гурни, — возразил Пауль, подошел к матери и встал, глядя в лицо Гурни. — Это не болтовня, а то, что приносит радость друзьям. И я прошу тебя — сыграй нам. Планы битвы могут и подождать немного. Все равно до завтра мы не выступим.

— Я... я сейчас принесу балисет, — заторопился Гурни. — Он там, в коридоре. — Он выскочил в коридор, только занавески взметнулись.

Пауль коснулся руки матери, ощутил, как она дрожит.

— Уже всё, мама, — сказал он.

Она, не поворачивая головы, искоса взглянула на него:

— Всё?..

— Ну да. Гурни...

— Гурни?.. Ах... да. — Она опустила глаза.

С шорохом разошлись занавеси — вернулся Гурни с балисетом. Не глядя в глаза Паулю и Джессике, он принялся настраивать инструмент. Драпировки глушили эхо, и балисет звучал негромко и задушевно, даже интимно.

Пауль усадил мать на подушки, она откинулась на толстые драпировки. Его внезапно поразило, что она выглядит сильно состарившейся — Пустыня превратила ее кожу в пергамент, проложила морщины в уголках залитых синевой глаз.

Как она устала, подумал он. *Мы должны как-то облегчить ее ношу.*

Гурни взял аккорд.

Пауль глянул на него:

— Извини, Гурни, мне надо кое-что срочно сделать. Подожди здесь...

Гурни кивнул. Он был уже где-то далеко, может быть, под ласковым небом Каладана, а на горизонте кучерявились тучки, обещая дождь...

Пауль заставил себя повернуться, вышел в боковой проход, отбросив тяжелые занавеси. За его спиной Гурни начал мелодию, и Пауль помедлил немного, слушая приглушенную песню.

Сады вокруг, виноградники,
Гурии полногрудые,
И до края чаша полна...
Почему же твержу я о битвах,
О горах, истершихся в пыль?
Предо мною распахнуто небо
И богатства свои рассыпает:
Собери лишь! — но что же
Мысли мои — о засаде
И о яде в чаше литой?
Что же годы меня одолели?
Манят руки любви
И сулят красоту нагую,
Мне сулят наслаждения рая —
Что же я вспоминаю раны,
Что грехи беспокоят былые,
Отчего мой сон так тревожен?..

Из-за угла появился курьер-федайкин. Его капюшон был отброшен за плечи, а завязки дистикомба свободно болтались на шее — значит, он только что из Пустыни.

Пауль жестом остановил его, отошел от входа в комнату и подошел к вестнику.

Тот поклонился, сложив перед собой руки — так обычно приветствовали Преподобную Мать или сайядину, исполняющую обряды.

— Муад'Диб, вожди уже начали прибывать на Сбор, — проговорил он.

— Так скоро?

— Это те, за которыми Стилгар послал раньше — когда думали, что...

— Ясно. — Пауль оглянулся туда, откуда раздавались звуки балисета. Старая песня, которую так любила мать, странное сочетание радостной мелодии и печальных слов. — Стилгар скоро подойдет сюда вместе со всеми остальным. Покажешь им, где их ожидает мать.

— Хорошо, Муад'Диб, я буду ждать здесь.

— Да... да, пожалуйста.

Пауль оставил федайкина у входа, а сам зашагал к месту, какое было в каждой подобной пещере, у подземного водохранилища. Там, в прочной камере, содержали небольшого — не длиннее девяти метров — шаи-хулуда. Окружавшие червя каналы с водой не давали ему ни расти, ни бежать. Податель, как только отделялся от «маленьких», всеми силами избегал воды — для него это был яд. А утопление Подателя — величайший секрет фрименов, так как при этом выделялось вещество, объединявшее их, — Вода Жизни, яд, преобразовать который могла только Преподобная Мать.

Решение пришло к Паулю, когда он столкнулся со смертельной опасностью, грозившей матери. Ни одна из временны́х ли́ний, виденных им, не содержала угрозы от Гурни Халлека. Будущее — туманное, темное будущее, в котором Вселенная неслась в кипящий водоворот, — окружало его, словно пелена призрачного мира.

Я должен видеть, повторял он.

К этому времени его организм уже выработал некоторый иммунитет к Пряности, и пророческие видения все реже посещали его... и были они все более смутными. Решение казалось очевидным.

Я сам утоплю червя. И тогда мы увидим, действительно ли я — Квисатц Хадерах, способный пережить испытание, которому подвергаются Преподобные Матери.

* * *

И так случилось на третий год Пустынной войны, что лежал Пауль Муад'Диб один в Птичьей пещере, во внутренних покоях под коврами кисва. И так лежал, как мертвый, связанный откровениями Воды Жизни, и существо его было унесено за пределы времен ядом, дарующим жизнь. И так исполнено было пророчество о том, что Лисан аль-Гаиб может быть сразу и жив, и мертв.

(Принцесса Ирулан, «Собрание легенд Арракиса»)

Выходя из котловины Хаббанъя в предрассветной мгле, Чани слышала, как посвистывают крылья орнитоптера, который, доставив ее сюда, улетел теперь в укрытие в Пустыне. Охранники, держась на почтительном расстоянии от нее, рассыпались веером, проверяя, нет ли какой опасности в скалах, и заодно предоставляя женщине Муад'Диба и матери его первенца возможность пройтись одной: как она и попросила их.

Зачем он вызвал меня? — думала она. *Ведь раньше он говорил, что я должна оставаться на Юге с маленьким Лето и Алией.*

Она подобрала бурнус и, легко перепрыгнув каменный порожек, начала подъем по крутой тропке — только тот, кто был привычен к жизни в Пустыне, мог бы отыскать эту тропу в темноте. Из-под ног покатились мелкие камешки, но Чани шла, словно танцуя, с привычной легкостью.

Быстрый подъем одновременно освежал и слегка пьянил, кружил голову, помогая очиститься от страхов, вызванных молчаливой отстраненностью эскорта и тем, что за ней послали один из бесценных топтеров. Но ее сердце радостно билось от близости встречи с Паулем Муад'Дибом, с ее Усулом. По всей Пустыне гремело боевым кличем — «Муад'Диб! Муад'Диб!» — но это не было имя отца ее сына и нежного любовника. Она и называла-то его иначе.

Впереди над скалами воздвигалась долговязая фигура — махала рукой, призывая поторапливаться. Чани заспешила. Действительно, утренние птицы уже перекликались и поднимались в небо, приветствуя приближающуюся зарю. Над восточным горизонтом занялась бледная полоска рассвета.

Человек впереди был не из тех, кто сопровождал ее. *Отхейм, что ли?* — подумала Чани, замечая знакомые

жесты и манеру держаться. Подойдя ближе, она действительно узнала широкое, плоское лицо одного из командиров федайников. Капюшон Отхейма был откинут, а лицевой фильтр не затянут — подобная небрежность говорила о том, что он вышел в пустыню совсем ненадолго, на несколько минут.

— Скорее! — прошептал он, повернулся и повел Чани вниз, по неприметной расщелине, к замаскированному входу в пещеру. — Скоро совсем рассветет, — продолжал он так же шепотом, придерживая для нее входной клапан. — Харконнены, не иначе как доведенные до крайности, взялись патрулировать некоторые участки Пустыни. А мы сейчас никак не можем себе позволить быть обнаруженными.

Они оказались в узком боковом входе в Птичью пещеру. Зажглись плавающие лампы. Отхейм, обходя вперед Чани, сказал только:

— За мной. И поспеши.

Они быстро прошли уводящий вглубь коридор, миновали еще одну герметическую дверь-клапан и, пройдя сквозь закрытый занавесями проем, оказались в помещении, которое в те дни, когда в этой пещере просто устраивали дневки во время хаджров через Пустыню, служило альковом Преподобной Матери. Сейчас пол был застелен коврами, горами лежали подушки. Каменные стены были прикрыты гобеленами с изображениями красного ястреба. Низкий походный стол у стены был завален бумагами — исходивший от них аромат Пряности говорил о происхождении материала: фримены делали бумагу из отходов переработки меланжи.

Преподобная Мать сидела напротив входа, и, кроме нее, в комнате никого не было. Она взглянула на вошедших тем самым, обращенным в себя, взором, от которого бросало в дрожь непосвященных.

Отхейм сложил ладони и почтительно доложил:

— Я привел Чани, Преподобная.

Поклонившись, он вышел. А Джессика подумала: *Как мне сказать Чани об этом?..*

— Как мой внук? — спросила она вслух.

Ритуальное приветствие... — подумала Чани, и ее страхи вновь вернулись к ней. *Где же Муад'Диб? Отчего он меня не встретил?*

— Он здоров и весел, о мать моя, — ответила Чани. — Я оставила его и Алию на попечение Хары.

«Мать...» — повторила про себя Джессика. *Да, у нее, конечно, есть право так меня называть, обращаясь с формальным приветствием. Ведь она подарила мне внука.*

— Я слышала, из сиетча Коануа прислали в подарок ткани? — сказала она.

— Очень красивые, — кивнула Чани.

— Алия передала для меня что-нибудь?

— Ничего. Но в нашем сиетче теперь все спокойно, и люди понемногу привыкают к ее новому статусу...

Да что она тянет? — напряженно думала Чани. *Случилось что-то важное — раз уж прислали за мной топтер, дело действительно срочное. А мы тут разводим церемонии...*

— Надо распорядиться часть этой новой ткани пустить на одежду для маленького Лето, — сказала Джессика.

— Как скажешь, о мать моя. — Чани опустила глаза. — Есть ли вести о сражениях?

Она старалась, чтобы лицо оставалось бесстрастным и не выдало Джессике, что на самом-то деле она спрашивает о Муад'Дибе...

— Новые победы, — сообщила Джессика. — А Раббан послал к нам осторожные предложения перемирия. Его гонцы вернулись обратно к хозяину без своей воды... Раббан даже облегчил тяготы для жителей некоторых деревень во впадинах. Но с этим он опоздал — люди поняли, что Раббан пошел на это из страха перед нами.

— Все идет так, как и предсказывал Муад'Диб, — кивнула Чани. Она смотрела в лицо Джессике, пытаясь сдержать страх. *Я назвала его имя, но она никак не отреагировала. Конечно, трудно прочесть эмоции на гладком камне, который она называет лицом... но сейчас оно какое-то совсем уж застывшее. Да что с ней?! Что случилось с моим Усулом?!*

— Ах, сейчас бы вновь оказаться на Юге, — задумчиво сказала Джессика. — Оазисы были так прекрасны, когда мы уезжали... как не мечтать о времени, когда вся земля будет цвести так же!..

— Да, там прекрасно, — согласилась Чани. — Но сколько скорби в этой красоте...

— Скорбь — цена победы, — заметила Джессика.

Она меня к скорби готовит?! — спросила себя Чани. Вслух она сказала:

— Так много женщин сейчас живут без мужей. Когда они узнали, что меня вызвали на север, без ревности не обошлось...

— За тобой послала я, — сказал Джессика.

Чани почувствовала, как бешено колотится сердце. Ей хотелось зажать уши руками — так боялась она услышать то, что прозвучит дальше. Все же ей удалось заставить голос звучать ровно:

— Но письмо было подписано «Муад'Диб»...

— Эту подпись поставила я. В присутствии его ближайших сподвижников и помощников. Мера, вызванная необходимостью.

Она храбрая — женщина моего сына, подумала Джессика. *Так держится, хотя ей страшно... Да. Похоже, она — именно тот, кто теперь нам нужен.*

Действительно, покорность судьбе звучала в голосе Чани почти незаметно, когда она сказала:

— Теперь ты можешь сказать... то, что должна.

— Ну хорошо. Ты мне нужна, чтобы помочь вернуть Пауля к жизни! — сказала Джессика, мысленно похвалив себя: *Да, я это сказала именно так, как надо: «вернуть к жизни». Теперь она знает, что Пауль жив, но в большой опасности...*

Лишь один миг понадобился Чани, чтобы прийти в себя.

— Что я могу сделать? — спросила она. И хотя на самом деле ей хотелось броситься к Джессике, схватить ее, трясти — «Отведите меня к нему!» — она молча ждала ответа.

— Подозреваю, — проговорила Джессика, — что Харконненам удалось подослать сюда своего агента, чтобы отравить Пауля. Иного объяснения я просто не вижу. Причем яд какой-то странный, необычный. Я исследовала его кровь всеми возможными способами, самыми тонкими — и никаких следов отравы!

Чани все-таки не сдержалась и бросилась к Джессике, упала на колени:

— Яд?! Он страдает? Я могу что-то...

— Он без сознания, — ответила та. — Жизненные процессы замедлены настолько, что регистрируются лишь с помощью самой тонкой техники. Я содрогаюсь от одной мысли о том, что его мог бы обнаружить кто-то другой, не я. Не имеющий опыта в подобных делах принял бы его за мертвого...

— Но у тебя наверняка были иные причины помимо простой любезности, — сказала Чани. — Я ведь знаю тебя, Преподобная. Так что, по-твоему, я могу сделать такого, чего не сделать тебе?

Да, она храбрая, красивая и — ах-х, такая наблюдательная и умная, подумала Джессика. *Какая бы из нее вышла сестра Бене Гессерит!..*

— Чани, — проговорила Джессика, — может быть, ты мне не поверишь, но я и сама не знаю толком, почему я послала за тобой. Интуиция, если хочешь. Просто вдруг пришло в голову: «Надо послать за Чани...»

В первый раз Чани увидела печаль на лице Джессики, страдание в ее обращенном вглубь взгляде.

— Я сделала всё, что могла, — сказала Джессика. — И это *«всё»* настолько выходит за пределы того, что обычно понимается под понятием *«всё возможное»,* что тебе и представить трудно было бы. Но... у меня ничего не вышло.

— А этот его старый товарищ, Халлек, — задумчиво сказала Чани, — он не может оказаться предателем?

— Только не Гурни, — отрезала Джессика.

В этих трех словах была целая история. Чани словно сама увидела все размышления, все доводы «за» и «против», все испытания, тесты и проверки, все воспоминания о неудачах в прошлом, которые в конце концов и привели к этому выводу.

Чани рывком поднялась на ноги, выпрямилась, расправила пятнистый походный бурнус.

— Веди меня к нему, — сказала она.

Джессика тоже встала, повернулась и вышла в дверь за занавесями по левую руку.

Чани пошла за ней; они оказались в помещении, некогда использовавшемся как склад. Теперь же каменные стены были скрыты тяжелыми драпировками. Пауль лежал у дальней стены на походном матрасе. Прямо над его

головой висела в воздухе плавающая лампа, освещавшая лицо; тело было по грудь укрыто черной тканью, руки лежали поверх этого покрывала, вдоль туловища. Обнаженная кожа казалась восковой и какой-то затвердевшей. Он был совершенно неподвижен.

Чани с трудом подавила желание кинуться к нему, упасть на грудь... Вместо этого она вспомнила о своем сыне, о Лето. И поняла, что некогда и Джессика пережила подобный миг — когда ее мужчине угрожала смерть, она должна была думать о спасении сына. Ощутив вдруг, насколько они близки, Чани схватила Преподобную Мать — мать ее Усула — за руку. Джессика в ответ тоже стиснула ее руку — больно...

— Он жив, — проговорила Джессика. — Можешь поверить мне — жив. Но нить его жизни столь тонка, что ее трудно даже заметить. Иные вожди поговаривают даже, что не Преподобная Мать, а просто мать говорит во мне; что сын мой умер уже, а я не хочу отдать его воду племени.

— Как долго он уже... вот так? — выдавила Чани. Она осторожно высвободила свое запястье из рук Джессики и сделала несколько шагов вперед.

— Три недели. — Голос Джессики звучал безжизненно. — Почти неделю я пыталась вернуть его к жизни. Встречи, обсуждения, совещания — наконец, я решилась вызвать тебя. К счастью, федайкины мне подчиняются, не то я не могла бы отсрочить... — Джессика провела языком по пересохшим губам, глядя, как Чани подходит к Паулю.

А Чани склонилась над ним, разглядывая мягкую бородку — почти что юношеских пух, — окаймлявшую лицо Пауля, гладила взглядом высокий лоб, линию бровей, крепкий нос, закрытые глаза — сейчас, в этом оцепенелом сне, его лицо выглядело очень спокойным, мирным.

— Как он получает питание? — спросила она, не отводя взгляда от Пауля.

— Телу его надо так мало, что до сих пор он обходился без пищи.

— Многим известно о случившемся?

— Только ближайшие его советники, некоторые вожди, федайкины да еще, разумеется, тот, кто его отравил.

— Кого вы подозреваете?

— Мы пока не хотим расследования, — ответила Джессика.

— А что говорят федайкины?

— Федайкины верят, что Пауль пребывает в священном трансе, накапливая силы перед решительными сражениями. Это я подбросила им эту мысль.

Чани опустилась на колени подле тела Пауля. И сразу же ощутила, что воздух возле самого его лица какой-то другой... но эта была всего лишь Пряность, вездесущая Пряность, запахом которой была пропитана вся жизнь фримена. И все же...

— Вы не были привычны к Пряности от рождения; как ты думаешь — не мог ли его организм восстать против ее избытка в пище? — предположила Чани.

— Аллергических реакций нет, — ответила Джессика.

Она закрыла глаза — ей хотелось отгородиться от происходящего; к тому же она вдруг поняла, насколько устала. *Сколько же я не спала?* — спросила она себя. *Не помню. Слишком долго...*

— Когда ты изменяешь в себе Воду Жизни, — спросила Чани, — ты ведь для этого пользуешься... внутренним восприятием. А *им* ты пользовалась, чтобы исследовать *Его* кровь?

— Да. Нормальная фрименская кровь. Совершенно приспособленная к пище с высоким содержанием меланжи и к жизни здесь.

Чани опустилась на пятки. Страхи вновь охватили ее, но она, глядя в лицо Паулю, подавила их, вытеснила. Этому приему она научилась, наблюдая за Преподобными Матерями. Время можно было заставить служить разуму. Надо было полностью сконцентрироваться...

Наконец Чани сказала:

— Здесь есть Податель?

— Конечно, и не один, — устало ответила Джессика. — Мы теперь обязательно держим несколько Подателей. Для победы нужно благословение, а каждый обряд перед походом...

— Но Пауль Муад'Диб обычно сам не принимал участия в этих обрядах, — заметила Чани. Джессика отрешенно кивнула, вспомнив противоречивые чувства, которые

питал Пауль к Пряности и к порождаемому ею пророческому дару.

— Откуда ты об этом знаешь? — спросила она.

— Говорят...

— Слишком много говорят, — горько сказала Джессика.

— Скажи, чтобы мне принесли непревращенную Воду Подателя, — распорядилась Чани.

Слыша повелительный тон, Джессика замерла было, но, видя сосредоточенность молодой женщины, ответила только:

— Сейчас.

Она вышла — позвать хранителя воды.

Чани сидела, не сводя глаз с Пауля.

Если бы только он сделал именно это! — думала она. *Он вполне мог решиться испытать это...*

Джессика опустилась на колени возле Чани и протянула простой кувшин, из тех, которыми пользовались на полевых стоянках. Ноздри Чани защекотал острый запах яда. Она обмакнула палец в жидкость и поднесла его к носу Пауля.

Тот слегка сморщил переносье, ноздри его медленно расширились.

Джессика ахнула.

Чани прикоснулась теперь смоченным в Воде пальцем к верхней губе спящего.

Он глубоко, прерывисто вздохнул.

— Что это? — жестко спросила Джессика.

— Тихо, — сказала Чани. — Сейчас преобразуй немного святой Воды. Быстро!

Джессика не стала задавать вопросы — по голосу Чани она поняла, что та знает, что делает.

Поднеся к губам кувшин, Джессика отпила крошечный глоток.

Глаза Пауля распахнулись. Он посмотрел на Чани.

— Нет нужды превращать Воду, — выговорил он слабо, но твердо.

Джессика, держа глоток во рту, почувствовала, что ее тело почти автоматически преобразует яд. В легком душевном подъеме, который всегда сопровождал процесс, она ощутила исходящий от Пауля свет жизни.

И в этот миг она поняла.

— Ты выпил священной Воды! — выдохнула она.

— Всего каплю, — пробормотал Пауль. — Совсем немного... одну капельку.

— Как ты мог решиться на такую глупость?! — гневно спросила Джессика.

— Он твой сын, — напомнила Чани.

Джессика метнула на нее яростный взгляд.

Губ Пауля коснулась слабая улыбка — теплая и понимающая.

— Слушай, что говорит моя возлюбленная, — сказал он. — Слушай, мама. Она знает!

— Что могут сделать другие — должен сделать и он, — объяснила Чани.

— Когда я принял эту каплю — ощутил ее вкус, запах, плотность; когда я понял, что эта капля делает со мной, тогда я понял, что могу сделать то, что сделала ты, — сказал Пауль. — Эти ваши прокторы Бене Гессерит столько твердят о Квисатц Хадерахе — но они даже отдаленно представить себе не могут, в *скольких* местах я побывал. За эти несколько минут я... — Он замолчал, озадаченно нахмурился. — Чани?.. Как ты здесь оказалась? Ты же должна быть... Почему ты здесь?..

Он попытался приподняться на локтях, но Чани мягко уложила его обратно.

— Пожалуйста, лежи, мой Усул, — сказала она.

— Я чувствую себя таким слабым, — пожаловался он. Обвел взглядом комнату. — Как долго я... здесь?

— Ты три недели был в коме. Такой глубокой, что казалось, искра жизни тебя покинула, — объяснила Джессика.

— Н-но... я же выпил ее только минуту назад и...

— Для тебя минуту, — возразила Джессика. — Для меня — три недели страха.

— Только одна капля — но я преобразовал ее, — сказал Пауль. — Я преобразовал Воду Жизни!..

И прежде чем Чани или Джессика могли остановить его, он окунул руку в кувшин, который они поставили на пол у изголовья, поднес сложенную ковшиком ладонь к губам, роняя капли Воды, — и выпил.

— Пауль! — простонала Джессика.

Он схватил ее за руку, улыбнулся (это походило на ухмылку черепа) — и послал к ней свое сознание.

Это было не то мягкое, охватывающее чувство единения, которое она разделила когда-то с Алией и старой Преподобной... но это был контакт: они разделили все чувства, все ощущения... этот контакт потряс ее, и она почувствовала себя такой слабой, что внутренне сжалась, в страхе перед ним закрывая свое сознание.

Вслух он сказал:

— То место, в которое нельзя проникнуть... Место, в которое не смеют взглянуть Преподобные Матери... Покажи мне его!

Испугавшись даже самой мысли об этом, она замотала головой.

— Покажи мне его! — приказал он.

— Нет!

Но она не могла никуда деться от него. Буквально оглушенная его пугающей, невероятной силой, она закрыла глаза и сосредоточилась на темном, запретном месте в глубине сознания.

Сознание Пауля протекло вокруг и сквозь нее — и устремилось во тьму. На краткий миг Джессика успела заглянуть туда прежде, чем ее сознание в ужасе отпрянуло. Увиденное заставило ее трепетать, хотя она сама не знала — почему... Мир, где яростно и беспрерывно дул ветер, сверкали искры, пульсировали световые круги и кружили среди огней белые раздувшиеся фигуры — их увлекал клубящийся мрак и дувший ниоткуда ветер...

Наконец она открыла глаза. Пауль смотрел на нее. Он все еще держал ее за руку, но пугающая связь между ними исчезла. Она подавила дрожь... оказывается, она действительно дрожала. Пауль выпустил ее руку. Словно убрали опору, поддерживавшую ее, словно выбили костыль — она пошатнулась и упала бы, не поддержи Чани.

— Преподобная! — встревожилась Чани. — Что случилось?

— Устала... — прошептала Джессика. — Так устала...

— Сюда, — приговаривала Чани. — Садись сюда.

Она помогла Джессике сесть на подушки и опереться о стену.

Прикосновения сильных, молодых рук были удивительно приятны, успокаивали. Джессика прильнула к Чани.

— Он действительно видел... Воду Жизни? — спросила Чани, осторожно высвобождаясь.

— Да, видел... — прошептала Джессика. У нее все еще кружилась голова, разум не мог успокоиться после контакта. Так чувствуют себя люди, которые долгие недели провели в бурном море и наконец ступили на твердую землю: кажется, что она продолжает покачиваться под ногами. Джессика ощутила внутри себя старую Преподобную Мать... и всех остальных... они пробудились и спрашивали: «Что это было? Что случилось? Что это за место?..»

И на все это накладывалось осознание того, что ее сын — Квисатц Хадерах, Тот, Который может быть сразу во многих местах. Сбывшаяся мечта Бене Гессерит. И понимание это ее не успокаивало...

— Так что произошло? — настаивала Чани.

Джессика только покачала головой.

Пауль проговорил:

— В каждом из нас есть древняя сила, которая берет, и другая древняя сила, которая дает. Мужчине не слишком сложно заглянуть туда, где обитает берущая сила, но почти невозможно встретиться лицом к лицу с силой дающей, не изменяя свою природу. С женщиной дело обстоит наоборот.

Джессика подняла взгляд. Оказывается, Чани слушает Пауля, а глядит на нее.

— Ты понимаешь меня, мама? — спросил Пауль.

Она смогла только кивнуть.

— И эти силы внутри нас пришли из такой глубокой древности, что они вошли в каждую клеточку нашего тела. Эти силы и создают нас. Ты можешь сказать себе: «Да, я вижу, как это происходит». Но затем ты заглядываешь в глубь себя и предстаешь перед этими силами — силами своей жизни, предстаешь без всякой защиты и тогда только понимаешь, какая опасность тебе грозит. Ты видишь, что эта сила может захлестнуть и побороть тебя. Величайшая опасность для Дающего — это берущая сила; величайшая опасность для Берущего — сила дающая. И столь же легко потерпеть поражение от этих сил тому, кто дает, сколь и тому, кто берет.

— А ты, сын мой, — спросила Джессика, — сам ты из тех, кто дает, или из тех, кто берет?

— Я — центр равновесия, — ответил Пауль, — и я не могу давать, не забирая, и не могу брать, не...

Он замолчал, глядя на стену справа от себя.

Чани ощутила, как ее щеки коснулся сквознячок. Она повернулась, успев заметить, как падает занавеска входа.

— Это был Отхейм, — сказал Пауль. — Подслушивал!

От этих слов на Чани словно повеяло пророческим даром Пауля... она увидела то, чему предстояло случиться, так, словно это уже случилось. Отхейм разнесет увиденное и услышанное. Каждый, кто услышит от него эту историю, передаст ее дальше, и покатится она по земле точно пожар. «Пауль Муад'Диб — не как прочие люди, — будут говорить тут и там. — Больше сомневаться не приходится. Он — мужчина, но может глядеть в глубины Воды Жизни, как Преподобная Мать; воистину Он — Лисан аль-Гаиб!»

— Ты видел будущее, Пауль, — сказала Джессика. — Откроешь ли ты увиденное?

— Не будущее, — возразил он. — Я видел Настоящее.

Он с усилием сел и отмахнулся от Чани, которая бросилась было ему помогать.

— Космос над Арракисом кишит кораблями Гильдии.

Джессика вздрогнула — таким уверенным был его голос.

— Там — сам Падишах-Император, — добавил Пауль, глядя на каменный потолок комнаты. — А с ним — его любимая Правдовидица и пять легионов сардаукаров. И старый барон Владимир Харконнен тоже там, и с ним — Суфир Хават, а еще — семь кораблей, и в них — все, кого он сумел поставить под ружье. И там с ними — готовые подключиться к игре силы, представляющие каждый из Великих Домов, стервятники... все ждут.

Чани покачала головой, не в состоянии отвести взгляд от Пауля. Его отстраненность, ровный, невыразительный голос, взгляд, словно проникавший сквозь нее, — все ужасало ее и повергало в смятение.

Джессика попыталась сглотнуть пересохшим горлом, выговорила:

— Чего они ждут?

Пауль посмотрел на нее:

— Ждут от Гильдии разрешения к высадке. Того, кто совершит посадку без разрешения, Гильдия оставит на планете навсегда.

— Гильдия защищает нас? — спросила Джессика.

— Защищает нас! Да Гильдия же сама всё устроила: распустила всяческие слухи о том, что мы делаем, а затем снизила тарифы на межзвездные перевозки настолько, что даже беднейшие Дома смогли добраться сюда — и теперь висят над нами и дождаться не могут, когда можно будет приступать к грабежу.

Джессика поразилась горьким ноткам в его голосе. Нет, она не сомневалась в его словах — они звучали так же убежденно, как и в ту ночь, когда он открыл перед ней путь в будущее, который привел их к фременам.

Пауль глубоко вздохнул и проговорил:

— Мама, тебе придется преобразовать для нас некоторое количество Воды. Нам нужен катализатор. А ты, Чани, разошли разведчиков... пусть ищут премеланжевую массу. Затем, если мы поместим определенное количество Воды Жизни над карманом премеланжевой массы... Вы знаете, что тогда произойдет?

Джессика обдумывала его слова — и вдруг поняла, что он имеет в виду.

— Пауль!.. — выдохнула она.

— Вода Смерти, — медленно сказал он. — И это будет цепная реакция. — Он указал себе под ноги. — Она посеет смерть среди Маленьких и разрушит вектор жизненного цикла, связывающий Пряность и Подателей. А без них — без Пряности ли, без Подателей ли — Арракис превратится в *настоящую* пустыню.

Чани зажала рукой рот — кощунство, исходившее из уст Пауля, лишило ее дара речи.

— Кто может уничтожить некую вещь, тот ее и контролирует по-настоящему, — объяснил Пауль. — А мы можем уничтожить Пряность!

— Но что останавливает Гильдию? — прошептала Джессика.

— Они ищут меня, — ответил Пауль. — Вдумайся! Лучшие навигаторы Гильдии, которые способны, заглядывая в будущее, находить безопасный курс для стремительных хайлайнеров, — все ищут меня... и не могут найти. Как они дрожат! Как трепещут! Они знают, что я завладел их тайной! — Пауль протянул перед собой согнутую лодочкой руку с блестевшими в ней каплями. — Без Пряности они слепы!

Чани смогла наконец заговорить:

— Ты говоришь, что видишь *Настоящее!*

Пауль вновь откинулся на спинку, мысленно оглядывая раскинувшееся перед ним Настоящее, протянувшееся и в будущее, и в прошлое. Озарение, которое принесла Пряность, уже уходило, и он с трудом удерживал в сознании картину путей Времени.

— Итак, идите и делайте, как я велел, — сказал он. — Будущее теперь для Гильдии так же смутно, как и для меня. Линии видения сужаются. И все фокусируется здесь. Вокруг Пряности... они и раньше не осмеливались вмешиваться, потому что, вмешавшись, могли утратить и то, чем уже обладали. Но теперь они в отчаянии, ибо все пути ведут во тьму.

И вот настал день, когда Арракис стал как бы ступицей в колесе Вселенной, и колесо то было готово повернуться.

(Принцесса Ирулан, «Арракис Пробуждающийся»)

— Ты посмотри только на эту штуку! — прошептал Стилгар.

Пауль лежал рядом с ним в скальной щели высоко на гребне Барьерной Стены, приложив глаз к окуляру фрименского телескопа с масляными линзами. Телескоп был наведен на котловину, где, сверкая в лучах рассветного солнца, стоял межзвездный лихтер. Впрочем, на затемненной его стороне еще светились желтые иллюминаторы. Вдали холодно блестел под северным солнцем Арракин.

Но не лихтер так поразил Стилгара, видел Пауль, а сооружение, для которого гигантский корабль служил всего лишь опорным столбом. Огромное, напоминающее шатер, многоэтажное здание радиусом не менее тысячи метров состояло из положенных внахлест полос веерола. Здесь временно размещались пять легионов сардаукаров, и здесь же расположил свою ставку Его Императорское Величество, Падишах-Император Шаддам IV.

Гурни Халлек, пригнувшийся слева от Пауля, сообщил:

— Я насчитал девять уровней. Похоже, Его Величество решил не ограничивать себя горсткой сардаукаров...

— Пять легионов, — отозвался Пауль.

— Светает, — прошептал Стилгар. — Нравится тебе это или нет, но ты сейчас на виду, Муад'Диб. Пора уходить в скалы.

— Я здесь в безопасности, — отмахнулся Пауль.

— Корабль оснащен метательными орудиями, — напомнил Гурни.

— Они полагают, что у нас есть щиты, — усмехнулся Пауль. — А тратить снаряды на трех неопознанных людей они не будут, даже если и заметят.

Повернув телескоп, Пауль оглядел стены котловины: изрытые оспинами скалы, осыпи, отмечавшие пещеры, которые стали братскими могилами стольких бойцов его отца... Он вдруг подумал о том, какая глубокая справедливость в том, что тени погибших воинов Дома Атрейдес будут взирать с высоты своих гробниц на то, что произойдет в котловине... Форты и поселки за Барьерной Стеной, отбитые у Харконненов, находились теперь в руках фрименов или же были отрезаны от главных сил — подобно ветвям, отсеченным от ствола и теперь умирающим. Все владения Дома Харконнен ограничивались теперь этой котловиной!

— Они могут предпринять вылазку на топтерах, — возразил Стилгар. — Если заметят нас.

— Ну и пусть, — ответил Пауль. — Все равно нам сегодня не один их топтер придется сжечь... и потом, как мы знаем, надвигается буря.

Он перевел телескоп на дальний конец взлетного поля Арракинского космодрома, где стояли в ряд харконненские фрегаты. Слабый ветерок играл полотнищем флага КООАМ. Гильдия, видимо, вконец впала в отчаяние, раз позволила сесть этим двум группам, а всех прочих оставила в резерве. Гильдия напоминала человека, который пальцем ноги пробует, насколько горяч песок, прежде чем ставить палатку.

— Да что ты еще нового рассчитываешь увидеть? — спросил Гурни. — Пора прятаться: буря *действительно* приближается.

Пауль вновь повернул телескоп на гигантский металлический шатер.

— Даже женщин захватили, — пробормотал он. — И слуг не забыли, лакеев-камердинеров... Ах, Император, Император... как же вы самоуверенны!

— Кто-то идет сюда, — сказал Стилгар. — Наверно, Отхейм и Корба возвращаются.

— Ну ладно, Стил, — вздохнул Пауль. — Уходим.

Но напоследок он еще раз взглянул в телескоп — на ровное дно котловины, сверкающий металлом шатер, молчаливый город, корабли с харконненскими наемниками. Потом он отполз назад, за скалу, и его место у телескопа занял один из фрименских дозорных.

Пауль вышел в неглубокую нишу в скальной стене. Фримены укрыли ее прозрачной маскировочной тканью. Справа, возле прохода, стояла аппаратура связи. Федайкины, собравшиеся здесь, ждали приказа Муад'Диба к атаке.

Из потайного хода появились двое и обратились к часовым.

Пауль кивнул Стилгару на вновь прибывших:

— Стил, узнай, с чем они пришли.

Стилгар направился к вошедшим. Пауль присел на корточки возле стены, разминая мышцы, встал. За это время Стилгар уже успел переговорить с пришедшими и отослал их обратно. Пауль подумал о том, как длинен этот высеченный в скале проход — отсюда и до самого дна котловины.

— Что случилось такого важного, что нельзя было послать сейлаго? — спросил Пауль.

— Птичек берегут до битвы, — ответил Стилгар. Он озабоченно посмотрел на аппаратуру связи, на Пауля. — Даже при работе направленным лучом это опасно, Муад'Диб. Они могут запеленговать эти штуки и по побочному излучению...

— У них скоро не останется на это времени, — усмехнулся Пауль. — Так что нового?

— Мы выпустили наших сардаукарчиков возле Старого Пролома, на Западном Венце, пониже отсюда, и сейчас они направляются к своему хозяину. Ракетные установки и все прочие метательные орудия расставлены по позициям. Люди размещены согласно твоим приказаниям. Словом, все как обычно.

В едва проникающем сквозь маскировочную ткань свете Пауль оглядел своих бойцов. Ему казалось, что время тянется невыносимо медленно — словно насекомое, ползущее по голой скале.

— Придется нашим сардаукарам прогуляться пешком, — сказал Пауль, — прежде чем они смогут вызвать транспорт. За ними следят?

— Следят, конечно, — ответил Стилгар.

Гурни, стоявший за спиной Пауля, кашлянул.

— Может, пора уйти в более безопасное место?

— Безопасных мест тут нет, — отрезал Пауль. — Как прогноз — погода благоприятная?

— На нас идет праматерь всех бурь, — ответил Стилгар. — Ты что, разве сам не чувствуешь, Муад'Диб?

— Конечно, изменения в воздухе есть, — согласился Пауль, — но шестование все-таки надежнее.

— Буря будет здесь через час, — уверенно сказал Стилгар. Он кивком указал на проем, выходивший на шатер-великан Императора и харконненские фрегаты. — Они это тоже знают. Видишь, ни одного топтера в небе. Все убрано и надежно принайтовано. Их друзья на орбите информируют об изменении погоды.

— Были еще пробные вылазки?

— Нет, пока они сидят тихо. Я думаю, выжидают — хотят выбрать подходящее время.

— Теперь время будем выбирать мы, — жестко сказал Пауль.

Гурни взглянул наверх и ворчливо уточнил:

— Если *они* позволят.

— Их флот останется на орбите, — возразил Пауль.

Гурни покачал головой.

— У них не будет выбора, — напомнил Пауль. — Мы можем уничтожить Пряность. На такой риск Гильдия не пойдет.

— Отчаявшиеся люди бывают всего опаснее, — сказал Гурни.

— А мы что — разве не отчаялись? — спросил Стилгар.

Гурни мрачно поглядел на него.

— Просто ты не жил мечтой всех фременов, — остерег его Пауль. — Стил сейчас думает о всей той воде, которую

он потратил на взятки и подкуп, а значит — о лишних годах, отдаляющих день, когда Арракис расцветет. Он не...

Гурни не то застонал, не то зарычал.

— Отчего он так мрачно настроен? — поинтересовался Стилгар.

— Он всегда такой перед битвой, — объяснил Пауль.

Гурни медленно, по-волчьи, осклабился, над прикрывавшим подбородок воротником-чашкой сверкнули зубы.

— Мрачен я оттого, — сказал он, — что мне жалко все те харконненские душонки, которые мы сегодня отправим на тот свет нераскаянными.

Стилгар хмыкнул:

— Можно подумать, что я слышу федайкина.

— А Гурни у нас прирожденный боец-смертник, — отозвался Пауль, а сам подумал: *Да, пусть они позабавятся шуточками и болтовней — перед тем как мы столкнемся с силой, собравшейся там, на равнине...*

Он взглянул на проем в каменной стене, а когда его взгляд вернулся к Халлеку, трубадур-воин опять был угрюм и задумчив.

— «Беспокойство отнимает силы», — напомнил ему Пауль. — Это ты меня так учил, Гурни.

— Мой герцог, — ответил Гурни, — меня беспокоит главным образом атомное оружие. Если вы примените его, чтобы пробить взрывом брешь в Барьерной Стене...

— Нет, Гурни, — прервал его Пауль, — они там, наверху, не решатся в ответ применить атомное оружие против нас. Не посмеют... по той же самой причине, какая не дает им рискнуть запасами Пряности, которую мы пригрозили уничтожить.

— Однако запрет на применение...

— Запрет! — фыркнул Пауль. — Страх, а не запрет не дает Домам закидать друг друга ядерными зарядами. Великая Конвенция говорит прямо и недвусмысленно: «Применение атомного оружия против людей карается уничтожением планеты». Что касается нас — мы намерены взорвать Барьерную Стену — не людей.

— Очень уж тонкий момент, — заметил Гурни. — Тут грань провести не так просто...

— Ну, крючкотворы там, наверху, радостно ухватятся за эту тонкую грань, — возразил Пауль. — Жечь *эту* планету они не могут. И давай больше не будем об этом.

Он отвернулся, желая на самом деле чувствовать такую уверенность. Помолчав немного, он снова обратился к Стилгару:

— А что горожане? Вышли на позиции?

— Да... — пробормотал Стилгар.

Пауль взглянул на него:

— А тебе что покоя не дает?

— Всегда считал, что городским доверять по-настоящему нельзя, — буркнул Стилгар.

— Я, между прочим, сам был когда-то горожанином, — напомнил Пауль.

Стилгар застыл, его лицо потемнело от прилившей крови.

— Муад'Диб знает, что я не имел в виду...

— Я знаю, что́ ты имел в виду. Но в испытании человека не по тому судят, что он мог бы сделать, по твоему мнению, а по тому, что он делает в действительности. В этих горожанах — фрименская кровь. Просто они не научились еще свободе. Но мы их научим.

Стилгар кивнул и покаянно ответил:

— От привычки, укоренившейся за целую жизнь, нелегко избавиться, Муад'Диб. На Погребальных Равнинах мы научились презирать горожан...

Пауль взглянул на Гурни — тот изучающе рассматривал Стилгара.

— А объясни-ка нам, Гурни: зачем бы это сардаукарам надо было выгонять этих горожан из домов?

— Старый трюк, мой герцог. Они хотели, чтобы нас обременяли беженцы.

— Партизанская война так давно считается неэффективной, что наши правители успели забыть, как ей противодействовать, — усмехнулся Пауль. — Так что сардаукары в этот раз сыграли нам на руку. Хватали женщин в городе — развлечения ради; украсили свои штандарты головами тех, кто пытался протестовать. И возбудили против себя яростную ненависть горожан, большинство из которых в противном случае смотрели бы на предстоящую битву просто как на досадную помеху, пусть даже и

помеху серьезную... и как просто на возможную смену их хозяев. Так что сардаукары позаботились о рекрутах для нас, Стилгар.

— Горожане прямо рвутся в бой, — признал Стилгар.

— Их обиды свежи, и ненависть не затенена ничем, — ответил Пауль. — Вот почему мы используем их как силы первого удара.

— Страшно подумать, сколько из них тут ляжет, — пробормотал Гурни.

Стилгар кивнул, соглашаясь.

— Их предупредили, что шансов у них мало, — ответил Пауль. — Но они знают и то, что каждый убитый ими сардаукар — это еще один враг, который не причинит вреда нам. Понимаете, друзья, теперь им есть за что умирать. Они почувствовали себя народом. Они — пробуждаются!

От наблюдателей у телескопа донеслось невнятное восклицание. Пауль метнулся к амбразуре.

— Что там? — спросил он.

— Великое смятение, Муад'Диб, — почему-то шепотом ответил наблюдатель. — У этого огромного металлического шатра все так и забегали. От Западного Венца приехала наземная машина. Точь-в-точь ястреб влетел в гнездо скальных куропаток.

— Так-так, — сказал Пауль, — прибыли наши пленные.

— Они включили щит по всему периметру посадочного поля, — доложил наблюдатель. — Я вижу, как воздух дрожит даже за складами, где хранилась Пряность.

— Теперь они знают, *кто* воюет против них, — сказал Гурни. — Пусть харконненские твари трепещут, пусть страх разъедает их, ибо Атрейдес жив и идет на них!

Обращаясь к федайкину у телескопа, Пауль распорядился:

— Следи за флагштоком на корабле Императора. Если там поднимут мое знамя...

— Этого не будет, — перебил Гурни.

Пауль, видя озадаченное выражение на лице Стилгара, пояснил:

— Если Император признает мои притязания — он даст знать об этом, вновь подняв над Арракисом знамя Дома Атрейдес. В этом случае мы реализуем второй план и

выступим только против Харконненов. Сардаукары не станут вмешиваться и предоставят нам самим разобраться друг с другом.

— У меня, конечно, нет опыта во всех этих инопланетных штучках, — проговорил Стилгар. — Однако я сомневаюсь, что...

— Не нужен опыт, чтобы догадаться, что они сделают, — проворчал Гурни.

— На большом корабле поднимают новый флаг, — сообщил наблюдатель. — Желтый... с черно-красным кругом в центре.

— Ловко, — усмехнулся Пауль. — Флаг КООАМ!

— Тот же флаг, что и над остальными кораблями, — заметил наблюдатель.

— Не понимаю, — сказал Стилгар.

— В самом деле ловко, — подтвердил Гурни. — Подними он флаг Атрейдесов, ему пришлось бы придерживаться обязательств, которые это на него налагает. Слишком много свидетелей! Он мог поднять флаг Харконненов, и это было бы ответом прямым и ясным. Однако же нет: он вывешивает эту КООАМовскую тряпку! Иначе говоря, он сообщает тем, наверху, — Гурни поднял палец туда, где над Дюной висел на орбите флот, — что он там, где прибыль. И что ему все равно, кто правит планетой — Атрейдесы или кто-нибудь еще.

— Сколько осталось времени до того, как буря дойдет до Барьерной Стены? — спросил Пауль.

Стилгар посовещался с одним из федайкинов и доложил:

— Это будет совсем скоро, Муад'Диб. Раньше, чем мы ожидали. Поистине идет *пра*праматерь всех бурь... может быть, она даже сильнее, чем ты хотел бы.

— Это — моя буря, — промолвил Пауль и, видя безмолвное, смешанное со страхом благоговение на лицах слышавших его федайкинов, добавил: — Пусть от этой бури содрогнется весь мир — и тогда она не будет сильнее, чем мне надо. Она ударит фронтом прямо по Стене?

— Почти. Можно сказать, да, — ответил Стилгар.

Из хода, ведущего вниз, в котловину, вынырнул гонец, подошел к Паулю, доложил:

— Патрули отходят, Муад'Диб. И харконненские, и сардаукары.

— Думают, что буря нанесет в котловину слишком много песка и ухудшит видимость, — заметил Стилгар. — И полагают, что то же самое и к нам относится!..

— Скажи канонирам — пусть наметят цели и установят наводку заранее, до того как видимость ухудшится, — распорядился Пауль. — Они должны разбить нос каждого из этих кораблей сразу, как только буря уничтожит щиты... — Он подошел к стене, отогнул край камуфляжной ткани и посмотрел в небо. На темном его фоне уже вились песчаные шлейфы. Пауль отпустил маскировку и добавил: — Стил, пора отсылать людей вниз.

— А ты разве не спустишься? — спросил Стилгар.

— Я пока побуду тут с федайкинами.

Стилгар, глянув на Гурни, только многозначительно пожал плечами и направился к скале, скрывшись в тенях.

— Кнопку заряда, которым мы откроем Барьерную Стену, я оставляю на тебя, Гурни, — сказал Пауль. — Сделаешь?

— Конечно.

Пауль жестом подозвал одного из командиров федайкинов:

— Отхейм, отводи наши дозоры от зоны взрыва. К началу бури там никого не должно остаться.

Федайкин коротко поклонился и вышел вслед за Стилгаром.

Гурни, взглянув в амбразуру, велел наблюдателю у телескопа:

— Следи получше за Южной Стеной. До самого взрыва она останется без прикрытия.

— Разошли сейлаго с оповещением о времени, — распорядился Пауль.

— К Южной Стене движутся наземные машины, — доложил наблюдатель. — С некоторых из них ведется огонь из метательных орудий — прощупывают... Согласно твоему приказу все наши люди пользуются личными щитами. Вот, машины остановились.

В наступившей тишине Пауль услышал, как свистят маленькие смерчики над ними — предвестники прибли-

жающейся бури. Сквозь отверстия маскировочной ткани начал сеяться песок; затем резкий порыв ветра рванул маскировку и сдернул ее с укрытия.

Пауль махнул своим федайкинам, чтобы те укрылись, и подошел к фременам у аппаратуры связи, стоявшей возле входа в тоннель. Гурни последовал за ним. Пауль склонился к связистам.

Один из них сказал:

— Идет не «прапраматерь» — прапра*пра*матерь всех бурь, Муад'Диб!

Пауль бросил взгляд на темнеющее небо и приказал:

— Гурни, убирай наблюдателей с Южной Стены!

Ему пришлось повторить приказ — шум бури вырос настолько, что приходилось кричать во весь голос.

Пауль надел фильтр-маску, затянул капюшон дистикомба.

Гурни возвратился.

Пауль тронул его за плечо, показал на кнопку взрывателя на стене тоннеля позади связистов. Гурни подошел к ней и, держа на кнопке руку, повернулся к Паулю.

— Связи нет! — крикнул связист. — Слишком сильные помехи! Буря!..

Пауль кивнул, не сводя взгляда с часового циферблата. Наконец он обернулся к Гурни, поднял руку и вновь перевел взгляд на циферблат. Стрелка завершала последний круг...

— Давай! — крикнул Пауль и резко взмахнул рукой.

Гурни вдавил кнопку до отказа.

Казалось, не меньше секунды прошло, прежде чем дрогнул пол под ногами. Раскатистый гул взрыва слился с ревом бури, на миг перекрыв его.

Федайкин-наблюдатель подбежал к Паулю, держа свой телескоп под мышкой.

— Стена взорвана, Муад'Диб! Буря ворвалась в пролом и ударила прямо по ним — и наша артиллерия уже ведет огонь! — прокричал он.

Пауль представил себе, как катится по зажатой горами долине песчаная стена, напитанная статическим электричеством, — и рокочущие заряды разрушают все силовые щиты врага.

— Буря!.. — прокричал кто-то. — Пора в укрытие, Муад'Диб!

Пауль пришел в себя, ощутил, как песчинки иглами колют открытые щеки. *Мы начали... и это всё неизбежно,* подумал он. Положив руку на плечи связисту, он крикнул ему:

— Бросай аппараты! В тоннеле стоит второй комплект!..

Он почувствовал, что его тащат: федайкины столпились вокруг, защищая своего вождя. Они втолкнули его в тоннель, где было несколько тише, повернули за угол, попали в тесную комнатку, освещенную плавающими под потолком лампами. Отсюда вел еще один тоннель.

В этой комнатке за дублирующим комплектом аппаратуры связи сидел еще один фримен.

— Сильные помехи! — сказал он, увидев вошедших. — Сплошная статика.

В комнатку ворвался вихорек, мгновенно заполнив воздух крутящейся песчаной пылью.

— Закройте тоннель! — скомандовал Пауль. Внезапно замерший в неподвижности воздух свидетельствовал о выполнении приказания. — Проход в котловину не обрушился? — спросил он.

Один из федайкинов выбежал и, вернувшись, доложил:

— После взрыва обрушилось немного камня, но инженеры говорят, что проход не перекрыт. Сейчас они расчищают завалы лазерами.

— Пусть руками поработают! — возмутился Пауль. — Там же включенные щиты!..

— Ничего, Муад'Диб, — возразил федайкин, — они осторожно...

Но все же повернулся и вышел передавать приказ.

Связисты, дежурившие снаружи, протиснулись мимо, таща свою аппаратуру.

— Я им передал твой приказ оставить оборудование, Муад'Диб! — воскликнул один из федайкинов.

— Сейчас люди нам дороже оборудования, — с упреком сказал Пауль. — Очень скоро мы не будем испытывать нужды в оборудовании — либо потому, что получим его куда больше, чем сможем использовать, либо потому, что нам уже не понадобится никакое оборудование.

Гурни Халлек подошел к Паулю.

— Я слышал, что путь вниз открыт, — сказал он. — Мы здесь слишком близко к поверхности. Как бы Харконнены не контратаковали!

— Им сейчас не до этого, — усмехнулся Пауль. — Как раз сейчас они вдруг обнаружили, что лишились и щитов, и возможности взлететь с планеты.

— Как бы то ни было, новый командный пункт готов, милорд, — сказал Гурни.

— Пока что он не нужен, — сказал Пауль. — На этом этапе операция будет разворачиваться и без моего участия. Нам же надо ждать...

— Принимаю сообщение, Муад'Диб! — крикнул связист. Он потряс головой, прижал наушник рукой. — Очень сильные помехи!..

Он начал писать в блокноте, время от времени останавливаясь и покачивая головой.

Федайкины отошли, уступая место, и Пауль заглянул через плечо в блокнот связиста:

«Налет... на Сиетч Табр... пленных... Алия (пропуск)... семьи (пропуск) убиты, и... они (пропуск)... сына Муад'Диба».

Связист опять потряс головой.

Пауль поднял голову, встретился со взглядом Гурни.

— Сообщение неразборчиво, — пробормотал Гурни. — Помехи ведь... Мы не можем знать, что...

— Мой сын мертв, — глухо сказал Пауль — и сам понял, что это правда. — Мой сын мертв... а Алия схвачена... она — их заложник.

Он чувствовал себя опустошенным — лишь оболочка человека, лишенная эмоций. Все, чего он касался, приносило гибель и горе. Точно болезнь... которую он может разнести по всей Вселенной.

Он чувствовал в себе умудренность старца — умудренность, порожденную объединенным опытом бесчисленных вероятных жизней. И казалось ему, что кто-то внутри него хихикает, потирая руки.

И Пауль подумал: *Как же мало знает Вселенная, что такое настоящая жестокость!*

И вот встал тогда Муад'Диб пред ними и сказал: «Погибшей мы считали ее, взятую в плен; но она жива. Ибо семя ее — мое семя, и голос ее — мой голос. И она видит

глубочайшие уровни вероятности, пронизывает взором сущность вещей. Истинно говорю вам: в долину незнаемого и непознаваемого проникает взор ее, и то — благодаря мне».

(Принцесса Ирулан, «Арракис Пробуждающийся»)

Барон Владимир Харконнен стоял потупив глаза в аудиенц-зале — овальном селамлике в самом сердце гигантского шатра Падишах-Императора. Искоса посматривая по сторонам, барон изучал зал с металлическими стенами и тех, кто был в нем: нукеров, пажей, гвардейцев-стражников, отряд дворцовых сардаукаров, стоящих «вольно» вдоль стен под окровавленными и разодранными боевыми знаменами — трофейными, единственным украшением зала.

Справа, отдаваясь в высоком коридоре, раздались выкрики:

— Дорогу! Дорогу Его Величеству!

Падишах-Император Шаддам IV вышел в сопровождении свиты и остановился, ожидая, когда внесут его трон. Барона он игнорировал — как, впрочем, и остальных собравшихся в селамлике.

Барон же никак не мог игнорировать особу Его Величества и изучал его лицо, надеясь обнаружить хотя бы намек на причину этой аудиенции.

Император стоял неподвижно, выпрямившись — стройный, элегантный, в серой форме сардаукаров с золотым и серебряным шитьем.

Узкое лицо и ледяные глаза живо напомнили барону покойного герцога Лето: тот же самый взгляд хищной птицы. Правда, Император был не брюнет, а рыжий, и заметить это не мешал даже эбеново-черный шлем бурсега с золотой короной, венчающий его голову.

Пажи внесли трон и поставили на предназначенное для него возвышение — массивное кресло, вырезанное из цельного куска хагальского кварца. Прозрачное, голубовато-зеленое, оно было словно пронизано языками золотого пламени. Император сел.

Старуха в черной абе с низко надвинутым капюшоном отделилась от свиты и заняла место за троном, положив костлявую руку на кварцевую спинку. Выглядывавшее из-под капюшона лицо было физиономией карикатурной

ведьмы, как их обычно рисуют: запавшие глаза и щеки, необычайно длинный нос, кожа в старческих пятнах, вены сеткой охватывают тощую шею и руки.

Барон при виде ее едва сумел сохранить внешнее спокойствие. Само присутствие Преподобной Матери Гайи-Елены Мохийям, Правдовидицы Императора, говорило о важности этой аудиенции. Тогда барон отвернулся от нее и попытался догадаться о цели аудиенции по составу свиты. Там были два агента Гильдии — один высокий и толстый, второй — низенький и тоже толстый, оба с непроницаемо-тусклыми серыми глазами. Среди придворных стояла также высокая белокурая женщина с точеными чертами лица; зеленые глаза смотрели словно сквозь барона. Дочь Императора, принцесса Ирулан — говорили, ее обучают Пути Бене Гессерит высшего уровня посвящения.

— Приветствую вас, любезный барон.

Император наконец соизволил заметить его. У повелителя обитаемой Вселенной был баритон, и он прекрасно владел своим голосом: приветствие прозвучало как отторжение...

Барон низко поклонился и прошел вперед, остановившись, как полагалось, в десяти шагах от подножия трона.

— Я прибыл по вашему повелению, Ваше Величество.

— «По повелению..»! — фыркнула старуха.

— Оставьте, Преподобная Мать, — с укором сказал ей Император; впрочем, он улыбнулся, явно забавляясь замешательством барона. Затем монарх спросил: — Прежде всего скажите мне — куда вы отправили своего любимца, этого Суфира Хавата?

Барон оглянулся по сторонам, мысленно выругал себя за то, что явился сюда без охраны. Не то чтобы от его бойцов было много пользы при схватке с сардаукарами. И все-таки...

— Итак? — снова спросил Император.

— Он улетел уже пять дней назад, и все это время его здесь не было, Ваше Величество. — Барон бросил взгляд на агентов Гильдии. — Он должен был приземлиться на базе контрабандистов и попытаться внедриться в лагерь этого фрименского фанатика Муад'Диба.

— Невероятно! — воскликнул Император.

Рука ведьмы, похожая на птичью лапу, коснулась плеча Императора. Старуха склонилась к нему и что-то шепнула.

Император кивнул.

— Вы сказали — пять дней, барон? Скажите, отчего вы не обеспокоились его отсутствием?

— Но я *обеспокоен*, Ваше Величество! Обеспокоен!

Император, выжидая, продолжал в упор смотреть на барона. Преподобная Мать рассмеялась кудахтающим смешком.

— Я имею в виду, Ваше Величество, — пояснил барон, — что Хават все равно умрет через несколько часов. — И он объяснил все о латентном — остаточном — яде и о необходимости постоянно давать противоядие.

— Весьма умно придумано, барон, — похвалил Император. — Н-ну, а где же ваши племянники — Раббан и юный Фейд-Раута?

— Приближается буря, Ваше Величество, и я отправил их проверить периметр нашей обороны. На случай, если фримены попытаются атаковать под прикрытием песка.

— Периметр. — Император протянул слово так, словно оно было кислым на вкус. — Здесь, в котловине, буря будет не слишком сильной; а этот фрименский сброд не отважится напасть, пока здесь я и пять легионов моих сардаукаров!

— Конечно, Ваше Величество, — согласился барон. — Но даже излишняя осторожность вряд ли является серьезным простýпком! Можно ли порицать за нее?

— Ах-х-х... — протянул Император. — Порицать... Значит, я не вправе даже говорить о том, сколько времени отняла у меня эта бессмысленная суета вокруг Арракиса? О том, как сгинули в этой дыре почти все доходы КООАМ? О том, наконец, что мне пришлось отложить множество важных государственных и дворцовых дел, а часть из них — даже и отменить, и все из-за этой дурацкой истории?..

Барон, напуганный монаршим гневом, опустил глаза. Его раздражала мысль о переплете, в который он попал: один и связан по рукам и ногам Конвенцией и правилом «Диктум фамилиа»!

Он что, намерен убить меня? — думал барон. *Он не посмеет! Слишком много свидетелей — на орбите следят за событиями все прочие Великие Дома, и они только и ждут повода как-нибудь урвать свою долю, воспользовавшись заварушкой на Арракисе!..*

— Заложников хоть взяли? — проворчал Император.

— Бесполезно, Ваше Величество, — ответил барон. — Эти сумасшедшие фримены служат по каждому пленному погребальный обряд и затем уже считают его мертвым.

— Вот как? — удивился Император.

Барон разглядывал металлические стены селамлика и думал об окружавшем их гигантском шатре из веерола. Эта великанская конструкция говорила о таком безмерном богатстве, что сама мысль о нем ошеломляла даже барона. *Он таскает за собой пажей и бесчисленных лакеев, своих женщин и их прислугу — парикмахеров, декораторов, прочих... всех этих прихлебателей императорского двора. Все здесь — и, как всегда, льстят и прислуживаются, интригуют и «разделяют тяготы войны» с Императором... а ему они нужны как свидетели истории. Чтобы увидели, как Император решит аракийский вопрос, а затем — слагали стихи о битвах и превозносили подвиги тех, кто будет в них ранен...*

— Возможно, вы просто брали не тех заложников? — прервал его размышления Император.

Он что-то узнал, понял барон. Страх ледяным камнем лежал в его желудке. Мысль о еде — о еде! — была невыносимой. Но ощущение холодной, давящей тяжести было так похоже на голод, что он даже заворочался в своей сбруе силовой подвески, борясь с желанием приказать подать есть... Только вот кто бы тут стал исполнять его приказы?..

— У вас нет никаких предположений относительно личности Муад'Диба? — спросил Император.

— Да наверняка какой-нибудь сумасшедший у́мма, — осторожно пожал плечами барон. — Фрименский фанатик. Религиозный авантюрист... Вашему Величеству известно, что подобные плевелы часто вырастают на задворках цивилизованного мира...

Император быстро глянул на свою Правдовидицу и вновь повернулся к барону, буравя его недобрым угрюмым взглядом.

— И других сведений об этом Муад'Дибе у вас, значит, нет? — спросил он.

— Да просто какой-то сумасшедший, — буркнул барон. — Так фримены все ненормальные.

— Неужели?

— Его бойцы бросаются в бой с именем Муад'Диба. Женщины кидают в нас своих младенцев и затем сами бросаются на наши клинки, чтобы дать мужчинам шанс атаковать нас. У них нет... нет... они воюют не по правилам!

— Ах, даже так... — протянул Император, и барон ясно услышал насмешку в его голосе. — Н-ну, любезный барон, а удосужились ли вы обследовать южные полярные области Арракиса?

Барон, изумленный внезапной сменой темы, поднял глаза на Императора.

— Но... но, Ваше Величество, вам же известно — эти земли необитаемы, там хозяйничают бури и черви. В южных широтах даже Пряности нет!

— И, конечно, вам не приходилось слышать, что с меланж-лихтеров там замечали участки растительности?

— Такие сообщения время от времени поступают. По некоторым было предпринято расследование. Обнаружили несколько кустов и потеряли много орнитоптеров. Слишком дорогое удовольствие, Ваше Величество! Юг — не место для человека, там долго не выжить.

— Так-так. — Император щелкнул пальцами. За троном, слева, открылась дверь, и два сардаукара ввели девочку лет четырех. На ней была черная аба с откинутым капюшоном; из-за воротника выглядывали отстегнутые трубки и уплотнители дистикомба. Синие фрименские глаза сияли на круглом личике. Кажется, она совсем не боялась — зато барон, взглянув на ее лицо, отчего-то почувствовал себя очень неуютно.

Даже старая гессеритка, когда девочка шла мимо нее, отшатнулась и сделала охранительный знак. Вид ребенка явно потряс старуху.

Император откашлялся и хотел что-то сказать — но малышка заговорила первой. У девочки был тонкий, еще слегка шепелявый, но очень ясный голосок.

— Так вот, значит, он, — проговорила она и подошла к краю возвышения, на котором стоял трон. — Правду

сказать, так и ничего особенного — просто перепуганный жирный старик, у которого нет сил даже стоять самому. Без этих помочей!

Было так странно слышать подобные фразы из уст ребенка, что барон, несмотря на гнев, онемел и уставился на девочку. *Может, это просто карлица?* — промелькнуло у него в голове.

— Любезный барон, — промолвил Император, — позвольте представить вам сестру Муад'Диба.

— Сест... — Барон поперхнулся и повернулся к своему сюзерену. — Я не понимаю.

— Я тоже проявляю иногда излишнюю, может быть, осторожность, — пояснил Император. — Мне доложили, что в вашей *необитаемой* южной полярной зоне наблюдаются явные признаки человеческой деятельности.

— Но это невозможно! — воскликнул барон. — Черви... там же открытые пески до самого...

— Похоже, они научились как-то уживаться с червями, — пожал плечами Император.

Девочка уселась на край возвышения подле трона и заболтала ногами. Она осматривала селамлик с явным удовольствием — и с необыкновенно уверенным видом.

Барон тупо смотрел на болтающиеся ножки под черной тканью — оказывается, девочка была обута в сандалии.

— К несчастью, — сказал Император, — я послал туда только пять десантно-транспортных топтеров со сравнительно небольшой ударной группой, имеющей целью захватить пленных для допроса. Должен признаться, что десанту едва удалось уйти оттуда, захватив всего трех пленных и оставив там четыре машины из пяти. Причем заметьте, барон: мой отряд был разгромлен противником, состоящим по большей части из женщин, детей и стариков. А это вот дитя командовало одним из контратаковавших отрядов.

— Вот видите, Ваше Величество! — горячо подхватил барон. — Видите, какие они!

— Я поддалась, чтобы меня захватили, — объяснила девочка. — Потому что не хотела прийти к брату с вестью о гибели его сына.

— Лишь горстке моих людей удалось унести ноги, — сказал Император и вдруг закричал: — *Унести ноги!* Слышите, вы?!

— Да мы бы и их порешили, — заверила девочка, — если бы не огонь.

— Сардаукары применили двигатели вертикального хода топтеров как огнеметы, — пояснил Император. — Поистине решение отчаяния — но только это и дало им уйти, да еще и с тремя пленными. Заметьте это себе, дорогой барон, — мои сардаукары были вынуждены в беспорядке отступить перед женщинами, детьми и стариками!

— Мы должны атаковать всеми силами, — хрипло сказал барон. — Мы должны истребить всех...

— Хватит! — рявкнул Император, подавшись вперед. — Вы что, за дурака меня считаете?! Стоять тут с идиотски невинным видом и твердить...

— Ваше Величество, — перебила его старая Правдовидица.

Император только отмахнулся:

— И вы говорите, что не имели представления ни о населении юга, обнаруженном нами, ни о боевых качествах этих людей? — Император поднялся с трона. — За кого вы меня принимаете, барон?

Барон отступил на два шага. *Это все Раббан! Это он меня подставил! Раббан...*

— А это фальшивое столкновение с герцогом Лето, — промурлыкал Император, снова садясь. — Как превосходно вы играли, барон!

— Ва... Ваше Величество! — взмолился барон. — О чем вы...

— Молчать!!!

Старуха снова дотронулась до плеча Императора и шепнула ему что-то.

Девочка перестала болтать ногами и попросила:

— Пугни его еще, Шаддам. Нехорошо, конечно, радоваться, но уж больно приятно смотреть, ничего с собой поделать не могу!

— Тихо, дитя. — Император наклонился вперед, положил руку на головку ребенка и вперил тяжелый взгляд в

барона. — Итак, возможно ли это? Неужели вы и впрямь такой простак, как считает моя Правдовидица? Вы что, не узнаете эту девочку — дочь вашего союзника герцога Лето?

— Не был отец его союзником, — сердито сказала девочка. — Мой отец мертв, а эта харконненская скотина видит меня впервые.

Барон мог только яростно смотреть на нее. Наконец он сумел выдавить:

— Кто...

— Я — Алия, дочь герцога Лето и леди Джессики, сестра герцога Муад'Диба, — объяснила девочка. Она соскользнула на пол селамлика. — А мой брат обещал, что нацепит твою голову на древко своего боевого штандарта; я думаю, он так и сделает!

— Помолчи, дитя, — оборвал ее Император. Он откинулся на спинку трона и, поглаживая подбородок, изучал барона.

— Я приказам Императора не подчиняюсь, — возразила Алия. Она повернулась, посмотрела снизу вверх на Преподобную Мать. — Вот она знает.

Император оглянулся на Преподобную:

— О чем это она?

— Этот ребенок — воплощенный грех и мерзость! — прошипела старуха. — Ее мать заслужила такую кару, какой не видел мир! Смерть! Да никакая смерть не будет слишком быстрой ни для этого «ребенка», ни для той, что ее выродила! — Старуха ткнула в Алию костлявым пальцем. — Вон! Пошла вон из моего разума!

— Тэ-Пэ? — прошептал Император, глядя на Алию. — Великая Мать...

— Вы не понимаете, Ваше Величество! — воскликнула старуха. — Телепатия тут ни при чем! Она внутри моего сознания! Она — как те, другие, что были до меня, те, что дали мне свою память! Она там — в моем сознании! Этого быть не может — но это есть!..

— Какие «те, другие»? — сердито спросил Император. — Что это за бред?

Старуха выпрямилась, опустила руку.

— Я и так сказала слишком много; но главное — *«ребенок»*, который на самом деле не ребенок, должен быть уничтожен. Еще с давних времен существует предосте-

режение, говорящее нам о том, как опасна подобная ей, и о том, что рождения ее допустить нельзя! Но мы преданы одной из нас, отступницей!..

— Что ты болтаешь, старуха, — пренебрежительно сказала Алия. — Ты не знаешь, как это случилось, а бормочешь чепуху подобно глупцу, который не видит ничего дальше своего носа. — Алия закрыла глаза, глубоко вздохнула и задержала дыхание.

Старая Преподобная Мать застонала и пошатнулась.

Алия открыла глаза.

— Вот как это было, — сказала она. — Космическая случайность... к которой и ты приложила руку.

Преподобная Мать подняла руки, как бы отталкивая Алию.

— Да что, наконец, происходит? — не выдержал Император. — Дитя, ты что, правда, можешь проецировать мысли в чужое сознание?

— Ничего похожего, — помотала головой Алия. — Коль скоро я рождена не так, как ты, то и думаю не так, как ты.

— Убейте ее, — пробормотала старуха, вперив запавшие старческие глаза в Алию, и схватилась за спинку трона, чтобы не упасть. — Убейте...

— Помолчи, — велел Император, разглядывая Алию. — Дитя, а можешь ты общаться таким образом со своим братом?

— Мой брат знает, что я здесь, — ответила Алия.

— Ты можешь передать ему, чтобы он сдался — в обмен на твою жизнь? — спросил Император.

Алия невинными глазами посмотрела на него:

— Нет, этого я не сделаю.

Барон, пошатываясь, шагнул вперед и встал рядом с Алией.

— Ваше Величество! — взмолился он. — Поверьте, я ничего не знал о...

— Перебейте меня еще раз, — сказал Император, — и больше вы уже никого и никогда перебить не сможете...

На барона при этом он даже не посмотрел, продолжая разглядывать Алию из-под полуприкрытых век.

— Значит, не сделаешь... Тогда попробуй прочесть в моих мыслях, что я сделаю с тобой, если ослушаешься меня.

— Я тебе сказала уже, что я мыслей не читаю, — ответила Алия. — Вот их спроси! — показала она на двоих гильдиеров.

— Не слишком умно идти против меня, — нахмурился Император. — Даже и в мелочах ты не должна мне противоречить.

— Мой брат идет, — возразила Алия, — а перед Муад'Дибом и Император будет трепетать, ибо с Муад'Дибом — сила его правоты и небеса улыбаются ему!

Император вскочил на ноги:

— Шутка зашла слишком далеко. Я сотру в пыль и твоего брата, и всю эту плане...

Селамлик сотрясся, и тяжелый рокот ударил по нему. Позади трона, где селамлик примыкал к императорскому кораблю, с потолка внезапно обрушился каскад песка. Короткое ощущение стягивающейся кожи подсказало присутствующим, что включился очень мощный и крупный щит.

— Я же говорила — мой брат идет, — заметила Алия.

Император стоял перед троном, прижимая к уху радиофон, захлебывавшейся скороговоркой докладывавший о происходящем. Барон отступил на два шага назад; сардаукары занимали посты у дверей.

— Поднимемся на орбиту и перегруппируемся, — объявил Император. — Барон, примите мои извинения. Эти сумасшедшие *в самом деле* напали на нас под прикрытием шторма. Что же, мы покажем им гнев Императора!.. — Он показал на Алию. — А эту отдайте буре.

При этих словах Алия, изображая испуг, побежала от Императора.

— Пусть буря возьмет что сумеет! — закричала она, обернувшись.

И попала прямо в руки барона!

— Я ее поймал, Ваше Величество! — заревел барон радостно. — Убить ее сразу — и-иииииии!..

Взвизгнув, барон уронил ее на пол. Правой рукой он стискивал левую кисть.

— Извини, дед, — спокойно сказала Алия, — но это был гом джаббар Атрейдесов.

Девочка встала и бросила на пол длинную черную иглу.

Барон упал. Выпученными от ужаса глазами он уставился на красную царапину на левой ладони.

— Ты... ты...

Он перевалился на бок и замер — безвольная туша, повисшая в нескольких дюймах от пола на бесполезном теперь силовом поле. Голова откинулась, рот был широко открыт.

— Они действительно сумасшедшие, — зло сказал Император. — Ну, быстро! Все на корабль! Мы очистим эту планету от...

Слева что-то сверкнуло, и от стены мячиком отскочила шаровая молния. Послышался треск, когда огненный шар коснулся металлического пола. Запахло сгоревшей изоляцией.

— Щит! — закричал один из сардаукаров. — Внешний щит не выдержал! Они...

Его слова утонули в металлическом грохоте. Стена позади Императора — обшивка его корабля — сотряслась и заходила ходуном.

— Они отстрелили нос корабля! — крикнул кто-то.

Селамлик заполнился клубящейся пылью. Скрытая ее завесой, Алия побежала к ведущей наружу двери.

Император круто повернулся, жестом указал своим людям на люк, открывшийся в броне корабля, и махнул офицеру сардаукаров, спешившему через пыльную мглу к своему повелителю.

— Мы будем защищаться здесь! — приказал он.

Гигантский шатер вновь содрогнулся. В дальнем конце приемного зала с грохотом распахнулись двойные двери. Внутрь ворвались песок, ветер и громкие крики. На секунду в проеме мелькнула фигурка в черном одеянии — это Алия выскочила наружу, намереваясь подобрать где-нибудь нож и, как предписывало ее фрименское воспитание, прирезать сколько получится харконненских солдат или раненых сардаукаров. Дворцовые сардаукары в зеленовато-желтой мгле бросились к выбитым дверям и выстроились в дугу, выставив оружие: они прикрывали отход Императора.

— Спасайте себя, сир! — закричал их командир. — Быстрее в корабль!

Но Император стоял в одиночестве возле своего трона и показывал рукой на двери. Взрыв выбил сорокаметро-

вый участок внешней стены шатра, и теперь через двери селамлика было видно штормящее песчаное море, над которым низко висела клубящаяся туча песка. Сквозь пастельную мглу сверкали разряды статического электричества, накопленные этой тучей, и вспыхивали фонтаны искр — это разряжались силовые щиты бойцов. Вся равнина кишела сражающимися; сардаукары отбивались от прыгающих и крутящихся волчком противников в длинных одеждах — казалось, неизвестные враги были принесены сюда бурей и теперь спрыгивали с ее лохматящейся песчаными вихрями спины.

Но не на них указывала рука Императора.

Из пыльной пелены показались странные и жуткие движущиеся формы. Они выгибались огромными дугами, сверкали венцами кристаллических зубцов, окружающих чудовищные провалы пастей... Сплошной стеной на императорскую ставку шли песчаные черви. И каждый из них нес на спине отряд фременов. Сила Пустыни шла в бой. С шорохом, почти заглушающим шум бури, шли они, выстроившись в клин, разрезавший сечу, и бились на ветру свободные одежды наездников.

Они надвигались на уменьшившийся вдруг металлический шатер, и дворцовые сардаукары потрясенно взирали на них. Впервые за всю историю Корпуса Сардаукаров эти неустрашимые бойцы были охвачены ужасом, ибо их разум отказывался вместить эту невероятную атаку титанов.

Но те, кто спрыгивал с чудовищных тварей, были всё же людьми, и их клинки, взблескивающие в зловещем желтоватом свете, тоже были понятны и привычны. Теперь перед сардаукарами был противник, укладывающийся в то, чему их учили, и солдаты Императора бросились в бой. И люди сходились в схватке, и сшибались клинки — а отборные сардаукары, телохранители Императора, втолкнули своего повелителя в корабельный люк, захлопнули и заперли его массивную дверь и приготовились умереть перед нею, ибо они были щитом Императора.

В корабле было сравнительно тихо, и эта тишина оглушала. Перед Императором возникли придворные с широко раскрытыми от страха глазами; его старшая дочь раскраснелась от возбуждения; старая Правдовидица сто-

яла черной тенью, низко опустив капюшон. Наконец он нашел лица, которые искал. Лица агентов Гильдии.

Гильдиеры были, разумеется, в своих серых, без украшений, мундирах — серый цвет очень подходил к их спокойствию, такому странному среди кипящих вокруг эмоций.

Высокий прикрывал рукой лицо. Как раз в тот момент, когда Император повернулся к нему, кто-то случайно толкнул гильдиера под локоть, и Император увидел его глаз. Агент потерял одну контактную линзу, и теперь был виден не прикрытый сероватой маскировкой темно-синий глаз, и синева была такой густой, что глаз казался почти черным.

Низенький гильдиер протолкался ближе к Императору и озабоченно проговорил:

— Мы не знаем, как все повернется...

Высокий, вновь прикрыв глаз, холодно заметил:

— Но и Муад'Диб не может этого знать.

Эти слова вывели Императора из оцепенения. Он с видимым усилием сдержался, чтобы не сказать что-нибудь презрительное — ибо не надо было обладать способностью гильд-навигатора видеть основные вероятности близкого будущего, чтобы догадаться о том, что́ скоро произойдет на равнине... Неужели эти двое стали настолько зависимы от своей *«семьи»*, что разучились пользоваться глазами и разумом?..

— Преподобная, — сказал Император, — мы должны что-то придумать. Нужен план...

Старуха откинула капюшон и устремила на Императора немигающий взгляд. Они прекрасно понимали друг друга и без слов; им оставалось одно, последнее оружие, и они оба знали это — предательство.

— Вызовите графа Фенринга, — сказала Преподобная Мать.

Падишах-Император кивнул и жестом приказал одному из придворных выполнять это распоряжение.

Был он воин и мистик, чудовище и святой, лис и сама воплощенная невинность, меньше, чем бог, но больше, чем человек. Нельзя мерить Муад'Диба обычной меркой. В миг своей славы

он увидел уготованную ему смерть, однако принял опасность и лицом встретил измену. Вы скажете, он сделал это из чувства справедливости. Хорошо. Но — чьей справедливости? Не забывайте: мы говорим сейчас о Муад'Дибе, о том самом Муад'Дибе, который приказывал обтягивать боевые барабаны кожей врага. О Муад'Дибе, который простым мановением руки отмахнулся от всего, что было связано с его герцогским прошлым, от всех обычаев, законов и условностей, говоря лишь: «Я — Квисатц Хадерах, и этой причины довольно».

(Принцесса Ирулан, «Арракис Пробуждающийся»)

В вечер победы они с триумфом ввели Пауля Муад'Диба во дворец губернатора Арракина — тот самый дворец, который заняли Атрейдесы, придя на Дюну. Раббан недавно отремонтировал здание, и сражение его почти не затронуло, хотя горожане успели уже кое-что разграбить. Мебель в главном зале была перевернута и частью разбита.

Пауль быстрыми шагами вошел в зал через парадные двери, Гурни Халлек и Стилгар шли на шаг позади него. Их эскорт рассыпался по Большому залу и принялся приводить его в порядок, приготовляя место для Муад'Диба. Один взвод проверял дворец на предмет ловушек.

— Я помню, как мы с твоим отцом впервые вошли в этот зал, — проговорил Гурни. Он обвел взглядом потолочные балки и высокие узкие окна. — И тогда мне тут не понравилось, а уж теперь и подавно. Во всяком случае, в одной из наших пещер было бы намного безопаснее.

— Вот слова настоящего фримена, — заметил Стилгар, и холодная улыбка Муад'Диба не ускользнула от его внимания. — Может, все же передумаешь?

— Это место — символ, — строго сказал Пауль. — Тут жил Раббан. Заняв дворец, я всем показываю, что победил окончательно... Отправь людей осмотреть всё здание, но пусть они ни к чему не прикасаются. Пусть только убедятся, что Харконнены не оставили тут своих людей или свои игрушки.

— Как прикажешь, — ответил Стилгар, но в его голосе прозвучало отчетливое недовольство; однако он, разумеется, подчинился.

Появившиеся связисты тут же принялись разворачивать свое оборудование у гигантского камина. Фримены, пополнившие поредевшие в битве ряды федайкинов, встали на часах вдоль стен зала. Слышалось бормотание, часовые подозрительно оглядывали диковинное для них помещение. Вдобавок это место слишком долго было логовом врага, чтобы можно было вот так просто прийти сюда и чувствовать его своим.

— Гурни, отправь эскорт за Чани и моей матерью, — распорядился Пауль. — Чани уже знает... о нашем сыне?

— Мы послали сообщение... милорд.

— Подателей из котловины уже вывели?

— Да. Буря уже почти прошла.

— Какой она нанесла ущерб?

— По оси — на посадочном поле и в складах на равнине — ущерб причинен весьма значительный, — ответил Гурни. — Как бурей, так и сражением.

— Надо полагать, все же не настолько значительный, чтобы нельзя было поправить за деньги.

— Если не считать жизни погибших... милорд, — поклонился Гурни, и в его голосе прозвучал упрек, словно Гурни спрашивал: *Когда это было, чтобы Атрейдес думал прежде об имуществе, чем о людях?*

Но Пауль был целиком сосредоточен на своем внутреннем зрении и разрывах в стене времени, которая все еще лежала на его пути. И сквозь каждый разрыв катился в его будущее ревущий джихад...

Он вздохнул, пересек зал, приметив кресло у противоположной стены. Это было кресло из столовой — может быть, когда-то в нем сидел отец. Впрочем, сейчас это было всего лишь кресло, предмет, на который можно было сесть, чтобы справиться с усталостью и скрыть ее от людей. Он уселся, оправил полы бурки́, укрыв ноги, распустил дистикомб у горла.

— Император все еще сидит в своем разбитом корабле, — сказал Гурни.

— Ну и пусть пока сидит — подержите его там немного, — отмахнулся Пауль. — А Харконненов нашли?

— Еще не всех убитых осмотрели, милорд.

— Что ответили с кораблей? — Пауль дернул головой, указывая вверх.

— Пока ничего, милорд.

Пауль вздохнул, устало откинулся на спинку кресла и наконец сказал:

— Приведите мне какого-нибудь сардаукара из пленных. Надо отправить Императору послание — пора обсудить условия.

— Да, милорд.

Гурни повернулся, жестом подал сигнал одному из федайкинов, который тут же занял пост возле Пауля.

— Гурни, — прошептал Пауль, — с тех самых пор, как мы с тобой опять вместе, я не слышал еще от тебя ни одной цитаты, подходящей к случаю... — Он увидел, что Гурни напряженно сглотнул и его лицо закаменело.

— Если угодно, милорд... — проговорил Гурни, прочистил горло и произнес: — *«И победа в день тот стала скорбью для всего народа; ибо услышали люди, как скорбит царь о сыне своем»*.

Пауль прикрыл глаза, вытесняя скорбь из сознания: ей придется подождать своего часа, как некогда ждала скорбь об отце. Сейчас же он был поглощен открытиями этого дня. О вероятностях будущего, о том, что в них теперь соединятся и его будущее, и будущее Алии. О скрытом в глубинах его сознания присутствии Алии...

И это было самое странное из всех проявлений его видения во времени. «Я встала на пути твоего будущего, — говорила Алия *внутри*, — чтобы лишь ты один мог слышать мои слова. Даже ты так не можешь, брат мой. Это хорошая игра, по-моему! И... да, знаешь, я убила нашего деда — выжившего из ума старого барона. Он почти и не почувствовал боли».

Затем — молчание. Внутренним зрением он ощутил ее уход из своего сознания.

— Муад'Диб!

Пауль открыл глаза, увидел черную бороду Стилгара, темные глаза, еще горевшие огнем битвы.

— Вы нашли тело старого барона, — сказал Пауль.

Стилгар опешил.

— Откуда ты знаешь? — прошептал он. — Мы только что нашли его труп в той огромной металлической штуке, которую соорудил Император!

Пауль оставил вопрос без ответа — он увидел, как возвращается Гурни, а с ним — два фримена, поддерживающих пленного сардаукара.

— Вот один из них, милорд, — сказал Гурни, знаком останавливая конвойных и сардаукара шагах в пяти от Пауля.

Пауль заметил, что глаза пленника словно остекленели — в них застыло пережитое потрясение. Через все лицо, от переносья до угла рта, тянулся синий кровоподтек. Это был блондин с классическими, точно высеченными из мрамора чертами лица, из тех, которые обычно занимали офицерские должности в Корпусе сардаукаров. Впрочем, на его рваном мундире не было никаких знаков отличия, если не считать золотых мундирных пуговиц с императорской короной да полуоторванного галуна на лампасах.

— Это, по-моему, офицер, милорд, — сказал Халлек.

Пауль кивнул:

— Я — герцог Пауль Атрейдес. Ты понимаешь это?

Сардаукар молча и неподвижно смотрел на него.

— Отвечай, — велел Пауль, — не то твой Император может умереть.

Сардаукар мигнул, судорожно сглотнул.

— Так кто я? — спросил Пауль.

— Вы — герцог Пауль Атрейдес, — хрипло ответил сардаукар.

Паулю он показался слишком уж покорным — но, с другой стороны, сардаукаров никогда не готовили к таким передрягам. Они не знали поражений — а привычка к одним лишь победам сама по себе может стать слабостью. Эту мысль он отложил — ее следовало обдумать как следует и внести соответствующие изменения в программу подготовки своих войск.

— Я хочу, чтобы ты передал Императору мое послание, — сказал Пауль. И заговорил, согласно древним формулам: — Я, Герцог из Великого Дома, правитель императорской крови, даю слово и клянусь, согласно Великой Конвенции: коль скоро Император и его люди сложат оружие и явятся ко мне сюда, то я стану сохранять их жизни, хотя бы ценой собственной жизни. — Пауль поднял левую руку с герцогским перстнем на пальце. — Клянусь этим знаком.

Сардаукар облизнул губы, взглянул на Гурни.

— Да, — сказал Пауль. — Кто, кроме Атрейдеса, мог бы требовать верности от Гурни Халлека и приказывать ему?

— Я доставлю ваше сообщение, — сказал сардаукар.

— Отведите его на наш передовой командный пункт и отправьте на корабль, — распорядился Пауль.

— Да, милорд. — Гурни сделал знак конвоирам, и все четверо вышли.

Пауль повернулся к Стилгару.

— Прибыли Чани и твоя мать, — сообщил тот. — Чани попросила некоторое время не беспокоить ее — она хочет побыть наедине со своим горем. Преподобная же Мать уединилась в «колдовской комнате»; причины тому я не знаю.

— Моя мать тоскует о планете, которую скорее всего больше не увидит, — сказал Пауль. — О мире, где вода падает с неба, а растения столь густы, что меж ними трудно пройти.

— Вода с неба... — шепотом повторил Стилгар.

В этот миг Пауль увидел, как Стилгар из гордого фрименского наиба на глазах превращается в создание Лисан аль-Гаиба, воплощающее преклонение и покорность. Этот могучий человек уменьшился в один миг — и на Пауля снова повеяло призрачным ветром джихада.

Я увидел, как друг становится почитателем...

Пауль вдруг ощутил резкий приступ одиночества. Он оглядел зал и впервые заметил, как замирают и тянутся к нему часовые, едва только он появляется среди них. Он почувствовал невидимое соперничество — каждый федайкин втайне надеялся, что Муад'Диб заметит и отличит его.

Муад'Диб, от которого исходит благословение, сказал он про себя, и это была самая горькая мысль в его жизни. *Они чувствуют, что я должен взять трон,* — подумал он. — *Но они не могут понять, что я делаю это, единственно чтобы предотвратить джихад...*

Стилгар кашлянул:

— Раббан тоже мертв...

Пауль только кивнул.

Часовые-федайкины справа от него расступились и стали «смирно», открыв проход для Джессики.

Она была в своей черной абе и шла той особой фрименской походкой, которая вызывала в памяти скольжение фримена по песку; но Пауль заметил, что сам дворец вернул ей что-то из ее прошлого, из времени, когда она была официальной наложницей правящего герцога. В ней вновь видна была прежняя властность, во всяком случае часть ее.

Джессика встала перед сидящим в кресле Паулем, взглянула на него сверху вниз. Она видела, как он устал и как старается скрыть свою усталость, — но не чувствовала сострадания. Она, казалось, была сейчас вообще не способна на какие-либо эмоции по отношению к сыну.

Войдя в Большой зал, Джессика удивленно подумала, почему он кажется ей каким-то не таким, каким она его запомнила. Он был чужим, словно она никогда не была здесь, никогда не проходила по нему со своим возлюбленным Лето, никогда не встречала здесь пьяного Дункана Айдахо — никогда, никогда, никогда...

Должно было бы существовать слово, антонимичное слову «адаб» — «воспоминание, приходящее само и требующее действий, самодостаточное и сильное»; нужно слово, означающее воспоминания, отрицающие сами себя...

— Где Алия? — спросила она.

— На улице, конечно, — ответил Пауль. — Делает то же, что и все порядочные фрименские дети: добивает раненых врагов и отмечает их трупы для команд водосборщиков.

— Пауль!!!

— Но ты должна понять, что она это делает по доброте души, — объяснил он. — Не правда ли, странно, как мы порой не можем осознать скрытое единство доброты и жестокости?

Джессика свела брови, пораженная переменой в сыне. *Неужели это сделала с ним смерть его ребенка?* — подумала она, а вслух сказала:

— Люди рассказывают о тебе странные вещи, Пауль. Они говорят, что ты обладаешь всеми теми особыми способностями, о которых говорит легенда: от тебя-де ничего не скроешь, ты можешь видеть то, что не дано видеть другим...

— И гессеритка еще говорит о легендах? — усмехнулся он.

— Да, я порядком приложила к тебе руку, — признала Джессика. — Но ты не должен ожидать от меня, что...

— Как бы тебе понравилось прожить миллиарды миллиардов жизней? — спросил Пауль. — Вот тебе и материал для легенд! Подумай только обо всем этом опыте, о мудрости, которую опыт дает. Но мудрость закаляет любовь — и умеряет ее; и она придает новую форму ненависти. Как можно говорить с жестокости, не изведав всей глубины жестокости и доброты?.. Ты должна бы меня бояться, мама. Я — Квисатц Хадерах.

Джессика попыталась сглотнуть, но у нее пересохло в горле. Наконец она выговорила:

— Ты как-то отрицал, что ты Квисатц Хадерах...

Пауль покачал головой.

— Я больше ничего не могу отрицать. — Он посмотрел ей в глаза. — Сейчас придут Император и его люди. Я жду объявления с минуты на минуту. Будь возле меня. Я хочу, чтобы мы с тобой хорошенько их разглядели: с ними — моя будущая невеста.

— Пауль! — воскликнула Джессика. — Не совершай ошибку, которую сделал когда-то твой отец!

— Она принцесса, — объяснил Пауль. — И она — мой ключ к трону, и не более того. И никогда она не станет ничем большим. Ты говоришь — ошибка? Ты думаешь, из-за того, что я есть то, чем ты меня сделала, я не могу желать мести?

— Ты желаешь отомстить даже невинным? — спросила Джессика и подумала: «Он по крайней мере не должен повторить *мои* ошибки».

— Невинных нет больше, — отрезал Пауль.

— Скажи это Чани, — посоветовала Джессика и повела рукой в сторону прохода, ведущего во внутренние покои дворца.

Чани вошла в зал; по бокам от нее выступали два фременских телохранителя, но она, казалось, не замечала их. Капюшон и шапочка дистикомба были отброшены назад, фильтр-маска отстегнут. Она неуверенной походкой подошла к Джессике и встала рядом.

Пауль увидел слезы на ее щеках: *она отдает воду мертвому*. Он почувствовал острый укол скорби — но это

было так, словно он мог ощущать эту скорбь лишь через присутствие Чани.

— Он мертв, любимый, — проговорила Чани. — Наш сын мертв...

Пауль поднялся, стараясь ничем не показать свое отчаяние, коснулся щеки Чани, ощутив влагу на ней.

— Его не заменить, — сказал он, — но у нас еще будут сыновья. Это обещает тебе Усул!

Он мягко отстранил ее и жестом подозвал Стилгара.

— Слушаю, Муад'Диб, — сказал Стилгар.

— Они идут сюда с корабля — Император и его люди, — сказал Пауль. — Собери пленных в центре зала. Держать их в десяти метрах от меня, если я не прикажу иначе.

— Слушаю, Муад'Диб.

Стилгар повернулся. Пауль услыхал возбужденный шепот фременов: «Видите? Он знал! Никто не говорил ему — а он знал!»

Теперь в самом деле можно было услышать шаги императорской свиты и один из маршей Корпуса Сардаукаров, который сопровождавшая своего повелителя дворцовая гвардия тихонько напевала себе под нос для поддержания духа. Гурни Халлек, сказав что-то Стилгару, подошел к Паулю со странным выражением в глазах.

Неужели я потеряю и его? — подумал Пауль. *Потеряю, как потерял Стилгара, и друг станет поклонником, верующим?*

— У них нет метательного оружия, — доложил Гурни. — Я лично проверил.

Он оглядел зал, заметил сделанные приготовления.

— Фейд-Раута Харконнен тоже с ними, — добавил он. — Не впускать?

— Пусть входит.

— Там еще люди Гильдии. Они требуют каких-то особых привилегий. Угрожают введением эмбарго против Арракиса. Я им сказал, что передам Муад'Дибу их требования.

— Пусть угрожают...

— Пауль! — прошептала сзади Джессика. — Это же *Гильдия!*

— Вот я сейчас у нее клыки и выдерну, — пообещал Пауль.

И он подумал о Гильдии. О силе, которая так долго специализировалась в одном деле, что стала в конце концов паразитом, не способным существовать самостоятельно. Они никогда не осмеливались поднять меч... а теперь были уже и не в состоянии сделать это. Они могли бы захватить Арракис, когда осознали опасность использования «просветляющего» меланжевого наркотика Гильд-навигаторами. Да, они *могли* пойти на это, пережить день своей славы — и погибнуть. Вместо этого они предпочли жить моментом — плавать в своих безбрежных межзвездных морях в надежде, что по смерти старого хозяина появится новый и они по-прежнему будут жить его соками... Гильд-навигаторы с их ограниченным даром предвидения совершили фатальную ошибку: они решили всегда держаться спокойного и безопасного курса. А такой курс неизменно ведет в болото застоя.

Что ж, пусть посмотрят на своего нового хозяина и прикинут, смогут ли паразитировать на нем.

— И еще там с ними старая Преподобная Мать Бене Гессерит, которая утверждает, что она — старый друг твоей... вашей матери.

— У моей матери нет друзей в Бене Гессерит.

Гурни вновь оглядел зал и склонился к самому уху Пауля:

— С ними Суфир Хават, милорд. Я не сумел переговорить с ним наедине, но он с помощью наших старых знаков передал мне, что работал на Харконненов, думая, что вы погибли. И он дал знать, что должен остаться пока с ними.

— И ты оставил Хавата с этими...

— Он сам так хотел... И я решил, что так будет лучше всего. Если... что-то не так, он все равно в пределах нашей досягаемости. Если же он по-прежнему верен нам — у нас есть пара ушей во вражеском лагере.

Пауль вспомнил о вероятностных линиях будущего, увиденных им в пророческих видениях. Среди них была и такая, где Суфир Хават нес на встречу с ним отравленную иглу — Император велел ему пустить это оружие в ход против «этого самозваного герцога»...

Стражи у входа разошлись, образовав короткий живой коридор, сверкающий копьями и клинками. В наступившей

тишине был хорошо слышен посвист широких одежд и шорох песка, нанесенного с улицы в залы дворца.

Падишах-Император Шаддам IV шел первым. Его шлем бурсега где-то потерялся, и рыжие волосы торчали во все стороны точно перья — монарх не успел привести себя в порядок. Левый рукав мундира лопнул по внутреннему шву; на Императоре не было ни пояса, ни оружия — но величие по-прежнему окружало его, словно невидимый кокон силового поля, заставлявший всякого держаться на почтительном расстоянии.

Но копья фрименов опустились крест-накрест перед ним, остановив повелителя Галактики там, где приказал Пауль. Свита и спутники Императора столпились позади — мозаика ярких цветов и лиц с застывшим на них потрясением, озвученная лишь неуверенным шарканьем ног.

Пауль обежал взглядом эту группу — заметил женщин, пытавшихся скрыть следы слез; холуев и прихлебателей, явившихся на Арракис насладиться победой сардаудкаров и празднествами — и онемевших теперь от поражения. Увидел птичьи глаза Преподобной Матери Гайи-Елены Мохийям, яростно сверкающие из-под черного капюшона, а подле старухи — худого, угрюмого Фейд-Рауту Харконнена.

Время выдало мне его лицо, подумал Пауль.

Затем он перевел взгляд дальше — там, позади Фейд-Рауты, его внимание привлекло подвижное лицо, напоминающее о ловкой, изящной, но хищной ласке. Лицо, которое он раньше ни разу не видел ни в пророческих снах, ни наяву. Но лицо, которое, казалось ему, он должен бы знать; лицо, в котором было что-то пугающее.

Почему я чувствую страх перед этим человеком? Пауль склонился к матери и шепотом спросил:

— Кто это там, левее Преподобной Матери, — вон тот, опасный с виду?..

Джессика взглянула и вспомнила лицо, украшавшее досье из тех, что в архивах Дома Атрейдес относились почти к настольным книгам.

— Граф Фенринг, — тихо ответила она. — Тот самый, который занимал этот дворец перед нами. Генетический евнух... и убийца.

«Мальчик на побегушках у Императора», — вспомнил Пауль. И эта мысль была почти потрясением: самого Императора он не раз видел на бесчисленных ветвящихся путях, ведущих в будущее, но граф Фенринг ни разу не промелькнул в его пророческих видениях.

Тут же Паулю пришло в голову, что он множество раз видел в паутине вероятностных линий свое мертвое тело, но сам момент своей смерти — ни единого раза. *Может быть, я не мог увидеть этого человека как раз потому, что это он убьет меня?* — пришло ему в голову. И эта мысль пробудила самые дурные предчувствия.

Он заставил себя оторваться от Фенринга и перевел взгляд на оставшихся в живых сардаукаров, офицеров и рядовых; на лицах прославленных воинов Дома Гинац застыли горечь и отчаяние. Некоторые на миг задерживали его внимание: кое-кто из офицеров тайком озирался, пытаясь разобраться в том, какие меры безопасности приняты хозяином и нельзя ли, как-нибудь исхитрившись, превратить поражение в победу.

Наконец взгляд Пауля остановился на зеленоглазой блондинке с чеканными чертами высокородной патрицианки, излучающими поистине классическую надменность. Никаких признаков слез, никаких следов перенесенного поражения. Тут и спрашивать было нечего, Пауль сразу опознал ее — принцесса самых высоких королевских кровей, дочь Правящего Дома, Бене Гессерит, все всякого сомнения, получившая великолепную подготовку. Лицо, которое многое множество раз глядело на него из будущего: Ирулан.

Вот он — мой ключ.

По сбившейся толпе гостей-пленников прошло движение. Показалась знакомая фигура: Суфир Хават — знакомый шрам на пол-лица, испятнанные губы, морщины, сутулые плечи — знаки подошедшей старости, ослабившей тело бойца...

— Ага, вот и Хават, — негромко сказал Пауль. — Не держите его, Гурни.

— Милорд?.. — переспросил Гурни.

— Не держите его, — повторил Пауль.

Гурни кивнул.

Копье фримена поднялось и опустилось за спиной неловко шагнувшего вперед Хавата. Покрытые сеткой склеротических жилок слезящиеся глаза изучали Пауля, оценивали его.

Пауль тоже сделал шаг навстречу — и сразу почувствовал напряженное ожидание среди людей Императора.

Хават посмотрел на Джессику.

— Леди Джессика, — проговорил он, — лишь сегодня узнал я, как был неправ и несправедлив к вам. Вам не нужно прощать меня...

Пауль ждал — но его мать молчала.

— Суфир, дружище, — сказал он, — сам видишь, я не поворачиваюсь спиной к двери!

— Во Вселенной слишком много дверей, — серьезно ответил Хават.

— Разве я не сын своего отца? — спросил Пауль.

— Скорее уж ты похож на отпрыска своего деда, — хриплым, стариковским голосом ответил Хават. — Что вся манера, что взгляд...

— Но я — сын своего отца, — возразил Пауль. — И вот я говорю тебе: ты можешь потребовать в уплату за долгие годы верной службы нашему Дому всё, что ты только можешь пожелать. Всё. Абсолютно всё, Суфир. Тебе нужна моя жизнь, Суфир?.. Она твоя, бери. — Пауль шагнул вперед, не поднимая рук. Он видел, как понимание загорается в глазах Хавата.

Он понял, что я знаю об измене, подумал Пауль.

И он понизил голос так, чтобы его слышал один лишь Хават:

— Суфир, я говорю правду. Если ты хочешь убить меня — рази...

— Все, чего я желал, мой герцог, — это лишь хоть раз вновь встать подле тебя, — промолвил Хават. И лишь в этот миг Пауль почувствовал, какое усилие требовалось старику, чтобы не упасть. Пауль подхватил Суфира под плечи, поддержал его, чувствуя, как дрожат мышцы под его ладонями.

— Тебе очень больно, друг мой? — спросил Пауль.

— Больно, мой герцог, — признался Хават. — Но мне теперь хорошо... — Он полуобернулся в объятиях Пауля, протянул руку в сторону Императора — ладонью вверх,

показывая крохотную иглу, зажатую меж пальцев. — Видите, Ваше Величество? — воскликнул он. — Видите эту предательскую иглу? Да неужто вы хоть на миг подумали, что я, который отдал всю свою жизнь служению Дому Атрейдес, теперь дал бы ему меньше?!

Пауль пошатнулся — старик обмяк в его руках. Пауль узнал тяжесть смерти; в том нельзя было ошибиться, чувствуя, как обвисает безвольное, быстро тяжелеющее тело. Пауль бережно опустил Хавата на пол, выпрямился и жестом велел своей охране унести тело.

Пока его приказ выполнялся, мертвая тишина навалилась на зал.

Теперь на лице Императора появилось выражение страха. Он ждал смерти; ужас наполнил его глаза, никогда прежде не знавшие этой эмоции.

— Ваше Величество... — проговорил Пауль и заметил, как напряглось в изумленном внимании лицо принцессы. Его слова были произнесены так, как умели лишь знающие Путь Бене Гессерит, со сложными атоналями, наполнившие титулование бесконечным презрением. *Действительно — настоящее гессеритское воспитание.*

Император откашлялся и произнес:

— Быть может, мой уважаемый родич полагает, что держит теперь все в своих руках?.. Но большего заблуждения, право, быть не может. Вы же нарушили Конвенцию, применив ядерное оружие против...

— Против естественных деталей рельефа, — любезно объяснил Пауль. — Скалы преграждали мне путь — а я спешил на встречу с вами, Ваше Величество, — дабы получить от вас объяснения относительно некоторых ваших действий.

— В эту минуту, — холодно сказал Император, — на орбите Арракиса находится мощная армада — объединенная армада Великих Домов. И стоит мне сказать одно лишь слово, как...

— Ах да, — вспомнил Пауль, — чуть было не забыл о них... — Он поискал глазами в императорской свите, нашел двоих гильдиеров и негромко сказал в сторону, обращаясь к Гурни: — Это вот и есть агенты Гильдии — два жирных типа в сером?

— Да, милорд.

— Ага. Ну вы, оба, — палец Пауля уперся в гильдиеров, — быстро убирайтесь отсюда и передайте, чтобы этот ваш флот летел восвояси. Засим будете ждать моего разрешения, прежде чем...

— Гильдия не подчиняется твоим приказам! — рявкнул более высокий гильдиер. Он и его товарищ протолкались к барьеру из копий — по кивку Пауля эти копья поднялись. Двое в сером выступили за кольцо охраны, высокий поднял руку и объявил: — Я полагаю, вы заработали эмбарго своим...

— Если я услышу от любого из вас еще хоть одну глупость, — ледяным голосом сказал Пауль, — я отдам приказ, который остановит добычу Пряности на Арракисе... навсегда.

— Вы с ума сошли?! — проговорил, отступая, потрясенный гильдиер.

— Стало быть, вы понимаете, что я в состоянии осуществить эту угрозу? — спросил Пауль.

Гильдиер несколько мгновений смотрел в пространство, наконец он встряхнулся и ответил:

— Да, вы в состоянии это сделать... но вы не должны.

— А-а-ахх... — протянул Пауль и кивнул: — Вы ведь оба — Гильд-навигаторы, не так ли?

— Да!

Низенький гильдиер проговорил:

— Вы тогда ослепите и себя самого — а нас всех обречете на медленную смерть. Да вы представляете себе, что это такое — лишиться Пряности, когда привычка приобретена?..

— Око, взирающее в будущее и выбирающее верный курс, закроется навеки, — задумчиво произнес Пауль. — Гильдия погибнет. Человечество превратится в крохотные изолированные общины — островки в океане пустоты... Знаете, а ведь я мог бы сделать это реальностью из простой прихоти... или, скажем, от скуки.

— Может быть, обсудим этот вопрос наедине, — поспешно предложил высокий гильдиер. — Я уверен, что мы в состоянии найти компромисс, который...

— Передайте своим людям на орбите, — перебил Пауль, — пусть убираются. Мне надоели эти бессмысленные препирательства. Так вот: если флот немедленно не поки-

нет орбиту Арракиса, нам просто не о чем будет говорить... — Он кивнул на своих связистов у стены. — Можете воспользоваться нашей аппаратурой.

— Но сначала мы должны обсудить это! — запротестовал высокий. — Не можем же мы просто...

— Выполняйте! — рявкнул Пауль. — Власть уничтожить нечто есть подлинный и абсолютный контроль над ним... Ты же признал, что я обладаю такой властью. Поэтому мы не станем ничего обсуждать, и я не собираюсь идти на какие-либо компромиссы. Вы будете исполнять то, что я велю, — или испытаете *немедленные* последствия неповиновения.

— Он *сделает* это!.. — пробормотал низенький гильдиер. И Пауль увидел, как ужас объял обоих.

Агенты Гильдии медленно пошли к аппаратуре связи.

— Они подчинятся? — негромко спросил Гурни.

— Они способны видеть будущее, хотя и очень ограниченно — только прямо перед собой, — ответил Пауль. — И глядя вперед, видят лишь глухую стену, которая встанет перед ними в случае неповиновения. И каждый Гильд-навигатор в каждом из кораблей над нами видит ту же стену... Они подчинятся.

Пауль обернулся к Императору:

— Когда вам позволили занять трон вашего отца, единственным условием было, чтобы поток Пряности не иссякал. Вы обманули их ожидания, Ваше Величество. Вы догадываетесь о последствиях?..

— Мне никто не *позволял* занять...

— Хватит валять дурака! — рявкнул Пауль. — Гильдия — та же деревня на реке: им нужна вода, но они могут лишь взять из реки столько, сколько в состоянии потребить, и не больше; перегородить реку и полностью контролировать ее они не могут — тогда все заметят, что́ они берут у реки, и рано или поздно это приведет к катастрофе. Поток Пряности — вот река Гильдии, а плотину на ней возвел я. Но — такую плотину, какую нельзя разрушить, не уничтожив реку.

Император растерянно провел рукой по рыжим волосам, посмотрел на спины гильдиеров.

— Даже ваша Правдовидица, ваша гессеритка — и та трепещет, — добил Пауль. — Есть множество других ядов, пригодных для дел Преподобных Матерей, но — после

того, как в игру включаются Пряность и меланжевый ликер, — все они теряют силу.

Старуха плотнее запахнула свои бесформенные черные одежды и выбралась из толпы к самому частоколу федайкинских копий.

— Приветствую Преподобную Мать Гайю-Елену Мохийям, — проговорил Пауль. — Давно же мы не встречались — помните Каладан?..

Та посмотрела мимо него на его мать:

— Да, Джессика, я вижу, что твой сын — это и вправду *ОН*. За это тебе простится даже твоя мерзостная дочь.

Пауль подавил приступ холодной ярости и внешне спокойно одернул старуху:

— У тебя нет и никогда не было права прощать что-либо моей матери!

Старуха вперила в него глаза, встретив жесткий взгляд.

— Что ж, попробуй на мне свои трюки, старая ведьма! — сказал Пауль. — Ну, где твой гом джаббар? Попытайся взглянуть туда, куда ты не осмеливаешься смотреть, — и ты увидишь там меня! Я буду смотреть на тебя оттуда.

Старуха опустила глаза.

— Или тебе нечего мне сказать? — сурово спросил Пауль.

— Я ведь первой засвидетельствовала, что ты человек, — пробормотала она. — Не забудь этого... не запачкай память об этом...

Пауль возвысил голос:

— Посмотрите на нее, друзья! Вот перед вами Преподобная Мать Бене Гессерит, терпеливая в долгом деле. Она и ее сестры ждали — ждали девяносто поколений, чтобы гены сложились в должную комбинацию, которая в сочетании с определенными условиями породила бы того единственного человека, вокруг которого строились их планы... Смотрите, смотрите! Теперь она знает — девяносто соитий породили этого человека. И вот он — я... однако... я... никогда... не стану... делать... того, что нужно ей!

— Джессика! — завопила старуха. — Вели ему замолчать!

— Сама вели, попробуй, — ответила Джессика.

Пауль бросил на старую Преподобную Мать яростный взгляд.

— За ту роль, которую ты сыграла во всем этом, — сказал он, — я бы охотно велел тебя удавить... И ты никак мне не помешала бы! — добавил он резко, видя, как она закаменела от ярости. — Но, по-моему, куда лучшим наказанием будет, если я оставлю тебя доживать твои годы без возможности коснуться меня или хоть в чем-то склонить на выполнение ваших планов!..

— Джессика, что ты наделала?! — простонала старая Правдовидица.

— В одном вам не откажешь, — продолжал Пауль. — Вы увидели часть того, что необходимо расе... но как плохо увидели вы это! Вы думаете контролировать генетику расы скрещиванием и отбором немногих «лучших», согласно вашему «основному плану»! Как же мало вы понимаете...

— Ты не смеешь говорить о подобных вещах! — прошипела старуха.

— Молчать! — рявкнул Пауль, и это короткое слово, казалось, материализовалось в нечто плотное, метнувшееся в воздухе от него к Преподобной Матери, и это «нечто» было послушно воле Пауля.

Старуха отшатнулась, почти упав на руки стоявших позади. Ее лицо потеряло всякое выражение и побелело от силы полученного психического удара.

— Джессика, — прошипела она. — Джессика...

— Я запомнил твой гом джаббар, — сказал Пауль. — Помни и ты: одним лишь словом я могу убить тебя!

Фримены в зале понимающе переглянулись. Разве не говорила легенда: *«И слово его будет нести смерть и гибель вечную всякому, кто пойдет против дела праведных»?*

Теперь Пауль повернулся к высокой принцессе, стоящей подле своего венценосного отца. Не сводя с нее взгляда, он обратился к Императору:

— Ваше Величество, мы с вами оба знаем выход из создавшейся ситуации...

Император метнул взгляд на дочь и воззрился на Пауля.

— И ты смеешь?.. Ты! Авантюрист без рода и племени, никто, выскочка из дикой...

— Вы уже признали меня своим «уважаемым родичем»... Так что довольно вздора.

— Я твой государь, — напомнил Император.

Пауль взглянул на гильдиеров — те стояли теперь у передатчика лицом к нему. Один из них кивнул Паулю.

— Я ведь могу и заставить, — заметил Пауль.

— Но ты... вы... не осмелитесь! — как-то скрежещуще сказал Император.

Пауль только молча смотрел на него.

Принцесса коснулась руки отца.

— Отец, — проговорила она шелковисто-мягким, успокаивающим голосом.

— Не пробуй на мне свои штучки, — буркнул Император и посмотрел на нее. — Тебе не нужно делать это, дочь. У нас есть еще ресурсы, которые...

— Но этот человек достоин быть твоим сыном, — сказала принцесса.

Старая Преподобная Мать, к которой вернулось самообладание, низко склонилась к Императору и зашептала на ухо.

— Она просит за тебя, — заметила Джессика.

Пауль все смотрел на золотоволосую принцессу. Тихо он спросил у матери:

— Это ведь Ирулан, старшая, да?

— Да.

Чани приблизилась к Паулю с другой стороны, спросила:

— Ты хочешь, чтобы я ушла, Муад'Диб?

Он взглянул на нее:

— Ушла? Я больше никогда не отпущу тебя от себя.

— Но... нас ничто не связывает... больше.

Несколько долгих мгновений он смотрел на нее... наконец сказал:

— Всегда говори мне только правду, моя Сихайя. — Она хотела ответить, но он приложил палец к ее губам. — То, что нас связывает, никогда и никому не порвать, — прошептал он. — А теперь, прошу, смотри внимательно — я хочу после увидеть все твоими глазами.

Все это время Император и его Правдовидица тихо, но горячо спорили о чем-то.

Пауль обратился к матери:

— Она напоминает ему, что в их соглашение входило посадить на трон дочь Бене Гессерит и они готовили к этому именно Ирулан.

— Они так планировали? — удивилась Джессика.

— А разве это не очевидно? — пожал плечами Пауль.

— Я-то вижу это, — фыркнула Джессика. — И мой вопрос должен был только напомнить тебе, что не тебе учить меня тому, что ты узнал от меня же!

Пауль искоса глянул на нее, заметил холодную улыбку на ее губах и отвернулся.

Гурни Халлек склонился между ними:

— Позвольте напомнить, милорд... в этой компании есть один из Харконненов. — Он кивнул на темноволосого Фейд-Рауту, прижатого к барьеру из копий. — Вон, видите, тот косоглазый, слева. В жизни не видел более злодейской рожи! А ведь вы обещали мне как-то...

— Спасибо, Гурни, — кивнул Пауль.

— Это на-барон... то есть теперь, когда старый Харконнен умер, уже барон, — добавил Гурни. — И он вполне сойдет для меня...

— А ты с ним справишься, Гурни?

— Милорд шутить изволит!..

— Пожалуй, Император уже достаточно долго спорит со старой ведьмой — как думаешь, мать?

— Вполне, — кивнула та.

Пауль громко обратился к Императору:

— Ваше Величество, мне кажется, среди ваших людей есть Харконнен?

Император повернулся к нему с поистине королевским высокомерием.

— Я полагал, что мое окружение находится под защитой вашего слова, герцог, — произнес он.

— Я хотел лишь уточнить, — ответил Пауль. — Мне интересно, входит ли Харконнен официально в вашу свиту или же из трусости прячется за ее спины?

Император улыбнулся, словно прикидывая что-то.

— Всякий, допущенный к моей особе, становится членом моей свиты.

— Итак, у вас есть герцогское слово, — подтвердил Пауль, — но Муад'Диб — это дело совсем другое. *ОН* может и не согласиться с вашим определением свиты... Дело в том, что мой друг Гурни Халлек хотел бы убить одного их Харконненов. И если он...

— Канли! — крикнул Фейд-Раута, наваливаясь на охрану. — Это твой отец объявил эту вендетту, Атрейдес! Ты называешь меня трусом, а сам прячешься за своих женщин и хочешь выставить против меня своего слугу!

Старая Правдовидица начала было шептать что-то на ухо Императору, но тот оттолкнул ее:

— Канли, вот как? У канли есть свои, и весьма строгие, правила!

— Пауль, прекрати это! — сказала Джессика.

— Милорд, — взмолился Гурни, — вы же обещали мне, что придет день и я отомщу Харконненам!

— Ты уже отомстил им сегодня, — возразил Пауль, чувствуя охватывающую его отрешенность. Он откинул капюшон, сбросил бурнус и передал его матери вместе с поясом и крисом; принялся расстегивать дистикомб. Вся Вселенная сошлась в фокусе на этой точке и этой минуте.

— Это излишне, Пауль, — сказал Джессика. — Есть и более простые способы...

Пауль стянул дистикомб, вытянул крис из ножен в руках матери.

— Знаю, — спокойно ответил он. — Яд, асассин... любое из добрых старых средств.

— Но вы *обещали* мне Харконнена! — прошипел Гурни, и Пауль увидел бешенство в глазах старика и то, как набух и натянулся шрам от чернильника. — Вы должны мне его, милорд!..

— Разве ты пострадал от них больше, чем я? — спросил Пауль.

— Моя сестра, — прохрипел Гурни. — Годы, которые я провел в рабстве...

— Мой отец, — ответил Пауль. — Мои добрые друзья и соратники. Суфир Хават и Дункан Айдахо, годы в изгнании — без титула, без помощи... и еще: теперь это уже канли, и ты не хуже меня знаешь законы вендетты.

Плечи Халлека поникли.

— Милорд, если эта свинья... он же не более чем скотина, которую вы бы просто пнули ногой, прогоняя с дороги, и затем сменили бы осквернённую обувь... Считайте меня палачом, если иначе нельзя, позвольте мне сделать это — но только сами не...

— Муад'Дибу не нужно делать этого, — согласилась Чани.

Он взглянул на нее и увидел страх в ее глазах.

— Но герцог Пауль Атрейдес должен сделать это, — сказал он.

— Это же харконненская скотина! — прохрипел Гурни.

Пауль мгновение колебался — не открыть ли ему, что и он тоже имеет Харконненов среди своих предков. Но наткнулся на жесткий взгляд матери и сказал только:

— Однако это существо, кем бы оно ни было, имеет внешность человека и, следовательно, достойно какого-то человеческого отношения.

Гурни скрипнул зубами:

— Если он хотя бы пальцем...

— Прошу тебя, держись в стороне, — сказал Пауль, взвесил крис на ладони и осторожно отодвинул Гурни с дороги.

— Гурни! — Джессика коснулась руки Халлека. — В таком настроении он похож на своего деда. Не мешай ему — это единственное, чем ты можешь ему помочь. (И подумала: *Великая Мать! Какая ирония судьбы!)*

Император изучал Фейд-Рауту: массивные плечи, крепкие мышцы... Повернулся к Паулю — по-юношески стройный, худощавый, гибкий; тело не такое иссушенное, как у жителей Арракиса, но ребра хоть пересчитывай, бедра узкие, под кожей — ни капли жира, так что видно каждое движение мышц.

Джессика склонилась к Паулю и сказала — так, чтобы слышал он один:

— Одно слово, сын... Иногда Бене Гессерит особым образом обрабатывают опасных людей, внедряя в их подсознание кодовое слово при помощи обычных методов стимулирования-наказания. Чаще всего это слово — «урошнор». Если и этого готовили так же — а я почти уверена в этом, — то, стоит ему услышать это слово и его мускулатура расслабится, тогда...

— Не желаю никаких особых преимуществ над *этим*, — отрезал Пауль. — Дай мне пройти.

Гурни обратился к Джессике:

— Не пойму, зачем ему это? Уж не хочет ли, чтобы его убили и так сделаться мучеником и жертвой? Может, эти фрименские предрассудки вконец затуманили его разум?..

Джессика спрятала лицо в ладонях: она и сама не могла понять, почему Пауль так повел себя. Она чуяла витающую в воздухе смерть и догадывалась, что преображенный Пауль вполне способен и на такое... Все в ней поднялось на защиту сына, но сделать она ничего не могла.

— Так что, предрассудки все-таки? — настаивал Гурни.

— Молчи, — одернула его Джессика. — Молчи и молись.

Лица Императора коснулась мимолетная улыбка.

— Если Фейд-Раута... член моей свиты... согласен, — промолвил он, — я освобождаю его от всех и всяких ограничений и предоставляю ему самому решать, как поступать. — Он повел рукой в сторону федайкинов. — У кого-то из вашего сброда сейчас мой пояс и короткий меч. Если Фейд-Раута желает, он может сразиться с вами моим клинком...

— Желаю, — отозвался Фейд-Раута, и Пауль увидел на его лице нескрываемую злобную радость.

Он чересчур самоуверен. Это преимущество я могу принять...

— Подать меч Императора! — скомандовал Пауль. — Положите его на пол вон там... — Он показал ногой. — Отодвиньте весь этот императоров сброд к стене — дайте место Харконнену...

Замелькали одежды, зашуршали шаги, зазвучали негромкие команды и протестующие возгласы — федайкины бросились исполнять приказ. Гильдиеры остались стоять у аппаратуры связи — они хмурились в явной нерешительности.

Они привыкли смотреть в будущее, подумал Пауль. *А в этом месте и в этом времени они слепы... как и я.*

И он взглянул туда, где дули ветры времени, взглянул и увидел вихрь; и око этой бури, центр ее, было именно здесь и теперь. Все, даже самые крошечные возможности обхода были закрыты; здесь лежал, готовый родиться, джихад; здесь таилось сознание расы, которое некогда он ощущал как собственное ужасное предназначение. Здесь было довольно причин, чтобы призвать Квисатц Хадераха или Лисан аль-Гаиба или даже обратиться к половинчатым, колченогим планам Бене Гессерит... Человеческая раса осознала, что впала в спячку, увидела, что застой затянул ее, и стремилась теперь навстречу буре, зная, что она перетрясет и пе-

ремешает застоявшиеся гены и позволит выжить лишь сильным, родившимся от удачных комбинаций... В этот миг все человечество было словно единым организмом, охваченным почти сексуальным жаром — жаром, перед которым не могли бы устоять никакие преграды.

И Пауль увидел, как жалки и беспомощны были любые его потуги изменить хоть что-то. Он-то надеялся побороть джихад внутри себя — но джихад неминуем. Даже и без него ринутся с Арракиса его легионы. Все, что им требуется, — легенда, а он уже стал легендой. Он указал им путь, он дал им оружие, которое сделало их сильнее даже самой Гильдии — Гильдия не могла существовать без Пряности...

Его охватила горечь поражения. И сквозь отчаяние он увидел, что Фейд-Раута уже освобождается от рваного мундира, оставшись в фехтовальных шортах с широким кольчужным поясом.

Вот он, кульминационный пункт. Здесь, сейчас, после этой битвы разойдутся тучи, закрывающие будущее. Разойдутся, озаренные лучами славы... Если я погибну здесь — они скажут, что я принес себя в жертву, чтобы мой дух повел их. Если же я уцелею — скажут, что никто и ничто не может противостоять Муад'Дибу.

— Готов ли Атрейдес? — вопросил Фейд-Раута, согласно древнему ритуалу канли.

Но Пауль предпочел ответить ему по-фрименски:

— Да треснет и расщепится твой клинок! — и ткнул в меч Императора на полу, жестом предлагая противнику подойти и взять его.

Не отводя глаз от Пауля, Фейд-Раута подобрал меч — вернее, большой нож, — взвесил его в руке, чтобы примериться к весу и балансировке. В нем бурлило волнение. Вот схватка, о которой он мечтал: мужчина против мужчины, умение против умения, и никаких щитов! Он уже видел перед собой дорогу к власти. Император наверняка вознаградит того, кто прикончит беспокойного смутьяна герцога! Может быть, наградой станет эта его гордячка дочь и какая-то доля власти. А герцог, деревенщина, авантюрист с задворков Галактики, уж конечно, не соперник Харконнену, обученному тысячам уловок и приемов в тысячах же боев на гладиаторской арене. А этот муж-

лан, разумеется, и не догадывается, что в бою его встретит не только нож...

Ну-ка, посмотрим, спасешься ли ты от яда! — весело подумал Фейд-Раута. Он отсалютовал Паулю императорским клинком и произнес:

— Готовься к смерти, глупец!

— Начнем, кузен? — спросил Пауль и мягко, по-кошачьи, двинулся вперед, не отводя взгляда от клинка противника. Он шел, пригнувшись в низкой стойке, и молочно-белый крис казался продолжением его руки.

Они кружили подле друг друга, и под босыми ногами шуршал песок на каменном полу.

— Ах, как ты чудно танцуешь, — издевательски произнес Фейд-Раута.

Он болтлив, подумал Пауль. *Еще одна слабость. Перед молчащим противником он начинает нервничать.*

— Надеюсь, ты получил отпущение грехов? — усмехнулся Фейд-Раута.

Но Пауль по-прежнему кружил в полном молчании.

А старая Преподобная Мать, наблюдавшая за поединком от стены, куда согнали императорскую свиту, чувствовала, как ее трясет. Юный Атрейдес назвал Харконнена «кузен» — это могло значить лишь одно: он знал об их родстве. Это как раз понять несложно, он же Квисатц Хадерах... Но эти слова приковали ее внимание к тому единственному обстоятельству, которое имело сейчас для нее значение.

Могла погибнуть вся генетическая программа Бене Гессерит!

Она увидела часть того, что видел Пауль: Фейд-Раута может убить, но не победить. Но была и вторая мысль, которая едва не свалила ее с ног. В смертельном поединке — возможно, в поединке, который закончится гибелью обоих, — сошлись двое, бывшие конечными звеньями в долгой и дорогой программе. И если погибнут оба — останется лишь бастард, незаконнорожденная дочь Фейд-Рауты, еще совсем младенец, и эта мерзостная Алия, ребенок-монстр...

— А то, может, у вас тут есть только дикие языческие обряды? — язвительно спросил Фейд-Раута. — Хочешь, Правдовидица Императора приготовит твой дух к дальнему пути?

Пауль только улыбнулся. Он был полностью наготове, вытеснив все посторонние мысли, и крадучись шел вправо.

Фейд-Раута прыгнул, сделав выпад правой рукой, — но в момент прыжка клинок, сверкнув в воздухе, мгновенно перелетел в левую руку.

Пауль легко ушел от удара, заметив небольшое замедление, характерное для привычки сражаться с силовым щитом. Правда, привычка к щиту сказывалась не так сильно, как со многими другими бойцами; видимо, Фейд-Рауте уже приходилось иметь дело с лишенными щита противниками.

— Атрейдес так и будет бегать или наконец начнет драться? — спросил Фейд-Раута.

Пауль, не отвечая, возобновил кружение по залу. Он вспомнил слова, сказанные когда-то Дунканом Айдахо в фехтовальном зале на Каладане: *Первые моменты боя изучай противника. Так ты, конечно, можешь потерять возможность быстрой победы — но изучение противника есть залог успеха. Поэтому не жалей времени на изучение противника — будешь увереннее.*

— Думаешь, эти танцы продлят тебе жизнь? — ухмыльнулся Фейд-Раута. — Ну-ну!

Он остановился и выпрямился.

Пауль увидел уже достаточно для предварительной оценки противника. Фейд-Раута шагнул влево, открыв правое бедро, словно обшитые кольчугой короткие фехтовальные брюки могли закрыть его бок целиком. Это было движение человека, привыкшего к щиту и к клинку в каждой руке.

Или же... — Пауль на мгновение заколебался, *эти брюки были не тем, чем казались.*

Слишком уж уверенным выглядел Харконнен — а ведь его противник еще сегодня возглавлял войска, наголову разгромившие легионы сардаукаров...

Фейд-Раута заметил это колебание и осклабился:

— К чему оттягивать неизбежное? Ты только немного задержишь меня, но не помешаешь вступить в законное владение этим комком грязи, Арракисом!

Если это действительно пружинная игла, думал Пауль, *хитро запрятана. Брюки кажутся совершенно целыми...*

— Почему ты молчишь? — спросил Фейд-Раута.

Пауль продолжил движение по кругу. Он позволил себе холодно улыбнуться, услышав нотки неуверенности в голосе противника, — молчание начинало действовать Фейд-Рауте на нервы.

— Улыбаешься, да? — проговорил Фейд-Раута и, не договорив, снова прыгнул.

Пауль, ожидавший небольшой задержки удара, едва не пропустил его. Клинок обрушился на него сверху вниз и оцарапал его левую руку. Усилием воли он подавил боль — значит, понял он, предыдущая задержка была лишь трюком. Да, соперник оказался сильнее, чем он ожидал.

Предстоит столкнуться с хитростями внутри хитростей, скрытых хитростями...

— Это твой же Суфир Хават меня кое-чему научил, — похвастался Фейд-Раута. — Ему я обязан тем, что первым пустил тебе кровь... Жаль, что старый дурак не дожил до этого мига, верно?

А Пауль вспомнил слова Айдахо: *«Ожидай лишь того, что можно встретить в бою. Тогда ничто не захватит тебя врасплох»*.

И оба вновь закружили в низкой стойке, настороженно следя друг за другом.

Пауль заметил, что его противник вновь оживился. С чего бы это? Неужели эта царапина так много значит для Фейд-Рауты? Разве что на ней яд, но откуда? Ведь его люди тщательно осмотрели и проверили ядоискателем клинок. Они слишком хорошо знали свое дело, чтобы упустить настолько очевидную вещь...

— Слушай-ка, — вновь заговорил Фейд-Раута. — Кто тебе та женщина, с которой ты говорил? Ну, та малышка? Твоя цыпочка, а? Как ты думаешь, а моего внимания она заслуживает?

Пауль молчал — внутренним зрением он исследовал рану и кровь, коснувшуюся лезвия. Он сразу обнаружил следы снотворного — наркотик был, конечно, занесен клинком Императора. Приказал телу изменить метаболизм и перестроить молекулы наркотика, но... Они приготовили клинок со снотворным... Снотворное! Ядоискатель на него не реагирует, но такой штуки достаточно, чтобы замедлить мышечную реакцию. Да, поистине у его врагов

были наготове планы внутри планов и внутри других планов — сплошь коварство!

Фейд-Раута опять прыгнул, ударил с лета.

Пауль с застывшей улыбкой сделал чуть замедленный выпад, словно наркотик начал действовать, но в последний миг он сделал резкий нырок и встретил руку Фейд-Рауты острием криса.

Фейд-Раута ушел в сторону, перебросил оружие в левую руку. Но побледневшая на скулах кожа выдала его боль.

Пусть теперь и он поволнуется, подумал Пауль. *Пусть подумает о яде..*

— Предательство! — крикнул Фейд-Раута. — Он отравил меня! Я чувствую яд в руке!

Пауль впервые за время поединка ответил ему:

— Всего лишь капелька кислоты. Плата за наркотик на императорском клинке.

Фейд-Раута овладел собой и ответил такой же холодной улыбкой, левой рукой взмахнул клинком в шутовском салюте. Но его глаза сверкали яростью.

Пауль перебросил крис в левую руку, чтобы правильно повернуться к противнику. И они вновь закружили по залу.

Фейд-Раута начал понемногу приближаться к Паулю. Он высоко держал свой нож; в раскосых глазах и в том, как он стиснул челюсти, читалось озлобление. Он ударил вправо-вниз, и оба соперника сошлись в ближнем бою, клинок к клинку.

Пауль, остерегаясь правого бедра Фейд-Рауты, где, как он подозревал, была скрыта отравленная пружинная игла, заставил Фейд-Рауту развернуться левым боком. И почти пропустил иглу, которая выскочила из-под пояса. Только движение корпуса Фейд-Рауты предупредило его, и острие не достало до тела всего какой-нибудь миллиметр.

На *левом* бедре!

Да, коварство в коварстве внутри коварства, напомнил себе Пауль. Используя навыки, развитые подготовкой Бене Гессерит, он прогнулся, пытаясь обмануть Фейд-Рауту, но из-за необходимости все время уклоняться от иглы на бедре противника потерял равновесие, оступился и в следующий миг оказался на полу, а Фейд-Раута навалился на него.

— Видел, что на моем бедре? — шепнул ему Фейд-Раута. — Это твоя смерть... глупец!

И он стал поворачиваться, подводя иглу.

— Эта штука парализует твои мышцы, а мой нож докончит дело! — объяснил он. — И никто ничего не обнаружит!

Пауль напрягся. Он слышал, как в глубинах его мозга бесчисленные предки кричат, приказывая ему произнести кодовое слово — остановить Фейд-Рауту и спасти себя.

— Я не сделаю этого! — выдохнул он.

Фейд-Раута удивленно замер — на какую-то долю секунды. Но ее было довольно, чтобы Пауль заметил плохо уравновешенное напряжение в мышцах ног противника, — и в следующий миг они поменялись местами. Теперь Фейд-Раута оказался под ним, задрав только правую ногу, и не мог повернуться, потому что игла на левом бедре засела в полу.

Пауль высвободил левую руку — собственная кровь помогла ему, сделав руку скользкой. Нанес удар крисом снизу под челюсть Фейд-Рауте. Клинок вошел в мозг — Фейд-Раута дернулся и обмяк, но лег не навзничь, а вполоборота — игла, застрявшая в полу, все еще удерживала его.

Глубоко дыша, чтобы успокоиться, Пауль оттолкнулся от трупа и поднялся на ноги. Он встал над мертвым телом с крисом в руке и нарочито медленно перевел взгляд на Императора, стоявшего у противоположной стены.

— Ну вот, Ваше Величество, — произнес Пауль. — Еще одним человеком меньше в вашем войске. Хотите еще поиграть словами, притворяться и высокомерничать? Или обсудим то, чему должно случиться? Короче говоря: ваша дочь выходит за меня и Дому Атрейдес тем самым открывается дорога к трону.

Император повернулся, посмотрел на графа Фенринга. Серые глаза встретились с зелеными. Эти двое так давно и хорошо знали друг друга, что одного взгляда им было достаточно.

Убей этого выскочку, хотел сказать Император. *Да, этот Атрейдес молод и находчив, но он также устал и в любом случае не соперник тебе. Вызови его... ты знаешь, как это делается. Убей его.*

Фенринг медленно перевел взгляд на Пауля.

— Сделай это! — прошипел Император.

Граф смотрел на Пауля и видел его так, как учила его пользоваться зрением его леди Марго, — по-гессеритски. Он видел тайну и скрытое пока величие юного Атрейдеса.

«Да, я мог бы убить его», — сказал себе граф. И он знал, что это было правдой.

Но что-то остановило графа, и он только мельком подумал о своих преимуществах — скрытности, хитрости — и о том, что его побуждения были не ведомы никому.

Пауль воспринял часть всего этого через бурлящие вихри времени и понял наконец, почему никогда не видел Фенринга на вероятностных линиях будущего. Фенринг был одним из тех, кто мог бы стать, но так и не стал Квисатц Хадерахом. *Почти* Квисатц Хадерах, искалеченный ошибкой в генетической структуре. Евнух, чей талант целиком ушел на скрытность и хитрость... Пауль ощутил глубокое сострадание к графу. Это было первое братское чувство за всю его жизнь...

Фенринг, уловивший чувства Пауля, произнес:

— Я вынужден отказаться, Ваше Величество.

Шаддама IV охватила ярость. Он, раздвинув свиту, подошел к Фенрингу и с размаху ударил его в челюсть.

Лицо графа потемнело от прилившей крови. Он посмотрел прямо в глаза Императору и нарочито невыразительным голосом проговорил:

— Мы были друзьями, Ваше Величество. И только ради этой дружбы я забуду о том, что вы ударили меня.

Пауль кашлянул.

— Так мы говорили о троне, Ваше Величество, — напомнил он.

Император обернулся.

— Трон мой! — рявкнул он.

— Я предоставлю вам трон на Салусе Секундус, — сказал Пауль.

— Я сложил оружие и пришел сюда, доверившись вашему слову! — закричал Император. — А вы осмеливаетесь угрожать...

— Вы в безопасности рядом со мной, — сказал Пауль. — Атрейдес обещал это вам. Но Муад'Диб приговаривает вас к изгнанию на вашу тюремную планету... впрочем, не страшитесь, Ваше Величество: я приложу все имеющие-

ся в моем распоряжении силы, чтобы сделать Салусу Секундус удобнее. Поверьте, она станет планетой-садом, мягкой и уютной.

Поняв скрытое значение слов Пауля, Император вперил в Пауля яростный взор.

— Ну вот, теперь мы видим истинные мотивы...

— Видим, — согласился Пауль.

— А что Арракис? — поинтересовался, раздувая ноздри, Император. — Еще одна планета-сад, мягкая и уютная?

— Муад'Диб дал слово фрименам, — ответил Пауль. — Здесь потекут под открытым небом воды и зазеленеют оазисы, обильно дарящие плодами. Но, конечно, мы не забудем и о Пряности... Поэтому на Арракисе всегда будет существовать Пустыня... и яростные бури, и тяготы, закаляющие человека, мужа и воина. У нас, фрименов, есть пословица: «Бог создал Арракис для укрепления верных». Нельзя же идти против воли Божьей!

Старая Правдовидица, Преподобная Мать Гайя-Елена Мохийям, по-своему прочла скрытый смысл слов Пауля. Она увидела джихад и воскликнула:

— Ты не можешь напустить этих людей на Галактику!..

— Вспомни-ка лучше сардаукаров, — ответил Пауль. — Те, конечно, были просто миротворцы...

— Но ты не можешь... — прошептала она.

— Ты же Правдовидица, — усмехнулся Пауль. — Так обрати взор на собственные слова...

Он посмотрел на принцессу и снова на Императора.

— Так что лучше вам не тянуть, Ваше Величество.

Император потрясенно взглянул на дочь. Та коснулась руки отца и мягко сказала:

— К этому ведь меня и готовили, отец.

Тот только глубоко вздохнул.

— Делать нечего... — пробормотала старая Правдовидица.

Император, вспомнив про свое достоинство, выпрямился.

— Кто будет вести переговоры за тебя, родич? — спросил он.

Пауль обернулся. Увидел мать — та, опустив глаза, стояла подле Чани, окруженная фрименской охраной. Он подошел к ним, ласково взглянул на Чани.

— Я... понимаю, — прошептала она. — Если так надо... Усул...

Пауль, слыша в ее голосе скрываемые слезы, погладил ее по щеке.

— Ничего не бойся, моя Сихайя, — прошептал он. Потом опустил руку и повернулся к матери: — Ты будешь говорить от моего имени, мама, и Чани с тобой. У нее есть мудрость и зоркие глаза... Кроме того, истинно сказано, что никто не торгуется лучше фримена. Она будет смотреть на меня глазами своей любви, она будет думать о своих будущих сыновьях и о том, что им будет нужно. Ты уж прислушивайся к ней...

Джессика услышала в голосе сына трезвый, жесткий расчет и подавила дрожь.

— Какие твои инструкции? — деловито спросила она.

— Все акции Императора в компании КООАМ в качестве приданого, — просто ответил он.

— Все?! — Джессика была так потрясена, что едва могла говорить.

— Его надо раздеть до нитки, — объяснил Пауль. — Затем я требую титул графа и директорское кресло в КООАМ для Гурни Халлека плюс в качестве ленного владения Каладан. Вообще все уцелевшие люди Дома Атрейдес получат титулы и соответствующую власть. Все до последнего солдата.

— А фримены? — спросила Джессика.

— Фримены — мои, — ответили Пауль. — И все, что они получат, — они получат из рук Муад'Диба. Начну со Стилгара — пусть будет губернатором Арракиса... но это может подождать.

— А я? — снова спросила Джессика.

— А ты чего хочешь?

— Каладан, наверно... — Она помедлила, глядя на Гурни. — Не знаю. Нет, я стала почти совсем фременкой... и Преподобной Матерью. Мне нужна возможность подумать в покое...

— Ну, что-что, а это-то я тебе могу обещать, — усмехнулся Пауль. — И вообще все, что ты можешь получить от меня или от Гурни...

Джессика кивком поблагодарила его, почувствовав вдруг себя старой и утомленной. Она посмотрела на Чани.

— А что ты дашь наложнице государя?

— Мне титулов не нужно, — быстро ответила Чани. — Умоляю тебя — ничего мне не давай.

Пауль посмотрел ей в глаза и вдруг вспомнил, как она стояла с маленьким Лето на руках — с их сыном, погибшим в этой бойне.

— Клянусь, — прошептал он, — что тебе и не понадобится никакой титул. Та женщина будет моей женой, а ты только наложницей — это все политика, и мы должны сейчас подумать об установлении мира и о том, чтобы войти в число Великих Домов Ландсраада. Придется соблюдать их правила. Но эта принцесса никогда не получит от меня ничего, кроме моего имени. Ни ребенка, ни прикосновения, ни единого мига желания.

— Это ты сейчас так говоришь, — прошептала в ответ Чани. Она посмотрела на высокую принцессу.

— Ты что, до сих пор так плохо знаешь моего сына? — шепнула Джессика. — Посмотри на эту гордую, высокомерную принцессу. Говорят, у нее писательские амбиции. Будем надеяться, она найдет утешение в литературе, потому что ей не приходится рассчитывать на большее. — Джессика горько усмехнулась. — Подумай об этом, Чани: у принцессы будет имя и титул, но на деле она будет менее чем наложницей — ни единого мига нежности не будет она знать от того, с кем свяжут ее брачные узы. Но *мы*, Чани, — мы, которые называемся наложницами, — войдем в историю как истинные жены!

Приложения

I. ЭКОЛОГИЯ ДЮНЫ

Когда при ограниченном пространстве численность объектов возрастает, переходя за определенную критическую точку, свобода внутри системы уменьшается. Это положение так же справедливо по отношению к человеческой популяции в ограниченном пространстве планетарной экосистемы, как и по отношению к молекулам газа в герметическом сосуде. Причем вопрос для человека с точки зрения гуманности заключается не в числе человеческих особей, способных выжить в данной системе, но в том, какое существование смогут вести выжившие.

(Пардот Кинес, первый планетолог на Арракисе)

Обычно в первое время Арракис кажется новоприбывшему лишь колоссальной, бескрайней и безжизненной пустыней. Он, новичок, решит, конечно, что здесь под открытым небом не могут существовать ни животные, ни растения, что перед ним — вечная пустошь, которая никогда не была и никогда не будет плодородной — или хотя бы просто способной поддерживать жизнь.

Пардоту Кинесу же планета представилась воплощением чистой энергии, машиной, движимой солнцем. Но необходимо было преобразовать ее, приспособить к нуждам человека. И его мысли сразу обратились к кочевому населению планеты — к фрименам. Вот где был вызов этому миру, вот где была настоящая задача! Каким инструментом могли стать фримены: мощным экологическим и геологическим фактором с почти неограниченными возможностями.

Пардот Кинес был человеком во многих отношениях простым и прямым. Мешают ограничения, введенные Хар-

конненами? Прекрасно. Все, что нужно, — это жениться на фрименке. Она рождает сына — Лиет-Кинеса, — и скоро можно начинать с ним и его фрименскими сверстниками изучение азов экологии, создавая новый язык, вооружающий разум символами, позволяющими ему управлять ландшафтом, климатом, сезонными изменениями... и наконец, можно суметь сломать старые представления о силах природы и прорваться к потрясающей воображение идее *порядка*.

«На каждой планете, чей облик не искажен человеком, существует естественная красота движения и равновесия, — говорил Кинес. — В этой красоте легко можно увидеть общий для всякой жизни динамический стабилизирующий фактор. Цель его проста: производить и поддерживать взаимодействующие системы все большей и большей сложности. Жизнь увеличивает способность данной замкнутой системы поддерживать жизнь; жизнь — всякая жизнь — служит жизни же. Необходимые питательные вещества поставляются одним формам жизни другими, и по мере развития и усложнения жизни в системе количество питательных веществ увеличивается. Наконец, жизнь со всеми ее сложными связями и взаимоотношениями заполняет среду».

Так говорил Пардот Кинес своим ученикам в сиетчах.

Правда, перед тем как он начал свои занятия, ему пришлось убедить фрименов. Чтобы понять, как ему это удалось, нужно сначала осознать ту невероятную сосредоточенность на единственной цели и то простодушие, с которым он подходил к любой проблеме. Нет, наивным он не был — просто не позволял ничему отвлечь себя от главного.

Однажды раскаленным арракийским днем он ехал по пустыне в одноместном вездеходе, изучая местность. Внезапно — это случилось за Барьерной Стеной, неподалеку от деревни Ветряной Мешок — он наткнулся на прискорбно обычную тогда для Арракиса сцену. Шестеро харконненских головорезов — при щитах и в полном вооружении — захватили врасплох трех фрименских юношей.

В первый момент стычка показалась Кинесу грубоватой забавой — но потом он понял, что харконненские солдаты явно намерены убить фрименов. К этому времени один уже лежал на песке с рассеченной артерией;

правда, и двое из наемников вышли из игры, но все же двоим юношам, почти подросткам, противостояли четверо хорошо вооруженных профессионалов.

Кинес не был смельчаком; но у него была *цель*, и он не мог позволить себе терять инструменты, при помощи которых собирался преобразить планету. Поэтому он немедленно включил собственный щит, вмешался в свалку и заколол слиптипом двух харконненцев прежде, чем они успели осознать, что сзади появился новый противник. Затем Кинес отбил меч развернувшегося к нему солдата и в ловком выпаде аккуратно перерубил ему горло. Последнего наемника он оставил двум молодым фрименам и наклонился к упавшему юноше, чтобы посмотреть, нельзя ли его спасти. И он спас парня — а меж тем его товарищи прикончили шестого харконненца.

Но ситуация сложилась непростая — как говорят фримены, вот так уха из песчаной форели! Фримены были в растерянности. Они, конечно, знали, кто такой Кинес. Не было еще такого, чтобы кто-то прибыл на Арракис, а его самое что ни на есть полное досье не попало во фрименские твердыни, скрытые в песках. Так что они его знали: то был слуга Империи.

Но он убил солдат Харконненов!

Будь на месте этих ребят взрослые фримены, они, конечно, пожали бы плечами и (не без некоторого сожаления) присоединили бы его тень к теням шестерых харконненских разбойников. Но неопытные юнцы знали только одно: этому слуге Империи они обязаны жизнью.

Дня через два Кинес объявился в сиетче, выходившем на Ветровой Перевал. *Ему* все казалось совершенно естественным. Он говорил фрименам о воде, о дюнах, закрепленных травами, о рощах финиковых пальм, о широких открытых арыках, несущих воду через Пустыню. Он говорил и говорил без остановки.

А вокруг его особы в это время кипел спор, которого Кинес не заметил и о котором даже не подозревал. Что делать с этим ненормальным? Он узнал местоположение главного сиетча. Ну и что делать? И что значат его слова — этот безумный разговор о рае на Арракисе? Это просто болтовня. И он слишком много знает. Но он же убил тех

харконненцев! Ну и что, всякий может убить харконненцев. Вот я, например, не раз это делал...

Да, но что значат его слова о цветущем Арракисе?..

Все очень просто; но где взять воду для этого?

Но он же говорит, что здесь есть вода! И он действительно спас троих наших!

Спас трех дурней, сунувшихся прямо под харконненский кулак! И он видел наши крисы!

Впрочем, решение было принято за несколько часов до того, как оно было объявлено. *Тау* сиетча извещает фрименов о том, что необходимо сделать. Исполнить положенное отрядили опытного бойца с освященным крисом; при нем состояли Хранители воды — добыть влагу из тела. Что поделаешь: жестокая необходимость.

Крайне сомнительно, чтобы Кинес вообще заметил своего будущего палача. Он в этот момент проповедовал перед группой фрименов, обступивших его — хотя и державшихся на почтительном расстоянии. Он ходил по кругу и, увлекшись, размахивал руками. «Открытая вода! — говорил он. — Вы будете ходить вне сиетча без дистикомба! Вы будете черпать воду ведрами прямо из открытых прудов! Апельсины!..»

И в этот миг перед ним возник человек с ножом.

— Отойди, — велел Кинес. — Ты мне мешаешь. — И, не обращая более внимания на убийцу, продолжал говорить о потайных ветровых ловушках. Отодвинув плечом фримена с ножом, Кинес прошел мимо. Теперь его спина была открыта для ритуального удара.

Сейчас, конечно, нельзя узнать, о чем думал человек, назначенный выполнять обязанности палача. Может быть, он наконец вслушался в слова Кинеса и уверовал? Кто знает... Но зато хорошо известно и занесено в анналы то, что он сделал. Его звали Улиет, что можно перевести как *«Старший Лиет»*. И вот Улиет сделал три шага и преднамеренно упал на свой собственный нож и так перестал мешать Кинесу — самым радикальным образом. Самоубийство? Многие полагают, что сам Шаи-Хулуд двигал его рукой.

Вот и говори после этого о знамениях свыше...

С этого момента Кинесу было достаточно указать рукой направление и велеть: «Ступайте туда». И все племена фрименов шли, куда он велел. Умирали мужчины, умирали женщины, умирали дети. Но они шли.

Кинес вернулся к своей службе — он вплотную занялся Биологическими Испытательными Станциями. Среди персонала стали появляться фримены. Они начали постепенную инфильтрацию в «систему» — возможность, о которой раньше даже не задумывались. А в сиетчи начала перекочевывать техника со станций — и в первую очередь лучерезы, незаменимые при сооружении подземных водоемов и скрытых ветровых ловушек.

В водоемах начала скапливаться вода.

Фримены понимали теперь, что Кинес был по крайней мере не совсем сумасшедшим. Просто безумным ровно настолько, чтобы быть святым. Он был одним из *у́мма* — пророков. А Улиета признали *са́ду* — его тень причислили к лику небесных судий.

Кинес же — прямой, полный поистине варварской решительности — понимал, что формальные исследования не могут принести ничего по-настоящему нового. Поэтому он начал серию небольших экспериментов с регулярным обменом данными для реализации эффекта Тэнсли и позволил каждой исследовательской группе идти своим путем. Нужно было накопить миллионы внешне незначительных фактов. Сам Кинес проводил время от времени изолированные и достаточно грубые «сквозные» тесты, позволяющие оценить перспективы.

По всей Пустыне отбирались пробы почвы, бурились скважины, изучались долговременные изменения погоды, составлялись климатические карты. Кинес выяснил, что существует достаточно широкий пояс между северной и южной семидесятыми параллелями, где в течение тысячелетий температура держалась в диапазоне 254 — 332 градуса по абсолютной шкале, иначе говоря, от 19 до 59° С. В этом поясе наблюдались длительные периоды сравнительно активной (для Пустыни) вегетации — в это время значения температур колебались от 284 до 302° К, или 11 — 29° С. Поистине благодатные условия для земных форм жизни... если только решить проблему воды.

— Когда мы решим эту проблему? — спрашивали Кинеса фримены. — Когда увидим мы Арракис, ставший раем?

Кинес отвечал им тоном учителя, объясняющего малышу, сколько будет два плюс два: «Через двести—триста лет». Какой-нибудь другой народ при таком ответе, наверное, взвыл бы от разочарования. Но это были фримены, которых плети угнетателей приучили к терпению. Да, это был больший срок, чем тот, на который они рассчитывали, — но каждый из них своими глазами видел, что благословенный день приближается. Так что фримены затянули кушаки и вернулись к работе. Странным образом разочарование сделало перспективу грядущего рая более реальной.

На Арракисе проблемой была не вода, а — влага. Домашних животных тут практически не знали, хозяйственных — держали редко. Некоторые контрабандисты использовали одомашненных пустынных ослов-кулонов, но расход воды на них все-таки был слишком велик, даже несмотря на специальные дистикомбы для животных.

Кинес подумывал о создании заводов-регенераторов, извлекающих кислород и водород из расщепляемых скальных пород. Но эта идея не оправдала бы себя энергетически. В полярных шапках (хотя пейоны возлагали на них большие надежды) не хватило бы воды на осуществление проекта... но Кинес уже подозревал, где вода должна быть. При определенных ветрах на средних высотах отмечалось существенное повышение влажности. Важен был и состав атмосферы: 23% кислорода, 75,4% азота и 0,23% углекислоты, остальное — редкие газы.

В северной умеренной зоне на высоте от двух с половиной тысяч метров встречалось, правда редко, растение с мощным корнем — в его двухметровых корнеклубнях содержалось по полулитру воды. Встречались также и пустынные растения земного происхождения: самые засухостойкие прекрасно чувствовали себя в низинах и впадинах, выложенных влагосборниками.

Наконец Кинес наткнулся на солончак.

Как-то в глубокой Пустыне, на пути от одной станции к другой, его топтер попал в бурю и сбился с курса. А когда буря прошла, Кинес увидел солончак — огромную овальную впадину более трехсот километров по большой оси. Сверкающий белый сюрприз Пустынь. Кинес

спустился, вышел из топтера и лизнул чисто выметенную бурей поверхность.

Соль.

Теперь его предчувствия превратились в уверенность. Когда-то на Арракисе была открытая вода — очень давно. Он начал проверять все свидетельства о сухих колодцах, где появлялись, а затем исчезали навсегда капли и тоненькие струйки воды.

Он приставил к делу только что обученных фрименов-лимнологов*; главной ниточкой для них стали ошметки кожистой ткани, которые часто встречались в меланжевой массе после выброса. Их приписывали «песчаной форели» — существам из фрименских сказок. Постепенно факты складывались в гипотезу о том существе, которому должны были принадлежать эти ткани, — некое «плавающее» в песке животное, которое, блокируя воду, образовывало плодородные «карманы» в нижнем пористом слое почвы при температуре ниже 280 градусов по абсолютной шкале (то есть 7°С). И она подтвердилась.

В каждом выбросе эти «водокрады» умирали миллионами. Их убивали изменения температуры всего в пять градусов. Немногие выжившие впадали в своеобразную полуспячку, закукливаясь в цисте и через шесть лет выходили из нее в виде небольших (около трех метров длиной) песчаных червей. Из этих последних лишь единицы избегали своих старших собратьев и гибели в полных воды карманах премеланжевой массы — и вырастали в гигантских шаи-хулудов. (То, что вода ядовита для шаи-хулуда, фрименам было известно давно, и они пользовались этим: топили редко встречающихся малорослых «чахлых червей» — подвид, обитающий в Малом Эрге, — и получали действующий на психику и восприятие наркотик, называемый ими Водой Жизни. «Чахлый червь» — примитивный подвид шаи-хулуда, достигающий не более девяти метров в длину.)

Так им удалось восстановить весь цикл, всю систему взаимосвязей: «маленький податель», он же «песчаная форель» — премеланжевые массы: «маленький» — шаи-хулуд; шаи-хулуд, рассеивающий Пряность, которой питаются микроскопические существа, известные как песчаный

* Лимнология — дисциплина, изучающая водоемы.

планктон; тот, в свою очередь, служит пищей шаи-хулуда, его организмы растут и уходят все глубже в почву, превращаясь в «маленьких подателей».

Выяснив это, Кинес и его ученики переключили свое внимание с отношений столь гигантского масштаба на микроэкологию. Прежде всего — на проблему микроклимата. На поверхности песка температура зачастую достигала 35° К (71 — 77° С). Футом глубже — и температура падала на 55°, и на 25° на уровне одного фута над поверхностью. Листва или густая тень снижали ее еще на 18°.

Затем они занялись питательными веществами. Как выяснилось, арракийский песок — это в основном продукты пищеварения песчаных червей, а пыль (воистину вечная и вездесущая) — результат непрекращающегося движения песка. Для подветренной стороны дюн оказались характерны более крупные зерна, наветренная же более гладкая и плотно утрамбована ветром. Старые дюны — вследствие окисления, — как правило, желтые, молодые — того же цвета, что и базовая скальная порода, чаще всего серого.

Подветренные склоны дюн стали первыми опытными плантациями. Для начала фримены высаживали низкорослую редкую траву с реснитчатым краем листа и крепкими нитевидными корнями, которые, переплетаясь, образовывали бы дерновое покрытие, связывающее дюны и уничтожающее главное оружие ветра — подвижные песчинки.

На дальнем юге, подальше от харконненских глаз, были созданы акклиматизационные зоны. Мутированную траву высевали сначала по подветренным склонам дюн, стоявших на пути преобладавших — западных — ветров. При закрепленной подветренной стороне наветренная стала быстро нарастать — и с той же скоростью подсаживали траву. Так поднимались высокие — до полутора километров! — длинные дюны с волнистым гребнем, называемые обычно «сифы». И когда наконец барьерные дюны поднялись на нужную высоту, наветренную сторону засеяли еще более упрямой и крепкой травой с гладкими острыми листьями, известной как «меч-трава». Так были закреплены все сифы — дюны, чье основание превышало шесть высот.

Пришел черед более глубоких посадок. Сначала они высаживали эфемеры (камнеломки, маревые и амарант),

затем шотландский ракитник, низкорослый люпин, стелющийся эвкалипт (этот вид первоначально был выведен для северных районов Каладана), карликовый тамариск и цепкую, или береговую, сосну; наконец, чисто пустынные растения — канделлиллу, или «пустынную свечку», сагуаро и бис-нага, или бутылочный кактус. Там, где было возможно, посадили еще и солончаковую верблюжью полынь, дикий лук, гобийский ковыль, дикую люцерну, пырей, песчаную вербену, вечерний первоцвет, ладанник, дымное дерево, креозотовый куст.

После этого можно было обратиться и к животному миру, прежде всего к норным — их задачей было насытить почву азотом и разрыхлить ее: лисица-фенек, кенгуровая мышь или песчаный тушканчик, пустынный заяц, песчаная черепаха... и, разумеется, для контроля численности популяции требовались хищники: пустынный ястреб, карликовая сова, филин и пустынная сова; свободные экологические ниши заняли насекомые: скорпионы, сороконожки, тарантул, кусачая оса и наездники. Численность насекомых регулировала летучая мышь — пустынный нетопырь.

И вот подошло время решающих испытаний. Финиковые пальмы и хлопок, дыни и кофе, различные лекарственные растения — более двухсот видов съедобных растений было отобрано, испытано и адаптировано к условиям Арракиса.

— Главное, чего не понимают экологически неграмотные люди, — говорил Кинес, — это то, что экосистема есть прежде всего *система*. Система! Она находится в состоянии подвижного равновесия, которое легко разрушить ошибкой всего лишь в одной нише. Для системы характерен определенный порядок, который можно представить как поток, движение от точки к точке. И если что-то блокирует этот поток — порядок в системе нарушается. Неподготовленные экологически могут не заметить этот момент, пока не станет слишком поздно... Вот почему главная задача экологии — оценка возможных последствий.

А они — сумели ли они создать систему?

Кинес и его люди ждали и наблюдали. Теперь фримены понимали, что́ он имел в виду, говоря о «неопределенных сроках, примерно лет в пятьсот».

В это время поступило известие из пальмовых рощ: на границе посадок и Пустыни песчаный планктон погибает, отравленный взаимодействием с новыми формами жизни. Причина — белковая несовместимость. В этих местах возникает отравленная вода, которой не может коснуться жизнь Арракиса. Вокруг посадок возникают пустоши — и даже сам шаи-хулуд не смеет пересекать эти отравленные пояса.

Кинес отправился в пальмовые рощи лично — за два десятка манков (в паланкине, точно раненый или Преподобная Мать, потому что так и не стал наездником). Он исследовал пустоши (а они, надо сказать, воняли неописуемо) и понял, что Арракис преподнес нежданный дар.

Связанный азот и сера, поступившие в грунт, превращали пустоши в почти идеальную почву для земных форм растительной жизни. А это означало, что посадки можно расширить в любой момент!

— Может, это позволит сократить сроки? — спросили его фримены.

Кинес вернулся к своим формулам. К этому времени статистика по ветровым ловушкам накопилась вполне достаточная, и цифры были надежны. Разумеется, Кинес делал щедрые допуски, всюду накидывая дополнительное время, — экология не слишком точная наука. Столько-то растений потребуется для закрепления дюн; столько-то — в пищу людям и животным; столько-то — чтобы запасали влагу в корневой системе, оживляя выжженные солнцем земли. Нанесли на карты подвижные холодные точки в открытой Пустыне. Даже шаи-хулудам нашлось место в таблицах, картах, диаграммах и схемах! Ведь шаи-хулуда нельзя уничтожать, иначе исчезнет главное богатство Арракиса — Пряность. А биохимическая «фабрика» червя, его пищеварительная система, в свою очередь, — основной источник кислорода на планете. Средний червь, метров двухсот в длину, выделяет в атмосферу столько же кислорода, сколько десять квадратных километров среднестатистической растительности, создающей его путем фотосинтеза!

Нельзя было исключать из расчетов и Гильдию. Ведь на подкуп ее — чтобы не допустить в арракийское небо по-

годные спутники и прочих наблюдателей — уже требовалось весьма существенное количество Пряности.

Наконец, сами фримены — фримены с их ветровыми ловушками и нерегулярным земледелием вблизи источников воды; фримены, обретшие экологическую грамотность и мечту о превращении значительной части планеты сперва в прерии, а затем и в леса!..

И вот из расчетов и диаграмм встала цифра: три процента. Всего три процента растительности необходимо было вовлечь в образование соединений углерода, чтобы они создали самоподдерживающийся цикл. Систему.

— Так как долго все-таки? — настаивали фримены.

— А, сроки?.. Пустяк: всего лет триста пятьдесят или около того.

Итак, дело обстояло именно так, как этот умма говорил с самого начала: никто из живущих ныне не застанет исполнения их мечты и никто из их внуков — и из потомков до восьмого колена... но время придет.

И работа продолжалась: они строили, сажали, копали, учили детей.

Но вот Кинес-Умма погиб при обвале пещеры в Гипсовой Котловине.

К этому времени его сыну, Лиет-Кинесу, было уже девятнадцать лет, и он уже был наездником, и число убитых им людей Харконненов перевалило за сотню. Назначение Лиета на имперскую государственную службу, о котором Кинес-старший уже ходатайствовал, не заставило себя долго ждать: жесткая классовая система, фафрелах, сослужила свою службу, ибо ее основная идея и заключалась в том, чтобы готовить сына как преемника дела и места отца.

Курс к этому времени был уже задан, фримены, воспринявшие свет экологического учения, готовы следовать ему. Лиет-Кинесу оставалось лишь наблюдать, иногда слегка подталкивать, да еще вести разведку в стане Харконненов... пока на планету не обрушился удел стать местом действий Героя.

II. РЕЛИГИЯ ДЮНЫ

До прихода Муад'Диба арракийские фримены исповедовали религию, которая, как очевидно для любого исследователя, напрямую происходит от Маомет-Саари. Многие, впрочем, указывают на значительные заимствования и из других религий. Наиболее часто в качестве примера приводят Гимн Воде, полностью взятый из Экуменического Служебника и обращенный к дождевым облакам, которых никогда не знал Арракис. Но еще более глубокая (а не чисто внешняя) связь прослеживается при сравнении фрименской книги Китаб аль-Ибар и учений Экуменической Библии — Илм и Фикх.

Всякий сравнительный анализ верований, игравших доминирующую роль в Империи до прихода Муад'Диба, должен начинаться с рассмотрения основных источников и сил, сформировавших таковые верования. Это:

1. Последователи Четырнадцати Мудрых, чьим Писанием стала Экуменическая Библия и чьи взгляды нашли выражение в Комментариях и другой литературе, ставшей плодом деятельности Комиссии Переводчиков-Экуменистов (сокращенно КПЭ).

2. Разумеется, Бене Гессерит. Обычно они отрицали, что являлись религиозным орденом, однако действовали за почти непроницаемой завесой ритуального мистицизма, а их система обучения по своей символике, организации и методам была исключительно религиозна.

3. Агностически ориентированный правящий класс (включая сюда и Гильдию Космогации), для которого религия всегда была чем-то вроде кукольного театра — чтобы развлекать публику и держать ее в узде, — и кото-

рый полагал, что все и всякие явления, не исключая и явления религиозные, можно, в сущности, свести к объяснениям механистического плана.

4. Так называемые Древние Учения — включая все, сохраненные Странниками Дзенсунни Первого, Второго и Третьего исламских движений; а также новохристианство Чусука, буддислам в тех разновидностях, которые доминировали на Ланкивейле и Сийкуне, «Книги Сочетаний» Махаяны Ланкаватары, Дзен-хекиганьшу с Дельты Павлина III, Тавра и Талмуд-Забур, уцелевшие на Салусе Секундус, широко распространившаяся церковь обряда Обейах, Муаддийский Коран с его неискаженными Илмом и Фикхом, сохранившийся среди рисоводов Каладана, возделывающих знаменитый пунди; островки индуизма, рассеянные по всей Вселенной (в основном среди изолированных групп пейонов); и, наконец, Джихад Слуг.

Есть и пятая сила, сформировавшая религиозные течения рассматриваемого периода, но воздействие ее так значительно и так универсально, что силу эту следует выделить особо.

Разумеется, речь идет о таком явлении, как космические путешествия, — а когда мы говорим о религии, эти слова заслуживают того, чтобы их написать так:

КОСМИЧЕСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ!

Продвижение человечества в Глубокий Космос за одиннадцать тысячелетий, предшествовавших Джихаду Слуг, оставило совершенно особый отпечаток на религии. Во-первых, ранние космические путешествия, будучи уже повсеместными, тем не менее оставались весьма нерегулярными, медленными и ненадежными, а до появления монополии Гильдии и средства их были многообразны и пестры. Первые сведения и впечатления, чрезвычайно искаженные в передаче и пересказе, послужили богатейшим источником мистических спекуляций.

Космические путешествия придали совершенно новый аспект представлениям о сотворении мира и всем креационным мифам, которые внезапно приобрели несколько иной смысл. Даже наивысшие достижения религиозной мысли той эпохи отразили эту смену угла зрения: ощу-

щение сакральности оказалось затронуто анархией, порожденной хаосом внешней, кромешной тьмы.

Казалось, Юпитер и все его потомки отступили в породившую их тьму, уступив имманентной женской сущности — неясной, двусмысленной, с ужасающим ликом.

Древние формулы сплетались, сливались, пытаясь приспособиться к требованиям эпохи новых завоеваний — эпохи новой конкисты и новых геральдических символов. То было время борьбы между звероподобными демонами — и старинными молитвами и заклятиями.

Но ясность, которая разрешила бы эти сомнения, все не приходила.

В этот период, говорят, и переписали заново Книгу Бытия, притом позволив себе так изложить слова Господа: «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте Вселенную, и обладайте ею, и владычествуйте над *всякими странными созданиями и над тварями живыми во всех бесчисленных землях и за пределами их*».

То было время колдуний, и сила их была реальной. Меру этой силы доказывало уже то, что они никогда не хвастались, как сумели подхватить факел...

А затем пришел Джихад Слуг, Великий Джихад. Два поколения хаоса. Божество машинной логики было ниспровержено, и массами завладела новая догма:

«Человек да не будет ничем подменен».

Эти два поколения борьбы и насилия стали для человечества временем прозрения. Люди обратились к своим богам и обрядам и увидели, что как первые, так и вторые преисполнены духом самой ужасной формулы, соединившей страх — и гордыню.

Не без труда преодолев колебания, религиозные вожди (чьи последователи успели пролить кровь миллиардов) начали встречаться, обмениваться мнениями. Гильдия Космогации, уже начавшая создавать свою гигантскую монополию космических перевозок, поощряла эти встречи — как и Бене Гессерит, таинственный орден, объединивший колдуний.

Уже эти первые межконфессиональные встречи принесли два важных результата:

1) было признано, что все религии имеют по меньшей мере одну общую заповедь, а именно: «Не искажай душу»;

2) была сформирована Комиссия Переводчиков-Экуменистов.

КПЭ собиралась на каком-то нейтральном острове на Старой Земле, родине всех старых религий. Их объединяла «общая вера в присутствие во Вселенной Божественной Сущности». Здесь встретились представители всех религий, насчитывающие более миллиона последователей. С поразительной быстротой они выработали заявление об общей цели:

«Мы собрались здесь, чтобы вырвать из рук соперничающих религий их главное оружие — претензию на монопольное обладание единственным Откровением».

Правда, радость по поводу этого «знака всеобщего согласия» оказалась несколько преждевременной. За целый стандартный год — и даже дольше — названное заявление было единственным проявлением деятельности КПЭ. Люди с горечью говорили об их медлительности. Трубадуры сочиняли едкие насмешливые песенки о ста двадцати одном «старом придурке», как прозвали делегатов КПЭ. (Прозвище образовалось из грубовато-шутливой расшифровки аббревиатуры «команда придурков-эпикурейцев».) Одна из таких песенок, время от времени вновь входящая в моду, популярна и по сей день. Это «Бесплодные раздумья, безмятежность»:

Представьте тихий сон —
Бесплодные раздумья, безмятежность —
И —
Трагедия, трагедия придурков:
Придурки спят уже который день —
Им лень.
Так лень — так лень...
Но пробил час,
И слышен новый глас:
Проспали вы — грядет
Господь наш — Бутерброд,
Сандвич!

Время от времени из КПЭ просачивались слухи. Говорили, что Комиссия занимается сравнительным изучением священных текстов, а безответственные болтуны

даже называли изучаемые писания. Эти слухи неизбежно провоцировали антиэкуменистские выступления (даже бунты!) и, разумеется, порождали новые остроты в адрес КПЭ.

Прошло два года. Три.

Члены Комиссии (к тому времени девять членов из ее первоначального состава умерли и были заменены новыми) сделали перерыв — формально, чтобы утвердить новых членов; тогда же они наконец объявили, что работают над созданием единого писания, очищая его от «всех патологических симптомов религий прошлого».

«Мы создаем инструмент любви, на котором смогут играть все — и который будет играть для всех».

Многим кажется странным, что именно это заявление спровоцировало самые яростные вспышки насилия. Двадцать делегатов были отозваны пославшими их конгрегациями. Один даже совершил самоубийство — угнал космический фрегат и бросился на нем в Солнце.

Религиозные бунты, по оценкам историков, унесли восемьдесят миллионов жизней. Иначе говоря, в среднем по шесть тысяч на каждый из миров, входивших тогда в Ландсраад-Лигу. Учитывая, какими беспокойными были те времена, такая оценка вряд ли завышена; однако любые претензии на какую-либо точность остаются не более чем претензиями. Связь между мирами в то время переживала спад, один из сильнейших за все время ее истории.

Само собой, трубадуры не упускали момент. В популярной оперетке тех дней был выведен делегат КПЭ. Сидя под пальмой на белом песочке пляжа, «придурок» пел:

Для Бога, для женщин, для чуда любви
Мы здесь отдыхаем, оставив заботы и страхи!
Так спой, трубадур, нам новую песню —
Для Бога, для женщин, для чуда любви.

И бунты, и комедия эта были знаками времени, симптомами, и весьма красноречивыми. Они выдают психологический настрой, глубокую неуверенность... и стремление к чему-то лучшему, и страх, что ничего не выйдет.

Заслонами на пути анархии тогда стояли прежде всего зарождающаяся Гильдия, Бене Гессерит и Ландсраад — последний продолжал собираться, не прерывая, несмотря на столь серьезные препятствия, двухтысячелетнюю традицию. Роль Гильдии ясна: она обеспечивала транспортом как Ландсраад, так и КПЭ. С Бене Гессерит ясности меньше. Достоверно известно, что в этот период они объединялись, забирали под свою руку колдуний, изучали свойства наркотических веществ, развивали технику прана-бинду и создавали Миссионарию Протектива — свою «черную руку», вооруженную предрассудками. Но в этот же период была написана знаменитая Литания Против Страха, составлена Книга Азхар — библиографическое чудо, сохранившее великие таинства древнейших религий.

Комментарий Ингсли, — пожалуй, единственно верные слова, которыми можно охарактеризовать ту эпоху: «То было время глубочайших парадоксов».

Около семи лет КПЭ усердно работала. Незадолго до седьмой годовщины своего основания они начали готовить человечество к важнейшему известию, можно сказать, откровению; и в день годовщины народам была явлена Экуменическая Библия.

«Вот, — сказали делегаты КПЭ, — писание, исполненное достоинства и значительности. Вот путь, следуя которым человечество осознает себя единым творением Божиим».

КПЭистов называли «археологами идей», вдохновленных Богом на величественное повторное открытие. Говорили, что они «вновь открыли свету полные жизненной силы великие идеи, долго погребенные под прахом веков», что они «оживили моральные императивы религиозного сознания».

Кроме Экуменической Библии, КПЭ создала «Литургический Служебник» и «Комментарии» — во многих отношениях произведение даже более замечательное, и не только в силу краткости («Комментарии» вдвое короче Экуменической Библии), но также в силу своей искренности, чистоты, замечательного сочетания самоуничижения и чувства своей правоты.

Начало «Комментариев», как ясно видно, обращено к агностически настроенным правителям:

«Люди, не находя ответов на сунны (десять тысяч священных вопросов в Шари-а), теперь обратились к своему разуму. Всякий ищет просветления. Религия — лишь древнейший и наиболее достойный путь из всех, на которых человек искал объяснения сотворенной Богом Вселенной. Ученые ищут законы, движущие событиями, строят упорядоченную и закономерную картину мира; задача религии — найти место Человека в этой картине».

В заключительной части, впрочем, «Комментарии» приобретают куда более резкий тон — вполне возможно, предопределивший их судьбу:

«Многое из того, что прежде называлось религией, несло бессознательно враждебное отношение к жизни. Истинная же религия должна проповедовать, что жизнь полна радостей, услаждающих взор Господа, и что знание без действия — пусто. Все люди должны увидеть, что механическое заучивание канонов и правил есть по сути своей обман. Истинное учение узнать легко; вы узнаете его безошибочно, ибо истинное учение пробуждает в вас нечто, которое скажет: «Ведь я знал это всю свою жизнь...»

Работали печатные машины, и импринтеры безостановочно наматывали ролики шигакорда; Экуменическая Библия распространялась по обитаемым мирам; и странное спокойствие воцарилось в то время повсюду. Многие называли это спокойствие знамением свыше, знаком единения.

Однако судьба самих делегатов КПЭ показала, каким обманчивым оно было. По возвращении в свои конгрегации восемнадцать делегатов подверглись линчеванию в первые два месяца, а пятьдесят три, не прошло и года, публично отреклись от экуменизма.

Экуменическую Библию назвали «порождением гордыни разума». Утверждалось, что тексты ее преисполнены соблазна логики. Стали появляться ревизованные версии, стремящиеся угодить фанатикам. Эти версии опирались на привычную символику (Крест, Полумесяц, погремушка с перьями, Двенадцать Святых, Худой Будда и прочее) — и вскоре стало ясно, что новый экуменизм не сумел вобрать в себя древние верования и предрассудки.

Хэллоуэй назвал идеологию, выработанную за семь лет Комиссией Переводчиков-Экуменистов, «галактофазический полидетерминизм»; массы охотно подхватили термин,

причем расшифровывали аббревиатуру ГП как «Господом проклятые».

Председатель КПЭ Тоуре Бомоко, Улем всех дзенсуннитов, один из четырнадцати делегатов, так и не отрекшихся от экуменизма (они вошли в историю как «Четырнадцать Мудрых»), признал наконец, что КПЭ совершила ошибку.

«Нам не следовало пытаться создать новые символы, — сказал Бомоко. — Нам надо было понять, что нельзя вносить неопределенность в общепринятые верования и возбуждать любопытство относительно Бога. В повседневной жизни нас окружает нестабильность всего человеческого — но мы позволяем нашим религиям становиться все более жесткими, подавляющими, все сильнее служим конформизму. Но что за тень легла на пути божественных заповедей? Это — предостережение, напоминание о том, что старые институты религии сохраняются, как сохраняются и владеют душами старые символы, хотя смысл и содержание их давно потеряны, и что нельзя просто механически сложить вместе все известные знания и верования».

Горечь этого «признания» не ускользнула от противников Бомоко, и вскоре он был вынужден бежать, доверив свою жизнь Гильдии, поклявшейся держать в тайне место его изгнания. Говорят, что Бомоко скончался на Тупайле, где пользовался уважением и любовью. Перед смертью он сказал: «Религия должна оставаться прибежищем для людей, говорящих себе: *«Я не таков, каким хотел бы быть»*.

Приятно сознавать, что Бомоко чувствовал пророческий смысл своих слов — «институты религии сохраняются». Девяносто поколений спустя Экуменическая Библия и «Комментарии» распространились по всей верующей Вселенной.

...Когда Пауль Муад'Диб стоял, положив правую руку на усыпальницу Головы Лето — высеченную в камне раку, где хранился череп его отца (правую, благословенную и благословляющую руку, а не левую, насылающую проклятия), — он слово в слово процитировал слова из «Наследия Бомоко»:

«Вы, победившие нас, говорите себе, что пал Вавилон и разрушено сотворенное им; но говорю я вам, что каждого человека ждет суд и каждый ответит за себя. Ибо каж-

дый человек есть малая война, в каждом идет сражение добра и зла».

Фримены говорят о Муад'Дибе, что он был подобен Абу-Зайду, чей фрегат посрамил саму Гильдию, в один день совершив путешествие *туда* и обратно. Причем «туда», в данном контексте переводится как термин фрименской мифологии, обозначающий мир духа «рух», как Алам аль-Митхаль, мир, где не действуют физические ограничения и все возможно.

И тут мы ясно видим параллель между только что сказанным и идеей Квисатц Хадераха. Сам термин «Квисатц Хадерах» (создать которого при помощи генетической программы стремился орден Бене Гессерит) означает «Сокращающий Путь» — или «Тот, Который может быть во многих местах сразу».

Но можно показать, что как та, так и другая интерпретации термина восходят к словам «Комментариев»: «Когда закон и религиозный долг сливаются воедино, твое «я» объемлет всю Вселенную».

Сам Муад'Диб говорил о себе: *«Я — сеть в море времени, ловящая и в прошлом, и в будущем. Я — движущийся тенет, от которого не уйдет никакая вероятность».*

Эти мысли суть одно, и они же звучат в Двадцать второй Калиме Экуменической Библии: «Произнесена мысль или нет — она реальна и обладает силой реальности».

Когда же мы обращаемся к собственным комментариям Муад'Диба в «Столпах Вселенной» (в интерпретации его святых последователей, Квизара Тафвид), мы видим, сколь многим обязан Муад'Диб Комиссии Переводчиков-Экуменистов и Фрименскому Дзенсуннизму.

Муад'Диб: *«Закон и долг суть одно; да будет так. Помните, однако, об ограничениях, налагаемых этим правилом: пока вы следуете ему, вы не вполне обладаете самосознанием; вы остаетесь погруженными в тау общины; вы — меньше, чем личность».*

Экуменическая Библия: идентичный текст («Шестьдесят Одно Откровение»).

Муад'Диб: *«Вера, религия часто черпает из мифа о прогрессе, защищающем нас от неуверенности, от неопределенности грядущего».*

«Комментарии» КПЭ: идентичный текст (а Книга Азхар говорит, что этот текст принадлежит религиозному автору первого века, некоему Нишоу, или Ницшоу, вернее, является парафразом его высказывания).

Муад'Диб: *«Если дитя, или человек неподготовленный, или невежда, или безумец причиняет вред, то вина ложится на тех, кто имеет власть над ними, ибо они не предвидели и не предотвратили этот вред».*

Экуменическая Библия: «Вина за всякий грех, хотя бы частично, может быть возложена на природное зло, на оправдывающие грешника внешние обстоятельства, приемлемые Богом» (Книга Азхар возводит эту мысль к Торе древних евреев).

Муад'Диб: *«Простри руку свою, и прими и яди данное тебе Господом; и когда насытишься, то славь Господа».*

Экуменическая Библия: та же мысль, но в других выражениях (в этом случае Книга Азхар относит это высказывание, правда, в несколько иной форме, к писаниям Первого Ислама).

Муад'Диб: *«Доброта — начало жестокости».*

Фрименская Китаб аль-Ибар: «Ужасен в доброте своей Господь, и тяжка десница Его. Не Он ли дал нам Солнце палящее (Ал-Лат)? Не Он ли поставил Матерей Власти (Преподобных Матерей)? Не Он ли дал силу Шайтану (Сатане, Иблису)? И разве не получили мы от Шайтана вредоносную торопливость?»

(Именно отсюда происходит фрименское присловье: «Поспешность — дочь Шайтана». В самом деле, на каждую сотню калорий тепла, выработанных физической нагрузкой («торопливостью»), тело испаряет до шести унций влаги. Фрименское слово, обозначающее пот или слезы, — «бакка» — в одном из вариантов может быть переведено как «жизненная сущность, которую Шайтан выжимает из твоей души».)

Конивелл называет приход Муад'Диба «религиозно своевременным» — но время здесь, в сущности, ни при чем. Как сказал сам Муад'Диб: *«Я — здесь, поэтому...»*

Однако для понимания религиозного влияния Муад'Диба крайне важно не упускать из виду следующее обстоятельство: фримены были тогда жителями Пустыни, и вся

их наследственность была приспособлена к враждебным человеку условиям. Нетрудно стать мистиком, если каждую секунду приходится бороться за выживание, преодолевая открытую враждебность окружения. «Вы — здесь; поэтому...»

При такой традиции страдание принимается человеком — быть может, как неосознаваемое наказание, но принимается. Надо отметить при этом, что фрименские обряды дают почти полное освобождение от чувства вины. Это необходимость — для фременов закон и религия неразрывны, так что неповиновение закону — грех. Таким образом, вернее будет сказать, что фримены легко очищались от чувства вины, потому что их повседневная жизнь требовала жестоких (часто — смертельных) решений; решений, которые в другом, более мягком мире отяготили бы человека невыносимо тяжкой виной.

В этом, вероятно, одна из причин тяготения фременов к суеверию (не считая деятельности Миссионарии Протектива). Почему свистящие пески — дурное предзнаменование? Почему, увидев Первую Луну, надо поднять кулак?.. Плоть принадлежит человеку, но его вода — собственность всего племени; и тайна жизни, тайна бытия — это не загадка, требующая решения, а реальность, которую надо пережить. Знаки и знамения позволяют не забывать об этом. И потому, что ты — здесь, потому, что ты исповедуешь *эту* религию, победа в конце концов не ускользнет от тебя.

Как веками учили сестры Бене Гессерит (до того как орден с позором отступил перед фременами):

Когда религия и политика едут в одной колеснице, которой правит живой святой (барака), ничто не устоит на их пути.

III. ДОКЛАД О МОТИВАХ И ЦЕЛЯХ БЕНЕ ГЕССЕРИТ

(Ниже приводится выборка по сводному докладу, подготовленному агентами леди Джессики немедленно после аракийских событий. Беспристрастное изложение намного увеличивает ценность доклада.)

Поскольку Бене Гессерит в течение многих веков действовали под маской полумистической школы, занимаясь селективно-генетической программой, мы привыкли придавать ордену куда большее значение, чем он того заслуживает. Анализ собственного «расследования факта» по аракийским событиям выдает глубокое неведение и непонимание орденом его собственной роли.

Можно возразить, что Бене Гессерит могли изучать лишь доступные им факты и не имели возможности исследовать личность Пророка Муад'Диба. Однако ордену приходилось преодолевать за свою историю и куда большие препятствия, и тем серьезнее их ошибка.

Генетическая программа Бене Гессерит имела целью выведение человека, называемого ими «Квисатц Хадерах», — термин, означающий «Тот, Кто может быть одновременно во многих местах». Говоря проще, им нужен был человек, чей разум позволил бы понимать и использовать измерения высшего порядка. Они хотели создать суперментата, живой компьютер, наделенный пророческими способностями подобно Гильд-навигаторам. Теперь заметьте следующее:

Муад'Диб, урожденный Пауль Атрейдес, был сыном герцога Лето — за этой генетической линией тщательно следили больше тысячи лет. Мать Пророка, леди Джесси-

ка, побочная дочь барона Владимира Харконнена, несла в себе гены, первостепенная ценность которых для названной программы была известна более двух тысяч лет. Гессе́ритка по рождению и воспитанию, Джессика должна была стать *заинтересованным инструментом* проекта.

Ей приказали родить Атрейдесу дочь. План предусматривал инбридинг, соединяющий гены этой будущей дочери с генами племянника барона Владимира — Фейд-Раутой. Вероятность получения Квисатц Хадераха от этого брака была весьма высока. Однако наложница герцога нарушила приказ (по причинам, которых, как она утверждает, до конца не поняла и сама) и понесла сына.

Уже это должно было насторожить Бене Гессерит, предупредить орден о вероятности появления в схеме непредусмотренной случайной переменной. Но Бене Гессерит проигнорировал это предупреждение, как и другие, куда более значительные признаки:

1. Уже в юности Пауль Атрейдес демонстрировал способность предвидеть будущее. Его пророческие видения отличались точностью и глубиной и никак не могли быть объяснены привлечением четвертого измерения.

2. Преподобная Мать Гайя-Елена Мохийам, Проктор Бене Гессерит, испытывавшая человеческую сущность Пауля, когда ему было пятнадцать лет, засвидетельствовала, что он преодолел боль намного более сильную, чем любой другой из всех тех, отчеты об испытании которых хранились в ордене. И тем не менее она почему-то не выделила этот факт в своем докладе!

3. Когда Дом Атрейдес прибыл на Арракис, фрименское население приветствовало юного Пауля как Пророка, «Глас из иного мира». Бене Гессерит было прекрасно известно о том, насколько суров Арракис с его бесконечной Пустыней, полным отсутствием открытой воды, с подчеркнуто урезанными, примитивными потребностями — только чтобы выжить; и о том, что такие условия неизбежно приводят к появлению большого числа сенситивов — людей с обостренным восприятием. Но как реакция фрименов на Пауля, так и такой совершенно, казалось бы, очевидный элемент, как насыщенная Пряностью арракийская пища, тоже были упущены наблюдателями Бене Гессерит.

4. Когда Харконнены и солдаты-фанатики Падишах-Императора вновь заняли Арракис, убили отца Пауля и истребили почти все силы Дома Атрейдес, а Пауль и его мать исчезли, — почти сразу начали поступать донесения о появлении среди фременов нового религиозного лидера, человека по имени Муад'Диб, причем и его тоже называли «гласом из иного (или внешнего) мира». В тех же докладах ясно указывалось, что ему сопутствует некая новая Преподобная Мать-Сайядина, и она — «женщина, давшая ему жизнь». Имевшиеся в распоряжении Бене Гессерит тексты ясно указывали, что во фременских легендах о пришествии Пророка говорится: «И рожден он будет ведьмой Бене Гессерит».

(Конечно, еще за несколько столетий до того Бене Гессерит направили агентов Миссионарии Протектива на Арракис — внедрить в тамошние верования нечто именно в этом роде, на тот случай, если кто-то из Бене Гессерит будет нуждаться здесь в защите и убежище, и потому те, кто игнорировал легенду о «гласе из иного мира», поступили правильно: это был типичный, стандартный образчик «паноплиа профетикус». Однако это возражение справедливо лишь в том случае, если Бене Гессерит были правы, отвергая и все прочие свидетельства, относящиеся к личности Пауля Муад'Диба.)

5. Когда разгорелись арракийские события, Гильдия Космогации несколько раз обращалась к Бене Гессерит. Гильдия давала понять, что ее навигаторы, использующие «арракийское зелье» — меланжу — для развития ограниченных способностей к предсказанию, необходимых тем, кто ведет корабли в океане пустоты... так вот, Гильд-навигаторы были обеспокоены перспективой и видели «проблемы на горизонте». Сие могло означать только, что Гильдия видела впереди некий узел, где переплетались бесчисленные варианты решений — и за этим временны́м сплетением от взора провидцев Гильдии были сокрыты пути. Уж *это-то* было абсолютно недвусмысленным свидетельством чьего-то вмешательства на уровне измерений высшего порядка!

(Некоторые из Бене Гессерит давно догадывались, что Гильдия не может прямо вмешиваться в дела, связанные с жизненно необходимым для нее источником Пряности,

поскольку Гильд-навигаторы уже в меру своих скромных способностей пытались работать с измерениями высшего порядка... и продвинулись в этом достаточно далеко, по крайней мере чтобы понять: малейший неверный шаг на Арракисе обернется для них катастрофой. Гильд-навигаторы не в состоянии были предсказать какой-либо путь, который бы позволил Гильдии взять контроль над Пряностью и не привел бы при этом к образованию такого же вероятностного узла. Очевиднее всего было бы заключить, что некие силы высшего уровня как раз и *берут* контроль над источником Пряности... но и *теперь* Бене Гессерит умудрились ничего не заметить и не понять!)

Перед лицом этих фактов мы неизбежно приходим к выводу о том, что удивительно неэффективные действия Бене Гессерит стали результатом действий на более высоком уровне, о котором Бене Гессерит и не подозревали!

IV. ПЕРСОНАЛИЯ:

Альманах Эн-Ашраф
(Избранные отрывки о Великих Домах)

Шаддам IV (10134—10202) — Падишах-Император, восемьдесят первый в роду (Дом Коррино), занимавший Золотой Львиный Престол, правил с 10156 (год, в который его отец, Элруд IX, пал жертвой чаумуркй) до 10196 г., когда было установлено регентство с номинальным переходом власти к дочери Шаддама IV, Ирулан. Правление Шаддама IV вошло в историю главным образом благодаря Арракийскому Восстанию, вину за которое многие историки возлагают на безответственное отношение Шаддама IV к своим обязанностям и чрезмерную пышность его двора... Так, ряды бурсегов за первые шестнадцать лет его правления удвоились. В то же время ассигнования на подготовку сардаукаров неуклонно сокращались в течение трех десятилетий, предшествовавших Арракийскому Восстанию. У Шаддама IV было пять дочерей (Ирулан, Чалиса, Венсиция, Джосифа и Руги), но ни одного законного сына. Четыре дочери сопровождали его в изгнании. Его жена, Анирул, дочь Бене Гессерит Сокрытого Чина, скончалась в 10176 г.

Лето Атрейдес (10140—10191) — кузэн Дома Коррино по женской линии; часто упоминается как «Красный Герцог». Дом Атрейдес правил Каладаном по сиридарскому лену, пока не был вынужден перейти на Арракис. Лето Атрейдес более известен как отец герцога Пауля Муад'-Диба, Уммы-регента. Останки герцога Лето покоятся в «Усыпальнице Головы Лето» на Арракисе. Его убийство обычно приписывается предательству врача Суккской

Школы, вина за которое возлагается на сиридар-барона Владимира Харконнена.

Леди Джессика (10154—10256), член Дома Атрейдес на правах официальной наложницы герцога Лето — побочная дочь сиридар-барона Владимира Харконенна (как результат генетической программы Бене Гессерит). Мать герцога Пауля Муад'Диба. Закончила Школу Бене Гессерит на Валлахе IX.

Леди Алия Атрейдес (род. 10194) — законная дочь герцога Лето Атрейдеса и его официальной наложницы леди Джессики. Леди Алия была рождена на Арракисе примерно через восемь месяцев после гибели герцога Лето. Из-за пренатального (то есть произошедшего до рождения) воздействия наркотика группы ментафорсеров — «яда откровения», или Воды Жизни, — в Бене Гессерит известна как «Про́клятая». В историю леди Алия вошла как Святая Алия (или Святая Алия, Дева Ножа). Подробно историю леди Алии см. в книге Пандера Оулсона «Святая Алия, Охотница Миллиарда Миров».

Владимир Харконнен (10110—10193) — обычно упоминается просто как барон Харконнен. Официальный титул — сиридар-барон (то есть барон-правитель планеты). Владимир Харконнен — прямой потомок по мужской линии башара Абулурда Харконенна, изгнанного за трусость после Битвы за Коррин. Возвращение Дома Харконнен к власти обычно связывается с ловкими действиями на рынке китовой шерсти и позднее с использованием меланжевых богатств Аракиса. Сиридар-барон умер на Арракисе во время Арракийского Восстания. На весьма непродолжительное время титул перешел к на-барону Фейд-Рауте Харконнену.

Граф Хасимир Фенринг (10133—10225) — кузэн Дома Коррино по женской линии, друг детства Шаддама IV. (Часто критикуемая «История Коррино — история пиратов» сообщает, что именно граф Фенринг помог с помощью чаумурки избавиться от Элруда IX.) Все источники соглашаются с тем, что Фенринг был самым близким другом Шаддама IV. Деятельность графа Фенринга на имперской службе включала в себя функции Имперского

Агента на Арракисе во время правления там Харконненов; позже — сиридар-абсентиа (то есть правителя, не живущего на планете) Каладана. Присоединился к Шаддаму IV в его изгнании на Салусе Секундус.

Граф Глоссу Раббан (10132—10193) — граф Ланкивейльский, старший племянник Владимира Харконнена. Как и Фейд-Раута, Раббан (принявший фамилию Харконнен, будучи призван ко двору сиридар-барона), законный сын младшего из полубратьев сиридар-барона Абулурда. Абулурд отказался от фамилии Харконнен и всех соответствующих прав, приняв титул графа, когда ему было передано губернаторство субдистрикта Раббан-Ланкивейль. Раббан — имя по женской линии.

КАРТОГРАФИЯ АРРАКИСА (ДЮНЫ).

Выдержки

Отсчет широты — от меридиана Наблюдательной Горы.

Отсчет высоты — от среднего уровня Великого Бледа (Пустыни).

Полярная Впадина — 500 м ниже уровня Бледа.

Карфаг — город ок. 200 км к северо-востоку от Арракина.

Великий Блед (от арабск. «биляд» — «страна») — открытая плоскорельефная пустыня (в отличие от эргов — дюнных районов). Раскинулась от 60° с.ш. до 70° ю.ш. Состоит в основном из песчаных и скальных районов. Встречаются участки поднятого и обнаженного скального основания.

Великая Равнина — обширная впадина (скальные породы), постепенно сливающаяся с районами эргов. Около 100 м выше уровня Бледа. Именно на Великой Равнине находится Соляная Котловина, открытая Пардотом Кинесом (отцом Лиет-Кинеса). Встречаются скальные участки, поднятые на высоту до 200 м (южнее сиетча Табра — между ним и обозначенными на карте сиетчами).

Перевал Харг — известен стоящей над ним Усыпальницей Головы Лето (под курганом в высеченной в скале раке сохраняется череп отца Муад'Диба, герцога Лето).

Старое Ущелье, или Старый Разлом — ущелье в Аракийской Барьерной Стене (до 2240 м, взорвано Паулем-Муад'Дибом при штурме Арракина).

Южные Пальмовые Рощи — на этой карте не указаны (ок. 40° ю.ш.).

Красный Провал — 1582 м ниже уровня Бледа.

Ветровой Перевал — проход в скалах, открывающийся в район впадинных деревень.

Венцовая Стена — гребень Барьерной Стены, ее второй ярус.

Граница Червя — условная линия, ограничивающая с севера ареал обитания песчаного червя (соединяет самые северные точки, где наблюдался песчаный червь). Сдерживающим фактором является не температура, а влажность.

ТЕРМИНЫ ВРЕМЕН ИМПЕРИИ

Изучая Империю, Арракис и всю культуру, породившую Муад'Диба, часто приходится сталкиваться с незнакомыми словами. Приведенные в настоящем глоссарии слова и их значения должны служить лучшему пониманию соответствующих текстов.

(Показана также вероятная этимология некоторых слов. Так, многие фрименские слова происходят из йеменского и сирийского диалектов арабского языка, некоторые термины, относящиеся к императорскому двору и Корпусу Сардаукаров, имеют персидское происхождение, и т.д. — Примеч. пер.)

А́БА — свободное одеяние, носившееся фрименскими женщинами; чаще всего черного цвета.

А́ДАБ (арабск. «обычай») — важное, требующее действия воспоминание, которое приходит к человеку само собой, независимо от его воли.

АКА́РСО — растение с планеты Сикан (70 Змееносца А) с почти прямоугольными листьями, зеленые и белые полосы на которых состоят из активных и дормантных («отдыхающих») хлорофилловых клеток.

АКЛЬ (арабск. «разум») — испытание разума. В первоначальном значении — «Семь мистических вопросов», из которых первый: «Кто есть сей думающий?»

АЛА́М АЛЬ-МИТХА́ЛЬ — мистический мир притч, где не действуют никакие физические ограничения.

АЛ-ЛА́Т — Первое Солнце, Солнце родины человечества; часто — светило вообще, солнце любой планеты («высокий» термин).

«АМПОЛИРОС» — «Летучий Голландец» космических легенд, странствующий звездолет без экипажа или с мертвым экипажем.

АМТА́ЛЬ, ПРАВИЛО АМТАЛЬ — обычное правило примитивных миров, согласно которому что-либо испытывается для выяснения пределов возможности, прочности или для выяснения скрытых дефектов. В обычном употреблении: испытание на разрушение.

АРБИТР СМЕНЫ — чиновник, назначаемый *Высшим Советом Ландсраада* и Императором для наблюдения за переходом феода из рук в руки, переговорами в вендетте канли или ходом войны убийц (особенно формальных сражений), в каковых случаях А.С. выступает и в роли, аналогичной роли арбитра в спорте или посредника в военных учениях, причем его решения могут быть оспорены лишь перед Высшим Советом и в присутствии Императора.

АРРАКИ́Н — первое поселение на *Арракисе*, длительное время — административная столица планеты, местонахождение правительства. Во время правления Дома Атрейдес — место официальной резиденции правителя.

АРРА́КИС (этимология неясна, вероятные значения, в зависимости от написания и произношения первоначального слова: «опрокидывающий», «разрисованный, расписной, покрытый разводами», «остановка на пути, место стоянки», «пот(ный)», «ревущий, гремящий, шумный», «обгладывающий кости» и др. (арабск.). Как может видеть читатель, каждое из значений так или иначе может быть объяснено историей или физическими свойствами и климатом планеты) — планета, иначе известная как Дюна; третья планета система Канопуса (α (Альфа) Киля).

АРЫК (тюркск.) — открытый канал для ирригации в пустыне.

АСАССИНЫ — букв. «убийцы». Слово происходит от названия бойцов средневековой (909 — 1171, Сев. Иран, династия Фатимидов) мусульманской секты исмаилитов: эти бойцы, фидаи (фидайны), были прозваны европейцами «хашишины» (от «хашиш» — «гашиш»). Они потребляли большое количество опиума и подвергались специальной психологической обработке, благодаря чему становились абсолютно послушны и беспощадны и были готовы на все ради веры и наставника. Фидаев обучали фехтованию, джигитовке, стрельбе, маскировке, шпионажу, скрытному проникновению во вражеский лагерь,

составлению ядов и т.п. Услугами фидаев часто пользовались крестоносцы в войне против немусульман.

Слово «асассин» в английском, французском и др. языках означает прежде всего наемного или действующего по политическим мотивам убийцу. В период Империи — специалисты-убийцы, обычно на службе правящих Домов.

АУЛИЯ́ (арабск. «первая») — в религии Странников *Дзенсунни* женщина ошую Господа; служанка Всевышнего.

АУМА́С, в ряде диалектов ЧА́УМАС — яд, добавленный в твердую пищу, в отличие от яда, примененного любым иным способом.

АШ! — «Налево», команда рулевого на *песчаном черве*.

АЯ́Т (арабск. «аят» — стих Корана) — знаки жизни. См. также БУРХАН.

БАККА́ (арабск. «плачущая») — во фрименской легенде, плакальщица о всем роде людском.

БАКЛАВА́ (арабск.) — тяжелое, сытное лакомство с финиковым сиропом.

БАЛИСЕТ — девятиструнный щипковый музыкальный инструмент, потомок цитры, настраивается по нотной гамме *Чусук*. Излюбленный инструмент трубадуров Империи. Наиболее известны балисеты чусукского мастера *Вароты*.

БАРАБАННЫЕ ПЕСКИ — участки уплотненного песка, где наблюдается своеобразный эффект: удар по поверхности такого песка (в т.ч. шаги, даже осторожные) отзываются звуком, напоминающим барабанный звук.

БАРАДА́Й-ПИСТОЛЕТ, КРАСКОМЕТ (от англ. «bar» — «полоса» и «dye» — «краска») — распылитель сухого красящего порошка, заряженного статическим электричеством, разработанный на Арракисе для напыления больших цветных меток на песке.

БА́РАКА (арабск. «благодать») — живой святой человек, обладающий магическими способностями.

БАРЬЕРНАЯ СТЕНА — горная цепь в северных районах *Арракиса*, защищающая сравнительно небольшой регион планеты от самых сильных воздействий *кориолисовых бурь*.

БАША́Р, ПОЛКОВНИК-БАШАР — офицерский чин у сардаукаров, несколько выше полковника в стандартной воинской классификации. Этот чин введен для дол-

жности управителя планетного субдистрикта. КОРПУСНОЙ БАШАР — звание, употребляемое исключительно в войсках сардаукаров.

БЕДУИНЫ — см. *ИХВАН БЕДУИН.*

БЕ́ЛА ТЕЙГЕ́ЙЗЕ — пятая планета системы Квентсинги, место третьей остановки принудительной миграции *дзенсуннитов.*

БЕ́НЕ ГЕССЕРИ́Т — древняя школа тренировки тела и разума, созданная изначально женщинами, поле того как Великий Джихад, или *Джихад Слуг*, уничтожил т. н. «мыслящие машины» и роботов.

БИ-ЛА КАЙФА́ — «Аминь» (букв. «Более сего объяснять не нужно»).

БИ́НДУ — относящийся к нервной системе человека, прежде всего к ее тренировке (см. также *ПРАНА*).

БИНДУ-ОСТАНОВКА — особая форма вызванной усилием воли каталепсии.

БЛЕД (арабск. «биляд» — «страна») — равнина, открытая пустыня. Средний уровень Великого Б. (см. примечание к карте) является точкой отсчета высот и глубин на *Арракисе.*

БОЕВОЙ ЯЗЫК — любой специальный язык с ограниченным словарным составом, разработанный для простого, отчетливого общения в бою. Обычно каждый правящий *Дом* имел свой Б.Я. Наиболее известный Б.Я. — *чакобса.*

БРАЧНЫЙ ИНДЕКС (зд. «индекс» в значении «список», ср. «Индекс запрещенных книг») — записи программы спаривания людей — евгенической программы *Бене Гессерит*, нацеленной на создание *Квисатц Хадераха.*

БУРКА (арабск.) — род плаща, изолирующая накидка, которую *фримены* носят поверх *дистикомба* в открытой пустыне.

БУРСЕ́Г — боевой генерал у *сардаукаров.*

БУРХА́Н (арабск. «объяснение», «доказательство») — «Доказательства жизни». Обычное выражение: «Аят и бурхан жизни». См. также *АЯТ.*

БХОТА́НИ ДЖИБ — см. *ЧАКОБСА.*

ВАЛИ́ (арабск. «подросток», «юноша», «парень») — необученный фрименский подросток.

ВАЛЛА́Х IX — девятая планета системы Лаожень, центр Материнской Школы *Бене Гессерит.*

ВАРО́ТА — знаменитый изготовитель *балисетов*, живший на планете *Чусук.*

ВЕЕРОЛ — металлический композит, получаемый выращиванием кристаллов ясмия в дуралюмине. Отличается огромной прочностью на растяжение относительно его веса. Название происходит от обычного употребления В. в складных, открывающихся по принципу веера конструкциях.

ВЕЛИКАЯ КОНВЕНЦИЯ, ВЕЛИКИЙ ДОГОВОР — вселенский договор, принятый в результате установления баланса сил между *Гильдией Космогации, Великими Домами* и Империей. Главный закон В.К. — неприменение ядерного оружия против людей. Каждый из законов, составляющих В.К., открывается формулой «Сие да будет соблюдаться».

ВЕЛИКАЯ МАТЬ — увенчанная рогами богиня, женская первооснова мироздания (обычно «Мать-Космос»), женская составляющая великой троицы — мужского, женского и нейтрального начал, воспринимаемой как Высшее Существо многими религиями Империи. Возможно, образ В.М. восходит к Иштар (Астарте) земных мифологий.

ВЕЛИКИЙ ДЖИХАД, ВЕЛИКОЕ ВОССТАНИЕ — см. *ДЖИХАД СЛУГ.*

ВЕНЦОВАЯ СТЕНА — вторая (верхняя) «ступень» *Барьерной Стены.*

ВЕ́РИТЕ (от лат. «veritas» — «истина») — один из наркотиков *эказского* происхождения. Лишает воли и способности лгать.

ВЕТРОВАЯ ЛОВУ́ШКА — устройство, ориентируемое по преобладающим ветрам и способное собирать влагу из проходящего через нее воздуха, обычно путем резкого понижения температуры в В.Л.

ВЛАГОСБОРНИКИ (не путать со *влагосборщиками*) — яйцевидной формы предметы около 4 см по большой оси, изготовленные из хромопластика, молочно-белого цвета на свету и прозрачные в темноте; в результате они нагреваются на свету слабее и быстрее остывают в темноте, не задерживая тепловые лучи, и постоянно холоднее окружающей среды, благодаря чему на них скапливается утренняя роса. Влагосборниками заполняют углубления в почве, что дает

небольшой, но надежный источник воды. Ими также обкладывают высаживаемые в пустыне растения.

ВЛАГОСБОРЩИКИ (не путать со *влагосборниками*) — на *Арракисе* рабочие, собирающие утреннюю росу с растений при помощи росника — напоминающего серп инструмента.

ВЛАЖНИК — на *Арракисе* источник, где влага просачивается сквозь почву на поверхность или достаточно близко к поверхности.

ВОЕННЫЙ ТРАНСПОРТ — любое судно *Гильдии Космогации*, приспособленное для межпланетной перевозки войск.

ВОДА ЖИЗНИ — «яд откровения» (см. *ПРЕПОДОБНАЯ МАТЬ*). Представляет собой жидкие выделения песчаного червя (см. *ШАИ-ХУЛУД*) во время гибели последнего в воде, каковое вещество проходит превращение в организме *Преподобной Матери* (превращенная ею порция вещества служит катализатором для всей его массы), после чего В.Ж. используется в тау-оргии (см. ТАУ) *сиетча*. Наркотик группы ментафорсеров. *Фримены* также называют В.Ж. «кан».

ВОДНАЯ ДИСЦИПЛИНА — суровое воспитание, приучающее жителей Арракиса тратить как можно меньше влаги.

ВОДЯНОЙ КАРМАН — емкость в виде кармана в *дистикомбе* для сбора очищенной влаги.

ВОДЯНЫЕ КОЛЬЦА, ВОДЯНЫЕ МЕРКИ — металлические кольца различного размера, каждое из которых обозначает определенное количество воды, которое фримен может получить из водяных запасов сиетча. Такие кольца имеют огромное значение во фрименской культуре (далеко выходящее за рамки только своеобразных денег), в частности, в ритуалах, сопровождающих рождение, смерть, ухаживание, свадьбу и пр.

ВОЙНА УБИЙЦ, ВОЙНА АСАССИНОВ — форма ограниченных военных и диверсионных действий, разрешенная законами Великой Конвенции и Гильдийского Мира. Цель установления правил В.У. — уменьшение вероятности того, что пострадают не замешанные в конф-

ликт. Закон требует формального извещения о своих намерениях и ограничивает средства и способы борьбы.

ВОЛЬНЫЕ ТОРГОВЦЫ — идиоматическое название контрабандистов.

ВПАДИНА — населенная низина на *Арракисе*, окруженная повышением грунта, что защищает население от песчаных бурь.

ВТОРАЯ ЛУНА — меньший из двух спутников *Арракиса*, пятна на поверхности которого напоминают изображение *муад'диба*.

ВХОДНОЙ КЛАПАН — герметический полог, используемый фрименами для сохранения влаги во временных (дневных) стоянках. Часто устроен по принципу сфинктера (кольцевой мышцы).

ВЫСШИЙ СОВЕТ — внутренняя палата *Ландсраада*, облеченная полномочиями арбитража в спорах *Великих Домов*.

ВЫХОД ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНОСТИ, БАРЬЕР ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНОСТИ — также употребляются (в разговорной речи) термины «ПРЕД-ДВЕРЬ», «ПРЕД-БАРЬЕР» — *пентащит*, установленный на входе в помещение и отрегулированный так, чтобы в случае преследования пропускать лишь «своих».

ГАЛА́КТ — официальный язык Империи англо-славянского происхождения с большим количеством терминов, связанных со специализацией различных культур и усвоенных за время длительных миграций человечества.

ГАМО́НТ — третья планета системы Нюше, знаменитая своей гедонистической культурой и экзотическими сексуальными обычаями.

ГАР (амер. «небольшая столовая гора») — крутой холм на равнине.

ГАФЛА́ (арабск. «беспечность, глупость», «невнимательность», «безразличие») — подверженность навязчивому смятению; изменчивый человек, которому нельзя доверять.

ГЕЙРА́Т! — «Вперед!», команда рулевого на *песчаном черве*.

ГИЛЬДИЯ КОСМОГАЦИИ — одна из опор политического «треножника», поддерживающего *Великий Договор*. Гильдия была второй школой ментально-физического тренинга (см. *БЕНЕ ГЕССЕРИТ*) после *Джихада Слуг*. Установление монополии Гильдии на космические перевозки и межпланетное банковское дело стало точкой отсчета календаря Империи: даты до этого момента обозначаются как «Б.Г.» — «Без Гильдии» (аналогично нашему «до Р.Х.» или «до н.э.»). Летоисчисление после этой даты ведется без пометки, либо иногда с пометкой «Г.М.» (такой-то год Гильдийского Мира).

ГИНАЦ, ДОМ ГИНАЦ — когда-то союзники Дома Атрейдес, впоследствии потерпевшие поражение в *Войне Убийц с Грумманом*.

ГЛАЗА ИБА́ДА (арабск. «ибад» — «культ», «поклонение») — характерный признак употребления большого количества *меланжи*. Белки, радужные оболочки и даже зрачки глаз приобретают интенсивный темно-синий цвет.

ГОЛОС — выработанное особыми тренировками владение интонациями и прочими характеристиками речи, позволяющее овладевшему этим искусством управлять другими людьми; род суггестивной техники.

ГО́М ДЖАББА́Р (возм., арабск. «сом» — «яд» + «джаббар» — «могучий», «сильный», «тиран», «жестокий») — «враг высокомерных», специальная игла с каплей яда на острие, применяемая обычно в испытании на осознание себя человеком (альтернативой в испытании является смерть).

ГРА́БЕН — продолговатая, часто весьма длинная впадина геологического происхождения, образуется в результате подвижки пластов. На *Арракисе* Г., укрывающие от бурь, — места расположения поселений.

ГРИ́ДЕКС (англ. «grid» — «решетка», «грохот») — электросепаратор для отделения песка от меланжевой массы, устройство второй стадии очистки в добыче Пряности.

ГРУЗОБОМБА — общий термин для любого грузового контейнера неправильной (неаэродинамической) формы, снабженного теплозащитными экранами и силовой амортизационно-посадочной системой, предназначенного для сброса грузов на поверхность планеты из космоса.

ГРУЗОЛЕТ — *большой орнитоптер* типа «летающее крыло» (в разговорной речи часто просто «крыло»), предназначенный (в добыче Пряности) для транспортировки тяжелого охотничьего, добывающего и обогатительного оборудования.

ГРУ́ММАН — вторая планета системы Нюше, известная в основном войной ее правящего Дома (Дом Моритани) с Домом Гинац.

ГХАНИМА́ (арабск. «трофей») — трофей битвы или поединка; обычно — нечто, хранимое на память о бое (причем чаще всего не используемое по первоначальному назначению).

ГХО́ЛА (от англ. «ghoul» — «вампир», «нежить-людоед», «живой мертвец») — искусственно созданное тело, наделенное чертами характера, памятью и проч. определенного человека. Обычно воссоздается (клонируется) по клеткам тела этого человека, часто покойного. Производство Г. сконцентрировано в руках тлейлаксу (см. *ТЛЕЙЛАКС*).

ДАКТИ-ЗАМОК (от греч. «дактиль» — палец) — дактилоскопический замок, открывающийся и закрывающийся от прикосновения ладони, на которую настроено запоминающее устройство.

ДАР АЛЬ-ХИКМА́Н (арабск. «дом мудрости») — школа религиозного перевода или толкований и комментариев.

ДЕРШ! — «Направо!», команда рулевого на *песчаном черве*.

ДЖЕ́ДИ ПРИМ (Джеди I) — планета Змееносца Б (36), родовая планета Дома Харконнен. Мир средней плодородности и комфортности с низким уровнем фотосинтеза у растений.

ДЖИХА́Д (арабск. «священная война») — религиозная война, война за веру.

ДЖИХАД СЛУГ, ВЕЛИКИЙ ДЖИХАД, ВЕЛИКОЕ ВОССТАНИЕ — «крестовый поход» против компьютеров, мыслящих машин и наделенных разумом роботов, начавшийся в 201 г. Б.Г. и закончившийся в 108 г. Б.Г. Главное требование и девиз Д.С. сохранились *в Экуменической Библии* в виде заповеди: «Да не построишь машины, наделенной подобием разума людского».

ДЖУББА́ (арабск., вид длинной стеганой верхней одежды с широкими рукавами) — универсальный плащ-накидка, способный отражать или поглощать тепловое излучение (в зависимости от того, какой стороной наружу носится). Его можно также использовать как палатку-укрытие или гамак. На *Арракисе* повсеместно носится поверх *дистикомба*.

ДЖУДИХА́Р, иногда «Гьюдичар» — «Святая (священная) правда». Обычно встречается в выражении «Джудихар мантене» — «изначальная правда, на которую опирается вера», «святая истина в основе веры».

ДЗЕНСУННИТЫ — последователи схизматической (раскольнической) секты, отколовшейся от учения Маомета (т. н. «Третьего Мохаммада (Магомета)». Раскол относят приблизительно к 1381 г. Б.Г. Дзенсуннизм известен тем, что уделяет особое внимание мистической практике и «возвращению на путь отцов». Вождем раскола принято считать Али бен Ошади, но, по некоторым данным, бен Ошади, возможно, лишь высказывал идеи своей второй жены, Нисаи, служа ей как бы рупором.

ДИ́КТУМ ФАМИ́ЛИА (лат. «установление о родах») — один из законов *Великой Конвенции*, запрещающий убийство особ императорского рода и членов *Великих Домов*, используя неофициальную измену и диверсии без соблюдения формальностей *канли*. Иначе говоря, Д.Ф. устанавливает основные правила и ограничения на средства убийства.

ДИСТИКО́МБ («дистиллирующий комбинезон») — практически полностью закрывающий тело костюм, разработанный на *Арракисе*. Его ткань представляет собой многослойный «микросандвич», выполняющий функции рассеивания тепла и фильтрования выделений тела. Влага собирается в *«водяных карманах»*, откуда ее можно пить через специальные трубки.

ДИСТИТЕНТ — небольшая плотно закрывающаяся палатка из ткани со множеством микрослоев, собирающая испаряющуюся и выдыхаемую влагу и конденсирующая ее в питьевую воду.

ДИСТРА́НС (вероятно, от англ. «distance transmission» или «translation») — устройство для наложения времен-

ного нейроимпринта на нервную систему ручных птиц или рукокрылых *(«сейлаго»)*. Крик сейлаго модулируется импринтом так, что несет заданное сообщение, которое может быть затем расшифровано адресатом при помощи другого дистранса. Служит для связи в Пустыне (и зачастую более эффективен, чем радиосвязь, вследствие высокого уровня статических помех на *Арракисе*).

ДОЛГ ВОДЫ — «долг жизни и смерти» (фрименск.). Сказать «Между нами — долг воды» означает «я — твой должник до смерти».

ДОМ, ВЕЛИКИЙ ДОМ — название правящего клана планеты или планетной системы:

а) Младшие Дома — кланы правителей или предпринимателей внутрипланетного масштаба.

б) Старшие Дома — держатели планетных феодов (лен планетного размера и более); межпланетные предприниматели.

ДРУЗЫ — так называли себя иногда *фримены*. Исторически — приверженцы одной из шиитских общин, в XX веке проживающие главным образом в горных областях Ливана, Сирии и Израиля. Верят в Единого Бога, много раз являвшегося в человеческом облике. Каждое воплощение Бога, по верованиям Д., сопровождалось появлением — также в человеческом облике — и совершеннейшего его творения, Мирового Разума. В человеческий облик могут воплощаться и другие божественные эманации (душа, слово). Д. верят в переселение душ. Название общины происходит от имени исмаилитского миссионера (даи) Дарзи, находившегося на службе аль-Хакима, исмаилитского халифа в Египте, и выдвинувшего тезис о божественности последнего. Доктрина Д. разработана в XI веке Хамзой — «последним воплощением Мирового Разума». Учение — эзотерическое и известно лишь части общины, «уккаль» («Разумным»), прочие же — «джуккаль» («Непосвященные»). Высшие религиозные авторитеты — «аджавид» (Совершенные). В храм («хальва») допускаются только аджавид и уккаль.

Стилгар называет фременов «Д.», намекая тем самым и на то, чем стали впоследствии для них Пауль (и Джессика): воплощением Мирового Разума и в то же время — обожествляемыми правителями.

ДЮНА — 1) см. *АРРАКИС*;
2) Бархан, подвижный песчаный холм.
ДЮНМАСТЕР — управляющий работами на добыче *меланжи.*

ИБАД — см. *ГЛАЗА ИБАДА.*
ИБН КИРТА́ИБА (видимо, происходит от имени собственного; возможно также происхождение от искаженного арабск. «китаб» — «инга») — «Так сказано...». Формальное начало фрименских молитв, происходит от обрядов *Паноплиа Профетикус.*
ИДЖА́З (арабск. «краткость», «лаконичность») — пророчество, которое по определению не может быть отвергнуто или опровергнуто; непреложное предсказание.
И́ККУТ-ЭЙ! — крик продавца воды на Арракисе (этимология не установлена). См. также *СУ-СУ СУУК!*
ИКС — см. *РИЧЕЗА.*
ИЛМ (арабск. «наука», «знание») — теология, наука в религиозной традиции; один из полулегендарных источников дзенсуннизма (см. *ДЗЕНСУННИТЫ*).
ИМПЕРСКОЕ КОНДИЦИОНИРОВАНИЕ — разработанная медицинскими школами Сукк система рефлексов, абсолютно воспрещающая любое посягательство на жизнь человека. Подвергшиеся И.К. выпускники Школы Сукк отмечены черной ромбовидной татуировкой на лбу и носят длинные волосы, подхваченные серебряным кольцом Школы Сукк.
ИСТИСЛА́ (арабск. «стремление к улучшению, усовершенствованию»; «реформа, улучшение») — «стремление ко всеобщему благоденствию»; обычно слово употребляется перед упоминанием о «суровой необходимости».
И́ХВАН БЕ́ДУИН (арабск. «эхван» — «братство» + «бедуин») — братство всех *фрименов Арракиса.*

ЙА! ЙА! ЙА́УМ! — фрименское восклицание (или хоровой распев) во время важных ритуалов, событий особого ритуального значения. «Йа» можно перевести как «[Ныне] внимайте!», «йаум» — то же самое, но с усилительным оттенком, придающим дополнительное значе-

ние срочности и важности. В целом выражение обычно переводится как «Ныне внимайте, внимайте все!».

ЙАЛИ́ — личное жилище *фримена в сиетче.*

ЙА ХЪЯ ЧАУХА́ДА! (искаж. арабск. «яхъя шухада» — «слава павшим [за правое дело]») — «Слава воинам!», «Слава героям!». Боевой клич федайкинов. «Йа!» — «сейчас, ныне» — усиливается «хъя» («всегда»); вместе получается выражение, соответствующее формуле «ныне, и присно, и во веки веков». «Чаухада» — «бойцы, борцы, воины, герои» — имеет дополнительное значение «бойцы за правое дело», точнее — «бойцы против несправедливости, зла», именно не «за» что-то, а против чего-то дурного, неправедного.

КАЙД (арабск. «вождь», «военачальник», «лидер») — чин у *сардаукаров* для старшего офицера по связям с гражданским населением; также для военного управителя целого планетного дистрикта. Выше ранга *башара,* но ниже *бурсега.*

КАЛАДА́Н (перс. «кала» — искусство, красота + «дан» — место, вместилище, сосуд) — третья планета Δ Павлина; родная планета Пауля Атрейдеса (Муад'Диба).

КАН — см. *ВОДА ЖИЗНИ.*

КАНЛИ́ — официально объявленная война родов или вендетта в соответствии с законами *Великой Конвенции* и ведущаяся согласно их строгим ограничениям методов и средств. Первоначально правила К. были введены для защиты не замешанных в такие распри и войны.

КА́НТО и РЕСПО́НДУ (лат. «пою» и «отвечаю») — обряд взывания к Богу, часть суеверной обрядности, так называемой *Паноплиа Профетикус,* внедряемой *Миссионарией Протектива.*

КАПРО́К (от лат. «caprus» — «козел») — пустынный козел.

КА́РАМА (арабск. «чудо») — чудо, событие или действие, вызванные вмешательством потусторонних сил.

КАРТА УКРЫТИЙ — карта поверхности *Арракиса,* размеченная в соответствии с наиболее надежными маршрутами между укрытиями для *паракомпасов.*

КАРФА́Г — город на *Арракисе*, при Харконненах — административный центр планеты.

КАТЕ́ТЕРЫ — здесь: трубки, соединяющие выделительную систему человека с очистными системами *дистикомба*.

КВИЗА́РА ТАФВИ́Д (арабск. «тафвид» — «полномочия», «представительство») — фрименские священнослужители (после *Муад'Диба*).

КВИСА́ТЦ ХАДЕ́РАХ — (иврит: «китцу́р хаде́рекх», «сокращение пути») — так *Бене Гессерит* называли Неведомого, которого они хотели получить при помощи генетики и евгеники — *Бене Гессерит* мужского пола, чьи природные ментальные способности позволили бы ему объять пространство и время (иначе говоря, иметь доступ к генетической памяти всех предков по мужской и женской линиям и обладать даром предвидения и др. экстрасенсорными способностями).

КИНЖАЛ (русск., в свою очередь происходит от арабск. «ханджар») — боевой нож со слегка изогнутым клинком ок. 20 см длиной.

КИРТА́ИБА — см. *ИБН КИРТАИБА*.

КИ́СВА (арабск. «одеяние»; «священное покрывало, одеваемое на Каабу (главную святыню ислама) — изображение, фигура, узор, связанные со фрименской мифологией.

КИТАБ АЛЬ-ИБА́Р (арабск. «книга объяснений») — созданная *фрименами Арракиса* книга, сочетающая в себе религиозный катехизис и пособие по выживанию.

КНИГОФИЛЬМ — запись на *шигакорде*, используемая в обучении и хранении информации (мнемоимпульсная запись).

КОМБАЙН-ПОДБОРЩИК — большая (около 120 х 40 м) машина для сбора *меланжи*, обычно применяемая на больших и незагрязненных выбросах меланжевой массы. Также часто называется просто «*краулер*». Имеет корпус, напоминающий по форме жука, на независимых гусеничных шасси.

КООАМ — акроним для «Комбайн Оннет обер Адвансер Меркантайлс» — «Картель негоциантов и перевозчиков товаров», галактической корпорации под контролем Императора и *Великих Домов*. *Гильдия Космогации* и *Бене Гессерит* состоят в КООАМ как партнеры без права голоса.

КОРИОЛИСОВА БУРЯ — любая крупная песчаная буря на *Арракисе*, когда скорость ветра на открытых пустынных равнинах увеличивается за счет вращения планеты, причем результирующая скорость может достигать 700 км/ч.

КО́РРИН, БИТВА ЗА — крупное космическое сражение, от которого происходит имя Дома Коррино. Произошло у δ (Сигмы) Дракона в 88 г. Б.Г. Результатом битвы стало установление правящей династии (Дом Коррино), происходящей с планеты *Салуса Секундус*.

КОТЛОВИНА — см. *ЧАША*.

КРАСКОМЕТ — см. *БАРАДАЙ-ПИСТОЛЕТ*.

КРА́УЛЕР (от англ. «гусеница» (механ.) «гусеничная машина») — общее название машин, предназначенных для передвижения в арракийских пустынях. См. также *КОМБАЙН-ПОДБОРЩИК*.

КРАШЕ́Р (от англ. «to crush» — «давить», «подавлять») — боевой космодесантный корабль, состоящий из множества меньших, состыкованных вместе и предназначенный в том числе для того, чтобы буквально давить неприятеля, быстро опускаясь на него.

КРИМСКЕ́ЛЛ, КРИМСКЕЛЛОВОЕ ВОЛОКНО — волокно лианы хуфуф с *Эказа*. Узлы на веревке из К. затягиваются все туже и туже при попытке растянуть их (подробнее см.: Хольянс Вонбрук, «Лианы-душители на Эказе»).

КРИС — священный нож арракийских *фрименов*. Изготовляется из зуба мертвого *песчаного червя*, в двух видах — фиксированном и нефиксированном. «Нефиксированный» К. должен храниться в непосредственной близости от человеческого тела, в его биоэлектрическом поле, чтобы предотвратить распад клинка. «Фиксированные» ножи подвергаются особой обработке для их хранения. Длина клинка — около 20 см.

КРЮКИ, КРЮКИ ПОДАТЕЛЯ — большие крюки на длинной (раскладной) рукояти, используемые для того, чтобы взбираться на *песчаного червя* и управлять им.

КРЮКОВОЙ — фримен с *крюками Подателя*, готовящийся первым вскочить на *песчаного червя*, обычно он же — рулевой.

КРЫЛО — см. ГРУЗОЛЕТ.

КУЗЭН (не путать с «кузен») — родственник дальше двоюродного.

КУЛОН (искаж. «кулан») — дикий осел с Терры, приспособленный для условий *Арракиса*.

КУЛ ВАХА́Д! (арабск. «единое целое») — «Я поражен!», восклицание глубокого, искреннего изумления, обычное в империи. Точный перевод зависит от контекста. (Так, говорят, что *Муад'Диб* однажды, наблюдая, как птенец пустынного ястреба вылупляется из яйца, прошептал: «Кул вахад!..»)

КХАЛА́! (арабск. «пустой, порожний») — традиционное восклицание-заклинание, долженствующее успокоить злых духов упомянутого «дурного» места или вызванных неосторожным словом или действием.

ЛАНДСРА́АД (голландск. «совет земель») — верховный орган законодательной власти Империи, представляющий *Великие Дома*. Возглавляется *Высшим Советом* Ландсраада.

ЛА, ЛА, ЛА! (арабск. «Нет, нет, нет (уж никогда)!») — *фрименское* причитание, горестное восклицание, где «ла» переводится как окончательное отрицание.

ЛЕГИОН, ИМПЕРСКИЙ — 10 бригад (около 30 000 человек).

ЛИБА́Н (арабск. «лябан» — кисломолочный напиток) — болтушка из юкковой муки в «пряной» (меланжевой) воде. Первоначально, до переселения *фрименов* на *Арракис*, — кисломолочный напиток.

ЛИСА́Н АЛЬ-ГА́ИБ (арабск. «нездешний язык (как орган, а не как наречие)») — «Глас из Внешнего Мира». В легендах фрименской мессианской традиции — грядущий пророк из другого мира, с другой планеты. Иногда переводится также как «Податель Воды» (ср. *МАХДИ*).

ЛИТРАК — однолитровый контейнер для транспортировки воды на *Арракисе*, изготовляемый из прочного плотного пластика.

ЛИЦЕДЕЛ — человек, тренированный так владеть мускулатурой, особенно лицевой, что это позволяет ему сознательным усилием изменять свою внешность, даже имитировать чужое лицо.

ЛУЧЕМЕТ, БОЕВОЙ ЛАЗЕР — непрерывный (неимпульсный) лазер. Применение Л. в качестве оружия ограничивается в условиях широкого использования силовых полей, так как при соприкосновении луча лазера с силовым полем происходит субатомный взрыв.

ЛУЧЕРЕЗ — варианты *лучемета* ближнего действия, применяемые в основном как режущий инструмент и хирургический лучевой скальпель.

ЛЮДИ ДЮН, МЕЛАНЖЕРЫ — идиома для обозначения работающих в открытой Пустыне, на песках: искатели *Пряности*, добытчики ее и др.

МАЛЕНЬКИЕ ПОДАТЕЛИ, МАЛЕНЬКИЕ, также ПЕСЧАНАЯ ФОРЕЛЬ — полурастения-полуживотные, населяющие глубинные песчаные слои, зародыши *песчаного червя*. Экскременты М.П. образуют *премеланжевую массу*.

МАНОК — 1) короткий (около 1 м) кол с закрепленной на верхнем конце заводной пружинной трещоткой, издающей ритмический стук. Нижний конец М. заострен. М. устанавливается в песках для призыва *песчаного червя*. 2) мера расстояния, равная средней дальности поездки на песчаном черве до необходимости его замены (а следовательно, и необходимости подманить свежего червя).

МАНТЕНЕ́ — лежащая в основе мудрость, опорный аргумент, первооснова (см. также *ДЖУДИХАР МАНТЕНЕ*).

МАСЛЯНЫЕ ЛИНЗЫ — масло из хуфуфа (см. *КРИМСКЕЛЛ*), удерживаемое инкапсулирующим («окукливающим») силовым полем внутри оптических приборов как их часть. Поскольку каждая М.Л. может подстраиваться индивидуально, с точностью до микрона, М.Л. считаются самыми совершенными из приспособлений, регулирующих световые лучи.

МАСС-ДЕТЕКТОР, иногда также ДЕТЕКТОР ДАЛЬНОСТИ — устройство для обнаружения компактных масс и аномалий массы (например, техники или скрытых пустот).

МА́УЛА (арабск. «мауля» — «господин», «государь» и... «вольноотпущенник») — раб.

МАУЛЕ́Т, МА́УЛА-ПИСТОЛЕТ — пружинный пистолет, стреляющий отравленными иглами. Дальнобойность до 40 м.

МАХДИ́ (арабск. «пророк», «мессия» (в еретических учениях в исламе) — в легендах фременской мессианской традиции «Тот, Кто поведет нас в рай».

МАША́Д, ТЕСТ-МАША́Д (искаж. арабск. «мушадда» — борьба, стычка, ссора) — любое испытание, в котором на карту ставится честь (определяемая как духовная репутация).

МЕЛА́НЖА (от франц. «melange» — смесь) — *ПРЯНОСТЬ*, Пряность Пряностей, вещество, добываемое исключительно на Арракисе и невоспроизводимое искусственно. М. знаменита своими гериатрическими (предохраняющими от старения) свойствами, вследствие чего называется также гериатрической пряностью.

М. вызывает привыкание, степень которого зависит от дозировки: при приеме более 2 граммов в день на 70 кг массы тела вызывает сильное привыкание. *Муад'Диб* утверждал, что именно М. он обязан своим пророческим даром. Аналогичные высказывания делали и Гильд-навигаторы (т.е. навигаторы *Гильдии Космогации*). Цена М. на рынке Империи поднималась до 620 000 соляриев за декаграмм (см. также: *ИБАД, ВОДА ЖИЗНИ, ПРЕМЕЛАНЖЕВАЯ МАССА, МАЛЕНЬКИЕ ПОДАТЕЛИ).*

МЕЛА́НЖЕРЫ — см. *ЛЮДИ ДЮН.*

МЕЛАНЖ-МАШИНИСТ — любой работник меланджедобычи, управляющий подвижной добывающей техникой.

МЕНТА́Т — человек, тренированный для совершенного владения логикой и вычислительными способностями, «человек-компьютер». Также система подготовки таких людей.

МЕТАСТЕКЛО — стекло, получаемое при высокотемпературной инфузии газов в листы ясмиевого кварца. Обладает чрезвычайной (до 450 000 кг/см^2 при толщине в 2 см) прочностью на разрыв и свойствами селективного фильтра излучений.

МИНИМИКРОФИЛЬМ — *шигакорд* диаметром 1 микрон, часто используемый в шпионаже и контршпионаже для записи и передачи сообщений.

МИСР (арабск. «Египет») — историческое самоназвание дзенсуннитов (затем *фременов*) — «народ».

МИССИОНА́РИЯ ПРОТЕКТИ́ВА (лат. «Охранительная миссия») — часть ордена *Бене Гессерит*, в задачу которой входит насаждение на примитивных мирах «заразительных суеверий», открывающих эти миры воздействию Бене Гессерит (см. также *ПАНОПЛИА ПРОФЕТИКУС*).

МИ́ХНА (арабск. «профессия», «избрание профессии») — время испытаний, инициации фрименских юношей, вступающих в число мужчин.

МИШМИ́Ш (арабск. «дикие абрикосы») — абрикосы.

МОНИТО́Р — десятисекционный космический корабль с мощной броневой и силовой защитой. Конструкция рассчитана на раздельный взлет секций с планеты после посадки.

МУА́Д'ДИБ (арабск. «воспитанный, образованный, ученый») — адаптировавшаяся к условиям *Арракиса* кенгуровая мышь (животное, напоминающее тушканчика), во фрименской мифологии связанная с формой пятен на *Второй луне* Арракиса. Фримены восхищаются М. из-за умения зверька выживать в Пустыне.

МУДИР (арабск.) — начальник, управитель, командир.

МУДИ́Р-НА́ХЪЯ (арабск. «правитель округа», «губернатор») — фрименское прозвание несколько лет бывшего *сиридаром Арракиса* Зверя Раббана (графа Ланкивейльского), кузэна барона Владимира Харконнена. Имя часто переводят как «Правитель-Дьявол».

МУ ЗЕЙН ВАЛЛАХ! (арабск., сирийск. диал.: «му зейн» — «плохо», «валла(х)» — «видит Бог!») — «му зейн» означает «плохо», «валлах» — усилительное восклицание. Это традиционное начало *фрименского* проклятия врага; общее значения выражения — «никчемный, вечно дурной, ни на что не годный». (Возможно произнесение как «му зейн валла».)

МУСКИ́, в ряде диалектов МУРКИ или ЧАУМУСКИ — яд в напитке, в отличие от яда, примененного каким-либо иным способом.

МУШТАМА́ЛЬ (арабск. «завернутый», «укрытый») — садовый дворик или открытая пристройка в саду.

НА — префикс, означающий «названный» или «следующий в ряду». Таким образом, «на-барон» означает «наследник баронства», нечто вроде кронпринца.

НАВОДЧИК — легкий *орнитоптер* в меланжедобывающей группе, в чьи функции входят разведка, наблюдение и охрана.

НАЕЗДНИК, НАЕЗДНИК ПУСТЫНИ — *фрименское* название человека, умеющего вскочить на песчаного червя и управлять им (см. *ШАЙ-ХУЛУД*).

НАЙБ (арабск. «наместник», «заместитель») — поклявшийся никогда не сдаваться врагу живым: т.е. принесший традиционную клятву *фрименского* вождя.

НАЛОЖНИЦА — статус женщины, фактически являющейся супругой, но не связанной с мужем официальным браком. В описываемый период это слово не несло уничижительного оттенка и означало вполне обычный вариант супружеских отношений. Допускалось иметь только одну жену, но несколько Н.

НИСВОЙ — искаж. «не свой», в языке галакс — «чужак», «не принадлежащий к группе», «не принадлежащий к избранным».

НОСОВЫЕ ФИЛЬТРЫ — влагоуловители *дистикомба* для сбора влаги из выдыхаемого воздуха.

НУКЕР (арабск. «стражник») — офицер императорских телохранителей, состоящий в кровном родстве с Императором. Нукерами обычно становились сыновья *наложниц* Императора.

ОГНЕННЫЙ СТОЛБ — простая сигнальная ракета, применяемая в пустыне *Арракиса* (вероятно, название происходит от библейской аллюзии — в книге Исход Бог вел евреев по пустыне, принимая днем облик столпа огня, а ночью — столпа дыма).

ОПАФИР — один из редких драгоценных камней опалиновой группы, добываемой на *Хагале*.

ОРНИТОПТЕР, в просторечии ТОПТЕР (от греческ. «птичье крыло») — летательный аппарат, создающий подъемную силу за счет работы машущих крыльев.

ОСАДИТЕЛЬ — устройство для сбора атмосферной влаги.

ОСТАТОЧНЫЙ (ЛАТЕНТНЫЙ) ЯД — его изобретение приписывается ментату барона Владимира Харконнена Питеру де Врийе. После введения О.Я. необходимо регулярно давать жертве противоядие. Прекращение введения противоядия вызывает смерть.

ОХОТНИК-ИСКАТЕЛЬ — похожее на сегментированную металлическую иглу оружие на силовой подвеске, управляемое дистанционно со специального пульта. Обычное, разрешенное *Великой Конвенцией* оружие *асассинов в войне убийц.*

ПАНО́ПЛИА ПРОФЕ́ТИКУС (лат. «Доспехи пророков») — общее название насаждаемых *Миссионарией Протектива* «заразных предрассудков», имеющих целью использование местных религий в целях *Бене Гессерит.*

ПАРАКОМПАС — любой компас, указывающий направление по местным магнитным аномалиям. Используется при наличии соответствующих карт, когда собственное магнитное поле планеты нестабильно или маскируется сильными магнитными бурями.

ПЕЙО́НЫ (мексикано-испанск. «пеон») — крестьяне или рабочие, один из основных классов в системе *фафрелах*, считаются «находящимися под опекой Империи».

ПЕНТАЩИ́Т — пятислойное силовое поле, приспособленное для прикрытия небольших участков (напр., двери, прохода и т.п.). Небольших — т.к. с увеличением числа слоев силовые поля большого размера становятся нестабильными. П. непроходим для того, у кого нет диссемблера, настроенного на коды данного щита.

ПЕСКОХО́Д — см. *КРАУЛЕР.*

ПЕСЧАНАЯ ФОРЕЛЬ — см. *МАЛЕНЬКИЕ ПОДАТЕЛИ.*

ПЕСЧАНЫЙ ЧЕРВЬ — см. *ШАИ-ХУЛУД.*

ПИРАТЫ ПУСТЫНИ — см. ФРИМЕНЫ.

ПЛАСТАЛЬ — сталь, стабилизированная волокнами стравидия, вращенными в ее кристаллическую структуру.

ПЛАТО на *Арракисе* — большая «столовая гора», приподнятый скальный участок с отвесными стенами.

ПЛАТОК НЕЖО́НИ (вероятно, от русск. «жена») — шарф, который замужние или состоящие в наложницах

фрименки надевают на лоб под капюшон дистикомба после рождения сына.

ПЛЕНИЦЕ́НТА (искаж. лат. «совершенный аромат») — экзотический зеленый цветок с *Эказа*, знаменитый сильным сладким запахом.

ПОДАТЕЛЬ — см. *ШАИ-ХУЛУД*.

ПОДВЕСКА СИЛОВАЯ, ПОДВЕСКА — вторая фаза работы генератора Хольцмана, вызывающая эффект уничтожения гравитационных сил в той степени, какая задана массой удерживаемого объекта и поданной энергией. Также генератор или система генераторов, обеспечивающих данный эффект.

ПОДГОТОВКА — в контексте, относящемся к *Бене Гессерит,* этот в противном случае обычный термин означает специальную тренировку нервной системы и мускулатуры (см. *ПРАНА* и *БИНДУ*), доводящую их до пределов возможного совершенства.

ПОРИТРИ́Н — третья планета системы ξ Аланги, которую многие *дзенсунниты* считают своей прародиной, хотя анализ языка и мифологии показывает, что Странники Дзенсунни появились значительно раньше заселения П.

ПОРТИГЮЛЬ — разновидность апельсина.

ПРАВДОВИДИЦА — *Преподобная Мать*, умеющая входить в «*транс правды*» и способная распознавать неискренность и ложь.

ПРАНА, ПРАНА-МУСКУЛАТУРА — мышцы тела, когда их рассматривают как группы в обучении высшему самоконтролю (см. также *БИНДУ*).

ПРЕДСКАЗАТЕЛИ ПОГОДЫ — люди, умеющие предсказывать погоду, пользуясь «чтением по шестам» или «*шестованием песка*» и изучением следов ветра в песках и др. примет (на *Арракисе*).

ПРЕМЕЛАНЖЕВАЯ МАССА — грибковая масса, бурно разрастающаяся при попадании воды в выделения *Маленьких Подателей*. На этой стадии происходит «взрыв», при котором имеет место обмен вещества поверхности с подпочвенными слоями, в результате чего П.М. выходит на поверхность и под воздействием солнечных лучей и воздуха превращается в *меланжу*.

ПРЕПОДОБНАЯ МАТЬ — первоначально проктор *Бене Гессерит*, сумевшая преобразовать в своем организме «яд откровения» (см. также *ВОДА ЖИЗНИ*), поднявшись таким образом на более высокую ступень сознания. Этот же титул принят *фрименами* для своих религиозных наставниц, прошедших подобное просветление.

ПРИЛИВНЫЕ ПРОВАЛЫ — крупные впадины на поверхности *Арракиса*, в течение столетий заполнявшиеся пылью, в которых наблюдаются пыльные приливы, и где такие приливы были впервые обнаружены и замерены.

ПРОЦЕ́СС ВЕРБА́ЛЬ (лат. «устное действие») — полуформальное донесение, обвиняющее в государственной измене. Юридически лежит между неподкрепленным и некатегорическим заявлением и формальным обвинением.

ПРЯНОСТЬ — см. *МЕЛАНЖА*.

ПУНДИ́, РИС ПУНДИ (возможно, хидни «пунджи» — капитал, богатство») — мутированный рис с богатыми сахаром зернами, достигающими в длину 4 см. Основной предмет экспорта планеты *Каладан*.

ПУТЬ *БЕ́НЕ ГЕССЕРИТ* — искусство наблюдать мельчайшие детали.

ПЫЛЬНАЯ ЯМА, ПЫЛЬНЫЙ ПРОВАЛ — любая глубокая расщелина или впадина в арракийских пустынях, заполненная мелкой пылью и на вид неотличимая от окружающей поверхности. Смертельно опасны, т.к. человек или животное, попавшие в достаточно глубокую П.Я., провалятся в пыль и задохнутся. Крупные П.Я. называются также *ПРИЛИВНЫМИ ПРОВАЛАМИ*.

ПЫЛЬНЫЙ (ПЕСЧАНЫЙ) ПРИЛИВ — изменение уровня пыли в крупных *пыльных ямах*, вызванное воздействием гравитационных сил солнца и лун.

РАЗЗИЯ́ (арабск. «бедствие», «беда», «вред») — полупиратский рейд, налет.

РАМАДА́Н (арабск.) — с древнейших времен период, отмечаемый постом и молитвой. В традиции — девятый месяц лунно-солнечного календаря. *Фримены* отмечают Р. во время девятого цикла Первой луны (счет ведется по проходу луны через меридиан).

РАША́Г — стимулятор кофеиновой группы, получаемый из желтых ягод *акарсо*.

РЕМПАКЕТ (не путать с *фримпакетом*) — набор запасных и сменных частей для ремонта *дистикомба*.

РИЧЁЗА — четвертая планета Эридана-А., известная наряду с планетой *Икс* совершенством машинной культуры. Особо славится высокоразвитой миниатюризацией. (О том, как и почему Р. и Икс избежали наиболее тяжелых последствий *Джихада Слуг*, см.: Сьюмер и Каутман «Последний Джихад».)

РУХ — в верованиях *фрименов* часть личности, постоянно связанная с метафизическим миром *Алам аль-Митхаль* и способная воспринимать его.

СА́ДУ (санскрит «саддху» — «святой», «подвижник», «отшельник») — судья. Так *фримены* называют «святых судей». С. приравниваются к святым.

САЙЯДИ́НА (арабск. «сайяддина» — «охотница») — женщина-священнослужительница (близко к чину дьякона) во фрименской религиозной иерархии.

САЛУ́СА СЕКУ́НДУС — третья планета γ Вайпинь. Официально считалась каторжной планетой Империи, планетой-тюрьмой (со времен переноса императорского двора на Кайтаин). Именно с С.С. происходит Дом Коррино; С.С. также — вторая остановка на пути странствий *дзенсуннитов*. Фрименские легенды говорят, что на С.С. Странники Дзенсунни в течение девяти поколений находились в рабстве. Впоследствии выяснилось, что на С.С. проходили подготовку сардаука́ры.

САРДАУКА́РЫ (фарси «воины») — солдаты-фанатики Падишах-Императора. С. воспитывались в настолько тяжелых условиях, что к одиннадцатилетнему возрасту из тринадцати человек умирали шесть. В подготовке С. особое внимание уделялось воспитанию в них беспощадности, жестокости и почти самоубийственного презрения к собственной безопасности. С. с детских лет приучались использовать свою жестокость как оружие, ослабляющее противника страхом. В период их наибольшего усиления в Галактике С. в искусстве фехтования были равны мастерам фехтования Дома *Гинац* десятой ступени, а в бое на ближней дистанции по ловкости и коварству не уступали адептам *Бене Гессерит*. Любой из С. стоил как минимум десятка солдат войск *Ландсраада*. Ко времени Шаддама IV С. были

все еще очень сильны и внушали всеобщий страх, но их мощь была подорвана чрезмерной самоуверенностью, а мистическая основа их боевой религии — цинизмом.

САРФА (арабск. «отклонять», «не обращать внимания») — акт отхода, отвращения от Бога.

САФО — высококалорийный и стимулирующий напиток, получаемый из корней барьерного дерева с *Эказа*. Повсеместно употребляется *ментатами*, утверждающими, что С. повышает их ментальные силы. Употребляющие С. отмечены темно-красными пятнами на губах и слизистой оболочке рта.

СБОР (не путать со *СХОДОМ*) у *фрименов* — собрание для принятия решений, затрагивающих все племена.

СВЕТИЛЬНИКИ — бóльшая часть осветительных приборов описываемого периода представляла собой «световые шары», шаровидные осветители на силовой подвеске со внутренним питанием (чаще всего — органическими батареями).

СЕЙЛА́ГО — любой вид рукокрылых, модифицированный на *Арракисе* и приспособленный для передачи *дистранс*-сообщений.

СЕЛАМЛИ́К (турецк. «мужская часть дома, где принимают гостей») — Зал аудиенций Императорского дворца.

СЕМУ́ТА — вторая производная (получается кристаллизационной экстракцией) пережженного осадка настоя элаккового дерева, наркотик. Эффект воздействия С. (описывается как длительное экстатическое состояние) инициируется комбинацией атональных звуков, называемых обычно «семутной музыкой».

СЕРВО́К (вероятно, от лат. «servus» — «слуга») — простой программируемый механизм для несложных работ, часто без какой-либо электроники (типа часовых механизмов). Одно из немногих «автоматических» устройств, дозволенных после *Джихада Слуг*.

СИЕ́ТЧ (вероятно, от русско-укр. «сечь», «сичь») — «Место сбора во время опасности» (фременск.). Вследствии того, что *фримены* долго жили в постоянном состоянии опасности, термин «С.» стал обозначать вообще любое пещерное поселение, населенное одной из племенных общин.

СИРА́Т (арабск. «путь» (обычно в религ. знач.) — отрывок *Экуменической Библии*, описывающий жизнь челове-

ка как переход по узкому мосту («С.»), когда «Одесную меня рай, ошую меня ад, и Ангел Смерти идет по стопам моим».

СИРИДА́Р (фарси «правитель») — правитель планеты по ленному праву.

СИХА́ЙЯ (от арабск. «сахайя» — «щедрость» или «сахия» — «чистая, ясная») — весна в Пустыне (фрименск.). В религиозной традиции *фрименов* это слово обозначает «время плодородия», а также «грядущий рай».

СЛИПТИП (англ. букв. «скользящее, плавно движущееся острие») — любое оружие с относительно коротким тонким клинком (часто отравленным) для левой руки в двуручном фехтовании с силовым щитом.

СОЛИ́ДО (вероятно, от англ. «solid» — «твердый, плотный») — трехмерное изображение, получаемое с помощью солидопроектора, действие которого основано на воспроизведении сигналов, отраженных от объекта на все 360° и записанных на ролик *шигакорда*. Лучшими солидопроекторами считаются произведенные на *Иксе*.

СОЛОМЕНЕЦ — на *Арракисе*, источник в пустыне, достаточно мощный, чтобы воду можно было извлечь, высасывая через трубочку-соломинку.

СОЛЯ́РИЙ (от лат. «solar» — «солнечный») — основная денежная единица Империи, чья покупательная способность определяется на совещаниях между *Гильдией, Ландсраадом* и Императором, проводимых раз в 400 лет (кватрисентенниалиях).

СО́НДАГИ — папоротниковый тюльпан с *Тупайле*.

СПРАВОЧНИК *АСАССИНА* — составленный в третьем веке Гильдии справочник по ядам, обычно использовавшийся в *войне асассинов (войне убийц)*. Позже был расширен за счет включения описания смертоносных орудий и устройств, разрешенных Гильдийским Миром и *Великой Конвенцией*.

СТА́ННЕР (от англ. «to stun» — «оглушать, лишать сознания») — оружие, выбрасывающее (с небольшой начальной скоростью — чтобы преодолеть силовой *щит)* отравленную или впрыскивающую наркотическое вещество стрелку или иглу. Эффективность зависит от настойки силового щита и подвижности цели.

СТАРШИЙ ПРОКТОР — *Преподобная Мать Бене Гессерит*, являющаяся также начальником региональной Школы Бене Гессерит.

СУ́БАХ УЛЬ-КАХА́Р (искаж. арабск. «сабах-уль-хэйр» — «утро добра») — *фрименское* приветствие.

СУ́БАХ УН-НА́Р (арабск. «утро света») — ответное приветствие.

СУККСКАЯ ШКОЛА, ШКОЛА СУКК — см. *ИМПЕРСКОЕ КОНДИЦИОНИРОВАНИЕ.*

СУ-СУ СУУК! — крик продавца воды на Арракисе. «Суук» — «рынок, рыночная площадь» (см. также: *ИК-КУТ-ЭЙ*!).

СХОД (не путать со *СБОРОМ)* — традиционное собрание *фрименских* вождей для наблюдения за поединком, решающим вопрос о лидерстве.

ТАХАДДИ́ АЛЬ-БУРХА́Н (арабск. «тахадди» — «вызов», «бурхан» — «доказательство», «тест, испытание») — окончательное, не подлежащее обжалованию или перепроверке испытание, т.к. обычно такое испытание влечет за собой смерть или разрушение испытуемого человека, объекта.

ТАХХАДИ́, ВЫЗОВ ТАХАДДИ (арабск. «вызов») — у *фрименов* вызов на смертельный поединок, обычно по очень важному поводу.

ТАКВА́ (арабск. «благочестие, набожность») — букв. «цена свободы». Нечто, обладающее огромной ценностью. Нечто, что Бог требует от смертного, а также страх, рожденный таким требованием. (В другой транскрипции «Т.» может означать «пример для подражания».)

ТАУ — *у фрименов* особое ментальное единство *сиетча*, усиленное большим количеством *меланжи* в пище и питье и особенно тау-оргиями, во время которых единство достигается испитием *Воды Жизни.*

ТЕМНЫЕ ЗНАНИЯ — общее идиоматическое название различных предрассудков, внедряемых *Миссионарией Протектива* в какую-либо культуру. Частично пересекаются с *Паноплией Профетикус.*

ТЛЕЙЛА́КС — единственная планета системы Талим, знаменитая как центр подготовки «искривленных» или «порченых» ментатов. Иногда употреблялось выражение

«Бене Тлейлаксу», намекавшее на существование «ордена Т.». Также см. *ГХОЛА.*

ТОПТЕР — см. *ОРНИТОПТЕР.*

ТП — сокращенное название телепатии (греческ. «восприятие на расстоянии»), чтения мыслей.

ТРАНС ПРАВДЫ — полугипнотический транс, индуцированный одним из наркотических веществ группы ментафорсеров или «наркотиков сознания», в каковом состоянии погруженный в Т.П. способен замечать малейшие признаки лжи и неискренности. (Следует отметить, что ментафорсеры смертельно ядовиты, если принимающий их не десенсибилизирован к этим наркотикам, т.е. не умеет преобразовывать молекулярную структуру яда в своем организме.)

ТРЕНОЖНИК СМЕРТИ — в первонач. значении треножник, на котором жители Пустыни вешали казнимых. В переносном значении (ставшим основным в описываемый период) — трое членов *шерема*, давших общую клятву мести.

ТУПА́ЙЛЕ — так называемое «убежище», планета или группа планет, где находят убежище потерпевшие поражение Дома Империи. Место (места) расположения Т. известно лишь *Гильдии Космогации* и охраняется *Великой Конвенцией* и условиями Гильдийского Мира.

УЛЕ́М (арабск.) — богослов, доктор теологии у *дзенсуннитов.*

У́ММА (арабск. «нация», «община») — член братства пророков, пророк. В Империи — презрительное название для предсказателей-фанатиков, имевшее смысл «сумасшедший предсказатель».

УРОШНО́Р — одно из бессмысленных звукосочетаний, вводимых *Бене Гессерит* в подсознание подвергшегося специальной обработке человека для контроля за ним. При звуке такого кодового слова жертва на какое-то время замирает.

УСУ́Л (арабск. «основа», «доктрина», часто в религ. знач.) — «опора столпа», «основание колонны».

ФАБРИКА ПРЯНОСТИ — см. *КОМБАЙН-ПОДБОРЩИК.*

ФАЙ (арабск. «дань», «налог», «контрибуция») — водяной налог, основная форма налогообложения на *Арракисе.*

ФАФРЕЛА́Х — жесткие правила классовых различий, поддерживавшиеся в Империи: «Место для каждого, и каждый — на своем месте».

ФЕБРИЛЬНОЕ (или ЛИХОРАДОЧНОЕ) СОЗНАНИЕ — тормозящий уровень, на который воздействуют при *имперском кондиционировании.*

ФЕДАЙКИ́НЫ (арабск. «фидайин») — фрименские бойцы-смертники, коммандос; исторически: группа людей, поклявшихся отдать жизнь за правое дело, в борьбе за справедливость. Так первоначально назывались созданные главой исмаилитов Хасаном ибн Саббахом из династии Фатимидов, «Старцем Пустыни», войска фанатиков. (см. *АСАССИНЫ*).

ФИКХ (арабск. «толкование Шариата») — (религиозное) знание, религиозный закон; один из полулегендарных источников веры Странников Дзенсунни.

ФРЕГАТ — крупнейший космический корабль из способных на посадку на планету и взлет с нее в виде единого целого (не отдельными модулями).

ФРИ́МЕНЫ (от англ. «free men» — «свободные») — Свободный Народ *Арракиса*, жители Пустыни, потомки Странников Дзенсунни. В Империи их часто называли «*пиратами Пустыни*».

ФРИМПАКЕТ — набор для выживания в пустыне *Арракиса* (фрименского производства). Включает: *диститент, паракомпас, крюки Подателя, манок*, небольшой запас воды; *Китаб аль-Ибар, краскомет, рempакет*, сменные фильтры и пр.

ХАГА́ЛЬ — «Планета Драгоценностей» (II т Шаовея), чьи ресурсы были полностью выбраны при Шаддаме I.

ХАДЖ (арабск.) — паломничество, священное путешествие (у мусульман Земли в древности — путешествие в Мекку).

ХАДЖР (от арабск. «хиджра» — переселение», в мусульманской традиции так называлось переселение Мохаммеда из Мекки в Медину) — путешествие в пустыне, миграция, переселение *фрименов.*

ХАИЙЙ-ЙО́! — «Пошел!», команда рулевого на *песчаном черве.*

ХАЙЛАЙНЕР — крупнейший корабль в классификации *Гильдии Космогации.*

ХАЙРЕ́Г — временный лагерь *фрименов* в открытой пустыне.

ХАЛ ЙА́УМ! (арабск. «халь» — «состояние, положение» или вопросит. частица «ли», «йаум» — «день») — «Наконец-то!». «И вот!» — фрименское восклицание, значение зависит от контекста (удивление, удовлетворение и пр.).

ХАРМОНТЕ́П — Ингсли дает это название как имя планеты, служившей шестой остановкой на пути *дзенсуннитов* (Странников Дзенсунни). Большинство исследователей полагают, что Х. — более не существующая планета системы Δ Павлина.

ХЕО́ПС — пирамидальные шахматы с игровым полем, имеющим десять уровней. Игра имеет двойную цель: поставить своего ферзя в вершину пирамиды и дать шах королю противника.

ХОЛМЫ — обширная пересеченная местность к востоку от *Арракина.*

ХРАНИТЕЛЬ ВОДЫ — *фримен*, выбранный для исполнения ритуальных обязанностей, связанных с водой и *Водой Жизни*, и отвечающий за их сохранность.

ЧА́КОБСА так называемый «магнетический язык», происходящий отчасти от древнего языка бхотани (или бхотани джиб (арабск. «джиб» — «диалект, наречие»)). Представляет собой смесь нескольких старинных наречий, искаженных ради секретности. Служил главным образом боевым языком Бхотани — наемных убийц-*асассинов* в Первой *войне убийц.*

ЧА́УМАС — см. *А́УМАС.*

ЧАУМУРКИ́ — см. *МУСКИ́.*

ЧАША — на *Арракисе* котловина, впадина, образовавшаяся вследствие оседания почвы. На планетах, где вода имеется в достаточном количестве, такие образования обычно свидетельствуют о просевших подземных пустотах, оставшихся после ухода подпочвенных вод, или остаются на месте высохших водоемов. Считается (хотя и не доказано), что на Арракисе есть по крайней мере одна крупная Ч., где когда-то была вода, причем открытая вода. Также Ч. называют котловинами.

ЧЕРНИЛЬНИК, ЧЕРНИЛЬНАЯ ЛОЗА — ползучее растение, лиана, растущая на *Джеди Прим* и часто употреблявшаяся для наказания рабов. На коже подвергавшихся порке Ч. оставались свекольного цвета шрамы, вызывавшие остаточные боли в течение многих лет.

ЧУСУ́К — четвертая планета системы τ Шалиша; так называемая «Планета Музыки», знаменитая высоким качеством производимых на ней музыкальных инструментов (см. также: *ВАРО́ТА*).

ШАЙ-ХУЛУ́Д (искаж. арабск. или персидск. «шах-е-хулуд» — «владыка вечности») — арракийский песчаный червь. «Старик Пустыни», «Старый Отец-Вечность» и «Прадед Пустыни». Характерно, что это имя, будучи произнесено особым тоном или написанное с заглавных букв, означает божество земли в верованиях *фрименов*. Песчаные черви вырастают до огромных размеров (в глубокой Пустыне наблюдались экземпляры более 400 м в длину) и доживают до весьма почтенного возраста, если их не убивает один из собратьев или если червь не гибнет, натолкнувшись на воду, которая для него ядовита. Песчаные черви населяют практически все песчаные области *Арракиса* и играют важнейшую роль в его экологии. Они выделяют кислород, непосредственно включены в цикл воспроизводства *меланжи*, вследствие чего также именуются Подателями Пряности или просто Подателями; из зубов песчаного червя фримены изготавливают свои знаменитые *крисы*, а утопив небольшого червя, они получают *Воду Жизни*. Кроме того, фримены используют песчаных червей для передвижения.

ШАЙТА́Н (арабск.) — сатана, дьявол.

ШАРИ-А́ (арабск. «шариат» — «закон веры») — часть *Паноплиа Профетикус*, устанавливающая религиозный ритуал.

ШАТЕР ТИШИНЫ — искажающее поле, ограничивающее распространение голоса, или любой звуковой генератор, создающий колебания, противофазные подавляемым (при интерференции исходный звук гасится).

ШАХ-НАМА́ (фарси «Книга царей» или «Царская книга») — полулегендарная Первая Книга Странников Дзенсунни.

ШЕЛЬФ — на *Арракисе* каменистые окраины *эргов*, особ. в предгорьях *Барьерной Стены*.

ШЕРЕМ — «братство ненависти» (обычно создаваемое для мести).

ШЕСТОВАНИЕ ПЕСКА, или ЧТЕНИЕ ПО ШЕСТАМ — искусство устанавливать пластиковые и волоконные шесты в песках *Арракиса* и затем по следам, оставленным на них песчаными бурями, и другим приметам предсказывать изменения погоды.

ШИГАКО́РД — металлосодержащее волокно ползучего растения (Narvi Narviium), растущего только на *Салусе Секундус* и III Δ Кайсинь. Отличается чрезвычайной прочностью на разрыв.

ШЛАГ (нем. «Schlag» — «удар») — животное с *Тупайле* (аборигенный вид, эндемик), почти истребленное ради его тонкой, но очень прочной шкуры.

ШНО́РКЕЛЬ — здесь трубка для подачи воздуха с поверхности песка в *диститент*.

ШЭДА́УТ — «Черпающий из кладезя», уважительный титул у *фрименов*.

ЩИТ СИЛОВОЙ — защитное силовое поле, создаваемое генератором Хольцмана. Этот тип силового поля представляет собой дальнейшее развитие *эффекта Хольцмана*, основанное на измененной первой фазе поля силовой *подвески* (антигравитационного). Щит пропускает только медленно движущиеся объекты (в зависимости от заданных характеристик скорость пропускаемых объектов может быть ограничена шестью—девятью метрами в секунду); щит может быть нейтрализован лишь электрическим полем огромной, практически недостижимой мощности (см. также: *ЛУЧЕМЕТ*).

ЭГО-ОБРАЗ — портрет, воспроизводимый с помощью *солидопроектора*, что позволяет воспроизвести мельчайшие, почти незаметные движения, несущие, как считается, суть человеческого «я».

ЭКА́З — четвертая планета α Центавра Б.; «скульпторский рай» — прозвана так потому, что здесь произрастает «туманное дерево», которому можно придавать требуемую форму во время роста, in situ, силой одной только мысли.

ЭКУМЕНИЧЕСКАЯ БИБЛИЯ (греч. «Вселенская Книга») — «Единая Книга», священные тексты, созданные в результате работы Комиссии Переводчиков-Экуменистов. Содержит элементы большинства древних религий, таких, как Маомет-Саари, Христианство Махаяны, Дзен-суннитский Католицизм и Буддислам. Основная заповедь Э.Б. — «Не искази душу».

ЭЛА́ККА — наркотик, получаемый при пережигании измельченного элаккового дерева с *Эказа*. Человек, подвергшийся воздействию Э., теряет почти полностью инстинкт самосохранения, при этом кожа получившего дозу Э. приобретает характерный морковный цвет. Э. обычно используется при подготовке гладиаторов к бою.

ЭЛЬ-САЯЛЬ (арабск. «текущий», иногда «дождь») — «песчаный дождь», пыль, падающая с высоты в среднем 2000 м, куда ее поднимают *кориолисовы бури*. Э.-С. часто приносят в нижние слои атмосферы, к поверхности, влагу из более высоких слоев.

ЭРГ — «песчаное море», обширный барханный район.

ЭФФЕКТ ХОЛЬЦМАНА — отталкивающее действие силового генератора (генератора Хольцмана). См. также: *ПОДВЕСКА СИЛОВАЯ, ЩИТ СИЛОВОЙ*.

ЯДОИСКАТЕЛЬ, иногда ЯДОСКОП — анализатор ольфакторных (ароматических, запаховых) излучений, служащий для обнаружения ядовитых веществ. Непременная принадлежность обеденных столов правящих *Домов*.

ЕГО ЗВАЛИ ПАУЛЬ

(Заметки переводчика)

Да, именно Пауль! Некоторые читатели, привыкшие к «Полу Атридесу», возможно, возмутятся. Но чего возмущаться-то? Действие романа происходит в далеком будущем. Язык, на котором объясняются персонажи, — явно не английский, он называется «галакт» и имеет «англославянское происхождение», при этом половина и даже больше терминов взяты из арабского, фарси и других языков. Имена в ходу — самого разного происхождения: тут и «славянин» Владимир Харконнен (имеется в виду только происхождение имени), и «тюрок» (или «араб»?) Император Шаддам, и «англичанка» Джессика... Имя сына герцога Лето) а не Лито — от латинского «letum» — «смерть», «погибель») пишется «Paul» и по-английски должно бы читаться, конечно, «Пол». Но, как сказано выше, дело происходит в далеком будущем и язык у них НЕ английский; а то же имя французы произнесут как «Поль», немцы — как «Пауль», и т.д. «Пол» — слишком отчетливая «1/2», в то время как холодноватое «Пауль» — имя куда как подходящее для этого персонажа! И всё, возражения не принимаются.

Да, еще кому-то, может быть, трудно расстаться с Оранжево-Католической Библией. Тут вот какая вышла история: «католический» — это в буквальном перевод, «вселенский, всеобъемлющий». Оранжисты из Ирландии вряд ли имеют отношение к книге, над которой работали представители таких учений, как «буддислам» или «дзенсуннизм». Возможно, конечно, имелся в виду просто цвет обложки первого издания (типа «Белой» или «Красной» книг). Но я склонен предположить, что даже если так, речь шла не просто об

оранжевом, а о шафранном цвете — цвете буддийских одеяний. Короче, я использовал прекрасное слово «экуменический», которое значит «вселенский» (например, о «соборе»). И экуменический перевод Библии уже когда-то был — это когда решено было сверить имевшиеся священные книги и привести их к единому знаменателю, результатом чего стала так называемая Септуагинта.

Еще один момент, к которому читатели, знакомые с предыдущими переводами «Дюны», могли привыкнуть — нелепые строки «древнего похоронного ритуала», которые произносит на оплакивании Джамиса Стилгар: «Има трава около, и коренья около». Сие в переводе должно означать: «Вот пепел, и вот корни». Читатель недоумевает, а дело в том, что автор, желая изобразить «древний язык», пользуется словарем русского языка (который он явно не знает). Нелепое «около» — перевод английского «here is/are...» — что действительно значит «вот». С другой стороны, то же «here» можно перевести и как «около», и надо полагать, что это округлое, распевное слово чисто фонетически пришлось Герберту по душе. Вероятно, аналогичная история произошла и с «корнями» — увидев в словаре, что «roots» можно перевести как «корни» и «коренья», автор выбрал второй вариант как более подходящий по размеру и звучанию, оставшись при этом в неведении относительно разницы между корнями и тем, что кладут в суп — кореньями, всякой петрушкой и сельдереем. «Трава» же — результат явной ошибки, ну а «има» вставлено просто для благозвучия... Чтобы стих не звучал так нелепо, мне и пришлось перевести его на хиндустани — у Герберта, естественно, этого нет.

Вообще, вашему покорному слуге пришлось-таки повозиться с терминами и названиями. Спасибо коллегам, выпускникам Института стран Азии и Африки, которые помогли отследить «этимологию» придуманных Гербертом терминов (кстати говоря, я настаиваю на том, что он Герберт, а не Хер-берт какой-нибудь. Слава Богу, есть традиция транскрибирования — Герберт Уэллс, мальчик Герберт из «Таинственного острова»...). Особая благодарность Фариду Юнусову, который — почти везде! — сумел догадаться, какие арабские слова использовал автор (а арабизмов там большинство).

Кстати, о терминах. Должен признаться, что мне пришлось чуточку расширить составленный Гербертом глоссарий. Например, слово «асассин» для англоязычного читателя особых пояснений не требует... да и то, историческая справка, как мне кажется, не помешала бы и ему. А «друзы»! Конечно, Герберт мог предполагать, что читатель, встретив незнакомое слово, кинется к словарю. Но куда там, если даже переводчики не всегда считают это необходимым! Так, в одном из переводов «Дюны» Стилгар, указывая Паулю на показавшихся вдали фременов, сообщает «Вот подлинные друзья!» — тогда как в тексте написано «druses». Да, «друзы» и «друзья» (если по-русски) звучит похоже — а разница таки есть, причем существенная. Назвав фременов «друзами», Стилгар не только указывает, на происхождение их религии, но и как бы предсказывает роль Пауля в обществе жителей пустыни. Но чтобы понять это скрытое указание, следует сперва отыскать «друзов» в приличной энциклопедии... Еще одна проблема состоит в том, что язык Герберта не слишком прост, и порой собственные его объяснения требует расшифровки. Попытка перевести «наскоком» (как я подозреваю, даже не используя словарь — в гордыне ли, в спешке ли) приводит к совершенно дивным перлам. Первой была знаменитая в кругах любителей фантастики «малиновая Дюна» (фэны прозвали разные переводы «малиновой», «голубой», «синей», «бурой» «Дюнами» — по цвету обложек). В «малиновой» явно был взят так называемый системный «перевод» — это когда фантастика были в загоне, переводчики-любители в меру способностей и знания языка оригинала и родного перетолмачивали зарубежную фантастику, причем часто используя как оригинал польские переводы; потом получившийся текст загонялся на носитель (магнитную ленту для древних ЭВМ) и жаждующие припасть ко кладезю западной НФ распечатывали его на слепых матричных принтерах и передавали из рук в трепещущие руки... Так вот, этот «системный» перевод так и загнали в печать безо всякой редактуры. А несколько последующих изданий использовали тот же текст, редактируя его опять-таки в меру способностей. И тут-то уместно произнести «увы»: поскольку способности эти были такими, какими были, отечествен-

ный читатель увидел прекрасного писателя Герберта в виде достаточно нелепом, чуть ли не Юрием Петуховым американского розлива. Чтобы не быть голословным, позволю себе процитировать несколько изящных «ляпов» — для начала из той самой «малиновой Дюны».

«Малиновая Дюна» вообще была гордостью моей коллекции, но ее взял для написания ругательной заметки в популярном среди фэнов издании «Фэн Гиль Дон» широко (в этих самых фэнских кругах, а теперь и как писатель) известный А. Свиридов, да так и не отдал: еще бы, не книга, а сплошной анекдот. Так что мне придется сейчас ссылаться на его, свиридовские, выписки из этого дивного изданьица (Ереван, 1990). Итак: «Ночь была жаркой, но груда камней, служивших домом уже двадцати шести поколениям семьи Атридесов, дышала прохладой». Вот она, жизнь герцогская! Им даже не «груда камней» жилищем служит, а отдельные составляющие ее камни. Ну как тут не переехать на Арракис — в песке оно хоть помягче будет... Или: «В глазах морщинистого рта старухи мелькнула усмешка». «Это был выпуклый шар» (а я, грешным делом, не знал, что бывают еще шары плоские или вовсе «впуклые»). «Посмотрю, как ты будешь предлагать цену, когда рука каждого человека поднимется на тебя, чтобы вымолить свою жизнь и жизнь своего сына» (рука поднимается, чтобы вымолить свою жизнь...). «Дрожь пробежала по его багровому шраму». «Повесить ключи здесь была завершающая определенность». «Прыгающая рыба была вырезана из дерева с толстыми коричневыми плавниками» (дерево с плавниками — такая же новость в зоологии, как выпуклый шар — в стереометрии, и даже бóльшая: в конце концов шары действительно все выпуклые, а вот деревья как-то по большей чáсти обходятся без плавников, ног и прочих конечностей). «Отцы наши ели манку в пустыне», — поет Халлек. Правильно: а еще гречку, перловку и овсянку. Это ведь тоже беда — переводчики настолько фатально не знают Библии, что не узнают даже самые расхожие к ней отсылки; что уж говорить о точных цитатах, которых у Герберта пруд пруди (да и вообще англоязычные авторы любят библейские аллюзии). «Интересно, сколько здесь «же»? Както тяжеловато! — Девятнадцать по справочнику». (Уж что тяжеловато, так тяжеловато. 19 g — значит, 19 нормальных (земных) сил тяжести, то есть при весе в 60 кг бедняга

рабочий, прибывший на Арракис, вынужден тащить на себе дополнительный груз в 1080 кг!). Или, наконец, описание дистикомба-стилсъюта: «Два следующих слоя включают в себя волокна охлаждения солей. Соль регенерируется. Движения тела, особенно дыхания, и некоторые астматические действия обеспечиваются работой насоса. Вода проходит через тормозное устройство и подводится к зажиму у шеи. Моча и кал подвергаются процессу в бедренных корзинах». («Так и видишь несчастного герцога, — замечает «Фэн Гиль Дон», — с зажимом у шеи, астматически дышащего при помощи насоса и увешанного корзинами с мочой и калом...») Ну и так далее, от страницы к странице — ОТ трех (не менее!) фактических ошибок и ОТ восьми опечаток на страницу. Но это бы полбеды — оставайся все это безобразие в одной книжонке в бумажной анилиново-малиновой обложке на скрепках. Радость коллекционерам нелепиц, и всё. Беда в том, что едва ли не все последующие «Дюны» использовали этот же самый перевод, более или менее отредактированный. Причем, увы, скорее менее, чем более. Обыкновенно, увидав на лотках очередную «Дюну», я открывал сразу первую страницу и, если встречал знакомую фразу про камни, в которых ютились Атрейдесы, далее уже не смотрел. Тот же перевод, к примеру, только чуточку подредактированный, был использован в «голубой Дюне» издательства «Осирис». Правда, «выпуклый шар» стал «круглым шаром», что в общем-то ненамного лучше. (Или подчеркивается, что в отличие от большинства планет, которые по форме есть не шары, но геоиды, Арракис был-таки совсем-совсем круглым?) Тяготение на Арракисе у них не «19 же», а «19 единичек». Ну и по мелочи: возник, например, пистолет со «статистическими зарядами». Это значит — статистическими.

Ляпы переходили из издания в издание как эстафета. Вот «Дюна» в пересказе ИИФ ДИАС ЛТД, 1991 (издано в «Бесконечной фантастической серии» в 1992 году). Опять — с первой страницы: «Нагромождение каменных глыб, именуемое родовым замком...» Ну почему герцог, правитель целой планеты, вынужден прозябать в каких-то глыбах? О главном герое говорится: «Почему-то его сны всегда исполнялись» — тогда как в оригинале «Он всегда помнил свои пророческие сны»; снова путаница с глобусом барона Харко-

ненна: в оригинале четко написано — «Это был рельефный глобус планеты...» Бог знает почему «рельефный» переводится как «голографический», и далее в одной фразе — еще три фактические ошибки. И опять лень заглянуть в нормальный словарь, чтобы уточнить, что «world» — это еще и «планета», да в конце концов, простой здравый смысл должен бы подсказать, что «глобус Мира» — это что-то не то. Засим барон сообщает: «Здесь (на Арракисе) есть и моря, и озера, и даже реки». В то время как мы с вами знаем, что ничего подобного на Арракисе не было. Может быть, у барона глобус неправильный, хоть и сообщается, что делали его лучшие мастера метрополии? Да нет. В оригинальном тексте сказано — «И тебе не найти нигде (на Арракисе) ни морей, ни озер, ни рек». А чуть позже барону приносят письмо герцога Лето, и приближенный барона Питер читает: «Жаль, что искусству канли (вендетты) все еще поклоняются в Империи». А ведь герцог отнюдь не жалеет об этом, он, собственно, и пишет-то барону именно с целью объявления вендетты! И сказано в его письме, что «искусство канли все еще имеет своих почитателей». Чуть позже говорится о том, что удалось «заставить Лето обменять Каладан на Дюну — и безо всяких условий». А в оригинале — «... и без всякой альтернативы». То есть герцогу выбирать не приходилось — какие там условия!

Ну, потом опять дистикомбы-стилсъюты и «астматические действия». Не стоит повторяться — вам ясно уже, что астма здесь ни при чем. А зачем грузчики, затаскивая пожитки герцогской семьи в новое жилище в Арракине, крушат хозяйское добро? ИИФ ДИАС ЛТД описывает процесс так: «звук бьющегося металла сотряс башню... груз прибыл». Металл расколотить сумели, мазурики!..

Художник, оформлявший то издание, нарисовал фрименский крис чем-то вроде двузубой вилки. Он, по всей видимости, ориентировался на утверждение переводчика о том, что «он был как бы с двумя остриями». Я, признаться, не понимаю, как это нож может быть *как бы* с двумя остриями: это вроде палки как бы о двух концах. 1,5 острия было, что ли? В оригинале-то сказано: «он был обоюдоострым, как кинжал». А домоправительница Мэйпс о крисе говорит — «Кто увидит его, должен быть очищен или убит». Наши толмачи почему-то заменяют «убит» на «заклеймен»... И вновь

торчат уши «малиновой Дюны»: Великая Мать обзывается «женским олицетворением спайса» (который, в свою очередь, ниже называется спайсом спайсов — очень понятно, если не знать, что «спайс» — это «пряность»!). Так вот, не «спайса» («spice»), а «спейса» («space») — космоса, значит. Приводят в недоумение «сандснорк» («sandsnorkee!») — если заглянуть в словарь, там и «шноркель» есть. Это трубка такая, через нее, например, субмарины воздух забирают. Фрекен Снорк из «Муми-троля» тут ни при чем, так же как Скуперфильд из «Незнайки» не имеет ничего общего со «скупером», который, в свою очередь, на самом деле «снупер» («snooper» — от «to snoop» — «совать нос (в чужие дела), вынюхивать»). И вовсе он не «радиоактивный разрушитель» — он ничего не разрушает. Он вынюхивает, обнаруживает яды. А зачем «dump boxes» перевели «свинцовыми ящиками»? Буквально это «роняй-ящик», про свинец там ничего не было. Мне пришлось переводить по смыслу («грузобомба»). Впрочем, «свинцовый ящик» — это еще не так страшно (свинец для названной цели непрактичен, но да бог с ним); в «голубой Дюне» изобретено и вовсе жуткое слово — «думпящик». Его хочется разделять на «дум-пящик» — не знаю, что такое, но больно уж слово забавное...

В разных изданиях редакторы словно старались переще-голять друг друга. В одном из них (прошу прощения, забыл в каком — не могу же я покупать всю... продукцию, появляющуюся на лотках) мне попалось такое (цитирую по памяти) определение «дистранса»: «устройство, благодаря которому птицы издают звук, похожий на звук реактивного самолета». Что такое дистранс у Герберта на самом деле, вы узнаете из словаря в этой книге... Мало было книг, которым «повезло» с переводами так же, как «Дюне». Мало было переводов, столь же достойных изобретенной фэнами издевательской премии «Одномуд» (присваивается за опечатки и ошибки и называется в честь прославленной опечатки «одномуд-вум», в девичестве «одному-двум»).

Самым приличным был перевод, изданный «Феей» (Москва, 1992) — «синяя Дюна». Нет, без ляпов не обошлось и тут (и по-прежнему основная причина — это лень, либо гордыня, не дающие лишний раз заглянуть в словарь). Но все-таки это лучший из многих перевод — хотя

«лучший из плохих» — это еще не обязательно «хороший». Именно потому, что в этом переводе фактических ошибок гораздо меньше (есть страницы, где фактических ошибок нет вообще!), я хотел бы именно в этом случае провести несколько более обширный «разбор полетов». Начнем со старого знакомого — герцогского замка. На сей раз Атрейдесы живут «в древнем каменном пилоне замка Каладан». Конечно, спасибо, что не в камнях. Но неплохо бы представить себе жизнь в пилоне. Посмотреть в энциклопедии, что такое пилон, и не лучше ли жить вообще в замке (или весь замок, за исключением пилона, был в забросе?). И вообще, не выглядит ли странным проживание в пилоне? Или, скажем, в контрфорсе. В той же фразе сообщается, что «стало душно», в то время как у автора изменение погоды произошло с точностью до наоборот. Через несколько фраз следует такой пример отсутствия чувства языка (из многих и многих): «в крови властелина должно быть лукавство». А чуть ниже — еще того лучше: «Спи спокойно, лукавый негодник», — так прощается Преподобная Мать с юным Атрейдесом. Так и хочется дописать к этому — «утю-тюсеньки!». Или — «Да будет земля тебе пухом!» На той же странице слово «quasyfief» переводится как «квазифайф». Может, кому-то этот файф и «в кайф», но только не читателю, который в результате и не поймет, что Арракис находился у Дома Харконнен в ленном владении (квазиленном, чтобы быть точным). А чуть ниже следует пример фонетической глухоты: довольно неуклюжее слово «fafreluches» переведено совсем уж ни в какие ворота не лезущим «система кастовых фофрелюхов». Это так повлияло на одного моего знакомого, что он (не будучи большим любителем фантастики) по прочтении эдакой прелести и всю книгу иначе как «фофрелюхой» не называл. Красоты стиля сверкают во фразах типа: «...Джессика вихрем повернулась и, посвистывая юбкой, широким шагом вылетела из комнаты, надежно затворив за собой дверь», «[его] аорта наполнилась кровью» (а до этого была пуста?), «бледно-розовые десны, хищно поблескивающие серебряными зубами при разговоре», и т.п. Кстати, о стилистике я говорю в основном применительно именно к «синей Дюне», ибо в про-

чих вариантах стилистику, за полной безнадежностью перевода в целом, обсуждать вообще бессмысленно. Там погрешности стиля — и есть стиль, и оттого это даже не смешно. В «синей Дюне» стилистические погрешности все-таки выделяются. Вот еще примеры: «Кривой шрам на его лице искривила улыбка» или «Кого Харконненам наиболее целесообразно наметить своей целью?».

А вот ляп просто прелестный: комната Атрейдеса-младшего, а в ней... «Слева у стены высился книжный шкаф. Его можно сдвинуть вбок, при этом открывался клозет с полками по левую сторону». Но «closet» — это на самом деле «шкаф» или «гардероб»! Аналогичная ошибка, кстати, встретилась мне в переводе одной из повестей Сильверберга: там сообщалось, что «из всех клозетов в городе стали вылезать скелеты». Зрелище почище Апокалипсиса — а речь-то шла о «скелетах в шкафу», то есть все неприятные тайны вдруг стали всплывать на поверхность!

Фактическая ошибка: вдова и сын герцога наблюдают бурю в пустыне. «Глянув на остроконечную скалу, он увидел, как внезапный порыв ветра буквально сточил ее бурую вершину». И от этой-то бури герои прячутся в палатке! На самом-то деле ветер мгновенно засыпал скалу песком, превратив ее в пологий холм.

«Дороги на Арракисе нелегки» — английское «ways» означает «образ жизни», «обычаи», и фраза переводится как «нелегка жизнь на Арракисе». «Голытьба», живущая в «деревнях», вызывает мираж затерявшихся в аракийских песках бревенчатых изб и по́ля, где сиротливо не сжата полоска одна. К барону Харконнену — заплывшему жиром гиганту — никак не подходит слова «старикашка» (старикашка должен быть маленький, дохленький, скрюченный).

Про Гильдию сказано, что она «insidious», и это переведено как «внутренний паразит: сперва сосет кровь понемногу, пока хозяин не возражает, а потом — ты у нее в кулаке: плати, плати и плати». Между тем это слово значит просто «хитрый», хотя и имеет общий корень с «inside» — «внутри». «Паразит» там не упоминался, вдобавок — как это возможно оказаться в кулаке у внутреннего паразита?! А в другом месте спутаны «pheasants» — «фазаны» и «peasants» — «крестьяне».

«Человек выполз на гребень дюны — ночной мотылек, оцепеневший под утренним солнцем». Оцепеневший мотылек никуда не уползет, да и не цепенел никто у автора — там было «mote», а не «moth», то есть человек выглядел точкой, крошечным пятнышком. Про оцепенение переводчик добавил от себя, чтобы объяснить «мотылька». «Из-под повязки (выше сказано, что это был тюрбан) свисали соломенного цвета пряди волос, торчала редкая бороденка и густые брови». Мысленно нарисуйте торчащую из-под тюрбана бороденку... «Кому-то приятно было думать, что он умрет именно так, от рук собственной планеты». От рук планеты — это сильно. Далее следует «хрупкая коробочка наветренной стороны дюны» — это просто опечатка, имелась в виду «корочка». Ну и нелепая «котловина Пластыря». То есть Гипсовая. А ниже — «зеленые формы жизни. Тут — растение, там — животное, а здесь — человек». Это опять опечатка, имелись в виду земные формы. И вот опечатка — «Культы мертвых» назывался фильм, показанный как-то Паулю матерью. Ошибка наборщика — и появляются «кулы». Но это что, в одном из переводов, кажется, Лавкрафта возникли и вовсе «культи»...

Пола (Пауля) одолевают «думы партизана». Скульптурную группу на станции метро «Белорусская» в Москве видели? Вот такие думы. А Джамис дерется с ним «в исподнем». Такой бедуин в кальсонах с тесемочками... Или как вам понравится следующее: «Когда дед наш солнышко садится, в темноте хромопласт становится прозрачным». Стиль очарователен, не правда ли?.. «В нас одинаковые потери», — думает Пауль о Чани (в этом переводе Чени). Это согласование — действительно потеря во всех, для кому дорога красота и правильность из русского языка. А вот чудесное изменение смысла: «Я родила тебе сына, — говорит Чани и добавляет: — И получишь все остальное, как только сможешь». Тут путаница со словом «rest» — переводчик понял его как «остальное», тогда как здесь это «отдых»: «Ты должен отдохнуть теперь, насколько сумеешь» (Паулю предстоит серьезное испытание). О сухом, тощем человеке: «Он был похож на сушеную мумию». Чтоб никто не подумал, что он мог быть похож на моченую мумию...

Бывают и такие прелести, как вопросительные междометие «эх?», «хах?», «хе?» или непонятно какое «учз-х-х?»,

произнесенное Стилгаром, когда Джессика взяла его на болевой прием. Тут искажено и звучание, и смысл.

«Этой ночью, — думает Джессика, — лишь тот, кто устроился на ночлег под землей, имеет право хвастать». А у автора все наоборот: «Имеет ли право хвастать тот, кто сегодня забился на ночь под землю?»

Масса путаницы по мелочам: в оригинале «сидел, поджав ноги» — в переводе «развалившись». В оригинале «поджал губы» — в переводе «надул губы». И так далее. Приводить все ляпы, ошибки, опечатки и нелепости — проще опубликовать для сравнения весь текст книги.

Но все-таки «синяя Дюна» была ближе прочих к оригиналу. Хотя Герберта и засушили — все эмоции, весь накал испарился, и получилось, по-моему, довольно скучно. А в иных местах, пытаясь «оживить» речь, переводчик (редактор?) сделал ее довольно нелепой, просто вследствие слабоватого владения языком родным, доходящего порой едва ли не до алексии. А может быть, я просто слишком ревниво отношусь к собственному переводу.

А вообще, каждое очередное переложение «Дюны» все более укрепляло меня в мысли о необходимости издания человеческого перевода. Я закончил свой перевод еще в 1991 году, в самом начале, но у издательства (которое в то время собиралось «Дюну» издать) все время были разные трудности. А книга сложная, работы редакторам и корректорам много... да и наборщикам тоже. Сознаюсь, я сдал в редакцию рукопись в самом полном и изначальном смысле этого слова, то есть текст, написанный от руки. Посему пользуюсь случаем извиниться перед сотрудниками редакции за связанные с этим проблемы и поблагодарить их за титанический труд. Зато теперь наконец те, кто не может прочесть Герберта по-английски, прочтет — как мне кажется — примерно ту «Дюну», какую писал автор. А не ту, какую переводил... не знаю кто. Программа-переводчик, наверное? Это мне попалась как-то инструкция к популярной компьютерной игрушке «Doom», переведенная такой программой. Так вот там рекомендовалось, в частности: «Когда вы приклеились в мертвый конец, давите космическую преграду», что в оригинале означало: «Когда вы попали в тупик, нажмите клавишу пробела». Словом, старая история про то, как

«голый кондуктор бежит под вагоном» (сиречь «неизолированный проводник проходит под вагонеткой (крана)»). Только в старые времена такие ляпы умели еще делать без помощи компьютеров.

Коль скоро мне досталась возможность высказать наболевшее, скажу вообще о переводах: не верьте! Если вы видите какую-нибудь нелепость в русском тексте, это еще не значит, что она была и у автора. Сколько я встречал дичайших ошибок, причем порой даже в довольно хороших переводах! То в викторианской Англии джентльменов приглашают в публичный дом — а ошибка эта так стара, что ее приводят в пример все, кто пишет об Англии. Речь идет о пабе, то есть пивной (по-английски буквально действительно «public house»). То описывается военный: сидит это офицер в ресторане, а «грудь его туники заляпана фруктовым салатом». И этот неряха преспокойно беседует с сенатором и его супругой. А все потому, что «фруктовым салатом» военные прозвали орденские планки — такие, знаете, пестренькие полосочки, которые носят вместо медалей, чтоб не слишком звенело. А «туника» — это «мундир» или «китель», и прошу вас, читая переводную литературу, помните об этом. Гражданские, особенно в будущем — Бог с ними, может, они и впрямь носят туники, тоги и сто́лы. Но военные, полагаю, и в будущем не станут обряжаться в античные хламиды! С военными вообще у переводчиков много хлопот. То они требуют срочно подвезти на позиции амуницию — хотя зачем в разгар боя нужны ремни и портупеи, неясно: ведь по-английски «ammunition» — «боеприпасы», а русские слово «амуниция» обозначает все то, что носят военные, кроме непосредственно формы и оружия, а также конскую сбрую, когда речь идет о кавалерии. Или вот: «там лежали стволы, набитые порохом». Если бы переводчик смутился нелепостью фразы и посмотрел бы в словарь, то бочонки с порохом не превратились бы в стволы. А безоткатные пушки не стали бы загадочными безоткатными (и даже в какой-то повести «несжимаемыми») ружьями. Офицер, услышав приказ старшего по званию, не заорал бы «ай-яй-яй, сэр!», а ответил бы «Слушаюсь!» или «Есть!», потому что «Аye, аye, sir!» — это именно «Есть!» и есть. И средневековый негодяй не целился бы в положительного героя из непонятно-

го жавелина, и не носил бы вельветовый костюм, — он, разряженный в бархатный камзол, наставил бы в грудь смельчака копье. Всадник не стал бы натягивать вожжи (впрочем, тут уже не ошибка перевода, а незнание реалий. Как и в случае, когда получившему удар в пах герою кажется, что «его яйца раздулись до масонского кувшина». Не было у масонов никаких особенных кувшинов — речь идет о широкогорлых бутылках популярного калифорнийского вина «Paul Masson», сейчас оно продается и у нас.). При взгляде на симпатяшку-официантку космопроходец не чувствовал бы себя рогоносцем — он ощутил бы себя готовым к атаке на невинность красотки («horny»). «Навстречу мне по дороге ехал перамбулятор с женщиной-водителем». Кто знает, как выглядит эта жуткая машина? Никто? Так я скажу: четыре колеса, люлька с ребенком, ручка. «Perambulator» — это детская коляска (обычное сокращается в «pram», но в словаре есть! И женщина, ясно, не за рулем — просто катит колясочку... А как вы думаете, кто такой «гопстер»? Гопник-гангстер? Почти. Это — член республиканской партии... Бесперечь путаются слова «кремневый» и «кремниёвый»: то покажут нам средневековый кремниевый пистолет — еще бы германиевую шпагу и селеновую аркебузу, все утеряны пришельцами; то, напротив, продемонстрируют кремнёвые транзисторы. Не иначе как вытесанные вручную лучшим мастером племени Серого Медведя, Уыхом. Еще одна распространеннейшая ошибка: вот диалог, речь идет о пропавшем ребенке. «Теперь нам его, думаю, уже не найти, — говорит один. — Живым...» — «Какой стыд!» — реагирует собеседник (между прочим, злодей). Вот именно — какой стыд для переводчика (и ведь сделавшего вполне удачный перевод, даже абсолютно правильно справившегося с неоднозначным заглавием книги — это был «Салимов Удел», где «удел» — это и название городка («владения, территория, поместье»), и «участь». А усеченное «Салим» (от «Иерусалим» — здесь: имя кабана) напоминает о городке Салем, знаменитом самым крупным в истории Америки процессом над ведьмами). Так вот, перевод очень недурен, и тем досаднее ошибка: «What a shame!» означает вовсе не «позор» и не «стыд», а «какая жалость!». А «cheese!» или «Say «cheese»!», часто встречающиеся в англоязычных книгах — это вовсе

не «сыр», а «улыбочка!» или «спокойно — снимаю!», в зависимости от контекста. Сыр тут ни при чем — просто при произнесении этого слова губы растягиваются в улыбку, потому фотографы и просят произнести его. Общее место, как и случай с «публичным домом» или «стыдом». А вот поди ж ты, раз за разом переводчики наступают все на те же грабли...

Или, скажем, керосиновая проблема. То персонажи маются при свете масляной лампы на манер какого-нибудь Аладдина, потому что переводчик поленился слазить в словарь и узнать, что «oil lamp» — это и керосиновая лампа, а не только масляная плошка. То, выйдя из залетевшего в прошлое самолета на летное поле, герой замечает: странно, мол, что нет запаха газа (помните? «Если вы почувствовали запах газа, звоните 04»). Только человек, в жизни не бывавший на аэродроме, может не знать, что на летном поле пахнет не газом, а керосином, потому что керосин как раз и есть топливо для современных самолетов. Аналогичная история — с «песком», которым что-нибудь начищают или шлифуют: в большинстве случаев это вовсе не песок, а «шкурка», наждачная бумага. Или вот еще: человек звонит в гостиницу и бронирует номер, а затем сообщает: «Я приезжаю завтра. Номер моего американского экспресса такой-то». Мол, встречайте! Вагон бы еще указал. Это в каком же Урюпинске жить надо, чтобы не знать, что такое кредитная карточка «American Express»?! Герой просто указал, как будет платить за номер. А вот некий гангстер говорит о провинившемся чем-то перед ним бедняге: «Отправьте его в Детройт» — и никаких пояснений при этом не дается, словно речь идет о высылке революционера в глухую Сибирь. А между тем Детройт, столица автомобильной промышленности Америки, отнюдь не Шушенское и не Тмутаракань. Это народная гангстерская забава — вроде более известных «цементных ботинок». Ненужный человек связывается и помещается в багажник автомобиля, который отправляется под пресс и на переплавку (не обязательно именно в Детройте) — и никаких следов! А вот еще «всадники на квадрупедах». Вполне фантастический зверь... Хотя автор-американец назвал его просто «четвероногим».

А уж если зайдет речь о религии... я говорил чуть выше о незнании переводчиками (я имею в виду горе-толмачей, решивших, что детективы, фантастику и прочую «несерьезную» литературу может переводить любой-всякий) Библии и прочей религиозной литературы. Вот и выплывает на страницы переводов Желязны некто с «лампами рта его». А это Левиафан был — «пламенники пасти его»... Кстати, в одном из переводов переводчик «пламенники» нашел. А наборщик превратил их — прости Господи! — в «племянников». Или возникает святой Джон-баптист. Конечно, фантастика — она на то и фантастика, там и св. Айзек (Азимов) бывает, и св. Альберт (Эйнштейн). Но когда герой клянется *головой* святого Джона-баптиста, то должен же если не переводчик, так редактор, а не редактор, так старенькая вахтерша баба Клава — кто-нибудь! — вспомнить, на худой конец, картину с усекновением главы Иоанна Крестителя!!! А вот герой — робот — по имени Ноах. И его товарищ Уззия. А также Джонас, Джоб и Джереми. Если вам когда встретится этот перевод — знайте: роботов назвали именами ветхозаветных пророков, и в русском переводе Писания и имена звучат: Ной, Осия, Иона, Иов и Иеремия. Или такой пустячок: сидят эти герои в монастырской келье: в разговоре — пауза, и стоит тишина, «только из розария доносилось щелканье соловья». Я видел оригинал: соловьев там не было. Только сухо щелкали в тишине четки. Четки по-английски — «rosary», а поскольку переводчик, как обычно, поленился посмотреть слово в словаре (выглядит-то знакомо!), он приплел к случаю соловья, здраво рассудив, что розарий сам по себе обычно не щелкает. И аналогичная история в другой книге — герои, собираясь на битву с нежитью, спрашивают священника, есть ли у него освященный розарий. Есть, ребятушки, есть, у него все освященное — и розарий, и малинник, и грядки со свеклой... А отгадайте-ка загадку: некто совершил убийство. «Что с ним сделали?»— осведомляется герой об убийце. И получает ответ: «С ним поступили по закону Мозаики».

Три попытки! «Мозаика — это планета», — предположил один из моих знакомых. Нет, не так. «Убийцу разрезали на кусочки», — кровожадно сказал другой. Опять нет! «Это какое-нибудь особенное устройство общества, типа коллективного разума?» — подумав, осторожно спро-

сил знаток фантастики. Увы! Mosaic law — это не что иное, как «моисеев закон». Следовательно, «око за око»... Эх, переводчики... бумаги на макулатуру!

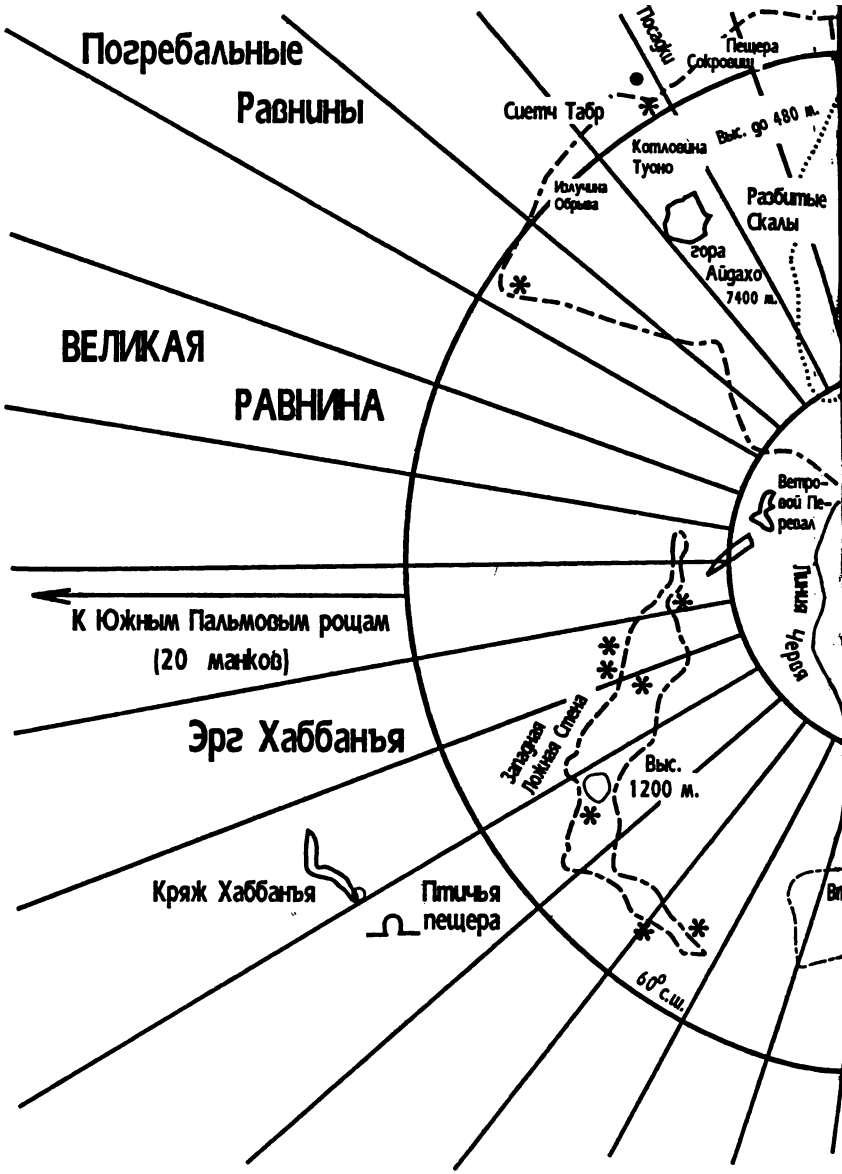
Ну да Бог с ними, впрочем. Я, пожалуй, немного увлекся со своими обличениями. Хватит уж. Позвольте просто предложить Вашему вниманию прилагаемый к сему перевод замечательной книги хорошего писателя и выразить надежду, что Вы получите от этой книги удовольствие не меньшее, чем то, которое испытывают Ваши англоязычные коллеги.

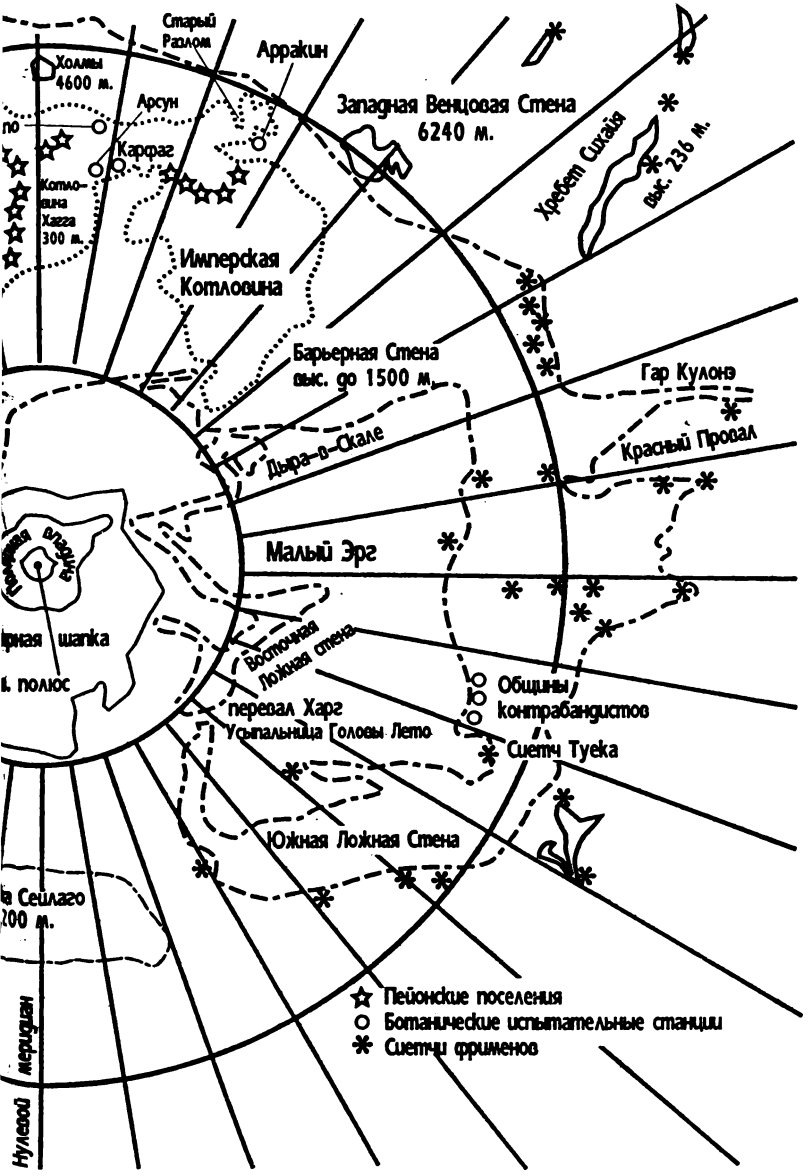
К сему с уважением — Ваш верный переводчик.

Содержание

Книга I. Дюна 5
Книга II. Муад'Диб 275
Книга III. Пророк 485

Приложения 651
I. Экология Дюны 653
II. Религия Дюны 664
III. Доклад о мотивах и целях Бене Гессерит 675
IV. Персоналия 679
Картография Арракиса (Дюны) 682
Термины времен Империи 684
Его звали Пауль (Заметки переводчика) 717


Погребальные
Равнины
ВЕЛИКАЯ
РАВНИНА
Посадки
Пещера
Сокровищ
Сиетч Табр
Выс. до 480 м.
Котловина
Тусно
Излучина
Обрыва
Разбитые
Скалы
гора
Айдахо
7400 м.
Ветро-
вой Пе-
ревал
Линия
Черня
К Южным Пальмовым рощам
(20 манков)
Эрг Хаббанья
Западная
Ломкая Стена
Выс.
1200 м.
Кряж Хаббанья
Птичья
пещера
60° с.ш.


Старый Разлом
Арракин
Холмы 4600 м.
Арсун
Карфаг
Котловина Хагга 300 м.
Западная Венцовая Стена 6240 м.
Хребет Сикайя
выс. 236 м.
Имперская Котловина
Барьерная Стена выс. до 1500 м.
Гар Кулонэ
Дыра-в-Скале
Красный Провал
Малый Эрг
Восточная Ложная стена
перевал Харг
Усыпальница Головы Лето
Общины контрабандистов
Сиетч Туека
Южная Ложная Стена
Пейонские поселения
Ботанические испытательные станции
Сиетчи фрименов
Нулевой меридиан

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 615-43-38, 615-01-01, 615-55-13

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ – **"Книги по почте"**

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Герберт Фрэнк
Дюна

Редактор О. Пуля
Художественный редактор О. Адаскина
Технический редактор О. Панкрашина
Младший редактор А. Рычкова

Подписано в печать 2.04.08.
Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Усл. печ. л. 38,64.
С.: ЗБФ. Доп. тираж 3000 экз. Заказ № 1163.
С.: ЗБФ-2. Доп. тираж 2000 экз. Заказ № 1163.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.07 г.

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

**Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ОАО «Издательство «Самарский Дом печати».
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.**

Фрэнк Герберт (1920-1986) успел написать много, но в истории остался прежде всего как автор эпопеи «Дюна». Возможно, самой прославленной фантастической саги нашего столетия, саги, переведенной на десятки языков и приобретшей по всему миру миллионы поклонников. Самый авторитетный журнал научной фантастики «Локус» попросту признал «Дюну», первый роман эпопеи о «песчаной планете», лучшим научно-фантастическим романом всех времен и народов. В «Дюне» Фрэнку Герберту удалось совершить невозможное — создать своеобразную «хронику далекого будущего». И не было за всю историю мировой фантастики картины грядущего более яркой, более зримой, более мощной и оригинальной.

Цикл «Дюна» был и остается уникальным явлением — самым грандиозным, самым дерзким, самым масштабным творением за всю историю мировой фантастики. Но что обеспечило ему такую громкую славу и такую беспрецедентную популярность?

Прочитайте — и узнайте сами!!!

ISBN 978-5-17-010356-0

9 785170 103560